ЖЮЛЬ
ВЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ ВЕРН

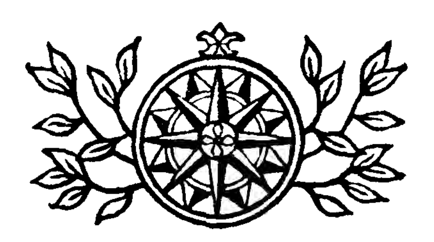
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1954

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ

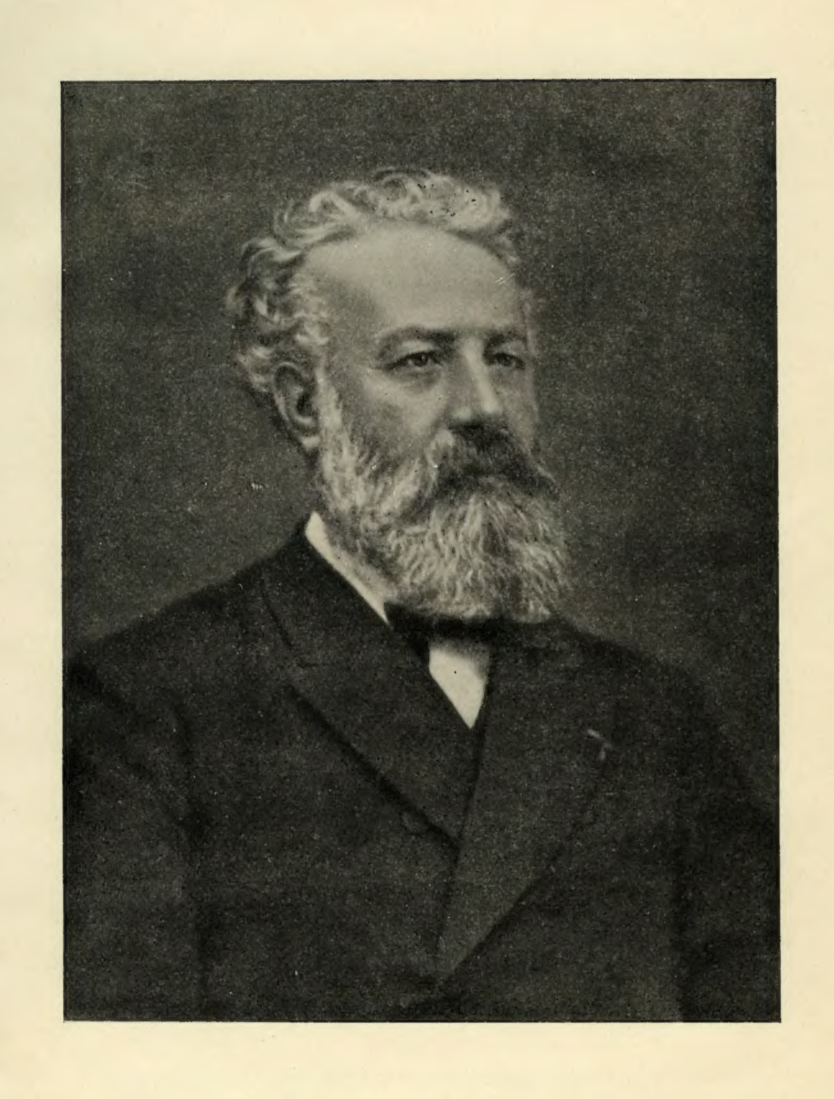
ВОКРУГ ЛУНЫ

*Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1954*

Издание осуществляется под редакцией
Б Н. Агапова, проф. Ю И. Данилина,
акад. Д И. Щербакова

Вступительная статья
К. К. Андреева

Иллюстрации художника
П. И. Луганского



ЖЮЛЬ ВЕРН

Еще при жизни Жюля Верна многие его фантастические проекты стали уходить в прошлое, и действительность стала догонять и перерастать его самые смелые мечты.

И тем не менее книги Жюля Верна продолжали владеть тысячами и десятками тысяч умов и сердец. Больше того, его слава все возрастала.

После смерти писателя прошло полвека... Над обоими полюсами проносятся огромные воздушные корабли, ввысь взлетают сверкающие вертолеты, в темные пучины океана спускаются подводные лодки и батисферы, за пределы воздушной оболочки Земли стремят свой полет гигантские ракеты, но теперь не тысячи, а миллионы читателей все с тем же волнением раскрывают книги Жюля Верна, чтобы следовать по ледяной пустыне к полюсу за капитаном Гаттерасом, лететь вокруг земного шара на «Альбатросе» инженера Робура, бродить по подводным лесам вместе с капитаном Немо и стоять рядом с Мишелем Арданом в гигантском алюминиевом ядре, мчащемся в межпланетное пространство.

Что же привлекает читателей в творчестве французского писателя? Смелый полет фантазии? Но он уже превзойден нашей необычайной действительностью. Научные сведения? Но наука за последние сто лет прошла гигантский путь, раскрыв перед человечеством целые миры, казавшиеся некогда непознаваемыми...

1

Больше ста лет отделяет нас от появления в свет первых произведений Жюля Верна, и тем не менее еще нельзя написать его полную биографию: до сих пор не изданы его письма и дневники и нет еще достаточно серьезного исследования, посвящен-

ного его творчеству. Правда, о знаменитом французском писателе в буржуазном литературоведении существует немало книг, но их авторы делают своего героя обитателем какой-то абстрактной Страны Мечты, лежащей вне времени и пространства, населенной лишь персонажами его романов.

Легенды окружали имя писателя при жизни: в одних он представал неутомимым кругосветным путешественником, «капитаном Верном», другие, напротив, утверждали, что он никогда в жизни не покидал рабочего кабинета и писал лишь с чужих слов. Пораженные разнообразием его тематики, его знаниями, его неисчерпаемой творческой фантазией, иные читатели верили даже в легенду, будто имя «Жюль Верн» — только коллективный псевдоним, будто целое географическое общество пишет эти романы.

Жизнь знаменитого французского писателя внешне не богата событиями. Жюль-Габриель Верн родился 8 февраля 1828 года в старинном бретонском городе Нанте, одном из крупнейших портов Франции, лежащем на берегу Луары, в пятидесяти километрах от ее устья. В те годы целый флот в две с половиной тысячи судов был приписан к нантскому порту. Прямо у набережных, носящих имена адмиралов, мореплавателей и корсаров, разгружались огромные океанские парусники, совершающие рейсы в Вест-Индию и на Гвинейский берег. Матросы, рыбаки, плотники, канатные и парусные мастера составляли население этого города, не меньше связанного с заморскими странами, чем с остальной Францией.

Веснушчатый мальчик, русый и светлоглазый, сын адвоката Пьера Верна и Софи Верн, урожденной Аллотт де ла Фюйе, наследницы древнего рода нантских судовладельцев и кораблестроителей, любил наблюдать жизнь большого порта. Однажды, когда ему было всего лишь одиннадцать лет, он, тайно от родителей, нанялся юнгой на шхуну «Корали», отправляющуюся в Индию, но был возвращен домой через несколько часов. Он мечтал о славе путешественника, открывателя новых земель, завидовал судьбе Робинзона Крузо, своего любимого литературного героя.

Однако по настоянию родителей юноша должен был готовиться к профессии адвоката. После окончания нантского лицея он в 1848 году отправляется в Париж, где сдает экзамены на ученую степень лиценциата прав. Но, вместо того чтобы вернуться в Нант и стать компаньоном своего отца, Жюль Верн остается в Париже.

Здесь будущий писатель ведет в первые годы почти полуголодное, позже — едва обеспеченное существование: сначала он — писец в нотариальной конторе, затем — секретарь маленького театра и, наконец, мелкий служащий парижской биржи. Скромный заработок, приносящий минимальные средства к жизни, все же кое-как позволяет ему следовать к достижению своей мечты: он хочет стать писателем. Этому подчинены все его помыслы, каждая минута, свободная от службы, его связи и знакомства.

В эти годы он пишет чрезвычайно много — стихи, комедии, фарсы, либретто оперетт и печатает в маленьких парижских журналах свои первые рассказы. Он знакомится с Гюго и Дюма-отцом, но его известность как писателя не выходит за пределы узкого круга таких же, как и он, начинающих литераторов.

Молодость Жюля Верна совпала с революционной бурей в его родной стране. То был 1848 год, время, когда во Франции и в ряде других европейских стран рушились королевские троны и провозглашался республиканский строй. Народным массам казалось, что их самые заветные мечты — о свободе, равенстве и братстве, о прекращении на земле голода, нищеты, безработицы и эксплуатации человека человеком — близки к осуществлению.

Все эти исторические события не могли не пробудить в молодом Жюле Верне гордое патриотическое сознание того, что Франция снова, как в революцию XVIII века, возглавляет освободительную борьбу других наций.

Трудно судить в настоящее время, когда архив Жюля Верна еще не опубликован, как откликнулся писатель на июньское восстание 1848 года — на первую в истории великую битву между пролетариатом и буржуазией, прогремевшую на весь мир. Но известно, что ему были дороги идеи равноправия народов всех национальностей и рас и он всегда выражал горячее сочувствие национально-освободительной борьбе, в том числе борьбе зависимых и колониальных народов мира.

В атмосфере передовых идей революции 1848 года, кипевших во Франции до самого декабрьского бонапартистского переворота, складывались демократические и республиканские убеждения Жюля Верна.

Как писатель Жюль Верн далеко не сразу нашел свой собственный путь, который позволил ему с наибольшей полнотой выразить свое мировоззрение и воплотить в ярких художественных образах мечты о лучезарном будущем освобожденного че-

ловечества, которые вдохнул в него 1848 год. Время жесточайшей реакции 50-х годов стало существенным препятствием к развитию его творческой деятельности.

Провозглашенная после декабрьского переворота 1851 года Вторая империя стремилась вытравить из общественного сознания всякую память о минувшей революции. Военные суды, полицейский сыск, обывательские доносы — вся эта машина реакции неустанно вела свою черную работу. Наступило время полного произвола и бесправия, время ожесточенных цензурных преследований литературы, печати.

Несколько рассказов, опубликованных писателем в 50-х годах, были лишь первыми, во многом несовершенными, опытами в области его новых литературных стремлений. Лишь в 1863 году Жюль Верн издал свой первый роман из серии «Необыкновенные путешествия» — «Пять недель на воздушном шаре», сразу принесший ему большой успех. С тех пор он стал писателем-профессионалом и каждый год выпускал в свет один или два новых романа.

Летом 1870 года началась франко-прусская война, приведшая к военному поражению Франции и к падению Второй империи. Жюль Верн был призван на военную службу во флот и участвовал в охране побережья Нормандии и бухты Соммы от набегов прусских рейдеров.

В героические дни Парижской Коммуны Жюль Верн находился в Париже и был свидетелем славной деятельности первого в мире опыта пролетарской диктатуры. Он был очевидцем гибели Коммуны и кровавого исступления контрреволюционной военщины, праздновавшей победу над парижским пролетариатом, неистовств белого версальского террора.

В 1872 году Жюль Верн навсегда покинул Париж, где прожил двадцать четыре года. Он переселился в тихий провинциальный город Амьен. Но и оттуда он не переставал внимательно следить за политической жизнью родной страны и всего мира.

Образ жизни писателя в Амьене был чрезвычайно скромным и размеренным. Он вставал в пять часов утра и, с небольшими перерывами, работал до восьми вечера. Утром он писал, днем читал корректуры, отвечал на письма, которые приходили к нему со всего света, принимал посетителей. Ежедневно, с карандашом в руках, он просматривал газеты, журналы, бюллетени и отчеты многочисленных научных обществ. Он вел огром-

ную картотеку (свыше 25 тысяч карточек), в которой были отражены все последние достижения науки и техники его времени.

Этот строгий распорядок жизни нарушался лишь раз в год, летом, когда писатель на своей крохотной парусной шхуне «Сен-Мишель» выходил в открытое море. Жюль Верн был страстным путешественником. Все прибрежные моря Западной Европы были ему хорошо известны. Много раз он плавал вдоль берегов Скандинавии, Англии, Испании, Италии, побывал в Африке и Северной Америке.

Если бы мы хотели изложить его дальнейшую биографию, достаточно было бы лишь одного слова: работа. Неутомимо, том за томом Жюль Верн выпускал в свет все новые и новые произведения. «У меня потребность работы, — сказал он одному из своих друзей. — Работа — это моя жизненная функция. Когда я не работаю, то не ощущаю в себе никакой жизни».

После первого романа «Пять недель на воздушном шаре» известный в те годы издатель Этцель заключил с Жюлем Верном договор, по которому за двадцать тысяч франков в год Жюль Верн, еще не имевший в то время никакого литературного имени, взял на себя обязательство писать ежегодно по два тома романов «нового типа» (как было сказано в соглашении). Договор этот, заключенный на двадцатилетний срок, пунктуально выполнялся обеими сторонами и дважды перезаключался на новый срок в двадцать лет.

Случайное ранение, сделавшее писателя хромым на всю жизнь, постепенное ослабление зрения приковали Жюля Верна к его уединенному кабинету, расположенному в высокой башне. С путешествиями было покончено, но работа не прервалась ни на один день. Даже ослепнув, Жюль Верн продолжал работать. Он писал при помощи специального транспаранта, а внучки читали ему письма, газеты, книги. И когда 24 марта 1905 года смерть прервала творчество писателя, количество его произведений превысило сто томов.

2

Долгие годы жизни в Париже, до выхода в свет его первой книги, Жюль Верн вынашивал идею романа нового типа, «романа о науке», как он его называл в письмах к отцу. Он не раз советовался о своих планах с Александром Дюма-отцом, который нашел замысел писателя «необъятным». Действительно, мечта была грандиозной: подобно тому как сам Дюма взял

материалом для своих романов почти всю историю Франции, так Жюль Верн намеревался использовать громадный материал науки — в ее прошлом, в ее настоящем и даже в предстоящих ей открытиях. Он хотел соединить воедино науку и искусство, технику и литературу, найти реальность в фантастике, одухотворить новый жанр небывалыми героями! Нет ничего удивительного в том, что такой обширный замысел вынашивался столько лет.

Чтобы его осуществить, Жюль Верн должен был получить, или, вернее, сам себе дать, новое образование. В 50—60-х годах он много работал в читальном зале Национальной библиотеки, посещал музеи и выставки, встречался с учеными, изобретателями, инженерами, путешественниками. Он стал одним из самых образованных людей своего времени. Перечитывая ранние рассказы Жюля Верна, мы видим, что он искал свой стиль, свою манеру, свой путь в литературе очень долго, что новый жанр рождался в мучительном труде.

В записях, в картотеке, в своей памяти Жюль Верн накапливал огромный запас сведений, фактов, полусформировавшихся образов. Уже в рассказе «Путешествие на воздушном шаре» (1851) виден зародыш многих его произведений, посвященных воздухоплаванию, а рассказ «Зимовка во льдах» (1855) заключает в себе основу будущего романа о капитане Гаттерасе. Нет сомнений, что в этот период он вынашивал замысел всей серии «Необыкновенных путешествий».

За восемь лет (1863—1870) Жюль Верн выпустил в свет семь больших романов, не считая нескольких томов научно-популярных сочинений. За первым романом «Пять недель на воздушном шаре» последовали «Путешествие к центру Земли» (1864), «Путешествие капитана Гаттераса» (1866), два романа, посвященные путешествию на Луну: «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1870), по существу представляющие собой две части единого целого. В эти же годы были написаны «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» — первая и вторая части знаменитой трилогии.

Освободить человечество от всех его цепей при помощи науки и технического прогресса — такова была иллюзорная мечта Жюля Верна. Писатель в специфической форме научной фантастики стремился служить передовым целям своего времени, освободительным идеям, счастью человечества. Тем самым он откликался на острейшие вопросы французской современности,

хотя действие многих его романов протекало за пределами его родной страны.

Время, на которое падает творчество Жюля Верна, было эпохой быстрого развития промышленности, расцвета техники. Если в 1838 году первый пароход пересек Атлантику и все же частично пользовался парусами, то уже в 60-е годы железные паровые суда установили регулярные рейсы, соединяющие Францию со всем светом, и огромный «Грейт-Истерн», водоизмещением в девятнадцать тысяч тонн, проложил первый телеграфный кабель между Европой и Америкой.

Жюль Верн в 1848 году приехал в Париж, еще проделав часть пути на почтовых лошадях, а через пятнадцать лет в Лондоне появился первый метрополитен, и сквозь горный проход Мон-Сенисс была начата прокладка туннеля, соединяющего Францию с Италией.

Открытое в 1831 году Фарадеем явление электрической индукции стало для электротехники началом новой эры. Все глубже опускались еще неуклюжие подводные лодки и все выше поднимались аэростаты, движением которых пытались управлять их изобретатели.

В 1881 году «русский свет» инженера Яблочкова залил всю территорию Парижской Международной электрической выставки. Это было целое море света — почти полмиллиона электрических свечей, больше чем во всем остальном Париже, с его восковыми, сальными и стеариновыми свечами, керосиновыми лампами и газовыми фонарями.

И, наконец, сами машины — грандиозные паровые молоты, гидравлические прессы, токарные станки — стали производиться при помощи машин.

Все это создало питательную почву для бурного развития науки. То был период побед не только частных теорий, но и могучего синтеза, начавшего объединять воедино разрозненные прежде науки. Майер, Джоуль, Гельмгольц завершили доказательство всемирного закона сохранения энергии, впервые открытого Ломоносовым. Бертло окончательно изгнал из химии понятие «жизненной силы». Менделеев обосновал единство всех химических элементов. Дарвин воздвиг гигантское здание теории эволюции.

Наука вооружала человечество возможностью видеть будущее. Леверье, сидя за столом и вычисляя, «на кончике пера» открыл новую планету Нептун, невидимую простым глазом. Мен-

делеев с поразительной точностью описал свойства еще не найденных элементов. Гамильтон чисто математическим путем обнаружил существование конической рефракции. Максвелл, на языке дифференциальных уравнений, предсказал существование и свойства электромагнитных волн, открытых лишь после его смерти... И Жюлю Верну казалось, что весь облик грядущих дней можно увидеть сквозь волшебную призму науки.

В своих первых четырех романах писатель поставил в центре повествования четыре проблемы, стоявшие перед наукой его времени: управляемое воздухоплавание, завоевание полюса, загадки подземного мира, полет за пределы земного тяготения. Вопросы эти волновали весь ученый мир, но введение их в сферу художественной литературы было смелым новаторством.

В те годы, когда в дебрях Центральной Африки, испытывая величайшие лишения, бродил доктор Ливингстон, Жюль Верн в своем первом романе рассказал о том, как был построен огромный воздушный шар, который пересек Африку, и какие тайны были разгаданы смелыми исследователями. Все это было насыщено огромным фактическим материалом — по истории исследований, географии, этнографии, зоологии и ботанике африканского материка. И в этом проявлялось стремление к реализму, отличавшее произведения Жюля Верна от того, что было сделано его предшественниками в жанре фантастического романа.

В романе «Приключения капитана Гаттераса» Жюль Верн повел своих героев в Арктику, на завоевание тогда еще недоступного Северного полюса. И снова, при фантастической посылке, — ведь об экспедиции к полюсу в те годы можно было только мечтать, — роман насыщен правдивыми подробностями быта арктических экспедиций и описаниями природы дальнего Севера, заимствованными писателем из дневников полярных путешественников. Это было сделано настолько ярко и убедительно, что заставляло многих читателей верить в реальность этого необыкновенного путешествия.

Два романа «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» основаны на огромном научном материале из области баллистики, химии, металлургии, астрономии.

В годы Второй империи Жюль Верн дружил с писателем Феликсом Турнашоном, более известным под псевдонимом Надара. Романист, рисовальщик, карикатурист, фотограф-художник, Надар был страстно увлечен воздухоплаванием. Он собрал

средства для постройки воздушного шара «Гигант» и совершил на нем 4 октября 1864 года пробный полет. Надар послужил для Жюля Верна прототипом Мишеля Ардана из романа «С Земли на Луну».

Этот близкий друг Жюля Верна был единомышленником и некоторое время секретарем известного сен-симониста Шарля Лессепса, строителя Суэцкого канала. Лессепс искренне верил в то, что развитие науки и техники, усиливая власть человека над природой, способно будет само по себе создать изобилие благ, смягчить общественные противоречия и привести человечество к золотому веку всеобщего довольства и счастья.

Эти мечты разделял и Жюль Верн. Являясь последователем утопического социализма, он полагал, что путь к прогрессу прокладывают открытия науки и достижения техники и что именно они в конце концов приведут человечество в обетованную страну будущего, где не будет угнетения человека человеком. Изображая в своих романах смелые дерзания человеческой мысли, все более утверждающие власть человека над природой, он в них видел залог светлого будущего. Он был далек от научного понимания законов общественного развития, но его благородный оптимизм и непоколебимая вера в торжество разума составляют основу его мировоззрения.

Мечта о грядущем освобождении человечества связывалась у Жюля Верна с образом ученого, изобретателя или инженера, человека-творца, покоряющего природу. Такого строителя будущего Жюль Верн и стремился изобразить уже в своих первых произведениях.

Доктор Фергюссон, герой романа «Пять недель на воздушном шаре», был, по словам самого Жюля Верна, «тип настоящего путешественника». Он — не купец, не завоеватель или колонизатор, он — путешественник-ученый, воплотивший некоторые черты человека завтрашнего дня, человека, о котором мечтал Жюль Верн.

Доктора Фергюссона читатели полюбили за смелую мечту, за бескорыстную преданность науке.

Капитан Гаттерас посвятил все свои помыслы, самую жизнь лишь одной мечте — достижению полюса. Он — один из тех бескорыстных героев, что проложили человечеству дорогу в далекие неисследованные страны. В нем нашли воплощение некоторые черты сурового исследователя Арктики капитана Франклина, который погиб вместе со всей экспедицией, кстати сказать, потому,

что в консервных банках, доставленных по заказу английского адмиралтейства, вместо продуктов оказались тухлое мясо, опилки и песок.

Доктор Клаубонни, спутник Гаттераса, полный веры в науку и бесконечное могущество человека, профессор Лиденброк, без страха отправляющийся к центру Земли, чтобы проверить свои научные теории, Барбикен, Николь, Мастон, герои романа «С Земли на Луну», в прошлом участники войны за освобождение негров, с энтузиазмом превращающие смертоносную артиллерию в орудие науки, и, наконец, не знающий страха Мишель Ардан — вся эта галерея героев определила успех первых романов Жюля Верна.

3

Во второй половине 60-х годов во Франции повеяло новым ветром. Сильный рост общественной оппозиции, активизация борьбы рабочего класса, развитие революционного движения создавали опору для писателя-демократа, получившего тем самым возможность смело высказывать освободительные идеи, унаследованные им от февральской революции 1848 года.

Теперь Жюль Верн уже не скромный служащий биржи, лишь на досуге занимающийся литературой. Теперь он — знаменитый писатель. Необыкновенно расширяется круг его знакомств.

В конце 60-х годов Жюль Верн знакомится и сближается со многими участниками революционного движения, которые несколько позже стали руководителями и деятелями Парижской Коммуны. В числе его ближайших друзей были знаменитый географ и будущий делегат Коммуны Элизе Реклю, Луиза Мишель, «Красная Дева» Коммуны, Паскаль Груссе, страстный революционер, ведавший в правительстве Парижской Коммуны внешними сношениями.

Именно в эти годы у Жюля Верна сложился план знаменитой трилогии — вершины его творчества. Первые две части — «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» — вышли в свет в 1866 и 1870 годах; третья — «Таинственный остров» — в 1875 году.

Герои его первых романов не были связаны ни с кем, кроме маленькой группы единомышленников или друзей. Они предпринимали свои необыкновенные путешествия на собственный страх и риск, были одиночками.

Герои трилогии отличаются существенно новыми чертами. Если это путешественники — они уже остро протестуют против различных форм встречающегося им национального и колониального гнета. В своих скитаниях они видят множество примеров одаренности и трудолюбия простого человека любой нации, с любым цветом кожи, и выражают сочувствие его борьбе за свободу. Если это изобретатели или люди науки, то их творческая деятельность направлена уже не на достижение счастья человечества в отдаленном будущем, а непосредственно служит насущным задачам трудового человеческого коллектива или делу освобождения угнетенных, борьбе против ненавистного Жюлю Верну колониального гнета, делу свободы.

Свобода! Как часто встречается это слово на страницах книг французского писателя. «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю», — сказал однажды Жюль Верн своему племяннику.

Не удивительно, что в последующих книгах Жюля Верна, написанных уже после падения Второй империи, мы встретимся с изображением венгерской революции 1848 года, тайпинского движения в Китае, восстания индийского народа против английского владычества, с мятежом Джона Брауна и войной Севера против Юга в Америке за освобождение негров. Жюль Верн рассказал о колониальном рабстве в Африке и Австралии, о захватнических войнах Англии против народа Новой Зеландии, о восстании греков против турецкого ига, о русских революционерах. Такова тематика «Необыкновенных путешествий» Жюля Верна.

Последующие произведения писателя открывались романом «Дети капитана Гранта».

Шотландец Гленарван находит в океане бутылку, брошенную потерпевшим кораблекрушение капитаном Грантом. Гленарван снаряжает экспедицию на поиски несчастного моряка. Экспедиция странствует по трем океанам, испытывая всевозможные приключения. Описание этих путешествий и посещаемых стран, их флоры, фауны, их населения включало в себя массу сведений по истории географической науки.

Но это не только приключенческий, не только географический роман.

Гленарван и его спутники отправляются отыскивать не простого потерпевшего крушение моряка, а моряка, о котором не хочет ничего знать английское адмиралтейство. Кто же такой Грант? Это мятежный шотландец, не признающий английского

владычества над своей родиной. Подобно своему соотечественнику, социалисту-утописту Роберту Оуэну, капитан Грант отправился за море, чтобы основать свободную шотландскую колонию на островах Тихого океана. Гленарван и его спутники разделяют презрение и ненависть Гранта к угнетателям, им дороги его национально-освободительные мечты. В этом именно смысле все они — дети капитана Гранта.

В романе ясно звучат мотивы обличения английской колониальной системы:

«Как видим, англичане, овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индийцев, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. Понятно, что австралийское туземное население в результате таких жестоких мер, а также вследствие пьянства, насаждаемого колонизаторами, постепенно вырождается и вскоре под давлением смертоносной цивилизации совершенно исчезнет...»

Второй роман трилогии «Двадцать тысяч лье под водой» вышел в свет в 1870 году — последнем году наполеоновской империи.

Французский профессор-океанолог Аронакс, автор нашумевшей в научном мире книги «Тайны подводных глубин», вместе с двумя спутниками, канадцем-китобоем Недом Лендом и слугой Конселем, случайно попадает на фантастический подводный корабль «Наутилус», совершающий кругосветное путешествие. Создатель и капитан корабля, построивший его втайне от всех и назвавший себя латинским именем «Немо» — «никто», предлагает своим пленникам стать его спутниками. И профессор Аронакс воочию видит все тайны моря, лишь тысячную долю которых он дотоле знал и мог описать. Путешественники блуждают по подводным лесам, охотятся на акул и осьминогов, видят развалины Атлантиды и погребенные на дне океана сокровища затонувших кораблей.

Для техники того времени «Наутилус» был настоящим чудом. В годы, когда еще не существовало мощных источников электрического тока, не было электрического освещения, кроме дуговых фонарей, еще не был построен первый электромотор, — «Наутилус» двигался при помощи нового источника энергии, освещался и отеплялся электричеством. Электричество помогало готовить пищу экипажу подводного корабля, защищало его от

нападения и даже позволяло охотиться в подводных лесах с электрическим ружьем в руках.

Подводные лодки, хотя и несовершенные, бесконечно уступающие кораблю капитана Немо, существовали уже давно. Корабль по имени «Наутилус», могущий спускаться на морское дно, плавал в открытом море за четверть века до рождения писателя. Еще в 1777 году английский военный фрегат «Орел» был атакован американской подводной лодкой «Черепаха». В гражданской войне между Северными и Южными штатами полуподводный корабль «Ханли» торпедировал двенадцатипушечный шлюп «Хаузатоник» с командой в триста человек. Но все эти даже незрелые создания техники применялись исключительно в военных целях: буржуазное общество не нашло для них другого приложения.

Со времени опубликования романа «Двадцать тысяч лье под водой» прошло уже восемьдесят пять лет, техника неимоверно шагнула вперед, и подводное плавание из первых попыток и романтической мечты превратилось в обыденность. Почему же именно подводное судно Жюля Верна, единственный из всех «Наутилусов», построенных до и после него, не стареет до сих пор? Почему роман французского писателя все еще не потерял своего обаяния, почему он привлекает сердца молодежи и в наши дни?

Роман этот, как и все лучшие произведения Жюля Верна, жив своими героями и в первую очередь образом создателя чудесного «Наутилуса» капитана Немо.

Немо — не просто командир корабля. Он не только гениальный изобретатель и инженер, не только географ и натуралист. Он — пламенный защитник свободы, враг рабства и колониального угнетения.

«— Вы любите море, капитан? — спрашивает его профессор Аронакс.

— О да, я люблю его, — отвечает Немо. — Море не принадлежит деспотам. На его поверхности они еще могут сражаться, истреблять друг друга, повторять весь ужас жизни на суше. Но в тридцати футах под водой их власть кончается. Ах, профессор, живите в глубине морей! Только здесь полная независимость, только здесь человек поистине свободен, только здесь его никто не может угнетать!»

В этом романе подводный корабль из орудия смерти и истребления превратился под пером писателя-гуманиста в нечто

вроде пловучей лаборатории. Жюль Верн хотел, чтобы наука открыла человечеству новый, подводный мир, более обширный, чем все материки вместе взятые.

Пафос применения любой, даже самой разрушительной техники для мирных целей был для творчества Жюля Верна не нов: он одухотворил романы, посвященные полету на Луну. В книге «Двадцать тысяч лье под водой» этот пафос прозвучал с особой силой.

Империя Наполеона III, которую Жюль Верн ненавидел, стояла перед глазами писателя все годы его парижской жизни. Он не мог уйти от этой действительности ни в облака, ни в полярные страны, ни в подземный мир, ни в межпланетное пространство, ни в глубину океана. Не мог, да и не пытался: со страниц его романа о капитане Немо звучал простой и ясный голос его героя, зовущий к защите свободы:

«До последнего вздоха я буду на стороне всех угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет мне братом!»

Сокровища, разбросанные по дну океана, капитан Немо собирал не для себя:

«— Кто вам сказал, что я не делаю с их помощью добрых дел? Я знаю, что на земле существует неисходное горе, угнетенные народы, несчастья, требующие помощи, и жертвы, взывающие о мести! Разве вы не понимаете, что...

Тут капитан Немо умолк... Но я уже и так все понял. Каковы бы ни были причины, заставившие его искать независимость под водой, он прежде всего оставался человеком. Его сердце обливалось кровью от страданий человечества, и он щедрой рукой оказывал помощь угнетенным народам».

Судьба всех порабощенных, но борющихся народов была близка окутанному тайной капитану Немо, и лица борцов за свободу всегда смотрели на него со стен его кабинета. «Это были портреты исторических деятелей, посвятивших свою жизнь какой-либо великой идее. То были портреты борца за свободу Польши Костюшко, Боцариса — Леонида современной Греции, О'Коннеля — борца за независимость Ирландии, Георга Вашингтона — основателя Северо-американского союза, Линкольна, павшего от пули фанатика-рабовладельца, и, наконец, мученика за дело освобождения негров от рабства Джона Брауна, вздернутого на виселицу...»

Среди этих имен нет ни одного француза. Но разве мог Жюль Верн прямо говорить о борьбе за свободу Франции в ее

самые черные дни? Ведь он хорошо знал, что ждало в наполеоновской империи человека, осмелившегося воскликнуть: «Да здравствует Республика!»

Однако и эти запретные слова прозвучали со страниц романа. Далеко не случайно в роман вставлена история корабля «Марселец», погибшего в 1794 году в неравном бою с английской эскадрой. Это никак не связано с приключениями профессора Аронакса, но в названии корабля современники читали запретное слово «Марсельеза», а голос капитана Немо, восхищавшегося подвигом моряков первой французской республики, звучал в этой главе на всю Францию.

Профессор Аронакс, герой романа, знал и другое имя погибшего корабля — имя, которое ему дала Республика.

«— Мститель! — закричал я.

— Да, господин профессор, «Мститель»! Прекрасное имя! — прошептал капитан Немо, скрестив руки...»

Идеи утопического социализма находят наиболее яркое выражение в трилогии Жюля Верна, особенно в ее последней части.

Мы уже указывали, что сильное впечатление на Жюля Верна произвели идеи Сен-Симона. Вероятно, от него писатель заимствовал великую веру в науку, способную, как ему казалось, изменить весь политический строй общества.

Фурье раскрыл перед писателем величие творческого труда, освобожденного от принуждения и эксплуатации и воедино слитого с творческой мыслью. Роберт Оуэн, отправившийся за океан, чтобы основать там коммунистическую колонию, был для Жюля Верна таким же дорогим именем, как Этьен Кабе, автор социального романа-утопии «Путешествие в Икарию». В книге Кабе писатель увидел светлый облик будущего коммунистического общества, не знающего политического и экономического угнетения. Но утопист Кабе не видел сил, способных создать это общество, и уповал лишь на доброе согласие всех.

Франко-прусская война и Парижская Коммуна были теми событиями, которые всколыхнули Жюля Верна и заставили его пересмотреть свое мировоззрение. Война развеяла его пацифистские иллюзии об интернационале ученых, без помех и борьбы создающих светлый, справедливый мир. В дни Коммуны он увидел гигантские силы, таящиеся в народе, в пролетариате — главной движущей силе и гегемоне революции. При подавлении Коммуны версальцами он увидел звериное лицо буржуазии, яростно расправившейся с пролетариатом.

Последняя часть трилогии «Таинственный остров» вышла в свет уже после падения Второй империи.

В ней рассказана история нескольких человек, занесенных на воздушном шаре на необитаемый остров, затерянный в бескрайних просторах южной части Тихого океана. Новая Робинзонада? Нет, Робинзон Крузо, выброшенный бурей на остров Отчаяния, имел в своем распоряжении целый корабль — с набором инструментов, запасом продовольствия и снаряжения. Герои Жюля Верна во время полета выбросили в море, как балласт, все, вплоть до карманных ножей и спичек. Робинзону, окруженному изобилием тропической природы, достаточно было протянуть руку за ее дарами, поселенцам Таинственного острова приходилось упорным трудом самим создавать свое благополучие. Но Робинзон был одинок, герои Жюля Верна — сплоченная группа людей, коллектив.

Потерпевшие крушение, попав на остров, не приходят в уныние. Они принимаются за работу и неустанным трудом создают свое благополучие. Роман Жюля Верна — это подлинный гимн вдохновенному труду.

Труд!.. Какой редкой была эта тема для писателей XIX века. И если мы встречаем в тогдашней литературе лабораторию, фабрику, мастерскую, то только лишь как вариант одного из кругов дантова ада: как место страданий и отчаяния тружеников и как место свирепой капиталистической эксплуатации. Романтика труда, красота труда, пафос труда — такие словосочетания были для буржуазной действительности невозможны. И не случайно Жюль Верн перенес своих героев на необитаемый остров, тем самым поставив их вне условий буржуазного общества.

Остров Линкольна, как называют его колонисты, действительно таинственный, необыкновенный остров. Он как бы специально приспособлен для романов о потерпевших кораблекрушение... и словно специально создан для критиков, избравших своей профессией «обличение» научных ошибок Жюля Верна.

В самом деле, на островах Тихого океана не живут — да и не могли бы жить человекообразные обезьяны — оранги, однокопытные онагры, кенгуру. Невероятно присутствие на острове и таких животных, как ягуар, дикий баран, пекари, агути, водосвинка, шакаловая лисица.

На далеких от материка вулканических островах нет и не может быть тетеревов, глухарей, якамары, куруку. Не могли ра-

сти в этои климатической зоне бамбуки, эвкалипты, саговая пальма.

Неправдоподобно богат минеральный мир острова. Совсем на поверхности колонисты находят гончарную глину, известь, колчедан, серу, селитру.

«Его животные и растения — пестрая смесь животных и растений чуть ли не всего мира», — резюмирует критика.

Но как могло случиться, что Жюль Верн, столь осведомленный в научной литературе своего времени, всегда столь щепетильный относительно деталей своих произведений, мог допустить такие грубые промахи?

Да, Жюль Верн знал о всех неточностях своего романа! И не только знал, но сознательно их вводил. Таинственный остров — это символ всего мира, аллегория нашего земного шара, отданного во владение человечеству!

«Таинственный остров» — это роман об идеальном человеческом обществе, поставленном лицом к лицу с природой.

Люди разных профессий, разного социального положения, разных наций действуют в романе Жюля Верна. Но это не представители паразитических, эксплуататорских классов. Нег, все они — люди труда. Поэтому между ними не возникает ни малейшего антагонизма, даже споры их носят чисто производственный или научный характер. Сила их — в сплоченности, в могучем творческом горении, в безграничной вере во всемогущество науки.

Герой книги инженер Сайрес Смит — пытливый исследователь, великий труженик и энциклопедически образованный человек. Ведь недаром само имя его «Смит» значит «кузнец». А вся история победы колонистов над природой — прообраз борьбы освобожденного человечества за великое овладение всей вселенной.

Бывший преступник, каторжник и пират, Айртон попадает на остров. Что превращает его в помощника, друга и брата колонисгов? Гуманность и труд — вот ответ Жюля Верна тем, кто утверждает извечную порочность человеческой натуры.

Невидимым покровителем острова оказался капитан Немо, постаревший, но не утративший силы своего неукротимого духа, нашедший себе убежище в пещере Таинственного острова. Перед смертью он раскрывает колонистам свою тайну.

Настоящее имя капитана Немо — Даккар. Индиец по рождению, получивший блестящее образование, он руководил восстанием своего народа против иноземного владычества. Неудача

не сломила его мятежного духа: покинув землю, он с горстью товарищей поселился в глубинах моря. Сокровища океана послужили ему фондом для оказания помощи народам, борющимся за свою свободу.

В «Таинственном острове» Жюль Верн выразил многие свои заветные социальные стремления.

В пору процветания капиталистического строя со свойственным ему политическим, религиозным и экономическим гнетом, резким разделением умственного и физического труда, социальным неравенством, расистскими теориями, милитаризмом, Жюль Верн захотел показать, что возможно существование человеческого коллектива, всем обязанного дружному товарищескому труду и не знающего капиталистического варварства. В 1875 году, в пору мрачной версальской реакции, Жюль Верн заявил о своей вере в созидательную мощь и творческие победы коллектива тружеников.

Правда, Жюль Верн остается утопистом, следующим примеру Оуэна и Кабе. В романе отразились мечты утопического социализма. И великая вера сен-симонистов в науку, способную открыть человечеству путь к счастью. И мысль Фурье о радости человеческого труда, освобожденного от принуждения и эксплуатации. И мечта Кабе о будущем коммунистическом обществе.

В трилогии Жюль Верн достиг наивысшего художественного мастерства, создал яркие образы положительных героев. В ней наиболее полно выразились прогрессивные черты мировоззрения писателя, его социальный оптимизм.

Талант Жюля Верна привлекал к его замечательным книгам не только юношество, но и взрослых читателей. А эти читатели, особенно если они были близки к революционному движению, или живо интересовались социально-политическими проблемами, или вообще принадлежали к лагерю демократии и прогресса, отлично понимали, например, существо стремлений капитана Гранта, хотя Жюль Верн подчас ограничивается только беглыми упоминаниями, только намеками. В глазах этих читателей социальные мечты Жюля Верна были свидетельством передовых позиций писателя, его враждебности к корыстному и жестокому буржуазному строю. Эти читатели понимали, что Жюль Верн рвался своей мечтой из капиталистической тюрьмы к будущему счастью освобожденного от всех цепей человечества.

Один из биографов писателя, Шарль Лемир, рассказывает, что в 1875 году, в одной из жалких хижин поселенцев Новой

Каледонии, он обнаружил на стене портрет Жюля Верна, повидимому вырезанный из какого-то журнала. Лемир не говорит, что это за хижина, но мы знаем, что это поселок сосланных коммунаров. И ясно становится, что Жюль Верн был дорог героям Коммуны, что они любили его, как близкого по духу человека, и не забывали о нем в горчайшие годы каторги и ссылки.

4

Вскоре после «Таинственного острова» Жюль Верн понял несбыточность своих утопических упований на возможность мирного разрешения социальной проблемы.

Освобождение от этой одной из самых цепких иллюзий утопического социализма было шагом вперед для писателя, хотя во многих других отношениях он продолжал оставаться утопистом, так и не сумевшим стать на позиции научного социализма. Однако с этого времени Жюль Верн особенно отчетливо увидел борьбу двух противоположных общественных лагерей, происходящую во всем мире, а в грядущем предвидел непрерывное обострение их борьбы.

70-е годы — мрачнейший период в истории Франции. Провозглашенная после падения империи Третья республика была «республикой без республиканцев»; слово «республиканец» в ней стало почти бранным. Буржуазная реакция при поддержке католической церкви свирепствовала вовсю, монархические партии открыто рекламировали своих претендентов на французский престол, а президент Республики, маршал Мак-Магон, подготовлял монархический переворот...

Реакция 70-х годов породила бесконечный мутный поток «версальской литературы», с исступленной злобой извращавшей светлые цели Парижской Коммуны. Реакция накрепко утвердилась в исторической науке, где Ипполит Тэн и его ученики на все лады старались дискредитировать благородные революционные традиции французского народа, создавали представление о революционере, как о вырвавшейся на свободу горилле. В художественной литературе развивался натурализм, стремившийся извратить гуманистические заветы реализма, подчеркивавший в людях преобладание низменно-физиологического начала. Отсюда следовал «вывод», что все духовные, в частности социальные, а тем более революционные стремления человека якобы совершенно чужды его природе.

Для Жюля Верна эти годы были периодом освобождения еще от одной иллюзии. С 1843 года он привык верить в то, что существует некая единая *наука* с большой буквы, как и единая *культура*, служащие всему человечеству. Теперь писатель теряет веру в то, что наука является универсальным ключом, открывающим человечеству дверь в будущее. Он начинает искать прогрессивные силы в национальных и общественных движениях своего времени. Вот почему среди многочисленных романов, написанных Жюлем Верном после отъезда в Амьен, почти нет романов научно-фантастических. Романы географические сохраняют свое место, но к ним теперь присоединяются в значительном числе произведения на социальные и историко-социальные темы. При этом элементы социальной сатиры становятся порою весьма заметной стороной произведений Жюля Верна.

В 1878 году он издает роман «Пятнадцатилетний капитан», содержащий страстный протест против рабства и работорговли, направленный в защиту жителей Черной Африки. Вспоминая о декрете от 27 апреля 1848 года, которым Вторая французская республика, по воле демократической общественности, отменила рабство во французских колониях, — пример, которому другие государства не последовали, — Жюль Верн с горечью писал в этом романе:

«Еще в середине XIX века некоторые государства, именовавшие себя цивилизованными, отказывались поставить свою подпись под актом о воспрещении торговли людьми...

Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав в Африке. Однако это неоспоримый факт. В то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко развернулся торг людьми. Здесь идут один за другим караваны захваченных невольников и в заранее известные сроки происходят кровавые погромы, во время которых из каждого десятка негров девять убивают, чтобы десятого обратить в рабство.

Так обстоят дела в Африке и по сей день...»

О колониальном рабстве в Южной Америке, об охоте за людьми писатель рассказал в книге «Жангада» (1881). Теме восстания греческого народа в 20-х годах XIX века против турецкого гнета посвящен исторический роман «Архипелаг в огне» (1884). О восстании французских поселенцев в Канаде в 1837 году

против английского владычества говорится в романе «Безымянное семейство» (1889).

Амнистия коммунаров в 1880 году явилась крупной победой сил французской демократии. В обстановке общественного подъема, активизации рабочего движения Жюль Верн создает в 1885 году большой роман «Матиас Сандорф».

Герой романа, участник венгерской революции 1848 года, революционер Матиас Сандорф — организатор заговора против австрийских поработителей Венгрии. В романе рассказывается о мести предателям, выдавшим заговорщиков правительству. Эта книга как будто повторяет схему романа Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» — это признавал сам Жюль Верн в посвящении романа, адресованном писателю Дюма-сыну. Но Жюль Верн заменил в нем тему личной мести врагам героя темой социальной мести врагам революции.

Подобно тому как писатель расставался с представлением о единой *науке,* так эволюционировал и расщеплялся в его сознании образ изобретателя-энтузиаста. Два образа изобретателя видим мы теперь у Жюля Верна: с одной стороны, это творец, связанный с передовыми стремлениями своего времени и сознательно желающий служить целям человеческого и общественного прогресса, с другой стороны, это изобретатель-мракобес, служащий антиобщественным и антигуманистическим целям лагеря реакции.

Такие образы мы встречаем в научно-фантастическом и в то же время социальном романе Жюля Верна «Пятьсот миллионов бегумы» (1879).

В этом романе, отчасти навеянном воспоминаниями о франко-прусской войне, писатель пытался создать картину будущего, когда развернутся еще более жестокие схватки двух лагерей.

Героями своего нового романа Жюль Верн сделал мечтателя-ученого доктора Саразена и его непримиримого противника — капиталиста-ученого профессора Шульце.

Вдали от Европы, в Соединенных Штатах, где когда-то пытались создать социалистические колонии утописты-икарийцы, последователи Кабе, на берегу Тихого океана француз доктор Саразен, наследник миллионов индийской княгини, строит идеальный город Франсевилль. «Мы сделаем гражданами нашего города честных людей, которых душат нужда и безработица... — говорит он. — У нас же найдут убежище и те, кого чужестранцы-победители обрекли на жестокое изгнание. У нас изгнанники,

добровольные и невольные, найдут применение своим способностям, своим знаниям, они внесут в наше дело духовный вклад более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами высокой моральной, умственной и физической культуры, и это обеспечит нам в будущем здоровое, сильное и цветущее поколение».

Идеальный город Жюля Верна — воплощение самых гуманных идей Сен-Симона, Фурье, Кабе о городах будущего. А в словах об «изгнанниках добровольных и невольных» легко угадать затаенную мысль писателя о судьбе эмигрантов Парижской Коммуны, бедствовавших на чужбине, пока французский пролетариат не вырвал у правительства Третьей республики амнистию для коммунаров.

Утописту-мечтателю доктору Саразену в романе противопоставлен профессор Шульце, немец по рождению, натурализовавшийся в Соединенных Штатах. Он олицетворяет в своем лице варварские силы капитализма. Урвав половину наследства Саразена, профессор Шульце неподалеку от Франсевилля строит уже по рецепту прусской военщины другой «идеальный город» — Штальштадт — чудовищный военный завод с тюремной дисциплиной, где все поставлено на службу целям разрушения, целям уничтожения «низших рас». С какой ненавистью говорит Шульце о строителях Франсевилля, с какой жестокой радостью мечтает о массовых убийствах ни в чем не повинных мирных жителей, женщин и детей! В своих арсеналах он накапливает невиданные снаряды — своего рода атомные бомбы XIX века, «способные охватить пожаром и смертью целый город, объять его со всех сторон бушующим неугасимым огнем». И в самом сердце своего «Стального города», на вершине циклопической Башни Быка, словно символ «творческих сил» капитализма, он ставит чудовищную пушку, направленную на Франсевилль. Один ее выстрел должен наполнить город огнем и смертью и превратить в трупы сто тысяч человек.

Но центральная фигура романа все же не Саразен и не Шульце. Ведущий образ книги — молодой француз, инженер Марсель Брукман, олицетворяющий мечту Жюля Верна о поколении завтрашнего дня. Смело, бесстрашно проникает Марсель в самое логово врага, чтобы выведать страшные тайны Стального города. Но он думает не о том, чтобы уничтожить город капитализма, а мечтает овладеть им, сочетать мирные стремления жителей

Франсевилля с промышленным могуществом Стального города, изготовлять на его заводах не пушки и другие орудия истребления, но сельскохозяйственные машины, промышленное оборудование и предметы широкого потребления.

Конец 80-х годов кладет новый рубеж в творчестве Жюля Верна. Надвигавшаяся эпоха империализма еще резче обнажила античеловеческую сущность капиталистического мира.

Ушла в прошлое та, казавшаяся Жюлю Верну романтической и героической, география юности и зрелых лет писателя, когда в неисследованных дебрях Черного материка смелые путешественники искали истоки Нила, доктор Ливингстон открывал целые страны, неизвестные Европе, когда Миклухо-Маклай совершал экспедиции в каменный век, к людоедам Новой Гвинеи. Из романтической науки, какой представлялась Жюлю Верну география, она превратилась в часть мировой политики. В 1885 году англичанин Стенли, когда-то нашедший Ливингстона, а ныне ставший сэром Генри Мортон Стенли, основал «Интернациональное африканское общество» для эксплуатации туземцев Центральной Африки. В том же году Италия завладела абиссинским городом Массауа, а Германия, Великобритания и Голландия, несмотря на протест Миклухо-Маклая, написанный от имени туземцев, произвели раздел Новой Гвинеи...

Мечты Жюля Верна о неограниченном развитии науки, о фантастической технике завтрашнего дня воплощались в жизнь совсем не так, как о том когда-то думал писатель. Подводные лодки, наследники «Наутилуса», уже строились во всех странах, но не для исследований тайн моря или поисков погибших сокровищ, похороненных в пучине океана, а для страшных безмолвных подводных битв. Скоро, наверное, и воздух станет местом сражений, думал писатель, а огненные снаряды, пущенные каким-нибудь новым Шульце, полетят в незащищенные города...

И все же Жюль Верн не утратил веры в тот лучезарный мир будущего, который когда-то казался ему таким близким. Но этот мир ушел для него в далекое грядущее, заслоненный сумрачными образами империализма.

Налет пессимизма уже имеется в романе «Робур-Завоеватель» (1886), последнем большом научно-фантастическом романе Жюля Верна.

Сюжетная схема этого произведения напоминает «Двадцать тысяч лье под водой». Как и там, трое пленных пассажиров

насильственно вовлечены в кругосветное путешествие, только не в подводное, а надземное.

«Альбатрос» — чудесный воздушный корабль-геликоптер — представляет собой воплощение идей Ломоносова, Коссю, Ланланделя, Понтон д'Амекура. Он чем-то схож с «Наутилусом», но его создатель, инженер Робур, — только тень капитана Немо.

Капитан Немо — великий ученый, исследователь океанских глубин, гениальный изобретатель, строитель «Наутилуса». Немо — самоотверженный борец за свободу своего народа и счастье всего человечества. Побежденный в неравной борьбе, он удалился на морское дно не потому, что проклял человечество. Нет, он остался великим гуманистом и борцом.

Инженер Робур покинул землю лишь для того, чтобы бесплодно скитаться в облаках. «С этим кораблем, — говорит он, — я владею тою таинственною Икарией, которую со временем населят многие миллионы икарийцев». Но сейчас эта страна не населена никем, и Робур не может ни повести за собой человечество, ни указать ему путь в грядущее. Он лишь может ждать, когда люди сами создадут на земле новый мир.

«Мое изобретение преждевременно, — говорит Робур, — народы еще не созрели для всеобщего братского союза. Я уезжаю и уношу свою тайну с собой».

Робур не хочет быть рабом капитализма, он страшится, что чудесный «Альбатрос» превратится в орудие истребления. Но он ничего не может противопоставить силам зла, и ему остается быть единственным обитателем Икарии.

Беспокойная мысль о том, что достижения науки и техники могут быть использованы во вред человечеству, проникает в 90-х годах во многие произведения Жюля Верна. Но он обвиняет в этом не самую науку, не ученых и изобретателей, — он обвиняет капитализм.

Образы гениальных изобретателей снова появляются в эти годы в его романах. Но теперь они — не борцы и не строители нового мира, а рабы капитализма: поэтому они и не могут стать положительными героями как для самого писателя, так и для его читателей. И если это не человеконенавистники, вроде Шульце, сознательно создающие науку смерти и истребления, то чаще всего — лишь жалкие безумцы: образ, весьма нередкий для последних романов Жюля Верна.

В романе «Равнение на знамя» (1896) в основу положена подлинная история французского ученого Тюрпена, изобретателя

взрывчатого вещества мелинита, пытавшегося продать свое изобретение за границу, после того как оно было отвергнуто правительством Франции.

Тюрпен превратился в романе в гениального, но не вполне умственно уравновешенного француза Томаса Роша, изобретателя взрывчатого вещества чудовищной силы. Рош попадает в плен к шайке международных пиратов, возглавляемой американцем Кер-Карраджем, владельцем разбойничьего подводного корабля, и невольно становится их пособником. Но когда Рош видит французский флот, идущий к острову, где обосновались пираты, когда видит трехцветный флаг своей родины и слышит команду: «Равнение на знамя!», он взрывает весь остров вместе с собой.

В посмертно изданном научно-фантастическом романе «Экспедиция Барсака» (1910) преступник Киллер с помощью талантливого изобретателя Камаре сооружает в Экваториальной Африке чудовищный город смерти. Камаре — верный раб и пленник Киллера, не понимающий этого и живущий только своей наукой. Но когда Камаре узнает правду, он уничтожает город смерти Блекленд вместе с самим собой.

Француз Зефирен Ксирдаль, крупный изобретатель, но человек не от мира сего, герой романа «Охота за метеором» (1908), также вышедшего посмертно, заставляет упасть на землю гигантский метеор из чистого золота, носящийся в мировом пространстве. Начинается финансовая паника во всем мире: золото катастрофически падает в цене, обесцениваются акции, разоряются и голодают миллионы людей, — и всем этим пользуется дядя Ксирдаля, крупный банкир, чтобы при помощи биржевых махинаций удесятерить свое состояние. Ксирдаль, которого и дальше продолжает эксплуатировать дядя-миллионер, так и не узнает, что, заставляя золотой метеор упасть и потом уничтожая его, он действовал по указке и в интересах капиталистов...

5

Чем дальше в будущее уходило от Жюля Верна видение освобожденного мира и мечта 1848 года о «всеобщем братстве», тем непримиримей ненавидел писатель капитализм. Особое возмущение вызывала у писателя политика правящих классов Соединенных Штатов Америки.

Было время, когда Жюль Верн относился к США совсем по-иному, о чем свидетельствует научно-фантастический роман

«С Земли на Луну», написанный еще до его поездки в Америку. Находясь, подобно всей мыслящей и борющейся Франции, под игом Второй империи, в потемках политической реакции, охватившей Францию и всю Европу после поражения европейских революций 1848 года, Жюль Верн выразил в этих романах скорее свою мечту о некоей стране, где существуют республиканский строй, демократические свободы и неограниченная широта технических возможностей.

Впоследствии писатель наглядно убедился, что образ Америки в его романе совершенно не отвечал действительности. Он увидел перед собою капиталистическую страну, только с еще более резкими, чем в Европе, противоречиями труда и капитала, богатства и нищеты. Он убедился, что забыты свободолюбивые и демократические идеалы времен Линкольна и Джона Брауна, имена которых были дороги ему всю жизнь. Он видел, что расовая вражда в Америке не только не прекратилась после гражданской войны, но даже обострилась и что расправа с неграми судом Линча — столь же частое явление... И чем горячее была раньше мечта писателя об Америке как «настоящей демократической стране», тем острей было теперь его разочарование и тем более страстно и возмущенно стал он рисовать в своих произведениях подлинный образ Соединенных Штатов. Его новые книги, посвященные Америке, носят разоблачительный характер. Это не только художественные произведения, это — резкая социальная сатира.

Вслед за романом «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верн возвратился к вопросу о расовой дискриминации и преследовании негров в Америке в историко-социальном романе «Север против Юга» (1887), посвященном гражданской войне 60-х годов. Все его симпатии в этом романе на стороне северян, действия которых, по его мнению, диктуются гуманистическими и моральными соображениями. Яркими красками изобразил писатель отталкивающий облик рабовладельцев южных штатов. Его роман возбуждал в читателях горячее сочувствие к страданиям несчастных невольников-негров, которые, несмотря на гражданскую войну, так и не стали свободными.

В 1885 году, в день своего рождения, среди поздравлений, полученных со всех концов света, писатель нашел письмо от американского газетного короля Гордона Беннета. Издатель и редактор одной из самых больших газет Соединенных Штатов «Нью-Йорк геральд» предлагал всемирно прославленному писа-

телю написать рассказ специально для американских читателей. Он просил изобразить в нем будущее Америки, описать ее такой, какой она будет через тысячу лет.

Жюль Верн не сразу откликнулся на это предложение. Только через два года писатель послал Гордону Беннету свой рассказ о завтрашнем дне Америки, но так и не дождался его появления в печати: видимо, злая социальная сатира французского романиста пришлась не по вкусу американскому газетному королю. Лишь в 1889 году, в мало распространенном американском журнале «Форум», появился этот рассказ, озаглавленный «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году».

Вместо лучезарного мира всеобщего братства, о котором мечтал сам Жюль Верн. писатель показал нечто совершенно противоположное. Он раскрыл читателям тусклые и убогие мечты американского обывателя, грядущее, как оно представляется мещанам из Нью-Йорка, если можно так выразиться, своеобразную «утопию для миллионеров».

Действие рассказа происходит в Центрополисе — столице Американской империи доллара, диктующей свою волю заморским странам. Соединенным Штатам будущего противостоят лишь могучая Россия да великий возрожденный Китай. Англия, аннексированная Америкой, давно уже стала одним из ее штатов. Франция влачит жалкое полунезависимое существование.

Главный герой рассказа — Френсис Беннет, сверхмиллиардер, редактор и владелец газеты «Всемирный герольд». Фактически он управляет всем американизированным полушарием. Его комфорту, его прихотям, его обогащению служит половина человечества и вся техника изображенного писателем будущего.

И на фоне этой фантастической, наполовину серьезной, наполовину шуточной, техники особенно убого выглядят литература, искусство, наука этой капиталистической утопии.

«В одном углу редакции находились различные аппараты, с помощью которых сотни писателей, находящихся на содержании газеты «Всемирный герольд», под наблюдением надсмотрщика читали главы своих новых романов возбужденной публике...»

Самодовольству Френсиса Беннета нет пределов. И ему кажется, что никогда не будет конца этому раю богачей, что ничто в мире не меняется, — лишь республиканская и демократическая партии, обе субсидируемые Уолл-стритом, попеременно становятся у власти.

«— Есть что-нибудь интересное с Марса? — спрашивает он астронома.

— Как же! Революция в Центральной империи. Победа реакционных либералов над республиканскими консерваторами.

— То же, что и у нас... — самодовольно заключает Беннет».

В 1895 году Жюль Верн создал одно из наиболее политически острых своих произведений, роман-памфлет «Самоходный остров». Это — сатирическая картина будущей Америки, аллегория паразитического капитализма завтрашнего дня. Это своего рода антитеза «Таинственному острову».

Действие романа относится к тому времени, когда, по словам писателя, «Соединенные Штаты удвоили число звезд на своем национальном флаге. Они в то время находились в полной силе своего коммерческого и промышленного могущества, чему способствовал захват Соединенными Штатами Канады, Мексики, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики — вплоть до Панамского канала...»

Эти Соединенные Штаты, живущие на чужой счет, скупают в Европе и вывозят за океан музейные картины, статуи, целые замки, скупают европейских актеров и писателей, музыкантов и художников, ученых и изобретателей. Воплощением этой страны является искусственный самоходный остров «Стандарт Айленд», населенный королями промышленности и биржи, подлинными повелителями Америки.

Остров этот, длиной в семь и шириной в пять километров, целиком построен из металла. Могучие фабрики энергии приводят в движение его циклопические моторы мощностью в шесть миллионов лошадиных сил, что дает самоходному острову скорость до восьми узлов. В центре острова расположен город Миллиард-сити, с чудесными домами из алюминия, пластмассы и стеклянных пустотелых кирпичей. На острове выходят две газеты — два бульварных листка, дающих пищу не только для ума, но и для желудка: они печатаются шоколадными чернилами на съедобной бумаге. Это подлинный рай богачей, у которых наиболее частое по употреблению и любимое слово — «миллион». Где-то там, на материках, кипит работа у нефтяных источников, гнут спину рабочие на фабриках и заводах, фермеры возделывают землю, рыбаки ловят рыбу, но никто из людей труда не допускается на остров. Здесь живут одни лишь «повелители мира», погруженные в вечную праздность.

Однако этот безмятежный покой лишь кажущийся. Среди капиталистов зреют внутренние противоречия; одни хотят использовать самоходный остров для перевозки коммерческих грузов, другие — как пловучий курорт. Промышленники борются с финансистами, католики косо смотрят на протестантов. Одна сторона острова открыто восстает против другой, причем одну из партий возглавляет банкир Нат Коверлей, другую — нефтяной король Джемс Такердоп. Могучие моторы пущены в противоположные стороны, остров гибнет, разорванный на части своими собственными машинами.

Так больше полувека тому назад Жюль Верн пришел к убеждению об обреченности капитализма, показав средствами реалистической сатиры уродливость «американского образа жизни», воплощенного в образе «идеального города» Миллиард-сити.

6

Жюль Верн — один из замечательных представителей демократического лагеря французской литературы XIX века. Его творчество хранит верность благородным традициям — традициям свободы, разума, прогресса, борьбы за счастье человечества. Гуманизм Жюля Верна связан с его интернационализмом и проявляется в доброжелательном отношении писателя к людям всех рас, народностей, ко всем труженикам. Освободительные идеи Жюля Верна, его сочувствие борьбе всех угнетенных народов, его горячий интерес к социальным проблемам, его ненависть к капитализму и его оптимистическая вера в лучшее будущее вводят писателя в круг лучших представителей прогрессивной мысли XIX века.

Жюль Верн великолепно владел техникой приключенческого повествования. Бросая своего читателя в водоворот необыкновенных происшествий, небывалых приключений, искусно драматизируя действие, он умел поддерживать в читателе напряженный, неослабевающий интерес к описываемым событиям и возбуждать в нем сочувствие к своим героям, вечно стремящимся к достижению заветной цели, ради которой они мужественно преодолевают бесконечные препятствия.

Приключенческая литература получила во Франции в XIX веке чрезвычайно сильное развитие. Небывалый успех, выпавший в 40-х годах на долю авантюрно-исторических романов А. Дюма,

на долю авантюрно-социальных романов Эжена Сю, не говоря о многих других авторах, свидетельствовал об исключительной доходчивости приключенческого жанра. В 50-х годах, в связи с ростом политической реакции, авантюрный роман захватили в свою власть литераторы реакционного лагеря. Сочетая в своих книгах головоломно-усложненную интригу с охранительными тенденциями, эти литераторы занимали читателя какими-нибудь «тайнами мадридского двора», «захватывающими» происшествиями из мира титулованной аристократии, упоенно повествовали об альковных тайнах «демонической» куртизанки, воспевали удачливых авантюристов и других представителей уголовного мира, превозносили проницательность сыщиков. Это бульварно-реакционное, низменно-развлекательное крыло французской авантюрной литературы середины и второй половины XIX века, представленное Ксавье де Монтепеном, Понсоном дю Террайлем, Габорио и др., вызывало отвращение и борьбу со стороны Жюля Верна.

Жюль Верн стал классиком приключенческой литературы, потому что поднял и облагородил этот жанр, поставив его на службу передовым стремлениям демократии. Во всех своих приключенческих романах — научно-фантастических, географических, исторических, социальных — Жюль Верн пропагандировал дорогие ему освободительные идеи, то протестуя против рабовладения и расовой дискриминации, то воспевая борьбу угнетенных народов за свое освобождение, то разоблачая капиталистическое варварство и чудовищные антигуманистические замыслы прусских и американских империалистов.

Из всего огромного наследства Жюля Верна наибольший читательский успех выпал на долю научно-фантастических романов. Действительно, этот жанр удачно отвечал особенностям его таланта. Богатая фантазия,, неудержимый полет мысли, романтика научных исканий, прекрасная осведомленность в технических проблемах своего времени, какая-то вечная атмосфера горения ищущей человеческой мысли, и притом мысли, служащей лучшим, творчески-созидательным целям человеческого прогресса, — все это яркое своеобразие Жюля Верна сразу же завоевало ему видное место в развитии научно-фантастической литературы. Но, разумеется, успех Жюля Верна объяснялся не только спецификой его таланта, но и тем, что его научно-фантастические романы пришлись ко времени, ответив на замечательные победы точных наук во второй половине XIX века. В сознании читатель-

ской массы научная фантастика Жюля Верна стала лучшей, примечательнейшей частью его творчества, его славой.

Жюль Верн был первым из французских писателей, сумевшим придать научной фантастике реалистический характер. Материалистическое в своей основе мировоззрение писателя, его чуждость всякого рода мистическим и религиозным представлениям, его вера во всемогущество человеческого разума и науки — дали возможность Жюлю Верну накрепко поставить свою фантастику на фундамент современной науки и всех новых, рождавшихся в исследовательской и изобретательской мысли, открытий и замыслов и тем самым придали реалистический характер творчеству писателя в целом и во всех деталях.

Буржуазное литературоведение, если так можно выразиться, расчленило творчество Жюля Верна. Одни его рассматривают, как писателя, умеющего мастерски построить сюжет, другие, как популяризатора, третьи видят в нем «писателя-пророка», человека, указующего пути науке и технике его времени.

В этих литературоведческих исследованиях отдельные черты творчества французского писателя иногда бывают схвачены верно, но целостный его образ ускользает от читателя.

Некоторые критики утверждают, например, что популярность «Необыкновенных путешествий» объясняется преимущественно их злободневным характером. Успех первого романа Жюля Верна они объясняют тем, что в те годы всеобщее внимание было приковано к Африке, где Стенли искал Ливингстона. Интерес читателей к «Приключениям капитана Гаттераса» критики связывали со всеобщим вниманием к судьбе полярной экспедиции капитана Франклина, пропавшей без вести, которую много лет подряд искали все новые и новые спасательные экспедиции. В геологии шел горячий спор о внутреннем строении земли, открытие спектрального анализа необычайно расширило возможности астрономической науки. «Разве все это, — спрашивали некоторые критики, — не могло обратить интерес читателей к романам Жюля Верна, где они искали ответа на волновавшие их вопросы?»

В приведенных рассуждениях кое-что справедливо: реалистическое творчество Жюля Верна действительно многими нитями связано с научными и общественными интересами его времени. Но вывод иных критиков о том, будто бы романы Жюля Верна имели успех только вследствие их злободневности, был ошибкой: ведь со дня выхода в свет этих книг интерес к ним читателей нисколько не угасает.

Других критиков поражало богатство всякого рода научных и технических данных у Жюля Верна и то замечательное умение, с которым он делал технические детали достоянием своих читателей. Это справедливое наблюдение над одной из сторон творчества Жюля Верна приводило, однако, к нелепому выводу. Успех писателя объяснялся в этом случае тем, что его романы относятся-де не к художественной, а к научно-популяризаторской литературе. Но, во-первых, со времен Жюля Верна наука ушла далеко вперед, а романы его и до сих пор не устарели и читаются с увлечением. Во-вторых, эти критики в сущности оставляют нерешенным поставленный ими же вопрос, а именно: в чем же секрет той увлекательности, с которой «преподает» писатель науку?

Неправильно объясняли успех Жюля Верна и те критики, которые объявляли его кем-то вроде вдохновенного пророка науки и техники. «Удивительным полетом своей фантазии, — писали, например, они, — он предсказал изобретение подводной лодки, управляемого воздухоплавания, электрического освещения, телефона, фонографа и других удивительных открытий и изобретений XIX столетия». Но как ни высоко эти критики оценивали Жюля Верна — они тоже ошибались. Самые смелые проекты, фигурирующие в романах Жюля Верна, созданы вовсе не только его фантазией, но взяты из окружающей его действительности: они являются лишь вдохновенным развитием тех идей, которые уже существовали в его время в замыслах, планах и даже в чертежах. Именно поэтому так реальны подробности его романов, несмотря на их фантастическую обстановку. И в этом — одна из самых сильных сторон реалистического творчества Жюля Верна.

Все эти высказывания многих представителей буржуазной критики свидетельствуют, что ее внимание привлекали к себе лишь отдельные черты творчества Жюля Верна. Она прошла мимо, не поняла или испугалась главного в творчестве писателя. Это главное состоит в том, что Жюль Верн художественно, в увлекательной, захватывающей форме отразил светлые мечты человечества о всеобщем братстве людей, о свободном научном и техническом творчестве, о могуществе и власти человека над силами природы.

Буржуазная критика прошла и мимо той замечательной особенности Жюля Верна, о которой мы уже говорили, — мимо созданного и впервые введенного им во французскую литературу

образа нового героя, воплотившего в себе многие черты человека завтрашнего дня.

Для литературы того времени стремление Жюля Верна создавать образы людей вдохновенного труда, одухотворенных великою верой в науку, имело огромное значение. Романтически возвышая ту специфическую область действительности, где полновластными хозяевами были исследователи-творцы, неустанно изучающие тайны природы, чтобы стать ее властителями, Жюль Верн проявил себя как необыкновенно смелый и талантливый новатор-реалист.

Художник-демократ, друг свободы и враг угнетения, пламенный поэт науки и научного прогресса, создатель благородного образа нового героя, Жюль Верн навеки завоевал себе славу и любовь своих читателей.

Но эта громадная популярность нашла и своих недоброжелателей, поглощенных изучением всякого рода неточностей и промахов Жюля Верна. Смакуя его ошибки (иногда намеренные, как в «Таинственном острове») и педантически читая ему нотации с точки зрения достижения науки сегодняшнего дня, эти критики не хотят понять, что Жюль Верн был романистом и, работая над своими произведениями, ставил перед собой не технологические или технические, а идейно-художественные задачи.

До сих пор не затих спор о том, является ли Жюль Верн научным пророком, безупречным в своих математических и технических прогнозах, или все его произведения переполнены научными ошибками и нелепостями, ясными каждому школьнику. Представители второго, так сказать «критического», направления немало потрудились для того, чтобы разоблачить промахи прославленного писателя и доказать... полное отсутствие интереса у современных читателей к его произведениям.

Но неправильна сама постановка вопроса. Научная фантастика только тогда и сильна, когда, выражая идеи своего века, видит их уже воплощенными в действительности. Однако писатель не может указать пути конструктору к конечной цели, которую он сам создал лишь как мечту. Заглядывая в будущее, писатель поневоле перескакивает через какие-то этапы работы инженера, как прием вводит фантастические и даже совсем «ненаучные» подробности, чтобы сконцентрировать в смелом художественном образе мечту своего времени.

Говоря о романе «Пять недель на воздушном шаре», можно, конечно, согласиться с критиками, указывающими на то, что

разложение воды требует такого расхода электроэнергии, что самая сильная батарея не сможет сдвинуть шар с места. Можно, конечно, и возразить, что в то время, когда писался роман, идея сохранения энергии не имела еще той ясности и всеобщности, какую приобрела в наши дни, а потому Жюль Верн был вполне на уровне научных знаний своего века... Но весь этот спор, по счастью, не имеет никакого отношения к замыслу писателя.

Важно было то, что он сумел заставить читателей поверить в свою мечту. А что это так — об этом красноречиво свидетельствует К. Э. Циолковский, который не раз признавался в том, что его собственные идеи рождены под влиянием фантазии Жюля Верна: «Он пробудил работу мозга в этом направлении...» И не кто иной, как тот же Циолковский, проектировал для своего цельнометаллического дирижабля температурное управление, позволяющее подниматься и опускаться без сбрасывания балласта и расхода газа...

Верил ли сам Жюль Верн в то, что в глубинах Земли обитают давно вымершие животные, что по подземным переходам можно проникнуть к самому центру планеты? Очень и очень сомнительно. Неужели он не знал, что люди, заключенные в пустотелом ядре, не смогут выдержать толчка при выстреле? Но тогда, значит, Жюль Верн сознательно допустил в своих романах такие грубые, с точки зрения науки, промахи и просчеты?

Да, предположение о том, что внутри Земля полая, ошибочно. Но достаточно принять эту гипотезу и постепенно, шаг за шагом, с железной убедительностью перед читателем разворачивается ожившая палеонтологическая летопись нашей планеты.

Да, артиллерийский снаряд — плохой межпланетный корабль, смертельный для пассажиров. Но для середины XIX века он был единственным средством преодолеть земное тяготение. А когда мы выходим на космический простор, какой необычайный мир открывается нашему несовершенному зрению! Какие тайны природы становятся ясными пытливому уму!

«Николь утверждал тогда, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан возражал, что он задержит падение при помощи своевременно пущенных ракет. И в самом деле, ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное движение снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве,

но кислорода им хватило бы, потому что он заключался в самих ракетах...»

В одной этой фразе содержится зародыш идеи реактивного движения в пустоте, идеи, впервые воплощенной в техническом проекте Кибальчича и развитой в стройную теорию Циолковским.

Будущее лишь незримо присутствует в романах Жюля Верна, действие же их всегда начинается в ту эпоху, когда они написаны и опубликованы (это легко проверить, так как Жюль Верн был очень пунктуален и очень точен во всем, что касалось времени и места действия его произведений). Сюжеты его — это мечта его времени, воплотившаяся в жизнь, ставшая реальностью под пером художника. И ему совсем не было важно, точно ли такими или иными будут воздушные, подводные и межпланетные корабли будущего: он знал только, что люди будут летать и спускаться на морское дно и проложат дорогу к звездам.

Вот почему так легко выискивать у него ошибки и критиковать его неверные технические идеи: ведь Жюль Верн — дитя своего века, человек, выразивший в своем творчестве мечты своего времени. В них отразились и заблуждения отдельных школ в науке и пафос научной мысли его времени.

Но для того чтобы утвердиться в искусстве, в литературе, воздействовать не только на логическое восприятие читателя, но и на его эмоции, все эти идеи должны были прийти в движение, ожить, одухотворенные человеком. Вот почему вся работа Жюля Верна это мучительные поиски героя — того человека будущего, труженика и творца, которому его девятнадцатый век мог вручить все сокровища, накопленные за все тысячелетия цивилизации.

7

Прошло полвека после смерти писателя, но все еще живут его книги.

Его слава возникла и распространилась молниеносно, как вспышка электрического света. Первые романы Жюля Верна сразу же были переведены на четырнадцать языков. «Пять недель на воздушном шаре» появились в русском переводе в 1863 году, вскоре после выхода в свет французского оригинала.

Жюль Верн стал любимым писателем молодежи — и не потому, что в его книгах юноши и девушки входили в чудесный мир приключений и вступали во владение всем земным шаром.

Его полюбили за то, что он учил любить свободу и ненавидеть угнетение, за то, что он открыл читателям поэзию и романтику науки и вдохнул в них веру в неограниченные возможности развития техники, предназначенной служить людям.

Многие ученые, изобретатели, путешественники признавали, что знаменитый французский писатель окрылил их фантазию и помог им выбрать путь в жизни.

Жюль Верн широко распахнул дверь в литературу науке, технике и новым героям.

Жюль Верн создал реалистическую фантастику, вырастающую из успехов науки и завоеваний техники его времени, смело воплощая в живые художественные образы не мечту-сказку, но мечту научную и техническую, реальную мечту своего века. Вот почему его книги были первыми подлинными научно-фантастическими произведениями.

Он открыл читателю поэзию науки, красоту и романтику творческого труда. То, что казалось другим серым, обыденным, отвлеченным, он заставил стать необыкновенным, засверкать всеми красками, показать полным блеска и движения.

Но, что важнее всего, в центре внимания писателя в каждом его произведении не научно-техническая идея или конструкция, а человек — их носитель и создатель. И сюжет каждого романа рождается не из развития технической идеи, но из целей и стремлений героев.

Успех лучших книг Жюля Верна — это победа созданного им и впервые введенного в литературу нового героя, воплотившего в себе многие черты человека завтрашнего дня.

В произведениях Жюля Верна в литературу пришел новый герой — инженер, изобретатель, борец за свободу угнетенного человечества. Сцена, где он действует, — это его мастерская, его лаборатория — воздушная, подземная, подводная, пусть даже межпланетная, — и открываемый им заново огромный мир великолепен. Дело его жизни — вдохновенный, творческий труд.

В нашей памяти живут и долго еще будут жить в памяти многих поколений ученый и революционер Немо. Гленарван и его спутники, колонисты острова Линкольна во главе с инженером Сайресом Смитом, подлинным воплощением науки, делающей человека всемогущим, смелый разведчик Марсель Брукман, капитан Гаттерас, доктор Клаубонни, профессор Лиденброк, инженер Робур — все эти порой чудаковатые люди, лишенные страха, полные веры в человеческое могущество и в науку, которая для

них поистине является волшебным философским камнем, открывающим им дорогу в запретные, казалось бы, миры: подводный, подземный, заоблачный и межпланетный.

Очень хорошо сказал о Жюле Верне руководитель Французской коммунистической партии Морис Торез в своей книге «Сын народа»: «Книга Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой» воспламенила мое воображение. Я был увлечен не столько приключениями капитана Немо, сколько им самим. Я видел в нем олицетворение великого гения науки, которая восторжествует над всем, науки, которая преобразит мир и людей, когда будет служить народу» [1].

В своих романах Жюль Верн обращался преимущественно к молодежи и людям будущего. Он хотел научить их любить свободу и верить в грядущую победу освобожденного человечества над силами общественного зла и непокоренной природой. Вот почему мы продолжаем и сейчас считать его замечательным воспитателем. В этом его сила, слава и бессмертие.

Передовые люди России очень скоро заметили и полюбили Жюля Верна. Не случайно поэтому первая же рецензия на книгу «Пять недель на воздушном шаре», появившаяся в некрасовском «Современнике» и высоко оценившая творчество французского писателя, принадлежала перу М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Высоко ценил его творчество Лев Толстой. «Романы Жюль Верна превосходны, — говорил он. — Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался, как Жюль Верном».

В 1938 году в журнале «Детская литература» были опубликованы рисунки Льва Толстого к роману Жюля Верна «80 дней вокруг света», сделанные им для своих детей.

А. М. Горький, обсуждая план издательства «Всемирная литература», назвал Жюля Верна классиком и настаивал на том, чтобы его произведения издавали так, как издают классиков.

Очень любил и высоко ставил Жюля Верна Д. И. Менделеев. Он называл французского писателя «научным гением» и постоянно перечитывал его книги.

---

[1] Морис Торез, Сын народа. Издательство иностранной литературы, М. 1950, стр. 28—29.

Наследниками лучших идей Жюля Верна считали себя многие русские ученые, изобретатели, путешественники, инженеры. В. А. Обручев сделал замечательное признание, что чтение книг Жюля Верна оказало огромное влияние на выбор им профессии геолога и географа-путешественника и что до сих пор Мастон с крючком вместо руки, благородный Гаттерас и таинственный Немо неизменно очаровывают его воображение.

Патриот, бесконечно любивший свою родину, Жюль Верн в то же время был чужд национальной и расовой ограниченности. На страницах его книг живут и действуют люди многих национальностей: охотник готтентот Мокум, рабыня Зерма, негр Геркулес, австралийский туземец Толине, индианка Ауда, турок Керабан. И мы любим Жюля Верна за его гуманизм, патриотизм и интернационализм.

Древнегреческое слово «география» буквально значит: описание Земли. Томы сочинений Жюля Верна — это тоже география, но ожившая, одухотворенная обаятельными героями, которые идут по земному шару как открыватели неведомых стран и отдают их во владение освобожденному человечеству. И эта география никогда не устареет, — как бы ни изменилось лицо земли: ведь никогда не устареет история подвигов человеческого гения.

Мы любим живой и легкий язык французского писателя, полный юмора, блестящих сравнений и чудесных лирических отступлений. Мы никогда не устаем следить за необычайными приключениями его героев — находчивых, бесстрашных и благородных. И каждый раз, закрывая его книгу, мы чувствуем, как много в ней оптимизма и веры в беспредельное могущество человеческого разума.

Ушли в прошлое фантастические проекты Жюля Верна, и действительность переросла его мечты. Но живы и по сей день его герои, и до сих пор они волнуют нас.

Читатели, раскрывая книги Жюля Верна, входят, как сквозь широко распахнутую дверь, в великолепный мир, полный красок, движения и жизни. В его чистых, прозрачных далях они видят сразу все страны света и все человечество — борющееся с силами зла и всегда их побеждающее, завоевывающее подземные, подводные, заоблачные и надзвездные края, неудержимо стремящееся вперед, в великолепный мир будущего.

Кирилл Андреев

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ
НА
ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Путешествие трех англичан
по Африке

Перевод А. Бекетовой
под редакцией Р. Розенталь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Речь, вызвавшая аплодисменты. — Представление доктора Самуэля Фергюссона собранию. — «Excelsior». — Портрет доктора Фергюссона. — Убежденный фаталист. — Обед в «Клубе путешественников». — Провозглашение тостов.

Заседание Лондонского королевского географического общества 14 января 1862 года в здании на площади Ватерлоо, № 3 было весьма многолюдным. Президент общества сэр Френсис М... делал своим почтенным коллегам важное сообщение, и речь его часто прерывалась аплодисментами. Это выступление — редкий образец красноречия — завершилось, наконец, следующими напыщенными фразами, в которых целым потоком изливались патриотические чувства:

— Англия всегда шествовала во главе других наций. (Заметьте: нации всегда шествуют во главе друг друга.) Этим она обязана бесстрашию своих путешественников-исследователей и их географическим открытиям. *(Оживленные возгласы одобрения.)* Доктор Самуэль Фергюссон, один из ее славных сынов, не посрамит своей родины. *(Со всех сторон: «Нет! Нет!»)* Если его попытка удастся *(«Конечно, удастся!»)*, то наши разрозненные сведения о географии Африки будут дополнены и связаны в одно целое. *(Бурное выражение одобрения.)* Если же она потерпит неудачу *(«Никогда! Никогда!»)*, то во всяком случае войдет в историю как один из наиболее отважных замыслов человеческого гения... *(Неистовый топот ног.)*

— Ура! Ура! — кричали присутствующие, наэлектризованные этими волнующими словами своего президента.

— Ура неустрашимому Фергюссону! — вырвалось у одного из самых восторженных слушателей.

Крики, полные воодушевления, неслись со всех сторон. Имя Фергюссона было у всех на устах, и мы имеем основание думать, что оно особенно выигрывало, проходя через глотки англичан. Зал заседаний содрогался от этих криков.

Ведь здесь было много тех самых бесстрашных путешественников, исколесивших пять частей света, теперь состарившихся, утомленных, но когда-то полных энергии. Все они благодаря своей физической или моральной стойкости спаслись от кораблекрушений и пожаров; всем им грозили и томагавк индейца, и дубина дикаря, и столб пыток, и опасность попасть в желудок полинезийца. И тем не менее во время доклада сэра Френсиса М... сердца старых путешественников бились восторженно, и в Лондонском географическом обществе еще не было примера столь шумных оваций оратору.

Но в Англии энтузиазм выражается не одними только словами, он чеканит монету еще быстрее, чем пресс королевского монетного двора. Тут же на заседании было принято решение выдать доктору Фергюссону для осуществления его плана две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Значительность суммы соответствовала важности предприятия.

Один из членов общества обратился к президенту с вопросом, не будет ли доктор Фергюссон официально представлен собранию.

— Доктор ждет распоряжений собрания, — ответил сэр Френсис М...

— Пусть войдет! Пусть войдет! — раздались крики. — Любопытно увидеть собственными глазами такого необыкновенно отважного человека!

— Но, быть может, этот невероятный проект лишь мистификация, — заметил старый капитан, выделявшийся своей апоплексической наружностью.

— А что, если доктора Фергюссона вовсе не существует? — выкрикнул какой-то насмешливый голос.

— Тогда нужно было бы его изобрести, — пошутил один из членов этого серьезного общества.

— Попросите пожаловать сюда доктора Фергюссона, — распорядился сэр Френсис М...

И Самуэль Фергюссон, нисколько не смущаясь, вошел в зал под гром рукоплесканий.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста и обыкновенного сложения. Лицо у него было бесстрастное, с правильными чертами и румяное — признак сангвинического темперамента. Крупный нос, напоминавший нос корабля, — какой и должен быть у человека, рожденного делать открытия. Добрые глаза, в которых светилась отвага и еще больше ум, придавали особую привлекательность этому лицу. Руки его были несколько длинные, а уверенная поступь изобличала хорошего ходока.

Весь облик доктора дышал таким спокойствием и серьезностью, что при виде его и в голову не могла прийти мысль о мистификации, даже самой невинной.

Поэтому крики «ура» и аплодисменты замолкли лишь тогда, когда доктор Фергюссон любезным жестом попросил дать ему возможность говорить. Он направился к приготовленному для него креслу; став подле него, он устремил на собрание энергичный взгляд, поднял к небу указательный палец правой руки и произнес всего одно слово:

— Excelsior! [1]

Нет, никогда неожиданные парламентские запросы господ Брайта и Кобдена или выступления лорда Пальмерстона с требованиями чрезвычайных ассигнований для укрепления скалистых берегов Англии не имели такого бурного успеха, как это брошенное доктором Фергюссоном слово. Оно совершенно затмило и самый доклад сэра Френсиса М... Доктор показал себя человеком одновременно великим, скромным и осторожным. Все дело он умудрился охарактеризовать единым словом: «Excelsior».

---

[1] Высочайший *(лат)*.

Старый капитан, сразу перешедший на сторону этого необыкновенного человека, немедленно потребовал, чтобы речь Фергюссона была «полностью» напечатана в «Известиях Лондонского географического общества».

Но кто же был этот доктор Фергюссон и какому делу собирался он себя посвятить?

Отец молодого Фергюссона, честный капитан английского флота, с самого раннего возраста приучил сына к опасностям и приключениям своей профессии. Славный мальчик, повидимому никогда не знавший, что такое страх, рано проявил живой ум, исследовательские способности и удивительную склонность к научной работе; кроме того, он обладал редким умением выходить из затруднительных положений. Ничто никогда не ставило его в тупик: даже когда он впервые взял в руку вилку, и то он не растерялся, как это бывает обыкновенно с детьми.

Рано пристрастился он к чтению книг о смелых похождениях и морских экспедициях, возбуждавших его фантазию. С страстным интересом изучал он открытия, ознаменовавшие первую половину девятнадцатого века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюса, Кайе, Левайяна и, наверное, не мог немного не помечтать о славе Селькирка — прообраза Робинзона Крузо, — она казалась ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провел мальчик с Селькирком на его острове Хуан Фернандес! Юный Самуэль порой одобрял действия одинокого матроса, порой не соглашался с его планами и проектами. Ему казалось, что на его месте он поступил бы иначе, быть может лучше, и во всяком случае — не хуже! Но уж наверно он никогда не покинул бы этого благодатного острова, где Робинзон был счастлив, как король без подданных. Никогда! Даже если бы ему, Самуэлю, предложили стать первым лордом Адмиралтейства!

Можно представить себе, как развились все эти наклонности в пору его молодости, среди приключений, пережитых во всех частях земного шара! Отец его, будучи сам образованным человеком, не преминул развить живой ум сына серьезным изучением гидрогра-

фии, физики, механики, а также познакомил его с основами ботаники, медицины, астрономии.

Когда почтенный капитан Фергюссон скончался, сыну его Самуэлю было двадцать два года, и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он поступил на службу в бенгальский инженерный корпус и отличился в нескольких сражениях.

Но жизнь солдата была не по душе молодому Фергюссону: не стремясь сам командовать другими, он не желал никому подчиняться. Он вышел в отставку и стал путешествовать и, то охотясь, то составляя гербарий, добрался до северной части полуострова Индостан и пересек его от Калькутты до Сурата, — простая прогулка любителя.

Из Сурата он отправляется в Австралию и здесь в 1845 году принимает участие в экспедиции капитана Стёрта, на которого была возложена задача найти огромное озеро, расположенное, по предположениям ученых, в центральной части Новой Голландии[1].

Около 1850 года Самуэль Фергюссон возвращается в Англию. Охваченный более чем когда-либо страстью к открытиям, он до 1853 года сопровождает капитана Мак-Клюра в его экспедиции, обогнувшей американский континент от Берингова пролива до мыса Фарвеля.

Фергюссон хорошо переносил все климаты и все трудности, встречаемые на пути. Он прекрасно чувствовал себя среди самых тяжких лишений. Это был тип настоящего путешественника, чей желудок сжимается и расширяется смотря по обстоятельствам, чьи ноги укорачиваются и удлиняются смотря по длине случайного ложа, на котором он может в любой час дня заснуть и в любой час ночи проснуться.

Поэтому не удивительно, что наш неутомимый путешественник с 1855 по 1857 год исследует в обществе братьев Шлагинтвейт всю западную часть Тибета и возвращается из этой экспедиции с запасом любопытных этнографических наблюдений.

---

[1] Новая Голландия — первоначальное название Австралии.

Принимая участие во всех этих экспедициях, Самуэль Фергюссон в то же время был самым деятельным и самым популярным корреспондентом дешевой, всего в один пенс, газеты «Дейли телеграф», ежедневный тираж которой достигал ста сорока тысяч экземпляров и едва удовлетворял спрос миллионов читателей. Вот почему доктор Фергюссон пользовался такой известностью, хотя он и не состоял членом ни одного научного учреждения, ни одного географического общества — Лондона, Парижа, Берлина, Вены или Петербурга, ни «Клуба путешественников», ни даже Королевского политехнического общества, где тон задавал его друг, статистик Кокбёрн.

Этот ученый даже посулился однажды Фергюссону, желая быть ему приятным, решить следующую задачу: зная число миль, пройденных доктором в его странствиях, вычислить, насколько его голова проделала больше, чем ноги, вследствие разницы радиусов. Или же, зная число миль, проделанных ногами и головой доктора, вычислить его рост с точностью до одной линии [1].

Но Фергюссон всегда держался вдали от ученых обществ, принадлежа, так сказать, к секте воинствующей, а не болтающей, и считал более полезным употреблять время на исследования и открытия, чем на споры и разглагольствования.

Рассказывают, что один англичанин специально приехал в Швейцарию, для того чтобы осмотреть Женевское озеро. Его усадили в одну из тех старых карет, где сиденья устроены, как в омнибусах, по бокам. Случайно наш англичанин сел спиной к озеру. И вот, объехав его кругом, он ни разу не вздумал оглянуться и вернулся в Лондон в восторге от Женевского озера!

Доктор же Фергюссон не раз оборачивался во время своих странствований и, оборачиваясь, многое видал. Это уж было в его натуре. И мы имеем основание думать, что доктор был немного фаталистом, но фаталистом в подлинном смысле этого слова: он надеялся на судьбу и даже на провидение, он считал, что

---

[1] Линия — мера длины, равная 2,54 мм.

какая-то сила толкает его путешествовать, и, объезжая земной шар, он подобен паровозу, который не избирает сам направления, а мчится по проложенным рельсам.

— Не я гонюсь за дорогой, а она за мной, — часто говаривал он.

Отсюда понятно то хладнокровие, с которым доктор Фергюссон встретил аплодисменты членов географического общества. Он, не знавший ни гордости, ни тщеславия, был выше подобных мелочей. Предложение, сделанное им президенту общества сэру Френсису М..., он считал делом совершенно простым и естественным и даже не заметил, какое огромное впечатление оно произвело на собрание.

По окончании заседания доктора повезли на улицу Пель-Мель в «Клуб путешественников», где в честь его было устроено великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почетного гостя, а поданный на стол осетр был только на три каких-нибудь дюйма короче самого Самуэля Фергюссона.

Французские вина лились рекой, провозглашалось множество тостов в честь знаменитых путешественников, прославившихся своими исследованиями Африки. Пили за здоровье одних и за светлую память других, придерживаясь при этом алфавита, что уж было совершенно по-английски: пили за Аббади, Адамса, Адансона, Андерсона, Арно, Арнье, Барта, Бейки, Бельтраме, Бёртона, Бёрчела, Бика, Бимбачи, Болвика, Болдуина, Болзони, Болоньези, Боннемена, Брён-Ролле, Брауна, Бриссона, Брюса, Буркхардта, Вайлда, Вальберга, Варингтона, Вашингтона, Вейсьера, Венсана, Верне, Винко, Водейя, Галинье, Гальтона, Гольберри, Дебоно, Дезаваншера, Деккена, Денхема, Диксена, Диксона, Дочарда, Дункана, Дю Берба, Дюверье, Дюрана, Дюруле, Дю Шаллю, Жоффруа, Ибн-Батута, Кайе, Кайо, Кауфмана, Кёмминга, Кемпбелла, Клаппертона, Клот-Бейя, Кноблехера, Коломье, Крапфа, Куммера, Куни, Курваля, Лажайя, Ламбера, Ламираля, Лаприера, Лафарга, Левайяна, Лежана, Ленга, Джона Лендера, Ричарда Лендера, Лефевра, Ливингстона, Мадьяра, Мак-Карти, Маль-

зака, Мольена, Монтейро, Моррисона, Моффата, Мунго Парка, Мэзана, Нейманса, Овервега, Пане, Партаррьо, Паскаля, Педди, Пенея, Пирса, Питрика, Понсе, Пракса, Рата, Раффенеля, Ребмана, Рилейя, Ритчи, Ричардсона, Ронгави, Роше д'Эрикура, Рошера, Рюппеля, Сонье, Спика, Такки, Таусни, Тибо, Тирвитта, Томпсона, Торнтона, Троттера, Туля, Ферре, Фогеля, Френеля, Халма, Хана, Хейглина, Хорнемана, Хоутона, Чепмена, Штейднера, Эккара, Эмбера, Эрхардта, д'Эскейрак де Лотюра.

Наконец, подняли бокалы за доктора Самуэля Фергюссона, который своим удивительным начинанием должен был связать воедино труды всех своих предшественников и внести свой вклад в изучение Африки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заметка в газете «Дейли телеграф». — Полемика в научных журналах. — Доктор Петерман поддерживает своего друга доктора Фергюссона. — Ответ ученого Конера. — Заключение многочисленных пари. — Различные предложения, сделанные доктору Фергюссону.

На следующий день, 15 января, в газете «Дейли телеграф» была напечатана следующая заметка:

«Наконец-то Африка раскроет тайну своих необъятных пустынь. Современный Эдип [1] разгадает загадку, которая была не по силам ученым шестнадцати веков. В былые времена искать истоки Нила (fontes Nili quœrere) считалось безумной попыткой, неосуществимой мечтой.

Доктор Барт, шедший до Судана по пути, начертанному Денхемом и Клаппертоном; доктор Ливингстон, проделавший свои отважные исследования от мыса Доброй Надежды до бассейна реки Замбези; капитаны Бёртон и Спик, открывшие Великие внутренние озера, — все эти путешественники проложили для совре-

---

[1] Эдип — герой греческих преданий, славившийся своей мудростью.

менной цивилизации три новых пути. Точка пересечения этих путей есть как бы сердце Африки, куда до сих пор не удалось проникнуть ни одному путешественнику. Сюда-то и должны быть устремлены все усилия.

И вот доктор Самуэль Фергюссон, чьи славные исследования не раз были оценены по заслугам нашими читателями, возобновляет труды смелых пионеров науки, предпринимает еще одну отважную попытку.

Этот неустрашимый исследователь намерен пересечь на воздушном шаре всю Африку с востока на запад. Если не ошибаемся, то исходным пунктом его изумительного путешествия будет остров Занзибар, расположенный у восточного берега Африки. Что же касается конечного пункта путешествия, он известен лишь провидению.

Вчера на заседании Лондонского Королевского географического общества было доложено об этом предполагаемом научном исследовании, и тут же на заседании было ассигновано на покрытие расходов экспедиции две тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Мы все время будем держать наших читателей в курсе экспедиции, не имеющей прецедента в географических летописях».

Разумеется, эта заметка наделала много шума; прежде всего она вызвала целую бурю сомнений: доктор Фергюссон казался какой-то сказочной личностью. Говорили, что все это вымысел Барнема, который в свое время «поработал» в Соединенных Штатах, а теперь нацеливается на Англию. В февральском номере «Известий географического общества», издаваемых в Женеве, появилась остроумная статейка, высмеивающая Лондонское географическое общество, пиршество в «Клубе путешественников» и даже феноменального осетра.

Петерман в своем «Бюллетене», издаваемом в Готе, заставил замолчать женевский журнал. Он лично знал доктора Фергюссона и ручался за неустрашимость своего отважного друга.

Впрочем, вскоре все маловеры были окончательно посрамлены: приготовления к путешествию делались в самом Лондоне. Стало известно, что лионские фаб-

рики получили солидный заказ на шелковую тафту для воздушного шара; и, наконец, британское правительство предоставило в распоряжение доктора Фергюссона транспорт «Решительный» под командой капитана Пеннета.

Тут сразу со всех сторон посыпались тысячи поздравлений и пожеланий успеха. Описание подробностей экспедиции появилось на страницах парижских «Известий географического общества», интересная статья была напечатана в «Новых летописях путешествий, географии, истории и археологии», издаваемых В.-А. Мальт-Бреном, добросовестный научный труд был опубликован в немецком «Географическом вестнике» доктором В. Конером, который убедительно показал возможность путешествия, вероятность успеха, характер препятствий и громадные преимущества передвижения по воздуху. Не одобрял он лишь отправной точки: по его мнению, разумнее было бы выбрать Массауа, маленький порт в Абиссинии, откуда Джемс Брюс в 1768 году отправился на поиски истоков Нила. Впрочем, он безоговорочно восхищался энергией доктора Фергюссона, железным мужеством этого человека, который замыслил такое путешествие и готовится осуществить свой замысел. Североамериканскому «Обозрению» трудно было примириться со славой, выпавшей на долю Англии, и оно, вышучивая проект доктора Фергюссона, приглашало его, раз уж он пускается в подобное путешествие, залететь и в Америку.

Словом, не считая газет всего мира, не было ни одного научного журнала, — от «Вестника евангелических миссий» и до «Алжирского и колониального обозрения», от «Летописей распространения христианской веры» и до «Миссионерских ведомостей», — который в той или иной форме не отозвался бы на это смелое предприятие.

В Лондоне и по всей Англии заключались крупные пари: во-первых, действительно ли существует доктор, или это только мифическая личность; во-вторых, будет ли предпринято путешествие; в-третьих, успешна ли будет эта экспедиция и, наконец, в-четвертых, вернется ли обратно, или погибнет доктор Фергюссон.

В книгу записей о заключенных пари заносились огромные суммы, словно дело шло о скачках в Эпсоме.

Таким образом, верующие и маловеры, невежды и ученые — все обратили свои взоры на доктора Фергюссона, и он стал, сам того не подозревая, героем дня. Доктор охотно сообщал всем интересующимся самые подробные сведения о своей экспедиции, был чрезвычайно доступен и держал себя очень просто и естественно. Не один смелый искатель приключений, жаждавший разделить с ним славу и опасности, являлся к нему, но он всем отказывал, не давая по этому поводу никаких объяснений.

Многие изобретатели предлагали Фергюссону свои приборы для управления его воздушным шаром, но ни одним из них он не пожелал воспользоваться. На вопрос же, не изобрел ли он сам подобного механизма, доктор неизменно отмалчивался. Он занимался упорно приготовлениями к путешествию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Друг доктора Фергюссона. — Когда возникла эта дружба. — Дик Кеннеди в Лондоне. — Неожиданное и странное предложение. — Малоутешительная поговорка. — Несколько слов о мучениках Африки. — Преимущества воздушного шара. — Тайна доктора Фергюссона.

У доктора Фергюссона был друг. Он не был его alter ego — вторым я. Дружбы не бывает между двумя во всем похожими друг на друга существами. И в данном случае несходство характеров, склонностей, темпераментов нисколько не мешало Фергюссону и Кеннеди жить душа в душу, а, наоборот, делало их дружбу еще крепче.

Дик Кеннеди был шотландец в полном смысле этого слова: откровенный, решительный и упрямый. Жил он под Эдинбургом, в маленьком городке Лейте — это почти пригород «старой коптильни»[1]. Кен-

[1] Насмешливое название Эдинбурга.

неди был большой любитель рыбной ловли, но главной страстью его являлась охота, что совершенно естественно для сына Каледонии [1], выросшего среди гор. Особенно славился Кеннеди как стрелок из карабина. Он так метко попадал в лезвие ножа, что пуля расщеплялась на две половины, равные даже по весу.

Лицом Кеннеди походил на Хальберта Глендиннинга, как его нарисовал Вальтер Скотт в романе «Монастырь». Ростом выше шести английских футов, стройный и ловкий, он в то же время производил впечатление настоящего геркулеса. Его внешность невольно располагала к себе: потемневшее от загара лицо, живые черные глаза, смелость и решительность движений, наконец что-то доброе и честное во всем облике.

Знакомство друзей завязалось в Индии, где оба служили в одном полку. В то время как Дик охотился на тигров и слонов, Самуэль собирал коллекции растений и насекомых. Каждый из них был мастером своего дела, и найденное доктором редкое растение часто оказывалось не менее ценным, чем пара слоновых клыков, добытых его другом-охотником.

Молодые люди никогда не имели случая спасти друг другу жизнь или оказать один другому услугу. Это еще больше скрепляло их дружбу.

Судьба порой их разлучала, но взаимная симпатия всегда снова соединяла. По возвращении из Индии они часто расставались из-за далеких экспедиций доктора, но тот, вернувшись на родину, каждый раз неизменно проводил у своего друга несколько недель. Дик говорил о прошлом, а Самуэль строил планы на будущее: один глядел вперед, другой — назад. У Фергюссона характер был беспокойный. Кеннеди был олицетворенное спокойствие.

После своего путешествия в Тибет доктор около двух лет не заговаривал о новых экспедициях, и Дик уже начинал думать, что влечение к путешествиям и жажда приключений стали у его друга охладевать. Шотландец был в восторге. Не сегодня так завтра,

---

[1] Каледония — древнее название Шотландии.

размышлял он, это должно плохо кончиться. Как бы ни был опытен человек, нельзя же безнаказанно бродить всю жизнь среди людоедов и диких зверей. И Дик горячо уговаривал Самуэля бросить путешествия, уверяя его, что он уже достаточно много сделал для науки, а для того чтобы заслужить благодарность человечества, — и того больше.

На все эти уговоры Фергюссон не отвечал ни слова. Он был задумчив, занимался какими-то таинственными вычислениями, проводил целые ночи над опытами с необыкновенными приборами, никому до сих пор не известными. Чувствовалось, что в голове его созревает какой-то великий план.

«Что он замышляет?» — стал ломать себе голову Кеннеди, когда приятель неожиданно в январе покинул его и уехал в Лондон.

И вот однажды утром он это, наконец, узнал из заметки в «Дейли телеграф».

— Боже мой! — закричал Дик. — Сумасшедший! Безумец! Лететь через Африку на воздушном шаре! Этого еще не хватало! Так вот, оказывается, что он обдумывал в течение двух лет!

Если мы поставили после каждой его фразы восклицательный знак, то Кеннеди кончал их тем, что ударял себя кулаком по голове, и если вы представите себе эту картину, то получите понятие о состоянии Дика.

Экономка Дика, старушка Эльспет, решилась было заикнуться, что это сообщение ложное.

— Ну, что вы! — воскликнул Кеннеди. — Точно я не узнаю в этом своего друга. Да разве это на него не похоже? Путешествовать по воздуху! Он, изволите ли видеть, теперь вздумал соперничать с орлами! Ну, нет! Такому не бывать! Уж я сумею его образумить! Дай ему только волю, — он в один прекрасный день и на луну, пожалуй, отправится.

В тот же вечер Кеннеди, встревоженный и раздраженный, сел в поезд и на следующий день был в Лондоне.

Через каких-нибудь три четверти часа его кэб остановился у маленького домика на Греческой улице,

возле сквера Сохо, где жил доктор Фергюссон. Шотландец взбежал на крыльцо и пятью здоровенными ударами в дверь возвестил о своем прибытии. Фергюссон сам открыл ему.

— Дик! — воскликнул он, впрочем без особенного удивления.

— Он самый, — заявил Кеннеди.

— Как это ты, дорогой Дик, в Лондоне в разгар зимней охоты?

— Да! Я в Лондоне.

— Для чего же ты приехал?

— Помешать неслыханному безрассудству!

— Безрассудству? — переспросил доктор.

— Верно ли то, что говорится в этой газете? — спросил Кеннеди, протягивая другу номер «Дейли телеграф».

— Ах, вот оно что! Эти газеты, надо сказать, довольно-таки нескромны. Но присядь же, дорогой Дик.

— И не подумаю! Скажи, ты в самом деле затеял это путешествие?

— В самом деле. У меня многое уже готово, и я...

— И где же оно? Я разнесу, разобью все вдребезги!!

Милый шотландец не на шутку вышел из себя.

— Успокойся, дорогой Дик, — заговорил доктор. — Я тебя понимаю. Ты обижен на меня за то, что я до сих пор не ознакомил тебя с моими проектами...

— И он еще зовет это своими проектами!

— Видишь ли, я был чрезвычайно занят, — продолжал Фергюссон, не обращая внимания на возглас Дика. — У меня уйма дел, но успокойся же: я ведь непременно написал бы тебе, прежде чем уехать...

— Очень мне это важно! — перебил его Кеннеди.

— ...по той простой причине, что я намерен взять тебя с собой, — докончил Фергюссон.

Шотландец отпрянул с легкостью, которая могла бы сделать честь серне.

— Послушай, Самуэль, не хочешь ли ты, чтобы нас обоих заперли в Бедлам? [1]

---

[1] Бедлам — психиатрическая больница в Лондоне.

— Именно на тебя я рассчитывал, дорогой мой Дик, и остановился на тебе, отказав очень многим.

Кеннеди совершенно остолбенел.

— Если ты послушаешь меня в течение каких-нибудь десяти минут, — спокойно продолжал Фергюссон, — то, поверь, будешь мне благодарен.

— Ты говоришь серьезно?

— Очень серьезно.

— А что, если я откажусь сопровождать тебя?

— Ты не откажешься.

— Но если все же откажусь?

— Тогда я отправлюсь один.

— Ну, сядем, — предложил охотник, — и поговорим спокойно. Раз ты не шутишь, дело стоит того, чтобы его хорошенько обсудить.

— Только если ты ничего не имеешь против, обсудим его за завтраком, дорогой Дик.

Друзья уселись один против другого за столиком, на котором возвышались гора бутербродов и огромный чайник.

— Дорогой мой Самуэль, — начал охотник, — твой проект безумен. Он невозможен. В нем нет ничего серьезного и осуществимого.

— Ну, это мы увидим. Сначала испробуем, — отозвался доктор.

— Но пробовать-то именно и не надо, — настаивал Кеннеди.

— А почему, скажи на милость?

— А всевозможные опасности и препятствия? Ты о них забываешь?

— Препятствия на то и существуют, чтобы их преодолевать, — с серьезным видом ответил Фергюссон. — Что же касается опасностей, то кто вообще гарантирован от них? В жизни опасности на каждом шагу. Может быть, опасно сесть за стол, надеть на голову шляпу... Чему быть, того не миновать; в будущем надо видеть настоящее, ведь будущее и есть более отдаленное настоящее.

— Ну вот, — сказал Кеннеди, пожимая плечами. — Ты всегда был фаталистом.

— Да, всегда, но в хорошем смысле этого слова.

Так не будем же гадать, что готовит нам судьба. Вспомним-ка добрую английскую пословицу: «Кому суждено быть повешенным, тот не рискует утонуть».

На это сказать было нечего, но Кеннеди все же нашел немало возражений, слишком длинных для того, чтобы их здесь приводить.

— Ну, хорошо, — заявил он после целого часа препирательств, — если ты уж во что бы то ни стало хочешь пересечь всю Африку, если это совершенно необходимо для твоего счастья, то почему не воспользоваться для этого обычными путями?

— Почему? — спросил, воодушевляясь, доктор. — Да потому, что до сих пор все такие попытки терпели неудачи. Мунго Парк был убит на Нигере, Фогель исчез бесследно в стране Вадаи, Оудней умер в Мурмуре, Клаппертон — в Сокото, француз Мэзан был изрублен на куски, майор Ленг убит туарегами, Рошер из Гамбурга погиб в начале тысяча восемьсот шестидесятого года. Как видишь, длинен список мучеников; немало жертв понесли мы в Африке. Очевидно, невозможно бороться со стихиями, с голодом, жаждой, лихорадкой, с дикими зверями и тем более — с дикими туземными племенами. А если нельзя сделать что-либо одним способом, оно должно быть сделано другим; если нельзя пройти посредине, надо обойти сбоку или пронестись сверху.

— Вот это-то и страшно, — заметил Дик.

— Чего же бояться? — возразил доктор с величайшим хладнокровием. — Ты ведь не можешь сомневаться в том, что я принял все меры предосторожности против аварии моего воздушного шара? Но даже случись с ним что-нибудь, и тогда я все же окажусь на земле, как всякий другой путешественник. Повторяю, мой шар меня не подведет, а об авариях не стоит даже и думать.

— Наоборот, как раз о них и следует думать.

— Нет, дорогой Дик. Я намерен расстаться со своим воздушным шаром не раньше, чем доберусь до западного побережья Африки. Пока я на нем, на этом шаре, все становится возможным! Без него же я подвергаюсь опасностям и случайностям прежних экспе-

диций. С шаром мне не страшны ни зной, ни потоки, ни бури, ни самум, ни вредный климат, ни дикие звери, ни даже люди! Мне слишком жарко — я поднимаюсь выше; мне холодно — я спускаюсь; гора на моем пути — я ее перелетаю; пропасть, река — переношусь через них; разразится гроза — я уйду выше нее; встретится поток — промчусь над ним, словно птица. Подвигаюсь я вперед, не зная усталости, и останавливаюсь в сущности вовсе не для отдыха. Я парю над неведомыми странами... Я мчусь с быстротой урагана то в поднебесье, то над самой землей, и карта Африки развертывается перед моими глазами, будто страница гигантского атласа...

Слова Фергюссона тронули доброго Кеннеди, но вместе с тем у него закружилась голова от картины, нарисованной его другом. Он смотрел на Самуэля с восхищением и со страхом, и ему казалось, что он уже раскачивается в воздухе...

— Но постой-ка, постой, дорогой Самуэль, значит, ты нашел способ управлять воздушным шаром? — спросил Кеннеди.

— Да нет же, это утопия.

— Как же ты полетишь?

— По воле провидения, но во всяком случае с востока на запад.

— А почему?

— Да потому, что я рассчитываю на помощь пассатов, направление которых всегда одно и то же.

— Вот как... — проговорил в задумчивости Кеннеди. — Пассаты... конечно, в крайнем случае... пожалуй... быть может...

— Нет, не быть может, а наверное! В этом все дело, — перебил его Фергюссон. — Английское правительство предоставило в мое распоряжение транспортное судно. Вместе с тем условлено, что примерно к тому времени, когда я прибуду к западному берегу Африки, там будут крейсировать три или четыре судна. И вот не дальше как через три месяца я буду на Занзибаре. Там я наполню газом мой шар, и оттуда мы устремимся...

— Мы?.. — повторил Дик.

— Да. Неужели у тебя еще есть какое-нибудь возражение? Говори, друг Кеннеди.

— Возражение? Их у меня целая тысяча! Начнем хотя бы с такого: скажи на милость, если ты собираешься осматривать местность, подниматься и опускаться по своему желанию, то ведь тебе придется тратить газ. До сих пор, насколько мне известно, иного способа не было, а это всегда и служило препятствием для долгих путешествий по воздуху.

— На это, дорогой мой Дик, я отвечу тебе одно: я не буду терять ни одного атома газа, ни одной его молекулы...

— И ты сможешь по своему желанию снижаться?

— Смогу по своему желанию снижаться.

— Как же ты это сделаешь?

— А это уж моя тайна, дорогой мой друг. Положись на меня, и пусть мой девиз «Excelsior» станет и твоим.

— Ну, ладно, «Excelsior» так «Excelsior», — согласился охотник, ни слова не знавший по-латыни.

Но в то же время он был твердо намерен всеми средствами противиться отъезду своего друга. Он сделал лишь вид, что согласился с ним, а в душе решил довольствоваться ролью зрителя.

Самуэль же после этого разговора отправился наблюдать за приготовлениями к полету.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исследователи Африки: Барт, Ричардсон, Овервег, Верне, Брён-Ролле, Пеней, Андреа Дебоно, Миани, Гийом Лежан, Брюс, Крапф и Ребман, Мэзан, Рошер, Бёртон и Спик.

Воздушный путь, которого собирался придерживаться доктор Фергюссон, был им выбран далеко не случайно. Он серьезно обдумал, откуда надо начать свой полет, и у него были основательные причины, чтобы подняться именно с острова Занзибар. Расположен этот остров на восточном побережье Африки под 6° южной широты, то есть на четыреста тридцать гео-

графических миль[1] ниже экватора. Отсюда же отправилась незадолго до того последняя экспедиция, посланная к Великим озерам для открытия истоков Нила.

Нужно заметить, что Фергюссон имел в виду связать результаты двух главных исследований: доктора Барта в 1849 году и лейтенантов Бёртона и Спика в 1858 году.

Доктор Барт, уроженец Гамбурга, получил разрешение присоединиться вместе со своим соотечественником Овервегом к экспедиции англичанина Ричардсона, направлявшейся в Судан.

Эта обширная страна лежит между 15° и 10° северной широты, и чтобы добраться до нее, нужно проникнуть вглубь Африки на полторы тысячи миль.

До сих пор она была известна только по путешествиям Денхема, Клаппертона и Оуднея (1822 — 1824 годы). Ричардсон, Барт и Овервег, стремясь продвинуться дальше, прибыли сначала, как и предшественники их, в Тунис и Триполи, а оттуда в столицу Феццана — Мурзук.

Тут они уклоняются от направления, перпендикулярного к экватору, и делают крюк на запад, к городу Гат. Проводники у них — туареги, и это создает немало затруднений. После всяких грабежей, оскорблений, вооруженных нападений их караван, наконец, и прибывает в обширный оазис Асбен. Доктор Барт здесь расстается на время со своими спутниками, чтобы предпринять экскурсию в город Агадес.

По его возвращении вся экспедиция 12 декабря снова пускается в путь. По прибытии в провинцию Дамергу путешественники разделяются, и Барт направляется в город Кано, которого достигает только благодаря своему терпению и раздаче больших сумм в виде своего рода дани.

Несмотря на сильную лихорадку, доктор Барт 7 марта покидает этот город в сопровождении одного слуги. Главной целью его путешествия является обследование озера Чад, от которого он находится на расстоянии трехсот пятидесяти миль. Подвигаясь на во-

---

[1] Географическая миля = 7,420 км.

сток, Барт добирается до города Цуриколо в стране Борну, этого ядра великой центральной африканской империи. Здесь он узнает о смерти главы экспедиции — Ричардсона, погибшего от переутомления и лишений. Барт направляется дальше, сначала в город Кука — столицу страны Борну, расположенную на берегу озера Чад, а затем в город Нгуру, которого и достигает спустя три недели, 14 апреля, через двенадцать с половиной месяцев после своего отправления из Триполи.

Вместе с Овервегом он направляется 29 марта в царство Адамауа, к югу от того же озера Чад. Здесь он достигает Йола — города, расположенного немного южнее 9° северной широты. Это самый южный пункт, куда удается добраться отважному путешественнику.

В августе Барт возвращается в город Кука, откуда отправляется в Мандару, Баргими, Канем и достигает самого восточного пункта своих странствований — города Массенья, расположенного на 17°20′ восточной долготы.

После смерти своего последнего спутника, Овервега, доктор Барт 25 ноября 1852 года отправляется на запад, посещает Сокото, переправляется через Нигер и, наконец, добирается до Тимбукту, где томится в течение долгих восьми месяцев, перенося оскорбления шейха, дурное обращение и нужду. Но наступает момент, когда пребывание христианина в городе не может быть больше терпимо. Фулахи открыто грозят ему, и 17 марта 1854 года ему приходится бежать на границу, где он скрывается в течение тридцати трех дней, терпя страшные лишения. Отсюда в ноябре ему удается добраться сначала до Кано, а затем в город Кука. Прожив здесь четыре месяца, он снова идет по пути Денхема. Триполи доктор достиг только в августе 1855 года, а 6 сентября того же года он — единственный из членов экспедиции — приезжает в Лондон.

Таковы в общих чертах отважные странствования доктора Барта.

Самуэль Фергюссон отметил особенно тщательно, что Барт достиг 4° северной широты и 17° восточной долготы.

Посмотрим, что делали в это время лейтенант Бёртон и Спик в Восточной Африке.

Различным экспедициям, поднимавшимся вверх по Нилу, ни разу не удалось добраться до таинственных истоков этой реки.

По сообщению Фердинанда Верне, немецкого врача, экспедиция, отправившаяся вглубь Африки в 1840 году под покровительством Мехмета-Али, остановилась в Гондокоро, между четвертой и пятой северными параллелями.

В 1855 году Брён-Ролле, савойец, назначенный консулом Сардинии в Восточный Судан, в замен умершего Водея, выехал из Хартума под именем купца Якуба, торгующего камедью и слоновой костью. Он достиг Белении, расположенной за четвертым градусом. Здесь он заболел и вернулся в Хартум, где умер в 1857 году.

Ни доктор Пеней, начальник египетской медицинской службы, который добрался на небольшом пароходе до местности, расположенной на градус ниже Гондокоро, и, вернувшись в Хартум, умер там от истощения, ни венецианец Миани, обогнувший водопады под Гондокоро и достигший второй параллели, ни мальтийский купец Андреа Дебоно, прошедший несколько дальше по Нилу, не могли переступить через эту заколдованную черту.

В 1859 году Гийом Лежан по поручению французского правительства отправился в Хартум по Красному морю и отплыл по Нилу с двадцатью солдатами и экипажем, насчитывавшим десятка два матросов, но и он не пошел дальше Гондокоро; жизнь его была в большой опасности. Экспедиция, во главе которой стоял д'Эскейрак де Лотюр, тоже пыталась достигнуть истоков Нила.

Но путешественников останавливал все тот же роковой предел. Посланцы Нерона некогда достигли девятого градуса широты; следовательно, за восемнадцать столетий было выиграно каких-нибудь пять или шесть градусов, то есть от трехсот до трехсот шестидесяти географических миль.

Некоторые из путешественников пытались достигнуть истоков Нила, взяв за отправной пункт восточный берег Африки.

Шотландец Брюс, путешествие которого продолжалось с 1768 до 1772 года, выехал из абиссинского порта Массауа, пересек область Тигре, побывал на развалинах Аксума, увидел истоки Нила там, где их не было, и не добился никаких серьезных результатов.

В 1844 году доктор Крапф, англиканский миссионер, основал миссию в Момбасе, недалеко от Занзибара, и открыл вместе со священником Ребманом две горы на расстоянии трехсот миль от берега; это горы Килиманджаро и Кения, на которые поднялись Хейглин и Торнтон.

В 1845 году француз Мэзан высадился один в Багамойо напротив Занзибара и добрался до Джеламора, где погиб от жестокой пытки, которой его подверг вождь одного из племен.

В 1859 году в августе молодой путешественник Рошер из Гамбурга, присоединившись к каравану арабских купцов, дошел до озера Ньяса, где был застигнут во время сна и убит.

Наконец, в 1857 году лейтенанты Бёртон и Спик, два офицера бенгальской армии, были посланы Лондонским географическим обществом исследовать Великие озера Африки. 17 июля они покинули Занзибар и направились прямо на запад.

После четырех месяцев неслыханных мучений (багаж их был разграблен, а носильщики перебиты) они достигли Казеха, сборного пункта купцов и караванов. Это была область Лунных гор, и здесь они собрали драгоценный материал относительно быта, управления, религии, фауны и флоры страны. Отсюда они двинулись к первому из Великих озер — Танганьике, расположенному между 3° и 8° южной широты. Добрались они до него 14 февраля 1858 года. Здесь наши путешественники ознакомились с разными племенами (большая часть их — людоеды), жившими по берегам озера.

В обратный путь они пустились 26 мая и 20 июня были уже снова в Казехе. Тут Бёртон заболел и несколько месяцев пролежал в постели. Спик же воспользовался этим временем, чтобы пройти более трехсот миль к северу, к озеру Укереве. Достиг он этого озера 3 августа, но ему удалось осмотреть лишь небольшую часть его, расположенную на 2° 30′ южной широты.

Спик вернулся в Казех 25 августа и вскоре вместе с Бёртоном направился к Занзибару, куда путешественники прибыли только в марте следующего года. Отсюда эти два смелых исследователя отбыли в Англию. Парижское географическое общество присудило им премию.

Доктор Фергюссон не преминул с обычной своей точностью отметить, что эта последняя экспедиция не перешла 2° южной широты и 29° восточной долготы.

Итак, цель доктора Фергюссона заключалась в том, чтобы соединить исследования Барта с позднейшими исследованиями Бёртона и Спика. Для этого надо было продвинуться по африканскому материку более чем на двенадцать градусов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сны Кеннеди. — Злоупотребление местоимениями множественного числа. — Намеки Дика. — Прогулка по карте Африки. — Между двумя точками циркуля. — Новейшие экспедиции. — Спик и Грант. — Крапф, Деккен, Хейглин.

Доктор Фергюссон очень энергично готовился к отъезду. Он лично руководил сооружением воздушного шара, делая в нем некоторые изменения, неизвестно какие, ибо доктор на этот счет был нем как могила. Он уже давно начал изучать арабский язык, а также разные наречия негров и благодаря своим лингвистическим способностям сделал большие успехи.

Тем временем его друг-охотник не отходил от него ни на шаг. Должно быть, Дик боялся, как бы Самуэль не улетел, не сказав ему ни слова. Не раз шотландец снова порывался убеждать друга отказаться от своей затеи, но тот был непоколебим. Порой Кеннеди обращался к нему с патетической мольбой, но и это не трогало доктора. И вот Дику стало казаться, что Фергюссон как бы ускользает у него из рук. Бедный шотландец действительно заслуживал сожаления. Он уже не мог иначе как с ужасом смотреть на лазурный свод небес. Даже во сне у Дика кружилась голова от какого-то покачивания, и каждую ночь ему мерещилось, что он летит вниз с неизмеримых высот.

Надо прибавить, что во время этих ужасных кошмаров бедный Дик раза два даже сваливался со своей кровати. И он сейчас же показывал Фергюссону свою расшибленную голову.

— Ведь и упал-то я всего с каких-нибудь трех футов, никак не больше, — прибавил он добродушно, — а шишка вон какая! Посуди сам.

Этот намек, в котором слышалось глубокое уныние, однако, не смутил доктора.

— Мы не упадем, — заявил он.

— А если все-таки упадем?

— Говорю тебе — не упадем!

Это было сказано так решительно, что Кеннеди не нашелся что возразить.

Особенно раздражало его то, что доктор, казалось, совсем не считался с ним, находя, что Кеннеди бесповоротно предназначен самой судьбой быть его спутником в воздушном путешествии. Это было решенное дело. Самуэль невыносимо злоупотреблял местоимением первого лица множественного числа: «мы подвигаемся вперед», «мы будем готовы такого-то числа», «мы отправимся»... Частенько пользовался он местоимением «наш» и в единственном и во множественном числе: «наша корзина», «наше исследование», «наши приготовления», «наши открытия», «наши подъемы»...

Все это приводило Дика в содрогание, хотя он и решил не отправляться в это воздушное путешествие. В то же время ему не хотелось раздражать своего

друга. Надо добавить, что он втихомолку выписал из Эдинбурга, сам не зная для чего, некоторое количество специально подобранной одежды и свои лучшие охотничьи ружья.

В один прекрасный день Дик притворился, будто решил уступить настояниям друга и отправиться с ним: есть же хоть один шанс из тысячи на успех, — при большой удаче!

Но тут же, чтобы отсрочить путешествие, он стал придумывать массу самых разнообразных уверток и выражать сомнение в пользе и уместности экспедиции.

— Так ли в самом деле важно открытие истоков Нила? — спрашивал он. — Действительно ли это необходимо для человечества? А если даже африканские племена будут цивилизованы, станут ли они от этого счастливее?.. Да, наконец, может быть, Африка еще более цивилизована, чем Европа?.. Это весьма возможно... И вообще, нельзя ли с этой экспедицией обождать маленько? Ведь когда-нибудь кто-нибудь да переправится через всю Африку, и притом способом менее рискованным... Без сомнения, появится какой-нибудь исследователь — ну, через месяц, полгода, год...

Но, увы, все эти разговоры и намеки имели как раз обратное действие, и Фергюссон, слушая их, лишь выходил из себя:

— Чего же ты хочешь, мой бедный Дик? Мой неверный друг? Чтобы слава досталась другому? По-твоему, надо изменить своему прошлому? Да? Отступить перед какими-то ничтожными препятствиями? Трусостью и колебаниями отблагодарить английское правительство и Лондонское географическое общество за все, что они сделали для меня?

— Но... — начал Кеннеди, очень любивший это слово.

— Но, — перебил его доктор, — разве тебе не известно, что я должен содействовать успеху уже действующих экспедиций? Ты, видимо, не знаешь, что новые исследователи в настоящее время приближаются к центру Африки?

— Однако... — опять начал Кеннеди.

— Выслушай меня хорошенько, Дик, и взгляни на карту!

Дик покорно устремил взгляд на карту.

— Поднимись по течению Нила, — проговорил Фергюссон.

— Поднимаюсь, — послушно ответил шотландец.

— Дойди до Гондокоро.

— Дошел!

И Кеннеди подумал, как легко путешествовать... по карте.

— Теперь возьми циркуль, — продолжал доктор, — и поставь одну из его ножек на этот город, дальше которого не проник ни один самый бесстрашный человек.

— Поставил.

— А затем разыщи остров Занзибар на шестом градусе южной широты.

— Нашел.

— Следуй по этой параллели до Казеха.

— Есть.

— Теперь поднимись по тридцать третьему меридиану до того места на озере Укереве, где остановился лейтенант Спик.

— Ну, поднялся и едва не очутился в озере...

— Прекрасно! А знаешь ли ты, какие предположения можно сделать на основании сведений, полученных от обитателей берегов этого озера?

— Понятия не имею.

— Так слушай же: предполагают, что это озеро, южный берег которого находится на втором градусе тридцатой минуте южной широты, простирается также на два с половиной градуса севернее экватора...

— Вот как!

— ... и что из северной части озера берет начало река, которая неизбежно должна достигнуть Нила, если только это и не есть самый его исток.

— Очень любопытно!

— Теперь поставь вторую ножку твоего циркуля на этой крайней северной точке озера Укереве.

— Готово, друг Фергюссон!

— Ну, скажи: сколько градусов между двумя точками?

— Около двух.

— Известно ли тебе, Дик, какое это расстояние?

— Не имею ни малейшего представления.

— Это составляет менее ста двадцати морских миль[1], другими словами — ничто.

— Конечно, почти ничто, Самуэль!

— А знаешь ли ты, что происходит в данное время?

— Клянусь, не ведаю!

— Да будет же тебе известно: Лондонское географическое общество нашло необходимым исследовать озеро, открытое лейтенантом Спиком. Находясь под покровительством этого общества, Спик (в настоящее время уже капитан) соединился с капитаном Грантом, служившим раньше в Индии, и оба они поставлены во главе многочисленной и располагающей большими средствами экспедиции. Им поручено исследовать озеро Укереве, а также дойти до Гондокоро. Они получили субсидию более чем в пять тысяч фунтов стерлингов, и губернатор капской провинции предоставил в их распоряжение отряд солдат-готтентотов. Экспедиция эта двинулась из Занзибара в конце октября тысяча восемьсот шестидесятого года. В это же самое время английский консул в Хартуме, Джон Питрик, получил от Foreign office — министерства иностранных дел — около семисот фунтов стерлингов с приказанием снарядить в Хартуме пароход, погрузить на него необходимый провиант и отправить в Гондокоро. Там пароход будет дожидаться экспедиции капитана Спика и снабдит ее всем необходимым.

— Прекрасно придумано, — заметил Кеннеди.

— Из этого, Дик, ты видишь, что надо очень торопиться, если мы хотим принять участие в этих экспедициях. И это еще не все: в то время как одни исследователи — на верном пути к открытию истоков Нила, другие отважно устремляются в самое сердце Африки.

— Пешком? — поинтересовался Кеннеди.

---

[1] Морская миля равна 1,852 км.

— Да, пешком, — ответил доктор, не обращая внимания на намек своего друга. — Доктор Крапф собирается двинуться на запад вдоль Джоба — реки, протекающей у экватора. Барон Деккен вышел из Момбаса и, исследовав горы Кения и Килиманджаро. также углубляется к центру материка.

— И тоже пешком? — опять спросил Кеннеди.

— Да, пешком или верхом на мулах.

— Но, по-моему, это совершенно то же, — заметил шотландец.

— Наконец, — продолжал Фергюссон, — доктор Хейглин, австрийский вице-консул в Хартуме, только что организовал очень солидную экспедицию; она отправится на поиски путешественника Фогеля, посланного в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году в Судан на соединение с экспедицией доктора Барта. В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году Фогель покинул Борну с намерением исследовать неизвестную страну между озером Чад и Дарфуром. С тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Судя по письмам, полученным в июне тысяча восемьсот шестидесятого года в Александрии, он был убит по приказанию короля Вадаи; но по другим письмам, присланным отцу путешественника доктором Гартманом, который ссылается на свидетельство жителя Борну, Фогель содержится пленником в Варе; значит, надежда еще не потеряна. Образовался комитет под председательством великого герцога Саксен-Корбург-Готского; мой друг Петерман — секретарь этого комитета. По подписке собраны средства на экспедицию, в которой участвуют многие ученые. Доктор Хейглин уже двинулся в июне из Массауа. Разыскивая следы Фогеля, он должен в то же время исследовать местность между Нилом и озером Чад, связав таким образом в одно труды экспедиций Барта и Спика. И вот, как видишь, Африка будет всеми ими пройдена с востока на запад.

— Ну, и чудесно! — воскликнул шотландец. — Раз у них все так прекрасно налаживается, что же, спрашивается, нам остается там делать?

Доктор Фергюссон на это ничего не ответил, а только пожал плечами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Необычайный слуга. — Он видит спутников Юпитера. — Спор между Диком и Джо. — Сомнение и вера. — Взвешивание. — Джо-Веллингтон. — Джо получает полкроны.

У доктора Фергюссона был слуга, с готовностью откликавшийся на имя Джо. Это был чудесный малый; он во всем верил доктору и был безгранично ему предан. Он не только самым толковым образом выполнял все распоряжения Фергюссона, но даже предугадывал их. Словом, Калеб [1], но не ворчливый, а всегда пребывающий в прекрасном расположении духа. Лучшего слуги нельзя себе представить. Фергюссон всецело полагался на него во всех житейских делах и был совершенно прав. Редкий, честнейший Джо! Подумать только: слуга, который сам заказывает вам обед, до мелочей знает ваши вкусы, укладывает ваш чемодан, не забывает при этом ни сорочек, ни носков, владеет вашими ключами и тайнами и никогда ни тем, ни другим не злоупотребляет!

Но надо также знать, какими глазами смотрел Джо на доктора. С каким уважением и доверием относился он к распоряжениям своего хозяина! Когда Фергюссон что-нибудь говорил, то, по мнению Джо, было просто безумием ему возражать. Все, что доктор думал, было верно, что он говорил, — умно, все, что приказывал, — выполнимо, все, что предпринимал, — возможно, все, что делал, — достойно удивления. Вы могли бы изрезать Джо на куски — что, конечно, вряд ли бы сделали, — но он и тогда ни на волос не изменил бы своего мнения о докторе.

Потому-то, когда у Фергюссона зародилась мысль совершить перелет через Африку, для Джо это было делом решенным; никаких препятствий он не признавал. Раз доктор Фергюссон решил отправиться — значит, он со своим верным Джо уже у цели! Славный

---

[1] Калеб — персонаж из повести Чарльза Диккенса «Сверчок на печи».

малый не сомневался в том, что без него путешествие состояться не может, хотя доктор не сказал ему об этом ни слова.

Да и в самом деле, сметливый, необычайно ловкий Джо мог оказать неоценимые услуги во время такого путешествия. Если бы понадобился учитель гимнастики для самых прытких обезьян зоологического сада, то Джо, несомненно, смог бы получить эту должность. Ему ничего не стоило прыгать, карабкаться и проделывать всевозможные гимнастические трюки.

Если Фергюссон был в этом предприятии головой, а от Кеннеди требовались сильные руки, то Джо был полезен ловкостью, проворством.

Джо сопровождал своего хозяина уже во многих путешествиях и обладал кое-какими научными сведениями, усвоенными им, конечно, своеобразно. У него была собственная философия — философия спокойствия, и очаровательный оптимизм: все представлялось ему легким, логичным и естественным, а потому он не знал, что такое жалобы или проклятия. Среди других достоинств Джо обладал удивительно хорошим, острым зрением. Подобно Местлину, учителю Кеплера, он был наделен редкой способностью видеть без увеличительного стекла спутников Юпитера и мог сосчитать в созвездии Плеяд четырнадцать звезд, из которых несколько последних — девятой величины. Он ничуть этим не гордился, напротив, был скромен и почтителен, но при случае прекрасно умел пользоваться своими глазами.

При том безграничном доверии, которое Джо питал к доктору, естественно, между слугой и Кеннеди то и дело поднимались бесконечные споры по поводу готовящейся экспедиции, хотя слуга не выходил из границ почтительности.

Один был полон веры, другой — сомнений, один был весь осторожность и проницательность, другой — слепое доверие; таким образом, доктор находился между сомнением и верой. Надо сказать, что он не обращал ни малейшего внимания ни на то, ни на другое.

— Ну, мистер Кеннеди... — начинал Джо.

— Ну, милый Джо...

— Дело уже почти что в шляпе: кажется, мы скоро отправимся на Луну, — продолжал Джо.

— Ты хочешь сказать — к Лунным горам? Это, знаешь, не так далеко, как Луна, но, будь уверен, не менее опасно.

— Опасно! Что вы! С таким человеком, как доктор Фергюссон!

— Мне не хочется разочаровывать тебя, милый Джо, но должен сказать, что затея доктора просто безумна. Впрочем, никуда он не полетит.

— Не полетит? Так вы, значит, не видели его воздушного шара в мастерских Митчела, в Бору?

— Очень нужно мне его видеть!

— Лишаетесь, сэр, прекрасного зрелища. Ну, до чего хорош! Как сработан! А корзина — игрушка! Воображаю, как удобно мы в ней усядемся!

— А ты, значит, серьезно думаешь отправиться со своим доктором?

— Я? Да я за ним хоть на край света, — с решительным видом ответил Джо. — Не хватало еще, чтобы я отпустил его одного, после того как мы с ним вместе объездили весь мир! А кто же его поддержит, когда он устанет? Кто протянет ему сильную руку, когда ему надо будет перескочить через пропасть? А заболей он, кто станет за ним ходить?.. Нет, мистер Дик, Джо всегда будет на своем посту при докторе Фергюссоне, или, вернее сказать, подле него.

— Славный ты малый, Джо!

— Но ведь и вы едете с нами, — заявил Джо.

— Конечно, — отозвался Кеннеди, — то есть я буду сопровождать вас, чтобы до последней минуты удерживать Самуэля от его безумной затеи. Да, я поеду за ним до самого Занзибара, рука друга во-время остановит его, и он отступится от этого бессмысленного проекта.

— Позвольте вам сказать, мистер Кеннеди, что вы ровно ничего не остановите! Доктор Фергюссон не какой-нибудь сумасброд. Уж он, прежде чем решиться, обдумывает дело со всех сторон. Но раз решение принято, сам дьявол не заставит его отступить.

— Ну, это мы еще посмотрим! — бросил шотландец.

— Не тешьте себя, мистер Кеннеди, напрасной надеждой. Впрочем, самое важное — чтобы вы поехали. Для такого охотника, как вы, Африка — страна чудесная, и как бы там ни было, а вы не пожалеете, что отправились туда.

— Конечно, не пожалею, особенно когда этот упрямец сдастся перед очевидностью.

— А кстати, — прибавил Джо, — вы знаете, что сегодня будет взвешивание?

— Какое взвешивание?

— Да вот надо взвесить всех троих: доктора, вас и меня.

— Как жокеев!

— Да, как жоксев. Только успокойтесь: если вы окажетесь слишком тяжелым, вас не заставят худеть, — заберут таким, как вы есть.

— Уж конечно, себя-то я не позволю взвешивать, — уверенно сказал шотландец.

— Но, сэр, это, кажется, необходимо. Его шар...

— Его шару придется обойтись без этого.

— Нет, уж извините! Что же получится, если из-за неверных вычислений мы не сможем подняться?

— Черт возьми! Мне только того и надо.

— Да что вы, мистер Кеннеди! Доктор сейчас придет за вами.

— Я не пойду.

— Вы не захотите доставить ему такую неприятность.

— А вот и доставлю!

— Ладно! — смеясь, воскликнул Джо. — Вы говорите это потому, что его здесь нет, а стоит ему сказать вам (уж простите мою дерзость): «Дик, мне необходимо узнать твой точный вес», — и вы, ручаюсь, сейчас же отправитесь на весы, ни словечка не скажете.

— Нет, не пойду!

В это мгновение Фергюссон вошел в свой кабинет, где происходил разговор между Диком и Джо. Он взглянул на Кеннеди, который почувствовал себя не очень-то хорошо.

— Дик, — проговорил доктор, — и ты и Джо пойдемте-ка со мной. Мне надо знать точный вес каждого из вас.

— Но... — начал было Кеннеди.

— Ты при взвешивании можешь не снимать своей шляпы. Идем же, — перебил его доктор.

И Кеннеди пошел.

Все трое отправились в мастерские Митчела, где были приготовлены так называемые десятичные весы. Доктору Фергюссону для установления равновесия в своем воздушном шаре действительно надо было знать вес своих спутников. И он заставил Дика встать на площадку весов. Тот не противился, а только пробормотал:

— Хорошо, хорошо! Но ведь это ни к чему не обязывает.

— Сто пятьдесят три фунта, — объявил доктор, занося эту цифру в свою записную книжку.

— Что, я слишком тяжел?

— Да нет, мистер Кеннеди, — успокоил его Джо. — К тому же я очень легок, вот мы и уравновесим друг друга.

Говоря это, Джо сменил Кеннеди, и так стремительно это сделал, что едва не перевернул весы. Тут он принял позу статуи Веллингтона, изображенного в виде Ахилла при входе в Гайд-парк. Джо был поистине великолепен, хотя ему и не хватало щита!

— Сто двадцать фунтов, — снова записал доктор.

— Э-ге-ге... — проговорил Джо, радостно улыбаясь, сам не зная чему.

— Теперь моя очередь, — сказал Фергюссон и занес в записную книжку свой вес: сто тридцать пять фунтов. — Все трое мы весим немногим больше четырехсот фунтов, — заявил он.

— Но, сэр, если только это нужно для вашей экспедиции, то мне ничего не стоит похудеть на двадцать фунтов, придется только поголодать, — обратился Джо к доктору.

— Это лишнее, мой милый. Можешь есть хоть до отвала. И вот тебе полкроны — угощайся, чем душе угодно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Геометрические размеры воздушного шара. — Вычисления его подъемной силы. — Две его оболочки — Корзина. — Таинственный аппарат. — Запасы провизии. — Окончательные вычисления.

Доктор Фергюссон уже немало времени был занят обдумыванием всех подробностей своей экспедиции. Понятно, что воздушный шар — это чудесное средство передвижения по воздуху — неотступно занимал его мысли.

Прежде всего, стремясь к тому, чтобы объем шара не был слишком большим, он решил наполнить его водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче воздуха. Добывание этого газа особых трудностей не представляет, и именно с ним при воздухоплавательных опытах достигнуты наилучшие результаты. После самого тщательного подсчета Фергюссон пришел к заключению, что воздушный шар вместе со своим содержимым должен весить четыре тысячи английских фунтов[1]. Вслед за этим надо было вычислить необходимую при этой нагрузке подъемную силу и, исходя из нее, определить емкость шара. Вся загрузка в четыре тысячи фунтов вытесняет сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов воздуха; другими словами, сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов воздуха именно и весят примерно четыре тысячи фунтов.

Дав оболочке шара емкость в сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов[2] и наполнив ее вместо воздуха водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче и потому в этом объеме весит всего двести семьдесят шесть фунтов, мы нарушим равновесие шара на три тысячи семьсот двадцать четыре фунта, получив, так сказать, разницу в весе. Эта-то разница между весом вытесняемого воздуха и весом содержащегося в оболочке газа и составляет подъемную силу шара.

---

[1] Английский фунт равен 453,6 гр.

[2] Английский кубический фут равен 0,028315 м³.

Но если, как только что было сказано, ввести в воздушный шар сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов газа, то оболочка его окажется совершенно наполненной, а этого не должно быть, ибо, по мере того как шар поднимается в менее плотные слои воздуха, газ, заключенный в оболочке, стремится расшириться и непременно разорвет оболочку. Поэтому-то обыкновенно шар наполняют всего на две трети. Доктор же в силу каких-то своих, только ему одному известных, соображений решил наполнить шар лишь наполовину, а так как нужно было с собой забрать сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов водорода, шару надо было дать емкость вдвое большую.

Фергюссон придал своему шару удлиненную форму, считающуюся наилучшей, причем горизонтальный диаметр его равнялся пятидесяти футам [1], а вертикальный — семидесяти пяти [2]. Таким образом получился сфероид объемом приблизительно в девяносто тысяч кубических футов.

Если бы доктор мог пользоваться двумя шарами, то шансов на успех у него было бы больше. В самом деле, лопни вдруг в воздухе один из них, можно было бы, выбросив балласт, удержаться на другом. Но дело в том, что управлять двумя шарами при необходимости сохранять в них одинаковую подъемную силу очень трудно.

И вот Фергюссон после долгих размышлений сумел очень остроумно использовать преимущество двух шаров, устранив неудобства: он заказал две оболочки разных размеров и поместил их одну в другую. Внешняя оболочка вышеуказанного размера заключала в себе меньшую, горизонтальный диаметр которой равнялся сорока пяти футам, а вертикальный — шестидесяти восьми. Объем этого внутреннего шара был только в шестьдесят семь тысяч кубических футов. Он должен был плавать в окружавшем его газе. Из одного

---

[1] Английский фут равен 30,48 см^3.

[2] В этих размерах нет ничего необычайного. В 1784 году в Лионе Монгольфье построил аэростат емкостью в 340 тысяч куб. футов. Он поднимал груз в 20 тонн.

шара в другой открывался клапан, дававший возможность при надобности соединять их между собой.

Это расположение шаров представляло то преимущество, что если бы при спуске понадобилось выпустить газ, то можно было бы начать с большего шара и даже при необходимости совсем его опорожнить; в резерве нетронутым остался бы меньший шар. В случае же сильного ветра имелась возможность освободиться от внешней, ненужной, оболочки, и меньшая, наполненная газом, в состоянии была бы лучше выдержать напор ветра, чем обыкновенный шар, наполовину потерявший газ.

Да и вообще при каком-нибудь злоключении — порвись, например, оболочка большого шара — меньшая оставалась бы в резерве. Обе оболочки были сделаны из плотной, крученого шелка, лионской тафты, пропитанной гуттаперчей. Это смоло-камедное вещество обладает абсолютной непроницаемостью и не подвержено действию кислот и газов. У верхнего полюса шара, где сосредоточено почти все давление, тафта эта была положена вдвое.

Такая оболочка способна была сохранять газ любое время. Каждые девять квадратных футов этой оболочки весили полфунта — следовательно, вся оболочка внешнего шара, имевшая одиннадцать тысяч шестьсот квадратных футов, весила шестьсот пятьдесят фунтов. Оболочка же внутреннего шара, поверхность которого равнялась девяти тысячам двумстам квадратным футам, весила лишь пятьсот десять фунтов; таким образом, обе оболочки весили тысячу сто шестьдесят фунтов.

Сеть, поддерживавшая корзину, была сплетена из чрезвычайно прочной пеньковой веревки. Что касается обоих клапанов, то им уделялось столько внимания и забот, как если б дело шло о руле корабля.

Круглая корзина, имевшая в диаметре пятнадцать футов, была сделана из ивовых прутьев на легкой железной основе. К нижней ее части были приделаны эластичные рессоры для смягчения толчков при спуске. Вес корзины вместе с сетью не превышал двухсот восьмидесяти фунтов.

Кроме того, доктор приказал сделать из листового железа, в две линии толщиной, четыре ящика. Они сообщались между собой трубами, снабженными кранами. К этим ящикам был присоединен змеевик двух дюймов в диаметре, оканчивавшийся двумя прямыми трубками, из которых одна была длиной в двадцать пять футов, а другая всего в пятнадцать.

Эти железные ящики были помещены в корзине таким образом, чтобы занимать как можно меньше места. Змеевик, который следовало приделать позже, уложили отдельно, равно как и очень сильную гальваническую батарею Бунзена. Весь этот аппарат был так искусно скомбинирован, что весил не больше семисот фунтов, включая сюда и двадцать пять галлонов воды в особом ящике.

Инструменты, предназначенные для путешествия, были следующие: два барометра, два термометра, два компаса, секстант, два хронометра, искусственный горизонт и альт-азимут для наблюдения за далекими и недоступными предметами.

Гринвическая обсерватория предложила свои услуги доктору Фергюссону. Впрочем, доктор не собирался заниматься физическими наблюдениями. Он хотел иметь лишь возможность ориентироваться и определять местонахождение главных рек, гор и городов.

Фергюссон запасся тремя надежными железными якорями, а также легкой прочной шелковой лестницей футов в пятьдесят длиной.

Он также вычислил очень точно вес съестных припасов, состоящих из чая, кофе, сахара, сухарей, солонины и пеммикана — препарата, содержащего в себе при незначительном объеме много питательных веществ. Помимо необходимого количества водки, доктор брал еще с собой два ящика питьевой воды, по двадцать два галлона каждый [1].

По мере потребления этих различных припасов нагрузка воздушного шара должна была постепенно уменьшаться. Надо знать, что равновесие шара в воз-

---

[1] Галлон равен 4,546 л.

духе чрезвычайно неустойчиво. Даже незаметное уменьшение нагрузки шара может ощутительно изменить его положение. Доктор не забыл также ни тента, прикрывающего часть корзины, ни одеял, составляющих всю постель путешественников, ни охотничьих ружей с запасом пороха и пуль. Вот подсчет всего, находившегося в воздушном шаре:

Фергюссон	135	фунтов
Кеннеди	153	»
Джо	120	»
Внешняя оболочка	650	»
Внутренняя оболочка	510	»
Корзина и сеть	280	»
Якоря, инструменты, ружья, одеяла, тент, разная утварь	190	»
Солонина, пеммикан, сухари, чай, кофе, водка	386	»
Вода	400	»
Аппараты	700	»
Вес водорода	276	»
Балласт	200	»
Всего	4000	фунтов

Таков был состав груза в четыре тысячи фунтов, который доктор Фергюссон предполагал взять с собой. Балласта «на самый непредвиденный случай», как говорил Фергюссон, — ибо благодаря своему аппарату вовсе не рассчитывал им пользоваться, — он брал всего двести фунтов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джо преисполнен важности. — Командир транспорта «Решительный». — Погрузка. — Арсенал Кеннеди — Прощальный обед. — Отплытие 21 февраля. — Научные беседы доктора в кают-компании. — Дюверье и Ливингстон. — Подробности предполагаемого воздушного путешествия. — Кеннеди вынужден молчать.

К 10 февраля все приготовления были почти закончены. Оболочки обоих воздушных шаров, заключенные одна в другую, подверглись сильному давлению

нагнетенного в них воздуха и с честью выдержали это испытание, показав, как тщательно они были изготовлены.

Джо от радости не чувствовал под собой ног. С озабоченным видом, но сияющий, он то и дело носился с Греческой улицы в мастерские Митчела. Страшно гордый тем, что сопутствует своему доктору, Джо охотно давал всевозможные пояснения даже тем, кто его об этом и не думал спрашивать. Кажется, тут он даже заработал несколько полукрон, показывая аэростат, сообщая слушателям идеи и планы доктора и давая им возможность взглянуть на него в полуоткрытое окно мастерской или на улице. Но не следует ставить ему это в вину, он имел право немного поспекулировать на любопытстве и восхищении своих современников.

16 февраля транспорт «Решительный» бросил якорь у Гринвича. Это был винтовой пароход водоизмещением в восемьсот тонн, с прекрасным ходом, побывавший с Джемсом Россом в его последней полярной экспедиции. Командир «Решительного» Пеннет пользовался репутацией очень милого человека и с особенным интересом относился к путешествию доктора Фергюссона, которого очень ценил с давних пор. Командир Пеннет был скорее ученым, чем солдатом, что, однако, не мешало ему иметь на своем судне четыре пушки, правда, до сих пор не причинившие никому ни малейшего вреда и лишь производившие самый безобидный на свете шум.

Трюм «Решительного» специально приспособили для помещения в нем воздушного шара, и 18 февраля днем он был переправлен туда со всевозможными предосторожностями. Корзина и снасти, якоря и веревки, съестные припасы, ящики для воды, которые предполагалось наполнить по прибытии на Занзибар, — все это было погружено под присмотром самого доктора Фергюссона.

Кроме того, на транспорт погрузили десять бочек серной кислоты и десять бочек железного лома, нужных для добывания из них водорода. Это было больше, чем требовалось, но доктор учитывал возможность

потерь. Части аппарата для добывания газа, размещенные в тридцати бочонках, тоже уложили на дно трюма.

Все эти приготовления закончились вечером 18 февраля. Доктору Фергюссону и его другу Кеннеди были предоставлены две комфортабельно обставленные каюты. Шотландец, продолжая клясться, что он ни за что на свете не двинется с места, тем не менее явился на «Решительный», захватив с собой целый арсенал оружия: два охотничьих двуствольных ружья, которые заряжались с казны, и превосходный карабин эдинбургской фабрики Мура и Диксона. С помощью этого замечательного карабина наш охотник мог свободно попасть на расстоянии двух тысяч шагов в глаз серны. Для непредвиденных надобностей шотландец захватил еще с собой два шестизарядных револьвера Кольта; но все его оружие плюс пороховница, патронташ, дробь и пули, взятые в достаточном количестве, не превышали предельного веса, разрешенного ему Фергюссоном.

Трое наших путешественников прибыли 19 февраля, днем, на транспорт «Решительный» и были с большим почетом встречены его командиром и офицерами. При этом у доктора Фергюссона, по обыкновению поглощенного мыслями о своей экспедиции, вид был довольно холодный, Кеннеди же казался взволнованным больше, чем ему хотелось это показать, а Джо подпрыгивал и смешил всех. Надо сказать, что он очень быстро стал общим любимцем в каюте боцманов, где ему была отведена койка.

Лондонское географическое общество 20 февраля дало доктору Фергюссону и Кеннеди парадный прощальный обед. На нем присутствовал также капитан Пеннет со своими офицерами. Обед был очень оживленный, вино лилось рекой, и заздравные тосты провозглашались в таком количестве, что после них присутствующие смело могли рассчитывать на сто лет жизни. Председательствовал за обедом сэр Френсис М... Хотя и сильно взволнованный, он держал себя с полным достоинством.

К великому смущению Дика Кеннеди, на его долю тоже пришлось немало тостов Выпив за здоровье «неустрашимого, славного сына Англии» Фергюссона,

пили также «за его смелого товарища, не менее отважного Кеннеди». Дик сильно покраснел, но это было принято за скромность, и аплодисменты только усилились, а шотландец стал еще краснее.

За десертом пришла телеграмма от королевы; она слала привет двум путешественникам и желала им успеха в их предприятии. Были провозглашены новые тосты в честь ее величества.

В полночь, после трогательных прощальных слов и горячих рукопожатий, присутствующие на обеде разъехались по домам. Лодки «Решительного» дожидались у Вестминстерского моста; в них разместились капитан, офицеры, пассажиры, и быстрое течение Темзы понесло их к Гринвичу.

В час ночи все на транспорте уже спали.

21 февраля, в три часа утра, были разведены пары, а в пять поднят якорь. Заработал винт, «Решительный» двинулся к устью Темзы.

Нечего и говорить, что все разговоры на транспорте вращались исключительно вокруг экспедиции доктора Фергюссона. Видеть и слышать доктора было достаточно для того, чтобы почувствовать к нему полнейшее доверие, и скоро ни один человек на «Решительном», кроме шотландца, не сомневался в полнейшем успехе его предприятия.

Во время долгих праздных часов морского путешествия доктор прочел в кают-компании офицерам настоящий курс географии, и молодежь положительно была увлечена открытиями, сделанными в Африке за последние сорок лет. Доктор знакомил офицеров с исследованиями Барта, Бёртона, Спика, Гранта, он описывал им эту таинственную страну, ставшую предметом научных исследований. На севере, рассказывал он, молодой Дюверье занимается изучением Сахары и собирается везти в Париж предводителей туарегов. При содействии французского правительства снаряжаются две экспедиции, которые выйдут с севера, отправятся на восток и встретятся в Тимбукту. На юге неутомимый Ливингстон все подвигается к экватору, а с марта 1862 года он поднимается вместе с Мэкензи вверх по реке Ровума. Вообще Фергюссон был

убежден, что в девятнадцатом веке тайна Африки, в которую люди не могли проникнуть целых шесть тысяч лет, будет, наконец, раскрыта.

Офицеры особенно заинтересовались путешествием, когда Фергюссон подробно познакомил их со своими приготовлениями. Им захотелось даже проверить его вычисления. По этому поводу между молодежью возникли споры, в которых доктор охотно принимал участие.

Больше всего удивляло офицеров то сравнительно небольшое количество припасов, которое доктор решил взять с собой. Однажды один из них заговорил об этом с доктором Фергюссоном

— Это вас удивляет? — спросил доктор.

— Конечно.

— А сколько, вы считаете, может продлиться мое путешествие? Пожалуй, вы думаете — целые месяцы? Глубоко ошибаетесь. Если бы путешествие затянулось, мы погибли бы, не достигнув цели. Да будет вам известно, что от Занзибара до берега Сенегала не больше трех с половиной тысяч миль, ну, предположим даже, — все четыре тысячи. И вот, делая по двести сорок миль в двенадцать часов — это, заметьте, меньше скорости наших поездов, — нам будет достаточно и одной недели, чтобы пролететь всю Африку, ведь мы будем двигаться безостановочно, днем и ночью.

— Но в таком случае вы ничего не увидите, не сделаете никаких географических съемок, вообще совсем не обследуете страны, — возразил офицер.

— Вам надо иметь в виду, — ответил доктор, — что раз я хозяин моего воздушного шара и по своему желанию поднимаюсь и снижаюсь, то я могу сделать остановку, где мне заблагорассудится, особенно когда мне будут угрожать слишком сильные воздушные течения.

— А вы с ними, несомненно, встретитесь, — вмешался в разговор капитан Пеннет, — ведь, знаете, там бывают ураганы, несущиеся со скоростью более двухсот сорока миль в час.

— Ну, вот видите, при такой скорости можно перелететь всю Африку в каких-нибудь двенадцать часов, — проговорил, улыбаясь, доктор: — проснуться на Занзибаре, а заснуть в Сен-Луи.

— Но разве воздушный шар может быть унесен ветром с такой скоростью? — спросил другой офицер.

— Такие случаи бывали.

— И шар устоял?

— Конечно. Например, во время коронации Наполеона в тысяча восемьсот четвертом году. Аэронавт Гарнерен выпустил тогда из Парижа в одиннадцать часов вечера воздушный шар с надписью, начертанной золотыми буквами: «Париж, двадцать пятое фримера тринадцатого года. Коронование императора Наполеона его святейшеством Пием Седьмым». На следующее утро, в пять часов, жители Рима видели, как этот самый шар парил над Ватиканом, затем он пронесся над Римской областью и упал в озеро Браччано Как видите, воздушный шар в состоянии выдержать подобную скорость.

— Воздушный шар — да, но человек? — отважился спросить Кеннеди.

— Человек тоже может выдержать это по той простой причине, что воздушный шар всегда неподвижен по отношению к окружающему его воздуху. Ведь движется не самый шар, а вся масса воздуха Попробуйте зажечь в корзине вашего воздушного шара свечу, и вы увидите, что пламя ее не будет даже колебаться. И аэронавт, поднявшийся на воздушном шаре Гарнерена, нисколько не пострадал бы от быстроты этого полета. Впрочем, я вовсе не намерен испробовать подобную скорость, и если я смогу зацепиться ночью за какое-нибудь дерево или неровность почвы, то, поверьте, не премину это сделать. К тому же мы берем с собой продовольствия на два месяца А когда мы будем приземляться, ничто не помешает нашему искусному охотнику снабжать нас в изобилии дичью.

— Ну, и раздолье же будет для вас, мистер Кеннеди! — воскликнул один юный мичман, с завистью поглядывая на охотника.

— Да плюс к этому еще слава, — заметил другой офицер.

— Господа, — ответил шотландец, — поверьте, я очень тронут вашими комплиментами... но... знаете ли... не имею права их принять...

— Как? — раздалось со всех сторон. — Разве вы не полетите?

— Нет, не полечу.

— Так вы не будете сопровождать доктора Фергюссона?

— Не только не буду сопровождать его, но и отправился я с вами единственно для того, чтобы удержать его от этого в последнюю минуту.

Все посмотрели на доктора.

— Не слушайте его, — проговорил Фергюссон своим обычным спокойным голосом — Это вопрос, о котором с ним не надо препираться. А в сущности он прекрасно знает, что полетит.

— Клянусь чем хотите! — закричал Кеннеди. — Уверяю ..

— Лучше не клянись, дорогой мой Дик. Ты вымерен, взвешен, и не только ты сам, но и твой порох, и твои ружья, и твои пули... так что об этом и говорить не стоит.

И правда, с этого момента до самого прибытия на Занзибар Дик ни разу не заикнулся об этом. Да и вообще ни о чем не говорил. Он молчал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Решительный» огибает мыс Доброй Надежды — На баке — Курс космографии «профессора» Джо — Управление воздушными шарами — Исследование воздушных течений. — Эврика!

«Решительный» быстро несся к мысу Доброй Надежды. Погода держалась чудесная, хотя море и начинало волноваться.

Через двадцать семь дней после отплытия из Лондона, 30 марта, на горизонте показалась Столовая гора.

В подзорную трубу можно было уже видеть город Кэптоун, расположенный среди амфитеатра холмов, и вскоре «Решительный» бросил якорь в его порту. Капитан зашел сюда только для возобновления запаса угля, на что потребовался всего один день. На следующее утро «Решительный» направился к югу, чтобы, обогнув южную оконечность Африки, войти в Мозамбикский пролив.

Джо не впервые путешествовал по морю, и он сразу почувствовал себя как дома. Прямодушие и веселость славного малого расположили к нему все сердца. К тому же на него как бы падали лучи славы доктора. Слушали его, как оракула, и, по правде сказать, ошибался он не больше других оракулов.

И вот, в то время как доктор в кают-компании читал свой курс географии офицерам, Джо царил на баке и по-своему излагал историю, в чем, впрочем, он только следовал примеру величайших историков всех времен.

Естественно, что и на баке разговоры все больше вертелись вокруг воздушного путешествия. На первых порах Джо трудно было убедить некоторых упрямцев, что такое путешествие вообще возможно, но когда матросы поверили в него, их воображение так разыгралось, что все уже казалось им нипочем.

Увлекшийся рассказчик уверял своих слушателей, что за этим воздушным путешествием, конечно, последует немало других. Это только, уверял он, начало многих сверхчеловеческих предприятий.

— Видите ли, друзья мои, — говорил он, — когда испробуешь такой способ передвижения, без него уже трудно обойтись. И когда в следующий раз мы полетим, то уже не будем держаться над Землей, а станем забирать все вверх и вверх.

— Вот как! Значит, прямо на Луну отправитесь! — с восторгом воскликнул один из слушателей.

— Очень нам нужно на Луну! — возразил Джо. — Это уж слишком просто, каждый может там побывать. К тому же на Луне и воды нет, приходится тащить с собой огромное количество. Да еще надо при-

хватить и бутылки с воздухом, чтобы было чем дышать.

— Пусть так! Но скажи: джин-то там есть? — спросил один из матросов, большой любитель этого напитка.

— И джина там, мой милый, не найдешь. Нет, зачем же на Луну? Мы полетим на те замечательные планеты, о которых часто рассказывал мне мой доктор. И начнем мы наше путешествие, скажем, с Сатурна...

— Это того, что с кольцом? — спросил квартирмейстер.

— Да! У него есть обручальное кольцо, только неизвестно, куда девалась его жена.

— Но как же вы можете взлететь так высоко? — воскликнул пораженный юнга. — Видно, ваш доктор сам дьявол.

— Какой же он дьявол! Для этого он слишком добр.

— А куда же вы полетите после Сатурна? — поинтересовался самый нетерпеливый из слушателей.

— После Сатурна? Да побываем на Юпитере. Удивительная страна, доложу я вам. Там день продолжается всего девять с половиной часов, так что лодырям там — житье! А год — длиною в наших двенадцать. Это, пожалуй, выгодно для людей, которым осталось жить каких-нибудь полгода, — порядочно-таки продлит их существование.

— Один год — наших двенадцать? — переспросил юнга.

— Да, дружок, ты там сосал бы еще свою соску, а тот вот дяденька, которому за пятьдесят, был бы теперь мальчуганом четырех с половиною лет.

— Ну, это уж небылицы! — в один голос закричали все присутствующие на баке.

— Истинная правда, — настаивал Джо. — И то ли еще бывает! Если станешь все торчать на этой Земле, так, пожалуй, ничего не узнаешь и будешь не умнее морской свинки. А вот поживи ты маленько на Юпитере, тогда кое-что и увидишь. Да, кстати, скажу я вам: там надо держать ухо востро — у Юпитера ведь спутники далеко не тихого нрава.

Все на баке смеялись, но наполовину верили Джо. А он уже описывал планету Нептун, где так хорошо принимают моряков, затем уверял, что на Марсе главную роль играют военные, и это в конце концов начинает даже раздражать. На Меркурии же — препротивном месте, по его словам — живут только одни купцы да воры, и те и другие так похожи друг на друга, что их и не отличишь. Наконец, он описывал им Венеру, да так, что дух захватывало.

— Когда же мы вернемся из этой нашей экспедиции, — заявил веселый рассказчик, — нам, знаете, дадут орден Южного Креста: вон он там блестит в петличке у бога...

— И это будет вами вполне заслужено, — в один голос заявили матросы.

В таких оживленных разговорах и проходили вечера на баке. А в это же время в кают-компании шли своим чередом научные беседы доктора Фергюссона с офицерами.

Однажды разговор коснулся способа управления воздушным шаром, и Фергюссона попросили высказаться по этому вопросу.

— Не думаю, — начал доктор, — чтобы когда-нибудь возможно было управлять воздушным шаром. Мне известны все испробованные и предлагаемые способы, — ни один из них не имел успеха, и ни один, мне кажется, не пригоден. Вы, господа, конечно, прекрасно понимаете, что я должен был серьезно заняться этим вопросом, но разрешить его мне было, при данном состоянии механики, не под силу. Для этого надо было бы изобрести двигатель необыкновенной мощности и невероятной легкости. А при всем том нельзя было бы противостоять сколько-нибудь значительным воздушным течениям. Надо сказать, что до сих пор занимались вопросом управления корзиной, а не самим шаром. И это было, по-моему, ошибкой.

— Между тем, — заметил кто-то из присутствующих, — есть много общего между воздушным шаром и судном, которым, однако, легко можно управлять.

— Да нет же, — ответил Фергюссон, — общего тут

чрезвычайно мало или совсем нет. Воздух гораздо менее плотен, чем вода, в которую судно погружено ведь только до половины, в то время как воздушный шар весь плавает в атмосфере и остается неподвижным по отношению к окружающей его среде.

— Так вы думаете, доктор, что наука воздухоплавания сказала уже свое последнее слово? — спросил собеседник.

— Нет! Конечно, нет! Нужно искать иного выхода. Если нельзя управлять воздушным шаром, то надо научиться удерживать его в благоприятных воздушных течениях. По мере того как вы поднимаетесь ввысь, воздушные течения делаются гораздо ровнее и постояннее в своих направлениях. Там, в вышине, на них не оказывают уже влияния долины и горы, бороздящие поверхность земного шара. От них-то, как известно, главным образом и меняется направление ветров и их сила. И вот, когда атмосферные зоны будут изучены, воздушному шару можно будет держаться в наиболее благоприятных из них.

— Но тогда, чтобы попасть в эти благоприятные зоны, придется беспрестанно то подниматься, то спускаться, — заметил капитан Пеннет.— А именно в этом, дорогой доктор, я и вижу настоящую трудность.

— Почему же, дорогой капитан?

— Согласитесь, что эти подъемы и спуски, если они и не будут большим препятствием для простых воздушных прогулок, могут быть очень затруднительными при долгих путешествиях.

— Объясните, пожалуйста, капитан, почему вы так думаете?

— По той простой причине, что воздушный шар может подниматься только при сбрасывании балласта и снижаться благодаря выпусканию газа. А при таких условиях ваш запас балласта и газа скоро будет исчерпан.

— В этом-то, конечно, весь вопрос, дорогой мой Пеннет. Это единственное затруднение, которое наука должна преодолеть. Дело не в том, чтобы управлять воздушным шаром, а в том, чтобы заставить его подни-

маться и опускаться без затраты газа, — ведь газ-то, если можно так выразиться, его сила, кровь, душа.

— Вы правы, дорогой доктор, но эта задача еще не решена, способ этот еще не найден.

— Простите, найден.

— Кем?

— Мною!

— Вами?

— Вы сами прекрасно понимаете, что, не будь этого, я не рискнул бы предпринять на воздушном шаре перелет через Африку, — ведь в течение каких-нибудь суток мой газ совсем истощился бы.

— Но в Англии вы об этом не сказали ни слова.

— Да, я не хотел, чтобы по поводу моего открытия велись публичные дебаты. Какой в них смысл? Я тайно производил подготовительные опыты, и они меня вполне удовлетворили. А я не считал себя обязанным кого-либо об этом осведомлять.

— Ну, что ж, дорогой Фергюссон, можно просить вас открыть нам вашу тайну?

— Сейчас сообщу вам ее, господа. Способ мой очень прост.

Любопытство всех присутствующих было возбуждено до крайности. И доктор Фергюссон самым спокойным тоном начал излагать следующее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Предшествующие попытки подъема и спуска на воздушном шаре. — Пять ящиков доктора. — Горелка. — Калорифер. — Способ применения. — Верный успех.

— Не раз уж пытались подниматься и снижаться на воздушном шаре без затраты газа и сбрасывания балласта. Французский аэронавт Менье стремился этого достигнуть, нагнетая сжатый воздух в оболочку шара. Бельгийский доктор Ван-Хекке тоже пробовал сделать это при помощи крыльев и лопастей, развивавших вертикальное движение. Но в большинстве

случаев этой силы было недостаточно. Вообще результаты опытов Менье и Ван-Хекке были совершенно ничтожны.

И я решил подойти к этому вопросу посмелее. Начать с того, что я совершенно изъял из употребления балласт, кроме крайних, экстренных случаев, как, например, авария аппарата или необходимость подняться в один миг, чтобы избежать какой-нибудь непредвиденной опасности.

Мой способ подъема и снижения воздушного шара основан на расширении и сжатии газа, находящегося в оболочке, посредством изменения его температуры. И вот как я этого достигаю. На ваших глазах погрузили на этот транспорт вместе с корзиной несколько ящиков, назначение которых вам было неизвестно. Этих ящиков всего пять.

Первый из них содержит около двадцати пяти галлонсв воды, к которой я прибавляю несколько капель серной кислоты для увеличения ее электропроводимости. Затем эту воду я химически разлагаю с помощью сильной бунзеновской батареи. Вода, как вы знаете, состоит из двух частей водорода и одной части кислорода. Кислород под действием электробатареи поступает с ее положительного полюса во второй ящик. Третий ящик, вдвое большего размера, помещенный над вторым ящиком, принимает в себя водород, получаемый с отрицательного полюса батареи. При помощи кранов, из которых у одного отверстие вдвое больше, чем у другого, эти два ящика соединяются с четвертым, который называется смесительным ящиком. Здесь действительно смешиваются оба газа, получившиеся от разложения воды. Емкость смесительного ящика — около сорока одного кубического фута.

В верхней части этого ящика помещается платиновая трубка, снабженная краном.

Вы уже, конечно, догадались, господа, что описываемый мною аппарат есть не что иное, как кислородно-водородная горелка, температура которой выше температуры кузнечного горна.

Теперь я перехожу к описанию второй части моего аппарата.

Из нижней части герметически закрытого шара на небольшом расстоянии друг от друга выходят две трубки. Одна трубка доходит до верхних слоев водорода в шаре, другая — до нижних. Обе трубки снабжены в нескольких местах каучуковыми сочленениями, позволяющими им выдерживать колебания воздушного шара. Эти две трубки спускаются в корзину и входят в железный ящик цилиндрической формы, который называется ящиком нагрева. Этот ящик закрыт снизу и сверху двумя дисками из того же металла, что и ящик. Трубка, идущая из нижней части шара, входит в этот цилиндрический ящик через нижний его диск и внутри его принимает форму змеевика, кольца которого, расположенные одно над другим, занимают всю высоту ящика. Прежде чем выйти из ящика, спиральная трубка входит в маленький конус, вогнутое основание которого, имеющее форму сферического колпачка, обращено книзу. Из вершины этого конуса выходит другая трубка, которая, как я уже упоминал, идет в верхние слои водорода в шаре. Сферический колпачок конуса сделан из платины, чтобы он не расплавился от высокой температуры. А горелка эта помещается на дне ящика нагрева, посреди спиралей змеевика, так, что верхняя часть пламени слегка касается платинового колпачка.

Вы, без сомнения, знаете, что такое калорифер, предназначенный для отопления помещений, и вам известно, как он действует. Воздух, которым наполнена квартира, пропускают через трубы, и оттуда он возвращается уже нагретый. Так вот: аппарат, который я вам только что описал, — в сущности тот же калорифер.

И в самом деле, что же тут происходит? Когда горелка зажжена, водород, находящийся в змеевике и в вогнутом маленьком платиновом конусе, нагревается и быстро поднимается по трубке, ведущей в верхнюю часть шара. Образовавшаяся внизу пустота заполняется газом из нижней части шара. Газ тут также нагревается и, поднимаясь, пополняется вновь образовавшимся газом. Таким образом, по трубкам и змее-

вику происходит чрезвычайно быстрое движение газа, который, выходя из шара, непрерывно нагревается и снова в него поступает. При нагревании на один градус газ расширяется на одну четырехсотвосьмидесятую своего объема. Если я повышу температуру на восемнадцать градусов[1], то водород, заключающийся в воздушном шаре, расширится на восемнадцать четырехсотвосьмидесятых своего объема, или на тысячу шестьсот семьдесят четыре кубических фута; следовательно, он вытеснит еще тысячу шестьсот семьдесят четыре кубических фута воздуха, и это увеличит его подъемную силу на сто шестьдесят фунтов. Это равносильно выбрасыванию балласта такого же веса. Если я повышу температуру на сто восемьдесят градусов, то газ расширится на сто восемьдесят четырехсотвосьмидесятых своего первоначального объема, вытеснит шестнадцать тысяч семьсот сорок кубических футов воздуха, и подъемная сила шара увеличится на тысячу шестьсот фунтов.

Вы понимаете, что я могу легко изменять условия статического равновесия моего воздушного шара. Объем его был рассчитан таким образом, что, наполненный до половины, он вытесняет как раз такое количество воздуха, которое равно по весу самому шару, наполненному водородом, а также корзине с пассажирами и всей ее нагрузкой. Наполненный таким образом шар держится в воздухе в строгом равновесии: он не поднимается и не снижается.

Чтобы подняться, я с помощью горелки довожу газ в шаре до температуры более высокой, чем температура окружающего воздуха. От нагревания газ расширяется, шар увеличивается в объеме и поднимается тем выше, чем больше я нагреваю водород.

Снижение достигается естественным образом: понижением температуры в горелке, отчего газ внутри

---

[1] Речь идет о шкале Фаренгейта, один градус которой равен $^5/_9$ градуса Цельсия При нагревании на 1° по Цельсию газ увеличивается на $^1/_{273}$ часть того объема, какой он занимал при 0°.

шара постепенно охлаждается. Вообще же подъем шара должен происходить, конечно, гораздо скорее, чем его снижение. И это очень благоприятное обстоятельство: надобности в быстром снижении у меня никогда не будет, и, наоборот, очень быстрым подъемом я могу избежать разных осложнений. Опасность ведь не вверху, а внизу.

Впрочем, как я уже говорил вам, у меня есть некоторое количество балласта, который в случае экстренной надобности может дать возможность подняться еще скорее. Клапан, находящийся на верхнем полюсе шара, является только предохранительным клапаном. Воздушный шар неизменно содержит одно и то же количество водорода. Подъем и снижение, повторяю, происходит только благодаря изменению его температуры.

А теперь, господа, я хочу сообщить вам еще одну подробность: при сгорании водорода и кислорода на конце горелки получаются водяные пары; поэтому я снабдил нижнюю часть цилиндрического ящика трубкой с клапаном, действующим при давлении в две атмосферы; следовательно, когда пар достигает такого давления, он сам автоматически выходит наружу.

Наконец, познакомлю вас с самыми точными цифровыми данными: двадцать пять галлонов воды, разложенные на свои составные части, дают двести фунтов кислорода и двадцать пять фунтов водорода. При нормальном атмосферном давлении это составляет тысячу восемьсот девяносто кубических футов первого и три тысячи семьсот восемьдесят кубических футов второго, итого смеси пять тысяч шестьсот семьдесят кубических футов. Моя горелка расходует при совершенно открытом кране двадцать семь кубических футов смеси в час, давая пламя по крайней мере в шесть раз сильнее пламени больших горелок светильного газа. Держась же на значительной высоте, я сожгу в среднем не более девяти кубических футов в час. Значит, двадцать пять галлонов воды мне хватит на шестьсот тридцать часов воздушного плавания, что составляет немногим больше двадцати шести дней.

А так как я по своему желанию в состоянии спу-

скаться на землю и возобновлять свой запас воды, то мое путешествие может продолжаться сколько угодно.

Вот вам и вся моя тайна, господа. Она очень проста, и потому я уверен в успехе. Мой способ, основанный на расширении и сжатии газа, как видите, исключает надобность и в громоздких крыльях и в механических двигателях. Калорифер, с помощью которого я изменяю температуру, и горелка для его нагревания не представляют никаких неудобств и мало весят.

— Итак, я думаю, что у меня имеются все нужные условия для успеха.

Этой фразой закончил доктор Фергюссон свою речь, вызвавшую самые горячие, искренние аплодисменты. Тут нельзя было сделать ни единого возражения: все было обдумано и предусмотрено.

— Но все-таки, — заметил капитан, — это дело опасное.

— Что из этого, раз оно выполнимо! — просто ответил Фергюссон.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прибытие на Занзибар. — Английский консул. — Враждебное отношение местных жителей. — Остров Кумбени. — «Вызыватели дождя». — Наполнение воздушного шара. — Старт 18 апреля. — Прощание. — «Виктория»

Благодаря попутным ветрам «Решительный» шел ускоренным ходом. В Мозамбикском проливе погода была особенно благоприятна. Удачный морской переход казался добрым предзнаменованием и для воздушного перелета. Каждый жаждал поскорее добраться до Занзибара и там помочь чем только возможно доктору Фергюссону в его последних приготовлениях.

Наконец, показался город Занзибар, расположенный на острове того же имени, и 15 апреля, в одиннадцать часов утра, «Решительный» бросил якорь в его гавани.

Остров Занзибар является владением имама Маската, союзника Франции и Англии. Это, несомненно, лучшая его колония. В гавань заходит множество кораблей из соседних стран.

Остров отделен от африканского материка только проливом шириной не более тридцати миль.

Занзибар ведет обширную торговлю камедью, слоновой костью и в особенности чернокожими, так как он является крупным рынком невольников. Сюда свозятся все пленники, захваченные в боях, а бои эти не прекращаются, ибо вожди внутренних африканских племен беспрестанно воюют между собой.

Эта торговля распространена по всему восточному берегу вплоть до Нила; Г. Лежан видел, что она ведется совершенно открыто на французских судах.

Не успел «Решительный» пришвартоваться в занзибарской гавани, как на нем появился английский консул с предложением своих услуг доктору Фергюссону. Уже целый месяц он знал из европейских газет о проектирующемся перелете, но до сих пор принадлежал к многочисленному разряду скептиков.

— Я сомневался, — заявил консул, протягивая руку Самуэлю Фергюссону, — но теперь все мои сомнения исчезли.

И он тут же пригласил к себе в дом доктора, Дика Кеннеди и, конечно, милейшего Джо.

Консул был так любезен, что познакомил доктора с несколькими письмами капитана Спика, и Фергюссон узнал из них, что капитан и его спутники претерпели страшные муки и от голода и от непогоды, прежде чем добрались до страны Угого. Теперь же, как видно, они принуждены подвигаться чрезвычайно медленно, встречая на пути беспрестанные затруднения, и вряд ли в ближайшее время смогут дать знать о себе.

— Вот те опасности и лишения, каких мы сумеем избегнуть, — заметил доктор.

Багаж трех путешественников был отправлен в дом консула. Воздушный шар собирались выгрузить на занзибарском берегу, где для него было выбрано очень

удобное место у сигнальной мачты, позади огромного здания, которое защищало бы его от восточных ветров. Эта массивная башня, походившая на бочку, по сравнению с которой Гейдельбергская бочка показалась бы всего лишь бочонком, играла роль форта, и на ее плоской верхушке дежурила стража — вооруженные копьями «белучи», шумливые бездельники. Но незадолго до предполагаемой выгрузки шара консул был извещен о том, что туземное население намерено силой воспрепятствовать ей Нет ничего более слепого и бессмысленного, чем страсти, внушенные фанатизмом. Известие о приезде христианина, который решил подняться в воздух, возмутило местных жителей. Негры, взволнованные больше, чем арабы, усмотрели в этом полете что-то враждебное их религии. Они вообразили, что замышляется какое-то зло против Солнца и Луны. А так как оба светила являются предметами поклонения у африканских народов, то и было решено силой противиться нечестивой экспедиции.

Узнав о таких настроениях местных жителей, консул сообщил о них доктору Фергюссону и капитану Пеннету. Капитан ни за что не хотел отступать перед угрозами, но новый его друг, доктор, разубедил его в этом.

— Конечно, в конце концов нам удалось бы выгрузить шар, — сказал Фергюссон, — и гарнизон имама даже оказал бы нам в этом содействие, но знаете, дорогой капитан, порой для несчастного случая довольно одного мгновения. Какой-нибудь злостный удар — и шару будет нанесен непоправимый вред, а наше путешествие сорвано. Нет, тут надо действовать осмотрительно.

— Но как же быть? Если мы высадимся на африканском берегу, то там встретимся с теми же трудностями. Что же делать?

— Ничего не может быть проще, — заявил консул. — Взгляните вон на те островки, расположенные за гаванью. Выгрузите ваш шар на одном из этих островков, окружите его цепью матросов, и он будет в полной безопасности.

— Великолепно! — воскликнул Фергюссон. — Там же нам будет удобно заняться последними приготовлениями.

Капитан тоже одобрил это предложение, и вскоре «Решительный» подошел к островку Кумбени.

Утром 16 апреля шар благополучно выгрузили на лужайку среди леса. Здесь на расстоянии восьмидесяти футов были вбиты два столба вышиной также в восемьдесят футов. На столбах была установлена система блоков, благодаря которой с помощью поперечного каната и был поднят шар. Пока он был совершенно пуст. Внутреннюю оболочку соединили с внешней так, что обе были подняты одновременно.

К нижней части оболочек были прикреплены трубки, через которые должен был поступать водород.

День 17 апреля прошел в установке аппарата для добывания водорода. Он состоял из тридцати бочек, в которых происходило разложение воды с помощью железного лома и серной кислоты. Полученный водород, очистившись от примесей, поступал в большую, находящуюся в центре бочку, откуда и направлялся по двум трубам в оболочку. Таким образом, каждая из оболочек наполнялась строго определенным количеством газа. Для этой операции потребовалось тысяча восемьсот шестьдесят галлонов серной кислоты, шестнадцать тысяч пятьдесят фунтов железного лома и девятьсот шестьдесят шесть галлонов воды.

Наполнение оболочек газом началось около трех часов утра и длилось почти восемь часов. За час до полудня воздушный шар, одетый в сетку, грациозно покачивался над своей корзиной, удерживаемый большим количеством мешков с землей. С особой тщательностью был установлен аппарат для расширения газа и прилажены в цилиндрическом ящике нагрева трубки, сообщающиеся с обеими оболочками.

Якоря, веревки, инструменты, походные одеяла, тент, съестные припасы, оружие — все было размещено в корзине на заранее намеченных для этого местах. Вода запасена была еще в Занзибаре. Двести фунтов балласта в виде песка, помещавшегося в пятидесяти мешочках, также было уложено на дно корзины, так,

чтобы он всегда был под рукой. К пяти часам вечера все эти приготовления были закончены. Пока шла работа, вдоль всего берега островка стояли часовые, а шлюпки с «Решительного» курсировали по проливу.

Туземцы проявляли свой гнев дикими криками, гримасами и кривлянием. Жрецы носились среди толпы, еще больше разжигая ее фанатизм. Некоторые из самых рьяных пытались было вплавь добраться до острова, но их легко отогнали.

Тут пущены были в ход заклинания и колдовство. «Вызыватели дождя», утверждавшие, что они повелевают тучами, стали призывать ураган и каменный ливень (так негры зовут град). Для этого они собрали листья со всевозможных деревьев и принялись кипятить их на медленном огне. В это же время с помощью длинной иглы, вонзенной в сердце, был убит баран. Но, увы, небо попрежнему было безоблачным... Ни баран, ни гримасы не помогли.

Неграм не оставалось ничего более, как устроить буйную оргию, напившись «зембо», этого жгучего ликера, приготовленного из коксовых орехов, и «тогва» — чрезвычайно хмельного пива. И их песни, мало мелодичные, но ритмичные, слышались всю ночь до рассвета.

Около шести часов вечера наши путешественники в последний раз сели за обеденный стол в кают-компании «Решительного» вместе с капитаном и офицерами. Кеннеди, к которому никто не обращался ни с какими вопросами, что-то про себя бормотал, не сводя глаз с доктора Фергюссона.

Прощальный обед был невесел. Приближение минуты разлуки навевало на всех грустные размышления. Что сулила отважным путешественникам судьба? Будут ли они когда-нибудь снова среди друзей, у домашнего очага? А если почему-нибудь они не смогут пользоваться для передвижения своим шаром, что станется с ними среди диких племен, неведомых стран, в необъятных пустынях?

Все эти мысли, до сих пор только мелькавшие в головах присутствующих, теперь волновали их разыграв-

шееся воображение. Доктор Фергюссон, как всегда, хладнокровный и невозмутимый, тщетно старался рассеять подавленное настроение.

Опасаясь со стороны негров каких-нибудь враждебных выступлений против доктора Фергюссона и его спутников, все трое остались ночевать на «Решительном». В шесть часов утра они покинули свои каюты и переправились на островок Кумбени.

Восточный ветер слегка покачивал воздушный шар. Вместо удерживавших его до сих пор мешков с землей были поставлены двадцать матросов. Командир Пеннет явился со своими офицерами присутствовать при торжественном старте.

Тут Кеннеди подошел к доктору и, взяв его за руку, проговорил:

— Итак, Самуэль, ты бесповоротно решил лететь?

— Бесповоротно решил, дорогой мой Дик.

— Но, не правда ли, я сделал все, чтобы этому помешать?

— Все!

— Тогда, значит, моя совесть чиста, и я отправляюсь с тобой.

— Я был в этом уверен, — ответил доктор, не скрывая, до чего он тронут.

Наступил момент последнего прощания. Капитан и офицеры горячо обняли и расцеловали своих бесстрашных друзей, в том числе, конечно, и славного Джо, гордого и сияющего. Каждому из присутствующих хотелось пожать руку доктору Фергюссону.

В девять часов утра трое аэронавтов заняли свои места в корзине воздушного шара. Доктор зажег горелку и полностью открыл кран, чтобы достигнуть наибольшей температуры. Через несколько минут шар, до этого времени державшийся на земле в полном равновесии, начал тянуть вверх. Матросы стали понемногу отпускать удерживающие его канаты. Корзина поднялась над землей футов на двадцать...

— Друзья мои! — закричал доктор, стоя с обнаженной головой между своими спутниками. — Дадим

нашему воздушному шару имя, которое должно принести ему счастье. Назовем его «Викторией»! [1]

Прокатилось оглушительное «ура».

— Да здравствует королева! Да здравствует Англия!

К этому моменту подъемная сила воздушного шара еще больше увеличилась. Фергюссон, Кеннеди и Джо послали своим друзьям последний привет.

— Отдавай! — скомандовал доктор.

«Виктория» быстро поднялась в воздух. И в этот момент на «Решительном» раздался салют из четырех его пушек...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Перелет через пролив. — Мрима. — Разговор Кеннеди с Джо. — Предложение, сделанное Джо. — Рецепт хорошего кофе. — Узарамо. — Злосчастный Мэзан. — Гора Дутуми. — Карта доктора. — Ночлег над сикомором.

Воздух был чист, ветер умерен, и «Виктория» поднялась почти вертикально на высоту тысячи пятисот футов, что было отмечено падением барометра почти на два дюйма [2].

На этой высоте быстрое воздушное течение понесло шар к юго-западу. Какая чудная картина развернулась перед глазами наших воздухоплавателей! Остров Занзибар был весь как на ладони. Расстилались зеленые поля всевозможных оттенков, кудрявились рощи и леса...

Жители острова казались какими-то насекомыми. Их крики мало-помалу замирали вдали, доносились только пушечные салюты...

— Как все это красиво! — воскликнул Джо, первый нарушив царившее молчание.

---

[1] «Виктория» — по-латыни значит «победа».

[2] Около пяти сантиметров. На каждые сто метров подъема давление барометра падало на 10 мм.

Но ему никто не ответил. Доктор был погружен в свои барометрические наблюдения и записывал некоторые подробности подъема. А Кеннеди глядел и не мог наглядеться на раскрывавшуюся перед ним картину.

Солнечное тепло усиливало действие горелки, газ в оболочке все расширялся, и «Виктория» достигла высоты двух тысяч пятисот футов.

«Решительный» казался отсюда простой лодкой, а африканский берег вырисовывался на западе в виде колоссальной пенящейся каймы.

— Что-то вы молчите, — заметил Джо.

— Мы смотрим, — отозвался доктор, направляя свою подзорную трубу на землю.

— А мне вот необходимо говорить.

— Ну, и не стесняйся. Болтай себе, сколько душе угодно.

И Джо разразился бурей восторженных возгласов.

При перелете через пролив доктор решил держаться все на той же высоте, чтобы видеть берег на большом протяжении. Он беспрестанно смотрел на термометр и барометр, висевшие под полуспущенным тентом. Второй барометр, прикрепленный снаружи, должен был служить для ночных вахт.

После двух часов полета «Виктория», подвигаясь со скоростью восьми с лишним миль в час, уже была над материком. Доктор счел нужным снизиться; он уменьшил пламя горелки, и «Виктория» полетела уже всего на высоте трехсот футов над землей.

Эта часть восточного берега Африки называется Мрима. Густая кайма мангровых деревьев защищала берег, и благодаря отливу можно было разглядеть их густые корни, подмытые волнами Индийского океана. На горизонте виднелись дюны, прежде составлявшие береговую линию, а на северо-западе возвышалась остроконечная гора Нгуру.

«Виктория» теперь летела над селением Каоле, — доктор нашел его на карте. Туземцы при виде шара яростными криками выражали свой гнев и страх. Они стали пускать стрелы в чудовище, парящее в воздухе, но, к счастью, не могли достичь шара, и он величе-

ственно раскачивался над головами бессильно беснующихся туземцев.

Ветер относил шар на юг, но это нисколько не смущало доктора; он даже был рад, так как это давало ему возможность проследить путь, пройденный капитанами Бёртоном и Спиком.

Кеннеди стал так же болтлив, как и Джо. Оба они обменивались восторженными фразами.

— Долой дилижансы! — восклицал один.

— Долой пароходы! — вторил другой.

— А что такое, спрашивается, по сравнению с этим железные дороги? — подхватывал Кеннеди. — Едешь ты по ним через разные страны и ровно ничего не видишь.

— То ли дело наша «Виктория»! — вставлял Джо. — Не чувствуешь, что двигаешься. Природа сама развертывается перед вами.

— А виды-то какие! Виды! На удивление! Один восторг! Кажется, что спишь в гамаке и видишь сон.

— Кстати, не пора ли позавтракать? — вдруг спросил Джо, у которого от пребывания на свежем воздухе разыгрался аппетит.

— Мысль недурная, мой милый, — согласился Фергюссон.

— Приготовить завтрак недолго: сухари да мясные консервы, — заявил Джо.

— И сколько угодно кофе, — добавил доктор. — Знаешь, Джо, я разрешаю тебе занять немного жара у моей горелки: в ней его больше чем достаточно. И можно не бояться пожара.

— А это было бы ужасно! — заметил Кеннеди. — Ведь над нами нечто вроде порохового погреба.

— Не совсем так, — отозвался Фергюссон. — Но тем не менее, если бы газ воспламенился, он понемногу выгорел бы, и мы неизбежно спустились бы на землю, что было бы далеко не приятно. Но не бойтесь! Наш шар закрыт совершенно герметически.

— Ну, так давайте же завтракать, — предложил Кеннеди.

— Завтрак подан, господа, — объявил Джо. — Кушайте, я тоже не буду отставать от вас, но в то же время займусь приготовлением кофе, да такого, что у вас слюнки потекут.

— Что правда, то правда, — подтвердил доктор, — у Джо среди многих его талантов есть один замечательный: уменье приготовлять этот чудесный напиток. Он смешивает кофе каких-то разных сортов, но держит это в строжайшем секрете.

— Так и быть, сэр, раз мы в воздушном пространстве, я уж открою вам свой секрет. Видите ли, я приготовляю смесь из трех равных частей кофе: мокко, бурбонского и рио-нуньец.

Через несколько минут появились три дымящиеся чашки кофе, которым и был закончен сытный завтрак, приправленный чудесным настроением его участников. Насытившись, каждый из аэронавтов занял свой наблюдательный пост.

Страна, над которой пролетал шар, была чрезвычайно плодородна. Узкие извилистые тропинки почти терялись под сводами густой зелени; виднелись поля созревшего табака, маиса, ячменя; там и сям мелькали плантации риса с прямыми стеблями и пурпуровыми цветами. В клетках, укрепленных на сваях, можно было разглядеть овец и коз: видимо, их здесь спасали от зубов леопарда. Куда ни посмотришь, всюду из щедрой почвы поднималась роскошнейшая растительность. Поселений было много, и в каждом из них при виде «Виктории» начиналось всеобщее смятение и раздавались вопли. Доктор Фергюссон предусмотрительно держался на такой высоте, куда не могли долететь стрелы. Туземцы, сбившись в кучу у своих близко стоящих друг от друга хижин, долго посылали вслед путешественникам свои бессильные проклятия.

В полдень доктор, взглянув на карту, высказал предположение, что они несутся над страной Узарамо [1]. Внизу показались кокосовые пальмы и дынные

[1] «У» на местном языке означает страна.

деревья. Джо подобная растительность ничуть не удивляла: очутившись в Африке, он считал все естественным. Кеннеди попадалось на глаза немало зайцев и перепелок, которые словно ждали его выстрела. Но это было бы бесполезной тратой пороха, ведь дичь невозможно было подобрать.

Воздухоплаватели подвигались со скоростью двенадцати миль в час и вскоре над селением Тунда достигли 38°20′ восточной долготы.

— Вот как раз здесь, — заметил доктор, — Бёртон и Спик заболели сильнейшей лихорадкой и одно время считали свою экспедицию провалившейся. Они совсем еще недалеко отошли от берега, но усталость и лишения уже сильно давали себя чувствовать.

Действительно, в этой местности вечно свирепствует малярия. Чтобы избежать опасности заполучить эту болезнь, доктор решил держаться повыше, над миазмами этой сырой земли, из которой жгучее солнце выкачивает испарения.

Иногда можно было различить караван, — видимо, в ожидании ночной прохлады он отдыхал в «краале», этом обширном пустыре, окруженном изгородью и колючим кустарником, где кочевые купцы находят защиту не только от диких зверей, но и от местных разбойничьих племен. При виде «Виктории» туземцы обыкновенно в панике разбегались. Кеннеди хотел посмотреть их поближе, но Самуэль каждый раз восставал против этого.

— У предводителей их имеются мушкеты, — пояснил доктор, — а «Виктория», согласись, представляет собой слишком хорошую мишень для их пуль.

— А разве, получив маленькую пробоину, шар упадет? — спросил Джо.

— Положим, сразу он не упадет, но вскоре эта пробоина превратится в большую дыру, через которую и выйдет весь газ.

— Ну, тогда нам надо держаться на почтительном расстоянии от этих разбойников, — заявил Джо. — А интересно знать, что они должны думать, видя нас парящими в воздухе? Пожалуй, они не прочь и поклоняться нам.

— Пусть себе поклоняются, только издали, — отозвался доктор, — это всегда лучше. Но взгляните-ка — вид местности уже меняется. Поселения попадаются реже, а манговые рощи совсем исчезли. На этой широте они уже не растут. Поверхность земли стала холмистой, что говорит о близости гор.

— В самом деле, — согласился Кеннеди, — мне кажется даже, что с той стороны вырисовываются какие-то возвышенности.

— На западе, не так ли? — переспросил доктор. — Это первые отроги горной цепи Уризара. Должна быть видна гора Дутуми, за которой я рассчитываю приземлиться на ночлег. Сейчас я усилю пламя горелки, так как нам нужно держаться на высоте от пятисот до шестисот футов.

— Какая, однако, хитроумная выдумка, сэр, вот эта самая горелка! — воскликнул Джо. — Так просто: взять да и повернуть кран! Никак нельзя сказать, чтобы это было трудно или утомительно!

— Ну, здесь мы уж будем чувствовать себя лучше, — проговорил охотник, когда «Виктория» поднялась, — а то, по правде сказать, отражение солнечных лучей на этом красном песке становилось невыносимо.

— Что за великолепные деревья! — воскликнул Джо. — Хотя это и совершенно естественно здесь, но очень уж красиво! Какой-нибудь десяток таких деревьев — и вот вам целый лес!

— Это баобабы, — объяснил доктор. — Вот взгляните-ка на то дерево: в нем, наверно, будет футов сто в окружности. Быть может, именно под этим самым баобабом в тысяча восемьсот сорок пятом году и погиб француз Мэзан. Мы как раз над селением Джеламора, куда он отважился отправиться совершенно один. Шейх этой страны схватил несчастного француза и привязал к подножию баобаба; под звуки воинственных песен он медленно перерезал ему сухожилия, начал резать горло, но остановился, чтобы наточить затупившийся нож, потом оторвал голову у несчастного француза еще раньше, чем успел отхва-

тить ее ножом. И, знаете, этому злосчастному Мэзану было всего двадцать шесть лет!

— Неужели Франция не потребовала, чтобы преступление было наказано? — спросил возмущенный Кеннеди.

— Франция-то потребовала, и ее союзник, владетель Занзибара, сделал все, чтобы захватить убийцу, но это ему не удалось.

— Тогда я буду очень просить вас, сэр, не делать здесь остановок, — заявил Джо. — Уж, пожалуйста, послушайте меня, мистер Самуэль: давайте все подниматься и подниматься ввысь.

— Тем охотнее, милый Джо, что гора Дутуми уже перед нами. Если мои вычисления верны, то мы раньше семи часов перевалим через нее.

— Что, мы и ночью будем лететь? — спросил охотник.

— По возможности нет, — ответил доктор. — Хотя, принимая все меры предосторожности и будучи начеку, мы и при ночном полете ничем не рисковали бы. Но ведь недостаточно только пролететь над Африкой, надо еще и увидеть ее.

— Пока нам жаловаться на эту самую Африку не приходится, сэр, — заметил Джо. — Какая там пустыня! Самая возделанная, плодородная страна на свете! Вот и верьте после этого географам!

— Подожди, Джо, подожди; посмотрим, что будет дальше, — сказал доктор.

Около шести с половиной часов «Виктория» была уже у горы Дутуми. Чтобы перелететь через нее, надо было подняться больше чем на три тысячи футов, для чего доктору пришлось повысить температуру газа лишь на восемнадцать градусов. Действительно, можно было сказать, что Фергюссон управляет своим шаром одним мановением руки. Кеннеди указывал ему на препятствия, которых надо было избегать, и «Виктория» неслась над самой горой.

В восемь часов шар, перелетев через гору, начал спускаться над противоположным, более отлогим склоном. Из корзины были выброшены якоря, и один

из них зацепился за ветки огромного сикомора. Тут Джо проворно соскользнул вниз по канату и прочно укрепил зацепившийся якорь. Ему спустили шелковую лестницу, и через минуту он уже был снова в корзине. «Виктория», защищенная горой от восточного ветра, была почти неподвижна.

Приготовили ужин, и наши аэронавты, нагулявшие себе аппетит на свежем воздухе, порядочно поубавили свой запас съестного.

— А интересно знать, сколько мы нынче пролетели? — спросил Кеннеди, уписывая такие куски, что это внушало беспокойство за судьбу взятой провизии.

Доктор сейчас же определил, где находится шар, по местоположению луны и по отличной карте, служившей ему путеводителем. Это была немецкая карта его ученого друга Петермана из атласа «Новейшие открытия в Африке», изданного в Готе. Доктор говорил, что атлас будет ему полезен на всех этапах его путешествия: он включал в себя весь маршрут Бёртона и Спика до Великих озер, карту Судана, основанную на данных доктора Барта, карту Нижнего течения Сенегала по Гильому Лежану и дельты Нигера по данным доктора Бейки.

Фергюссон запасся также ученым трудом, в котором были сведены воедино все данные о Ниле, под заглавием: «Ihe sources of the Nile, being a general survey of basin of that river and of ist head stream, with the history of the Nilotic discovery by Charles Beke» (Чарльз Бик, «Истоки Нила — общий обзор бассейна этой реки и ее течения, а также история открытий, сделанных в бассейне Нила»).

У доктора были с собой превосходные карты, напечатанные в «Известиях Лондонского географического общества», и ни один пункт во вновь открытых странах не мог бы ускользнуть от его внимания.

Отметив местонахождение шара на своей карте, доктор нашел, что за день они пролетели к западу примерно сто двадцать миль, то есть продвинулись на два градуса. Кеннеди указал на то, что во время перелета их относило к югу. Но Фергюссон, как уже было

сказано раньше, ничего не имел против этого, ибо ему хотелось, насколько возможно, двигаться по следам своих предшественников.

Решено было разделить ночь на три вахты, чтобы каждый из трех аэронавтов бодрствовал в свой черед. Доктору предстояло нести вахту с девяти часов вечера, Кеннеди — с двенадцати ночи, а Джо с трех часов утра.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись под тентом и мирно заснули, а Фергюссон стал на вахту.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Перемена погоды. — Лихорадка Кеннеди. — Лекарство доктора Фергюссона. — Путешествие по земле. — Бассейн Именго. — Гора Рубехо. — На высоте шести тысяч футов. — Привал днем.

Ночь прошла спокойно. Но, проснувшись утром, Кеннеди стал жаловаться на усталость и озноб. Погода изменилась. Небо, покрытое тяжелыми тучами, казалось, грозило потопом. Край Зунгомеро, где они очутились, — унылая местность: здесь дожди льют не переставая, за исключением, быть может, каких-нибудь двух недель в январе.

Вскоре разверзлись хляби небесные и начался ливень. Аэронавты видели, как под ними дороги, и без того заросшие колючим кустарником и гигантскими лианами, сразу стали совсем непроходимыми благодаря мгновенно образовавшимся потокам — «нула», как они зовутся. А в воздухе ясно чувствовались испарения сернистого водорода.

— На это явление обратил уже внимание капитан Бёртон, — заметил доктор. — Можно подумать, говорит он, что здесь за каждым кустом спрятано по трупу; и действительно, запах здесь стоит не из приятных.

— В самом деле, скверный край, — заявил Джо. — Вот и мистер Кеннеди после проведенной здесь ночи что-то не очень хорошо себя чувствует.

— Действительно, — согласился охотник, — меня сильно лихорадит.

— Ничего тут нет удивительного, дорогой мой Дик, — отозвался доктор, — мы сейчас находимся в одной из самых нездоровых местностей Африки. Но мы недолго здесь останемся. Ну, в путь-дорогу!

Джо ловко отцепил якорь от сикомора и по шелковой лестнице взобрался в корзину. Доктор зажег горелку, и вскоре «Викторию» снова умчал довольно сильный ветер. Сквозь ужасный туман едва можно было различить несколько хижин. Вид местности менялся. В Африке нередко бывает, что какой-нибудь небольшой нездоровый район находится в непосредственном соседстве с прекрасной, совершенно здоровой местностью.

Кеннеди, видимо, страдал: лихорадка одолела и его могучий организм.

— Совсем некстати эта болезнь, — проговорил шотландец, заворачиваясь в одеяло и укладываясь под тентом.

— Потерпи немножко, дорогой мой Дик, — старался подбодрить его Фергюссон. — Поверь, ты скоро и думать забудешь о болезни.

— Думать забуду! Когда бы так!.. Послушай, Самуэль, если в твоей походной аптечке имеется какое-нибудь подходящее снадобье, такое, чтобы поставить меня на ноги, давай мне его поскорее. Я проглочу лекарство с закрытыми глазами.

— У меня есть нечто лучшее, чем лекарство, друг мой. Я дам тебе такое противолихорадочное средство, которое ровно никаких денег не стоит.

— Как же ты это сделаешь?

— Да очень просто: мы сейчас поднимемся выше этих туч, не перестающих поливать нас дождем, и уйдем из этой зловредной атмосферы. Вот только подожди каких-нибудь десять минут, пока газ расширится.

Не прошло и десяти минут, как аэронавты очутились уже выше влажной зоны.

— Еще немного, Дик, и ты почувствуешь всю силу воздуха и солнца, — продолжал успокаивать доктор своего друга.

— Ну и лекарство! Просто чудеса какие-то! — воскликнул Джо.

— Нет, мой милый, это совершенно естественно, — возразил доктор.

— О! В том, что это естественно, я нисколько не сомневаюсь.

— Видишь ли, Дик, — продолжал доктор, — я посылаю тебя на курорт, на чистый воздух, как постоянно делают с больными в Европе. На Мартинике я послал бы тебя на Питон.

— Тогда, значит, наша «Виктория» — настоящий рай! — проговорил Кеннеди, уже чувствуя себя несколько лучше.

— Во всяком случае, она приведет нас туда, — с серьезным видом заявил Джо.

Удивительную картину представляла в эту минуту масса облаков, скопившаяся внизу, под корзиной шара. Облака эти обгоняли друг друга, смешивались и чудесно сверкали, отражая лучи солнца. «Виктория» поднялась на высоту четырех тысяч футов. Термометр показывал некоторое понижение температуры. Земли не было видно. Милях в пятидесяти на западе сверкала снежная вершина горы Рубехо. Она возвышалась на границе страны Угого под 36°20′ восточной долготы. Ветер дул со скоростью двадцати миль в час, но наши аэронавты совершенно не замечали этого: они не испытывали никаких толчков, не чувствовали даже, что движутся.

Не прошло и трех часов, как уже сбылось предсказание доктора: у Кеннеди озноб как рукой сняло, и он даже с аппетитом позавтракал.

— Да, это будет получше всякого хинина, — с довольным видом сказал Дик.

— Знаете, под старость я непременно переселюсь сюда, — заявил Джо.

Около десяти часов утра атмосфера прояснилась. В облаках образовался просвет, через который снова показалась земля. «Виктория» незаметно снижалась. Доктор Фергюссон начал отыскивать воздушное течение, которое понесло бы их на северо-восток, и нашел

его на высоте шестисот футов от земли. Местность становилась холмистой, даже можно сказать — гористой. Край Зунгомеро исчезал на востоке вместе с последними на этой широте кокосовыми пальмами.

Вскоре горы стали принимать более резкие очертания, то там, то здесь внезапно появлялись острые конусообразные вершины, и надо было очень внимательно следить, чтобы не напороться на одну из них.

— А мы среди довольно-таки опасных скал, — заметил Кеннеди.

— Будь спокоен, Дик: мы их не заденем.

— Но надо же правду сказать: это прекрасный способ путешествовать, — вмешался Джо.

Действительно, доктор управлял своим шаром с удивительным искусством.

— Знаете, если бы нам пришлось идти по этой размытой почве, мы еле тащились бы по грязи, — заговорил Фергюссон, — с момента нашего выхода из Занзибара половина наших вьючных животных уже погибла бы от истощения. Сами мы походили бы на привидения и были бы близки к отчаянию. У нас не прекращались бы столкновения с нашими проводниками и носильщиками, мы немало натерпелись бы от этих необузданно грубых людей. Днем мы страдали бы от убийственной влажной жары, ночью от нестерпимого холода и от москитов, которые могут довести до сумасшествия. От них, надо заметить, не спасает даже самая плотная ткань. Не говорю уже о хищных зверях и диких племенах.

— Не хотел бы я всего этого испробовать, — чистосердечно признался Джо.

— И имейте в виду, что я ничего не преувеличиваю, — продолжал доктор. — Почитали бы вы рассказы путешественников, дерзнувших проникнуть в эти страны... Тут порой от слез не удержишься!

Около одиннадцати часов «Виктория» пронеслась над бассейном Именже. Жители деревень, разбросанных по холмам, тщетно угрожали ей своим оружием. Наконец, аэронавты достигли последних перед горой Рубехо возвышенностей. Это была третья и самая высокая цепь гор Усагара.

Путешественники отдавали себе ясный отчет в рельефе местности. Эти три ответвления, из которых Дутуми предшествует другим, отделены друг от друга обширными продольными долинами; высокие вершины имеют форму закругленных конусов, между которыми почва усеяна эрратическими валунами[1] и галькой. Своими крутыми склонами горы обращены к Занзибару; западные же склоны образуют пологие плато. Низины покрыты слоем плодородного чернозема, одетого пышной растительностью. К востоку бежит несколько речек и ручьев, впадающих в Кингани и окаймленных гигантскими сикоморами, тамариндами, бутылочными тыквами и пальмами.

— Будьте внимательны! — обратился Фергюссон к своим спутникам. — Мы приближаемся к горе Рубехо, что значит на местном языке «Путь ветров». Нам лучше повыше обойти ее остроконечные выступы. Если моя карта верна, то нам следует подняться более чем на пять тысяч футов.

— Скажи, часто придется нам подниматься на такую высоту? — поинтересовался Кеннеди.

— Нет, редко. Африканские горы, повидимому, вообще ниже гор Европы и Азии, а наша «Виктория» и через те бы перелетела свободно.

Вскоре под влиянием жара горелки воздушный шар стал очень заметно забираться вверх. Но расширение газа не представляло никакой опасности, так как оболочка «Виктории» была наполнена только на три четверти. Барометр показывал высоту в шесть тысят футов.

— А как долго смогли бы мы так подниматься? — спросил Джо.

— Земная атмосфера простирается в высоту на шесть тысяч туазов[2], — начал объяснять доктор, — на больших воздушных шарах можно подняться высоко. Такой опыт проделали Бриюши и Гей-Люссак, но у них

---

[1] Эрратические валуны — огромные камни, занесенные далеко от их месторождения движением ледников

[2] Жюль Верн имеет в виду нижний слой атмосферы, который мы называем сейчас тропосферой Туаз равен 1,949 м.

пошла кровь из горла и ушей. Дышать было трудно: наши легкие не приспособлены к такому воздуху. Несколько лет тому назад два смелых француза, Барраль и Биксио, также отважились подняться очень высоко, но в оболочке их шара произошел разрыв...

— И они упали? — с живостью спросил Кеннеди.

— Конечно! Но, как и полагается падать ученым, без всякого вреда для них.

— Ну, господа ученые, если вам охота, то вы и падайте на здоровье, — заявил Джо, — а я как человек необразованный предпочитаю держаться на золотой середине: не очень высоко, не очень низко. Не нужно быть слишком честолюбивым.

На высоте шести тысяч футов воздух заметно поредел, звук здесь передавался слабее и голоса звучали гораздо глуше. Очертания предметов внизу стали менее отчетливыми. Различались лишь контуры больших масс, да и то смутно. Людей и животных совсем нельзя было разглядеть, дороги казались ниточками, а озера — прудами.

Доктор и его спутники чувствовали себя не совсем нормально. Воздушное течение необыкновенной силы несло их над снежными вершинами, на которых с удивлением останавливается взгляд. Хаотический вид этих гор говорил о работе воды в первые времена жизни Земли.

Солнце стояло в зените, и его лучи падали отвесно на пустынные вершины. Доктор сделал точный набросок этих гор, состоящих из четырех горных цепей, расположенных почти по прямой, из которых северная была самой длинной.

Вскоре «Виктория» начала спускаться над противоположным склоном Рубехо, пролетая над темнозелеными лесами. Появились гребни и лощины, пустынная местность перед страной Угого. Еще ниже потянулись желтые, выжженные солнцем равнины; на них там и сям виднелись чахлая солончаковая растительность и колючий кустарник. Несколько рощ, переходивших в леса, красили горизонт.

Доктор снизился. Джо выбросил якоря, и один из них вскоре зацепился за ветви большого сикомора.

Джо сейчас же соскользнул вниз и тщательно закрепил якорь. Доктор только притушил горелку, желая, чтобы «Виктория» сохраняла свою подъемную силу и держалась в воздухе. Ветер стих почти сразу.

— А теперь, дорогой Дик, вынимай-ка свои два ружья, — сказал Фергюссон, — одно для себя, а другое — для Джо, и постарайтесь принести на обед несколько вкусных кусочков антилопы.

— На охоту! — с восторгом закричал Кеннеди.

Шотландец перелез через борт корзины и стал по ветвям спускаться на землю, куда уже успел скатиться ловкий, проворный Джо, который ждал его, потягиваясь. Доктор, ввиду того что с уходом его спутников нагрузка шара уменьшилась, совсем потушил горелку.

— Смотрите, сэр, не улетите! — закричал ему Джо.

— Не беспокойся, друг мой, наша «Виктория» держится крепко, и я займусь приведением в порядок своих заметок. Счастливой охоты, и будьте осторожны. Впрочем, с моего поста я буду наблюдать за тем, что происходит вокруг, и в случае чего выстрелю из карабина. Это будет условным сигналом для сбора.

— Ладно, — ответил охотник.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лес камедных деревьев. — Голубая антилопа. — Сигнал к сбору. — Неожиданное нападение. — Каньенье — Ночь в воздухе. — Мабунгуру. — Жигуэ-ла-Мкоа. — Запас воды. — Прибытие в Казех.

Бесплодная местность с потрескавшейся глинистой почвой казалась пустынной. Там и сям виднелись следы караванов — белые кости людей и животных, наполовину истлевшие и превратившиеся в прах.

После получасовой ходьбы Дик и Джо, насторожившись и держа ружья наготове, вошли в лес камедных деревьев. Мало ли на кого здесь натолкнешься. Надо сказать, что Джо, не будучи заправским стрелком, неплохо умел обращаться с огнестрельным оружием.

— Пройтись-то недурно, мистер Дик, но почва что-то уж очень неудобна, — проговорил Джо, спотыкаясь о разбросанный повсюду кварц.

Кеннеди сделал знак своему спутнику помолчать и остановиться.

Надо было обходиться без собаки, а Джо при всем своем проворстве таким чутьем, каким отличается легавая или борзая, не обладал.

Из луж, оставшихся в русле высохшего ручья, пило воду с десяток антилоп. Грациозные животные, чуя опасность, казалось, были в беспокойном состоянии. После каждого глотка они быстро поднимали свои красивые головы и подвижными ноздрями втягивали воздух.

Джо замер на месте, а Кеннеди, обойдя несколько густых деревьев, приблизился к антилопам на ружейный выстрел и нажал курок. В мгновение ока стадо исчезло, но одна антилопа, раненная в плечо, осталась на месте. Кеннеди бросился к своей добыче.

Это была так называемая голубая антилопа, великолепное животное серо-голубоватого цвета, с белыми как снег животом и ножками.

— Удачный выстрел! — воскликнул охотник. — Это, знаешь, Джо, очень редкая порода антилоп. Надеюсь, что мне удастся выделать ее кожу так, чтобы она сохранилась.

— Да неужели, мистер Дик, вы думаете это сделать?

— Конечно! Посмотри только, какая дивная шкурка!

— Доктор Фергюссон никогда не согласится взять лишний груз.

— Ты прав, Джо, но обидно бросить целиком такое великолепное животное.

— Зачем целиком, мистер Дик? Мы вырежем из него лучшие куски для еды, и, с вашего позволения, я сделаю это не хуже, чем старшина почтенной лондонской корпорации мясников.

— Если хочешь, займись этим, друг мой. Однако ты должен знать, что меня как охотника так же мало затруднило бы содрать шкуру с дичи, как и убить ее.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Дик. И уверен, что устроить очаг из трех камней вам тоже ничего не будет стоить. Кругом сухого дерева сколько угодно, а мне через каких-нибудь несколько минут понадобятся ваши раскаленные уголья.

— Ну, что ж, за этим дело не станет, — отозвался Кеннеди и сейчас же принялся за сооружение очага. Через несколько минут в нем уже пылал огонь.

Джо вырезал из туши антилопы с дюжину отбивных котлет, а также самые нежные куски филе, и все это не замедлило превратиться в очень вкусное жаркое.

— Вот это, наверно, доставит удовольствие другу Фергюссону, — заметил Дик.

— Знаете, о чем я думаю, мистер Дик?

— Должно быть, о том, что ты сейчас делаешь, — о своих бифштексах?

— Совсем нет. Я думал о том, в каком положении очутились бы мы, если б не нашли «Викторию».

— Вот так фантазия! Что же, по-твоему, доктор может нас здесь бросить?

— Нет! Но если б якорь вдруг оторвался...

— Это невозможно. Но допустим даже, что подобное и случилось бы; разве наш Самуэль не сумел бы снова спуститься? Ведь он мастерски управляет своим шаром.

— А если б ветер унес его и доктор не смог бы вернуться к нам?

— Оставь свои предположения, Джо: в них мало приятного.

— Ах, сэр, все, что случается на свете, естественно. Значит, все может случиться и все надо предвидеть...

В этот момент раздался выстрел.

— Ого! — вырвалось у Джо.

— Это мой карабин. Я узнаю его звук, — проговорил Кеннеди.

— Сигнал, значит.

— Видно, нам угрожает опасность.

— А может быть, ему самому что-нибудь грозит, — с беспокойством сказал Джо.

— Идем...

Охотники, наскоро подобрав свои трофеи, бросились по пройденной уже дороге, руководясь зарубками, сделанными Кеннеди на деревьях.

За лесом они не могли видеть «Викторию», но она, должно быть, находилась недалеко от них.

Раздался второй выстрел.

— Надо торопиться, — промолвил Джо.

— Вот еще один выстрел!

— Похоже на то, что ему приходится защищаться.

— Ну, так бежим же...

И оба понеслись со всех ног. Добежав до опушки леса, они увидели «Викторию» на прежнем месте, а доктора — в корзине.

— В чем же дело? — с удивлением проговорил Кеннеди.

— Боже мой! — закричал Джо.

— Что ты видишь?

— Наш шар осаждает целая ватага негров!

В самом деле, милях в двух от них, вокруг сикомора скакало и вопило, делая ужасные гримасы, до тридцати каких-то существ. Некоторые из них уже успели взобраться на дерево и были на самых верхних его ветвях.. Опасность казалась неотвратимой.

— Погиб мой доктор! — с отчаянием воскликнул Джо.

— Ну, друг мой, будь хладнокровнее и целься как можно вернее, — сказал шотландец. — Уж четырех из них мы с тобой непременно должны уложить. Вперед же!

С необыкновенной быстротой они пробежали с милю, когда из корзины раздался новый выстрел. Он свалил большущего дьявола, уже взбиравшегося по якорному канату.

Безжизненное тело покатилось с ветки на ветку и, наконец, раскачиваясь, повисло футах в двадцати от земли, руки и ноги болтались в воздухе.

— Черт побери! Чем же, спрашивается, держится эта скотина? — проговорил, останавливаясь, Джо.

— Совсем это неважно. Бежим же, бежим! — торопил охотник.

— Ах, мистер Кеннеди! — закричал, громко

хохоча, Джо. — Представьте себе, держится-то он хвостом! Собственным хвостом! Ведь это обезьяна! Подумайте! Это только — обезьяны!

— Во всяком случае, это лучше, чем люди, — отозвался Кеннеди, бросаясь в гущу орущей и вопящей ватаги.

Это были павианы, опасная и свирепая порода обезьян с отвратительными собачьими мордами. Несколько ружейных выстрелов быстро разогнали эту кривляющуюся орду, и она разбежалась, оставив на земле немало убитых.

Миг — и Кеннеди взбирается по шелковой лестнице в корзину, а Джо на сикоморе отцепляет якорь. Еще миг — шар опускается, и Джо уже сидит в корзине с Фергюссоном и его другом.

Несколько минут спустя «Виктория» поднялась в воздух, и умеренный ветер понес ее к востоку...

— Вот так нападение! — проговорил Джо.

— Сначала, Самуэль, мы думали, что тебя осаждают негры, — прибавил Кеннеди.

— К счастью, это были только обезьяны, — ответил Фергюссон.

— Издали разница не велика.

— Да и вблизи не так уж велика.

— Как бы то ни было, это нападение обезьян могло иметь самые серьезные последствия. Если бы от их усердного дерганья якорь отцепился, неизвестно, куда мог занести меня ветер.

— Помните, что я вам говорил, мистер Кеннеди?

— Ты был прав, Джо, но в это время ты как раз готовил свои бифштексы, и они возбудили у меня такой аппетит.

— Еще бы, — заметил доктор, — ведь мясо антилопы превосходно.

— Вы, сэр, сможете сейчас же в этом убедиться: стол уже накрыт.

— Клянусь, у этой дичи совсем не плохой запах, приправленный дымком! — провозгласил охотник.

— Я до конца своих дней с удовольствием питался бы мясом антилопы, запивая его для пищеварения стаканом грога, — с полным ртом проговорил Джо.

И он сейчас же принялся приготовлять грог.

— Пока все идет довольно хорошо, — заявил он.

— Даже очень хорошо, — поправил его Кеннеди.

— Ну, скажите по правде, мистер Кеннеди, разве вы жалеете, что отправились с нами?

— Хотел бы я видеть, кто посмел бы меня удержать! — с решительным видом ответил охотник.

Было четыре часа дня. «Виктория» попала в более быстрое воздушное течение. Местность незаметно повышалась, и скоро барометр уже показывал высоту в тысячу пятьсот футов над уровнем моря. Доктору нужно было для поддержания шара на этой высоте довольно сильно расширять объем газа, и горелка все время работала без перерыва.

Около семи часов «Виктория» уже парила над бассейном Каньенье. Доктор сейчас же узнал этот прекрасно возделанный край с его поселениями, тонущими среди баобабов и тыквенников. Здесь же находилась столица одного из султанов страны Угого, может быть менее дикой, чем другие страны Африки: здесь торговля членами собственной семьи — более редкое явление; все же скотина и люди живут вместе в круглых хижинах, напоминающих стоги сена.

После Каньенье почва опять стала каменистой и бесплодной, но спустя какой-нибудь час, неподалеку от Мабунгуру, показалась плодоносная ложбина, где растительность снова развернулась во всей своей красе. К вечеру ветер стал спадать, и воздух, казалось, погрузился в сон.

Тщетно искал доктор воздушных течений. Наконец, убедившись, что в природе царит полнейшее спокойствие, он решил заночевать в воздухе и для большей безопасности поднялся на высоту около тысячи футов. Здесь «Виктория» повисла неподвижно. Среди полнейшей тишины настала чудесная звездная ночь...

Дик и Джо мирно улеглись на свои постели и заснули крепким сном, в то время как доктор нес вахту. В полночь его сменил шотландец.

— Смотри же, в случае чего разбуди меня, — наказал ему Фергюссон. — Главное, не спускай глаз с барометра — это ведь наш компас.

Ночь была холодная. Разница между дневной и ночной температурой доходила до 27°.

С наступлением темноты начался ночной концерт зверей; голод и жажда гнали их из берлог. Слышалось сопрано лягушек, которому вторило завывание шакалов; внушительные басы львов дополняли этот живой оркестр.

Утром, принимая вахту от Джо, доктор Фергюссон посмотрел на компас и увидел, что направление ветра изменилось. За последние два часа «Викторию» отнесло приблизительно миль на тридцать к северо-востоку. Сейчас она неслась над каменистой страной Мабунгуру, усеянной как бы отполированными глыбами сиенита и закругленными утесами. Земля здесь вся ощетинилась конусообразными скалами, походившими на гробницы друидов. Множество скелетов буйволов и слонов белело там и сям. Деревьев было мало, за исключением восточной стороны, где поселения едва проглядывали среди дремучих лесов.

Около семи часов утра показалась большая, до двух миль в окружности, скала, напоминавшая огромную черепаху.

— Мы на верном пути, — объявил Фергюссон. — Вон Жигуэ-ла-Мкоа. Мы сделаем там остановку на несколько минут. Я хочу возобновить запас воды для горелки. Попробуем где-нибудь зацепиться.

— Что-то здесь мало деревьев, — заметил охотник.

— Все-таки попробуем. Джо, брось-ка якоря, — приказал доктор.

Понемногу теряя подъемную силу, шар снизился. Якоря болтались; лапа одного из них застряла в расщелине скалы, и «Виктория» остановилась.

Ошибочно было бы думать, что доктор во время остановки мог совсем тушить свою горелку. Условия равновесия шара были высчитаны по уровню моря; местность же все время поднималась, и, находясь на высоте от шестисот до семисот футов, шар стремился бы опуститься ниже; следовательно, надо было постоянно поддерживать его, несколько подогревая газ. Только в том случае, если бы доктор, при полном от-

сутствии ветра, давал корзине стоять на земле, шар, освобожденный от значительной части своей нагрузки, мог бы держаться в воздухе без помощи горелки.

Судя по карте, у западного склона Жигуэ-ла-Мкоа были обширные болота. И вот Джо отправился туда один, с бочонком вместимостью до десяти галлонов. Он без труда нашел воду около небольшого покинутого селения, запасся ею и вернулся, не проходив и трех четвертей часа. Дорогой он не заметил ничего особенного, кроме громадных ловушек для слонов, причем едва сам не попал в одну из них, где лежал полуизглоданный остов слона.

Из своей экскурсии Джо принес плоды вроде кизила, — их на его глазах с наслаждением уписывали обезьяны. Доктор признал в них плоды мбенбу — дерева, очень распространенного по западному склону Жигуэ-ла-Мкоа. Фергюссон с большим нетерпением ожидал возвращения Джо, ведь даже непродолжительная остановка в этой негостеприимной стране внушала ему опасения.

Вода была погружена без всяких затруднений, так как корзина была почти у земли. Джо отцепил якорь и в один миг очутился подле доктора. Фергюссон сейчас же усилил огонь в горелке, и «Виктория» снова понеслась по своему воздушному пути.

Аэронавты теперь находились милях в ста от Казеха — важного пункта Центральной Африки, куда благодаря юго-восточному течению они надеялись долететь в этот же день. Неслись они со скоростью четырнадцати миль в час. Управлять шаром было трудновато. Нельзя было подняться высоко, не расширяя значительно газа, ибо местность, над которой они летели, была в среднем на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Вообще же Фергюссон предпочитал не очень расширять газ. Он ловко обходил изгибы довольно крутых склонов гор и совсем низко пролетел над селениями Тембо и Тура-Вэльс. Последнее из этих двух селений находится уже в Уньямвези — чудесном крае, где растения достигают огромных размеров, в особенности кактусы.

Около двух часов дня, при великолепной погоде, под палящими лучами солнца, вызвавшими полнейшую тишину в воздухе, «Виктория» уже парила над Казехом, находящимся в трехстах пятидесяти милях от побережья.

— Мы вылетели из Занзибара в девять часов утра, — проговорил доктор Фергюссон, просматривая свои записи, — и вот за два дня, считая все наши отклонения, мы прошли около пятисот географических миль. А капитанам Бёртону и Спику на прохождение этого самого пути понадобилось целых четыре с половиной месяца.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Казех. — Шумный базар. — Появление «Виктории». — Ванганги-колдуны. — Сыновья Луны. — Посещение доктором Фергюссоном больного султана. — Население. — «Тембе» — дворец султана. — Его жены. — Султан-пьяница. — Обоготворение Джо. — Как танцуют на Луне. — Настроение изменилось. — Две луны на небосклоне. — Непрочность божественного величия.

Казех, являясь важным пунктом Центральной Африки, в сущности не представляет собой города. Надо сказать, что в этом крае вообще городов и не существует. Казех раскинут в шести обширных ложбинах. Здесь разбросаны хижины и шалаши невольников, окруженные двориками и хорошо возделанными садами. Тут великолепно растут лук, картофель, кабачки, тыквы и превкусные шампиньоны. Область Уньямвези, лучшая часть Лунной страны, — так сказать, великолепный плодородный парк Африки. В центре области находится округ Уньяньебэ, чудесная местность, где беспечно живут несколько чисто арабских семейств—омани.

Эти люди с давних пор ведут торговлю в центре Африки и в Аравии. Торгуют они камедью, слоновой костью, набивными бумажными тканями и невольниками. Караваны их не перестают тянуться по всем

экваториальным странам; доходят они и до побережья, доставляя оттуда предметы роскоши для своих разбогатевших хозяев-купцов. Окруженные своими женами и слугами, богачи-омани ведут жизнь самую бездеятельную, так сказать «горизонтальную», — лежат, болтают, курят или спят.

Вокруг этих цветущих ложбин разбросаны многочисленные хижины туземцев, раскинулись огромные площади для базаров, зеленеют поля конопли и дурмана, растут великолепные деревья, дающие прохладную тень. Это и есть Казех.

Здесь главное место встреч караванов: одни привозят сюда с юга невольников и слоновую кость, другие доставляют с запада племенам, живущим вокруг Великих озер, хлопок и мелкие изделия из стекла.

Потому-то на здешних базарах — вечная суматоха и невообразимый шум. Крики носильщиков-метисов, бой барабанов, звук труб, ржание мулов, рев ослов, пение женщин, писк детей, удары трости жемадара (начальника каравана), словно отбивающие такт в этой «пасторальной симфонии», — все сливается в единый непрекращающийся гул.

Здесь без всякого порядка, а вернее сказать — в живописном беспорядке, навалены и яркие материи, и бисер, и слоновая кость, и бивни носорога, и зубы акул, и мед, и табак, и хлопок. Здесь заключаются самые удивительные сделки, ибо цена каждого предмета определяется исключительно вожделением, которое он вызывает у покупателя.

Вся эта суета, все движение, весь шум сразу стихли, когда на небе появилась «Виктория». Величественно паря в воздухе, она постепенно, почти вертикально стала снижаться. В один миг мужчины, женщины, дети, невольники, купцы, арабы и негры исчезли с площади и забились в свои хижины.

— Знаешь, дорогой Самуэль, — заметил Кеннеди, — если мы и дальше будем производить такой же фурор своим появлением, то нам трудновато будет завязать какие-либо торговые сношения с местными жителями.

— А между тем здесь можно было бы совершить очень простую коммерческую сделку, — вмешался Джо. — Взять бы да и спуститься спокойно на эту базарную площадь и, не обращая ни малейшего внимания на купцов, забрать самые ценные товары! Да, так, пожалуй, можно было бы сразу разбогатеть.

— Ну, это не так легко, — возразил доктор. — С перепугу все разбежались, но, поверь, они не замедлят вернуться из суеверия или любопытства.

— Вы так думаете, сэр?

— Вот увидим! Во всяком случае, благоразумно будет не слишком к ним приближаться: ведь «Виктория» наша — шар не бронированный, а значит, ей опасны и пуля и стрела.

— А ты, Самуэль, намерен войти в переговоры с этими африканцами? — спросил Кеннеди.

— А почему бы и нет, если это окажется возможным? — ответил доктор. — Мне кажется, здесь можно встретить арабских купцов, довольно цивилизованных. Помнится, что Бёртон и Спик не могли нахвалиться гостеприимством жителей Казеха. Надо и нам попытаться завязать с ними дружбу.

Снизившись мало-помалу, «Виктория» зацепилась одним якорем за верхние ветви дерева, росшего вблизи базарной площади. Тут все население, сперва осторожно высунув головы из своих убежищ, высыпало на площадь. Несколько вангангов-колдунов (их можно было узнать по знакам отличия — украшениям из раковин конической формы) смело выступило вперед. У поясов их виднелись черные фляжки из тыквы, вымазанные салом, и различные, весьма грязные на вид предметы для колдовства.

Вокруг вангангов стала понемногу собираться толпа: среди нее было много женщин и детей. Забили барабаны, причем каждый старался заглушить все остальные. И вот присутствующие захлопали в ладоши и воздели руки к небу...

— Это их способ молиться, — пояснил доктор. — Если не ошибаюсь, нам предстоит сыграть здесь большую роль.

— Ну и прекрасно, сэр, так разыгрывайте ее.

— Да и сам ты, мой милый Джо, быть может, станешь божеством.

— Что же, меня это ничуть не смутит, сэр: если мне будут кадить, это даже доставит мне удовольствие.

Один из колдунов сделал жест рукой. Мгновенно шум и крики замерли, и водворилась глубочайшая тишина. Колдун обратился к путешественникам с несколькими словами на неизвестном языке.

Ровно ничего не поняв из сказанного, доктор Фергюссон бросил наудачу несколько слов по-арабски и тотчас же получил ответ на том же языке.

Оратор-колдун произнес очень длинную цветистую речь, выслушанную с полным вниманием. Доктору очень скоро стало ясно, что «Викторию» принимали не больше, не меньше как за Луну и что в этой стране, любимой солнцем, никогда не забудется та честь, которую оказала высокочтимая богиня Луна, посетившая город вместе со своими тремя сынами.

Доктор с большим достоинством провозгласил, что Луна каждую тысячу лет делает обход своих владений, чувствуя потребность поближе показать себя своим поклонникам, и потому он просит не стесняться, а воспользоваться присутствием богини для того, чтобы сообщить ей о своих нуждах и пожеланиях.

Колдун на это ответил, что султан Мвани много лет уж хворает и нуждается в небесной помощи, поэтому он приглашает сынов Луны посетить больного повелителя.

Доктор тотчас же сообщил об этом приглашении своим спутникам.

— И ты думаешь отправиться к этому негритянскому царьку? — спросил охотник.

— Конечно. Люди эти мне кажутся настроенными доброжелательно. В воздухе полная тишина, и за «Викторию» нам бояться не приходится.

— Но что же ты там будешь делать?

— Не беспокойся, дорогой Дик, я кое-что понимаю в медицине и уж как-нибудь справлюсь.

Затем, обращаясь к толпе, Фергюссон заявил:

— Луна, сжалившись над владыкой, столь дорогим сынам Уньямвези, велела нам позаботиться о его выздоровлении. Пусть же султан готовится нас встретить.

Восторженные крики и пение возобновились с большей силой, и весь этот муравейник зашевелился.

— А теперь, друзья мои, — сказал Фергюссон, — на всякий случай надо все предусмотреть. Может наступить момент, когда мы будем вынуждены как можно скорее улететь отсюда. Поэтому, Дик, оставайся в корзине и с помощью горелки поддерживай достаточную подъемную силу шара. Якорь держится крепко, и за него бояться нечего. Я сейчас сойду на землю, Джо спустится со мной и останется у лестницы.

— Как, ты отправишься один к этому черномазому? — с беспокойством проговорил Кеннеди.

— Неужели, мистер Самуэль, вы не хотите, чтобы я сопровождал вас? — воскликнул Джо.

— Нет, не хочу: я пойду один. Эти милые люди воображают, что сама великая богиня явилась к ним в гости: я нахожусь под защитой суеверия. Итак, ничего не бойтесь и оставайтесь оба на указанных мною постах.

— Что делать, раз ты так хочешь... — отозвался охотник.

— Следи же, Дик, за расширением газа.

— Будь покоен, Самуэль.

Крики туземцев делались все громче, они с жаром взывали к небесной помощи.

— Слышите, слышите! — воскликнул Джо. — Они, по-моему, что-то уж очень дерзко ведут себя со своей богиней Луной и ее божественными сынами.

Доктор, захватив с собой дорожную аптечку, спустился на землю следом за Джо, который величественно, как и полагалось сыну Луны, уселся у самой лестницы, поджав под себя ноги по-арабски. Часть толпы с благоговением окружила его.

В это время доктор Фергюссон, сопровождаемый музыкой и религиозной пляской, медленно подвигался к «тембе» — дворцу султана, находящемуся довольно далеко от базара. Было около трех часов пополудни, и

солнце сияло вовсю. Да оно и не могло вести себя иначе при таких обстоятельствах.

Доктор выступал очень торжественно. Вокруг него шли ванганги, сдерживая толпу. Вскоре навстречу Фергюссону вышел довольно красивый юноша, побочный сын султана, по обычаю этой страны — единственный наследник всех богатств отца в обход законных детей. Юноша распростерся перед сыном Луны, а тот грациозным жестом поднял его.

Через три четверти часа ходьбы по тенистым дорожкам, среди роскошной тропической растительности, процессия, охваченная воодушевлением, приблизилась к дворцу султана, квадратному зданию, которое называлось «Ититения» и было расположено на склоне холма. Выступы его соломенной крыши, опиравшиеся на украшенные резьбой деревянные столбы, образовали своего рода веранду. Стены дворца были покрыты изображениями людей и змей, сделанными из красноватой глины, причем, конечно, более натурально выглядели змеи. Крыша этого жилища не опиралась непосредственно на стены, так что воздух свободно проникал в него. Окон не было, только маленькая дверь.

Доктора Фергюссона встретили с большим почетом стража и любимцы султана. Это все были красивые, хорошо сложенные, сильные и здоровые представители племени ваньямвези. Волосы их, заплетенные во множество косичек, спадали на плечи. Щеки от висков до рта были татуированы черными и голубыми полосками. На уродливо оттянутых ушах висели деревянные кружочки и пластинки из копаловой камеди. Одеты были они в бумажные ярко раскрашенные ткани. У воинов были копья, луки с зубчатыми, отравленными соком молочая стрелами, кортики, «симы», то есть длинные зазубренные, как пила, сабли, и маленькие топорики.

Доктор вошел во дворец. Здесь, несмотря на болезнь султана, стоял страшный шум. При появлении доктора шум этот еще больше усилился. Фергюссону бросилось в глаза, что на притолоке были навешаны заячьи хвосты и гривы зебр, — очевидно, они служили талисманами.

Доктор был встречен толпой жен султана под гармонические звуки «упату» — род цимбал, сделанных из дна медного котелка, — и под грохот «килиндо» — огромного барабана, вышиной в пять футов, выдолбленного в стволе дерева. По этому барабанищу изо всех сил колотили кулаками два виртуоза. Большинство жен султана показались доктору очень красивыми. Они смеялись и курили табак из больших черных трубок. Длинные платья грациозными складками драпировали их стройные фигуры. Поверх платьев они носили «кильт» — короткие юбки из волокна бутылочной тыквы. Шесть жен, стоявших поодаль, были не менее веселы, чем остальные, хотя в будущем их ждали ужасные мучения. По смерти султана они будут закопаны живыми вместе с трупом царственного супруга, дабы они могли развлекать его и в месте вечного упокоения.

Доктор Фергюссон, окинув взглядом всю эту картину, подошел к деревянной кровати монарха. Он увидел человека лет сорока, совершенно отупевшего от злоупотребления спиртными напитками и всяких других излишеств. Помочь ему было, конечно, невозможно. Эта так называемая болезнь была не что иное, как беспросыпное пьянство. Царственный пьяница находился уже почти без сознания, и никаким нашатырным спиртом его уже нельзя было бы привести в себя. Во время торжественного приема любимцы и жены султана, склонившись, стояли на коленях. Доктор влил в рот монарха несколько капель сильно возбуждающего лекарства и оживил на минуту бесчувственное тело. Султан сделал слабое движение, а так как он уже несколько часов казался трупом, то это проявление жизни вызвало восторженные крики в честь целителя.

Фергюссон, видя, что ему здесь делать больше нечего, решительным движением отстранил от себя своих слишком восторженных поклонников, вышел из дворца и направился к «Виктории». Было шесть часов вечера.

Между тем Джо спокойно ждал возвращения доктора, сидя внизу лестницы. Собравшаяся вокруг него толпа всячески выражала ему почтение, а он, как на-

стоящий сын Луны, спокойно принимал эту дань. Для божества он, пожалуй, был простоват. Держал он себя совсем не гордо и даже любезничал с молодыми африканками, а те просто не могли на него наглядеться.

— Поклоняйтесь, милые девушки, поклоняйтесь, — говорил Джо, — я добрый малый, хоть и сын богини.

Ему преподнесли дары, которые обыкновенно складывают в «мциму» — хижины, где помещаются идолы. Дары эти состояли из ячменя и «помбе» — нечто вроде крепкого пива. Джо счел нужным отведать этот напиток, но для его нёба, хоть и привычного к вину и виски, он оказался слишком крепким. Он состроил ужасную гримасу, которую толпа приняла за любезную улыбку. Затем молодые девушки, затянув монотонную мелодию, исполнили вокруг него какой-то степенный танец.

— Ах, вы танцуете! — воскликнул Джо. — Хорошо же! Я не останусь в долгу перед вами и сейчас покажу вам, как пляшут у нас на родине.

И Джо пустился в головокружительную джигу. Чего только не выкидывал он — и извивался, и сгибался, и вытягивался, откалывал удивительные коленца, размахивал руками, принимал невероятнейшие позы, строил невозможные гримасы... Словом, он дал туземцам самое удивительное представление о том, как танцуют боги на Луне.

И вот африканцы, переимчивые, как обезьяны, стали воспроизводить все его прыжки, ужимки, гримасы. Ни один жест Джо не ускользнул от их внимания, ни одной его позы они не забыли. Началась такая кутерьма, все вошли в такой азарт, какого и описать невозможно. В самый разгар веселья Джо вдруг заметил доктора.

Фергюссон поспешно возвращался среди злобно орущей толпы. Колдуны и вожди, казалось, были в очень возбужденном состоянии. Доктора со всех сторон окружила толпа: она теснила его, угрожала...

«Странная перемена! Что же могло произойти? Не окончил ли султан свои дни на руках небесного целителя? Уж это было бы некстати», — пронеслось в голове шотландца.

Кеннеди со своего поста видел опасность, но не понимал ее причины. Воздушный шар, сильно раздутый газом, натягивал удерживающий его канат, как бы нетерпеливо порываясь подняться ввысь.

Но вот Фергюссон уже у лестницы. Суеверный страх все еще сдерживает толпу и не дает ей совершить над ним какое-нибудь насилие. Доктор быстро поднимается по лестнице, за ним несется Джо.

— Нельзя терять ни минуты, — говорит ему Фергюссон, — не пробуй отцепить якорь. Мы сейчас перерубим канат. Скорей за мной!

— Но в чем же дело? — спрашивает Джо, влезая в корзину.

— Что случилось? — допрашивает Кеннеди, держа карабин наготове.

— Смотрите, — ответил доктор, указывая на горизонт.

— Ну, и что же? — в недоумении возразил охотник.

— Луна!

В самом деле, луна, красная и великолепная, поднималась по темной лазури в виде огненного шара. Конечно, это была настоящая луна. И это значило, что либо на свете две луны, либо чужеземцы — плуты, каверзники и поддельные боги...

Естественно, что подобные мысли возникли в умах окружающих. Этим и объяснялась перемена в настроении толпы. Джо не мог не расхохотаться.

Толпа, понимая, что добыча ускользает из ее рук, завопила; луки и мушкеты нацеливались на «Викторию».

Но один из колдунов махнул рукой, воины опустили оружие. Колдун полез на дерево, очевидно намереваясь ухватиться за канат и притянуть шар к земле.

Джо кинулся с топором в руках.

— Рубить, что ли? — спросил он.

— Обожди! — ответил доктор. — Быть может, нам удастся спасти якорь, а я ведь очень дорожу им. Канат мы всегда успеем перерубить.

Колдун, взобравшись на дерево, умудрился, сломав несколько веток, отцепить якорь. Освобожденный шар мгновенно взвился вверх, захватив якорем колдуна, и

злосчастный негр совершенно неожиданно понесся верхом на этом крылатом коне в воздушное пространство...

Изумление толпы, когда она увидела, что один из ее вангангов уносится в воздух, не поддается описанию.

— Ура! — закричал Джо, в то время как «Виктория» благодаря своей большой подъемной силе быстро поднималась вверх.

— Он держится крепко, — проговорил Кеннеди, — и небольшое путешествие, конечно, не повредит ему.

— Что же, мы сбросим этого негра? — спросил Джо.

— Что ты! — отозвался доктор. — Мы преспокойно опустим его на землю, и, думается мне, что после подобного приключения его влияние как колдуна среди его соплеменников чрезвычайно возрастет.

— Пожалуй, они даже сделают из него бога! — воскликнул Джо. — С них станется!

«Виктория» была уже на высоте почти тысячи футов. Негр с отчаянной энергией вцепился в канат. Он молчал, глаза его были устремлены в одну точку. К его ужасу примешивалось удивление. Легкий западный ветер уносил «Викторию» от Казеха.

Прошло полчаса. Доктор, заметив, что местность под ними совершенно пустынна, уменьшил пламя горелки и снизился. Футах в двадцати от земли негр решился спрыгнуть. Он упал на ноги и опрометью пустился бежать к Казеху, а «Виктория», освобожденная от лишнего груза, снова стала подниматься.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приближение грозы. — Лунная страна. — Будущее африканского континента. — Машина и светопреставление. — Вид местности при закате солнца. — Флора и фауна. — Гроза. — Зона огня. — Звездное небо.

— Вот что значит стать сынами Луны без ее позволения, — заговорил Джо. — Ведь эта спутница Земли могла сегодня сыграть с нами преплохую шутку. А вы, сэр, своим лечением не подорвали ее славы?

— В самом деле, что с ним, с этим казехским султаном? — вмешался охотник.

— Сорокалетний полумертвый пьяница, — ответил доктор. — Плакать по нем вряд ли кто-нибудь станет. Из этого приключения следует сделать вывод, что почести и слава мимолетны и не надо ими слишком увлекаться.

— Тем хуже! — воскликнул Джо. — Мне, правду сказать, это было по душе. Подумать только! Тебе поклоняются, ты разыгрываешь бога... А тут вдруг появляется луна, да еще вся красная, как будто она действительно разозлилась...

Так болтал Джо, рассматривая ночное светило с совершенно новой точки зрения; а в это время небо на севере стало заволакиваться густыми, зловещими тучами. Довольно сильный ветер на высоте трехсот метров над землей гнал «Викторию» на северо-северо-восток. Небесный свод над нею был ясен, но почему-то казался тяжелым.

Около восьми часов вечера наши аэронавты находились на 32°40′ восточной долготы и 4°17′ южной широты. Под влиянием надвигавшейся грозы воздушное течение несло их со скоростью тридцати пяти миль в час. Под ними быстро проносились волнистые плодородные равнины Мфуто. Эта картина была так живописна, что нельзя было ею не восхищаться.

— Мы сейчас в центре Лунной страны, — заметил доктор Фергюссон. — Ведь эти места сохранили и поныне свое древнее название, должно быть, потому что во все времена здесь обоготворяли Луну. Действительно, чудесная страна! Трудно где-нибудь встретить более роскошную растительность!

— Хорошо бы перенести ее под Лондон, это было бы не естественно, но очень приятно, — заметил Джо. — Почему вся эта красота досталась таким диким, варварским странам?

— А кто может поручиться, — возразил доктор, — что со временем эта страна не станет центром цивилизации? Может быть, в будущем, когда в Европе земля истощится и перестанет питать население, народы устремятся сюда.

— Ты полагаешь? — спросил Кеннеди.

— Конечно, дорогой Дик. Проследи за общим ходом событий, вспомни о переселениях народов, и ты придешь к тому же выводу. Азия — первая кормилица мира, не правда ли? Четыре тысячи лет, быть может, она творит, оплодотворяется, производит, а затем, когда лишь камни усеивают землю там, где раньше колосились золотые гомеровские нивы, ее дети покидают ее истощенное и увядшее лоно. И вот мы видим, что они устремляются в Европу, юную и мощную, и она питает их две тысячи лет. Но и здесь плодородие уже идет на убыль с каждым днем. Новые болезни, что ни год поражающие растительность, скудные урожаи, недостаточные ресурсы — все это признак угасания жизненной силы, неминуемого опустошения. И мы видим, что народы бросаются на обильную грудь Америки, как на источник, который, может быть, нельзя назвать неиссякаемым, но который пока еще не иссяк. И этот новый континент в свою очередь станет старым; его девственные леса будут вырублены для нужд промышленности; почва, слишком много производившая, потому что с нее слишком много требовали, обессилеет; там, где каждый год снимали два урожая, теперь с трудом получают с истощенной земли один. И вот Африка предложит новым расам сокровища, веками накоплявшиеся в ее лоне. Севооборот и осушка болотистых местностей оздоровят вредный для европейцев климат, рассеянные по стране водные пути соединятся в общем русле и образуют судоходную артерию. И эта страна, над которой мы парим, более плодоносная, более богатая, более жизнеспособная, чем другие, станет великой страной, где будут сделаны еще более удивительные открытия, чем пар и электричество.

— Ах, доктор, — сказал Джо, — как бы хотелось все это увидеть своими глазами.

— Ты слишком рано родился, милый мой.

— Между прочим, — сказал Кеннеди, — это будет, пожалуй, скучнейшая эпоха, когда промышленность поглотит все и вся. Человек до тех пор будет изобретать машины, пока машина не пожрет человека. Я всегда представлял себе, что светопреставление

будет тогда, когда какой-нибудь гигантский котел, нагретый до трех миллиардов атмосфер, взорвет наш земной шар.

— Прибавлю, — сказал Джо, — что в работе над машиной не последнюю роль сыграют американцы.

— Да, — ответил доктор, — по части котлов они мастера! Но не будем забираться в такие дебри, давайте полюбуемся этими Лунными землями, раз нам посчастливилось их увидеть.

Солнце, прорываясь сквозь гряду туч, золотило своими последними лучами землю; потоки света изливались на гигантские деревья, на древовидные папоротники, на стелющийся мох. Волнистая поверхность почвы там и сям поднималась в виде холмов, гор на горизонте не было видно. Среди непроходимых зарослей стлались поляны, тянулись колючие живые изгороди, а на полянах были рассеяны многочисленные селенья, окруженные как бы природными крепостными стенами из колоссального молочая и кораллообразных кустов.

Вскоре среди роскошной зелени зазмеилась Малагараси — самая большая река из питающих озеро Танганьику. В нее вливаются многочисленные потоки, которые берут начало в прудах, образовавшихся в глинистом слое почвы, или ручьях, вздувшихся во время половодья. Аэронавтам вся западная часть страны рисовалась в виде какой-то сети водопадов.

На роскошных лугах пасся скот: животные с огромными горбами почти тонули в высокой траве. Благоухающие леса казались гигантскими букетами, но в этих букетах спасались от дневного зноя львы, леопарды, гиены, тигры. Порой слон раскачивал верхушки деревьев, и слышался треск ломаемых его клыками стволов.

— Вот так страна для охоты! — с восторгом воскликнул Кеннеди. — Я уверен, что пуля, пущенная в лес наудачу, не может не найти себе достойной дичи. А скажи-ка, Самуэль, не попробовать ли здесь поохотиться?

— Нельзя, дорогой Дик: надвигается ночь, и ночь жуткая, с ней идет гроза. А грозы ужасны в этих местах, представляющих собой как бы гигантскую электрическую батарею.

— Ваша правда, сэр, — вмешался Джо. — Стало страшно душно, ветер совсем спал, чувствуешь, как что-то надвигается.

— Да, воздух насыщен электричеством, — ответил доктор, — и всякое живое существо ощущает состояние воздуха перед борьбой стихий. Я, лично, признаться, никогда до сих пор не чувствовал этого с такой силой.

— Ну, а не думаешь ли ты, друг мой, что нам следовало бы спуститься? — проговорил охотник.

— Наоборот, Дик, я предпочел бы подняться выше. Одного только боюсь: как бы скрестившиеся воздушные течения не отбросили нас от намеченного маршрута.

— Разве ты, Самуэль, хочешь изменить направление, по которому мы летели до сих пор от побережья?

— Видишь ли, Дик, если бы это мне удалось, я охотно продвинулся бы прямо к северу на семь или восемь градусов и попробовал бы добраться до тех широт, где, как предполагают, находятся истоки Нила. Быть может, нам удалось бы увидеть там какие-нибудь следы экспедиции капитана Спика или, пожалуй, даже самый караван Хейглина. Если только мои вычисления верны, то мы сейчас находимся на тридцать втором градусе сороковой минуте восточной долготы, и мне хотелось бы подняться выше экватора.

— Погляди-ка! — закричал Кеннеди, прерывая своего друга. — Погляди на этих гиппопотамов, вылезающих из прудов... Это просто какие-то груды живого мяса... А вон те крокодилы... С каким шумом вбирают они в себя воздух!

— Они словно задыхаются, — заметил Джо. — А до чего же хорош наш способ путешествовать: с каким презрением можем мы смотреть отсюда на всех этих злых гадов!.. Мистер Самуэль! Мистер Кеннеди! Посмотрите-ка вон на ту стаю зверей, движущихся тесными рядами. Их будет, пожалуй, штук двести. Помоему, это волки.

— Нет, Джо, это дикие собаки. И представь себе, до чего они отважны: не боятся нападать даже на львов. Для путешественника не может быть ничего

опаснее такой встречи: он будет немедленно растерзан на куски.

— Ну, в таком случае не Джо возьмется надеть на них намордники, но если эта свирепость у них в натуре, их и винить нельзя, что с них возьмешь!

С надвигающейся грозой мало-помалу все замерло. Казалось, сгущенная атмосфера, точно подбитая ватой, потеряла способность передавать звуки. Птицы — журавли, красные и синие сойки, пересмешники, мухоловки — прятались в густую листву больших деревьев. Во всей природе чувствовалось приближение взрыва.

В девять часов вечера «Виктория» неподвижно повисла над районом Мсене — скоплением множества селений, едва различимых во мраке. Порой какой-нибудь прорвавшийся луч света, отражаясь в темной воде, освещал правильно проведенные каналы и силуэты мрачных, неподвижных пальм, тамариндов, сикоморов и гигантского молочая...

— Я просто задыхаюсь, — заявил шотландец, втягивая всей грудью возможно больше разреженного воздуха. — Мы, повидимому, совсем не движемся. Что же, будем спускаться, Самуэль?

— Но ведь гроза приближается, Дик, — ответил с беспокойством доктор.

— Если ты боишься быть унесенным ветром, то, мне кажется, нам ничего и не остается, как приземлиться, — возразил шотландец.

— Быть может, гроза еще и не разразится этой ночью, тучи ведь очень высоки, — вмешался Джо.

— Вот именно это и удерживает меня от подъема выше туч, — ответил Фергюссон. — Пришлось бы подняться очень высоко, потерять из виду землю и быть в полной неизвестности, движемся ли мы вообще, а если движемся, то куда нас несет.

— Решай же поскорее, дорогой Самуэль, время не терпит, — настаивал Дик.

— Как жаль, что спал ветер, — заметил Джо, — он унес бы нас от грозы.

— Да, очень жаль, друзья мои, — проговорил Фергюссон, — ибо тучи представляют для нас большую опасность. Они ведь несут с собой ветры противопо-

ложных направлений, которые могут в своем вихре захватить нашу «Викторию», они несут молнии, способные испепелить нас. С другой стороны, если мы приземлимся и закрепим якорь за верхушку какого-нибудь дерева, шквал может легко бросить нас на землю.

— Что же нам делать?

— Надо держаться в средней зоне между опасностями, которыми грозят нам земля и небо. К счастью, у нас достаточно воды для горелки, да к тому же нетронутые двести фунтов балласта. В случае надобности я могу им воспользоваться.

— Мы будем нести вахту с тобой, — заявил охотник.

— Нет, друзья мои. Спрячьте провизию и ложитесь спать. Если понадобится, я вас разбужу.

— Но не лучше ли было бы, сэр, вам сейчас отдохнуть, пока ничто еще нам не угрожает?

— Нет, спасибо, милый Джо, я предпочитаю бодрствовать. Мы сейчас не движемся, и если обстоятельства не изменятся, то завтра мы будем находиться на этом же самом месте.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, если это возможно.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись, а доктор остался на посту.

Между тем громада туч мало-помалу опускалась, и становилось все темнее. Мрачный небесный свод навис над землей, точно собираясь раздавить ее. Вдруг ослепительная, страшной силы молния прорезала темноту. Не успел погаснуть ее отблеск, как ужасающий удар грома потряс небо...

— Вставайте! — крикнул Фергюссон.

Спавшие путешественники, разбуженные невероятным шумом, вскочили и стояли наготове, чтобы исполнять приказания доктора.

— Мы спускаемся, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Нет, шар внизу не выдержит. Надо подняться, прежде чем из туч хлынет ливень и на нас обрушится вихрь.

Говоря это, Фергюссон усилил пламя горелки.

Тропические грозы разыгрываются с быстротой, не уступающей их силе. Вторая молния прорезала тучи, и за ней сейчас же одна за другой засверкали еще двадцать. Все небо было в полосах от электрических искр, трещавших под крупными каплями дождя.

— Мы опоздали, — проговорил доктор, — и теперь придется на нашем шаре, который наполнен легко воспламеняющимся газом, пронестись через огненную зону.

— Тогда на землю! На землю! — настаивал Кеннеди.

— Но мы и там рискуем быть взорванными, да к тому же, снизившись, можем напороться на ветви деревьев, — возразил Фергюссон.

— Ну, так давайте же подниматься, мистер Самуэль, — сказал Джо.

— Скорее! Скорее! — кричал шотландец.

В этой части Африки во время тропических гроз нередко можно насчитать до тридцати — тридцати пяти молний в минуту. Небо буквально охвачено огнем, а раскаты грома сливаются один с другим.

В этой раскаленной атмосфере свирепствовал с ужасающей силой ветер. Он крутил охваченные пламенем тучи. Казалось, что какой-то гигантский вентилятор раздувает весь этот пожар...

Фергюссон поддерживал в горелке наибольшую температуру. Шар раздувался и шел вверх. Стоя на коленях в центре корзины, Кеннеди удерживал края тента. Шар вертелся, раскачивался, доводя аэронавтов до головокружения. В оболочке его образовались большие впадины, в них врывался ветер, и шелковая тафта под его напором гудела. Град с оглушительным шумом рассекал воздух и барабанил по «Виктории». Но, несмотря на все, она продолжала подниматься и подниматься. Молнии чертили вокруг нее пламенные зигзаги. Она была среди огня.

— Нам остается поручить себя богу: мы в его руках. Он один может нас спасти. Приготовимся ко всему, даже к пожару,— проговорил Фергюссон.— Может быть, мы будем падать не очень стремительно.

Слова доктора едва долетали до ушей его спутников, но они ясно видели при свете сверкающих молний его спокойное лицо. Он наблюдал явления фосфоресценции, производимые электрическими огоньками, блуждавшими на сетке аэростата. «Виктория» продолжала кружиться и раскачиваться, все поднимаясь и поднимаясь ввысь. Через четверть часа она уже вышла из зоны грозовых туч. Электрические разряды происходили уже ниже «Виктории» и образовали как бы огромную корону из фейерверков, подвешенную под ее корзиной.

Это было одно из самых красивых зрелищ, какие природа может дать человеку. Внизу гроза, а наверху звездное небо — спокойное, молчаливое, невозмутимое, с луной, мирно изливающей свои лучи на разъяренные тучи... Доктор взглянул на барометр. Он показывал высоту в двенадцать тысяч футов. Было одиннадцать часов вечера.

— Опасность, слава богу, миновала, — проговорил доктор. — Нам нужно только держаться на этой высоте.

— А было страшно, — признался Кеннеди.

— Э, какое там! — отозвался Джо. — По крайней мере что-то новое. Я ничего не имею против того, чтобы поглядеть на грозу сверху. Что и говорить, — красивая картина!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Лунные горы. — Океан зелени. — Попытки стать на якорь. — У слона на буксире. — Продолжительная пальба. — Гибель толстокожего животного. — Печь на лоне природы. — Ночной привал. — Ночь на земле.

На следующее утро солнце показалось над горизонтом около шести часов. Тучи рассеялись. Дул свежий утренний ветерок. Путешественники снова увидели благоухавшую после грозы землю. «Виктория», кружась среди противоположных воздушных течений, оставалась почти на том же месте. Доктор, уменьшив

количество газа, заставил свой шар снизиться, чтобы поискать среди воздушных течений северное. Долго его попытки оставались тщетными. Ветер все нес шар к западу, и вот на голубоватом горизонте стали вырисовываться Лунные горы, расположенные полукругом у озера Танганьики. Горы эти были естественной крепостью, преграждавшей путь исследователям Центральной Африки. На некоторых конических вершинах лежали вечные снега.

— Вот мы в совсем неисследованном крае, — объявил доктор. — Капитан Бёртон хотя и далеко продвинулся на запад, но не смог достичь этих знаменитых гор. Он даже отрицал самое их существование и уверял своего спутника Спика, что Лунные горы — лишь плод его фантазии. Для нас же, друзья мои, теперь уже в этом не может быть никаких сомнений!

— Что же, мы будем перелетать через них, Самуэль? — поинтересовался Кеннеди.

— Не хотелось бы мне этого. Я надеюсь отыскать подходящее воздушное течение, которое снова отнесло бы нас к экватору. Я даже буду ждать, если понадобится. Ведь наша «Виктория», как судно, при неблагоприятном ветре может бросить якорь.

Предположения доктора скоро сбылись. Испробовав несколько высот, «Виктория», наконец, направилась с обычной скоростью к северо-востоку.

— Мы попали на очень хорошее течение, — заявил Фергюссон, глядя на компас. — К тому же мы находимся всего в каких-нибудь двухстах футах от земли. Все это очень благоприятные условия, чтобы ознакомиться с неизвестными еще областями. Ведь капитан Спик, отправляясь на поиски озера Укереве, поднялся восточнее по прямой линии над Казехом.

— А долго ли нам придется так лететь? — спросил Кеннеди.

— Пожалуй, да Наша цель — добраться до истоков Нила. Значит, нам нужно пролететь больше шестисот миль, чтобы достигнуть той крайней точки, до которой дошли исследователи, явившиеся с севера.

— Но разве мы не спустимся на землю? Хорошо бы немного поразмять ноги, — сказал Джо.

— В самом деле, придется это сделать,— отозвался доктор. — Нужно бережно относиться к нашей провизии, и ты, милый Дик, должен снабдить нас свежим мясом.

— Как только ты этого пожелаешь, дорогой Самуэль!

— И еще надо возобновить наш запас воды, — добавил доктор. — Кто знает, быть может, мы попадем в совершенно безводную местность. Никогда не мешает быть предусмотрительным.

В полдень «Виктория» находилась на 29° 15′ восточной долготы и 3° 15′ южной широты. Она пролетала над селением Уйофу — северной границей Уньямвези — на высоте озера Укереве, которого еще не было видно.

Племена, живущие близ экватора, повидимому, более цивилизованы и управляются царьками, деспотизм которых не знает границ. Наиболее плотным населением отличается провинция Карагва.

Сообща было решено спуститься при первых же благоприятных условиях. Предполагалось сделать продолжительную остановку, во время которой будет произведен тщательный осмотр шара. Притушили пламя горелки, выбросили из корзины якоря, которые скоро стали задевать за высокие травы необозримой степи. С высоты эти травы казались газоном, в действительности же они поднимались на семь-восемь футов от земли.

«Виктория», словно гигантская бабочка, задевала эти травы, не приминая их. Впереди не было никаких препятствий — один безбрежный океан зелени...

— Мы, пожалуй, так долго будем гоняться за деревом: я ни одного не вижу, — заметил Кеннеди. — Да и на охоту что-то плохая надежда, — прибавил он.

— Обожди, дорогой Дик, все равно ты не мог бы охотиться здесь, где травы выше твоей головы. В конце концов найдем же мы удобное место.

Это была поистине чудесная прогулка, какое-то волшебное плавание по зеленому, словно прозрачному морю, слегка волнуемому ветерком. Корзина «Виктории», как бы оправдывая свое название «гондолы»,

рассекала эти зеленые волны, откуда порой вылетали, весело крича, целые стаи птиц с восхитительным оперением. Якоря купались в целом море цветов и оставляли после себя борозду, которая быстро стиралась, как след от корабля на волнах.

Вдруг путешественники почувствовали сильный толчок: видимо, якорь зацепился за расселину какой-либо скалы, скрытой под гигантскими травами.

— Зацепились! — воскликнул Джо.

— Ну, что же! Спускай лестницу! — крикнул охотник.

Не успели прозвучать эти слова, как в воздухе раздался рев, и из уст путешественников посыпались возгласы удивления.

— Что такое?

— Какой странный крик!

— Представь себе, мы движемся!

— Якорь, значит, оторвался!

— Ну, нет! Он держится, — заявил Джо, попробовав канат.

— Что же это значит? Скала пошла?

В траве действительно что-то двигалось, и вскоре из нее показалось нечто продолговатое и извивающееся.

— Змея! — закричал Джо.

— Змея! — повторил Кеннеди, заряжая свой карабин.

— Да нет же — это хобот слона, — возразил доктор.

— Что ты, Самуэль, неужели слон?

И Кеннеди стал прицеливаться.

— Обожди, Дик, обожди.

— Подумайте только! Животное взяло нас на буксир и тащит!

— И представь, мой милый Джо, тащит туда, куда нужно, — заявил Фергюссон.

Слон подвигался вперед довольно быстро; вскоре он добрался до лужайки, где его можно было рассмотреть. По его гигантскому росту доктор признал в нем самца прекрасной породы. Его беловатые клыки, удивительно красиво изогнутые, были не меньше восьми футов в длину. Между этими-то клыками и засели крепко-накрепко якорные лапы.

Слон тщетно старался при помощи хобота освободиться от каната, прикрепленного к корзине.

— Вперед! Смелей! — в восторге кричал Джо. — Вот еще один способ путешествовать! В лошадях нет надобности, к вашим услугам — слон.

— Но куда же он нас тащит? — проговорил Кеннеди, вертя в руках свой карабин; его так и подмывало выстрелить.

— Именно туда, дорогой Дик, куда нам нужно. Потерпи немного, — успокаивал Фергюссон своего друга.

— Wig a more, wig a more, — как говорят шотландские крестьяне. — Вперед! Вперед! — продолжал радостно кричать Джо.

Слон понесся бешеным галопом, размахивая хоботом направо и налево. Каждый его скачок страшно сотрясал корзину «Виктории».

Доктор с топором в руке стоял наготове, собираясь обрубить канат, как только это станет необходимо.

— Но все-таки нашим якорем мы пожертвуем только в самом крайнем случае, — проговорил он.

Бег на буксире у слона длился уже часа полтора, а слон отнюдь не проявлял никакой усталости. Эти огромные толстокожие животные, так же как и киты, напоминающие их своими размерами и быстротой движения, могут в одни сутки проделывать громадные расстояния.

— А знаете, — воскликнул Джо, — это все равно что загарпунить кита. Мы подражаем тому, что проделывают китоловы во время ловли.

Однако меняющийся характер местности заставил доктора подумать об ином способе передвижения. Милях в трех, на северной стороне степи, показался густой лес камальдаров. Тут уж появилась необходимость освободить шар от его живого двигателя.

И вот остановить слона было поручено Кеннеди. Тот вскинул на плечо свой карабин и, хотя положение для стрельбы было чрезвычайно неудобно, выстрелил. Но пуля, ударившись о голову слона, сплющилась, будто попала в железо. Слон при этом не обнаружил ни малейших признаков страха, но после выстрела понесся еще быстрее, словно скаковая лошадь.

— Это какой-то дьявол! — крикнул Кеннеди.

— Ну и крепкая же башка! — промолвил Джо.

— А теперь попробуем-ка всадить в него несколько конических пуль, — проговорил Дик, старательно заряжая карабин, и тут же выстрелил.

Слон страшно заревел и помчался еще быстрее.

— Вижу, мистер Дик, мне надо вам помочь, — сказал Джо, хватаясь за ружье, — а то этому никогда конца не будет...

И две пули впились в бока животного.

Слон остановился, поднял хобот и затем снова со всех ног пустился по направлению к лесу. Он мотал своей огромной головой; кровь уже лилась из его ран потоками.

— Давайте еще стрелять, мистер Дик, — предложил Джо.

— И, смотрите, стреляйте без перерыва, а то мы всего в каких-нибудь двадцати саженях от леса, — заметил доктор.

Раздались еще десять выстрелов. Слон сделал ужасный прыжок. Корзина и шар затрещали так, что казалось — все сейчас развалится на куски. Толчок был до того силен, что топор из рук доктора упал на землю.

Положение становилось совершенно критическим: канат якоря, накрепко привязанный к корзине, нельзя было ни отвязать, ни перерезать ножами, а «Виктория» была почти у леса. Вдруг в тот момент, когда слон задрал голову, в глаз ему попала пуля. Он остановился, зашатался, колени его подогнулись, и он подставил охотнику свой бок.

— Целюсь в сердце, — сказал Дик и выпустил из карабина свой последний заряд.

Слон испустил ужасный предсмертный крик; он на мгновение выпрямился, помахал хоботом, а затем всею своею тяжестью рухнул на землю, сломав при этом один из своих клыков. Слон был мертв.

— Он сломал себе клык! — закричал Кеннеди. — В Англии за него платят по тридцать пять гиней за сто фунтов.

— Неужели так много? — удивился Джо, спускаясь по якорному канату на землю.

— К чему все твои сожаления, дорогой Дик? — вмешался Фергюссон. — Разве мы с тобой торгуем слоновой костью? Разве мы явились сюда наживаться?

Джо осмотрел якорь. Он крепко держался за уцелевший клык. Самуэль и Дик спрыгнули на землю, а шар, наполовину уменьшившийся в объеме, закачался над трупом слона.

— Великолепное животное! — воскликнул Кеннеди. — Какая громадина! Никогда в Индии мне не приходилось видеть таких огромных экземпляров.

— Тут нет ничего удивительного, дорогой Дик: известно, что в Центральной Африке водятся самые крупные слоны земного шара. Андерсон, Кёмминг и другие так усиленно охотились за ними в Капской области, что они перекочевали к экватору, и мы часто будем встречать целые стада их.

— Пока же, надеюсь, мы полакомимся вот этим самым слоном, — сказал Джо. — И я берусь приготовить из его мяса превкусное жаркое. Мистер Кеннеди, конечно, час или два поохотится, а мистер Самуэль займется осмотром шара, я же в это время буду стряпать.

— Вот превосходное расписание, — отозвался доктор. — Так мы и сделаем.

— А я и в самом деле воспользуюсь теми двумя часами свободы, которые соблаговолил мне оставить Джо, — заявил охотник.

— Отправляйся, друг мой. Только будь осторожен, главное — не уходи слишком далеко.

— Будь спокоен, Самуэль.

Дик захватил ружье и углубился в лес.

Тут Джо приступил к исполнению своих обязанностей. Начал он с того, что выкопал в земле яму глубиной в два фута и набил ее сухими ветками, валявшимися кругом в изобилии, — повидимому, они были наломаны слонами, следов которых было здесь немало. Заполнив таким образом яму, Джо соорудил над нею костер высотой в два фута и поджег его.

Затем он направился к туше слона, лежавшей саженях в десяти от леса, ловко отсек хобот (в нем у основания было футов около двух), вырезал из него

самую нежную часть да еще присоединил к этому губчатое мясо с ног. Это действительно самые лакомые куски, точно так же, как горб у бизона, лапа у медведя или голова у дикого кабана. Когда костер и сверху и снизу выгорел, в яме, очищенной от угольев и золы, оказалась очень высокая температура. Джо, завернув куски слонового мяса в ароматические листья, сложил их в эту яму и прикрыл золой; над всем этим он снова сложил костер, и, когда прогорел и этот, жаркое было готово.

Джо вынул свое произведение из этой своеобразной печи и разложил на зеленых листьях аппетитные куски; затем среди очаровательной лужайки приготовил все к обеду: поставил жаркое, принес сухарей, водку, кофе, а из соседнего ручья зачерпнул свежей и прозрачной, как кристалл, воды.

Приятно было смотреть на этот «накрытый стол», и Джо, не слишком гордясь, думал, что еще приятнее будет поглощать эти яства.

— Вот так путешествие! И безопасное и неутомительное! — все повторял он. — Обед всегда во-время, постель всегда к твоим услугам. Чего еще надо? А этот добряк мистер Кеннеди еще не хотел отправляться с нами!

В это время доктор Фергюссон тщательно осматривал свой шар. Повидимому, он нисколько не пострадал от грозы и шквала. И тафта и гуттаперча превосходно выдержали непогоду. Приняв во внимание высоту местности над уровнем моря и вычислив подъемную силу шара, Фергюссон с радостью убедился, что количество водорода нисколько не убавилось. Оболочка, значит, осталась абсолютно непроницаемой.

Всего пять дней назад аэронавты вылетели из Занзибара. Пеммикана еще не начинали. Сухарей и мяса в консервах должно было хватить надолго. Требовалось лишь возобновить запас воды. Трубки и змеевик были в превосходном состоянии. Благодаря каучуковым коленам они прекрасно выдержали «трепку», которой подвергся шар. Закончив осмотр, доктор занялся приведением в порядок своих записей. А затем он сделал очень удачный набросок окружающей местности:

уходящая в беспредельную даль степь, лес камальдаров и «Виктория», неподвижно висящая в воздухе над трупом слона чудовищных размеров...

Через два часа вернулся Кеннеди со связкой жирных куропаток и задней ножкой сернобыка — этого наиболее быстроногого рода антилопы; Джо сейчас же взялся приготовить это дополнение к их пиршеству.

— Обед подан! — вскоре закричал он весело.

Троим путешественникам оставалось только усесться на зеленой лужайке. Все признали, что нога и хобот слона — тонкое блюдо. Выпили за Англию, как всегда, и впервые в этой чудесной местности задымились восхитительные гаванские сигары.

Кеннеди ел, пил и болтал за четверых. Он был несколько навеселе и самым серьезным образом предлагал своему другу доктору поселиться в этом лесу, построить себе из ветвей шалаш и положить начало династии африканских Робинзонов.

Дальше предложений дело не пошло, хотя Джо и выразил готовность играть роль Пятницы.

Кругом царило такое спокойствие, местность казалась такой безлюдной, что доктор решил заночевать на земле. Джо устроил огненный круг из костров. Подобная баррикада была необходима ввиду возможного появления диких зверей. И действительно, гиены, пумы и шакалы, привлеченные запахом слонового мяса, всю ночь бродили кругом. Кеннеди не раз принужден был стрелять в слишком дерзких посетителей. Но в общем ночь прошла спокойно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Карагва. — Озеро Укереве. — Ночь на острове. — Экватор. — Перелет через озеро. — Водопады. — Вид страны. — Истоки Нила. — Остров Бенга. — Подпись Андреа Дебоно. — Флаг Англии.

На следующее утро с пяти часов начались приготовления к дальнейшему полету. Джо разрубил топором (к счастью, найденным) клыки слона, и освобожден-

ная «Виктория» понеслась на северо-восток со скоростью восемнадцати миль в час.

Еще накануне вечером доктор по звездам определил ее местоположение. Шар находился на 2°40′ широты, то есть в ста шестидесяти географических милях от экватора. Путешественники неслись над многими селениями, не обращая внимания на крики, вызванные их появлением. Фергюссон все время зарисовывал местность, над которой они пролетали. Он пронесся над горами Руэмбе, почти такими же крутыми, как вершины Усагары, а дальше у Тенге — над первыми отрогами цепи Карагвы, которые по его мнению являются продолжением Лунных гор. По старинному преданию, эти горы являются колыбелью Нила, и, по-видимому, это утверждение близко к истине: горы подступают к озеру Укереве, где, как полагают ученые, берет свое начало великая река.

Когда «Виктория» была над Кафуро — обширной областью, известной как торговый центр, — доктор, наконец, увидел озеро, предмет стольких исканий, озеро, которое 2 августа 1858 года впервые неясно вырисовалось перед глазами капитана Спика.

Волнение охватило Самуэля Фергюссона: ведь он почти достиг одного из главных пунктов, которые собирался исследовать. Вооружившись подзорной трубой, он старался не пропустить ни одного уголка этого таинственного края.

Под ним проносились довольно истощенные земли; только некоторая часть их была обработана. Местность, усеянная остроконечными холмами небольшой высоты, по мере приближения к озеру становилась все более ровной; вместо рисовых плантаций здесь стлались поля ячменя. Рос тут и подорожник, из которого туземцы приготовляют местное вино, и «мвани» — дикое растение, употребляемое вместо кофе. Полсотни круглых хижин с соломенными крышами представляли собой столицу Карагвы.

Можно было хорошо рассмотреть изумленные лица довольно красивых людей с желтовато-коричневой кожей. На полях с трудом передвигались женщины невероятной толщины. Фергюссон очень удивил своих спут-

ников, сообщив им, что эта полнота, очень ценимая в здешних местах, достигается путем обязательного употребления кислого молока. В полдень «Виктория» была под 1°45′ южной широты, а через час она уже парила над озером.

Капитан Спик назвал это озеро «Ньянца Виктория» («Ньянца» означает «озеро»). В данном месте оно могло иметь в ширину миль девяносто. В южной его части капитан Спик открыл целую группу островков, названных им Бенгальским архипелагом. Свои исследования Спик довел до Мванза, расположенного на восточном берегу озера, где и был радушно принят султаном. Спик сделал тригонометрическую съемку этой части озера, но не смог раздобыть лодку, чтобы переплыть через озеро и осмотреть большой остров Укереве. Остров этот (во время отлива — полуостров) очень густо населен и управляется тремя султанами.

«Виктория» все неслась к северной части озера, о чем доктор очень сожалел. Ему хотелось точно определить южные его очертания. Берега, над которыми пролетали аэронавты, заросли густым и колючим кустарником, и их едва можно было разглядеть сквозь тучи носившихся над ними светлокоричневых москитов. Жить в этой местности было невозможно, и она была необитаема.

Только гиппопотамы лежали в густых высоких тростниках или прятались в белесоватых водах озера.

На западе берега не видно — озеро разлилось как море. Расстояние между берегами настолько велико, что сообщения между ними нет; здесь часто разражаются сильные бури, так как в этой высокой и открытой местности свирепствуют ветры.

Доктору трудно было теперь справляться со своим шаром; он боялся, что его может отнести на восток. Но, к счастью, ему удалось попасть в течение, которое умчало «Викторию» на север; в шесть часов вечера она была над маленьким пустынным островком, находящимся в двадцати милях от берега, на 0°30′ южной широты и 32°52′ восточной долготы.

Путешественники зацепились за дерево, и, так как ветер к вечеру стих, они могли спокойно стоять на

якоре. О том, чтобы спуститься на землю, нечего было и думать. Здесь, как и по берегам озера, держались густые тучи москитов. Пока Джо укреплял якорь на дереве, его уже успели искусать москиты, но он не почувствовал никакой злобы к ним, находя это вполне естественным.

Доктор же, настроенный менее оптимистически, отпустил канат якоря, насколько это было возможно. Он стремился избавиться от безжалостных насекомых; они уже поднимались к ним с жужжанием, от которого трем друзьям становилось не по себе. Доктор определил, что высота озера над уровнем моря — три тысячи семьсот пятьдесят футов, и это совпадало с вычислениями капитана Спика.

— Ну, вот мы и на острове, — проговорил Джо, сильно расчесывая себе кожу.

— Надо поскорей осмотреть его, — отозвался охотник. — Видимо, кроме этих милых насекомых, здесь нет ни одной живой души.

— Надо вам сказать, что все островки, которыми усеяно озеро, не что иное, как вершины затопленных водою холмов, — пояснил доктор. — Нам положительно посчастливилось найти здесь пристанище, ибо берега озера населены свирепыми племенами. Спите же, благо небо сулит нам спокойную ночь.

— А ты, Самуэль, разве не последуешь нашему примеру? — спросил Дик.

— Нет, я не мог бы сомкнуть глаз. Мысли гонят всякий сон. Завтра, друзья мои, если только ветер будет благоприятным, мы понесемся прямо на север и, быть может, откроем истоки Нила — эту тайну, не разгаданную до сих пор. Я не в силах уснуть, когда так близки истоки великой реки!

Кеннеди и Джо, которых вопрос об истоках Нила далеко не так волновал, как доктора, не замедлили крепко заснуть под его охраной.

В среду, 23 апреля, в четыре часа утра «Виктория» снялась с якоря. Царил еще полумрак. Ночь неохотно покидала воды озера, над которым стоял густой туман. Но вскоре его разогнал сильный ветер. «Викторию» не-

сколько минут качало из стороны в сторону, а затем понесло прямо на север.

Фергюссон от радости захлопал в ладоши.

— Мы на верном пути! — закричал он. — Увидим Нил сегодня — или никогда! Знаете, друзья мои, ведь мы на экваторе! И вот-вот будем в нашем северном полушарии!

— О! Так, значит, сэр, вы считаете, что именно здесь проходит экватор? — спросил Джо.

— Именно здесь, мой милый.

— Вот как! По-моему, сэр, непременно нужно не теряя времени вспрыснуть это событие.

— Ну, давайте выпьем по стакану грога! — смеясь, ответил доктор. — Твой способ изучать космографию, Джо, совсем не плох.

Вот как на «Виктории» был отпразднован перелет через экватор.

«Виктория» быстро неслась вперед. На западе виднелся низкий ровный берег, а дальше — плоскогорья Уганда и Усога. Быстрота ветра все возрастала: она достигала теперь почти тридцати миль в час.

По озеру, точно по морю, шли большие пенящиеся волны. Видно было, что оно очень глубоко. За все время перелета на нем показалось всего каких-нибудь два грубо сделанных челнока.

— Это озеро, — начал доктор, — расположено так высоко, что оно должно служить естественным водоемом для больших рек Восточной Африки. Небо возвращает ему в виде дождей то, что забирает у его истоков в виде испарений.

— Мне кажется вероятным, что Нил берет свое начало именно здесь.

— Увидим, — проговорил Кеннеди.

Около девяти часов утра приблизились к западному берегу, лесистому и, очевидно, пустынному. Ветер стал относить «Викторию» несколько к востоку, и вдали показался другой берег озера. Он изогнулся, и на 2°40′ северной широты эта излучина кончалась очень открытым углом. Вдали поднимались обнаруженные вершины высоких гор, среди которых по глубокому извилистому ущелью бурлила река.

Все время, управляя шаром, Фергюссон не отрывал глаз от местности, над которой они пролетали.

— Смотрите, друзья мои, смотрите! — вдруг закричал он. — Значит, то, что рассказывали арабы, верно! Они говорили о реке, которая вытекает из северной части озера Укереве. Теперь она перед вами! Мы летим над нею. Она несется почти с такой же быстротой, как и мы. И эта струйка воды, бегущая под нами, конечно, сольется с волнами Средиземного моря. Это Нил!

— Это Нил! — повторил за своим другом Кеннеди, заразившись его энтузиазмом.

— Да здравствует Нил! — воскликнул Джо, никогда не пропускавший случая весело пошуметь.

Громадные утесы здесь и там загромождали течение этой таинственной реки. Вода бурлила, образуя стремнины и водопады, и все это еще больше убеждало Фергюссона в верности его предположений. Сотни потоков, пенясь, неслись с окружающих гор. Видно было, как из земли выбиваются на поверхность тонкие струйки, как они бегут, встречаясь, сливаясь, состязаясь друг с другом в скорости, к этой рождающейся речке, которая принимала их в себя и становилась рекой.

— Конечно, это Нил, — убежденно повторил доктор. — Знаете, происхождение названия этой реки вызывало у ученых не менее жгучий интерес, чем местонахождение ее истоков. С какими только языками это слово «Нил» не связывали: и с греческим, и с коптским, и с санскритом[1]. Но все это в конце концов неважно, раз этому самому Нилу пришлось, наконец, открыть нам тайну своих истоков.

— Но скажи, Самуэль, как убедиться, что это та самая река, которую обследовали северные путешественники? — спросил охотник.

— Если благоприятный ветер продержится хотя бы еще час, мы получим доказательства самые верные,

[1] Один византийский ученый видел в слове «Neilos» арифметическую сумму нескольких чисел. N — это 50, E — 5, I — 10, L — 30, O — 70, S — 200; вместе это составляет число, равное числу дней в году.

самые бесспорные и неопровержимые, — ответил доктор.

Горы расступались, как бы освобождая место многочисленным селениям и полям кунжута и сахарного тростника. Туземцы, повидимому, были очень возбуждены и враждебно настроены. Очевидно, они скорее были склонны к гневу, чем к поклонению, принимая аэронавтов отнюдь не за богов, а за чужестранцев. И «Виктория» должна была держаться вне досягаемости мушкетных выстрелов.

— А спуститься на землю здесь будет трудновато, — проговорил шотландец.

— Ну, и невелика беда, — отозвался Джо. — Тем хуже для этих дикарей, мы лишим их приятной беседы с нами.

— Однако снизиться все же необходимо хоть на четверть часа, — промолвил Фергюссон. — Мне нужны доказательства, которые подтвердили бы мои выводы.

— По-твоему, это необходимо, Самуэль?

— Совершенно необходимо, и мы спустимся, даже если бы понадобилось при этом прибегнуть к оружию.

— Это-то мне по вкусу! — воскликнул Кеннеди, поглаживая свой карабин.

— Словом, мы спустимся, сэр, когда вам будет угодно, — сказал Джо, начиная готовиться к бою.

— Иногда приходится служить науке с оружием в руках, — заметил доктор. — Между прочим, это же случилось с одним французским ученым, когда он в горах Испании измерял земной меридиан.

— Будь спокоен, Самуэль, и положись на своих телохранителей, — заявил Дик.

— Спускаемся, сэр? — спросил Джо.

— Нет еще. Мы раньше поднимемся, чтобы сделать точную съемку местности.

Водород расширился; не прошло и десяти минут, как «Виктория» парила уж на высоте двух тысяч пятисот футов над землей. Отсюда ясно была видна целая сеть речек, впадавших в большую реку. Большинство из них текло с запада, среди холмов и плодородных полей.

— Мы не более как в девяноста милях от Гондокоро и менее чем в пяти милях от пункта, которого

исследователи достигли с севера, — справившись по карте, сказал Фергюссон. — Итак, начнем осторожно снижаться.

Когда «Виктория» опустилась больше чем на две тысячи футов, доктор предупредил:

— Теперь, друзья мои, надо быть готовыми ко всевозможным случайностям.

— Мы готовы! — ответили в один голос Дик и Джо.

— Прекрасно!

«Виктория» неслась вдоль русла реки в каких-нибудь ста футах от него; в этом месте река была не шире пятидесяти саженей. Туземцы шумно суетились в своих селениях, на обоих его берегах. На втором градусе Нил образовал водопад, где вода свергалась с высоты около десяти футов. В этой своей части он был несудоходен.

— Вот, наверное, тот водопад, о котором упоминал Дебоно! — воскликнул доктор.

Река расширялась и была усеяна многочисленными островками; их Самуэль Фергюссон рассматривал с особым вниманием. Казалось, он ищет какой-то ориентир, которого ему пока не удавалось найти.

Несколько негров подплыли на лодке под самый шар. Кеннеди приветствовал их выстрелом из карабина. Не причинив им вреда, выстрел этот, однако, заставил их как можно скорее добраться до берега.

— Счастливого пути! — прокричал им Джо. — На их месте я не рискнул бы вернуться, я бы здорово испугался чудовища, которое ревет и гремит.

Но вот доктор Фергюссон схватил подзорную трубу и направил ее на островок посредине реки...

— Четыре дерева! — закричал он. — Смотрите, вон там!

Действительно, на берегу островка росли четыре дерева.

— Это остров Бенга. Да, конечно, он! — прибавил доктор.

— Ну, и что из этого? — спросил Дик.

— Да то, что мы с божьей помощью спустимся здесь.

— Но там, кажется, есть люди, мистер Самуэль, — заметил Джо.

— Ты прав. Если я не ошибаюсь, вон там кучка туземцев человек в двадцать, — подтвердил Кеннеди.

— Мы живо обратим их в бегство, это не так уж трудно, — ответил Фергюссон.

— Ну, что ж, сказано — сделано, — ответил Дик.

Когда «Виктория» спускалась к островку, солнце стояло в зените.

Негры, принадлежащие к племени макадо, стали громко кричать. Один из них размахивал шляпой из древесной коры. Кеннеди прицелился в нее и выстрелил, — шляпа разлетелась на куски.

Это вызвало страшное смятение. Негры бросились в реку и вплавь перебрались на тот берег. Оттуда немедленно посыпались град пуль и туча стрел. Но «Виктория», зацепившаяся за расселину скалы, была недосягаема. Джо соскользнул на землю.

— Лестницу! — закричал доктор. — Кеннеди, за мной!

— Что ты хочешь делать, Самуэль?

— Давай спустимся, Дик, — ты мне нужен как свидетель.

— К твоим услугам.

— А ты, Джо, сторожи хорошенько.

— Будьте спокойны, сэр, я за все отвечаю.

— Ну, идем же, Дик, — торопил доктор.

Сойдя на землю, он повел своего друга к группе скал, возвышавшихся на краю острова. Здесь он принялся что-то искать среди кустарников и при этом в кровь исцарапал себе руки. Вдруг он схватил охотника за плечо.

— Смотри! — проговорил он.

— Буквы! — закричал Кеннеди.

В самом деле, на скале очень ясно вырисовывались две буквы: А и Д.

— А и Д — это собственноручная подпись Андреа Дебоно, исследователя, дальше всех поднявшегося вверх по течению Нила, — объяснил доктор.

— Вот это действительно неопровержимо, дорогой мой Самуэль!

— Теперь ты, наконец, убедился?

— Это Нил. Теперь уж сомневаться невозможно.

Фергюссон тщательно срисовал эти драгоценные инициалы, точно придерживаясь их величины и формы, и, взглянув на них в последний раз, сказал:

— А теперь вернемся к нашей «Виктории».

— И не теряя времени, — прибавил Кеннеди, — ибо, видишь, несколько туземцев уже собираются плыть сюда.

— Теперь для нас это неважно. Пусть бы ветер еще несколько часов нес нас к северу, и тогда мы будем в Гондокоро, где сможем пожать руки нашим землякам.

Через десять минут «Виктория» величественно поднималась в воздух. Доктор Фергюссон, в ознаменование достигнутого успеха, развернул флаг Англии.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нил. — «Дрожащая» гора. — Воспоминание о родине. — Рассказ арабов. — Ньям-ньям. — Умные мысли Джо. — «Виктория» лавирует. — Подъемы аэростата. — Мадам Бланшар.

— В каком направлении мы летим? — спросил Кеннеди своего друга, видя, что тот смотрит на компас.

— Мы летим на северо-северо-запад.

— Черт побери, это ведь не север!

— Конечно, нет, Дик. И боюсь, что нам трудновато будет добраться до Гондокоро. Обидно, но не надо забывать, что нам уже удалось соединить воедино труды исследователей, двигавшихся и с востока и с севера. Нет! Жаловаться нам не приходится.

«Виктория» мало-помалу удалялась от Нила.

— Ну, бросим же последний взгляд на эти широты — предел, которого не могли переступить самые отважные путешественники, — проговорил Фергюссон. — Именно здесь обитают те враждебные европейцам племена, о которых упоминал Питрик, Арно, Миани и молодой путешественник Лежан, которому, надо сказать, мы обязаны лучшими трудами о верховьях Нила.

— Значит, Самуэль, наши открытия не противоречат научным гипотезам? — спросил Кеннеди.

— Нисколько. Белая река, Бахр-эль-Абиада, вытекает из озера, громадного, как море; здесь и берет свое начало Белый Нил; поэзия от этого без сомнения проиграет; этой королеве рек охотно приписывали небесное происхождение; древние называли ее Океаном и чуть ли не верили, что она течет прямо с солнца! Но приходится идти на уступки и время от времени принимать то, чему учит нас наука; ученые, быть может, будут не всегда, а поэты всегда найдутся.

— А вон видны водопады, — сказал Джо.

— Это водопады Македо, находящиеся на третьем градусе широты, — отозвался Фергюссон. — Да, это они. Как жаль, что нам не удалось еще несколько часов пролететь над Нилом, — добавил он.

— Там, впереди нас, виднеется горная вершина, — заметил охотник.

— Это гора Логвек, называемая арабами «Дрожащая» гора [1], — пояснил доктор. — Все эти места посетил Дебоно, путешествовавший под именем Латиф Эфенди. Надо сказать, что племена, живущие по берегам Нила, постоянно враждуют между собой и ведут бесконечные кровопролитные войны. Вы представляете себе, какой страшной опасности подвергался Дебоно в такой обстановке?

Тут ветер стал нести «Викторию» на северо-запад. Чтобы избежать вершины горы Логвек, пришлось искать иное воздушное течение.

— Друзья мои, — обратился Фергюссон к своим спутникам, — в сущности только сейчас и начинается наш перелет через Африку. Ведь до сих пор мы чаще всего шли по стопам наших предшественников. Теперь же мы пускаемся в края, совершенно неведомые. Хватит ли у нас на это смелости?

— Конечно! — в один голос крикнули Дик и Джо.

— Ну, тогда в путь-дорогу! И да поможет нам небо!

---

[1] По преданию, она начинает дрожать, как только на нее ступает нога мусульманина.

Пронесясь над оврагами, лесами и разбросанными там и сям селениями, наши путешественники в десять часов вечера были у пологих склонов «Дрожащей» горы.

В этот памятный день, 23 апреля, «Виктория», увлекаемая сильнейшим ветром, пролетела за пятнадцать часов расстояние в триста пятнадцать миль.

Но во время последней части этого перелета настроение у аэронавтов было подавленное. В корзине царила полнейшая тишина. Был ли поглощен доктор Фергюссон мыслями о своих открытиях? Задумались ли его спутники о том, что ожидает их в совершенно неведомых краях? Все это было, конечно, а в придачу нахлынули еще воспоминания о родине и далеких друзьях. Один только Джо продолжал смотреть на все философски, считая совершенно естественным, что родина, находясь так далеко, не может быть одновременно и здесь. Но он уважал молчание Самуэля Фергюссона и Дика Кеннеди.

В десять часов вечера «Виктория» стала на якорь против «Дрожащей» горы. Здесь путники плотно поужинали и хорошо выспались, поочередно неся вахту.

Утром они проснулись в лучшем настроении, чем накануне. Погода была хорошая, и дул благоприятный ветер. За завтраком Джо так развеселил своих спутников, что они окончательно пришли в хорошее настроение.

Страна, где они находились, была огромна, на границах ее тянулись горы Лунные и Дарфур. По величине она равнялась чуть ли не всей Европе.

— Мы, должно быть, сейчас летим над местностью, где, по предположениям ученых, находится царство Усога, — сказал доктор. — Географы считают, что в центре Африки существует огромная впадина с необъятным озером. Посмотрим, правы ли они.

— Но откуда могли взяться подобные предположения? — спросил Кеннеди.

— Видишь ли, они основаны на рассказах арабов; это народ словоохотливый, пожалуй даже слишком. Некоторые из путешественников, побывавших в Казехе и у Великих озер, встречали там невольников из Центральной Африки и расспрашивали их об их родине. От

сопоставления всех этих рассказов и возникла такая гипотеза. Но надо сказать, что в таких рассказах всегда бывает какая-то доля истины. Мы видели, что предположения об истоках Нила оказались верными, — добавил Фергюссон.

— Да, ничего не может быть вернее, — отозвался охотник.

— И вот на основании таких свидетельств и были сделаны попытки составить карты, конечно, весьма приблизительной точности, — продолжал доктор. — Одна из таких карт в моем распоряжении, и я в пути, по мере надобности, буду ее исправлять.

— А эта страна вся населена? — спросил Джо.

— Конечно, и населена довольно-таки несимпатичными племенами, — ответил доктор.

— Так я и думал!

— Все эти разрозненные племена известны под общим названием «ньям-ньям», — рассказывал доктор, — а это не что иное, как звукоподражательное слово, изображающее жевание.

— Отлично! — воскликнул Джо. — «Ньям-ньям».

— Но, знаешь, милый мой Джо, если бы ты лично вызвал это звукоподражание, то, я думаю, не находил бы его таким забавным.

— Что вы хотите сказать, сэр? — вскричал Джо.

— Да то, что эти самые туземцы считаются людоедами.

— И это достоверно?

— Совершенно достоверно. Предполагалось также, что у них есть хвосты, как у четвероногих, но скоро убедились, что хвосты принадлежат шкурам зверей, которые они носят.

— Жаль все-таки, что у них не имеется хвостов: ими так удобно отгонять москитов, — заметил Джо.

— Возможно, что и удобно, но, видишь ли, милый мой, это надо отнести к области басен; это вроде собачьих голов, которые путешественник Брён-Ролле якобы видел у некоторых племен.

— Собачьи головы! Ну, это тоже удобно: можно лаять и питаться человеческим мясом.

— Но вот что, к несчастью, достоверно, — продолжал доктор, — так это то, что племена эти чрезвычайно свирепы и очень падки до человеческого мяса, которое всегда жаждут раздобыть.

— Уж, надеюсь, они не польстятся на мою особу! — воскликнул Джо.

— Смотрите-ка, чего захотел! — заметил охотник.

— Да, да, мистер Дик. Если когда-нибудь мне и суждено быть съеденным во время голода, то я хочу, чтобы мною воспользовались вы с моим доктором. Но кормить собой негров... Фу! Никогда! Я умер бы от стыда.

— Хорошо, милый мой Джо, — отозвался на это Кеннеди. — Значит, решено: в случае чего, мы с Самуэлем будем на тебя рассчитывать.

— К вашим услугам, господа.

— А знаешь, Дик, почему Джо сказал нам это? — вставил доктор. — Да чтобы мы его как можно лучше откармливали.

— Что же? Быть может, и так, — согласился Джо. — Ведь человек весьма эгоистичное животное.

После полудня небо заволокло теплым туманом, поднимавшимся от земли. Сквозь него едва можно было различить, что делалось внизу. И вот доктор, боясь наткнуться на какую-нибудь вершину, решил сделать остановку в пять часов. Ночь прошла благополучно, без всяких приключений, но ввиду полнейшей темноты пришлось быть особенно настороже.

На следующее утро подул очень сильный муссон. Ветер врывался снизу во впадины шара и трепал вовсю придаток, через который проходили в шар трубки с газом. Его пришлось укрепить веревками, что очень ловко проделал Джо. При этом он убедился, что шар попрежнему закрыт совершенно герметически.

— Это обстоятельство вдвойне важно для нас, — заметил Фергюссон. — Прежде всего мы не теряем драгоценного газа, а кроме того, не оставляем вокруг себя легко воспламеняющегося вещества, которое в конце концов загорелось бы и вызвало бы пожар.

— Да, это было бы довольно неприятным приключением, — проговорил Джо.

— А скажи, Самуэль, мы в этом случае стремглав полетели бы на землю? — поинтересовался Дик.

— Стремглав — нет. Газ горел бы спокойно, и мы спускались бы постепенно. Подобный случай произошел с французской воздухоплавательницей, мадам Бланшар. Она, пуская фейерверк, умудрилась поджечь свой шар. Но она не полетела камнем вниз и уцелела бы, если бы ее корзина не стукнулась о какую-то трубу, причем эта злосчастная мадам Бланшар была выброшена на землю.

— Будем надеяться, что ничего подобного с нами не случится, — сказал охотник. — До сих пор наш полет мне не казался опасным, и я не предвижу препятствий, которые помешали бы нам благополучно добраться до цели.

— Я тоже держусь твоего мнения, дорогой Дик, — сказал Фергюссон. — Надо заметить, что до сих пор несчастья с воздухоплавателями всегда происходили или по их неосторожности, или вследствие плохого устройства шаров. И вообще на несколько тысяч сделанных подъемов приходится не более двадцати смертных случаев. Для аэронавтов наибольшую опасность представляют спуски и подъемы. И тут мы должны быть особенно осторожны и предусмотрительны.

— А теперь надо завтракать, — заявил Джо, — и пока мистер Дик не найдет способа угостить нас добрым куском дичи, придется довольствоваться мясными консервами и кофе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Небесная бутылка. — Сикомор-пальма. — Мамонтовые деревья. — «Дерево войны». — Проект крылатой колесницы. — Битва двух племен. — Резня. — Вмешательство свыше.

Ветер усиливался и делался порывистым. «Виктория» все время меняла направление. Ее бросало то к северу, то к югу, и она никак не могла встретить постоянное воздушное течение.

— Мы как будто несемся быстро, но в сущности не очень-то подвигаемся вперед, — проговорил Кеннеди, заметив частые колебания магнитной стрелки.

— «Виктория» летит со скоростью по крайней мере полутораста километров в час, — отозвался Фергюссон. — Наклонитесь оба, и вы увидите, с какой быстротой мелькают все предметы под нами. Взгляните-ка! Этот лес будто несется нам навстречу.

— И вот он уже сменился поляной, — заметил охотник.

— А вместо поляны теперь селенье, — объявил через несколько минут Джо. — Ну, до чего же озадаченные и растерянные лица у этих негров!

— Оно и понятно, — ответил доктор. — Ведь когда французские крестьяне впервые увидели воздушный шар, они начали стрелять в него, приняв за какое-то чудище. После этого, согласитесь, что же взять с суданского негра. Ему-то уж совершенно простительно таращить глаза при виде нашей «Виктории».

— Ей-ей, мне очень хочется, — конечно, с вашего, сэр, позволения, — сбросить пустую бутылку! — заявил Джо, когда «Виктория» пронеслась над одним селением футах в ста от земли. — Если только эта бутылка целой и невредимой долетит до негров, они, пожалуй, начнут ей поклоняться, а разбейся она — из ее осколков, верно, понаделают себе талисманов.

Говоря это, Джо швырнул вниз бутылку; она тотчас же разлетелась вдребезги, а туземцы с пронзительными криками разбежались по своим хижинам.

— Взгляните-ка вон на то дерево! — немного погодя закричал Кеннеди. — Сверху оно одной породы, а снизу — другой.

— Ну и страна! Подумайте только, здесь деревья растут одно над другим! — закричал Джо.

— На обломанный ствол сикомора нанесло плодородной земли, а в один прекрасный день ветром бросило туда же зерно пальмы, и оно там проросло, как обыкновенно прорастает в грунте.

— Вот славный способ! — воскликнул Джо. — Я его непременно введу у нас в Англии. Это было бы

очень недурно для лондонских парков. И уж говорить нечего, как этим можно увеличить количество фруктов в садах! У нас были бы сады в несколько этажей. Особенно такая штука пришлась бы по вкусу мелким землевладельцам.

В этот момент надо было поднять «Викторию», чтобы перелететь через вековой банановый лес вышиной более трехсот футов.

— Что за великолепные деревья! — воскликнул Кеннеди. — Я не могу себе представить что-либо красивее этих величественных лесов. Ты только взгляни, Самуэль!

— Да, дорогой Дик, в самом деле эти бананы удивительно высоки, — отозвался Фергюссон. — Но, надо тебе сказать, в лесах Америки они никого не поразили бы.

— Как? Ты хочешь сказать, что существуют еще более высокие деревья?

— Да, конечно, — так называемые мамонтовые. В Калифорнии, например, нашли кедр вышиною в четыреста пятьдесят футов. Это будет повыше башни на здании парламента и самой высокой египетской пирамиды. Ствол внизу имеет сто двадцать футов в окружности, а судя по концентрическим слоям его древесины, ему не более не менее как целых четыре тысячи лет с лишним.

— Ну, тогда, сэр, здесь нет ничего удивительного, — вмешался в разговор Джо. — Если живешь четыре тысячи лет, так уж, понятно, будешь высокого роста!

Пока доктор рассказывал, а Джо подавал реплики, лес кончился и на смену ему показалось множество хижин, расположенных вокруг площади. Посредине площади одиноко росло дерево. При виде его Джо закричал:

— Ну, если на этом дереве четыре тысячи лет растут подобные цветы, то я его не поздравляю!

И он указал на ствол гигантского сикомора, кругом заваленный человеческими костями. Цветы же, о которых говорил Джо, были недавно отсеченные че-

ловеческие головы, висевшие на кинжалах, воткнутых в кору дерева.

— У людоедов такое дерево называется «деревом войны», — пояснил Фергюссон. — Индейцы сдирают кожу с головы своих жертв, а африканцы — те отсекают им всю голову.

— Это, конечно, вопрос моды, — заметил Джо.

Но уже селение с окровавленными головами скрылось из глаз, а вместо него развернулась картина не менее отталкивающая: там и сям валялись брошенные на растерзание гиенам и шакалам полуобглоданные человеческие трупы.

— Это, должно быть, трупы преступников, — сказал доктор. — По крайней мере я знаю, что в Абиссинии преступников кидают на съедение диким зверям.

— Не скажу, чтобы это было более жестоко, чем виселица, — отозвался шотландец. — Только грязнее, вот и все.

— А на юге Африки, — продолжал рассказывать доктор, — преступника запирают в его собственной хижине со всем его скотом, быть может, даже и с семьей, а затем поджигают. Вот это действительно жестокость. Но если виселица менее жестока, то все-таки я согласен с Кеннеди, что и это варварство.

Тут Джо разглядел своими зоркими глазами несколько стай хищных птиц, паривших в воздухе, и указал на них своим спутникам.

— Да это орлы! — закричал Кеннеди, смотря в подзорную трубу. — Чудесные птицы! Они несутся с неменьшей быстротой, чем мы.

— Только бы они не напали на нас, — проговорил Фергюссон — Эти орлы, поверьте, для нас страшнее диких зверей и диких племен!

— Вот еще! Мы их живо разгоним ружейными выстрелами, — отозвался охотник.

— Я предпочел бы все-таки, дорогой Дик, не прибегать к твоему искусству, — возразил Фергюссон, — ведь тафта, из которой сделан шар, не выдержит и первого удара их клюва. Но, к счастью, мне кажется,

наш шар скорее напугает этих страшных птиц, чем привлечет их.

— Ах! Мне пришла мысль! — воскликнул Джо. — Сегодня положительно они приходят ко мне целыми дюжинами. Знаете, если бы нам умудриться запрячь этих самых орлов в нашу корзину, они потащили бы нас по воздуху.

— Этот способ предлагался серьезно, — заметил доктор, — но боюсь, что он мало применим к таким норовистым существам.

— Мы бы их выдрессировали, — развивал свою идею Джо, — вместо удил надели бы на них наглазники, с помощью которых можно было бы, закрывая то один, то другой глаз, поворачивать их налево и направо, а закрывая им оба глаза, заставлять их останавливаться.

— Уж позволь мне, милый Джо, предпочесть твоей орлиной упряжке попутный ветер — это и вернее и не требует пищи, — ответил доктор.

— Пусть будет по-вашему, сэр, но от своей мысли я все-таки не отказываюсь.

Был полдень. «Виктория» последнее время подвигалась медленнее: земля уже не неслась, а только проходила под нею.

Вдруг раздались крики и свист. Путешественники нагнулись. Взору их предстало зрелище, очень их заволновавшее. Два племени с ожесточением сражались, пуская в воздух тучи стрел. Воины, стремясь уничтожить друг друга, не замечали появления «Виктории». В этой чудовищной свалке участвовало приблизительно человек триста, и большинство из них было окровавлено. Вся эта картина производила самое отвратительное впечатление.

Когда, наконец, «Виктория» была замечена, битва на время прекратилась, но завывания стали еще ужаснее, и в корзину полетело несколько стрел, из которых одна пронеслась так близко, что Джо умудрился схватить ее.

— Давайте-ка поднимемся повыше, где нас не достанут стрелы, — крикнул Фергюссон. — Будем как можно осторожнее! Рисковать нам нельзя.

Битва возобновилась; снова были пущены в ход топоры и копья. Не успевал кто-нибудь свалиться на землю, как его противник уже отсекал ему голову. В этой бойне принимали участие и женщины: они подбирали отрубленные окровавленные головы и складывали их на поле битвы. Между женщинами происходили схватки из-за этих отвратительных трофеев.

— Ужасное зрелище! — с омерзением воскликнул Кеннеди.

— Скверные людишки, — проговорил Джо. — А впрочем, одень их в военную форму, и они были бы не хуже всяких других солдат.

— Меня так и подмывает принять участие в этой битве! — вырвалось у охотника, размахивающего своим карабином.

— Ни в коем случае! — крикнул Фергюссон. — Зачем нам вмешиваться в то, что нас совсем не касается? Ты хочешь разыграть роль провидения, а сам даже не знаешь, кто тут прав, а кто виноват. Скорее, скорее подальше от этого отталкивающего зрелища! Если бы великие полководцы могли взглянуть вот так, сверху, на театр своих действий, они, пожалуй, потеряли бы вкус к проливаемой ими крови и завоеваниям.

Вождь одной из диких орд выделялся своим огромным ростом и геркулесовской силой. В одной его руке было копье, которое он то и дело вонзал в гущу вражеского отряда, в другой — топор, которым он работал не менее беспощадно. Вдруг этот Геркулес отшвырнул далеко от себя копье, бросился к одному раненому, отсек топором ему руку, схватил ее и с наслаждением впился в нее зубами.

— Ах, какой отвратительный зверь! — закричал Кеннеди. — Нет, я более не в силах терпеть!

И вождь с простреленной головой свалился навзничь.

Тут воины его словно оцепенели. Эта сверхъестественная смерть вождя страшно напугала их и в то же время воодушевила их противников. В один миг половина сражавшихся убежала с поля битвы.

— Поищем повыше течение, которое поскорее унесло бы нас отсюда, — промолвил доктор. — Это зрелище, признаться, возбудило во мне отвращение.

Но Фергюссону не удалось улететь своевременно. И наши путешественники увидели, как победители набросились на убитых и раненых, как вырывали они друг у друга еще теплые куски человечьего мяса и с жадностью пожирали их.

— Тьфу! Это омерзительно! — крикнул Джо.

Но вот «Виктория», увеличившись в объеме, стала подниматься. Еще несколько минут до нее долетал вой озверевшей орды, и затем ее унесло на юг, а ужасающая сцена резни и людоедства осталась позади.

Шар летел над холмистой местностью, по которой текли к востоку многочисленные речки и ручьи; они без сомнения впадали в те притоки озера Ну и реки Газелей, любопытное описание которых дал Лежан.

С наступлением ночи «Виктория», пролетев в этот день сто пятьдесят миль, бросила якорь у 27° восточной долготы и 4°20′ северной широты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Странные крики. — Ночное нападение. — Кеннеди и Джо на дереве. — Два выстрела. — «Ко мне! На помощь!» — Ответ по-французски. — Утро. — Миссионер. — План спасения.

Ночь была очень темна. Доктор Фергюссон не мог определить, где именно они спустились. Якорь зацепился за вершину очень высокого дерева, которое едва вырисовывалось в ночном мраке. Как всегда, доктор нес первую вахту с девяти часов вечера, а в полночь его сменил Кеннеди.

— Смотри же, Дик, сторожи хорошенько, — наказал ему доктор.

— А разве есть что-либо новое?

— Нет как будто. Но мне показалось, что внизу, под нами, слышатся какие-то неясные крики. Ведь в

сущности я не знаю, куда нас занес ветер, а излишняя осторожность повредить не может.

— Ты, Самуэль, должно быть, слышал вой диких зверей.

— Нет, мне почудилось совсем другое... Ну, одним словом, при малейшей тревоге буди меня немедленно.

— Можешь быть совершенно спокоен.

Доктор еще раз внимательно прислушался, но кругом все было тихо, и он, бросившись на постель, скоро заснул. Все небо было покрыто густыми тучами, но в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. «Виктория», держась на одном только якоре, была совершенно неподвижна.

Кеннеди, пристроившись в корзине так, чтобы было удобно наблюдать за горелкой, в то же время внимательно вглядывался в темноту. Порой ему казалось, как это бывает у людей беспокойных или настороженных, будто внизу мелькает какой-то слабый свет. На мгновение ему даже представилось, что он ясно видит этот свет в каких-нибудь двухстах шагах, но он блеснул и исчез с быстротой молнии. Вероятно, это был один из тех световых узоров, которые глаз видит в глубоком мраке. Кеннеди было успокоился и снова стал нерешительно всматриваться в темноту, как вдруг резкий свист прорезал воздух.

Что это? Крик животного, ночной птицы или это кричит человек?

Кеннеди, сознавая всю опасность положения, собирался уже разбудить своих товарищей, но тут ему пришло в голову, что, кто бы это ни был, люди или звери, они во всяком случае находятся не так уж близко. Дик осмотрел свои ружья и стал вглядываться в темноту.

Вскоре ему показалось, что какие-то неясные тени крадутся к их дереву. В это мгновение из-за туч проскользнул луч луны, и Кеннеди ясно увидел группу каких-то существ, двигающихся в темноте.

Ему пришло на память приключение с павианами, и, не медля более, он дотронулся до плеча доктора.

Тот сейчас же проснулся.

— Будем говорить тише, — прошептал Кеннеди.

— Что-нибудь случилось?

— Да, надо разбудить Джо.

Когда Джо вскочил, охотник рассказал то, что он видел.

— Неужели снова эти проклятые обезьяны? — тихо проговорил Джо.

— Возможно. Но тем не менее надо принять все меры предосторожности, — сказал Фергюссон.

— Мы с Джо спустимся по лестнице на дерево, — заявил Кеннеди.

— А я в это время, — добавил доктор, — подготовлю все, чтобы «Виктория» смогла в случае надобности мигом подняться.

— Значит, сговорились.

— Ну, так спускаемся, — сказал Джо.

— Смотрите же, без крайней необходимости не пускайте в ход оружия, — напутствовал их доктор. — Совершенно излишне обнаружить в этой местности наше присутствие.

Дик и Джо ответили ему кивком головы. Они бесшумно соскользнули на дерево и уселись на разветвлении крепких ветвей, за которое держался якорь. Некоторое время они, сидя неподвижно среди листвы, молча прислушивались. Вдруг послышалось какое-то шуршание по коре дерева. Джо схватил шотландца за руку.

— Слышите? — прошептал он.

— Да, что-то приближается.

— Быть может, это змея. Помните, вы слышали свист?

— Нет, в нем было что-то человеческое.

«Уж лучше все-таки дикари, — подумал про себя Джо, — терпеть не могу гадов».

— Шум усиливается, — снова прошептал через несколько минут Кеннеди.

— Да, кто-то карабкается сюда.

— Ты наблюдай за этой стороной, а я за той, — шепотом проговорил охотник.

— Хорошо.

Они были одни на крепкой большой ветке, поднимавшейся прямо из гущи исполина-баобаба. В густой листве царил непроглядный мрак. Вдруг Джо наклонился к уху Кеннеди и прошептал:

— Негры.

До их слуха даже долетело несколько слов, произнесенных вполголоса внизу.

Джо вскинул ружье на плечо.

— Подожди, — остановил его шепотом Дик.

Дикари действительно взбирались на баобаб. Они карабкались со всех сторон, скользя по веткам, как змеи, и подвигались медленно, но уверенно. Их можно было узнать по запаху тел, смазанных зловонным жиром. Вскоре на уровне ветки, на которой сидели Кеннеди и Джо, показались две головы...

— Стреляй! — скомандовал шотландец.

Двойной выстрел прокатился, как гром, и замер среди болезненных воплей. В мгновение ока вся ватага исчезла.

Но среди воя вдруг прозвучал крик — удивительный, неожиданный, невероятный! Человеческий голос совершенно ясно крикнул по-французски:

— Ко мне! На помощь!

Кеннеди и Джо были безмерно изумлены и мигом взобрались обратно в корзину.

— Вы слышали? — спросил Фергюссон.

— Конечно. Подумайте только! Этот невероятный голос: «Ко мне! На помощь!» Француз в руках этих варваров!

— Быть может, какой-нибудь путешественник или миссионер?

— Несчастный! — воскликнул охотник. — Его терзают, может быть, убивают.

Фергюссон тщетно старался скрыть свое волнение.

— Тут нет никаких сомнений, — наконец, проговорил он, — какой-то несчастный француз попал в руки дикарей. И, конечно, мы не тронемся отсюда, раньше чем сделаем все возможное для его спасения. По нашим ружейным выстрелам он должен был понять, что явилась неожиданная помощь, он верит, что это вме-

шательство провидения. Ведь правда, друзья мои, мы с вами не отнимем у него этой последней надежды? Как ваше мнение?

— Мы совершенно согласны с тобой, Самуэль! Распоряжайся нами!

— Обсудим же теперь, что нам делать, а с рассветом постараемся его выручить, — сказал Фергюссон.

— Но как нам отделаться от этих подлых негров? — проговорил Кеннеди.

— Когда я вспоминаю, как эти негры удирали, для меня совершенно очевидно, что они не знакомы с огнестрельным оружием, — продолжал доктор, — значит, нам нужно будет использовать их ужас. Но обождем рассвета и уж тогда, сообразуясь с местностью, выработаем план спасения.

— Этот бедняга должен быть где-нибудь поблизости, — заметил Джо, — так как...

— Ко мне! Ко мне! — раздался тот же голос, но уже более слабый.

— Варвары! — закричал, весь трясясь от волнения, Джо. — А что, если они прикончат его еще этой ночью?

— Слышишь, Самуэль, — бросился Кеннеди к своему другу, хватая его за руку, — если они прикончат его ночью!

— Это мало вероятно, друзья мои. Дикие племена умерщвляют своих пленников обыкновенно среди бела дня: им, видите ли, для этого непременно нужно солнце, — пояснил доктор.

— Ну, а что, если мне воспользоваться ночной темнотой и пробраться к этому несчастному? — промолвил шотландец.

— Тогда и я пойду с вами, мистер Дик, — предложил Джо.

— Постойте, постойте, друзья мои! Этот план делает честь вашему сердцу и вашей храбрости, но вы подвергаете опасности всех нас и еще больше можете повредить тому, кого мы хотим спасти.

— Почему же? — возразил Кеннеди. — Ведь эти дикари страшно перепуганы. Они разбежались и больше не вернутся.

— Дик, умоляю тебя, послушайся меня! Поверь, я имею в виду общее благо. Если бы ты случайно попался им в руки, все бы пропало.

— Но этот несчастный? Он ждет, надеется. И никто не отзывается, никто не идет на помощь. Ему уже, верно, начинает казаться, что ружейные выстрелы ему только померещились.

— Его можно успокоить, — заявил доктор Фергюссон.

И, поднявшись, доктор приложил ко рту руку в виде рупора и прокричал на том же языке, на каком взывал о помощи неизвестный:

— Кто бы вы ни были, не теряйте надежды! Три друга думают и заботятся о вас.

В ответ на это раздался ужасный вой, заглушивший, без сомнения, ответ пленника

— Его убивают! Его прикончат! — закричал Кеннеди. — Наше вмешательство только ускорило его смертный час. Надо действовать!

— Но каким образом, Дик? Подумай, что можно сделать в таком мраке?

— Ах, если бы было светло! — воскликнул Дик.

— Ну, хорошо, а если б был день, что бы ты тогда сделал? — каким-то особенным тоном спросил доктор.

— Ничего не может быть проще, Самуэль, — ответил охотник. — Я спустился бы на землю и стрельбой разогнал бы этот сброд.

— А ты, Джо, что сделал бы? — обратился к нему Фергюссон.

— Я, сэр, поступил бы более осторожно. Дал бы знать пленнику, в каком направлении ему бежать.

— Но каким же образом?

— Привязал бы записку к стреле, которую, помните, я поймал на лету, или же громко сказал бы ему это, благо дикари не понимают нашего языка.

— Ваши планы несбыточны, друзья мои. Спастись бегством этому несчастному страшно трудно, если б даже он сумел ускользнуть от своих мучителей. Твой же проект, дорогой Дик, при твоей отваге да еще благодаря страху, который мы нагнали на них стрельбой, быть может, и удался бы. Но провались он — тебе

грозила бы гибель, и нам пришлось бы спасать уже не одного, а двоих. Нет! Надо действовать иначе — так, чтобы все шансы на успех были на нашей стороне.

— Но действовать немедленно, сейчас же, — настаивал охотник.

— Может быть, и так, — проговорил Фергюссон, как бы подчеркивая эти слова.

— Да неужели, сэр, вы в силах рассеять эту тьму?

— Кто знает, Джо...

— Ах, сэр! Если только вы сделаете нечто подобное, я сейчас же заявлю, что вы — самый великий ученый в мире!

Доктор несколько минут помолчал. Видимо, он обдумывал какой-то план. Оба, Дик и Джо, с трепетом смотрели на него. Они были страшно взволнованы этим совершенно необычайным положением.

Вскоре Фергюссон заговорил:

— Вот мой план: у нас еще не тронут балласт в двести фунтов. Мне кажется, что этот пленник, — он ведь изнурен, измучен, — не может весить больше самого тяжелого из нас. Следовательно, у нас во всяком случае остается лишних шестьдесят фунтов балласта, и его можно сбросить, чтобы скорее подняться.

— Объясни, пожалуйста, что ты думаешь предпринять? — попросил Кеннеди.

— А вот что. Ты сам понимаешь, Дик, что если мне удастся захватить пленника и я сброшу количество балласта, равное ему по весу, то равновесие шара не будет нарушено. Но если придется как можно скорее подниматься, чтобы ускользнуть от этой оравы негров, мне понадобится прибегнуть к более энергичным средствам, чем моя горелка. И вот для этого в нужную минуту и придется сбросить остаток балласта.

— Видимо, это так, — согласился Дик.

— Но здесь есть и отрицательная сторона, — продолжал Фергюссон. — Чтобы спуститься потом, мне понадобится выпустить количество газа, пропорциональное излишку сброшенного балласта. Конечно, газ вещь очень ценная, но можно ли думать об этом, когда вопрос идет о спасении человеческой жизни!

— Ты совершенно прав, Самуэль: мы должны пойти на любые жертвы, чтобы спасти этого человека.

— Приступим же к делу, — сказал Фергюссон. — Начните с того, что переместите балласт к борту корзины так, чтобы его сразу можно было сбросить.

— А как быть с темнотой?

— Пока она скрывает наши приготовления, а когда они будут закончены — рассеется. Держите оружие наготове. Быть может, придется стрелять. Чем мы располагаем? Один выстрел из карабина, четыре из двух ружей, двенадцать из двух револьверов, всего семнадцать. Мы можем сделать все семнадцать в четверть минуты. А может быть, стрелять не понадобится. Ну что, вы готовы?

— Готовы, — ответил Джо.

Балласт поместили у борта, зарядили оружие.

— Прекрасно, — одобрил доктор. — Будьте же внимательны. Ты, Джо, сбрасывай балласт, а ты, Дик, хватай пленника. Но помните: ничего не делать без моего распоряжения. А теперь, Джо, ступай скорей, отцепи якорь и мигом возвращайся назад в корзину.

Джо проворно спустился вниз по канату и через несколько минут вернулся обратно. «Виктория», получив свободу, повисла в воздухе почти неподвижно.

В это время доктор убедился, что в смесительной камере есть достаточно газа, чтобы в случае надобности пустить в ход горелку, не прибегая к помощи бунзеновской батареи. Потом он взял два хорошо изолированных проводника, служивших для разложения воды, и, порывшись в своем дорожном чемодане, достал оттуда два заостренных уголька, которые и прикрепил к концам проводников.

Оба его друга смотрели на то, что он делает, ровно ничего не понимая, но молчали. Закончив свою работу, Фергюссон стал посреди корзины и, взяв в каждую руку по проводнику с угольками, сблизил их концы.

И вдруг яркий, ослепительный, невыносимый для глаз свет вспыхнул между остриями угольков. Огромный сноп электрического света прорезал ночной мрак.

— Ах, сэр! — вырвалось у Джо.

— Ни слова! — прошептал доктор.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сноп света — Миссионер — Похищение при электрическом свете — Священник-лазарист — Слабая надежда на выздоровление миссионера — Заботы доктора. — Самоотверженная жизнь — Полет над вулканом

Фергюссон стал направлять яркий сноп электрического света в разные стороны. Наконец, он остановил его на одном месте, и оттуда сразу донеслись вопли ужаса. Дик и Джо смотрели во все глаза на представившееся им зрелище.

Баобаб, над которым почти неподвижно висела «Виктория», рос посреди лужайки. Среди полей кунжута и сахарного тростника разбросано было штук пятьдесят низких хижин с коническими крышами, а вокруг них кишело многочисленное племя негров. Почти под самой «Викторией», в каких-нибудь ста футах от нее, стоял столб. У подножия его виднелось человеческое существо — молодой человек лет тридцати, с длинными черными волосами, полуголый, худой, окровавленный и израненный; он склонил голову на грудь, как распятый Исус. Выстриженные на макушке волосы говорили о том, что на этом месте недавно была тонзура.

— Это миссионер! — закричал Джо. — Священник!

— Бедняга! Несчастный! — восклицал Дик.

— Мы его спасем, — уверял доктор. — Спасем.

При виде шара, похожего на огромную комету с ярко сверкающим хвостом, негры, понятно, пришли в ужас. Слыша их вопли, пленник поднял голову. В глазах его блеснуло выражение надежды, и, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг него, он протянул руки к своим неожиданным спасителям.

— Он жив! Он жив! — радостно закричал Фергюссон. — Слава богу! А дикари в полнейшем ужасе. Мы его спасем. Вы готовы, друзья мои?

— Готовы, Самуэль.

— Ну, Джо, туши горелку.

Приказ доктора сейчас же был выполнен. Едва заметный ветерок нес «Викторию» к пленнику; одновременно шар, вследствие охлаждения газа, мало-помалу спускался. Еще минут десять «Виктория» плавала в волнах света. Фергюссон все направлял на толпу ослепительный сноп лучей, от которого негры, придя в неописуемый страх, один за другим забились в свои хижины. Площадка опустела. Доктор был прав, возлагая надежды на сверхъестественное появление «Виктории», бросающей солнечные лучи среди ночного мрака

Корзина приблизилась к земле. Несколько смельчаков-негров, видя, что добыча ускользает от них, вернулось, испуская громкие крики. Кеннеди схватил свой карабин, но доктор запретил ему стрелять. Миссионер не был даже привязан к столбу — это было лишнее при его полнейшем изнеможении. Он стоял на коленях, не имея сил держаться на ногах. В ту минуту, когда «Виктория» коснулась земли, охотник, откинув в сторону свой карабин, схватил в охапку миссионера и втащил его в корзину. В это же мгновение Джо сбросил на землю двухсотфунтовый балласт.

Доктор был уверен, что «Виктория» должна понестись вверх с необыкновенной быстротой, но, вопреки его ожиданию, она, поднявшись на три-четыре фута, внезапно остановилась.

— Кто нас держит? — в ужасе закричал доктор.

С дикими криками к «Виктории» мчалось несколько дикарей.

— Ах! — воскликнул Джо, наклонившись над бортом. — Один из этих свирепых негров уцепился за низ нашей корзины.

— Дик! Дик! — крикнул доктор. — Ящик с водой!

Дик сразу понял мысль своего друга и, схватив один из ящиков с водой, весивший более ста фунтов, вышвырнул его за борт.

Освободившись от балласта, «Виктория» сразу подпрыгнула вверх футов на триста, и толпа, видя, что пленник уносится от нее в луче ослепительного света, огласила воздух неистовым ревом...

— Ура! — радостно вскрикнули Кеннеди и Джо.

Тут «Виктория» снова рванулась ввысь, и на этот раз больше, чем на тысячу футов.

— Что случилось? — спросил Кеннеди, от толчка едва удержавшийся на ногах.

— Ничего, — ответил Фергюссон. — Просто этот негодяй, наконец, покинул нас.

Джо, быстро нагнувшись над бортом корзины, увидел, как дикарь с распростертыми руками летел вниз, как он несколько раз перевернулся в воздухе и, наконец, грохнулся о землю.

Доктор разъединил провода, и наступила полнейшая тьма. Был час ночи. Француз, все время лежавший в обмороке, открыл глаза.

— Вы спасены, — сказал ему Фергюссон.

— Спасен от мучительной смерти, да, — с печальной улыбкой ответил француз по-английски. — Благодарю вас, братья, но не только дни мои, а самые часы сочтены. Немного мне осталось жить.

И миссионер, вконец обессиленный, впал в забытье.

— Он умирает! — закричал Дик.

— Нет, нет, — ответил Фергюссон, наклоняясь над французом. — Но он очень слаб. Давайте положим его под тент.

Они осторожно уложили на постель это жалкое, исхудалое тело, все покрытое шрамами и свежими ранами от ножей и огня. Доктор нащипал из своего носового платка немного корпии и наложил ее на раны, предварительно промыв их. Он действовал умело и ловко, как настоящий врач. Затем, вынув из своей аптечки подкрепляющее средство, он влил несколько капель в рот миссионера. Тот едва имел силы прошептать: «Благодарю, благодарю».

Доктор, видя, что больному необходим полный покой, опустил над ним тент, а сам снова занялся своим шаром. «Викторию», учитывая присутствие на ней четвертого пассажира, освободили в общем от балласта в сто восемьдесят фунтов, и она держалась в воздухе без помощи горелки. На рассвете легкий ветерок тихонько понес «Викторию» к северо-западу. Фергюссон подошел к спящему миссионеру и несколько минут наблюдал за ним.

— Если бы только мы могли сохранить спутника, посланного нам небом! — промолвил охотник. — Есть ли хоть какая-нибудь надежда?

— Да, Дик, при хорошем уходе, на таком чистом воздухе.

— Сколько выстрадал этот человек! — проговорил взволнованный Джо. — Ему нужно было больше смелости, чем нам. Шутка ли: одному идти к этим племенам!

— Вне всякого сомнения, — отозвался охотник.

Доктор весь день не хотел будить миссионера; в сущности это был даже не сон, а дремота, прерываемая стонами и тихими жалобами. Состояние больного не переставало беспокоить Фергюссона.

Под вечер «Виктория» остановилась и неподвижно простояла среди мрака всю ночь. Джо и Кеннеди сменяли друг друга у постели больного, а Фергюссон все время один нес вахту.

На следующее утро «Виктория», поднявшись в воздух, уклонилась чуть-чуть к западу. День обещал быть великолепным. Вдруг больной несколько окрепшим голосом позвал своих новых друзей. Сейчас же подняли края тента, и он с наслаждением стал вдыхать свежий утренний воздух

— Как вы себя чувствуете? — спросил Фергюссон.

— Как будто лучше, — ответил больной. — А до сих пор, друзья мои, мне все казалось, будто я вас вижу во сне. Признаться, я с трудом отдаю себе отчет в том, что случилось. Скажите, кто вы такие? Как вас зовут? Я хочу знать это, чтобы помянуть вас в своей последней молитве.

— Мы английские путешественники, — сказал Фергюссон, — пытаемся на воздушном шаре перелететь через Африку, и вот по пути нам посчастливилось спасти вас.

— У науки есть свои герои, — сказал миссионер.

— А у религии — свои мученики, — откликнулся шотландец.

— Вы миссионер? — спросил доктор.

— Я священник миссии лазаристов. Вас мне послало небо. Но моя жизнь кончена. Расскажите мне

о Европе, расскажите о Франции, — ведь уже целых пять лет я ничего не знаю о своей родине.

— Пять лет! Один среди этих дикарей! — воскликнул Кеннеди.

— Это души, которые нуждаются в искуплении, — ответил молодой священник. — Это братья, дикие и невежественные, которых только церковь может наставить и цивилизовать.

Фергюссон долго рассказывал миссионеру о его родной Франции. Тот жадно слушал, и тихие слезы струились по его щекам. Время от времени он брал в свои лихорадочно горящие ладони то руки Кеннеди, то руки Джо и пожимал их. Доктор приготовил больному несколько чашек чаю, и тот выпил их с наслаждением. Бедняга почувствовал некоторый прилив сил, смог приподняться и, видя, что он несется по ясному небу, даже улыбнулся.

— Вы отважные путешественники, — начал он, — ваше смелое предприятие завершится благополучно; вы-то увидите ваших родных, ваших друзей, вашу родину, вы...

Несчастный так ослабел, что его пришлось сейчас же снова уложить. Несколько часов он находился в состоянии полной прострации, похожем на смерть. Фергюссон не отходил от него и не мог сдержать своего волнения: он чувствовал, что эта жизнь уходит. «Неужели, — думал доктор, — мы так скоро потеряем того, кого вырвали из рук мучителей?» Доктор снова перевязал ужасные раны и принужден был пожертвовать большей частью своего запаса воды, чтобы освежить пылающее в лихорадочном жару тело страдальца. Вообще он самым нежным и разумным образом ухаживал за ним. К французу мало-помалу возвращалось сознание, но, увы, не жизнь.

Умирающий прерывистым голосом рассказал доктору свою историю. Когда он начал, Фергюссон попросил его говорить на родном языке:

— Я понимаю его, а вас это менее утомит.

Миссионер был молодой человек родом из Бретани, из бедной семьи. Деревня Арадон, где он вырос, находилась в центре департамента Мобриана. Он очень

рано почувствовал влечение к духовному поприщу. Ему мало было самоотверженной жизни священника, он хотел опасностей и вступил в орден миссионеров, основателем которого был св. Винцент-Павел.

В двадцать лет он покидает свою родину для негостеприимных берегов Африки, и оттуда, преодолевая всякие препятствия, перенося всевозможные лишения, молясь, он пешком добирается до поселений диких племен, живущих по притокам Верхнего Нила. Прошло два года, а дикари все еще не внимали его проповедям, не откликались на его пылкие призывы, неверно истолковывали его человеколюбие. И вот он попадает в плен к одному из самых свирепых племен — ньямбара, где с ним очень плохо обращаются. И все же он учит, наставляет, молится. Когда однажды племя, у которого он был в плену, после одного из частых побоищ с соседями, разбегается, бросив его на поле битвы, как мертвого, он все-таки не считает возможным вернуться на родину и, верный евангельским заветам, продолжает скитаться по Африке. Самым спокойным временем для него было то, когда его считали сумасшедшим. Он и на новых местах изучает местные наречия и упорно продолжает свое дело. Еще два долгих года он странствует по этим местам, повинуясь сверхчеловеческой силе, дарованной ему богом. Последний год проводит он среди «барафри», одного из самых диких племен — ньям-ньям. Несколько дней тому назад умер их вождь, и злосчастного миссионера почему-то обвиняют в его неожиданной смерти. И вот решают принести его в жертву. Уже в течение почти двух суток длятся его пытки, и ему предстоит, как верно предвидел доктор, умереть на следующий день при ярком свете солнца, как раз в полдень. Услышав звук ружейных выстрелов, он инстинктивно кричит: «Ко мне! Ко мне!» А когда до него доносятся с неба слова утешения, ему кажется, что все это сон.

— Я не жалею, — прибавил он, — о жизни, которая уходит; она принадлежит богу.

— Не теряйте надежды, — сказал ему доктор. — Мы подле вас и вырвем вас у смерти, как вырвали у ваших мучителей.

— Так много я не прошу, — кротко ответил миссионер. — Слава богу, что мне дана перед смертью великая радость пожать дружеские руки и услышать родную речь.

Миссионер снова ослабел. День прошел между надеждой и страхом. Кеннеди был очень подавлен, а Джо украдкой утирал слезы.

«Виктория» еле подвигалась; самый ветер, казалось, хотел дать покой умирающему.

Под вечер Джо объявил, что на западе виден какой-то очень яркий свет. Действительно, небо было словно в огне. На более северных широтах, пожалуй, можно было бы принять это за северное сияние. Доктор стал внимательно наблюдать за таким редким явлением.

— Это не может быть не чем иным, как действующим вулканом, — наконец, проговорил он.

— А ветер как раз несет нас туда, — заметил с тревогой Кеннеди.

— Ну, и что же? — отозвался доктор. — Мы пролетим над ним на такой высоте, где будем в безопасности.

Прошло каких-нибудь три часа, и «Виктория» уже неслась над горами. Она была на 24°15′ восточной долготы и 4°42′ северной широты. Под нею из огнедышащего вулкана лились потоки расплавленной лавы и высоко взлетали обломки скал... Казалось, какая-то огненная влага низвергается ослепительным каскадом. Зрелище было великолепное, но опасное, ибо ветер продолжал упорно гнать «Викторию» в сторону этой раскаленной атмосферы.

Раз нельзя было обойти это препятствие, надо было перелететь через него. Горелка заработала вовсю, и «Виктория», поднявшись на высоту шести тысяч футов, пронеслась саженях в трехстах от вулкана. Умирающий миссионер мог со своего ложа созерцать действующий вулкан, откуда вырывались ослепительные снопы огня.

— Как это прекрасно, — произнес он, — и как бесконечно могущество всевышнего. Мы чувствуем его даже в самых страшных явлениях природы.

Потоки раскаленной лавы покрывали склоны горы словно огненным ковром. Нижняя часть «Виктории», отражая море пламени, сияла в ночной темноте. В корзине чувствовался сильный жар, и доктор Фергюссон стремился как можно скорее уйти от этого опасного места. К десяти часам вечера вулкан казался лишь красной точкой на горизонте, а «Виктория», опустившись в более низкую зону, спокойно продолжала свой полет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гнев Джо. — Смерть праведника. — Бдение над покойником. — Безводная местность. — Погребение. — Глыбы кварца. — Галлюцинация Джо. — Драгоценный балласт. — Открытие золотоносных пород. — Джо в отчаянии.

Чудесная ночь спустилась на землю. Обессиленный миссионер тихо дремал.

— Нет, он больше не придет в себя, — проговорил Джо. — А ведь он так еще молод, бедняга, ему тридцати нет.

— Да, он умрет на наших руках, — подтвердил доктор с отчаянием. — Дыхание его все слабеет, и я бессилен сделать что-либо для его спасения.

— Ах, негодяи, — крикнул Джо, на которого иногда нападали внезапные приступы гнева. — Подумать только, что этот достойный священник нашел еще слова, чтобы пожалеть их, оправдать, простить!

— Посмотри, Джо, какую прекрасную ночь посылает ему бог, его последнюю ночь. Больше он не будет страдать.

Вдруг француз прерывающимся голосом что-то проговорил. Фергюссон подошел к нему. Умирающему было трудно дышать, он просил поднять края тента. Когда это было исполнено, он с наслаждением вдохнул в себя чистейший воздух прозрачной ночи. Звезды трепетали над ним, а луна как бы окутывала его белым саваном своих лучей.

— Друзья мои, — сказал священник слабеющим голосом. — Я ухожу. Да поможет вам бог завершить ваше дело. Да вернет он вам за меня мой долг благодарности.

— Не падайте духом, — ответил ему Кеннеди. — Это лишь временный упадок сил. Вы не умрете! Можно ли умереть в такую прекрасную летнюю ночь!

— Смерть пришла за мной, — возразил миссионер. — Я знаю. Что ж! Дайте мне встретить ее лицом к лицу. Смерть — начало вечной жизни, конец земным трудам. Поставьте меня на колени, братья, прошу вас!

Кеннеди приподнял его, но бессильное тело свалилось ему на руки.

— Боже мой, боже мой, — воскликнул умирающий проповедник. — Сжалься надо мной.

Его лицо просияло. Вдали от земли, радости которой не были им изведаны, среди ночи, посылавшей ему свой тихий свет, под небесами, к которым он взлетал, точно в каком-то чудесном вознесении, он как будто уже начал жить другой, новой жизнью.

Собравшись с силами, он благословил друзей, которые всего лишь один день как стали его друзьями, и снова упал на руки Кеннеди, по лицу которого текли обильные, крупные слезы.

— Умер, — сказал доктор, наклонившись над ним. — Умер.

И три друга, точно сговорившись, опустились на колени и стали молиться.

— Завтра утром, — спустя несколько минут сказал Фергюссон, — мы похороним его в земле Африки, земле, орошенной его кровью.

Всю остальную ночь над телом по очереди бодрствовали доктор, Кеннеди и Джо. Ни единым словом не нарушили они благоговейного молчания; все плакали.

На следующее утро подул южный ветер и тихо понес «Викторию» над обширным плоскогорием. Тут были и потухшие вулканы и бесплодные лощины. Воды кругом не видно было и следа. Нагроможденные друг на друга скалы, валуны, беловатые мергельные ямы — все свидетельствовало о полнейшем бесплодии почвы.

Около полудня доктор решил для погребения миссионера опуститься в котловину, окруженную скалами первозданных плутонических пород. Эта гористая местность была для него подходящим приютом; вместе с тем здесь были благоприятные условия для приземления «Виктории», которая за неимением деревьев не могла быть поставлена на якорь. Но теперь, как объяснил своему другу Фергюссон, для спуска было необходимо выпустить соответственное количество газа: ведь при похищении миссионера пришлось выбросить весь балласт. Доктор открыл клапан во внешней оболочке шара, часть водорода вышла, и «Виктория» спокойно опустилась на дно котловины.

Не успела она коснуться земли, как доктор сейчас же закрыл клапан. Джо прыгнул и, держась одной рукой за борт корзины, другой стал кидать в нее камни до тех пор, пока вес их не сравнялся с его собственным. Теперь уж он мог начать действовать обеими руками. И вот, когда Джо положил в корзину больше пятисот фунтов камней, доктор и Кеннеди в свою очередь сошли на землю. «Викторию» уравновесили, и теперь она не могла подняться с земли.

Фергюссон обратил внимание на то, что камней для установления равновесия потребовалось совсем не много, — они были необычайно тяжелыми. Всюду лежали обломки кварца и порфира.

«Вот так странное открытие!» — подумал про себя доктор.

В это время Кеннеди и Джо в нескольких шагах от него искали места для могилы. В балке, закрытой со всех сторон, стояла невыносимая жара, словно в натопленной печке. Полуденное солнце почти отвесно бросало в нее свои палящие лучи.

Сначала понадобилось очистить место от валявшихся на нем обломков скал. Затем была вырыта могила, достаточно глубокая, чтобы дикие звери не смогли добраться до трупа.

В эту могилу друзья благоговейно опустили тело француза; его засыпали землей и в виде памятника навалили несколько больших обломков скал

Доктор стоял неподвижно, глубоко погруженный

в свои мысли. Он даже не слышал, как товарищи звали его, чтобы отправиться вместе с ними на поиски убежища от зноя.

— О чем ты так задумался, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Я думаю о том, что за странные контрасты встречаются в природе и до какой степени удивительны бывают случайности. Знаете, в какой земле погребен этот человек, так мало ценивший все земные блага?

— Что ты хочешь сказать, Самуэль? — заинтересовался шотландец.

— Представьте себе: этот священник, давший обет бедности, покоится в золотом руднике..

— В золотом руднике?! — в один голос закричали Кеннеди и Джо.

— В золотом руднике, — спокойным тоном подтвердил доктор. — Камни, которые вы небрежно отшвыриваете ногами, содержат в себе золото.

— Быть не может! Быть не может! — повторял Джо.

— В трещинах сланца вы легко можете обнаружить золотые самородки, — продолжал доктор.

Тут Джо, как сумасшедший, бросился к валявшимся повсюду камням. Кеннеди был не прочь последовать его примеру.

— Да успокойся же, мой милый Джо, — обратился к нему Фергюссон.

— Ну, сэр, говорите, что вам угодно...

— Да что ты, Джо! Такой философ, как ты..

— Эх, сэр, здесь уж не до философии!

— Подумай хорошенько, милый мой, к чему нам все это богатство? Ведь мы не можем взять его с собой, — уговаривал доктор.

— Как? Не можем взять его с собой? Хорошее дело!

— Слишком большая тяжесть для нашей корзины, Джо. Я даже не хотел тебе говорить об этом, чтобы у тебя не явилось напрасных сожалений.

— Как, бросить все эти сокровища! — твердил

Джо. — Бросить наше богатство!.. Оно ведь действительно наше. Все это бросить?

— Берегись, друг мой, как бы ты не заболел так называемой «золотой лихорадкой», — смеясь, сказал доктор. — Неужели покойник, которого ты похоронил, не преподал тебе урока суетности всего мирского?

— Все это хорошо! — ответил Джо. — Но ведь золото! Мистер Кеннеди, послушайте, — продолжал Джо, — вы мне поможете набрать хоть несколько этих миллионов?

— Но что же мы с ними станем делать, бедный мой Джо? — отозвался Кеннеди, который не мог удержаться от улыбки. — Мы ведь явились сюда не богатство наживать, да и вывезти его отсюда нельзя.

— Эти миллионы — вещь тяжелая, в карман их не положишь, — добавил доктор.

— Ну, тогда нельзя ли эту самую руду взять с собой вместо песка, как балласт? — спросил Джо, прижатый к стене.

— Хорошо, на это я согласен, — ответил Фергюссон, — но с условием: не корчить гримас, когда нам придется выбрасывать за борт целые тысячи фунтов стерлингов.

— Целые тысячи фунтов стерлингов! — растерянно повторил Джо. — Да неужели и вправду все это — золото, сэр?

— Да, друг мой, это место—резервуар, который природа веками набивала своими сокровищами. Этого золота хватит, чтобы обогатить целые страны. Тут, в этой пустыне, — и Австралия и Калифорния, вместе взятые.

— И все это будет зря пропадать?! — воскликнул Джо.

— Возможно. Во всяком случае, вот что я сделаю, милый мой, тебе в утешение...

— Не так-то легко утешить меня, сэр, — уныло перебил его Джо.

— Вот послушай. Я сейчас точно определю, где находится это золотоносное место. По возвращении в Англию ты сможешь сообщить о нем своим соотечественникам, если ты уж так уверен, что золото их осчастливит.

— Конечно, сэр, я сам вижу, что вы правы. Что же, покоряюсь, раз уж никак нельзя поступить иначе. Значит, наполним корзину этой драгоценной рудой, и все, что от нее останется к концу нашего путешествия, будет чистым выигрышем.

Тут Джо с жаром принялся за работу и вскоре погрузил в корзину около тысячи фунтов драгоценного золотоносного кварца. Доктор, улыбаясь, наблюдал за его работой. Сам он в это время был занят определением места могилы миссионера. Он высчитал, что она находится на 22°23′ восточной долготы и 4°55′ северной широты.

Взглянув в последний раз на холм, под которым покоился прах француза, Фергюссон направился к «Виктории». Ему хотелось поставить хотя бы скромный грубый крест над этой могилой, затерянной в африканской пустыне, но в окрестностях не видно было ни единого деревца.

— Бог приметит это место, — сказал он.

Доктор был серьезно озабочен и охотно отдал бы много золота за небольшое количество воды. Надо было бы пополнить запас ее; он сильно уменьшился оттого, что пришлось выбросить ящик с водой, когда в корзину «Виктории» вцепился негр. Но в таких выжженных солнцем местах воды не было, и это не могло не тревожить доктора. Огонь в горелке надо было беспрестанно поддерживать, и Фергюссон уже начинал бояться, что воды может не хватить даже для утоления жажды. Подойдя к корзине, доктор увидел, что она завалена камнями, но, не проронив ни слова, влез в нее. Кеннеди также занял свое обычное место, а за ними взобрался и Джо; он не мог не бросить алчного взгляда на остающиеся в котловине сокровища.

Доктор зажег горелку, змеевик стал нагреваться, и через несколько минут газ начал расширяться, но «Виктория» не двигалась с места. Джо молча с беспокойством посматривал на Фергюссона.

— Джо! — обратился к нему доктор.

Тот ничего не ответил.

— Разве ты меня не слышишь? — повторил доктор.

Джо знаком показал, что слышит, но не желает понимать.

— Сделай мне одолжение, Джо, сейчас же выбрось часть руды на землю, — сказал Фергюссон.

— Но, сэр, вы ведь сами мне позволили...

— Я позволил тебе этой рудой заменить балласт, вот и все.

— Однако...

— Что же, в самом деле тебе хочется, чтобы мы навеки остались в этой пустыне?

Джо бросил отчаянный взгляд на Кеннеди, но тот сделал знак, что ничем не может ему помочь.

— Ну что же, Джо?

— А разве ваша горелка не действует, сэр? — спросил упрямый Джо.

— Ты сам прекрасно видишь, что горелка действует, но наша «Виктория» не поднимется, пока ты не сбросишь часть балласта.

Джо почесал за ухом, взял самый маленький кусок кварца, взвесил его сперва на одной руке, потом на другой, подбросил его — в нем могло быть фунта три или четыре — и в конце концов выбросил. «Виктория» не шелохнулась.

— Ну, что? — проговорил он. — Мы все еще не поднимаемся?

— Нет еще, — ответил доктор. — Продолжай.

Кеннеди не мог не засмеяться.

Джо сбросил еще с десяток фунтов, но «Виктория» попрежнему не двигалась. Джо побледнел.

— Эх ты, бедняга! — промолвил Фергюссон. — Пойми только: Дик, ты и я — все вместе мы весим, если я не ошибаюсь, немногим больше четырехсот фунтов, и раз руда заменяла этот вес, то тебе придется выбросить по крайней мере такое же ее количество.

— Целых четыреста фунтов выбросить! — жалобно закричал Джо.

— Да, и еще немного, чтобы подняться. Ну, смелей!

Джо принялся выкидывать балласт, испуская тяжелые вздохи. Время от времени он приостанавливался и спрашивал:

— Что, начали мы подниматься?

И ему неизменно отвечали:

— Нет, стоим на месте.

— Право же, двинулись! — крикнул он, наконец.

— Еще, еще! — скомандовал Фергюссон.

— Но «Виктория» поднимается, я убежден в этом

— Говорят тебе, бросай! — вмешался Кеннеди.

Тут Джо с отчаянием схватил еще камень и вышвырнул его из корзины. «Виктория» в то же мгновение поднялась футов на сто и, попав в благоприятное течение, вскоре перелетела через окрестные горы.

— Теперь, Джо, — сказал доктор, — у тебя осталось еще целое состояние, и, если только удастся сохранить до конца нашего путешествия весь этот кварц, ты будешь обеспечен на всю жизнь.

Джо ничего не ответил и с довольным видом улегся на свое каменное ложе.

— Ты только подумай, Дик, — обратился Фергюссон к своему другу, — какое могучее действие оказывает золото даже на лучшего в свете человека. А вообще, сколько страстей, сколько жадности, сколько преступлений мог бы породить такой золотой рудник! Как это печально!

За этот день «Виктория» пролетела девяносто миль к западу. По прямой линии она была теперь на расстоянии тысячи четырехсот миль от Занзибара.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ветер спадает. — Близость пустыни — Недостаток воды — Ночи на экваторе — Беспокойство Самуэля Фергюссона — Истинное положение вещей — Решительные ответы Кеннеди и Джо — Еще одна ночь

«Виктория», зацепившись якорем за одиноко растущее, почти высохшее дерево, всю ночь простояла совершенно спокойно. Это дало возможность путешественникам хоть немного выспаться, в чем они очень нуждались.

Утром небо снова стало прозрачно-ясным, а солнце жгучим. «Виктория» поднялась в воздух. После не-

скольких тщетных попыток доктору все же удалось напасть на слабое воздушное течение, которое понесло их к северо-западу.

— Мы что-то совсем не подвигаемся вперед, — заметил Фергюссон. — Если я не ошибаюсь, мы сделали половину нашего пути приблизительно в десять дней, а при скорости, с которой мы движемся теперь, нам, чтобы закончить его, пожалуй, потребуются целые месяцы. Это тем более досадно, что нам грозит опасность остаться без воды.

— Ну, мы найдем ее, — отозвался Дик. — Невозможно, чтобы на таком огромном пространстве не встретилось какой-нибудь речонки, ручейка или пруда.

— Очень бы хотелось этого.

— А уж не груз ли Джо замедляет наш ход? — спросил Кеннеди, желая подразнить славного малого. Ему это доставляло удовольствие потому, что была минута, когда он сам поддался «золотой лихорадке». Но, ничем не высказав своего волнения, он теперь мог выступать в роли философа. Впрочем, Кеннеди держался добродушно-шутливого тона.

Джо жалобно посмотрел на шотландца. Но доктор ничего не ответил на вопрос своего друга. Он думал не без тайного ужаса о необъятных просторах Сахары: там ведь, он знал, проходят порой целые недели, прежде чем караван наткнется на воду. И Фергюссон с особым вниманием всматривался во всякую видневшуюся лощинку.

От этой тревоги и печальных воспоминаний о происшествиях последних дней настроение у путешественников заметно изменилось. Они мало говорили. Каждый был погружен в собственные мысли.

Славный Джо, побывав на руднике, точно переродился. Он стал молчалив; он жадными глазами поглядывал на нагроможденные в корзине камни; сегодня они ровно ничего не стоят, завтра они станут бесценным кладом.

Между тем самый вид этой части Африки будил беспокойные мысли. Местность делалась все пустыннее. Не было видно не только селений, но даже и отдельных хижин. Растительность исчезала; кое-где вид-

нелись заросли каких-то низкорослых растений, напоминавшие шотландские вересковые поля. Среди беловатых песков и раскаленных камней попадались чахлые мастиковые деревья и колючий кустарник. Там и сям показывались первичные породы земной коры в виде скал с резкими и острыми контурами. Все эти предвестники безводной пустыни заставляли еще больше призадуматься доктора Фергюссона.

Казалось, ни один караван никогда не осмеливался пройти по этим пустынным местам. Были бы видны следы стоянок, белели бы кости людей и животных, а здесь кругом не было ничего. Чувствовалось, что вот-вот безбрежные пески одни будут царить в этом унылом крае.

А отступать невозможно. Надо двигаться вперед во что бы то ни стало. Доктор только об этом и думал. Он жаждал бури, которая промчала бы их над этой пустыней, но, увы, на небе не было видно ни единого облачка. За этот день «Виктория» не пролетела и тридцати миль.

Если бы хоть воды было достаточно, но ее оставалось всего-навсего три галлона. Фергюссон выделил один из этих галлонов для утоления невыносимой жажды, вызываемой палящим зноем — было уже девяносто градусов[1], — а два оставил для питания горелки. Они могли дать только четыреста восемьдесят кубических футов газа, а горелка расходовала около девяти кубических футов в час. Значит, воды может хватить только на пятьдесят четыре часа полета. Это было точное и непререкаемое математическое вычисление.

— Всего пятьдесят четыре часа! — заявил доктор своим товарищам. — Но из боязни пропустить какой-нибудь ручеек, источник или хотя бы лужу я твердо решил не летать ночью, поэтому в нашем распоряжении есть еще три с половиной дня, и вот за это время нам совершенно необходимо раздобыть воду. Считаю своим долгом предупредить вас об этом. Я оставил для

[1] Здесь и дальше температура указывается по шкале Фаренгейта, по которой t° таяния льда равна +32°, а кипения воды — +212.

питья лишь один галлон воды, и нам надо очень скупо ее расходовать.

— Что ж, выдавай нам порции, — отозвался охотник. — А отчаиваться еще рано: ведь, по твоим словам, у нас в запасе три с половиной дня, не так ли?

— Совершенно верно, дорогой мой Дик.

— Тогда не будем вздыхать и жаловаться: это нам не поможет, а за три дня мы успеем что-нибудь придумать. Теперь же будем смотреть в оба.

За ужином воды было отмерено каждому очень немного, зато в грог пришлось влить побольше водки: но ее надо было остерегаться, она не столько освежала, сколько вызывала жажду.

«Виктория» провела ночь в огромной котловине, находящейся всего на восьмистах футах над уровнем моря. Это обстоятельство пробудило в докторе некоторую надежду; тут ему вспомнились гипотезы географов относительно того, что в центре Африки есть огромное водное пространство. Но даже если действительно такое озеро и существует, то до него нужно добраться, а в воздухе, увы, продолжала царить полнейшая тишина.

После тихой ночи с ее великолепным богатством звезд наступил такой же тихий, без малейшего ветерка, день. С самого раннего утра солнце стало палить нестерпимо, и температура поднялась страшно высоко. Уже в пять часов утра доктор дал сигнал к отправлению, но в тяжелом, как свинец, воздухе «Виктория» долго еще оставалась неподвижной. Фергюссон мог бы избежать этой палящей жары, поднявшись в верхние слои воздуха, но для этого пришлось бы израсходовать довольно много воды, что было теперь совершенно немыслимым. Доктор ограничился тем, что держался на высоте ста футов, и легкий, едва заметный ветерок потихоньку нес их к западу.

Завтрак состоял из небольшого количества мясных консервов и пеммикана. До полудня «Виктория» едва пролетела несколько миль.

— Что же делать? Мы не можем двигаться бы-

стрее, — заметил доктор, — ведь не мы же командуем ветром, а он нами.

— Да, дорогой Самуэль, как бы теперь нам пригодился двигатель!

— Без сомнения, Дик, если бы только для него не требовалось воды. В противном же случае наше положение было бы нисколько не лучше. Да вообще до сих пор, к сожалению, не изобретен еще двигатель для воздушного шара. Воздухоплавание находится пока в том самом положении, в каком пребывало судоходство до изобретения парового двигателя. Ведь потребовалось же целых шесть тысяч лет для изобретения пароходных колес с лопастями и архимедовым винтом. Так что и нам, аэронавтам, ждать, видно, придется еще немало.

— Проклятая жара! — воскликнул Джо, утирая пот со лба.

— Будь только у нас вода, эта жара даже оказала бы нам услугу, — заметил Фергюссон. — Она ведь расширяет водород, и потому горелка не нуждалась бы в таком сильном пламени. Но, правда, будь у нас достаточное количество воды, нам не надо было бы так дрожать над нею. Ах, проклятый дикарь, из-за него мы лишились целого ящика драгоценной жидкости!

— Ты же не жалеешь о том, что сделал, Самуэль?

— Нет, Дик. Разве можно жалеть о том, что мы избавили этого несчастного от ужасной смерти. Но, что говорить, те сто фунтов воды, которые нам пришлось выбросить, были бы нам теперь очень кстати. Это верных двенадцать, тринадцать дней пути, а за такое время мы, конечно, перебрались бы через Сахару.

— Но сделали ли мы хоть полпути? — спросил Джо.

— По расстоянию — да, но по времени, если ветер не усилится, далеко не сделали половины нашего путешествия. Ветер же, к несчастью, все слабеет.

— Ну, сэр, нам нельзя жаловаться, — вмешался Джо, — до сих пор мы удачно выходили из затруднений, и как бы там ни было, а отчаиваться я не могу. Воду мы непременно найдем, поверьте моему слову.

Между тем местность с каждой милей все понижа-

лась и понижалась. Отроги золотоносных гор понемногу совсем исчезали; это были как бы последние взлеты истощившей свои силы природы. Вместо мощных деревьев, росших на востоке, здесь попадалась, да и то кое-где, жалкая трава; несколько полосок чахлой зелени с трудом боролись против надвигавшихся песков. Громадные скалы, скатившиеся с отдаленных вершин, превращались при падении сначала в острые осколки, потом в песок и, наконец, в мельчайшую пыль.

— Вот это именно та Африка, Джо, какой ты представлял ее себе, — начал доктор, — и я ведь был прав, когда говорил тебе: «Подожди!»

— Да что ж, сэр, — отозвался Джо, — оно же и понятно: жара и песок. Было бы глупо ждать чего-нибудь другого от такой страны. Я, по правде сказать, не особенно доверял вашим африканским лесам и полям, — смеясь, добавил он. — Действительно, это была бы бессмыслица: стоило ли в самом деле забираться в такую даль, чтобы опять увидеть английскую деревню. Признаться, я только теперь чувствую, что нахожусь в Африке, и ничего не имею против того, чтобы немного испробовать ее на себе.

Под вечер Фергюссон убедился, что в этот знойный день они едва пролетели двадцать миль. Когда солнце скрылось за резко очерченным горизонтом, над нашими путниками нависла душная тьма...

Следующий день был четверг, 1 мая Дни шли один за другим с отчаянной монотонностью Каждое утро совершенно походило на предыдущее; в сегодняшний полдень, так же как и вчера, изливались на землю отвесные палящие лучи. Так же спускалась на землю ночь, хранившая в своем темном ложе запас жары, наследие дня. Едва-едва заметный ветерок напоминал дыхание умирающего и, казалось, каждую минуту был готов совсем замереть.

В этом тяжелом положении Фергюссон не падал духом. Как человек закаленный, он сохранял спокойствие и хладнокровие. С подзорной трубой в руках он пытливо всматривался в горизонт. Уходили последние холмы, исчезали всякие следы растительности. Пред ним простиралась необъятная пустыня Сахара...

Хотя он и не показывал этого, но взятая им на себя ответственность не могла не угнетать его. Ведь это он увлек сюда — пользуясь силою дружбы или долга — своих друзей, Дика и Джо. Хорошо ли поступил он? Надо ли ему было идти запретными путями? Пытаться переступить границы возможного? Может быть, бог оставил за более отдаленным будущим право исследовать этот неблагодарный континент?

Все эти мысли, как бывает в часы уныния, мелькали, обгоняя одна другую, в голове доктора, и невольная ассоциация идей увлекала его по ту сторону логики и разума. Размышляя о том, чего не надо было делать, он задал себе вопрос, а что же надо делать сейчас? Может быть, следует вернуться обратно? Нет ли в верхних слоях атмосферы течений, которые понесли бы их в места менее пустынные? Ведь пройденный путь он знает, а о том, что ждет их впереди, не имеет никакого представления. И вот, мучимый угрызениями совести, Фергюссон решил откровенно поговорить со своими товарищами. Он ясно обрисовал им положение вещей, указал, что сделано и что оставалось еще сделать. В крайнем случае можно вернуться или по крайней мере предпринять такую попытку. Он просил их в свою очередь высказаться.

— У меня нет другого мнения, кроме мнения моего доктора,—ответил Джо.—То, что он может вытерпеть, могу и я, и даже больше. Куда он направится, туда и я.

— А ты что скажешь, Кеннеди?

— Я, дорогой мой Самуэль, не из тех, которые приходят в отчаяние. Никто лучше меня не знал, каковы могут быть опасности подобного путешествия, но раз ты шел на эти опасности, я перестал думать о них. Душой и телом я весь в твоем распоряжении. По-моему, при данном положении вещей мы твердо должны идти до конца. И ведь, кстати говоря, опасностей при отступлении будет не меньше. Итак, вперед! Смело можешь положиться на нас обоих!

— Благодарю вас, дорогие друзья, — ответил глубоко тронутый Фергюссон. — Я знал, что вы оба мне преданы, но все-таки мне нужны были вот эти ваши ободряющие слова. Еще раз великое вам спасибо!

И все трое горячо подали друг другу руки.

— Теперь выслушайте меня, — сказал Фергюссон. — По моим вычислениям, мы находимся не дальше трехсот миль от Гвинейского залива. Пустыня, стало быть, не может тянуться бесконечно, раз это побережье населено и обследовано довольно далеко вглубь страны. Если понадобится, мы направимся туда, и мало вероятно, чтобы мы по пути не встретили какого-нибудь оазиса или колодца, где смогли бы возобновить наш запас воды. Но вот чего нам не хватает, так это ветра, а без него наша «Виктория» будет неподвижно висеть в воздухе.

— Покоримся же своей участи и будем выжидать, — сказал охотник.

В продолжение всего этого бесконечного дня каждый из трех воздухоплавателей тщетно всматривался в пространство, но, увы, не было ничего, что могло бы пробудить хоть какую-нибудь надежду. При заходе солнца земля совсем перестала двигаться под ними. Горизонтальные солнечные лучи огненными полосами протянулись по необъятной равнине. Это была настоящая пустыня...

Путники за этот день не пролетели и пятнадцати миль, потратив при этом, как и накануне, сто тридцать пять кубических футов газа на питание горелки и две пинты воды (из имеющихся восьми) для утоления страшной жажды. Ночь прошла спокойно, слишком спокойно. Доктор ни на минуту не сомкнул глаз...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Немного философии. — Туча на горизонте. — В тумане. — Неожиданный воздушный шар. — Сигналы. — Вид «Виктории». — Пальмы — Следы каравана. — Колодец в пустыне.

На следующий день то же ясное, без единого облачка небо, та же полнейшая неподвижность воздуха. «Виктория» поднялась на высоту пятисот футов, и ее медленно несло к западу.

— Вот мы и в самом сердце пустыни Сахары, — проговорил Фергюссон. — Какие безбрежные пески, что за удивительное зрелище! Странно распоряжается природа. Спрашивается: почему на одной и той же широте, под теми же самыми лучами солнца, в непосредственной близости, существуют чрезмерно роскошная растительность и такое полнейшее бесплодие?

— Причины, дорогой Самуэль, мало интересуют меня, — возразил Дик, — гораздо более меня заботят факты. Самое главное то, что в природе именно так обычно и происходит.

— Надо ведь немного и пофилософствовать, дорогой Дик. Это никому не вредит.

— Пофилософствуем, я не прочь, времени у нас достаточно. Ведь мы еле-еле движемся. Ветер боится дуть, он спит.

— Это будет продолжаться недолго, — сказал Джо. — Мне кажется, что на востоке виднеется полоса туч.

— Джо прав, — ответил доктор.

— Да, но дождемся ли мы в самом деле тучи с хорошим дождем и хорошим ветром, который будет хлестать нам в лицо? — спросил Кеннеди.

— Посмотрим, Дик, посмотрим.

— А ведь сегодня пятница, сэр. От пятницы я не жду хорошего.

— Ну, что ж, надеюсь, что сегодня тебе придется отказаться от своих суеверий.

— Хотелось бы. Уф! — сказал Джо, вытирая лицо, — жара хороша, в особенности зимой; но на что она сдалась нам летом?

— Ты не боишься действия солнечного тепла на наш шар? — спросил Кеннеди у доктора.

— Нет. Гуттаперча, которой пропитана тафта, выносит гораздо более высокую температуру. Во время испытаний она выносила температуру в сто пятьдесят восемь градусов. И оболочка ничуть от этого не пострадала.

— Туча! Настоящая туча! — закричал вдруг Джо,

острое зрение которого совершенно не нуждалось ни в каких подзорных трубах.

Действительно, над восточной стороной горизонта поднималась густая пелена; глубокая, как будто взбитая, она казалась скоплением маленьких тучек, не сливавшихся друг с другом и сохранявших свою первоначальную форму, из чего доктор вывел заключение, что в том месте не было никакого движения воздуха.

Эта компактная масса, появившись в восемь часов утра, только в одиннадцать надвинулась на солнце, и оно исчезло за ней, как за густой завесой. Горизонт же в это время совершенно прояснился.

— Это изолированная туча, на которую нам не следует особенно рассчитывать, — проговорил доктор. — Обрати внимание, Дик, форма ее совершенно такая же, как была и утром.

— Совершенно верно, Самуэль, и ждать от нее дождя или ветра не приходится.

— К несчастью, повидимому, это так, ибо туча держится на очень большой высоте.

— А что, Самуэль, как ты думаешь, если б нам направиться самим к этой туче, раз она не желает пролиться над нами дождем?

— Кажется, что особенной пользы от этого не будет, — ответил доктор. — Придется ведь израсходовать лишний газ и, следовательно, большое количество воды. Но в нашем положении ничем нельзя пренебрегать. Давайте поднимемся.

Фергюссон пустил в змеевик самое сильное пламя горелки, температура сильно поднялась, и вскоре под влиянием расширившегося газа «Виктория» пошла вверх. На высоте около тысячи пятисот футов аэронавты вошли в тучу, окружившую их густым туманом, и «Виктория» перестала подниматься. Здесь не чувствовалось никакого ветерка и даже было мало влаги, что видно было по слегка лишь отсыревшим вещам в корзине. «Виктория», купаясь в тумане, как будто стала двигаться быстрее, но это был единственный результат их подъема.

Фергюссон с грустью убедился в том, как мало было выиграно этим маневром, когда вдруг услышал крик Джо, полный бесконечного удивления:

— Ах, что это такое?

— В чем дело, Джо?

— Ах, сэр! Ах, мистер Кеннеди! Как это удивительно!

— Да что такое?

— Представьте себе, мы здесь не одни. Тут какие-то интриганы. Наверное, они хотят украсть наше изобретение.

— С ума он сходит, что ли? — проговорил Кеннеди.

Джо замер, словно превратясь в статую, изображавшую величайшее изумление.

— Неужели жгучее солнце могло так подействовать на мозг этого бедного малого? — отозвался доктор, оборачиваясь к Джо. — Да скажешь ли ты...

— Вот взгляните сами, сэр! — возбужденно проговорил Джо, указывая пальцем в пространство.

— Клянусь святым Патриком!.. — в свою очередь закричал и Кеннеди. — В самом деле, что-то невероятное! Самуэль! Самуэль! Смотри же! Смотри!

— Вижу, — спокойно ответил доктор.

— Подумай, еще один воздушный шар, и на нем такие же, как мы, путники, — волнуясь, проговорил шотландец.

И действительно, в каких-нибудь двухстах футах парил другой воздушный шар со своей корзиной и пассажирами, причем двигался он по тому же самому направлению, как и «Виктория».

— Ну, что же, — сказал доктор, — нам ничего больше не остается, как подать ему сигнал. Кеннеди, возьми наш национальный флаг и вывесь его.

Казалось, что пассажирам соседнего шара в этот миг пришла в голову та же самая мысль, ибо чья-то рука тем же жестом в точности воспроизвела салют таким же флагом.

— Что бы это могло значить? — с удивлением пробормотал охотник.

— Да не обезьяны ли это? — закричал Джо. — Посмотрите, они нас передразнивают.

— А это значит, — смеясь, пояснил Фергюссон, — что ты сам, дорогой мой Дик, отвечаешь на свои же сигналы. Я хочу сказать, что там, во второй корзине, мы видим себя самих и что тот шар — это наша собственная «Виктория», и только.

— Ну, уж извините, сэр, этому я никогда не поверю, — заявил Джо.

— Милый мой, ты сам можешь в этом убедиться. Встань-ка на борт и помаши руками.

Джо тотчас исполнил приказание, и в то же мгновение все его жесты были точно повторены.

— Это не что иное, как мираж, — продолжал доктор, — простое оптическое явление, происходящее вследствие разницы в плотности воздуха. Вот и все.

— До чего удивительно! — все повторял Джо. Он никак не мог поверить объяснениям доктора и продолжал производить свои эксперименты, размахивая руками.

— Какая в самом деле любопытная вещь! — заметил Кеннеди. — А занятно видеть нашу славную «Викторию»! Знаете, выглядит она внушительно и держится очень величественно.

— Как вы там ни объясняйте все это, — вмешался Джо, — но все-таки тут есть что-то необыкновенное.

Вскоре отражение «Виктории» стало мало-помалу бледнеть. Туча поднялась выше, покинув воздушный шар, который теперь и не порывался следовать за ней. Через какой-нибудь час от нее не осталось и следа.

Ветер едва чувствовался; казалось, что он еще более ослабел. Доктор, потеряв надежду двигаться вперед, стал спускаться к земле.

Путешественники, временно отвлеченные от своих грустных дум любопытным явлением, теперь к тому же истомленные палящим зноем, снова впали в подавленное состояние духа. Но вдруг около четырех часов Джо заявил, будто среди необозримых песков что-то

возвышается, и вскоре он ясно уж различил две пальмы, росшие неподалеку друг от друга.

— Пальмы! — воскликнул Фергюссон. — Тогда там должен быть источник или колодец.

Он схватил подзорную трубу и, убедившись в том, что глаза Джо не ввели его в заблуждение, с восторгом стал повторять:

— Наконец-то! Вода! Вода! Мы спасены, ведь как ни медленно мы подвигаемся, но все же не стоим на месте и когда-нибудь да доберемся до этих благословенных пальм!

— А пока, как вы думаете, сэр, не выпить ли нам нашей водички? — предложил Джо. — Жара ведь в самом деле невыносимая.

— Давайте выпьем, мой милый.

Никто не заставил себя просить. Была выпита целая пинта, после чего воды осталось всего-навсего три с половиной пинты.

— Ах, от нее оживаешь! — воскликнул Джо. — До чего вкусна эта вода! Никогда пиво Перкинса не доставляло мне такого удовольствия.

— Вот хорошая сторона лишений, — заметил доктор.

— Она не так уж хороша, — сказал охотник. — Я согласен никогда не испытывать наслаждения от питья воды, лишь бы только всегда иметь ее в изобилии.

В шесть часов вечера «Виктория» уже парила над пальмами. Это были два жалких, высохших дерева, какие-то призраки деревьев без листвы, скорее мертвые, чем живые. Фергюссон с ужасом взглянул на них.

Под деревьями виднелись потрескавшиеся от зноя камни колодца. Кругом не было ни малейших признаков влаги. Сердце Самуэля болезненно сжалось, и он уже собирался поделиться своими опасениями с товарищами, как послышались их восклицания.

Насколько хватал глаз, к западу тянулась длинная полоса скелетов. Отдельные кости валялись во-

круг колодца. Видимо, какой-то караван заходил сюда, оставив на своем пути все эти груды костей. Должно быть, более слабые путники один за другим падали в песках, а более сильные, дойдя до этого столь желанного источника, погибали вокруг него ужасной смертью.

Путники, побледнев, смотрели друг на друга.

— Не стоит опускаться, — промолвил Кеннеди, — лучше уйти подальше от этого отвратительного зрелища. Ясно, что здесь не найти ни капли воды.

— Нет, Дик! — возразил Фергюссон. — Для очистки совести мы обязаны в этом убедиться. Да к тому же лучше нам провести ночь здесь, чем в каком-либо другом месте. А в это время мы исследуем колодец до самого дна. В нем ведь когда-то, несомненно, был источник — быть может, какие-нибудь следы его и сохранились еще.

«Виктория» опустилась на землю. Джо и Кеннеди, предварительно насыпав в корзину песку, по весу равнявшегося их собственному, бросились к колодцу и спустились на его дно по лестнице, почти совершенно развалившейся. Здесь они убедились, что источник иссяк, повидимому, уж много лет назад. Они стали рыть сухой рыхлый песок, но, увы, в нем не было и следа влаги. Наконец, они поднялись из колодца, потные, осунувшиеся, запыленные, удрученные, в полном отчаянии.

Фергюссон понял, что все поиски их оказались тщетными. Для него, впрочем, это не было неожиданностью, и он молчал. Доктор почувствовал, что отныне ему надо быть и мужественным и энергичным за всех троих

Джо принес с собой из колодца затвердевшие обрывки бурдюка и с силой кинул их на валяющиеся кругом кости.

За ужином никто не проронил ни единого слова, да и ели с отвращением.

А между тем ведь они еще и не знали настоящих мук жажды. Лишь мысль о том, что ждет их впереди, приводила путников в такое уныние.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Сто тринадцать градусов — Размышления доктора — Безнадежные поиски. — Горелка гаснет. — Сто двадцать два градуса. — Пустыня Сахара — Ночная прогулка. — Одиночество. — Обморок. — Проект Джо — День отсрочки.

Накануне «Виктория» не пролетела и десяти миль, а между тем, для того чтобы держаться в воздухе, было истрачено сто шестьдесят два кубических фута газа. Утром Фергюссон дал сигнал к отправлению.

— Горелка будет действовать еще в течение шести часов, — объявил он. — Если за это время мы не найдем какого-нибудь источника или колодца, одному богу известно, что с нами будет.

— Что-то сегодня утром слабоват ветер, сэр, — проговорил Джо. — Но, быть может, он еще задует, — прибавил он, заметя на лице доктора печаль, которую тот тщетно пытался скрыть.

Напрасные надежды! В воздухе стоял тот штиль, который порой надолго приковывает к одному месту суда в тропических морях. Жара делалась невыносимой. Термометр в тени, под тентом, показывал сто тринадцать градусов.

Джо и Кеннеди, растянувшись рядом, пытались если не спать, то хоть забыться. Вынужденное бездействие делало положение еще более тяжким, как всегда, когда человек не может отвлечься от своих мыслей работой. Но сейчас они не могли делать наблюдения, не могли ничего предпринять. Оставалось подчиниться обстоятельствам, не будучи в силах улучшить их.

Муки жажды стали чувствоваться очень сильно. Водка не только не облегчала их, но делала еще более жгучими, оправдывая свое название «тигрового молока», данное ей африканскими жителями. Оставалось всего-навсего около двух пинт тепловатой воды. Все три путника с жадностью смотрели на эти столь драгоценные капли, но ни один из них не решался даже омочить в них губы. Что такое две пинты воды в пустыне?

Доктор Фергюссон, погруженный в свои думы, спрашивал себя, благоразумно ли он поступил. Не лучше ли было, вместо того чтобы напрасно держаться в воздухе, эту самую воду, потраченную на добывание водорода, сохранить для питья? Правда, они продвинулись немного, но что в сущности от этого выиграли? Не все ли равно здесь или на шестьдесят миль позади, раз воды нет? Если бы в конце концов поднялся ветер, да еще восточный, то, пожалуй, там, позади, он был бы даже сильнее, чем здесь. Но надежда побуждала Фергюссона двигаться вперед. И вот из-за этого без всякой пользы израсходовано два галлона драгоценной воды, которой хватило бы на целых девять дней стоянки в пустыне. И каких только перемен не могло произойти за эти дни!

«А затем, — думал доктор, — может быть, при подъеме было бы лучше выбросить балласт для того, чтобы сохранить воду. Но тогда при спуске пришлось бы пожертвовать газом. А можно ли это делать, раз газ является как бы кровью «Виктории», ее жизнью?..» Эти мысли неслись бесконечной вереницей; опустив голову, Фергюссон сидел без движения целыми часами.

— Ну, надо еще сделать последнее усилие, — сказал он себе часов в десять утра. — Надо еще раз попытаться найти воздушное течение, которое могло бы понести нас. Рискнем последним!

И в то время как его товарищи дремали, он довел до высокой температуры газ в оболочке шара, и «Виктория», увеличившись в объеме, поднялась прямо вверх под лучами полуденного солнца. Доктор тщетно искал на различных высотах, начиная от ста футов до пяти тысяч, хотя бы самого слабого воздушного течения — полнейшая тишина царила везде, до самых верхних границ атмосферы.

Наконец, вода, дававшая водород, иссякла, и горелка погасла. Бунзеновская батарея перестала действовать, и «Виктория», съежившись, мало-помалу опустилась на песок в том месте, где еще сохранился след от ее корзины.

Наступил полдень. По вычислениям оказалось, что они находятся на 19°35′ широты, приблизительно в пятистах милях от озера Чад и более чем в четырехстах милях от Западного побережья Африки.

Когда корзина «Виктории» коснулась земли, Дик и Джо очнулись от своего тяжкого забытья.

— Мы останавливаемся? — спросил шотландец.

— Да, приходится, — ответил Фергюссон.

Его товарищи прекрасно поняли, что он хотел этим сказать. Местность, все время понижавшаяся, была здесь на уровне моря, поэтому шар сохранял полное равновесие и неподвижность.

Вес пассажиров был возмещен песком, и они сошли на землю. Погруженные в свои мысли, они за несколько часов не обменялись друг с другом ни словом. Джо занялся приготовлением ужина, состоявшего из сухарей и пеммикана, но все трое едва притронулись к еде. Глоток горячей воды завершил эту печальную трапезу. Ночью никто не нес вахты, но никто и не сомкнул глаз. Духота была невыносимая. Оставалось всего полпинты воды. Доктор приберегал ее на крайний случай, и было решено не трогать ее до последней возможности.

— Я задыхаюсь! — крикнул вскоре Джо. — Как будто стало еще жарче. Ну, и не удивительно, — прибавил он, взглянув на термометр — ведь целых сто сорок градусов.

— А песок жжет так, словно он только что из печки, — отозвался охотник. — И ни единого облачка на этом раскаленном небе! Просто с ума сойти можно!

— Не будем отчаиваться, — проговорил Фергюссон. — Под этими широтами после такой сильной жары неизбежно проносятся бури, и налетают они с невероятной быстротой. Несмотря на эту угнетающую нас ясность неба, огромные перемены могут произойти в какой-нибудь час.

— Да помилуй, Самуэль, были бы хоть какие-нибудь признаки этого! — возразил Кеннеди.

— Ну, что же, — отозвался доктор, — мне и кажется, что барометр чуть-чуть понижается.

— Ах, Самуэль! Да услышит тебя небо! А то ведь мы прикованы к земле, как птица с поломанными крыльями.

— С той только разницей, дорогой Дик, что наши-то крылья в целости, и я надеюсь еще ими попользоваться.

— Ах, ветра бы нам, ветра! — воскликнул Джо. — Пусть бы он донес нас до ручейка, до колодца: нам больше ничего и не надо! Ведь съестных припасов у нас достаточно, и с водой мы могли бы, не печалясь, выжидать хотя бы и месяц. Но жажда — это жестокая вещь.

Действительно, изнурительная жажда пустыни, находящейся все время перед глазами, действовала самым подавляющим образом. Взору совершенно не на чем было остановиться: не только холмика, но даже камня не было видно кругом. Эти безбрежные, ровные пески вызывали отвращение и доводили до болезненного состояния, носящего название «болезнь пустыни». Невозмутимая голубизна неба и желтизна бесконечных песков в конце концов наводили ужас. Казалось, сам знойный воздух дрожит над раскаленной добела печью. Эта спокойная беспредельность приводила в отчаяние, уже не верилось, что она может смениться чем-либо другим: ведь беспредельность — сродни вечности.

Наши несчастные путники, лишенные в эту невыносимую жару воды, начали испытывать приступы галлюцинаций, глаза их широко раскрылись и стали мутными.

С наступлением ночи Фергюссон решил быстрой ходьбой побороть это опасное состояние. Он намерен был походить несколько часов по песчаной равнине не в поисках чего-либо, а просто ради самого движения.

— Пойдемте со мной, — уговаривал он своих спутников. — Поверьте мне, это принесет вам пользу.

— Для меня это невозможно, — ответил Кеннеди, — я не в силах сделать и шага.

— А я предпочитаю все-таки спать, — заявил Джо.

— Но сон и неподвижность могут быть гибельны для вас, друзья мои. Надо бороться с апатией. Ну, идемте же!

Но уговорить их доктору так и не удалось, и он отправился один. Ночь была звездная, прозрачная, Фергюссон ослабел, и в начале идти было тяжело — он отвык ходить. Но вскоре доктор почувствовал, что движение действует на него благотворно. Он прошел на запад несколько миль, и бодрость уже начала было возвращаться к нему, как вдруг у него закружилась голова. Ему показалось, что под его ногами раскрылась пропасть, колени подгибались, безбрежная пустыня наводила ужас. Фергюссон казался себе математической точкой, центром бесконечной окружности, то есть ничем. «Виктории» в ночной тьме совсем не было видно... И вот Фергюссона, этого отважного, невозмутимого путешественника, охватил непреодолимый страх. Он хотел было идти назад, но не мог; стал кричать, — на его крик не отзывалось даже эхо, и голос его затерялся в пространстве, как камень, упавший в бездонную пропасть. Один среди бесконечной пустыни, Фергюссон опустился на песок и потерял сознание...

В полночь Фергюссон очнулся на руках своего верного Джо. Встревоженный продолжительным отсутствием доктора, Джо бросился разыскивать его по следам, ясно отпечатавшимся на песке, и нашел его в обмороке.

— Что с вами случилось, сэр? — с тревогой спросил он, видя, что доктор приходит в себя.

— Ничего, милый Джо. Минутная слабость, вот и все.

— Конечно, сэр, это пустяки, но все-таки поднимайтесь, обопритесь на меня и идемте к «Виктории».

Доктор, опираясь на руку Джо, пошел обратно по оттиснутым на песке следам.

— Как хотите, сэр, а это неосторожно с вашей стороны. Нельзя так рисковать, — начал Джо. — Вас, пожалуй, могли и ограбить, — прибавил он шутя. — Но давайте поговорим серьезно.

— Говори, я тебя слушаю.

— Нам непременно надо что-нибудь придумать. Мы можем протянуть всего каких-нибудь несколько дней, а там, если не подует ветер, мы погибли.

Доктор ничего не ответил.

— Надо, чтобы кто-нибудь пожертвовал собой для общей пользы, — продолжал Джо. — И проще всего будет, чтобы это сделал я.

— Что ты хочешь сказать? У тебя есть какой-нибудь план?

— План мой очень прост: я забираю с собой часть съестных припасов и иду прямо вперед, пока куда-нибудь не дойду, что должно же когда-нибудь случиться. Если же в это время подует благоприятный ветер, вы полетите, не дожидаясь меня. А если я дойду до какого-нибудь селения, то с помощью нескольких арабских слов, которые вы мне напишете на бумажке, сумею заставить себя понять, и тут или смогу доставить вам помощь, или уже придется пожертвовать собственной шкурой. Как вы находите мой план?

— Он безумен, Джо, но я вижу в нем твою честную смелую душу. Это невозможно, и ты не покинешь нас.

— Но надо же, сэр, в конце концов попытаться что-нибудь сделать. Вам же это нисколько не может повредить, так как, повторяю, дожидаться меня не надо, а у меня, возможно, что-нибудь да и выйдет.

— Нет, Джо, нет! Мы не расстанемся, это еще прибавило бы нам горя. Нам суждено было попасть в такое положение и, может быть, суждено выйти из него. Итак, покоримся судьбе и будем ждать...

— Пусть будет по-вашему, сэр, но предупреждаю: я даю вам день и больше ждать не буду. Сегодня воскресенье, или, вернее, понедельник, ведь уже час утра... Так вот, если во вторник мы не двинемся, я отправлюсь, — и решил я это окончательно.

Доктор ничего не ответил. Вскоре они подошли к «Виктории» и улеглись в корзине рядом с Кеннеди. Тот не проронил ни слова, хотя и не спал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ужасающий зной. — Галлюцинации. — Последние капли воды. — Ночь отчаяния. — Попытка самоубийства. — Самум. — Оазис. — Лев и львица.

Проснувшись на следующее утро, доктор первым делом бросил взгляд на барометр. Ртутный столбик почти не понизился.

— Ничего нового, ничего, — пробормотал он.

Фергюссон вышел из корзины и стал смотреть во все стороны: тот же зной, та же ясность неба, та же неумолимая неподвижность воздуха.

— Неужели нет ни малейшей надежды?! — воскликнул он.

Джо не отозвался, он весь ушел в свои мысли.

Кеннеди поднялся совсем больным. Его возбужденное состояние не могло не вызывать беспокойства. Он ужасно страдал от жажды и с трудом двигал распухшим языком и губами.

Оставалось еще несколько капель воды. Каждый знал об этом, каждый думал об этих каплях, и каждого тянуло к ним, но никто не решался сделать первый шаг.

Эти три товарища, эти три друга бросали один на другого дикие взгляды, — они были охвачены животной алчностью. Особенно сильно она проявлялась у Кеннеди. Его могучий организм раньше других изнемог от невыносимых лишений. Весь день он был в каком-то бредовом состоянии: ходил взад и вперед, что-то хрипло выкрикивал, кусая себе кулаки, был близок к тому, чтобы вскрыть себе вены и напиться собственной кровью.

— «Страна жажды»! — кричал он. — Нет, вернее будет назвать тебя «страной отчаяния»!

Потом он впал в состояние полного изнеможения: слышалось только свистящее дыхание, с шумом вырывавшееся из его запекшихся губ.

Под вечер первые приступы безумия охватили и Джо. Бесконечная масса песков вдруг показалась ему громадным прудом с чистой, прозрачной водой. Не раз

несчастный бросался на раскаленную землю, чтобы напиться. Поднимался он со ртом, полным песка, и злобно кричал:

— Проклятие! Вода-то соленая!

После одного из таких приступов безумия Джо, видя, что Фергюссон и Кеннеди лежат без движения, поддался непреодолимому желанию выпить последние, оставленные про запас капли воды. Не в силах справиться с собой, он подполз на коленях к корзине и, пожирая безумными глазами бутылку с водой, схватил ее и впился в нее губами. В этот миг рядом с ним раздались раздирающие душу крики:

— Пить! Пить!

Кеннеди подползал к нему. Несчастный охотник был жалок, он на коленях, плача, молил Джо, который со слезами протянул ему бутылку, и Кеннеди выпил все, что было в ней, все до последней капли.

— Спасибо, — пробормотал он, но Джо не слышал: он свалился на песок рядом с шотландцем.

Как прошла эта ужасная ночь — неизвестно. Утром несчастные стали чувствовать, как под огненными потоками солнца тела их мало-помалу совсем высыхают. Когда Джо хотел подняться, ему это не удалось. Он был уже не в силах осуществить свой план.

Джо оглянулся вокруг. Доктор мрачно сидел в корзине; он скрестил на груди руки и уставился бессмысленными глазами в одну точку. У Кеннеди вид был страшный: он мотал головой из стороны в сторону, как дикий зверь в клетке. Вдруг глаза охотника остановились на карабине, приклад которого торчал из-за борта корзины.

— Ах! — вскричал он, поднимаясь с нечеловеческими усилиями, и вне себя, как безумный, бросился к карабину, схватил его и приставил дуло к своему рту.

— Сэр! Сэр! — с криком кинулся к нему Джо.

— Оставь меня! Убирайся! — хрипел шотландец.

Между ними завязалась ожесточенная борьба.

— Пошел вон, или я тебя убью! — задыхаясь, повторял Кеннеди.

Джо изо всех сил вцепился в него. Они боролись с минуту; Фергюссон, казалось, даже не замечал их. Во время этой жестокой схватки карабин внезапно выстрелил. Услышав этот звук, доктор поднялся во весь рост; он был похож на призрак. Вдруг глаза его ожили, он протянул к горизонту руку и нечеловеческим голосом закричал:

— Там! Там! Вон там!

В его крике и жесте было столько энергии, что Джо и Кеннеди тотчас же перестали бороться и оба посмотрели на Фергюссона.

Необъятная равнина волновалась, словно разъяренное в бурю море. Волны песка бушевали, а с юго-востока, вращаясь с неимоверной быстротой, надвигался колоссальный песчаный столб. В эту минуту солнце скрылось за темной тучей, длиннейшая тень от которой доходила до самой «Виктории». Мельчайшие песчинки неслись с легкостью водяных брызг, и все это бушующее море песка надвигалось на них. Надежда и энергия засветились в глазах Фергюссона.

— Самум! — крикнул он.

— Самум! — повторил Джо, не понимая хорошенько, что это значит.

— Тем лучше, — закричал Кеннеди с бешеным отчаянием. — Тем лучше! Мы погибнем!

— Тем лучше, — повторил Фергюссон, — но потому, что мы будем спасены.

И он быстро начал выбрасывать из корзины песок, служивший балластом.

В конце концов его товарищи поняли, в чем дело; они стали помогать ему выбрасывать песок, а затем заняли свои места в корзине.

— Теперь, Джо, вышвырни-ка фунтов пятьдесят твоей руды, — скомандовал доктор.

Джо не колеблясь сделал это, и все же его кольнула мгновенная боль сожаления.

«Виктория» стала подниматься.

— Как своевременно! — воскликнул доктор.

Самум действительно приближался с быстротой молнии. Еще немного — и «Виктория» была бы раз-

давлена, изорвана в клочки, уничтожена. Колоссальный смерч уже настигал ее и осыпал градом песка.

— Еще выбрасывай балласт! — крикнул доктор.

— Есть, — отозвался Джо, кидая на землю огромный кусок кварца.

«Виктория» быстро поднялась над проносящимся смерчем и, подхваченная могучим воздушным течением, полетела с неимоверной быстротой над пенящимся морем песка.

Самуэль, Дик и Джо молчали. Освеженные бурным вихрем, они с надеждой смотрели вперед...

В три часа самум прекратился. Песок, оседая, образовал бесчисленные холмики. В небе снова воцарилась полнейшая тишина. «Виктория» остановилась. Путешественники увидели впереди зеленый остров, поднимавшийся из океана песков, — оазис.

— Вода! Там вода! — закричал доктор. В тот же миг он открыл верхний клапан, выпустил часть водорода, и «Виктория» тихонько спустилась в двухстах шагах от оазиса.

За четыре часа воздухоплаватели покрыли расстояние в двести сорок миль. Корзину загрузили, и Кеннеди в сопровождении Джо соскочил на землю.

— Берите с собой ружья! — крикнул Фергюссон. — Да смотрите, будьте осторожнее.

Дик бросился за своим карабином, а Джо схватил одно из ружей. Быстро понеслись они к деревьям и мигом очутились под зеленой кущей, сулившей обилие драгоценной влаги. В своем возбужденном состоянии они не обратили внимания на видневшиеся там и сям свежие следы.

Вдруг в шагах двадцати от них послышалось рычание.

— Это лев, — проговорил Джо.

— Тем лучше! — воскликнул ожесточенный охотник. — Будем драться. О, силы найдутся, если нужно только драться.

— Поосторожнее, мистер Дик, поосторожнее. Помните, что от жизни одного из нас зависит жизнь всех.

Но Кеннеди пропустил эти слова мимо ушей, он уже мчался вперед, держа в руках заряженный кара-

бин, мчался с пылающим взором, страшный в своей отваге.

Под одной из пальм стоял огромный лев с черной гривой, готовый каждую минуту броситься на свою жертву. Заметив охотника, лев сделал страшный прыжок, но, прежде чем он коснулся земли, пуля поразила его прямо в сердце. Он упал мертвый.

— Ура! ура! — закричал Джо.

Кеннеди кинулся к колодцу, сбежал по влажным ступенькам, припал к источнику и жадно стал пить свежую, холодную воду. Джо последовал его примеру, и некоторое время ничего не было слышно, кроме бульканья и прищелкиванья языком — звуков, испускаемых животными, когда они утоляют свою жажду.

— Будем благоразумны, мистер Дик, — тяжело дыша, проговорил Джо, — как бы мы не перехватили через край.

Но Дик, ничего не отвечая, окунал в воду голову и руки и все продолжал пить; он словно опьянел.

— А мистер Фергюссон... — начал Джо.

Имя это мгновенно привело в себя Кеннеди.

Он сейчас же наполнил водой принесенную с собой бутылку и бросился вверх по лестнице. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что какое-то огромное темное тело закрывает выход из колодца. Оба они, Кеннеди и идущий за ним Джо, подались назад.

— Да мы заперты! — закричал Джо.

— Просто невероятно, что бы могло это значить?

Не успел Дик договорить эти слова, как ужасное рычание показало им, с каким новым страшным врагом им придется иметь дело.

— Еще лев! — закричал Джо.

— Нет, не лев, это львица. Ах, проклятая тварь! Подожди же! — крикнул охотник, снова поспешно заряжая свой карабин.

Он выстрелил, и животное исчезло.

— Вперед! — скомандовал Кеннеди.

— Нет, мистер Дик, не надо пока выходить. Вы ведь эту самую львицу не убили наповал, а то бы она свалилась сюда. Теперь она, видно, ждет, чтобы набро-

ситься на первого, кто покажется, и тогда уж ему капут.

— Но как же быть? Надо же выйти. Да и Самуэль нас ждет.

— Надо нам завлечь сюда этого зверя, — ответил Джо. — Возьмите мое ружье, а мне дайте ваш карабин.

— Что ты задумал?

— Вот увидите.

Джо сбросил свою полотняную куртку, надел ее на ствол карабина и в виде приманки выставил в отверстие колодца. Разъяренная львица накинулась на куртку, а Кеннеди сейчас же выстрелил и раздробил ей плечо. Львица, рыча, покатилась по лестнице, опрокинув Джо, которому уже казалось, что в него вонзаются огромные львиные когти... но вдруг раздался новый выстрел, и в отверстии колодца появился Фергюссон с еще дымящимся в руках ружьем.

Джо быстро поднялся, перескочил через труп львицы и, взбежав по лестнице, подал доктору бутылку, полную воды. Поднести эту бутылку к губам и наполовину опорожнить ее было для Фергюссона делом одного мгновения. И три путешественника от всего сердца возблагодарили провидение, таким чудесным образом спасшее их.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Прекрасный вечер. — Стряпня Джо. — О сыром мясе. — Случай с Джемсом Брюсом. — Бивуак. — Мечты Джо. — Барометр падает. — Барометр снова поднимается. — Приготовления к отлету. — Ураган.

После сытного обеда, запитого немалым количеством чая и грога, наши путешественники провели чудесный вечер под свежей зеленой листвой мимоз.

Кеннеди во всех направлениях обошел маленький оазис, осмотрев, кажется, все его кусты. Несомненно,

они трое были единственными живыми существами в этом земном раю. Растянувшись на своих постелях и забыв о перенесенных муках, они провели спокойную ночь.

На следующий день, 7 мая, солнце сияло во всем своем блеске, но жгучие лучи его не могли проникать сквозь густую листву. Съестные припасы еще имелись у путешественников в достаточном количестве, и доктор решил дожидаться в оазисе благоприятного ветра.

Джо вынул из корзины «Виктории» свою походную кухню и с увлечением занялся всевозможными кулинарными приготовлениями, тратя при этом воду с беспечной расточительностью.

— Какая удивительная смена горестей и радостей! — воскликнул Кеннеди. — После таких лишений — изобилие! После нищеты — роскошь! А я-то! Как был я близок к сумасшествию!

— Да, дорогой мой Дик, — заговорил доктор, — если бы не Джо, тебя не было бы с нами и ты уже не мог бы философствовать о непостоянстве всего земного.

— Спасибо, дорогой друг! — воскликнул Дик, протянув руку Джо.

— Не за что, — ответил тот. — Когда-нибудь сочтемся. Впрочем, уж лучше бы такого случая не представлялось.

— А все-таки люди жалки, — заметил доктор. — Падать духом из-за такого пустяка!

— Вы хотите сказать, сэр, что обходиться без воды это пустяк? — спросил Джо. — Но, видно, эта самая вода уж очень необходима для жизни.

— Несомненно, Джо; люди могут переносить голод дольше, чем жажду.

— Верю. Да, кроме того, ведь голодный человек может есть все, что ему попадется под руку, даже себе подобного, хоть, должно быть, от такой закуски его долго будет мутить.

— Повидимому, дикари на этот счет не очень разборчивы, — вставил Кеннеди.

— Но на то они и дикари, привыкшие есть сырое мясо. Вот уж, можно сказать, мерзкий обычай!

— Да, это так отвратительно, что никто не хотел верить первым путешественникам по Африке, когда они рассказывали, что туземные племена питаются сырым мясом, и вот тогда с Джемсом Брюсом произошел странный случай.

— Расскажите, сэр. У нас есть время слушать, — сказал Джо, с наслаждением растянувшись на влажной траве.

— Охотно. Джемс Брюс был шотландец из графства Стерлинг. Он тоже искал истоки Нила и с тысяча семьсот шестьдесят восьмого по тысяча семьсот семьдесят второй год путешествовал по Абиссинии. Он проник вглубь страны до озера Тана и затем вернулся в Англию. Описание своего путешествия Брюс опубликовал только в тысяча семьсот девяностом году. К его рассказам отнеслись недоверчиво — вероятно, и наши будут встречены с таким же недоверием. Быт племен, населяющих Абиссинию, так резко отличался от английского, что повествование Брюса было принято за пустые россказни. Между прочим, автор утверждал, что население Абиссинии ест мясо в сыром виде. Эта подробность возмутила всех. Говорили, что автор имеет полную возможность врать сколько душе угодно, — ведь никто его проверить не может. Брюс был очень храбр и очень вспыльчив. Недоверие к его словам выводило его из себя. Однажды какой-то шотландец стал шутить в его присутствии, в одной из эдинбургских гостиных, насчет «домыслов» путешественника, уверяющего, что в Абиссинии едят сырое мясо. В заключение он решительно заявил, что такой обычай — нечто невероятное и невозможное. Брюс, не говоря ни слова, вышел и через некоторое время вернулся с сырым бифштексом, посыпанным солью и перцем по-африкански. «Сударь, — сказал он шотландцу, — усомнившись в существовании обычая, который я описываю, вы нанесли мне оскорбление. Считая этот обычай невозможным, вы ошиблись. И чтобы доказать это всем, вы скушаете этот бифштекс в сыром виде или ответите мне за ваши слова». Шотландец испугался — и подчинился. Надо было видеть его гримасы! Когда он съел бифштекс, Джемс

Брюс заметил: «Допустим, что я рассказал небылицу, но по крайней мере вы не станете утверждать, будто она невозможна».

— Молодец Брюс, — сказал Джо. — Если шотландец заболел несварением желудка, поделом ему. И если кто-нибудь, когда мы вернемся в Англию, усомнится в наших рассказах...

— Что же ты тогда сделаешь, Джо?

— Я заставлю его съесть кусок нашей «Виктории» без соли и без перца.

Все посмеялись изобретательности Джо.

День прошел в приятных разговорах. Вместе с силами возвращалась надежда, а с нею мужество. Пережитое изглаживалось из памяти и уступало место мыслям о будущем с благодетельной быстротой.

Джо заявил, что хотел бы никогда не расставаться с этим волшебным уголком. Это было именно то царство, о котором он всегда мечтал. И чувствует он себя здесь совсем как дома. По его просьбе, доктор определил местонахождение оазиса, и Джо с пресерьезным видом занес в свою дорожную записную книжку: 15°43′′ восточной долготы и 8°32′′ северной широты.

Что касается Кеннеди, то он жалел только об одном — что не может поохотиться в этом маленьком лесу. По его мнению, здесь положительно недоставало диких зверей.

— Но ты что-то уж очень забывчив, дорогой мой Дик, — возразил доктор. — А этот лев, а львица?

— Ну, что там! — проговорил Джо с обычным презрением истого охотника к убитому зверю. — А кстати, знаете, присутствие в здешнем оазисе этой пары львов, пожалуй, может свидетельствовать о близости плодородных мест.

— Твое предположение не очень веско, — заметил доктор. — Эти звери, гонимые голодом и жаждой, часто пробегают очень большие расстояния. И в следующую ночь нам нужно быть настороже и даже разложить несколько костров.

— В такую-то жару? — воскликнул Джо. — Разумеется, если это необходимо, сэр, то, конечно, будет

сделано; но мне, признаться, жалко сжигать этот чудесный лесок, давший нам столько хорошего.

— Да, надо быть как можно осторожнее, чтобы не спалить его, — сказал доктор, — пусть и другие воспользуются когда-нибудь этим приютом среди пустыни.

— Уж мы позаботимся об этом, сэр. А вы думаете, что этот оазис известен кому-нибудь?

— Конечно, это место стоянки караванов, идущих в Центральную Африку, и наверно могу сказать, что встреча с ними тебе, Джо, была бы не очень по сердцу.

— Да разве здесь также встречаются эти ужасные ньям-ньям?

— Без сомнения. Ведь это название общее для всего туземного населения, и, живя в одном и том же климате, эти родственные племена, конечно, усвоили одинаковые нравы и обычаи.

— Тьфу! — вырвалось у Джо. — Впрочем, — заявил он, — в конце концов это понятно. Если бы у дикарей были вкусы джентльменов, то в чем же была бы тогда разница между теми и другими? Уж эти ньям-ньям не заставили бы себя просить: они с наслаждением съели бы сырой бифштекс, да и самого шотландца впридачу.

После этих рассуждений Джо отправился раскладывать костры, стараясь делать их как можно меньше. К счастью, эта предосторожность оказалась излишней, и все трое поочередно прекрасно выспались.

На следующий день погода ничуть не изменилась — упорно держался штиль. Полная неподвижность «Виктории» говорила об отсутствии даже самого легкого ветерка.

Фергюссон снова начал было беспокоиться. «Если так будет и дальше, пожалуй, может не хватить съестных припасов, — думал он. — Неужели, избежав смерти от жажды, мы погибнем от голода?»

Но вскоре он воспрянул духом, заметив, что барометр стал сильно падать, — это был явный признак перемены погоды в ближайшее время. И он решил, не откладывая, заняться всеми необходимыми для полета

приготовлениями, чтобы при благоприятных условиях немедленно подняться на воздух. Ящик для воды, питавший горелку, и ящик для питьевой воды — оба были наполнены доверху.

Затем Фергюссон занялся уравновешиванием шара, и Джо снова пришлось пожертвовать порядочной частью своего сокровища. Однако вместе с силами к нему вернулись его корыстные помыслы, и он не сразу исполнил приказ доктора. Но тот объяснил ему, что «Виктория» не в состоянии поднять лишнего груза и, значит, надо выбирать между водой и золотом. Джо, наконец, перестал колебаться и выбросил из корзины на песок значительное количество драгоценной руды.

— Ну, пусть же это золото достанется тем, кто явится сюда после нас, — промолвил Джо. — Вот, думаю, удивятся-то, найдя богатство в таком месте!

— А что, если какой-нибудь ученый-исследователь наткнется здесь на эти камни? — сказал Кеннеди.

— Нет никакого сомнения, дорогой Дик, что он будет очень поражен и не замедлит напечатать об этом целые фолианты, — отозвался доктор. — Мы же в один прекрасный день можем услышать о чудесных залежах золотоносного кварца, найденных среди песков Африки.

— И подумайте, все это будет делом рук Джо, — заметил Кеннеди.

Мысль, что он загадает загадку какому-нибудь ученому, утешила Джо, и он даже улыбнулся.

Весь остальной день доктор тщетно ждал перемены погоды. Температура повысилась и, если бы не густая тень оазиса, была бы совершенно невыносимой. Термометр показывал 149°. Это была наивысшая температура, отмеченная до сих пор Фергюссоном. Воздух казался огненным.

Вечером Джо опять разложил для безопасности костры, и во время вахт доктора и Кеннеди не произошло ничего нового. Но около трех часов утра, когда дежурил Джо, температура внезапно понизилась, небо заволокло тучами, стало темно.

— Вставайте! Вставайте! — крикнул Джо своим товарищам. — Поднимается ветер!

— Наконец-то! — воскликнул доктор, глядя на небо. — Буря приближается! Скорее на «Викторию»!

Действительно, нельзя было терять ни минуты. Под натиском урагана «Виктория» совсем пригнулась к земле, и ее корзина волочилась по песку. Если бы случайно из нее вывалилась часть балласта, шар могло бы совсем унести. Быстроногий Джо помчался к корзине и ухватился за нее. В это время самый шар почти лег на землю, рискуя изорвать свою оболочку.

Доктор занял свое обычное место, зажег горелку и приказал сбросить лишний балласт.

Путники в последний раз взглянули на гнувшиеся до земли под напором бури деревья оазиса и, подхваченные на высоте двухсот футов восточным течением, скрылись в ночном мраке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Появление растительности. — Фантастическая идея французского писателя. — Чудесная страна. — Царство Адамауа. — Соединение исследований Спика и Бёртона с исследованиями Барта. — Горы Атлантика. — Река Бенуэ. — Город Йола. — Гора Бажеле. — Гора Мендиф.

Путешественники неслись чрезвычайно быстро. Да они и жаждали покинуть Сахару, едва не ставшую для них роковой.

Около четверти десятого утра они стали замечать кое-где траву, пробивавшуюся сквозь песок. Эта трава говорила им, как некогда Христофору Колумбу, о близости земли; зеленые ростки боязливо выглядывали из-за камешков, которые скоро сменились скалами в этом океане песка. На горизонте появились волнистые очертания еще не высоких холмов.

Их силуэты расплывались в тумане. Тягостное однообразие пустыни стало исчезать.

Доктор с восторгом приветствовал этот новый край и готов был, как моряк на вахте, крикнуть: «Земля! Земля!»

Через час перед глазами путешественников стала проноситься местность, еще очень дикая, но уже не такая плоская и оголенная; на сером небе даже вырисовывались очертания деревьев.

— Что же — значит, мы уже в более или менее цивилизованной стране? — спросил охотник.

— В цивилизованной! — воскликнул Джо. — Да что вы, мистер Дик. Взгляните-ка, ведь совсем еще не видно людей.

— Но при той быстроте, с которой несется наша «Виктория», мы скоро их увидим, — заметил Фергюссон.

— А скажите, мистер Самуэль, мы все еще летим над страной негров?

— Да, Джо, и будем лететь над ней, пока не доберемся до арабов.

— До арабов, сэр? Настоящих арабов с верблюдами?

— Нет, без верблюдов: эти животные здесь редки, вернее сказать, — почти неизвестны. Встретить их можно, только поднявшись на несколько градусов к северу.

— Жаль!

— А почему, Джо?

— Да потому, что при противном ветре можно было бы ими пользоваться.

— Каким же образом?

— Мне, сэр, сейчас пришла в голову вот какая мысль: что, если впрячь в нашу «Викторию» этих самых верблюдов и заставить их тащить нас? Что вы на это скажете?

— Бедный мой Джо, знаешь, твоя идея не нова. Ее уже использовал один остроумный французский писатель, Мери, — правда, в романе. Герои этого романа впрягают в свой шар верблюдов, которые и тащат его. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется лев. Он пожирает верблюдов, проглатывает канат и, попав таким образом в плен, принужден сам тащить шар. Сам видишь, насколько все это фантастично и как мало тут общего с нашим способом передвижения.

Джо несколько сконфузился, узнав, что его блестящая идея была уже предвосхищена; он стал ломать себе голову над тем, какой же дикий зверь мог бы в свою очередь сожрать льва. Ни до чего не додумавшись, он снова принялся разглядывать проносившуюся под ними местность. Он увидел средней величины озеро. Его обступали холмы, которые еще нельзя было назвать горами. Между этими холмами извивалось много плодородных долин с непроходимой чащей разнообразнейших деревьев; над ними господствовал элаис, листья которого в длину достигают пятнадцати футов, а ствол усеян острыми шипами; бомбакс отдавал пролетавшему мимо ветру тонкий пух своих семян, сильный аромат пандануса, этой арабской «кенды», наполнял благоуханием воздух и доходил даже до той зоны, где проходила «Виктория»; дынное дерево с дланевидными листьями, суданский орешник, баобаб, банановое дерево дополняли эту роскошную флору тропических стран.

— Что за чудесный край, — воскликнул доктор.

— А вот уже появились животные, — объявил Джо, — значит, здесь недалеко и люди.

— Ах, какие великолепные слоны! — закричал Кеннеди. — Нельзя ли мне поохотиться немного?

— Ну, скажи на милость, Дик, как же при таком сильнейшем воздушном течении нам можно остановиться? Нет, дорогой мой, тебе придется испытать муки Тантала. Потом наверстаешь упущенное.

И в самом деле, было от чего разыграться воображению охотника! У Дика сердце колотилось в груди и пальцы невольно сжимали ствол карабина.

Фауна этого края не уступала его флоре. Дикие быки утопали в густой, высокой траве, откуда их едва было видно. Слоны огромного роста, серые, черные, желтые, ураганом проносились по лесу, все ломая, уничтожая и опустошая на своем пути. По лесистым склонам холмов шумели водопады, стремили свои воды потоки. В них шумно купались гиппопотамы, а по берегам валялись, выставляя свое круглое вымя, полное молока, рыбовидные ламантины до двадцати футов длиной. Это был редкостный зверинец в грандиозной

оранжерее, где бесчисленное множество разнообразных птиц, порхая среди тропической растительности, переливалось тысячами цветов.

По этому сказочному богатству природы доктор догадался, что они несутся над царством Адамауа.

— Мы идем по следам современных открытий, — сказал он. — Я продолжаю путь, прерванный другими путешественниками; счастливая судьба привела нас сюда. Друзья мои, мы сможем связать труды капитанов Бёртона и Спика с исследованиями доктора Барта; мы покинули англичан, чтобы встретиться с гамбуржцем, и скоро мы достигнем границы, до которой дошел этот отважный ученый.

— Мне кажется, — сказал Кеннеди, — что между землями, которые описаны этими двумя учеными, лежит обширное пространство, судя по пути, нами проделанному.

— Его величину нетрудно вычислить. Возьми карту и взгляни на долготу южной оконечности озера Укереве, достигнутой Спиком.

— Она находится, примерно, на тридцать седьмом градусе.

— А как расположен город Йола, над которым мы пролетим сегодня вечером? Это как раз та точка, до которой дошел Барт.

— Приблизительно на двенадцатом градусе.

— Значит, разница составляет двадцать пять градусов; в каждом шестьдесят миль, то есть всего тысяча пятьсот миль.

— Недурная прогулка, — вставил Джо, — для людей, которые идут пешком.

— Однако она будет сделана. Ливингстон и Моффат идут вглубь континента; озеро Ньяса, которое они открыли, лежит не очень далеко от озера Танганьика, открытого Бёртоном; к концу столетия эти огромные пространства будут, конечно, исследованы. — Доктор прибавил, взглянув на компас: — Как жаль, что ветер уносит нас к западу; я хотел бы подняться к северу.

После двенадцатичасового перелета «Виктория» была у границы Судана. Первые туземцы, которых увидели путешественники, были арабы племени шуа,

кочующие здесь со своими стадами. Огромные вершины гор Атлантика возвышались на горизонте. На эти горы, предполагаемая вышина которых была около двух тысяч шестисот метров, не ступала еще нога европейца. По их западному склону устремляются в океан все реки этой части Африки. Горы Атлантика — это местные Лунные горы.

Наконец, перед глазами наших воздухоплавателей появилась настоящая большая река, и по огромным человеческим муравейникам, расположившимся вдоль ее берегов, доктор признал в ней один из крупных притоков Нигера — Бенуэ, тот самый, который туземцы называют «источником вод»

— Знаете, друзья мои, — сказал доктор, — эта река станет когда-нибудь естественным путем сообщения с внутренним Суданом. Однажды пароход «Плеяда» под командой одного из наших отважных капитанов уже поднялся по ней до города Йола. Вы видите, что мы уже находимся в разведанной стране.

Множество невольников работало в поле над посевами сорго, составляющим главную их пищу. Вытаращив глаза, они с удивлением смотрели на проносившуюся метеором «Викторию».

Вечером доктор решил сделать привал в сорока милях от города Йола. Вдали поднимались две остроконечные вершины горы Мендиф. Фергюссон приказал сбросить якоря, и шар зацепился за верхушку высокого дерева. Но порывистый ветер раскачивал «Викторию» так сильно, что порой она ложилась почти горизонтально, и положение пассажиров становилось очень опасным.

Фергюссон во всю ночь не сомкнул глаз. Не раз он был близок к тому, чтобы перерубить якорные канаты и уйти от бури. Наконец, она утихла, и раскачивание «Виктории» перестало быть опасным.

На следующий день дул менее сильный ветер, но, к сожалению, он уносил «Викторию» в сторону от Йола. Фергюссону очень хотелось видеть этот город, недавно перестроенный фулахами, но надо было мириться с тем, что приходилось подниматься к северу и даже несколько к северо-востоку.

Кеннеди предложил сделать остановку в этом крае, столь богатом дичью. Джо также высказался за то, что хорошо было бы запастись свежим мясом. Но дикие нравы и враждебное отношение туземцев, давших несколько выстрелов из ружей по «Виктории», принудили доктора продолжать путь. Как раз в это время они пролетали над краем, где царили резня и пожары, где султаны вели между собой бесконечные войны, ставя на карту свои государства.

Внизу проносились многочисленные густо населенные деревни с длинными хижинами. Вокруг них простирались богатые, обширные пастбища, пестреющие лиловыми цветами. Хижины, походившие на большие ульи, прятались за частоколами. Кеннеди несколько раз заметил, что суровые склоны холмов напоминают ему шотландский горный пейзаж.

Вопреки всем усилиям доктора «Викторию» несло прямо на северо-восток, к горе Мендиф, в то время еще скрывавшейся за тучами. Гора эта отделяет бассейн реки Нигера от бассейна озера Чад.

Вскоре показалась гора Бажеле, к склонам которой прилепились, словно дети к груди матери, целых восемнадцать селений, — великолепное зрелище для глаз, которое можно было охватить в целом. В лощинах зеленели поля риса и земляного ореха.

В три часа «Виктория» была у горы Мендиф. Миновать ее оказалось невозможным, надо было пролететь через нее. Фергюссон, доведя температуру газа до ста градусов, увеличил подъемную силу шара почти на тысячу шестьсот фунтов и благодаря этому поднялся выше восьми тысяч футов. Ни разу еще во время своего полета «Виктория» не достигала такой высоты, и температура здесь до того понизилась, что доктор и его товарищи принуждены были закутаться в одеяла. Фергюссон поспешил спуститься, ибо оболочка «Виктории» была так натянута, что каждую минуту могла лопнуть.

Как ни торопился доктор, аэронавты все-таки разглядели, что гора эта вулканического происхождения и что кратеры ее давным-давно потухших вулканов успели уже обратиться в глубочайшие пропасти.

Огромные массы птичьего помета образовали на склоне горы Мендиф подобие известковых скал, и их, пожалуй, хватило бы на удобрение полей всей Англии.

В пять часов дня «Виктория», защищенная от южного ветра горой, тихонько пронеслась у ее склонов и остановилась на большой лужайке, вдали от всякого жилья. Как только корзина шара коснулась земли и были предприняты все нужные меры для ее укрепления, Кеннеди, схватив свой карабин, умчался по отлогой долине. Вскоре он возвратился с полдюжиной диких уток и еще с какой-то птицей вроде кулика. Джо постарался как можно лучше их приготовить. Обед удался на славу, а ночь прошла в полном спокойствии.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Мосфея. — Шейх. — Денхем, Клаппертон, Оудней, Фогель. — Столица Логгум — Туль — Кернак. — Штиль. — Логгумский правитель и его двор. — Нападение. — Голуби-поджигатели.

На следующий день воздухоплаватели снова продолжали свой отважный полет. Они теперь верили в «Викторию», как моряк верит в свое судно. Она ведь с честью выдержала все испытания: и ураганы, и тропический зной, и подъемы среди страшных опасностей, и еще, пожалуй, более рискованные спуски. А управлял своим шаром Фергюссон, можно сказать, мастерски. Вот почему, не зная хорошенько, где будет конечный пункт их путешествия, доктор уже больше не боялся за его исход. Конечно, в этой стране дикарей и фанатиков необходимо было принимать особые меры предосторожности, и он не переставал убеждать своих друзей быть всегда начеку.

Ветер медленно нес их к северу, и около девяти часов утра показался большой город Мосфея, раскинувшийся на плоскогорье среди двух высоких гор. Он занимал неприступную позицию. К нему вела только одна узкая дорога, извивавшаяся среди лесов и болот.

Как раз в этот момент в город въезжал шейх. Его сопровождал конный эскорт в разноцветных одеждах. Впереди шли трубачи и скороходы, очищавшие дорогу от ветвей.

Доктор, желая поближе поглядеть на туземцев, начал снижаться. По мере того как шар, приближаясь, стал увеличиваться, арабы приходили все в больший ужас, и скоро все они удрали с быстротой, на которую только были способны их собственные ноги и ноги их коней. Один лишь шейх не двинулся с места. Он взял в руки свой длинный мушкет, зарядил его и с гордым видом стал ждать.

Доктор снизился приблизительно на высоту ста пятидесяти футов и громко на арабском языке приветствовал шейха. Услышав эти слова, несшиеся с небес, шейх сошел с коня и распростерся в дорожной пыли. Фергюссон, как ни старался, ничего не мог сделать: шейх не смел подняться.

— Оно и понятно, — сказал доктор, — если при первом появлении здесь европейцев в них видели какую-то породу сверхчеловеков, то уж нас они подавно не могли не принять за сверхъестественные существа. И когда шейх станет рассказывать о встрече с нами, его арабская фантазия разыграется и он, конечно, распишет это происшествие как только сможет. Представьте себе, какие удивительные легенды создадутся когда-нибудь о нас с вами!

— А жаль, — сказал охотник. — Было бы, пожалуй, лучше, если бы они видели в нас простых людей. Тогда они высоко оценили бы могущество европейской цивилизации.

— Согласен, Дик, но тут уж ничего не поделаешь. Как бы ты ни объяснял ученым этой страны механизм аэростата, они ничего не поняли бы и все равно заподозрели бы тут вмешательство сверхъестественных сил.

— Сэр, — спросил Джо, — вы говорили о первых европейцах, исследовавших эту страну. Кто они были, разрешите вас спросить?

— Мы, мой милый, находимся как раз на пути исследований майора Денхема; в Мосфейе он был принят султаном Мандара. Он покинул Борну и сопрово-

ждал шейха в экспедиции против феллатахов; он присутствовал при штурме города, который храбро защищался с помощью арабских стрел, снабженных пулями, и обратил в бегство войско шейха; все это послужило лишь предлогом для убийств, грабежей, набегов. Майора ограбили, раздели донага, и, если бы не лошадь, под брюхом которой он спрятался и на которой затем бешеным галопом умчался от победителей, он никогда бы не вернулся в Куку, столицу Борну.

— А кто же он, этот майор Денхем?

— Неустрашимый англичанин, руководивший с тысяча восемьсот двадцать второго до тысяча восемьсот двадцать четвертого года экспедицией в Борну. Его спутниками были капитан Клаппертон и доктор Оудней. Они покинули Триполи в марте, достигли Мурзука, столицы Феццана, по пути, который впоследствии проделал доктор Барт, возвращаясь в Европу, и шестнадцатого февраля тысяча восемьсот двадцать третьего года прибыли в Куку, расположенную возле озера Чад. Денхем изучал Борну, Мандара и восточные берега озера, а капитан Клаппертон и доктор Оудней пятнадцатого декабря тысяча восемьсот двадцать третьего года отделились от него и углубились в Судан до Сокото. Оудней умер от переутомления и изнурения в городе Мурмур.

— Значит, в этой части Африки, — спросил Кеннеди, — науке принесены большие жертвы?

— О, это роковая страна! Мы сейчас летим прямо к стране Багирми, через которую Фогель прошел в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, чтобы проникнуть в Вадаи, где он исчез. Этот совсем еще молодой человек, двадцати трех лет, был послан на помощь экспедиции доктора Барта; они встретились первого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года; Фогель занялся изучением страны. В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году он сообщал в своих последних письмах о намерении разведать страну Вадаи, куда не проник еще ни один европеец. Повидимому, он достиг столицы Вара, где его, по одним сведениям, взяли в плен, а по другим — убили за то, что он пытался взойти на священную гору, находившуюся в

окрестностях города. Но не всегда следует верить слухам о смерти исследователей-путешественников — это освобождает от необходимости искать их. Сколько раз, например, из официальных источников сообщалось о смерти доктора Барта, что вызывало у него законное раздражение. Вполне возможно, что вадайский султан держит Фогеля в плену в надежде на выкуп. Барон Нейманс отправился в Вадаи, но умер в Каире в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Мы теперь знаем, что Хейглин пустился по следам Фогеля вместе с экспедицией, посланной из Лейпцига. Таким образом, мы вскоре узнаем о судьбе, постигшей этого молодого и интересного исследователя [1].

Вскоре Мосфея скрылась за горизонтом. Перед глазами аэронавтов уже проносилась Мандара, этот на редкость плодородный край, со своими лесами из акаций, с лугами, усеянными красными цветами, с полями индиго и хлопчатника. Шумно мчала свои бурные воды река Шари; в восьмидесяти милях отсюда она впадала в озеро Чад.

Доктор проследил ее течение по карте Барта.

— Вы видите, — сказал он, — что работы этого ученого отличаются необычайной точностью; мы приближаемся к области Логгум и, может быть, к ее столице, городу Кернак. Здесь погиб бедный Туль, которому не было еще двадцати двух лет. Это молодой англичанин, лейтенант семидесятого полка, который всего лишь несколько недель как присоединился к майору Денхему в Африке и немного спустя погиб. О, эту огромную страну можно с полным правом назвать кладбищем европейцев.

Несколько лодок, длиной футов в пятьдесят, плыли вниз по течению реки Шари. «Виктория», парившая на высоте тысячи футов, почему-то мало привлекала внимание туземцев. Довольно сильный до этого ветер стал спадать.

---

[1] Уже после отъезда доктора были получены письма из Эль-Обейда, от Мунцингера, нового руководителя экспедиции; к сожалению, в этих письмах окончательно подтверждалось известие о смерти Фогеля.

— Неужели мы опять попадем в полный штиль? — проговорил доктор.

— Ну, теперь, сэр, во всяком случае нам нечего бояться ни недостатка воды, ни пустыни,— заметил Джо.

— Но зато здешнее население будет, пожалуй, еще пострашнее, — заметил доктор.

— Вот что-то похожее на город, — заявил Джо.

— Это Кернак, — отозвался Фергюссон. — Как ни слаб ветер, но он несет нас туда. При желании можно было бы снять с города точный план.

— А нельзя ли будет нам снизиться? — спросил Кеннеди.

— Ничего не может быть легче, Дик. Мы как раз над самым городом. Подожди, я сейчас прикручу горелку, и мы станем спускаться.

Через каких-нибудь полчаса «Виктория» неподвижно повисла в двухстах футах от земли.

— Вот мы и совсем близко от Кернака, — сказал доктор, — не дальше, чем был бы от Лондона человек, взобравшийся на купол собора святого Павла. Теперь мы можем хорошо осмотреть город.

— Но что это за стук несется со всех сторон, словно колотят деревянными молотками?

Джо стал внимательно всматриваться и убедился, что весь этот шум производят ткачи, работающие под открытым небом над полотнами, натянутыми на большие бревна.

Теперь Кернак, столицу Логгума, видно было как на ладони. Он представлял собой настоящий город, с правильной линией домов и довольно широкими улицами. Посреди большой площади виднелся рынок невольников, где толпилось много покупателей. Мандарские женщины с их крошечными ножками и ручками были в большом спросе и выгодно продавались.

Появление «Виктории» произвело здесь такое же впечатление, какое оно уже не раз производило и раньше: сначала раздались крики, все пришли в неописуемое удивление и ужас, затем были брошены все работы, и воцарилась полная тишина. Путешественники, неподвижно держась в воздухе, с величайшим интересом рассматривали многолюдный город. Потом

они спустились еще ниже и остановились всего в каких-нибудь двадцати метрах от земли.

Тут появился из своего дома шейх, правитель Логгума, с зеленым знаменем. Его сопровождали музыканты, трубившие во всю мочь в буйволовые рога. Вокруг повелителя стала собираться толпа. Фергюссон хотел было говорить с ним, но из этого ничего не вышло.

Жители Логгума с их высокими лбами, курчавыми волосами и почти орлиными носами производили впечатление людей гордых и смышленых. Но появление «Виктории» привело их в большое смятение. Во все стороны были разосланы верховые гонцы. Вскоре стало совершенно очевидно, что стягиваются войска, чтобы сразиться с необыкновенным врагом. Напрасно Джо махал платками всевозможных цветов — он ничего этим не достиг.

Между тем шейх, окруженный своим двором, показал знаком, что он желает говорить, и произнес речь, из которой Фергюссон не понял ни единого слова. Это была смесь языков арабского с багирми. Однако благодаря интернациональному языку жестов доктору вскоре стало ясно, что шейх настойчиво требует их немедленного удаления. Доктор и сам рад был бы убраться, но, к несчастью, из-за полного штиля это было невозможно. Неподвижность «Виктории», видимо, выводила из себя шейха, и его придворные начали орать, надеясь этим заставить чудовище исчезнуть.

Они были прекурьезны, эти придворные, каждый в пяти или шести пестрых рубахах и с огромными животами, часто накладными. Доктор очень удивил товарищей, сказав им, что эти многочисленные рубахи и животы были одним из способов угодить своему султану. Тучность означала здесь важность. Все эти толстяки кричали и жестикулировали, но особенно выделялся среди них один, должно быть, судя по его толщине, премьер-министр. Толпа присоединяла свой вой к крикам придворных; их жестам все подражали, как обезьяны, так что десять тысяч рук воспроизводили одно и то же движение.

Когда все эти меры сочтены были недостаточными, начали применять более грозные. Выстроили в боевом порядке солдат, вооруженных луками и стрелами; но тут «Виктория» начала округляться, спокойно поднялась и оказалась недосягаемой для их стрел. Шейх схватил мушкет и прицелился в шар. Но зорко следивший за ним Кеннеди опередил его и, выстрелив из своего карабина, раздробил мушкет в его руках.

Этот неожиданный выстрел вызвал страшный переполох. Все мгновенно разбежались по своим хижинам, и город точно вымер.

Наступила ночь. Ветер совсем спал. Надо было примириться с необходимостью оставаться на высоте трехсот футов от земли. Внизу была кромешная тьма, ни единого огонька. Тишина стояла мертвая. Доктор удвоил бдительность, ведь очень может быть, что в этой тишине таится западня.

И как оказался прав Фергюссон, будучи настороже' Около полуночи весь город словно запылал. В воздухе переплетались сотни огненных линий.

— Вот странная вещь! — проговорил доктор.

— Господи помилуй нас, этот огонь как будто поднимается и приближается к нам, — сказал Кеннеди.

И в самом деле. Среди страшных криков и мушкетных выстрелов вся эта масса огня поднималась к «Виктории». Джо приготовился сбрасывать балласт. Фергюссон очень скоро сообразил, в чем дело.

Тысячи голубей, к хвостам которых прикрепили горящее вещество, были пущены на «Викторию». Перепуганные птицы разлетелись, описывая в воздухе огненные зигзаги. Кеннеди стал палить из всех имеющихся ружей в огненную стаю, но что мог он поделать против бесчисленного множества врагов! Голуби уже кружились вокруг «Виктории», и шар, отражая огни, сам казался заключенным в огненную сетку.

Доктор, не задумываясь, сбросил кусок кварца, и шар моментально поднялся выше стаи огненных птиц. Еще часа два видно было, как они там и сям кружились в воздухе, но мало-помалу число их все уменьшалось, и, наконец, огоньки совсем исчезли.

— Теперь мы можем спокойно заснуть, — объявил доктор.

— А знаете, совсем недурно придумано для дикарей, — проговорил Джо.

— Они нередко пускают в ход таких голубей, которые поджигают в деревнях соломенные крыши, — заметил доктор, — но на этот раз наша «летающая деревня» поднялась выше пернатых поджигателей.

— Вижу, что воздушному шару не страшны никакие враги, — заявил Кеннеди.

— Нет, ошибаешься, — возразил доктор.

— Какие же?

— Да неосторожные малые в его же корзине. Так вот, друзья мои, будемте начеку всегда и везде.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Отлет среди ночи. — Беседа. — Охотничий инстинкт Кеннеди. — Меры предосторожности. — Течение реки Шари. — Озеро Чад. — Свойства его воды. — Гиппопотам. — Выстрел впустую.

Стоя на вахте, Джо около трех часов ночи заметил, что город под ним стал, наконец, удаляться, — «Виктория» тронулась в путь. Кеннеди и доктор проснулись.

Фергюссон взглянул на компас и с удовольствием убедился, что ветер несет их к северо-северо-западу.

— Нам везет, — проговорил он. — Все нам удается. Еще сегодня мы увидим озеро Чад.

— А большое оно? — поинтересовался Кеннеди.

— Довольно большое, дорогой Дик. В самых длинных и широких своих местах оно тянется миль на сто двадцать.

— Полет над водным пространством внесет некоторое разнообразие.

— На однообразие мы вообще жаловаться не можем, да к тому же все протекает при наилучших условиях.

— Что верно, то верно, Самуэль. Ведь, не считая отсутствия воды в пустыне, мы как будто не подвергались другим серьезным опасностям.

— Во всяком случае, «Виктория» все время вела себя, как нельзя лучше. Сегодня у нас двенадцатое мая, а вылетели мы восемнадцатого апреля. Итого, в пути мы двадцать пять дней. Еще деньков десять — и мы закончим наш полет.

— Где же именно?

— Вот этого я сказать тебе не могу. Да и не все ли это равно?

— Ты прав. Доверимся провидению, пусть оно направляет нас и хранит, как хранило до сих пор. Разве сейчас мы похожи на людей, пронесшихся через самую губительную страну на свете?

— Видишь, мы были в силах лететь, и мы полетели!

— Да здравствуют воздушные путешествия! — крикнул Джо. — После двадцати пяти дней полета мы вполне здоровы, сыты и хорошо, даже, быть может, чрезмерно хорошо, отдохнули. Мои ноги, например, попросту онемели, и я ничего не имел бы против того, чтобы размять их, пройдя миль тридцать.

— Это удовольствие ты уж доставишь себе в Лондоне, — сказал доктор. — Мы выехали втроем, как Денхем, Клаппертон и Овервег, как Барт, Ричардсон и Фогель, и оказались более счастливыми, чем наши предшественники; мы все еще вместе — все трое. И нам очень важно не разделяться. Если бы один из нас вдруг очутился где-нибудь вдали от «Виктории» в минуту внезапной опасности, когда ей было бы необходимо подняться, — кто знает, быть может, мы никогда больше и не встретились бы. Вот почему, откровенно говоря, я не особенно люблю, когда Кеннеди отправляется на охоту.

— Но все-таки, дорогой Самуэль, ты разрешишь мне еще заняться моим любимым делом? Недурно ведь было бы пополнить наши запасы. Кроме того, вспомни: когда ты звал меня с собой, ты ведь соблазнял меня чудесной охотой. А я что-то мало отличился на этом поприще, не в пример Андерсону и Кёммингу.

— Дорогой Дик, или память тебе изменяет, или ты из скромности просто умалчиваешь о своих подвигах, но мне кажется, что, не говоря уже о мелкой дичи, у тебя на совести жизнь антилопы, слона и пары львов.

— Что все это значит, друг мой, для охотника, у которого под дулом ружья проносятся, кажется, все существующие на свете животные!.. Погляди-ка, погляди! Вон там целое стадо жирафов!

— Так это жирафы? — воскликнул Джо. — Но они не больше моего кулака.

— Это потому, что мы на высоте тысячи футов, а вблизи ты убедился бы, что они раза в три повыше тебя.

— А что ты скажешь, Самуэль, об этом стаде газелей, — продолжал Кеннеди, — или о тех страусах?.. Они мчатся как ветер.

— По-вашему, эти птицы — страусы? — опять удивился Джо. — Но это куры, настоящие куры.

— Послушай, Самуэль, нельзя ли было бы как-нибудь к ним приблизиться?

— Приблизиться, конечно, можно, Дик, но спуститься-то на землю нам нельзя. А тогда, скажи на милость, какой толк убивать зверей, которыми невозможно воспользоваться? Еще будь это лев, тигр, гиена, я, пожалуй, понял бы тебя — все-таки одним свирепым зверем на свете стало бы меньше, — но таких мирных животных, как газель или антилопа, право, не стоит убивать исключительно для удовлетворения охотничьих инстинктов. Вообще же, друг мой, мы теперь будем держаться на высоте футов ста от земли, и если тебе попадется на глаза какой-нибудь хищный зверь, — что ж? Всади ему пулю в сердце, ты лишь доставишь нам удовольствие.

«Виктория» мало-помалу снизилась, но все еще держалась на порядочном расстоянии от земли. Ведь в этом диком густо населенном крае всегда можно было ждать непредвиденных опасностей.

Путешественники летели теперь над рекой Шари. Очаровательные берега ее прятались в густых зарослях деревьев всевозможных оттенков. Лианы и другие вьющиеся растения сплетались, образуя яркую гамму красок. Крокодилы лежали на солнце или ныряли в воду

с легкостью ящериц. Играя, они выбрасывались на многочисленные, разбросанные по реке, зеленые островки. Так шар пронесся над цветущей областью Маффатаи.

Около девяти часов утра доктор Фергюссон и его друзья достигли, наконец, южного берега озера Чад. Так вот оно, это Каспийское море Африки, самое существование которого так долго считалось басней, до чьих берегов добрались только экспедиции Денхема и Барта!

Доктор попробовал набросать теперешние контуры озера, уже сильно отличавшиеся от занесенных на карту в 1847 году. Постоянную карту этого озера получить невозможно. Дело в том, что берега озера покрыты почти непроходимыми болотами — в них едва не погиб Барт, — и болота эти, заросшие тростником и папирусом в пятнадцать футов вышиной, время от времени затопляются водами озера. Даже местные города, расположенные на берегу, часто затопляются, как случилось в 1856 году с городом Нгорну; гиппопотамы и аллигаторы ныряют теперь в тех самых местах, где недавно еще возвышались дома жителей Борну.

Ослепительные лучи солнца лились на неподвижные воды озера, смыкавшиеся на севере с горизонтом.

Доктор пожелал попробовать воду — она долгое время считалась соленой. Снизиться над озером можно было без всякой опаски, и «Виктория», как птица, пронеслась всего в пяти футах от его поверхности. Джо на веревке спустил в воду бутылку и вытащил ее наполовину наполненной. Вода оказалась щелочной и поэтому мало пригодной для питья.

В то время как доктор заносил в записную книжку заметки о взятой в озере воде, рядом с ним раздался выстрел. Это Кеннеди, не удержавшись, выпалил в чудовищного гиппопотама, показавшегося из воды. Но, как видно, пуля не задела его, а лишь заставила убраться.

— Лучше было бы его загарпунить, — заметил Джо.

— Чем это?

— Да нашим якорем — это был бы подходящий крючок для такого чудовища.

— И правда, Джо осенила блестящая мысль... — начал Дик.

— Которую я вас очень прошу не приводить в исполнение, — перебил его Фергюссон. — Это чудовище не замедлило бы утащить нас туда, куда мы совсем не стремимся попасть.

— Особенно теперь, когда нам известны свойства воды из озера Чад, — вставил Джо. — А кстати, мистер Фергюссон, что, это самое чудовище можно употреблять в пищу?

— Это, Джо, ведь млекопитающее из породы толстокожих. Говорят, его мясо превосходно и служит даже предметом оживленной торговли у прибрежных жителей, — ответил доктор.

— О, тогда я жалею, что мистер Дик промахнулся! — воскликнул Джо.

— Дело в том, что пуля Дика вообще не могла его поразить, — это животное можно ранить лишь в брюхо или между ребер. Вот если местность на севере озера покажется мне подходящей, мы сделаем там привал. Тогда Кеннеди очутится в настоящем зверинце и наверстает все, что он упустил.

— Ну и прекрасно, — воскликнул Джо. — Пусть мистер Дик непременно поохотится на гиппопотамов. Мне так хотелось бы отведать мяса этого земноводного! А то как-то даже чудно: забраться в самый центр Африки и питаться куропатками да вальдшнепами, точно мы в Англии.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Столица Борну. — Острова племени биддиома. — Кондоры. — Беспокойство доктора. — Принятые им меры предосторожности. — Нападение в воздухе. — Оболочка шара прорвана. — Падение. — Великая самоотверженность Джо. — Северный берег озера Чад.

Над озером Чад «Виктория» попала в воздушное течение, которое понесло ее к западу. Облака умеряли зной, и от водной поверхности также веяло легкой

прохладой. Но около часа дня «Виктория», пролетев по диагонали через озеро, снова понеслась над сушей и прошла семь-восемь миль.

Доктор сначала был не особенно доволен, но когда показалась знаменитая столица царства Борну — Кука, он перестал сожалеть о том, что ветер занес их сюда. В течение нескольких минут Фергюссон мог рассматривать этот город, опоясанный стенами из белой глины. Среди множества арабских домов-кубиков тяжело поднимались довольно топорные мечети. Во дворах домов и на площадях росли пальмы и каучуковые деревья, увенчанные огромными, больше ста футов в диаметре, куполами зелени. Джо заметил, что эти гигантские зонтики соответствуют силе солнечных лучей, и из этого сделал весьма лестные для провидения выводы.

Столица состояла в сущности из двух отдельных городов, между которыми тянулся широчайший, в триста туазов, бульвар, в эту минуту запруженный пешеходами и всадниками. По одну сторону этого бульвара раскинулся со своими высокими светлыми домами город богачей, по другую — жались низенькие с коническими крышами хижины, в которых влачили жалкое существование бедняки; в Куке нет ни торговли, ни промышленности, которые давали бы заработок населению. Кеннеди нашел, что Кука несколько напоминает Эдинбург этим делением на два резко отличающихся друг от друга города — с тою разницей, что она расположена в долине.

Но путешественники едва успели рассмотреть открывшуюся перед ними панораму. Воздушные течения здесь отличаются большим непостоянством, и противный ветер вдруг подхватил «Викторию» и снова понес ее к озеру Чад.

Они пролетели миль сорок, и перед глазами Фергюссона и его товарищей развернулась новая картина: эта часть озера была усеяна множеством островов, населенных людьми племени биддиома — кровожадными и страшными пиратами, которых соседние племена боялись не менее, чем боятся в Сахаре туарегов.

Эти дикари только было приготовились бесстрашно

встретить «Викторию» стрелами и камнями, как она уже пронеслась над ними, словно гигантский жук.

В это время Джо, пристально всматривавшийся в горизонт, сказал Кеннеди:

— Ей-ей, мистер Дик, вон там есть что-то для вас интересное: ведь вы, кажется, никогда не перестаете мечтать об охоте?

— А что там такое?

— И, знаете, на этот раз доктор вам ни слова не скажет.

— В чем же дело, Джо?

— Вон видите там целую стаю большущих птиц? Они движутся к нам.

— Птицы? — вскрикнул Фергюссон, хватая подзорную трубу.

— Да, я их вижу, — отозвался Кеннеди, — их по крайней мере дюжина.

— Четырнадцать, если хотите знать, мистер Дик, — поправил Джо.

— Дай бог, чтобы птицы эти оказались какой-нибудь зловредной породой. Добросердный Самуэль не стал бы противиться моим выстрелам, — проговорил охотник.

— Одно лишь скажу, — заметил Фергюссон, — очень бы я хотел, чтобы эти самые птицы были как можно дальше от нас.

— Неужели вы боитесь этих пернатых, сэр? — с удивлением спросил Джо.

— Ведь это кондоры, да еще крупнейшие, и если только они вздумают напасть на нас...

— Ну, что же, Самуэль, будем защищаться! — перебил его Дик. — У нас для этого имеется целый арсенал. Не думаю, чтобы эти птицы были так уж страшны.

— Как знать! — отозвался доктор.

Через десять минут стая приблизилась на ружейный выстрел. Четырнадцать кондоров оглашали воздух хриплыми криками. Казалось, «Виктория» скорее приводила их в ярость, чем внушала страх.

— Что за крик! Что за шум! — проговорил Джо. — Должно быть, им не по вкусу, что мы забрались в их владения и смеем летать, как они.

— По правде сказать, вид их действительно грозен, и будь они вооружены карабинами вроде моего, я, пожалуй, счел бы их опасными врагами, — заявил Кеннеди.

— Увы! В карабинах они не нуждаются, — отозвался Фергюссон, становившийся все более озабоченным.

Между тем кондоры описывали огромные, все суживавшиеся круги и носились со сказочной быстротой вокруг «Виктории». Порой они стремительно бросались вниз, словно пули, рассекая воздух, и вдруг неожиданно и резко меняли направление полета.

Чтобы избегнуть этого опасного соседства, доктор решил подняться повыше. Он увеличил пламя горелки; газ начал расширяться, и «Виктория» пошла вверх. Но не тут-то было: видимо, кондоры и не собирались выпустить свою добычу — они стали подниматься вместе с шаром.

— Очень они разъярены, — заметил охотник, заряжая свой карабин.

И в самом деле, хищники все приближались; некоторые были уж в каких-нибудь пятидесяти футах. Оружие Кеннеди нисколько не устрашало их.

— Ужасно мне хочется выстрелить в них! — воскликнул охотник.

— Нет, Дик, нет, — остановил его Фергюссон, — совсем не нужно раздражать их без надобности. Это, пожалуй, было бы для них сигналом к нападению.

— Но ведь я легко справлюсь с ними.

— Ошибаешься, Дик.

— Да у нас же, Самуэль, найдется пуля для каждого из них, — убеждал друга Кеннеди.

— А если они набросятся на верхнюю часть шара, как ты их достанешь? — возразил доктор. — Представь себе, что мы среди стаи львов в пустыне или среди стада акул в открытом океане. Так вот, понимаешь, для воздухоплавателей данное положение не менее опасно.

— И ты говоришь это серьезно, Самуэль?

— Совершенно серьезно, Дик.

— Тогда обождем.

— Жди и будь готов на случай нападения, но, смотри, не стреляй без моего приказа.

Кондоры были уже совсем близко. Ясно виднелись их голые шеи, вздувшиеся от крика, яростно поднятые хрящеватые гребни с фиолетовыми отростками. Это были крупнейшие кондоры — свыше трех футов длиной. Белые крылья их сверкали на солнце. Ни дать ни взять белые крылатые акулы.

— Эти хищники гонятся за нами, — сказал Фергюссон, видя, как кондоры несутся вслед за «Викторией», — и сколько бы мы ни поднимались, они не отстанут от нас, а могут, пожалуй, и опередить.

— Что же нам делать? — спросил Кеннеди.

Доктор ничего не ответил.

— Послушай, Самуэль, — заговорил охотник, — этих птиц четырнадцать, а в нашем распоряжении, считая все оружие, семнадцать выстрелов. Да неужели нет возможности если не убить их всех, то хотя бы разогнать? Изрядную долю их я беру на себя.

— Я, Дик, не сомневаюсь в твоем искусстве, — ответил доктор, — и заранее считаю убитыми тех, кто попадет к тебе на прицел, но, повторяю, если эти хищники набросятся на верхнюю часть «Виктории», ты даже не сможешь увидеть их там. Они прорвут оболочку нашего шара, а мы, не забывай, на высоте трех тысяч футов над землей.

В этот миг один из самых свирепых кондоров, раскрыв клюв и выпустив когти, бросился на «Викторию», готовый вцепиться в нее, готовый разорвать ее в клочья.

— Стреляй! Стреляй! — крикнул доктор.

Не успели прозвучать эти слова, как сраженный насмерть кондор, кружась, полетел вниз. Теперь Кеннеди схватил двустволку. Джо вскинул на плечо другую. Испуганные выстрелами, кондоры было разлетелись, но почти сейчас же снова со страшным бешенством ринулись в атаку. Тут Кеннеди первой же пулей почти оторвал голову ближайшей птице, а Джо раздробил крыло другой.

— Осталось всего одиннадцать! — прокричал Джо.

Но в этот миг кондоры изменили свою тактику и всей стаей поднялись над «Викторией». Кеннеди посмотрел на Фергюссона. Как ни был стоек и невозмутим доктор, он побледнел. Наступила жуткая тишина.

Вдруг послышался треск рвущейся шелковой материи; путешественникам показалось, что корзина уходит из-под их ног.

— Мы погибли, — крикнул Фергюссон, взглянув на быстро поднимавшийся барометр. — Долой балласт! Долой!

В каких-нибудь несколько секунд весь кварц был выброшен за борт.

— Мы все падаем! — крикнул Фергюссон. — Выливайте воду из ящиков! Слышишь, Джо! Мы летим в озеро!

Вода была вылита мгновенно. Доктор наклонился над бортом корзины. Казалось, озеро неслось на них, как морской прилив. Предметы внизу росли со страшной быстротой. Корзина была меньше чем в двухстах футах от поверхности озера Чад...

— Долой провизию! Провизию долой! — крикнул снова доктор.

И ящик со съестными припасами полетел в озеро.

Падение несколько замедлилось, но шар все же продолжал падать вниз.

— Выбрасывайте! Выбрасывайте еще! — крикнул доктор.

— Бросать больше нечего, — отозвался Кеннеди.

— Нет есть, — лаконически ответил Джо и, быстро перекрестившись, исчез за бортом.

— Джо! Джо! — в ужасе закричал доктор.

Но Джо уже не мог его слышать...

Облегченная корзина стала подниматься и на высоте тысячи футов была подхвачена ветром, который, свистя в прорванной оболочке, понес ее к северным берегам озера

— Погиб! — с жестом отчаяния сказал Кеннеди.

— Погиб, чтобы нас спасти! — докончил Фергюссон.

И по щекам этих двух отважных людей скатились тяжелые слезы.

Оба они перегнулись за борт, ища хоть следа несчастного Джо, но их уже отнесло далеко.

— Что же нам теперь предпринять? — спросил Кеннеди.

— Как только будет возможно, Дик, надо спуститься на землю, а затем ждать.

Пролетев шестьдесят миль, «Виктория» опустилась на пустынном берегу северной части озера. Якоря зацепились за дерево, и охотник прочно укрепил их.

Настала ночь, но ни Фергюссон, ни Кеннеди не могли ни на минуту сомкнуть глаз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Догадки и предположения. — Восстановление равновесия «Виктории».— Новые вычисления Фергюссона.— Охота Кеннеди — Подробное исследование озера Чад. — Тангалия. — Возвращение. — Лари.

На следующий день, 13 мая, путешественники первым делом обследовали берег, где они находились. Это был как бы островок твердой суши среди огромных болот. Кругом, насколько мог охватить глаз, поднимались тростники, не уступавшие по вышине европейским лесам.

Непроходимые топи создавали для «Виктории» безопасное положение. Надо было лишь не спускать глаз с озера. А оно тянулось на восток необозримым водным пространством, на котором не было видно даже островов.

Оба друга до сих пор все еще не решались заговорить о своем злосчастном товарище. Кеннеди первый высказал свои предположения.

— Быть может, Джо и не погиб, — начал он. — Малый он ловкий и пловец такой, каких мало. Ему ничего не стоило переплыть залив Фёрт оф Форт в Эдинбурге. Мы, конечно, встретимся с ним, только где и когда? Но мы с тобой ни перед чем не должны останавливаться, чтобы облегчить ему возвращение.

— Да услышит тебя бог, дорогой Дик, мы сделаем все, чтобы найти нашего друга, — горячо ответил доктор. — Но прежде всего давай освободим нашу «Викторию» от ее внешней оболочки; служить нам она уже

не может, а мы избавимся от тяжести в шестьсот пятьдесят фунтов. Из-за этого стоит потрудиться.

Доктор и Кеннеди сейчас же принялись за работу, которая оказалась очень трудной. Пришлось кусок за куском отдирать чрезвычайно прочную шелковую ткань оболочки и, разрезая ее на узкие полосы, вытаскивать сквозь сетку. Выяснилось, что разрыв, сделанный клювами кондоров, был длиною в несколько футов.

Работа заняла по крайней мере часа четыре. Наконец, удалось совершенно освободить внутреннюю оболочку, и она, к счастью, оказалась в полной исправности. «Виктория» уменьшилась на одну пятую своего объема.

Эта разница в объеме показалась Кеннеди настолько значительной, что встревожила его.

— Возможен ли теперь полет? — спросил он своего друга.

— На этот счет не беспокойся, Дик. Я восстановлю равновесие, и вернись наш бедняга Джо — мы и с ним будем в состоянии продолжать наш полет.

— Знаешь, Самуэль, если память не изменяет мне, то во время падения мы были недалеко от какого-то острова.

— Да, и мне так помнится, но тот остров, как и все здешние острова, конечно, населен дикарями. Туземцы, надо думать, были свидетелями нашей катастрофы, и если Джо попал в их руки, он погиб, если только его не спасет суеверие дикарей.

— Повторяю, Самуэль, наш Джо выпутается из любых затруднений. Я глубоко верю в его ловкость и смышленость

— И я хочу надеяться на это. А теперь, Дик, отправляйся-ка на охоту, только не увлекайся и не заходи слишком далеко. Нам необходимо возобновить запасы съестного, ведь большей их частью пришлось пожертвовать.

— Ладно, Самуэль. Я скоро вернусь.

Кеннеди взял двустволку и по высокой траве направился в ближайший лесок. Вскоре частые выстрелы дали знать Фергюссону, что охота обещает быть удачной.

Между тем доктор занялся осмотром уцелевшего багажа и уравновешиванием «Виктории» с ее новой оболочкой. Он выяснил, что еще имелось фунтов тридцать пеммикана, небольшое количество чаю и кофе, около полутора галлонов водки и совершенно пустой ящик для воды. Но сушеного мяса совсем не осталось.

Доктор знал, что подъемная сила «Виктории» вследствие утечки водорода из внешней оболочки уменьшилась приблизительно фунтов на девятьсот. Теперь для установления равновесия шара ему это, конечно, нужно было учесть. Полный объем оболочки новой «Виктории» равнялся шестидесяти семи тысячам кубических футов, а газа она заключала в себе тридцать три тысячи четыреста восемьдесят кубических футов. Аппарат для расширения газа, видимо, был в совершенной исправности; не пострадали ни электрическая батарея, ни змеевик.

Подъемная сила новой «Виктории» равнялась приблизительно трем тысячам фунтов. Подсчитав вес аппарата, людей, корзины со всеми ее принадлежностями, пятидесяти галлонов воды и ста фунтов свежего мяса, доктор получил в общей сложности две тысячи восемьсот тридцать фунтов. Следовательно, он мог захватить с собой на какой-нибудь непредвиденный случай еще сто семьдесят фунтов балласта, обеспечив тем самым равновесие шара. Снаряжая «Викторию» в соответствии с этими вычислениями, доктор заменил Джо лишним балластом.

Целый день ушел на все эти приготовления, которые закончились только по возвращении Кеннеди. Охота была очень удачна: Дик притащил целую груду диких гусей, уток, вальдшнепов, чирков и ржанок Не теряя времени охотник принялся за работу; очистив дичь, он занялся ее копчением. Каждую птицу он надевал на палочку и вешал в дыму над костром из зеленых веток. Когда, по мнению опытного в этом деле Кеннеди, дичь достаточно прокоптилась, она была уложена в корзину. Этот запас надо было на следующий день еще пополнить.

Вечер застал путешественников за работой. Ужин их состоял из пеммикана, сухарей и чая. Напряженный труд принес им и аппетит и сон. Фергюссону и Кеннеди, когда они поочередно несли вахту, порой мерещилось, будто откуда-то доносится голос Джо, но, увы, этот голос, который они так жаждали услышать, был далеко.

На заре доктор разбудил Кеннеди.

— Я долго думал над тем, что нам предпринять для розысков нашего друга, — начал Фергюссон.

— Что бы ты ни придумал, Самуэль, я заранее согласен с твоим планом.

— Прежде всего нам очень важно дать ему знать о себе.

— Конечно! А то вдруг славный малый вообразит, что мы бросили его.

— Он-то? Нет! Слишком хорошо он нас знает, и никогда это ему даже в голову не придет. Но необходимо уведомить его о том, где именно мы находимся.

— А как это сделать?

— Сесть в корзину и снова подняться в воздух.

— Ну, а если ветер унесет нас в сторону?

— К счастью, этого не случится. Ты увидишь, Дик, ветер понесет нас над озером; вчера это было некстати, а нынче нам только этого и надо. Мы постараемся весь день держаться над озером, и Джо, который, конечно, все время будет искать нас глазами, не может не увидеть нашей «Виктории». Быть может, он даже умудрится дать нам знать о своем местонахождении.

— Если только он один и свободен, то, конечно, умудрится.

— Даже в том случае, если он в плену, то и тогда он увидит нас, он поймет, что мы ищем его, — сказал доктор, — ведь не в обычае дикарей запирать своих пленников.

— Ну, а если мы не получим никаких сигналов и не нападем на его след, — ведь все надо предвидеть, — что в таком случае делать?

— Тогда мы попытаемся возвратиться к северной части озера, стараясь по возможности быть на виду, затем остановимся, исследуем берега, куда рано или поздно Джо должен добраться, и, уж конечно, мы не

покинем этих мест, пока не сделаем все возможное для его отыскания.

— Ну, стало быть, надо отправляться, — согласился охотник.

Доктор снял точный план того участка суши, который они собирались покинуть, и, справившись по карте, решил, что они находятся на северном берегу озера Чад, между городом Лари и селением Инжемини; в этих местах побывал исследователь майор Денхем. Пока Фергюссон был занят своей работой, Кеннеди успел еще поохотиться и пополнить запас свежего мяса. Несмотря на то, что в соседних болотах видны были следы носорогов, ламантинов и гиппопотамов, Дику не пришлось встретить ни одного из этих огромных животных.

В семь часов утра якорь был отцеплен от дерева ценой неимоверных усилий, — а ведь бедняга Джо делал это с такой легкостью! Газ расширился, и новая «Виктория» поднялась на двести футов в воздух. Сначала она закружилась на месте, но вскоре, захваченная довольно сильным ветром, понеслась над озером со скоростью двадцати миль в час.

Доктор все время старался держаться не ниже двухсот футов и не выше пятисот. Кеннеди то и дело палил из своего карабина. Проносясь над островами, путники, даже с некоторым риском, снижались, чтобы хорошенько рассмотреть перелески, деревья, кусты — словом, все места, где тень или скала могли дать приют их товарищу. Порой они низко спускались к длинным пирогам, бороздившим воды озера. Рыбаки с нескрываемым ужасом кидались в воду и с лихорадочной поспешностью плыли к своему острову.

— Нет, нигде не видно его, — грустно сказал Кеннеди после двух часов поисков.

— Подождем, Дик, и не будем падать духом. Мы, по-моему, теперь должны быть недалеко от места катастрофы.

К одиннадцати часам «Виктория» пролетела девяносто миль. Здесь она встретила новое воздушное течение, и оно почти под прямым углом отнесло ее миль на шестьдесят к востоку. Аэронавты парили над очень

большим и густо населенным островом, в котором доктор признал остров Феррам, где находится столица племени биддиома. Фергюссону казалось, что вот-вот из-за куста выскочит Джо, что он бросится бежать, позовет их. Находись он на свободе, ничего не было бы легче, как подобрать его, но даже и из плена мы могли бы его освободить, повторив маневр с миссионером. Он снова оказался бы среди своих друзей! Но, увы, доктор и Кеннеди нигде не обнаружили ни малейших признаков его присутствия.

Было от чего прийти в отчаяние!

В половине третьего дня показалась Тангалия — селение, расположенное на восточном берегу озера Чад. Это и был тот крайний пункт, которого достиг в своих путешествиях Денхем.

Доктора начинало беспокоить постоянство ветра. Для него стало ясно, что их относит опять к востоку, к центру Африки, к необозримым пустыням.

— Нам непременно надо остановиться, — сказал он, — и даже спуститься на землю. Мы должны, и главным образом в интересах Джо, вернуться к озеру. Но раньше, чем снизиться, попробуем найти обратное воздушное течение.

В продолжение часа с лишним Фергюссон искал это течение на различных высотах. «Викторию» все продолжало относить на восток, но, наконец, к счастью, на высоте тысячи футов ее подхватил очень сильный ветер и понес к северо-западу.

«Не может быть, чтобы Джо оказался на одном из островов, — пронеслось в голове доктора, когда он снова увидел северный берег озера Чад. — Уж он наверняка нашел бы способ как-нибудь дать о себе знать. Возможно, что его высадили на берег».

Нельзя было также допустить, чтобы такой замечательный пловец мог утонуть. Вдруг ужасная мысль одновременно поразила обоих друзей: мысль о крокодилах, во множестве водящихся в этих краях. Сначала ни один из них не был в силах вслух высказать свое опасение. Наконец, доктор без всяких предисловий сказал:

— Крокодилы ведь встречаются только по берегам островов или озер, и у Джо, наверно, хватило бы лов-

кости ускользнуть от них. Да вообще здешние крокодилы не особенно опасны. Африканцы ведь безнаказанно купаются, не боясь нападения.

Кеннеди ничего не ответил. Он предпочитал молчать, чем обсуждать эту ужасную возможность.

Около пяти часов дня доктор объявил, что они проносятся над городом Лари. Жители в это время были заняты уборкой хлопка на огороженных, тщательно обработанных участках земли возле хижин из плетеного тростника. Этих хижин было с полсотни, они ютились в долине между невысокими горами. Доктору не очень-то нравилось, что ветер все усиливается, но, к счастью, он вдруг изменил направление и принес «Викторию» к тому самому месту, где аэронавты провели предшествующую ночь. Якорь на этот раз зацепился не за дерево, а за довольно плотную массу, образовавшуюся из тростника и густого болотного ила. Сначала было трудно удерживать на якоре шар, но с наступлением темноты ветер утих. Друзья, почти впавшие в отчаяние, провели вместе бессонную ночь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ураган. — Вынужденный полет. — Потеря одного якоря. — Печальные размышления. — Решение. — Смерч. — Занесенный песком караван. — Встречный и попутный ветры. — Возвращение на юг. — Кеннеди на посту.

Около трех часов утра поднялся такой сильный ветер, что «Виктории» стало небезопасно находиться так близко от земли. Высокие тростники хлестали по оболочке шара и могли разорвать ее.

— Надо пускаться в путь, Дик, — сказал доктор, — нам никак нельзя оставаться здесь в таком положении.

— А как же Джо?

— Уж конечно, я его не брошу, — ответил доктор,— и пусть ураган занесет нас хотя бы за сто миль на север, я все-таки вернусь. Здесь же в данное время, повторяю, всем нам грозит большая опасность.

— Значит, лететь без него? — воскликнул глубоко огорченный шотландец.

— Да неужели ты думаешь, Дик, что и мое сердце не обливается кровью? Разве я не подчиняюсь самой крайней необходимости?

— Я в твоем распоряжении, — проговорил охотник. — В путь!

Но пуститься в путь было не так-то легко. Крепко засевший якорь не поддавался, а «Викторию» так рвало вверх, что это еще усиливало трудность подъема. Кеннеди никак не удавалось освободить якорь. Положение становилось опасным, «Виктория» могла вырваться и улететь прежде, чем Дик успеет взобраться в корзину.

Не желая подвергаться такому риску, Фергюссон заставил шотландца поскорее влезть в корзину, а затем перерубил якорный канат. «Виктория» подпрыгнула в воздух на триста футов и понеслась прямо на север. Фергюссону ничего не оставалось, как отдать шар во власть бури. Он скрестил на груди руки и погрузился в печальные размышления. Помолчав несколько минут, доктор повернулся к своему столь же безмолвному другу.

— Быть может, Дик, и вправду нам не следовало искушать бога — предпринимать подобное путешествие. Как видно, оно выше сил человеческих, — проговорил он с тяжелым вздохом.

— А помнишь, Самуэль, всего каких-нибудь несколько дней назад мы радовались, что избежали стольких опасностей, и жали друг другу руки?

— Бедный наш Джо! Какой он чудесный малый! Честнейший, искренний! Как охотно он пожертвовал своим богатством, хотя был им ослеплен в первую минуту! И вот он где-то далеко... А ветер с невероятной быстротой уносит нас.

— Но послушай, Самуэль! Если даже допустить, что он попал к какому-нибудь племени, живущему у озера, то почему надо думать, что его постигнет другая участь, чем, скажем, Денхема и Барта, которые побывали в этих же местах. Оба они ведь вернулись на родину?

— Эх, мой бедный Дик! Да ведь наш Джо не знает

ни единого слова местных наречий. К тому же он один-одинешенек и без всяких средств. Исследователи, о которых ты упоминаешь, приближаясь к какому-нибудь населенному месту, обыкновенно посылали заранее подарки вождю, а затем появлялись перед ним и сами, вооруженные, с сильным конвоем. И при всем том, заметь, они не могли избежать самых ужасных напастей. Что же после этого может ждать нашего несчастного товарища? Страшно подумать! Мне кажется, что никогда в жизни не переживал я большего горя.

— Но, Самуэль, ведь мы вернемся же!

— Конечно, вернемся, даже в том случае, если бы пришлось для этого бросить «Викторию». Тогда мы пешком дойдем до озера Чад и установим связь с султаном Борну. Я уверен, что у арабов не может быть плохих воспоминаний о первых европейцах, которые побывали у них.

— Самуэль, я всюду готов идти за тобой! — с жаром воскликнул охотник. — Ты можешь вполне рассчитывать на меня. Лучше не вернуться домой, чем бросить Джо. Он пожертвовал собой для нас, а мы за него отдадим свою жизнь.

Такое решение несколько подбодрило их, влило в них новые силы. Фергюссон предпринял все возможное, чтобы попасть в воздушное течение, которое понесло бы их обратно к озеру Чад. Но, увы, это ни к чему не привело; да и немыслимо было стать на якорь при таком урагане на голом месте.

«Виктория» пронеслась над землями, населенными племенем тиббу, промчалась над Белад эль-Джерид — пустынной страной, заросшей колючим кустарником, служившей как бы преддверием Судана, — и, наконец, очутилась над пустыней; пески ее были изборождены следами проходящих здесь караванов. Последние признаки растительности слились на юге с горизонтом, а вскоре промелькнул внизу и главный оазис этой части Африки, где пятьдесят колодцев осенены великолепными деревьями. Но снизиться не удалось и здесь. Дальше показалась, внеся оживление в эту пустыню, стоянка арабов, с ее полосатыми шатрами и верблюдами, вытягивавшими на песке свои змееподобные

головы. Над всем этим «Виктория» промелькнула, как падающая звезда. В течение трех часов ее умчало на целых шестьдесят миль. И Фергюссон был совершенно бессилен замедлить этот стремительный полет.

— Мы никак не можем остановиться, — проговорил доктор. — А спуститься немыслимо. Кругом не видно ни единого деревца, ни единого холмика. Неужели нам снова придется пронестись над Сахарой? Да, небо против нас!

В тот момент, когда доктор говорил это с отчаянием и даже яростью, он вдруг увидел на севере, как вздымаются облаками пыли пески пустыни, кружимые противоположными воздушными течениями. Очевидно, там свирепствовал смерч. И в нем, разбросанный, опрокинутый, заносимый песками, погибал караван. Глухо и жалобно стонали валявшиеся на земле верблюды. Из удушливого тумана неслись крики и вопли людей. Кое-где среди хаоса пестрела яркая одежда. И над всей этой картиной разрушения ревел и завывал чудовищный вихрь...

Вскоре на глазах путешественников на совершенно гладкой до этого песчаной равнине вырос колеблющийся холм — огромная могила погибшего каравана. Доктор и Кеннеди, бледные, смотрели на страшное зрелище. Они ничего не могли поделать со своим шаром, который закружился между противоположными воздушными токами. Расширение газа не производило на шар ни малейшего действия. Захваченный вихрями, он вертелся с головокружительной быстротой. Корзину бросало во все стороны.

Инструменты, висевшие под тентом, с силой ударялись друг о друга, трубки змеевика сгибались, готовые каждую секунду лопнуть, а ящики от воды с грохотом перекатывались с места на место. Фергюссон и Кеннеди на расстоянии двух футов не слышали друг друга. Судорожно вцепившись в веревки снастей, они старались противостоять бешенству урагана.

Кеннеди, с растрепанными волосами, молча смотрел в одну точку. К доктору среди опасностей вернулось обычное его мужество, и на его лице нельзя было прочесть волнения даже тогда, когда «Виктория» вдруг

замерла на месте. Северный ветер взял верх и с не меньшей быстротой помчал «Викторию» обратно по ее утреннему пути.

— Куда мы идем? — спросил Кеннеди.

— Предадимся воле провидения, дорогой Дик. Я напрасно сомневался в нем. Оно лучше нас с тобой знает, что творит, и вот мы возвращаемся на те места, которых уже не надеялись увидеть.

Пустыня, плоская и ровная несколько часов назад, теперь походила на взволнованное после бури море Здесь и там возвышались холмы песка. Ветер не ослабевал, и «Виктория» все неслась в воздушном пространстве. Но неслась она в несколько другом направлении, чем утром, и поэтому в девять часов вечера вместо берегов озера Чад перед их глазами была все еще пустыня.

Кеннеди обратил на это внимание своего друга.

— Это не так важно, — ответил тот, — лишь бы нам вернуться на юг. Если на пути попадутся города Борну, Вудди или Кука, я без колебания остановлюсь в одном из них.

— Ну, раз ты доволен направлением ветра, то и я ничего не имею против. Только одного я жажду: чтобы нам не пришлось переправляться через пустыню, подобно тем несчастным арабам. То, что мы видели с тобой, Самуэль, просто ужасно.

— Это случается далеко не редко. Переходы через пустыню вообще гораздо опаснее, чем через океан. Пустыня заключает в себе все опасности моря вплоть до возможности в ней утонуть, прибавляя к ним еще невыносимую усталость и всяческие лишения.

— Мне кажется, что ветер стихает, — заметил Кеннеди, — песчаная пыль не так уж густа, волны песка менее высоки, горизонт светлеет.

— Тем лучше! А теперь надо вооружиться подзорной трубой и внимательно следить за тем, что может показаться на горизонте.

— Это уж я беру на себя, Самуэль, и как только покажется дерево, тотчас же скажу тебе.

И Кеннеди, с подзорной трубой в руках, занял наблюдательный пост в передней части корзины.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

История Джо. — Острова племени биддиома. — Поклонение. — Затонувший остров. — Берега озера. — «Дерево змей». — Путешествие пешком. — Страдания. — Москиты и муравьи. — Голод. — Появление «Виктории». — Ее исчезновение. — Отчаяние. — Болото. — Последний крик.

Но что же происходило с самим Джо во время этих тщетных поисков?

Бросившись в озеро и вынырнув на поверхность, он первым делом поднял глаза вверх. «Виктория» уже была высоко в воздухе; она продолжала подниматься, все уменьшаясь; вскоре, очевидно, попала в сильное воздушное течение и понеслась к северу. Друзья его были спасены.

«А какое счастье, что мне пришла в голову мысль броситься в озеро, — подумал Джо. — Конечно, то же самое без всяких колебаний сделал бы и мистер Кеннеди: ведь так просто, чтобы один человек пожертвовал собой для двух других. Простой арифметический расчет».

Успокоившись за судьбу своих друзей, Джо стал думать о собственном положении. Он находился посреди огромного озера, вокруг которого жили неизвестные и, быть может, свирепые племена. Приходилось выпутываться из всей этой истории, рассчитывая только на собственные силы. И все-таки он не очень-то был перепуган. Еще до нападения кондоров, которые, по его мнению, вели себя нормально, как полагается хищникам, Джо заметил на горизонте остров, и вот теперь, избавившись от наиболее стеснявшей его одежды, он решил добраться до него, пустив в ход все свое искусство пловца. Расстояние в пять-шесть миль его нисколько не смущало.

Проплыв часа полтора, Джо значительно приблизился к острову, но тут его стала тревожить мысль об аллигаторах; сначала она только промелькнула, но затем всецело завладела им. Ведь он знал, что они во-

дятся по берегам этого озера, и ему была хорошо известна прожорливость этих огромных животных. Как ни склонен был Джо все на свете находить естественным, но тут он все же не мог не почувствовать непреодолимого волнения. Он не на шутку боялся, что мясо белого человека, чего доброго, особенно придется по вкусу крокодилам, и поэтому приближался к берегу с чрезвычайной осторожностью. Саженях в ста от берега, на котором росли тенистые зеленые деревья, на него повеяло резким запахом мускуса.

«Ну, вот! Чего боялся, на то и наткнулся: крокодил, значит, здесь поблизости», — пронеслось в голове Джо.

Поспешно нырнув, он все же задел за какое-то огромное тело, царапнувшее его своей чешуйчатой кожей. Бедняга, считая себя безнадежно погибшим, стремительно рванулся вперед и поплыл из всех сил. Вынырнув, он перевел дух и снова исчез под водой. Так провел он четверть часа в несказанном страхе, который он при всем своем философском отношении к жизни не мог преодолеть. Ему все казалось, что он слышит за собой щелканье огромных челюстей, готовых схватить его. Как можно тише поплыл он под водой — и вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за руку, а затем поперек тела.

Бедный Джо! Последнее, что промелькнуло у него в голове, была мысль о докторе. Он стал отчаянно бороться и почувствовал, что его тащат не на дно, как обычно поступают со своей добычей крокодилы, а, наоборот, на поверхность воды.

Когда Джо перевел дух и открыл глаза, он увидел подле себя двух черных, как смола, негров. Эти африканцы, странно крича, крепко держали его.

«Вот оно что! — не мог удержаться, чтобы не воскликнуть, Джо. — Вместо крокодилов негры! Ей-ей, это все-таки будет получше. Но как эти молодцы решаются купаться в здешних местах!»

Джо не знал, что чернокожие обитатели берегов и островов озера Чад преспокойно купаются в водах, кишащих аллигаторами, совершенно не обращая на них внимания, ибо местные земноводные имеют заслу-

женную репутацию довольно безобидных животных. Но если Джо избежал одной опасности, то не грозила ли ему другая? Он решил, что это покажет будущее, и раз ему не оставалось ничего другого, предоставил тащить себя на берег, не проявляя при этом никакого страха.

«Они видели, конечно, — говорил он себе, — как наша «Виктория», словно какое-то воздушное чудовище, пронеслась над водами озера. На их глазах я упал, и они не могут не чувствовать почтения к человеку, свалившемуся с небес. Посмотрим, что они станут делать дальше».

Пока все эти мысли бродили в голове Джо, он со своими неграми достиг берега. Здесь он очутился среди завывавшей толпы обоего пола, разных возрастов, но одинакового цвета. Джо попал к племени биддиома, отличающемуся великолепной черной кожей. Ему не приходилось даже краснеть за легкость своего костюма, ибо он был «раздет» по последней местной моде. Раньше чем Джо успел отдать себе отчет в том, куда он попал, ему стало ясно, что он служит предметом поклонения. Это успокоило его, хотя ему вспомнилась история в Казехе.

«Я предчувствую, что снова сделаюсь богом, каким-нибудь сыном Луны, — думал Джо. — Ну, что же! Это ремесло не хуже всякого другого, особенно когда нет выбора. Главное — выиграть время. Если «Виктория» снова появится, то я, пользуясь своим новым положением, разыграю перед своими поклонниками сцену чудесного вознесения на небо».

Между тем толпа все более и более надвигалась на него, окружая тесным кольцом. Чернокожие падали перед ним ниц, вопили, дотрагивались до него руками. Хорошо еще, что им пришло в голову на славу попотчевать божество, поставив перед ним кислое молоко, толченый рис и мед. Добрый малый, легко мирившийся со всем, с величайшим аппетитом уничтожил предложенное ему угощение, показав своим поклонникам, как едят в торжественных случаях боги.

Когда наступил вечер, жрецы взяли его почтительно под руки и отвели в хижину, обвешанную кру-

гом талисманами. Входя туда, Джо не без тревоги бросил взгляд на кучу костей, наваленных вокруг этого святилища. Когда его заперли в священной хижине, он мог спокойно обдумать свое положение. Весь вечер и часть ночи до него доносились праздничные песни, бой барабанов, лязг железа — звуки, вероятно, очень приятные для ушей африканцев. Под аккомпанемент этой музыки вокруг священной хижины шли бесконечные танцы. Негры хором вопили, горланили, производили судорожные телодвижения, корчили ужаснейшие гримасы. Джо слышал этот оглушительный шум, проникавший через стены тростниковой хижины. Быть может, при других обстоятельствах Джо и понравились бы устроенные в честь его празднества, но тут его вскоре стали мучить довольно неприятные размышления. Как он ни старался смотреть на вещи с лучшей стороны, мысль, что он затерян в этой неведомой стране, среди дикарей, казалась ему нелепой и грустной. Немногие из путешественников, которые отважились проникнуть в эти места, благополучно вернулись на родину. Да и можно ли довериться чувствам толпы, поклоняющейся ему? Он уже имел случай убедиться, как непостоянны и непрочны блеск и величие. Он задавал себе вопрос, не дойдет ли в конце концов обожание до того, что его просто захотят съесть.

Несмотря на эту мало приятную перспективу, усталость после нескольких часов грустных размышлений все-таки взяла свое, и Джо довольно крепко заснул. Он проспал бы до утра, если бы вдруг его не разбудило ощущение откуда-то появившейся сырости. Вскоре в хижине появилась вода, быстро поднявшаяся ему до пояса.

— Что такое? — громко проговорил он. — Наводнение, ливень, пытка? Ну, уж во всяком случае я не стану ждать, пока вода поднимется мне до горла.

И, плечом вышибив стену, Джо очутился... Да где же? — В самом озере! Острова как не бывало. За ночь он погрузился в воду, и на его месте было необъятное озеро.

«Плохой край для земледельцев», — подумал про себя Джо и, взмахнув руками, снова пустил в ход свое искусство пловца.

Джо освободился из плена благодаря явлению, не редкому на озере Чад. Не один из его островов, казалось бы, прочных, как скала, исчез таким образом, и прибрежным племенам время от времени приходилось давать приют тем несчастным жителям исчезнувшего острова, которым удавалось спастись от страшной катастрофы.

Джо не знал этой местной особенности, но не преминул воспользоваться ею. Заметив какую-то носящуюся по воде лодку, он сейчас же взобрался в нее. Лодка эта, как оказалось, была грубо выдолблена из древесного ствола. К счастью, в ней нашлась пара примитивных весел, и Джо поплыл, пользуясь довольно быстрым течением.

— Ну, теперь надо ориентироваться, — проговорил он. — На помощь мне придет полярная звезда. Она ведь свое дело знает, всем указывает путь на север, так не откажет и мне.

К великому своему удовольствию, он убедился, что течение как раз и несет его к северному берегу озера, и отдался на его волю. Около двух часов ночи он пристал к мыску, поросшему таким колючим тростником, что он не мог прийтись по вкусу даже философу. Но на берегу, как будто нарочно для того, чтобы дать ему приют, росло одинокое дерево. Джо для большей безопасности взобрался на него и не то чтобы заснул, а скорее продремал там до рассвета.

Как всегда в экваториальных странах, день наступил сразу; Джо бросил взгляд на дерево, служившее ему убежищем ночью. Ему представилось такое неожиданное зрелище, что он остолбенел. Ветви дерева, где он провел ночь, были буквально унизаны змеями и хамелеонами. Из-за них почти не видно было листвы. Можно было подумать, что это дерево новой породы, на котором произрастают пресмыкающиеся. Под первыми лучами солнца все это принялось ползать и извиваться. Ужас, смешанный с отвращением, охватил Джо, и он мигом спрыгнул на землю.

— Вот уж чему никто не захочет поверить! — пробормотал он.

Он не знал, что Фогель в своих последних письмах писал об этом особом свойстве берегов озера Чад: они кишмя-кишат земноводными, которые нигде в мире не водятся в таком количестве.

После этого происшествия Джо решил впредь быть осторожнее, а затем, ориентируясь по солнцу, зашагал на северо-восток. Дорогой он самым старательным образом избегал хижин, лачуг, шалашей — словом, всех тех мест, где он мог бы натолкнуться на представителей человеческой породы.

Часто смотрел он вверх, все надеясь увидеть «Викторию». Хотя его поиски в течение целого дня и оказались тщетными, тем не менее уверенность, что доктор не может его покинуть, ничуть не поколебалась в нем. Надо было иметь сильный характер, чтобы так философски относиться к своему положению. К усталости присоединился голод: ведь кореньями и сердцевиной растений, таких как «меле» или плоды думпальмы, сыт не будешь. По приблизительному подсчету Джо, он прошел все-таки за этот день к западу миль тридцать. Все его тело было исцарапано колючим тростником, мимозами и акациями; окровавленные ноги давали о себе знать жестокой болью. Наконец, с наступлением вечера Джо мог дать отдых измученным ногам. Он решил сделать привал на самом берегу озера. Здесь его ждала новая напасть — мириады насекомых. Мухи, москиты, муравьи в полдюйма длиной буквально покрывают в этих местах всю землю. Через два часа не оставалось уже ни клочка той жалкой одежды, которая еще была на Джо, — насекомые все пожрали. То была ужасная ночь: несмотря на усталость, несчастный путник ни на минуту не мог сомкнуть глаз. В кустах ревели кабаны, дикие буйволы, а в воде — ажубы, разновидность ламантинов, этих свирепых животных. Кругом, среди ночного мрака, в кустах и водах озера раздавался концерт хищных зверей. Джо не смел пошевельнуться. Как ни был он терпелив и стоек, но свое положение выносил с трудом.

Наконец, настал день. Джо проворно вскочил. Можно представить себе его отвращение, когда он увидел, что за поганая тварь провела подле него всю ночь. Это была жаба, да еще какая жаба! Величиной дюймов в пять, безобразная, отталкивающая, она уставилась на него большими круглыми глазами. Джо отвернулся от нее с отвращением, которое подстегнуло его: он с новыми силами помчался к озеру освежиться. Купанье несколько успокоило мучительный зуд, и он, пожевав листьев, снова упрямо пустился в путь. Джо не знал, какая сила гонит его, но чувствовал в себе присутствие этой силы, не дававшей ему впадать в отчаяние. Между тем его начинал терзать страшнейший голод. Желудок не так безропотно, как его хозяин, покорялся своей участи, и Джо, сорвав стебель лианы, подтянул себе потуже живот. Хорошо еще, что жажду он мог утолять на каждом шагу, и, вспоминая муки, перенесенные в пустыне, он находил уже счастьем то, что не страдает от недостатка воды.

«Где же может быть «Виктория»? — все спрашивал он себя. — Ветер дул с севера, и она должна была возвратиться к озеру. Конечно, мистеру Самуэлю необходимо было заняться восстановлением ее равновесия, но для этого довольно было и вчерашнего дня. Значит, возможно, что сегодня... Но все-таки будем действовать так, как будто совсем нет надежды ее увидеть. В сущности, если я доберусь до какого-нибудь большого города на берегу озера, то попаду в такое же положение, в каком бывали те путешественники, о которых нам не раз рассказывал доктор. Почему же мне не выпутаться из беды, как делали те? Ведь вернулись же некоторые из них на родину, черт возьми! Ну, смелей вперед!»

Разговаривая так с самим собой, отважный Джо все шагал да шагал и неожиданно посреди леса наткнулся на толпу дикарей. К счастью, он успел вовремя остановиться, и его не заметили. Негры были заняты смазыванием своих стрел ядовитым соком молочая. Это весьма важное для местных племен занятие обставляется у них очень торжественно.

Джо, затаив дыхание, забился в чащу, но вдруг, подняв глаза, он в просвете листвы увидел «Викторию». Подумать только: «Викторию»! Она неслась к озеру всего в каких-нибудь ста футах над ним. А бедняга не мог ни крикнуть, ни показаться!

Глаза его застилало влагой, но это были не слезы отчаяния, а слезы благодарности: доктор ищет его, доктор не покинул его. Ему пришлось повременить, пока убрались чернокожие. Наконец, они ушли, и он вышел из своего убежища и помчался к берегу озера.

Но, увы, «Виктория» уже исчезла вдали. Джо решил, что она непременно вернется, и стал ждать. И она действительно появилась снова, но восточнее. Джо бросился бежать, он кричал изо всех сил, он размахивал руками... Все было напрасно. Сильнейший ветер уносил «Викторию» с непреодолимой быстротой.

Впервые несчастный Джо пал духом. Ему казалось, что он погиб. Решив, что доктор улетел окончательно, бедняга уже не был в силах ни надеяться на что-либо, ни строить какие-либо планы. В каком-то безумном состоянии, с окровавленными ногами, с ноющим от боли телом, шел он целый день и часть ночи. Порой ему приходилось даже тащиться ползком. Он чувствовал, что силы вот-вот покинут его и останется одно: умереть.

Бредя таким образом, он попал в болото, но не сразу это заметил, так как была уже ночь. Вдруг он свалился в вязкую грязь и, несмотря на все свои отчаянные усилия, почувствовал, что мало-помалу трясина засасывает его. Еще несколько минут — и он увяз по пояс.

«Вот она, смерть! И какая ужасная смерть!» — пронеслось в его мозгу. И он стал еще яростнее бороться, пытаясь высвободиться из засасывающей его топи, но лишь все глубже и глубже уходил в нее. А кругом — ни единого деревца, ни даже тростника, за который можно было бы ухватиться. Он закрыл глаза.

— Доктор, доктор! Ко мне! — закричал он. Но его отчаянный, одинокий крик затерялся среди ночного мрака.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На горизонте что-то виднеется. — Толпа арабов. — Погоня. — «Это он!» — Падение с лошади. — Задушенный араб. — Выстрел Кеннеди. — Маневр. — Похищение на лету. — Джо спасен!

Кеннеди снова занял свой наблюдательный пост в корзине «Виктории» и не переставал самым внимательным образом следить за горизонтом. Через некоторое время, повернувшись к доктору, он сказал:

— Если не ошибаюсь, вон там что-то движется, но пока невозможно определить, что именно — люди или животные. Во всяком случае, они здорово мечутся и поднимают целое облако пыли.

— Уж не смерч ли это опять? Как бы он еще не отбросил нас к северу, — проговорил Самуэль, вставая, чтобы лучше видеть то, что происходило у горизонта.

— Не думаю, Самуэль, — отозвался Кеннеди. — По-моему, это стадо газелей или диких быков.

— Может быть, и так, Дик, но это скопище находится от нас на расстоянии девяти или десяти миль, и даже в подзорную трубу я пока ничего не в состоянии рассмотреть.

— Во всяком случае, Самуэль, я не спущу глаз с горизонта: там творится что-то необычайное, я просто заинтригован. Знаешь, это напоминает маневры кавалерии. Ну вот, видишь, я не ошибся: конечно, это всадники. Взгляни-ка!

Доктор принялся внимательно смотреть в указанном направлении.

— Да, ты, кажется, прав, — сказал он через некоторое время. — Это отряд арабов, или тиббу. Движется он в том же направлении, что и мы. Но так как «Виктория» несется быстрее, то мы легко их нагоним. Через полчаса всадники будут нам видны как на ладони, и тогда мы решим, что нам делать.

Кеннеди снова взялся за подзорную трубу и стал внимательно наблюдать. Теперь всадники были видны яснее. Некоторые из них отделились от общей массы.

— Знаешь, — заговорил он, — это или маневры, или охота. Всадники эти кого-то преследуют. Очень хотелось бы знать, в чем тут дело.

— Потерпи, Дик, мы скоро их не только догоним, но даже перегоним, если они будут продолжать двигаться по тому же направлению. Мы ведь несемся со скоростью двадцати миль в час, а ведь ни одна лошадь не в состоянии мчаться с такой быстротой.

Кеннеди опять принялся наблюдать и через несколько минут заявил:

— Это арабы, и скачут они во весь опор. Теперь я прекрасно все вижу. Их человек пятьдесят. Вон как развеваются от ветра их бурнусы! Это кавалерийское учение, что ли. В ста шагах впереди скачет, должно быть, предводитель этого отряда, а все остальные мчатся вслед за ним.

— Во всяком случае, Дик, кто бы они ни были, бояться нам их нечего, а если понадобится, я в мгновение ока поднимусь ввысь, — сказал доктор.

— Постой, постой, Самуэль! Тут происходит что-то странное, — сказал Дик через некоторое время. — Хорошенько не могу понять, в чем тут дело. Они несутся врассыпную и изо всех сил; по-моему, это не маневры, а скорей преследование.

— Ты уверен в этом, Дик?

— Вполне. Нет, я не ошибаюсь! Это, очевидно, охота, но охота за человеком. Не за предводителем они скачут, а ловят беглеца.

— Беглеца? — с волнением повторил Самуэль.

— Да.

— Так не надо терять их из виду. Будем ждать! — нервно проговорил доктор.

Как ни бешено мчались всадники, но «Виктория» через три-четыре мили нагнала их.

— Самуэль! Самуэль! — закричал Кеннеди дрожащим голосом.

— Что с тобой, Дик?

— Неужели это галлюцинация? Да возможно ли это?

— Что ты хочешь сказать?

— Подожди!

И охотник, быстро протерев стекла подзорной трубы, снова принялся смотреть в нее.

— Ну, что? — спросил доктор.

— Это он, Самуэль!

— Он?! — крикнул доктор.

Слово «он» все сказало. Называть имя было излишне.

— Он. Верхом. Скачет меньше чем в ста шагах от своих врагов. Спасается от них бегством.

— Конечно, это Джо, — подтвердил, бледнея, доктор.

— Он так мчится, что не может видеть нас, Самуэль.

— Нет, он нас увидит, — возразил Фергюссон, ослабляя пламя горелки.

— Но как?

— Через пять минут мы будем в пятидесяти футах от земли, а через пятнадцать спустимся к нему.

— Надо предупредить его ружейным выстрелом, — предложил Дик.

— Нет, ведь повернуть он все равно не может, он отрезан

— Что же делать?

— Ждать.

— Ждать! А арабы?

— Мы их догоним! Мы их опередим! Осталось две мили, да и того меньше. Только бы лошадь Джо выдержала!

— Ай-ай-ай! — закричал Дик.

— Что такое?

Крик отчаяния вырвался у Кеннеди, когда он увидел Джо на земле; его загнанная вконец лошадь валялась тут же.

— Джо заметил нас! — крикнул доктор. — Поднимаясь с земли, он сделал нам знак.

— Но ведь арабы сейчас захватят его! Чего он ждет? Ах, молодчина! Ура! — закричал охотник, не в силах более сдерживаться.

Упав, Джо моментально вскочил на ноги и в тот миг, когда самый прыткий из всадников бросился к нему, отпрянул от него в сторону, как пантера. Еще

мгновение — и он уже был на крупе лошади араба. Схватив врага за горло своими сильными руками, своими стальными пальцами, Джо задушил его, сбросил на песок и снова бешено помчался вперед...

Громкий вопль вырвался у всадников. Они еще с большей яростью устремились за беглецом и, увлеченные преследованием, не замечали «Виктории», а она теперь находилась всего в каких-нибудь пятистах футах от них и меньше чем в тридцати от земли.

Один из всадников уже догоняет Джо и вот-вот пронзит его копьем, но у Кеннеди зоркий глаз и твердая рука: он выстрелом сваливает араба на песок.

Джо даже не оборачивается на звук выстрела. Часть отряда, увидев «Викторию», спешивается и падает ниц перед нею, а другая продолжает преследование.

— Но что же Джо? — кричит Кеннеди. — Он и не думает останавливаться?

— Джо поступает гораздо умнее, — отозвался доктор, — я понял его: он скачет в том же направлении, куда несется «Виктория», и полагается на нашу сметку. Ну и молодчина! Мы вырвем его из-под носа у этих арабов! Ведь до него осталось не больше двухсот шагов.

— Что же теперь делать? — спросил Кеннеди.

— Отложи в сторону свое ружье.

— Есть! — отозвался охотник.

— Можешь ли ты сдержать полтораста фунтов балласта?

— Смогу даже больше.

— Хватит и этого.

И Фергюссон тут же нагрузил своего друга мешками с балластом.

— Теперь, Дик, стань позади и будь готов сразу сбросить весь этот балласт, — проговорил он. — Но заклинаю тебя сделать это не раньше, чем я прикажу.

— Будь спокоен!

— Иначе мы можем упустить Джо, и тогда он погиб.

— Положись на меня!

В это время «Виктория» была почти над головами всадников, несшихся во весь опор вслед за Джо. Доктор стоял в передней части корзины, развернув шелковую лестницу и готовый в любую минуту сбросить ее. Джо все продолжал скакать футах в пятидесяти от своих преследователей. Но вот «Виктория» обгоняет всадников...

— Внимание! — говорит Самуэль.

— Готов! — отзывается Дик.

— Джо! Берегись! — кричит доктор зычным голосом, бросая лестницу, которая, коснувшись земли своими перекладинами, поднимает облако пыли.

Услышав голос Фергюссона, Джо, не замедляя бега лошади, оборачивается, лестница приближается к нему, и в то самое мгновение, когда он в нее вцепляется, доктор кричит Кеннеди:

— Бросай!

— Есть!

И «Виктория», освобожденная от балласта, весившего больше, чем Джо, в один миг поднимается на полтораста футов ввысь.

Несмотря на то, что «Викторию» сильно качает, Джо крепко держится за лестницу. Когда шар приходит в более спокойное состояние, Джо делает неописуемый жест в сторону арабов, затем, карабкаясь по лестнице с ловкостью акробата, добирается до друзей, и те хватают его в свои объятия.

Внизу арабы вопят от изумления и бешенства: воздушное чудовище на лету вырвало из их рук беглеца и быстро уносит его вдаль...

— Мистер Самуэль! Мистер Дик! — только и сказал Джо. Он изнемог от усталости, от волнения и лишился чувств.

— Спасен! Спасен! — не помня себя, кричал Кеннеди.

— Ну, конечно! — отозвался доктор, к которому уже успело вернуться его невозмутимое самообладание.

Джо был почти голый. Окровавленные руки, ссадины и синяки, покрывавшие его тело, говорили о пе-

ренесенных им муках. Фергюссон перевязал его раны и вместе с Диком уложил его под тент.

Вскоре Джо очнулся и попросил стаканчик водки. Доктор не считал нужным отказать ему в этом. Ведь Джо требовал особого подхода, и лечить его надо было не так, как других. Выпив водки, он крепко пожал руки обоим друзьям и собрался было уже рассказать о пережитых им злоключениях, но ему не разрешили этого сделать. Он не замедлил крепко заснуть, в чем, конечно, очень нуждался.

«Виктория» же, несколько уклонившись на запад, снова понеслась, подхваченная сильнейшим ветром, над окраиной пустыни, заросшей в этих местах колючим кустарником, над пальмами оазисов, согнутыми ураганом или вырванными с корнем. К вечеру, сделав около двухсот миль от места похищения Джо, она достигла 10° долготы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Полет к западу. — Пробуждение Джо. — Его упрямство. — Конец его истории. — Тажелель — Беспокойство Кеннеди. — Полет на север. — Ночь близ Агадеса.

К вечеру ветер стих, и «Виктория» спокойно простояла всю ночь, зацепившись якорем за вершину большого сикомора. Доктор и Кеннеди поочередно несли вахту, а Джо проспал богатырским сном целые сутки.

— Это именно то лекарство, какое ему нужно, — заметил Фергюссон, — его излечит сама природа.

С рассветом порывистый ветер усилился, и «Викторию» сначала бросало то к северу, то к югу, пока, наконец, не понесло к западу. Доктор определил по карте, что они проносятся над царством Дамергу — холмистым, очень плодородным краем; население его жило в легких, сплетенных из тростника хижинах. В полях мелькали многочисленные скирды хлеба. Все они были поставлены на невысокие подпорки, вероятно

для того, чтобы предохранить их от полевых мышей и термитов. Вскоре аэронавты увидели город Зиндер. Его легко можно было узнать по обширной площади, где происходили казни. В центре площади возвышалось «дерево смерти». Под ним все время дежурил палач. И стоило кому-нибудь пройти под тенью этого страшного дерева, как его немедленно вздергивали на виселицу.

Кеннеди взглянул на компас и с некоторым беспокойством заметил:

— А нас опять относит к северу.

— Ну что ж из этого? — отозвался доктор. — Если «Виктория» занесет нас в Тимбукту, жаловаться не придется. Никогда подобное путешествие не совершалось в лучших условиях.

— И при лучшем состоянии здоровья путников, — докончил Джо, поднимая край тента и высовывая оттуда свою славную улыбающуюся физиономию.

— А! Вот, наконец, проснулся наш храбрый друг, наш спаситель! — закричал охотник. — Ну, как ты себя чувствуешь, Джо?

— Вполне нормально, мистер Кеннеди, вполне нормально! Кажется, никогда лучше себя и не чувствовал. Ничто ведь не может подбодрить человека так, как подобная увеселительная прогулочка после купанья в озере Чад! Не так ли, мистер Самуэль?

— Славный ты человек! — сказал Фергюссон, крепко пожимая ему руку. — Сколько тревоги и мучений ты нам доставил!

— А вы думаете, что я на ваш счет был спокоен, что ли? Можете гордиться тем, что заставили меня просто дрожать от страха за вас.

— Вот и пойми его! Как это он все повернул.

— Вижу, что падение в озеро нисколько не изменило нашего Джо, — заметил Кеннеди.

— Ты, друг мой, проявил великую самоотверженность, — продолжал доктор, — ты спас нас: ведь «Виктория» падала в озеро, и оттуда никто не мог бы ее извлечь.

— Подумаешь, если я кубарем полетел в воду, так что из этого? Какая тут самоотверженность — разве

я этим не спас и себя самого? Ведь вот теперь мы все трое здесь в добром здоровье! Значит, нам не в чем упрекать друг друга.

— Нет! С этим малым никогда не сговоришься! — воскликнул Кеннеди.

— Лучший способ сговориться со мной — это никогда не поминать того, что было, — заявил Джо. — Что сделано, то сделано. Хорошо ли, плохо ли, не стоит к этому возвращаться.

— Ах ты, упрямец! — смеясь, проговорил доктор. — Но не расскажешь ли ты нам по крайней мере о своих похождениях?

— Хорошо, если вы непременно этого желаете. Только раньше мне хочется зажарить на славу вот этого жирного гуся. Вижу, мистер Дик времени даром не терял.

— Верно, верно, Джо, — отозвался доктор.

— Ну, так посмотрим, как африканская дичь почувствует себя в европейских желудках.

Гусь был зажарен на пламени горелки, и его сейчас же съели с большим аппетитом. Джо, не евшему несколько дней, досталась, конечно, львиная доля. После чая и грога он начал рассказывать друзьям свои приключения. Он говорил взволнованно, хотя, по своему обыкновению, ко всему относился философски. Видя, что чудесный малый все время больше, чем о себе, думал о нем, Фергюссон не мог не пожать ему руку. Когда Джо рассказал об исчезновении острова, населенного племенем биддиома, доктор объяснил, что на озере Чад это частое явление.

Наконец, в своем рассказе Джо дошел до того момента, когда он в отчаянии завопил, засасываемый трясиной.

— Я считал, что погибаю; моя последняя мысль была о вас, мистер Самуэль. Тут я опять начал выбираться из болота. Как? Я и сам не знал, но решил биться до последнего. И вдруг совсем близко от себя увидел... ну, как бы вы думали, что? Конец каната, видимо недавно отрезанного. Уж каким-то образом умудрился я добраться до этого самого каната. Потянул за него, смотрю — держится. Я поднимаюсь,

делаю еще усилие — и вот я на твердой земле... а на конце каната вижу якорь. Да, мистер Самуэль, можно сказать — это уж доподлинно был «якорь спасения»! Я узнал его сейчас же! Якорь с нашей «Виктории»! Значит, вы здесь останавливались! Я проследил направление каната и по нему догадался, куда вы отправились. Тут и дух у меня поднялся и силы явились. Выбрался я из трясины и снова зашагал. Шел часть ночи, держась подальше от озера. Наконец, добрался до опушки огромного леса. Здесь в загоне спокойно пасся табун лошадей. Не правда ли, в жизни бывают минуты, когда каждый умеет ездить верхом? И вот недолго думая я вскакиваю на одного из этих четвероногих и мчусь к северу. Не буду вам говорить ни о городах, ни о селениях — я их не видел, я их избегал. Несусь по засеянным полям, перескакиваю через кустарники, изгороди, понукаю своего скакуна, заставляю его брать препятствия... Так домчался я до границы возделанных земель. Передо мной пустыня. «Вот и прекрасно, — сказал я себе, — это мне на руку: здесь по крайней мере далеко видно». Я ведь ждал, что вот-вот появится наша «Виктория». Но она все не появлялась. Так я скакал часа три и вдруг, как дурак, нарвался на стоянку арабов. Ну, и началась же тут погоня! Скажу вам, мистер Кеннеди, ни один охотник не знает как следует, что такое охота, пока за ним самим не поохотятся. И, признаться, не посоветовал бы я ему этого испробовать! Но вот моя лошадь падает от изнеможения, меня уже настигают, сам я валюсь на землю, вскакиваю на круп коня какого-то араба... Я не желал ему зла, но пришлось-таки придушить его. Тут я вас и увидал... А что было дальше, вы знаете сами... «Виктория» мчится по моим следам, и вы подхватываете меня на лету, как всадник подхватывает перстень. Но, скажите, разве я был неправ, рассчитывая на вас? Видите, мистер Самуэль, как все это понятно и просто! И если только когда-нибудь вам понадобится, я готов в любой момент все это проделать снова. Ну, а теперь еще раз повторяю: об этом вообще больше не стоит говорить.

— Дорогой мой Джо, — взволнованно заговорил доктор, — мы недаром полагались на твой ум и ловкость.

— Да что там, сэр! Надо только следовать за событиями, и тогда всегда вывернешься. Знаете, самое верное — это принимать все так, как оно случается.

За то время, что Джо повествовал о своих приключениях, «Виктория» успела пролететь немалое расстояние. Вскоре Кеннеди указал на строения, показавшиеся на горизонте и имевшие вид города. Доктор сейчас же справился по карте и убедился, что это небольшой городок Тажелель в стране Дамергу.

— Мы опять попали на путь исследователя Барта, — сказал Фергюссон. — Именно в этом городе он расстался со своими двумя товарищами Ричардсоном и Овервегом. Первый направился в Зиндер, второй в Маради. Помните, я вам рассказывал, что из троих только Барту удалось вернуться в Европу.

— Итак, мы несемся прямо на север? — спросил охотник, следя по карте за направлением «Виктории».

— Прямо на север, дорогой Дик.

— И тебя, Самуэль, это нисколько не беспокоит?

— А почему бы это могло меня беспокоить?

— Да потому, что это течение несет нас к Триполи и нам придется снова перелетать через Сахару.

— О, так далеко мы не залетим. По крайней мере я надеюсь на это, — ответил доктор.

— Где же ты, Самуэль, думаешь остановиться?

— Признайся, Дик, разве тебе не было бы интересно побывать в Тимбукту?

— Тимбукту? — переспросил Кеннеди.

— Уж, конечно, было бы странно путешествовать по Африке и не осмотреть Тимбукту, — вмешался Джо.

— Знаешь, Дик, ты будешь пятым или шестым европейцем, посетившим этот таинственный город, — добавил доктор.

— Ладно! Летим в Тимбукту!

— Дай нам только добраться до семнадцати с половиной градусов широты, а там уж мы начнем разыскивать попутный ветер на запад.

— Хорошо, — отозвался охотник. — Но скажи,

сколько приблизительно миль нам еще придется нестись на север?

— По крайней мере миль сто пятьдесят.

— В таком случае я немного посплю, — заявил Кеннеди.

— Конечно, поспите, мистер Дик, — откликнулся Джо, — да и вам тоже, мистер Самуэль, не мешает соснуть. Ведь оба вы нуждаетесь в отдыхе — замучились без сна по моей милости.

Охотник улегся под тентом, но Фергюссон, который не так-то легко поддавался усталости, не оставил своего наблюдательного поста.

Через три часа «Виктория» проходила над каменистой местностью, по которой тянулась обнаженная гранитная цепь гор. Некоторые отдельные вершины этой цепи достигали четырех тысяч футов. После бесплодия пустыни природа как бы наверстывала упущенное: здесь буйно разрослись леса акаций, мимоз и финиковых пальм; с необыкновенной быстротой носились и прыгали жирафы, антилопы и страусы. Это была страна племени кель-уй. У них, как и у свирепых их соседей — туарегов, существовал обычай закрывать лицо хлопчатобумажной повязкой.

В десять часов вечера, сделав за день великолепный перелет в двести пятьдесят миль, «Виктория» остановилась над большим городом. При свете луны было видно, что часть его покрыта развалинами. Здесь и там, облитые лунным светом, высились минареты. Доктор установил, что «Виктория» находится над Агадесом.

Этот город некогда был центром обширной торговли, но к тому времени, когда его посетил Барт, он пришел в упадок.

Среди ночи, никем не замеченная, «Виктория» опустилась милях в двух севернее Агадеса, на обширном поле, засеянном просом.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете, в пять часов утра, легкий ветер стал дуть на запад и даже несколько на юго-запад. Фергюссон поспешил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Он быстро заставил подняться «Викторию», и та умчалась дальше, купаясь в солнечном свете.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Быстрый перелет. — Осторожные решения. — Караваны. — Беспрерывные ливни. — Гао. — Нигер. — Гольберри, Жоффруа, Грей, Мунго Парк, Ленг, Рензо Кайе, Клаппертон, Джон и Ричард Лендер.

День 17 мая прошел спокойно, без всяких происшествий. Снова началась пустыня. Ветер средней силы нес «Викторию» на юго-запад. Она не отклонялась ни вправо, ни влево. Ее тень прочерчивала на песке прямую линию.

Прежде чем пуститься в путь, доктор благоразумно позаботился о том, чтобы возобновить запас воды. Он боялся, что в районе, заселенном племенем туарегов, нельзя будет снизиться.

Плоскогорье, лежащее на высоте тысячи восьмисот футов над уровнем моря, постепенно понижалось к югу. Аэронавты пересекли проторенную караванами дорогу, ведущую из Агадеса в Мурзук, и, пролетев в этот день сто восемьдесят миль, вечером оказались на 16° северной широты и 4°55′ восточной долготы.

Весь день Джо посвятил заготовлению впрок дичи, — трофеев последней охоты Кеннеди, — ей, за недостатком времени, уделили мало внимания. К ужину он подал вкусно зажаренных на вертеле вальдшнепов. Так как ветер был очень благоприятен, доктор решил лететь всю ночь, благо полная луна ярко светила. «Виктория», сделав в эти ночные часы около шестидесяти миль на высоте пятисот футов, неслась так спокойно, что даже самый чуткий сон не был бы потревожен.

В воскресенье утром направление ветра снова изменилось. Шар теперь летел на северо-запад. В воздухе носилось несколько воронов, а у горизонта — стая ястребов, к счастью, державшихся далеко от «Виктории».

Эти птицы напомнили путешественникам о встрече с кондорами, и Джо поздравил доктора с тем, что он сделал для шара две оболочки.

— Будь у «Виктории» одна оболочка, что было бы с нами? — с жаром сказал он. — Знаете, эта вторая оболочка — то же, что спасательная шлюпка на судне. Благодаря ей при крушении всегда можно спастись.

— Ты прав, друг мой, но должен сказать тебе, что моя «шлюпка» начинает меня немного беспокоить.

— Что ты этим хочешь сказать, Самуэль? — вмешался в разговор Кеннеди.

— А вот что: новая «Виктория» не стоит прежней. Уж не знаю, почему: ткань ли слишком много вытерпела, или гуттаперча местами расплавилась от жара змеевика, но я обнаруживаю утечку газа. Пока она незначительна, но с этим надо считаться. У «Виктории» появилась склонность снижаться, и мне, чтобы удерживать ее на нужной высоте, приходится все больше расширять водород.

— Черт побери! — воскликнул Кеннеди. — Я не вижу, как это можно поправить.

— То-то и есть, что мы тут бессильны, — сказал доктор. — Вот почему нам надо во что бы то ни стало торопиться и даже избегать ночных стоянок.

— А как далеко мы от берега? — спросил Джо.

— От какого берега, друг мой? Разве мы знаем, куда нас закинет слепой случай? Все, что я могу тебе сказать, так это то, что Тимбукту находится на западе, в четырехстах милях от нас.

— Сколько же времени нам понадобится, чтобы туда добраться? — продолжал спрашивать Джо.

— Если ветер будет благоприятным, то я рассчитываю попасть в этот город во вторник к вечеру, — ответил Фергюссон.

— Ну, в таком случае мы будем там скорее, чем вон те, — проговорил Джо, указывая на длинную вереницу верблюдов, извивавшуюся среди песков пустыни.

Фергюссон и Кеннеди перегнулись за борт и увидели огромный караван: одних верблюдов в нем было больше ста пятидесяти; такие верблюды перевозят из Тимбукту в Тафилалет поклажу в сто пятьдесят фунтов (за что их хозяева получают двенадцать золотых муткалов, то есть сто двадцать пять франков). Под хвостами у них подвязаны мешочки, предназначенные

для сбора помета — единственного топлива, на которое можно рассчитывать в пустыне.

Верблюды туарегов считаются наилучшими. Они могут от трех до семи суток обходиться без воды и по двое суток без пищи. Передвигаются они быстрее лошадей и очень разумно повинуются голосу кабира — начальника каравана. В здешних местах эти верблюды известны под именем «мегари».

Все эти подробности доктор сообщил своим товарищам, в то время как они с интересом рассматривали толпу мужчин, женщин и детей, с трудом передвигавшуюся по сыпучему песку, где только местами проглядывали чертополох, чахлая, высохшая трава и жалкие кустики. Ветер почти тотчас же заметал следы каравана.

Джо спросил у доктора, каким образом умудряются арабы проходить через огромную пустыню и находить разбросанные в ней колодцы.

— Видишь ли, — ответил Фергюссон, — у арабов есть какое-то прирожденное чутье к распознаванию дороги. Там, где европеец наверняка сбился бы с пути, для араба нет никаких затруднений. Ему, для того чтобы ориентироваться, достаточно какого-нибудь незначительного камешка, пучка травы, даже цвета песка. Ночью им указывает дорогу Полярная звезда. Передвигаются эти караваны не быстрее двух миль в час. Во время полуденной жары делают привал. Вы представляете себе теперь, сколько времени нужно каравану, чтобы пройти по огромной пустыне миль девятьсот!

«Виктория» уже исчезла на глазах у изумленных арабов. Как, должно быть, они ей завидовали!

Вечером она перелетела через 2°20′ восточной долготы, а за ночь еще пронеслась больше чем на один градус.

На следующий день, в понедельник, погода резко изменилась. Полил сильнейший дождь. Приходилось бороться и с ливнем и с увеличившимся от впитывания воды весом шара и корзины. Этими ливнями объяснялось происхождение болот и топей, которых было так много в этой местности. Зато здесь снова появились

мимозы, баобабы и тамаринды. «Виктория» летела по стране Сонраи; мелькали селения с конусообразными хижинами. Здесь было мало гор, но довольно много холмов, между которыми лежали долины, где носились вальдшнепы и цесарки. Там и сям бурные потоки пересекали дорогу. Туземцы перебирались через них, цепляясь за лианы, перекидывавшиеся с дерева на дерево. Дальше расстилались джунгли, где копошились аллигаторы, гиппопотамы и носороги.

— Повидимому, мы скоро будем у Нигера, — сказал доктор. — Характер природы меняется на подступах к большой реке. Эти «движущиеся» дороги, как очень метко называют большие реки, сначала несут с собой растительность, а позднее и цивилизацию. Так, на берегах Нигера, реки длиною в две тысячи пятьсот миль, расположены самые крупные города Африки.

— Это напоминает мне рассказ об одном простаке, — вставил Джо. — Он, представьте себе, восторгался мудростью провидения, которое, по его мнению, устроило так, чтобы большие реки непременно протекали через большие города.

В полдень «Виктория» пролетела над Гао — небольшим городком с довольно жалкими хижинами.

— А когда-то этот городок был столицей. Именно здесь Барт переправился через Нигер, возвращаясь из Тимбукту, — начал рассказывать доктор. — Вот он, Нигер, — эта знаменитая в древности река, соперница Нила. Язычники даже приписывали ей божественное происхождение. Как и Нил, Нигер привлекал внимание географов всех времен. Исследованию Нигера было принесено в жертву, пожалуй, еще большее количество человеческих жизней, чем даже изучению Нила.

Нигер катил к югу свои полные бурные воды. Но «Виктория» так быстро уносила вдаль путешественников, что они едва могли рассмотреть могучую реку и ее живописные окрестности.

— Я только собираюсь рассказать вам об этой реке, — начал Фергюссон, — а как она уже далека от нас! Под названием Джолиба, Майо, Эггиреу Кворра и еще другими она пробегает громадное расстояние и по длине своей почти равна Нилу. Ее многочисленные

названия означают просто-напросто «река» на языке тех стран, через которые она протекает.

— А доктор Барт прошел здесь тем же путем, что и мы? — спросил Кеннеди.

— Нет, Дик; покинув озеро Чад, он побывал в главных городах страны Борну и пересек Нигер в том месте, где расположен Сай, на четыре градуса ниже Гао, затем он проник в те еще не исследованные страны, которые лежат в излучине Нигера, и после восьми месяцев новых утомительных трудов достиг Тимбукту; нам для этого понадобятся каких-нибудь три дня или еще того меньше при хорошем ветре

— А истоки Нигера исследованы? — спросил Джо.

— Давно уже, — ответил доктор. — Нигер вместе с его притоками изучался многими исследователями, и я могу назвать вам главных. С тысяча семьсот сорок девятого по тысяча семьсот пятьдесят восьмой год этой задаче посвятил себя Адамсон, побывавший в Горэ. С тысяча семьсот восемьдесят пятого по тысяча семьсот восемьдесят восьмой год Гольберри и Жоффруа изучали пустыни Сенегамбии и проникли в страну мавров, которые убили Сонье, Бриссона, Адама, Рилея, Кошле и многих других. На смену им явился знаменитый Мунго Парк, друг Вальтера Скотта, шотландец, как и он. Посланный в тысяча семьсот девяносто пятом году лондонской «Африканской ассоциацией», он достигает Бамбара, видит Нигер, проходит пятьсот миль вместе с одним работорговцем, исследует берега реки Гамбии и возвращается в Англию в тысяча семьсот девяносто седьмом году; затем он снова отправляется в Африку тридцатого января тысяча восемьсот пятого года со своим деверем Андерсоном, рисовальщиком Скоттом и целым отрядом рабочих; приехав в Горэ, Мунго Парк отбывает оттуда в сопровождении отряда солдат из тридцати пяти человек и девятнадцатого августа снова видит Нигер. К этому времени вследствие усталости, лишений, столкновений с туземцами, непогоды, нездорового климата из сорока европейцев остается только одиннадцать. Жена Мунго Парка получила его последние письма шестнадцатого ноября, а через год стало известно со слов

одного из местных торговцев, что лодку несчастного путешественника опрокинуло течением на одном из порогов, а сам он был убит туземцами.

— И этот ужасный конец не остановил исследователей?

— Напротив, Дик. Ведь теперь, кроме изучения реки, явилась новая задача — разыскать материалы, оставленные ученым. В тысяча восемьсот шестнадцатом году в Лондоне организуется экспедиция, в которой принимает участие майор Грей; она приезжает в Сенегал, проникает в Фута-Джалон и, побывав среди местных племен, возвращается в Англию. В тысяча восемьсот двадцать втором году майор Ленг исследует часть Западной Африки, примыкающую к английским владениям; он-то первый и изучил истоки Нигера. Судя по его материалам верховье этой могучей реки не имеет и двух футов в ширину.

— Через нее, значит, легко перепрыгнуть, — сказал Джо.

— Как будто бы легко, — ответил доктор. — Но, если верить преданию, всякий, кто пытался перепрыгнуть через исток Нигера, сваливался в воду и тонул. А кто хочет зачерпнуть в нем воды, тот чувствует, что его отталкивает чья-то невидимая рука.

— Но вы разрешите не верить этому преданию?

— Разрешаю. Пять лет спустя майор Ленг прошел через всю Сахару, проник в Тимбукту, но затем несколькими милями выше его задушили улед-слиманы, которые хотели заставить его принять мусульманство.

— Еще одна жертва! — сказал охотник.

— И вот тогда один отважный юноша предпринимает на свои скудные средства самое удивительное из современных путешествий; я говорю о французе Ренэ Кайе. После попыток, сделанных им в тысяча восемьсот девятнадцатом и в тысяча восемьсот двадцать четвертом годах, он отбывает девятнадцатого апреля тысяча восемьсот двадцать седьмого года из Риу-Нуньши; третьего августа он приезжает в Тиме до такой степени изнуренный и больной, что лишь в январе тысяча восемьсот двадцать восьмого года, через шесть месяцев, в состоянии возобновить путешествие; сменив

свой европейский костюм на восточный, он присоединяется к каравану, достигает Нигера десятого марта, проникает в город Дженнэ и на лодке спускается вниз по течению до Тимбукту, куда он прибывает тридцатого апреля. Может быть, этот любопытный город посетил и другой француз, Эмбер, в тысяча шестьсот семидесятом и англичанин Роберт Адамс в тысяча восемьсот десятом году, но Ренэ Кайе — первый европеец, представивший о нем точные данные. Он покидает эту столицу пустыни четвертого мая, а девятого находит то место, где был убит майор Ленг. Девятнадцатого он приезжает в торговый город Эль-Арауан, а затем, подвергаясь бесчисленным опасностям, совершает переход через обширную пустыню, которая тянется между Суданом и Северной Африкой; наконец, прибывает в Танжер и двадцать восьмого сентября садится на пароход, отплывающий в Тулон. За девятнадцать месяцев Кайе пересек Африку с запада на север, хотя проболел сто восемьдесят дней. Если бы Кайе родился в Англии, он был бы прославлен как самый бесстрашный из современных исследователей наравне с Мунго Парком. Но во Франции его не достаточно оценили [1].

— Это храбрец, — сказал охотник. — А его дальнейшая судьба?

— Умер тридцати девяти лет; труды и лишения, перенесенные за время путешествия, подорвали его здоровье. Во Франции считали, что достаточно почтили его, раз Географическое общество присудило ему премию. В Англии ему были бы возданы величайшие почести. Между прочим, как раз в то время, когда Кайе совершал свое удивительное путешествие, один англичанин предпринял такую же попытку и проявил не меньше мужества. Но счастье не благоприятствовало ему. Это капитан Клаппертон, спутник Денхема. В тысяча восемьсот двадцать восьмом году он прошел

---

[1] Доктор Фергюссон, как англичанин, может быть, и преувеличивает; тем не менее нельзя не признать, что Ренэ Кайе не пользуется во Франции той славой, которую он заслужил своим мужеством и самоотверженностью.

по западному побережью Африки до залива Бенин, затем отправился по следам Мунго Парка и Ленга, нашел в городе Бусса документы, относящиеся к смерти Мунго Парка, приехал двадцатого августа в Сокото, где был взят в плен и умер на руках своего верного слуги Ричарда Лендера.

— А что сталось с этим Лендером? — спросил сильно заинтересованный Джо.

— Ему удалось вернуться на побережье, и он благополучно прибыл в Лондон с бумагами капитана и точным донесением о своем собственном путешествии. Лендер предложил правительству свои услуги: завершить исследование Нигера. Он соединился со своим братом Джоном. Они были родом из Корнуолла, из бедной семьи. Братья спустились по реке — от города Буссы до устья, — описывая ее берега, селение за селением, город за городом. Это путешествие, начатое в тысяча восемьсот двадцать девятом году, закончилось в тысяча восемьсот тридцать первом году.

— И оба брата избегнули общей участи? — спросил Кеннеди.

— Да, по крайней мере на этот раз. Но в тысяча восемьсот тридцать третьем году Ричард предпринял третье путешествие по Нигеру и погиб возле самого устья реки от пули, пущенной неизвестно кем. Вы видите, друзья мои, страна, над которой мы летим, была свидетельницей благородных и самоотверженных подвигов, наградой которым слишком часто бывала лишь смерть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Излучина Нигера. — Фантастический вид гор Хомбори. — Кабара — Тимбукту. — План доктора Барта. — Упадок Тимбукту. — По воле неба.

Доктору доставляло удовольствие рассказывать своим товарищам в этот дождливый, сумрачный день тысячи подробностей о проносящейся под ними местности. Она была плоской, и потому препятствий для

полета никаких не представляла. Одно лишь тревожило Фергюссона — проклятый северо-восточный ветер. Он дул со страшной силой и относил «Викторию» несколько в сторону от Тимбукту.

Дойдя на севере до Тимбукту, Нигер изгибается, словно гигантский фонтан, а затем целым снопом сверкающих рукавов несется к Атлантическому океану.

Внутри этой грандиозной излучины Нигера природа чрезвычайно разнообразна. Здесь и буйная растительность и полнейшее бесплодие: невозделанные равнины сменяются полями маиса, а за ними тянутся обширные пространства, поросшие дроком. Всевозможные водяные птицы — пеликаны, чирки, зимородки — целыми стаями носятся над притоками Нигера и над его болотистыми рукавами.

Время от времени мелькают деревни туарегов. Мужчины отдыхают в кожаных шатрах, а женщины, куря большие трубки, занимаются домашними работами, доят верблюдов.

К восьми часам вечера «Виктория» пролетела на запад больше двухсот миль, и здесь перед глазами путешественников развернулась чудесная картина: лунные лучи, прорываясь сквозь тучи и скользя между полосами дождя, заливали своим светом горную цепь Хомбори. Как причудливы очертания этих базальтовых вершин! Они вырисовываются на фоне темного неба фантастическими силуэтами, напоминая, подобно пловучим льдам полярных морей, легендарные развалины какого-то огромного средневекового города.

— Вот картина из «Удольфских тайн», — сказал доктор, — Анна Радклиф не сумела бы придать горному пейзажу более мрачный и таинственный вид.

— Право же, — ответил Джо, — не хотелось бы мне очутиться одному ночью в этой стране призраков. Знаете ли, сэр, я с удовольствием перенес бы этот пейзаж в Шотландию. Он был бы недурен на берегу озера Ломонд, и туристы устремились бы туда толпой.

— В нашем шаре маловато места и удовлетворить твою фантазию было бы трудно. Но смотрите-ка, направление полета как будто меняется. Превосходно! Духи этой таинственной местности очень любезны;

они надули для нас с юго-востока ветер, — а нам того и надо.

Действительно, «Виктория» взяла курс к северу и 20 мая утром уже неслась над запутанной сетью речек — притоков Нигера. Некоторые из них так заросли травой, что издали производили впечатление тучных лугов. Это был путь, пройденный Бартом, когда он спустился вниз по реке до Тимбукту. Нигер, в этом месте достигая восьмисот футов ширины, протекал среди берегов, обильно поросших крестоцветными всевозможных видов и тамариндами. В густой траве прыгали, погружая в нее кольчатые рога, стада газелей, а аллигаторы подстерегали их. Длинные вереницы ослов и верблюдов, нагруженных товарами, тянулись по дорогам среди великолепных деревьев. Скоро за излучиной реки появились расположенные амфитеатром низкие домики. На их крышах и террасах было навалено скошенное сено.

— Это Кабара, порт Тимбукту! — весело закричал доктор. — А до самого города, пожалуй, не будет и пяти миль.

— Значит, вы довольны, сэр? — спросил Джо.

— Я в восторге, мой милый!

— Прекрасно! Значит, все к лучшему.

Действительно, в два часа дня столица пустыни, таинственный Тимбукту, имевший в былые времена, как некогда Афины и Рим, свои школы ученых и свои кафедры философов, развернулся перед взорами воздухоплавателей.

Тут Фергюссон, следя по карте, сделанной собственноручно доктором Бартом, убедился, насколько она была точна. Город этот представляет собой огромный треугольник, как бы начерченный на безбрежных белых песках. Вершина его направлена к северу и врезывается в пустыню. Кругом — ничего, кроме диких злаков, карликовых мимоз и чахлого кустарника.

Самый город с высоты птичьего полета представлялся кучей шариков и кубиков. Улицы были довольно узки. Их обрамляли одноэтажные квадратные дома из необожженного кирпича и тростниковые хижины с остроконечными соломенными крышами. На

террасах домов там и сям были видны лежащие в небрежных позах люди в ярких одеждах, с копьями или мушкетами в руках. В этот час на улицах не было женщин.

— А говорят, что они здесь очень красивы, — заметил доктор. — Видите, — продолжал он, — три башни на трех мечетях. Это почти все, что осталось от былого величия Тимбукту. В вершине треугольника высится мечеть Сонкоре, окруженная галереями, которые покоятся на аркадах довольно чистого рисунка; несколько дальше, возле квартала Сан-Гунгу, мечеть Сиди-Ягия и несколько двухэтажных домов. Не ищите ни дворцов, ни памятников. Здешний шейх — всего-навсего купец и его царственное жилище — только контора.

— Мне кажется, — сказал Кеннеди, — что я различаю полуразвалившиеся каменные стены.

— Они были разрушены фулахами в тысяча восемьсот двадцать шестом году, тогда город был на одну треть больше. Тимбукту с одиннадцатого века являлся для всех вожделенной добычей и поочередно принадлежал туарегам, сонраи, марокканцам и фулахам. Да, этот когда-то великий центр цивилизации, где в шестнадцатом веке ученый Ахмед-Баба владел библиотекой в тысячу шестьсот рукописей, теперь не что иное, как торговый склад Центральной Африки.

Город в самом деле казался заброшенным. На нем лежал отпечаток неряшливости, как на всех отживающих свой век городах. На окраинах скопились огромные кучи мусора; они высились как пригорки — единственные в этой ровной местности, если не считать холма, стоявшего в центре рыночной площади.

Когда «Виктория» проносилась над городом, в нем началось движение, забили даже барабаны. Но вряд ли последний захудалый местный ученый имел время исследовать новое удивительное явление. Воздухоплаватели, подхваченные могучим ветром пустыни, уже неслись над извилистыми берегами Нигера, и вскоре город Тимбукту стал одним из их мимолетных путевых впечатлений.

— Куда же теперь занесет нас судьба? — задумчиво проговорил доктор.

— Хорошо, если б на запад, — заметил Кеннеди.

— Вот как! — воскликнул Джо. — А что касается меня, то, если б пришлось вернуться тем же путем на Занзибар и даже лететь через Атлантический океан в Америку, — это ничуть меня бы не испугало.

— Но, видишь ли, Джо, прежде всего надо иметь возможность это сделать, — возразил Фергюссон.

— А чего нам, мистер Самуэль, не хватает для этого?

— Газа, мой милый. Подъемная сила нашей «Виктории» заметно слабеет. И надо очень бережно относиться к водороду, чтобы нам его хватило до побережья океана. Мне придется даже начать выбрасывать балласт. Как видно, мы стали слишком тяжелы.

— Вот что значит, мистер Самуэль, ничего не делать! — воскликнул Джо. — Лежишь себе по целым дням в гамаке, как бездельник, ну, поневоле начнешь жиреть и прибавлять в весе. Когда мы вернемся, все найдут, что мы невозможно растолстели.

— Да, можно сказать, размышления, достойные Джо, — отозвался охотник. — Но подожди, друг мой, еще неизвестно, что будет впереди. Мы далеко еще не у цели... А скажи, Самуэль, в какую точку побережья мы, по-твоему, попадем?

— Очень затрудняюсь ответить тебе на это, Дик. Мы ведь находимся во власти очень непостоянных ветров. Скажу одно: я был бы счастлив, если бы удалось спуститься между Сьерра Леоне и Портендиком. Там мы нашли бы друзей.

— Приятно было бы пожать им руки, — промолвил Дик. — Ну, а в данную минуту мы летим в нужном направлении?

— Не совсем, Дик, не совсем. Взгляни на стрелку компаса — нас сейчас несет на юг, и мы поднимаемся к истокам Нигера.

— Какой был бы прекрасный случай открыть эти самые истоки, если бы, к сожалению, их уже не открыли до нас, — вмешался Джо. — А что, никак нельзя, мистер Самуэль, открыть еще какие-нибудь его истоки?

— Нет, Джо. Но успокойся, — я надеюсь, мы не залетим так далеко.

При наступлении ночи доктор сбросил последний балласт, и «Виктория» поднялась. Но вскоре горелка при полном пламени едва была в состоянии поддерживать ее на одной и той же высоте. В это время «Виктория» находилась в шестидесяти милях южнее Тимбукту, а на следующее утро она уже была на берегах Нигера, недалеко от озера Дебо.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Беспокойство доктора Фергюссона. — Упорное воздушное течение к югу — Туча саранчи. — Город Дженнэ — Столица Сегу — Перемена ветра — Сожаления Джо

В том месте, где очутилась «Виктория», русло Нигера было разделено большими островами на мелкие рукава с очень быстрым течением. На одном из островов путешественники увидели несколько хижин пастухов, но сделать точные съемки этих мест было невозможно, ибо скорость, с которой неслась «Виктория», все возрастала. К несчастью, ее относило к югу, и она в каких-нибудь несколько минут промчалась над озером Дебо.

Фергюссон, расширяя, насколько мог, водород, искал на разных высотах другое воздушное течение, но не находил его и вскоре отказался от этого маневра, вызывавшего усиленную утечку газа, который просачивался через изношенные стенки аэростата.

Доктор не говорил ни слова, но стал очень беспокоиться. Упорное воздушное течение, уносившее шар к югу, разрушало все его планы. Он теперь уж не знал, на кого и на что рассчитывать. Если они не доберутся до английских или французских владений, что будет с ними среди дикарей, опустошающих побережье Гвинеи? Как дождаться там судна, на котором они могли бы вернуться в Англию? А этот ветер

несомненно мчал их к стране Дагомее, обитатели которой отличались особенной дикостью; султан, — а в его руки они должны были неминуемо попасть, — имел обыкновение во время народных празднеств приносить в жертву тысячи людей. Там, конечно, их ждет верная гибель. С другой стороны, «Виктория» все больше выдыхалась, и доктор чувствовал, что скоро она окончательно сдаст.

Между тем погода как будто стала проясняться, и у Фергюссона появилась было надежда на то, что с прекращением дождя могут наступить перемены в воздушных течениях.

Вдруг замечание Джо вернуло его к печальной действительности.

— Ну вот, — проговорил тот, — дождь опять усилился, и на этот раз, судя по приближающейся туче, это уж будет настоящий потоп.

— Как? Опять надвигается туча? — воскликнул доктор.

— Да еще какая! — отозвался Кеннеди.

— Могу сказать, что подобной тучи я в жизни не видывал, — прибавил Джо, — края ее как-то вытянуты, словно по шнуру.

— А я уж было встревожился, — сказал Фергюссон, откладывая в сторону зрительную трубу, — это совсем не дождевая туча.

— Что же это такое? — удивился Джо.

— Это туча, но туча саранчи.

— Саранчи! — воскликнул Джо.

— Да, это миллиарды саранчи, как смерч, проносящиеся над краем. И горе ему, если она здесь сядет, — все подвергнется опустошению.

— Хотелось бы мне на это посмотреть! — заявил Джо.

— Погоди, мой милый, минут через десять туча нас догонит, и ты увидишь все это собственными глазами.

Фергюссон был прав: темная плотная туча в несколько миль длиной уже приближалась с оглушительным шумом, бросая на землю огромную тень; это была несметная орда саранчи. Шагах в ста от «Виктории» вся эта масса опустилась на цветущий

яркозеленый край. Через каких-нибудь четверть часа саранча поднялась и понеслась дальше, а аэронавты успели еще увидеть издали совершенно голые кусты, деревья и словно скошенные луга. Можно было подумать, что внезапно наступившая зима сковала землю и сделала ее бесплодной.

— Ну, что ты скажешь, Джо? — обратился к нему Фергюссон.

— Что я скажу, мистер Самуэль? Что это очень любопытно и вместе с тем очень естественно.

— Пострашнее ливня и даже града, — заметил Кеннеди.

— От саранчи нет никакого спасения, — сказал Фергюссон. — Бывали случаи, когда жители зажигали леса и даже хлебные поля, чтобы остановить движение этих насекомых, но тут первые ряды бросались в огонь, тушили собой пожар, а затем вся масса саранчи непреодолимо двигалась вперед. Хорошо еще, что в этих странах жители вознаграждают себя за такое опустошение тем, что ловят эту самую саранчу в большом количестве и с удовольствием поедают ее.

— Это, должно быть, те же креветки, но только крылатые. Жаль, что мне не удалось попробовать их: надо все знать, — промолвил Джо.

К вечеру внизу стали проноситься более топкие места, леса сменились отдельными группами деревьев; по берегам Нигера можно было различить табачные плантации и болота, поросшие густой травой. Вскоре на большом острове показался город Дженнэ с двумя башнями глиняной мечети; от миллионов ласточкиных гнезд, облепивших городскую стену, исходило ужасное зловоние. Между домами здесь и там возвышались вершины баобабов, мимоз и финиковых пальм. Хотя была уже ночь, но в городе царило большое оживление. Дженнэ — бойкий торговый центр. Он снабжает всем необходимым Тимбукту. Лодки по Нигеру и караваны по тенистым дорогам перевозят туда все изделия местной промышленности.

— Если б это не затягивало нашего путешествия, — сказал доктор, — я попытался бы спуститься в этот город. Здесь, наверно, нашелся бы не один

араб, бывавший и во Франции и в Англии, которого, быть может, и не удивил бы наш способ передвижения. Но остановиться здесь было бы, пожалуй, не очень благоразумно.

— Так отложим это до нашей следующей экскурсии, — смеясь, предложил Джо.

— К тому же, друзья мои, — добавил доктор, — если я только не ошибаюсь, ветер имеет наклонность дуть с востока, а такого случая упускать не надо.

Тут Фергюссон выбросил из корзины несколько ненужных предметов, пустые бутылки и ящик от мяса, и благодаря этому ему удалось поднять «Викторию» в зону, более благоприятствующую его планам. В четыре часа утра первые лучи солнца осветили столицу Бамбара — Сегу. Ее легко узнать: она в сущности состоит из четырех отдельных городов. Своеобразный отпечаток придают ей также мавританские мечети и непрерывное движение паромов, развозящих жителей по различным кварталам. Но аэронавты не имели времени рассматривать эту столицу, и сами не были замечены. Они быстро и прямо мчались на северо-запад, и опасения доктора мало-помалу рассеялись.

— Еще два дня полета с такой скоростью по тому же направлению — и мы будем на реке Сенегал, — объявил он своим товарищам.

— И в дружеской стране? — спросил охотник.

— Не совсем; но, видишь ли, в крайнем случае, если бы наша «Виктория» вдруг сплоховала, мы оттуда могли бы уже пешком добраться до французских владений. Но будем надеяться, что она еще продержится несколько сотен миль; это избавило бы нас от усталости, страхов, опасностей, и мы спокойно добрались бы до западного побережья.

— И это будет конец нашему путешествию! — воскликнул Джо. — Но знаете, что я вам скажу? Если бы не желание рассказать людям обо всем, нами виденном, я предпочел бы никогда не спускаться на землю. А как вы думаете, мистер Самуэль, поверят ли нашим рассказам?

— Как знать, милый мой Джо! Во всяком случае, трудно спорить против фактов: тысячи людей видели,

как мы вылетели с одного побережья Африки, и тысячи увидят, как мы прилетим на другое побережье.

— А при таких данных, мне кажется, трудно будет утверждать, что мы не перелетели через Африку, — отозвался Кеннеди.

— Ах, мистер Самуэль! — с тяжким вздохом проговорил Джо. — Не один раз еще я пожалею о своих камнях из чистого золота! Вот что придало бы вес и правдоподобность нашим рассказам! Только начни я раздавать по грамму золота на слушателя, воображаю, какая толпа собралась бы слушать меня и, пожалуй, восхищаться мной!

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Приближение к реке Сенегал — «Виктория» продолжает уменьшаться в объеме. — Необходимость облегчать ее. — Марабут Эль-Хаджи. — Паскаль, Венсан, Ламбер. — Соперник Магомета — Труднопреодолимые горы. — Ружья Кеннеди — Маневр Джо. — Стоянка над лесом.

27 мая к девяти часам утра местность начала менять свой вид. На покатой равнине стали появляться холмы, указывающие на близость гор. Предстояло перелететь через горную цепь, отделявшую бассейн Нигера от бассейна Сенегала и служившую водоразделом между реками, текущими к Гвинейскому заливу и Зеленому мысу.

Вся эта часть Африки до Сенегала считалась очень опасной. Фергюссон знал это из рассказов своих предшественников-исследователей; здесь в стране негров они вынесли бесчисленные лишения и подвергались бесчисленным опасностям. Многие из спутников Мунго Парка погибли в этих местах из-за вреднейшего климата. Поэтому Фергюссон твердо решил не спускаться в этом негостеприимном крае.

Но он не имел ни минуты покоя. «Виктория» очень заметно сдавала, и приходилось время от времени,

особенно когда надо было преодолеть какую-нибудь вершину, выбрасывать наименее нужные вещи. Это проделывалось на протяжении перелета в сто двадцать миль. Эти спуски и подъемы были очень утомительны. «Виктория», как сизифов камень, падала, как только ее удавалось поднять, и вид ее был далеко не прежний. От недостатка водорода «Виктория» вытянулась в длину и бока ее запали. Ветер, ударяя по ослабевшей оболочке, местами смял ее.

Видя это, Кеннеди не мог удержаться, чтобы не спросить:

— Как ты думаешь, Самуэль, нет ли трещины в оболочке «Виктории»?

— Трещины-то нет, — отозвался доктор, — но, очевидно, гуттаперча под влиянием высокой температуры расплавилась, и тафта стала пропускать водород.

— А как же бороться с этой утечкой? — допрашивал Дик.

— Тут ничего нельзя поделать. Единственно, что остается, — это уменьшить наш груз. Будем выбрасывать все, что только можно.

— Что же еще можно выбросить? — проговорил охотник, оглядывая уже достаточно опустошенную корзину.

— Да хотя бы тент, ведь он весит немало.

Джо, поняв, что этот приказ относится к нему, вскарабкался на металлический круг, к которому была прикреплена сетка шара, откуда без труда снял обе части тента и сбросил их вниз.

— Этим тентом можно одеть целое племя, — заметил он, — ведь туземцам требуется не так-то много одежды.

«Виктория» немного поднялась, но скоро стало очевидно, что она снова снижается.

— Давайте спустимся, — сказал Кеннеди, — и посмотрим, что можно сделать с оболочкой.

— Говорю же тебе, Дик, что нет способа ее починить.

— В таком случае, что же нам делать?

— Пожертвовать всем, что не является совершенно необходимым, — ответил доктор. — Я хочу во что бы

то ни стало избежать стоянки в этой местности. Вот эти леса, над которыми мы пролетаем, далеко не безопасны.

— Что же там водится, мистер Самуэль, львы или гиены? — с презрительным видом проговорил Джо.

— Получше этого, милый мой: люди, и самые свирепые во всей Африке.

— А откуда это известно? — поинтересовался Джо.

— Да из рассказов бывших здесь до нас путешественников, а также французов. Те, живя в своих колониях на Сенегале, поневоле должны сноситься с окружающими их племенами... При полковнике Федербе была предпринята разведка в глубине страны. Некоторые из посланных туда офицеров, например, Паскаль, Венсан, Ламбер, вернулись из своих экспедиций с ценным материалом. Они исследовали страну, находящуюся в излучине Сенегала, там, где война и грабежи оставили после себя одни лишь развалины.

— Что же там произошло?

— А вот что: в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году один марабут (отшельник) из Сенегальской Футы, Эль-Хаджи, стал выдавать себя за пророка — он утверждал, что вдохновлен свыше, как Магомет. Он призывал население к войне против неверных, то есть европейцев. Район между рекой Сенегалом и его притоком Фалеме подвергся разрушению и опустошению. Три орды фанатиков под предводительством Эль-Хаджи прошли по всей стране, не пощадив ни одного селения, ни одной хижины, убивая и грабя. Они вторглись даже в долину Нигера и дошли до города Сегу, который долго был под угрозой. В тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году Эль-Хаджи подался на север и обложил форт Медину, построенный французами на побережье реки; форт оказал ему героическое сопротивление под командованием Поля Голла, который продержался несколько месяцев без продовольствия, без снаряжения, пока на выручку не подошел полковник Федерб. Тогда Эль-Хаджи со своими отрядами снова перешел через Сенегал и вернулся в страну Каарт, опустошая и грабя ее. А теперь мы

летим как раз над тем краем, где он нашел убежище со своими ордами, и уж поверьте мне, что попасть к ним в руки было бы далеко не сладко.

— Ну, так мы и не попадем к ним в руки, хотя бы для поднятия нашей «Виктории» пришлось пожертвовать даже обувью, — сказал Джо.

— Мы уже недалеко от Сенегала, — объявил доктор, — но я предвижу, что перелететь на другой берег мы будем не в силах.

— Во всяком случае, давайте добираться до берега Сенегала, и то уж будет хорошо, — заметил охотник.

— Попробуем, — отозвался доктор, — но, знаете, меня беспокоит одно обстоятельство.

— Какое именно?

— Нам ведь предстоит перелететь через горную цепь, сделать это будет очень трудно; ведь как бы я ни накаливал горелку, увеличить подъемную силу нашей «Виктории» я не смогу.

— Подождем, — промолвил Кеннеди, — а там будет видно.

— Бедная «Виктория»! — воскликнул Джо. — Я привязался к ней, как моряк привязывается к своему кораблю. Признаться, мне нелегко будет с ней расстаться. Конечно, она уж далеко не та, что была, когда мы вылетели из Занзибара, но и хулить ее все-таки не следует: ведь она оказала нам немалые услуги, и бросить ее будет жалко.

— Успокойся, Джо, — сказал доктор. — Мы покинем нашу «Викторию» только в самом крайнем случае, если уж иначе нельзя будет. Она нам будет служить до полного истощения своих сил. Хорошо, если бы этих сил хватило ей еще на сутки.

— Да, силы ее истощаются, — сказал Джо. — Она худеет и, можно сказать, испускает дух. Бедная «Виктория»!

— Если я не ошибаюсь, там, на горизонте, виднеется горная цепь, о которой ты говорил, Самуэль, — заявил Кеннеди.

— Да, это, конечно, те самые горы, — отозвался доктор, посмотрев в подзорную трубу. — Но, однако,

какими они мне кажутся высокими! Трудно нам будет перебраться через них.

— Нельзя ли, Самуэль, избежать этого?

— Не думаю, Дик, чтобы это было возможно. Посмотри, какое огромное пространство они занимают, — чуть не половину горизонта. Нет, перелет через них неизбежен.

— Они даже, кажется, обступают нас со всех сторон. Теперь они видны справа и слева.

— Нет, нам их никак не миновать.

Между тем эта столь опасная преграда, казалось, приближалась с удивительной быстротой, или, вернее сказать, сильнейший ветер мчал «Викторию» прямо к остроконечным вершинам. Чтобы не стукнуться о них, надо было во что бы то ни стало подняться.

— Вылить воду из ящика! Оставить то, что нужно на один день! — приказал Фергюссон.

— Есть! — отозвался Джо.

— Ну как, мы поднимаемся? — спросил Кеннеди.

— Немного поднялись, на каких-нибудь пятьдесят футов, — ответил доктор, не спускавший глаз с барометра, — но этого недостаточно.

В самом деле, скалистые вершины неслись навстречу воздухоплавателям, словно угрожая им. Увы! они высились над шаром более чем на пятьсот футов.

Воду для горелки тоже вылили за борт, оставив всего несколько пинт; но и этого было недостаточно.

— Надо же, однако, подняться, — проговорил доктор.

— Давайте сбросим ящики, раз уж мы вылили из них воду, — предложил Кеннеди.

— Бросайте!

— Есть! — ответил Джо. — Но все-таки, скажу вам, невесело выбрасывать так все, одно за другим, — прибавил он.

— Слушай, Джо, — обратился к нему Фергюссон, — смотри, не вздумай снова принести себя в жертву. Сейчас же поклянись мне, что ни в каком случае не покинешь нас.

— Будьте спокойны, мистер Самуэль, мы с вами не расстанемся.

«Виктория» поднялась еще туазов на двадцать, но остроконечная каменистая вершина, увенчивавшая крутую, как стена, гору, еще возвышалась над ней больше чем на двести футов.

«Если только нам не удастся подняться над этими скалами, то наша корзина через десять минут будет разбита вдребезги»,— пронеслось в голове Фергюссона.

— Ну, что еще делать, мистер Самуэль? — спросил Джо, словно прочитав его мысли.

— Оставь только запас пеммикана, а все это тяжелое мясо долой за борт!

«Виктория» освободилась таким образом еще фунтов от пятидесяти и поднялась на порядочную высоту, но это не имело значения, ибо она все-таки была ниже вершины. Положение становилось ужасным. «Виктория» неслась с огромной быстротой. Казалось, что вот-вот она со страшной силой ударится о скалы и все разлетится вдребезги.

Доктор обвел глазами корзину. Она была почти пуста.

— Дик, если понадобится, будь готов пожертвовать своими ружьями, — проговорил Фергюссон.

— Как! Пожертвовать моими ружьями?! — воскликнул с волнением охотник.

— Друг мой, раз я потребую этого, значит это будет совершенно необходимо.

— Самуэль! Самуэль!

— Пойми, твои ружья, запас пуль и пороха могут нам стоить жизни!..

— Приближаемся, приближаемся! — крикнул Джо.

А гора все еще была выше «Виктории» туазов на десять.

Джо схватил одеяла и вышвырнул их. Не говоря ни слова Кеннеди, он выбросил также несколько мешочков с пулями и дробью. На этот раз шар «Виктории» поднялся выше опасной вершины, его верх озарился солнцем, но корзина все-таки была ниже скал и неминуемо должна была о них разбиться.

— Кеннеди! Кеннеди! — закричал доктор. — Бросай свои ружья — или мы погибли!

— Погодите, мистер Дик! Погодите! — остановил его Джо.

И Кеннеди, обернувшись, увидел, как он скрылся за бортом корзины...

— Джо! Джо! — в отчаянии закричал он.

— Несчастный! — вырвалось у доктора.

Площадка на вершине горы была шириной футов в двадцать, а с другой стороны склон был еще менее отлогим. Корзина как раз опустилась на эту, довольно ровную, площадку и, скрипя по острому щебню, волочилась по ней.

— Проходим! Проходим! Прошли! — раздался голос, заставивший радостно забиться сердце Фергюссона.

Отважный Джо, держась руками за нижний край корзины, бежал по площадке, освободив таким образом «Викторию» от веса своего тела. Ему даже приходилось изо всех сил удерживать шар, рвавшийся ввысь.

Когда Джо очутился у противоположного склона и перед ним раскрылась пропасть, он могучим движением рук поднялся и, ухватившись за веревку, через мгновение был уже подле своих спутников.

— Не так уж было трудно это проделать, — заявил он.

— Славный мой Джо! Друг мой! — проговорил взволнованный доктор.

— Только не думайте, пожалуйста, мистер Самуэль, что это я для вас сделал. Нет, нет! Это для карабина. Я ведь был в долгу у мистера Дика со времени истории с арабом. Но я люблю возвращать долги, и вот теперь мы с ним квиты, — добавил он, подавая охотнику его любимый карабин. — Мне было бы слишком тяжело, если бы вы лишились его, — добавил он.

Кеннеди крепко пожал ему руку, но сказать что-либо был не в силах.

Теперь «Виктории» надо было только спускаться. Это было делом для нее нетрудным. Вскоре она оказалась в двухстах футах от земли и на этой высоте пришла в полное равновесие. Но тут местность стала очень неровной, на ней появилось много возвышенно-

стей, избегать которые было очень нелегко в ночное время, да еще воздушному шару, плохо поддающемуся управлению.

Вечер надвигался чрезвычайно быстро, и доктор волей-неволей вынужден был решиться сделать привал до утра.

— Надо нам поискать подходящее место для спуска, — сказал он.

— Значит, Самуэль, ты все-таки решил спуститься? — отозвался Кеннеди.

— Да, я долго думал над планом, который нам надо будет привести в исполнение. Сейчас всего шесть часов, и у нас на это хватит времени. Джо, сбрось-ка якорь.

Джо немедленно выполнил приказ.

— Мы будем лететь над самыми вершинами вон того огромного леса и зацепимся за одно из деревьев, — сказал доктор, — я ни за что на свете не хотел бы в здешних местах провести ночь на земле.

— А можно будет вылезть, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Зачем? Повторяю: здесь нам очень опасно разделяться. К тому же я буду просить вас обоих помочь мне в трудной работе.

«Виктория», летевшая над густым лесом, едва не касаясь верхушек деревьев, вдруг остановилась. Ее якорь, наконец, зацепился. К ночи ветер совсем спал, и «Виктория» почти неподвижно повисла над зеленым морем сикоморов.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Борьба великодуший. — Последняя жертва. — Прибор для расширения газа. — Ловкость Джо. — Полночь. — Вахта доктора. — Вахта Кеннеди. — Его сон. — Пожар. — Крики и выстрелы. — Вне опасности.

Фергюссон начал с того, что по звездам определил свое местонахождение. Оказалось, что они были на расстоянии миль двадцати пяти от Сенегала.

Отметив это на карте точкой, доктор сказал:

— Все, что мы можем сделать, друзья мои, — это переправиться через Сенегал. Но так как в нашем распоряжении не будет ни моста, ни лодки, нам надо во что бы то ни стало перебраться через реку на нашей «Виктории». Поэтому совершенно необходимо еще облегчить ее.

— Но я не вижу, что мы тут можем сделать, — сказал Кеннеди, все опасавшийся за свои ружья. — Единственный выход, по-моему, в том, чтобы кто-нибудь из нас пожертвовал собой, оставшись позади... И на этот раз я очень прошу эту честь оказать мне.

— Ну, вот еще! — воскликнул Джо. — Как будто я не привык...

— Тут, друг мой, — перебил его Кеннеди, — речь идет вовсе не о том, чтобы выброситься из «Виктории», а о том, чтобы пешком добраться до побережья океана. Я же хороший ходок, хороший стрелок...

— Никогда на это не соглашусь! — закричал Джо.

— Ваш спор совсем ни к чему, друзья мои, — вмешался Фергюссон. — Мне думается, что мы не дойдем до такой крайности. Но если даже и так, мы, конечно, не расстались бы, а все втроем попытались бы пешком пробраться через этот край.

— Хорошо сказано! — воскликнул Джо. — Маленькая прогулка, понятно, не повредила бы нам!

— Но раньше, — продолжал доктор, — мы прибегнем к последнему способу, чтобы облегчить нашу «Викторию».

— Что же это за способ? — спросил Кеннеди.

— Нужно избавиться от ящиков, соединенных с горелкой, а также от батареи Бунзена и змеевика. Ведь во всем этом около девятисот фунтов.

— Но, Самуэль, как же ты станешь расширять газ?

— Да я и не буду его расширять. Мы обойдемся без этого.

— А все-таки...

— Послушайте, друзья мои, — перебил доктор своего друга, — я самым точным образом высчитал, какая подъемная сила останется в нашем распоряжении. Она достаточна, чтобы поднять нас троих с тем

немногим, что будет у нас в корзине. Все это, считая даже два якоря, которые я хотел бы сохранить, не будет весить и пятисот фунтов.

— Что тут говорить, дорогой Самуэль, ты лучше нас разбираешься в таких вопросах, — сказал охотник. — Один ты можешь верно оценить наше положение. Говори нам, что надо делать, и мы все исполним.

— К вашим услугам, мистер Самуэль, — присоединился к Кеннеди Джо.

— Повторяю, друзья мои, как ни серьезен этот шаг, но нам надо пожертвовать всеми нашими приборами.

— Ну, и пожертвуем ими! — поддержал его Кеннеди.

— Тогда за работу! — воскликнул Джо.

А работа была не из легких. Надо было разобрать механизм: сначала снять смесительную камеру, потом камеру нагрева с горелкой и, наконец, ящик, где происходило разложение воды.

Трем аэронавтам едва удалось совместными усилиями оторвать все эти приборы от дна корзины, к которому они крепко-накрепко были приделаны, но Кеннеди обладал огромной силой, Джо — ловкостью, а Самуэль — изобретательностью, и в конце концов они все-таки добились своего. Все приборы были выброшены за борт и исчезли, нанеся немалый урон листве сикоморов.

— Воображаю, как будут удивлены негры, найдя в своем лесу подобные вещицы! — заметил Джо. — Пожалуй, они способны сделать из них идолов.

Затем надо было заняться трубками, идущими в оболочку шара. Джо сейчас же взобрался на несколько футов выше корзины и там перерезал каучуковые соединения. Но с самими трубками дело было потруднее, так как верхние их концы были прикреплены с помощью латунных проволок к ободу клапана. Тут Джо проявил удивительную ловкость: босой, чтобы не повредить оболочки, он, несмотря на раскачивание шара, вскарабкался по сетке до верхушки «Виктории» и там, держась одной рукой, умудрился

отвинтить наружные гайки, закреплявшие трубки. Эти трубки с легкостью отделились и были удалены через нижний придаток, отверстие которого Джо снова герметически закрыл. «Виктория», освободившись от значительного груза, распрямилась и сильно натянула веревку, привязанную к якорю.

К двенадцати часам ночи эта работа, потребовавшая стольких усилий, была благополучно закончена. Путешественники наскоро поужинали пеммиканом и холодным грогом, — ведь, увы, горелки в распоряжении Джо уже не было.

Джо и Кеннеди просто падали от усталости. Заметив это, Фергюссон сказал им:

— Теперь, друзья мои, укладывайтесь и спите, я же буду нести первую вахту. В два часа я разбужу Кеннеди, а он в четыре — Джо. В шесть утра мы должны вылететь, и да поможет нам небо в этот последний день.

Не заставляя себя просить, оба спутника доктора улеглись на дно корзины и мгновенно заснули крепчайшим сном.

Кругом все было спокойно. По временам несколько тучек набегало на луну. Находясь в последней четверти, она едва светила. Фергюссон, опершись на борт корзины, оглядывал окрестность. Он внимательно наблюдал за темной листвой, расстилавшейся под его ногами и скрывавшей от него землю. Малейший шум казался ему подозрительным, он искал объяснения даже легкому трепету листвы. Фергюссон был в том настроении, когда на ум идут тревожные мысли о всевозможных ужасах; одиночество еще обостряло эти смутные опасения. Преодолев столько препятствий и приближаясь к цели, он был взволнован, страхи его усилились, и ему казалось, что конец пути словно уносится от него.

К тому же положение путешественников было не из приятных. Находились они среди свирепых дикарей и располагали далеко ненадежным способом передвижения. Прошло время, когда доктор мог полагаться на свою «Викторию» и проделывать на ней смелые маневры.

Фергюссону в его тревожном состоянии духа порой казалось, что до него доносится из леса какой-то неопределенный шум, а однажды между деревьями даже как будто блеснул огонек. Вооружившись подзорной трубой, он еще внимательнее стал всматриваться в темноту, но решительно ничего не увидел и не услышал. Очевидно, у него была галлюцинация. Он снова стал прислушиваться, но не мог уловить ни малейшего шума. В это время как раз заканчивалась его вахта, он разбудил Кеннеди и, наказав ему быть особенно бдительным, улегся подле Джо, спавшего мертвым сном. А Кеннеди, протирая слипавшиеся глаза, спокойно зажег свою трубку и, опершись на борт корзины, стал усиленно курить, чтобы этим разогнать одолевавший его сон.

Кругом царила мертвая тишина. Легкий ветерок слегка шевелил верхушки деревьев и, покачивая «Викторию», как бы убаюкивал сонного охотника. Тот изо всех сил старался стряхнуть с себя дремоту: поднимал отяжелевшие веки, таращил в темноте почти ничего не видевшие глаза, но в конце концов, поддавшись непреодолимой усталости, все-таки заснул.

Сколько времени проспал Дик, он и сам не мог бы сказать. Вдруг он был разбужен неожиданным светом и потрескиванием.

Он открыл глаза и вскочил. Ему в лицо пахнуло сильнейшим жаром. Лес внизу пылал...

— Пожар! Горим! — закричал он, хорошенько не понимая, что вокруг него творится.

Оба товарища его вскочили со своих мест.

— Что такое? — спросил Самуэль.

— Пожар! — отозвался Джо. — Но кто мог...

В этот миг под залитой огнем листвой раздались громкие крики.

— А, дикари! — закричал Джо. — Это они подожгли лес, чтобы уж наверняка нас изжарить.

— Это племя талиба. Головорезы Эль-Хаджи, — сказал доктор.

Кругом «Виктории» свирепствовал огонь. Треск сухих ветвей смешивался с шипеньем зеленых. Лианы, листья — словом, все живое в этой растительности из-

валось от действия разрушительной стихии. Всюду бушевал океан пламени. На фоне его вырисовывались черные стволы огромных деревьев с обуглившимися ветвями. И этот пылающий океан отражался в тучах. Самый воздух, казалось, был объят пламенем.

— Скорее на землю! — крикнул Кеннеди. — В этом наше спасение!

Но Фергюссон, крепко схватив своего друга за руку, удержал его, а затем бросился к якорному канату и одним взмахом топора перерубил его. Огонь со всех сторон подбирался к «Виктории», он уже лизал ее освещенные бока, но она, освободившись от своих уз, взвилась на тысячу футов ввысь.

По лесу понеслись ужасающие вопли, раздались оглушительные ружейные выстрелы.

А «Виктория», подхваченная утренним ветром, уже неслась к западу. Было четыре часа утра.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Племя талиба. — Погоня. — Опустошенный край. — Умеренный ветер. — «Виктория» все снижается. — Выброшены последние продукты. — Скачки «Виктории». — Защита с оружием в руках. — Ветер свежеет. — Река Сенегал. — Гуинский водопад. — Нагретый воздух. — Перелет через Сенегал.

— Не сними мы с вами вчера вечером приборов с нашей «Виктории», нам, без всякого сомнения, пришел бы конец, — заговорил доктор.

— Вот что значит сделать все во-время, — заметил Джо. — Спаслись — и так просто.

— Но мы еще далеко не вне опасности, — возразил Фергюссон.

— Что же тебя пугает, Самуэль? — спросил Кеннеди. — Ведь опуститься «Виктория» не может, а если бы даже она и опустилась, велика ли беда?

— Велика ли беда? — повторил доктор. — А ну-ка, Дик, взгляни!

«Виктория» как раз пролетала над опушкой леса, и там аэронавты увидели человек тридцать всадников, одетых в широкие шаровары и развевающиеся по ветру бурнусы. Всадники были вооружены копьями и мушкетами и скакали рысью на своих резвых, горячих лошадях по тому же направлению, по которому двигалась потерявшая свою скорость «Виктория».

Завидев шар, всадники принялись дико кричать и размахивать оружием. Их смуглые лица, казавшиеся еще более свирепыми благодаря жидким всклокоченным бородам, выражали лютую ненависть и жажду разделаться со своими жертвами. И они с большой легкостью неслись по равнине, спускавшейся к реке Сенегал.

— Конечно, это жестокие дикари племени талиба, свирепые сподвижники Эль-Хаджи, — сказал Фергюссон. — Да, признаться, я предпочел бы очутиться в лесу среди хищных зверей, чем попасть в руки этих бандитов.

— Вид у них действительно не особенно мирный, — отозвался Кеннеди, — и притом какие здоровенные детины.

— Хорошо еще, что такие звери не летают, — промолвил Джо. — Это все-таки выигрыш для нас.

— Взгляните-ка, — продолжал Фергюссон, — на эти разоренные поселения, на сожженные хижины, — это ведь все их рук дело. Там, где были возделанные, цветущие поля, теперь полнейшее запустение.

— Ну, им нас не догнать, — заметил Кеннеди, — а если нам еще удастся перелететь через Сенегал, то там уж мы будем в полной безопасности.

— Совершенно верно, Дик, но все это при условии, если мы не станем снижаться, — проговорил доктор, не спуская глаз с барометра.

— А знаешь, Джо, нам с тобой совсем не лишнее иметь наготове ружья, — промолвил Кеннеди.

— Конечно, мистер Дик, это повредить не может, — отозвался Джо. — Как хорошо, что мы их не посеяли в пути!

— Ах, драгоценный ты мой карабин! — воскликнул охотник. — Надеюсь, я никогда с тобой не расстанусь!

И Кеннеди зарядил ружье с особенной тщательностью. К счастью, пороха и пуль еще имелось в достаточном количестве.

— На какой мы сейчас высоте, Самуэль? — спросил Дик своего друга.

— Приблизительно на высоте семисот пятидесяти футов. Но теперь уж не в нашей власти подниматься и опускаться, искать в воздухе благоприятных течений. Мы находимся в полной зависимости от нашей «Виктории».

— Это очень прискорбно, — промолвил Кеннеди. — Ветер как назло очень умеренный. Вот повстречай мы такой ураган, какой свирепствовал все последние дни, давно бы мы потеряли из виду этих бандитов!

— Теперь эти плуты не особенно что-то спешат, — заметил Джо, — они не утруждают себя и едут рысцой, словно на прогулке.

— Будь мы от них на расстоянии ружейного выстрела, уж позабавился бы я — стал бы вышибать их из седла одного за другим, — заявил охотник.

— Так-то так, — отозвался доктор, — но ведь и мы тогда очутились бы на расстоянии ружейного выстрела от них, и наша «Виктория» была бы превосходной мишенью для их длинных мушкетов. А ты можешь себе представить, в каком положении мы бы очутились, если бы они продырявили ее оболочку!

Погоня продолжалась все утро. К одиннадцати часам «Виктория» едва пролетела пятнадцать миль на запад.

Доктор внимательно следил за каждым облачком на горизонте. Он все боялся перемены направления ветра. Что было бы с ними, если бы их отбросило назад, к Нигеру! К тому же он видел, что «Виктория» вообще заметно снижается. С момента вылета она успела опуститься более чем на триста футов, а Сенегал был от них еще милях в двенадцати. Передвигаясь с такой скоростью, они могли добраться до него не раньше чем в три часа.

Вдруг внимание Фергюссона привлекли вновь раздавшиеся крики. Всадники в страшном возбуждении гнали вовсю своих коней.

Доктор бросил взгляд на барометр и сразу понял, что значат эти завывания.

— Мы опускаемся, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Да, — сказал Фергюссон.

«Черт возьми!» — подумал Джо.

Через четверть часа «Виктория» была меньше чем в ста пятидесяти футах от земли, но, к счастью, ветер несколько усилился.

А всадники неслись во всю прыть, и вскоре прогремел залп из их мушкетов.

— Не попали, дуралеи! — воскликнул Джо. — Но, кажется, следует держать этих негодяев на приличном расстоянии, — добавил он и, целясь в скачущего впереди всадника, выстрелил. Тот скатился с лошади; товарищи его остановились, и благодаря этому «Виктория» несколько опередила своих врагов.

— Они осторожны, — заметил Кеннеди.

— Да, но потому, что не сомневаются в успехе, — сказал Фергюссон, — и, конечно, им удастся захватить нас, если мы спустимся еще ниже. Необходимо во что бы то ни стало подняться!

— Что же еще выбросить? — спросил Джо.

— Весь пеммикан, какой только остался. Все-таки избавимся еще фунтов от тридцати.

— Есть, мистер Самуэль! — ответил Джо, выполняя приказ.

Корзина, почти касавшаяся земли, в этот миг поднялась. У дикарей вырвался крик ярости. Но через каких-нибудь полчаса «Виктория» опять стала быстро снижаться; очевидно, газ уходил через трещины оболочки. Вскоре корзина снова стала задевать за землю. Негры бросились к ней. Но «Виктория», как это обычно бывает, ударившись о землю, подскочила вверх и, только пролетев еще с милю, снова стала падать.

— Да неужели нам не удастся вырваться?! — с бешенством воскликнул Кеннеди.

— Джо, бросай наш запас водки! — крикнул Фергюссон. — Бросай инструменты, бросай все, имеющее какой-либо вес! Бросай даже наш последний якорь! Это необходимо!

Джо стал срывать и кидать барометры, термо-

метры, но всего этого было мало, и «Виктория», на минуту подпрыгнув, снова начала опускаться на землю. Негры мчались к ней и были уже шагах в двухстах.

— Бросай оба ружья! — крикнул доктор.

— Но уж не раньше, чем выпалим из них! — воскликнул охотник.

И четыре выстрела, направленные в гущу всадников, раздались один за другим. Четыре негра свалились на землю под бешеные, неистовые крики остальной шайки.

Сброшенные ружья дали возможность «Виктории» снова подняться, и тут она, словно колоссальный упругий мяч, отскакивая от земли, начала делать огромные прыжки.

Странное зрелище! Трое несчастных пытаются уйти от своих врагов, делая гигантские шаги, и, точно Антей, набираются новых сил от прикосновения к земле!

Но это ужасное положение должно было кончиться! Приближался полдень. «Виктория» вся как-то съежилась, вытянулась; дряблая ее оболочка развевалась, складки тафты, шурша, терлись друг о друга.

— Бог покинул нас! — вырвалось у Кеннеди. — Нам неминуемо предстоит свалиться.

Джо молча посмотрел на Фергюссона.

— Нет! — проговорил доктор. — Мы можем еще сбросить больше ста пятидесяти фунтов.

— Что же именно? — спросил Кеннеди, у которого в голове мелькнула страшная мысль, что его друг сошел с ума.

— Корзину! — ответил Фергюссон. — А сами уцепимся за сетку и так, держась за нее, достигнем Сенегала. Скорей же! Скорей за дело!

Отважные люди без колебания ухватились и за этот способ спасения. Как сказал доктор, они вцепились в петли сетки. Джо, держась за сетку одной рукой, другой перерезал веревки, на которых висела корзина, и она упала в то мгновение, когда «Виктория» окончательно опускалась вниз.

— Ура! Ура! — закричал Джо, когда облегченный шар сразу подпрыгнул вверх футов на триста.

Всадники изо всех сил гнали своих лошадей, которые почти распластывались по земле, но «Виктория», попав в благоприятное воздушное течение, опередила их и быстро неслась к холму, вырисовывавшемуся на западе. Для путешественников это было выгодно: они перелетели через холм, а шайке их преследователей пришлось объехать его с северной стороны.

Три друга продолжали крепко держаться за сетку. Они умудрились связать под собой висевшие веревки, и получилось нечто вроде большого свободного кармана.

Перелетев через холм, доктор радостно закричал:

— Река! Река! Сенегал!

В самом деле, в каких-нибудь двух милях от них могучая река катила свои бурные воды. Ее противоположный берег, низкий и цветущий, сулил им верное убежище и был удобен для спуска.

— Еще четверть часа — и мы спасены! — радостно сказал Фергюссон.

Но, увы, их полету не суждено было кончиться так благополучно. «Виктория», теряя свой последний водород, все больше и больше снижалась. Она летела теперь над совершенно бесплодной местностью. Отлогие склоны чередовались с каменистыми равнинами. Кое-где лишь виднелись жалкие кустики и густая, совершенно высохшая под жгучими лучами солнца трава.

«Виктория», несколько раз коснувшись земли, снова поднималась, но скачки ее с каждым разом делались все ниже и короче. И вдруг она зацепилась верхней частью своей сетки за ветки одиноко стоявшего среди пустыни баобаба.

— Ну, теперь конец! — проговорил Кеннеди.

— И всего в ста шагах от реки, — добавил Джо.

Трое несчастных воздухоплавателей спустились на землю, и доктор побежал со своими товарищами к Сенегалу. От реки несся неимоверный шум. Дойдя до берега, доктор догадался, что это был Гуинский водопад. Кругом не было ни единой лодки, ни единого живого существа.

Сенегал, в этом месте шириной в две тысячи футов, с оглушительным шумом низвергался с высоты

ста пятидесяти футов. Река текла с востока на запад, а линия скал, преграждавших ей путь, тянулась с севера на юг. Волны разбивались об огромные утесы причудливой формы, напоминавшие чудовищных допотопных животных.

Было совершенно очевидно, что перебраться через эту бездну немыслимо.

У Кеннеди невольно вырвался жест отчаяния. Но энергичный и отважный Фергюссон и тут нашелся.

— Не все еще потеряно! — воскликнул он.

— Так я и знал! — отозвался Джо, ни на минуту не перестававший верить в своего доктора.

При виде сухой травы в голове Фергюссона мелькнула смелая мысль. «Да, — сказал он себе, — это единственное, что может спасти нас», и сейчас же повел своих товарищей обратно к оболочке шара.

— Этим бандитам не доскакать до нас раньше чем через час, — начал Фергюссон, — нам нельзя терять ни минуты. Соберите как можно больше сухой травы, — мне ее понадобится по крайней мере фунтов сто.

— Зачем она тебе? — поинтересовался Кеннеди.

— Раз у меня нет газа, — что ж, я перелечу через реку при помощи нагретого воздуха!

— Ах, Самуэль, ты поистине великий человек! — воскликнул Кеннеди.

Тут Джо и Кеннеди немедленно принялись за работу, и вскоре целый стог сена вырос у баобаба. Фергюссон же начал с того, что выпустил из шара через клапан весь остаток водорода, а затем увеличил отверстие внизу оболочки, срезав нижнюю часть шара. Закончив приготовления, он нагреб под отверстие некоторое количество сухой травы и зажег ее.

Чтобы наполнить шар нагретым и, следовательно, легким воздухом, требуется немного времени; температуры в 100° достаточно, чтобы наполовину уменьшить вес содержащегося в нем воздуха, разрежая его. И вскоре «Виктория» начала все больше и больше округляться, благо в сухой траве не было недостатка и доктор усердно ее подбрасывал.

Было без четверти час.

В этот момент показался на севере, не дальше чем в двух милях, отряд преследователей. Уже доносились их крики и громкий топот мчавшихся галопом коней.

— Через двадцать минут они будут здесь, — проговорил Кеннеди.

— Джо! Травы! Еще травы! — крикнул Фергюссо — И через десять минут мы будем в воздухе!

— Извольте, мистер Самуэль!

«Виктория» была уже на две трети наполнена нагретым воздухом.

— Ну, а теперь, друзья мои, — сказал доктор, — давайте снова уцепимся за сетку.

— Есть! — отозвался охотник.

Минут через десять толчки шара показали, что он вот-вот поднимется.

Всадники уже приближались, они были всего шагах в пятистах.

— Держитесь крепче! — крикнул Фергюссон.

— Не бойтесь за нас, мистер Самуэль! Не бойтесь!

Тут доктор ногой подбросил в костер еще некоторое количество сухой травы, и «Виктория», окончательно наполнившись, быстро стала подниматься, задевая по пути за ветви баобаба.

— Полетели! — радостно закричал Джо.

Как бы в ответ на это, раздался залп из мушкетов, и одна из пуль задела плечо Джо. Но Кеннеди, нагнувшись, одной рукой выстрелил из своего карабина, и еще один враг свалился на землю. Дикари яростно вопили при виде поднимавшейся ввысь «Виктории». Но она, захваченная на высоте восьмисот футов сильным воздушным течением, раскачиваясь, уже неслась через Сенегал. Отважный доктор и его товарищи смотрели вниз, на бушующий под ними водопад.

Через десять минут бесстрашные аэронавты в глубоком молчании начали спускаться к противоположному берегу Сенегала.

Там стояло человек десять, одетых во французскую военную форму, — удивленных, восхищенных, испуганных. Можно представить себе, до чего их ошеломило появление «Виктории», поднимавшейся с того

берега. Они были недалеки от того, чтобы увидеть в этом спускавшемся с небес шаре чудо. Но их начальники, лейтенант морской пехоты и мичман, знали из европейских газет о смелой экспедиции доктора Фергюссона и сейчас же поняли, что происходит.

Между тем «Виктория», понемногу теряя подъемную силу, стала снижаться со своими смельчаками-воздухоплавателями, вцепившимися в ее сетку. Казалось сомнительным, чтобы она могла достигнуть земли. И вот французы бросились в реку и подхватили трех англичан в тот момент, когда «Виктория» свалилась в воду в нескольких саженях от левого берега Сенегала.

— Доктор Фергюссон? Не правда ли? — крикнул лейтенант.

— Он самый и два его друга, — спокойно ответил доктор.

Французы на руках вынесли путешественников из реки, а «Виктория», съежившись, понеслась, словно огромный пузырь, по мчавшимся водам Сенегала и вместе с ними исчезла в Гуинском водопаде.

— Бедная «Виктория»! — воскликнул Джо.

На глазах доктора блеснули слезы, которых он не мог сдержать. Он протянул руки двум друзьям своим, и те, охваченные волнением, бросились в его объятия...

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Заключение. — Протокол. — Французские учреждения. — Мединский военный пост. — Пароход «Базилика». — Сен-Луи. — Английский фрегат. — Возвращение в Лондон.

Французы, находившиеся на берегу, принадлежали к экспедиции, посланной сюда сенегальским губернатором. То были два офицера — лейтенант морской пехоты Дюфрэс и мичман Родамель, — один сержант и семеро солдат.

Проведя два дня в поисках наиболее удобного места для устройства военного поста в местности Гуина, они стали очевидцами прибытия доктора Фергюссона.

Нетрудно себе представить, какой горячий прием был оказан трем путешественникам. Их обнимали, поздравляли. Французы, на глазах которых завершился отважный перелет, тем самым становились свидетелями прибытия Самуэля Фергюссона на Гуинский водопад. Потому-то доктор и обратился к лейтенанту Дюфрэсу с просьбой официально удостоверить этот факт.

— Надеюсь, вы не откажетесь поставить свое имя под протоколом? — спросил он.

— К вашим услугам, доктор Фергюссон, — с жаром ответил лейтенант Дюфрэс.

Французы тотчас же отвели англичан на свой временный пост, находившийся неподалеку, на берегу Сенегала. Здесь их окружили вниманием, заботами, накормили обильным обедом. Тут же был составлен и подписан следующий протокол, находящийся и поныне в архиве Лондонского географического общества:

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что сего числа были очевидцами появления на воздушном шаре доктора Фергюссона и его двух спутников, Ричарда Кеннеди и Джозефа Вильсона, державшихся за сетку этого шара. Самый воздушный шар упал в реку Сенегал всего в нескольких метрах от нас и, унесенный течением, исчез в Гуинском водопаде. В удостоверение вышесказанного мы и подписываем совместно с названными лицами настоящий протокол.

Гуинский водопад.
21 мая 1862 года.

Самуэль Фергюссон. Ричард Кеннеди.
Джозеф Вильсон.
Лейтенант морской пехоты *Дюфрэс.*
Мичман *Родамель.*
Сержант *Дюфэ.*
Солдаты: *Флиппо, Мейер, Пелисье,*
Лоруа, Расканье, Гильон, Дебель».

Так закончился удивительный перелет доктора Фергюссона и его славных товарищей — перелет, засвидетельствованный очевидцами. Теперь они были в кругу

друзей, среди мирных туземных племен, имевших частые сношения с местными французскими учреждениями.

Путешественники прибыли на берег Сенегала в субботу 24 мая, а уже 27 мая отправились на Мединский военный пост, расположенный несколько севернее, на берегу Сенегала.

Здесь французские офицеры встретили их тоже с распростертыми объятиями и оказали им самое широкое гостеприимство. Фергюссон и его товарищи в тот же день сели на маленький пароходик «Базилика», спускавшийся вниз по течению к устью Сенегала. Через две недели, 10 июня, трое друзей прибыли в Сен-Луи, где местный губернатор устроил им торжественный прием.

За это время они совершенно оправились от пережитых волнений и усталости. Джо не переставал повторять:

— Если хорошенько подумать, это было довольно-таки скучное путешествие. По правде сказать, я не посоветовал бы предпринимать подобный перелет любителю сильных ощущений. Под конец он становится скучным, и не будь приключений на озере Чад и на Сенегале, пожалуй, можно было помереть с тоски.

Из Сен-Луи отходил английский фрегат, который и взял на борт путешественников. Они высадились в Портсмуте 25 июня, а на следующий день были в Лондоне.

Мы не станем описывать прием, оказанный аэронавтам Лондонским географическим обществом, и встретивший их всеобщий восторг.

Вскоре после чествования Кеннеди уехал к себе в Эдинбург, не позабыв, конечно, взять с собой знаменитый свой карабин. Дику не терпелось поскорее успокоить свою старую экономку.

Фергюссон с верным Джо остались все такими же, какими мы знали их, но в их отношениях незаметно для них самих появилось что-то новое — они стали друзьями.

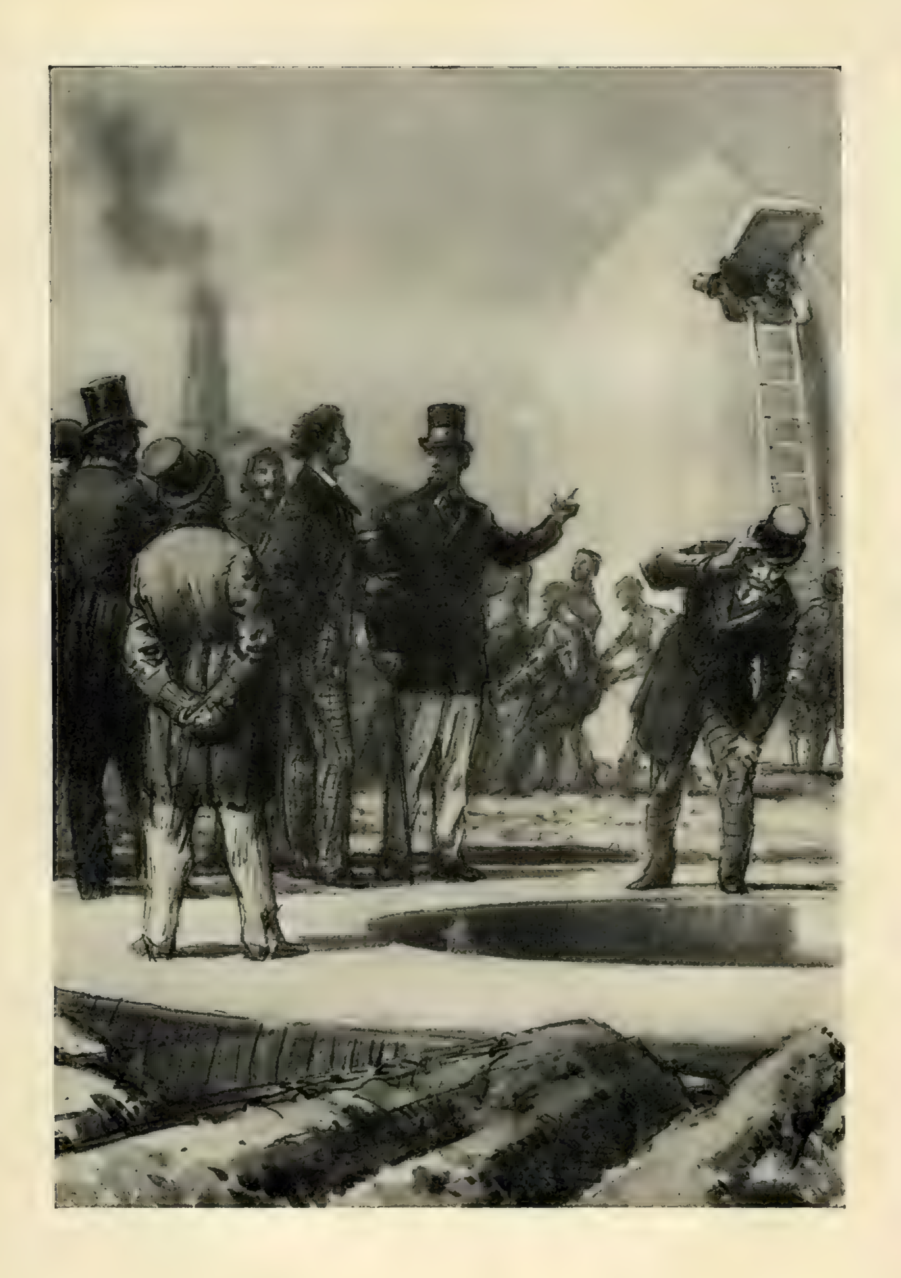
Все газеты не только Англии, но и всей Европы были переполнены самыми восторженными отзывами об отважных аэронавтах. А газета «Дейли телеграф»,

напечатавшая лишь краткое описание их перелета, разошлась в этот день в количестве девятисот семидесяти семи тысяч экземпляров.

Доктор Фергюссон сделал доклад о своей воздушной экспедиции в Лондонском географическом обществе; медаль за самое замечательное исследование в 1862 году была присуждена доктору Фергюссону и обоим его спутникам.

Экспедиция доктора Фергюссона, во-первых, подтвердила самым точным образом все факты, установленные его предшественниками — Бартом, Бёртоном, Спиком и другими, все съемки, сделанные ими. Экспедиции же, недавно предпринятые Спиком и Грантом, Хейглином и Мунцингером к истокам Нила и в Центральную Африку, вскоре дадут нам возможность проверить открытия, сделанные самим доктором Фергюссоном на огромном пространстве Африканского континента между четырнадцатым и тридцать третьим градусами восточной долготы.

1863 г.



С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ

прямым путем
за 97 часов 20 минут

Перевод Марко Вовчок
под редакцией М. Вахтеровой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Пушечный клуб»

Во время гражданской войны в Соединенных Штатах новый чрезвычайно влиятельный клуб возник в Балтиморе, главном городе штата Мэриленд. Мы знаем, с какою силой пробудился тогда военный дух американцев — этого народа предпринимателей, купцов и механиков. Простые торговцы бросали свои прилавки и внезапно превращались в капитанов, полковников и генералов, отлично обходясь без дипломов военных училищ Вест-Пойнта; они быстро сравнялись в «военном искусстве» с европейскими своими собратьями и, подобно им, не жалея ядер, миллионов, а главное, людей, стали одерживать победу за победой.

А в артиллерийской науке — в баллистике — американцы, на диво всем, даже превзошли европейцев. Нельзя сказать, чтобы их приемы стрельбы достигли большего совершенства, но они создали орудия необычайных размеров, бившие на неслыханные до тех пор расстояния. В искусстве настильного, навесного и ураганного огня, флангового, продольного и тылового обстрела англичане, французы и пруссаки достигли высокого совершенства; но их пушки, гаубицы и мортиры кажутся простыми пистолетами по сравнению с колоссальными орудиями американской артиллерии.

Впрочем, тут нечему удивляться. Янки — первые механики в мире; они словно родятся инженерами, как итальянцы — музыкантами, а немцы — метафизиками. Естественно, и в артиллерийскую науку они внесли свою смелую, подчас дерзкую изобретательность. Отсюда — их гигантские пушки, гораздо менее полезные, чем их швейные машины, но столь же удивительные и вызывающие еще большее восхищение. Всем известны необыкновенные огнестрельные орудия Паррота, Дальгрина и Родмена. Их европейским коллегам Армстронгу, Пализеру и Трей-де-Болье оставалось только преклониться перед своими заморскими соперниками.

Во время кровопролитной войны северян с южанами артиллеристы пользовались особенным почетом. Американские газеты с восторгом возвещали об их изобретениях, и, кажется, не было такого мелкого лавочника или невежественного booby [1], который день и ночь не ломал бы головы над вычислением сумасшедших траекторий.

А когда у американца зародится идея, он ищет товарища, который разделил бы ее. Если во мнениях сойдутся трое, то один из них немедленно избирается председателем, а двое других — секретарями. Если их четверо, то назначается архивариус — и готово «бюро». Если их пятеро, то созывается «общее собрание» — и клуб учрежден!

Так было и в Балтиморе. Первый, кто изобрел новую пушку, вступил в союз с первым, кто согласился эту пушку отлить, и с первым, кто взялся ее высверлить. Так возникло «ядро» «Пушечного клуба». Через месяц клуб насчитывал уже 1833 действительных члена и 35 365 членов-корреспондентов.

Всякому желающему вступить в члены клуба ставилось conditio sine qua non [2]; он должен был изобрести или, по меньшей мере, усовершенствовать пушку, а в крайнем случае какое-нибудь иное огнестрельное оружие. Нужно, однако, сказать, что изобретатели

---

[1] Простак, болван *(англ.)*.

[2] Непременное условие *(лат.)*.

пятнадцатизарядных револьверов, нарезных штуцеров и сабель-пистолетов не пользовались особым почетом. Артиллеристы всюду и везде их затмевали.

— Уважение, которое они приобретают, — провозгласил однажды один из самых ученых ораторов «Пушечного клуба», — прямо пропорционально «массам» их пушек и «квадратам расстояний», которые пролетают их снаряды.

Еще немного — и можно было бы распространить Ньютонов закон всемирного тяготения на всю духовную жизнь.

Легко себе представить размах американской изобретательности после учреждения «Пушечного клуба». Военные орудия начали принимать колоссальные размеры, а снаряды стали перелетать через все дозволенные расстояния, иной раз разрывая в клочки безобидных прохожих. Все эти изобретения скоро оставили далеко позади скромные по своим размерам европейские орудия. Вот цифры.

Прежде, «в доброе старое время», ядро в тридцать шесть фунтов весом могло прострелить на расстоянии трехсот футов лишь тридцать шесть лошадей, поставленных поперек его пути, или шестьдесят восемь человек. Это была младенческая пора артиллерийского искусства. С тех пор снаряды далеко улетели вперед. Например, пушка Родмена била на расстоянии семи миль, и ее ядро, весом в полтонны, легко могло «скосить» сто пятьдесят лошадей и триста человек. В «Пушечном клубе» был даже возбужден вопрос, не произвести ли этот смелый опыт. Но если лошади и согласились бы подвергнуться подобному испытанию, то среди людей, к сожалению, охотников не нашлось.

Во всяком случае, эти орудия были весьма смертоносны: при каждом их выстреле сражавшиеся падали целыми рядами, словно колосья под ударами косы. И какими жалкими по сравнению с такого рода снарядами показалось бы и знаменитое ядро, которое в 1587 году в битве при Кутра сразило двадцать пять человек, и то, которое в 1758 году при Цорндорфе убило сорок пехотинцев, и, наконец, австрийская пушка, поражавшая в битве при Кессельдорфе

каждым своим выстрелом семьдесят человек. Что значили теперь наполеоновские пушки, убийственный огонь которых решил судьбу сражений при Иене и Аустерлице? Все это были лишь первые цветочки! В битве при Геттисберге конический снаряд, выпущенный из нарезной пушки, разом уложил сто семьдесят три южанина, а при переправе через реку Потомак один родменовский снаряд отправил в лучший мир двести пятнадцать южан. Следует также упомянуть об огромной мортире, изобретенной Дж. Т. Мастоном, выдающимся членом и непременным секретарем «Пушечного клуба»; действие ее было крайне губительным: при ее испытании оказались убитыми триста тридцать семь человек; правда, все они погибли от взрыва самой мортиры!

Что еще остается добавить к этим красноречивым цифрам? Решительно ничего. Поэтому никто не станет оспаривать следующих вычислений статистика Питкерна: разделив число жертв артиллерийского огня на число членов «Пушечного клуба», он установил, что на каждого члена приходится «в среднем» по две тысячи триста семьдесят пять с дробью убитых!

Если вдуматься в эти цифры, то станет ясно, что единственною заботою этого ученого общества было истребление рода человеческого (хотя и в филантропических целях) путем усовершенствования боевых орудий, которые были приравнены к орудиям цивилизации. Это был своего рода союз ангелов смерти, которые в жизни, однако, отличались весьма добродушным нравом.

Необходимо, однако, добавить, что янки, как люди мужественные, не ограничивались одними вычислениями и нередко платили собственной жизнью ради торжества своего дела. Среди членов «Пушечного клуба» имелись офицеры всех рангов: от поручиков до генералов; военные всех возрастов: и новички в военном деле и старые служаки, поседевшие на боевом посту. Немало их полегло на поле брани, и имена их занесены в почетную книгу «Пушечного клуба», а у большинства других, вернувшихся с войны, остались неизгладимые следы их храбрости. В клубе можно

было видеть целую коллекцию костылей, деревянных ног, искусственных рук, ручных протезов с крючком, каучуковых челюстей, серебряных черепов и платиновых носов. Упомянутый выше статистик Питкерн вычислил также, что в «Пушечном клубе» приходилось меньше чем по одной руке на четырех человек и лишь по две ноги — на шестерых.

Но храбрые артиллеристы не придавали значения таким «мелочам» и по праву гордились, когда газеты сообщали, что в новом сражении число убитых и раненых превысило раз в десять число выпущенных снарядов.

Настал, однако, день, — печальный, досадный день! — когда оставшиеся в живых перестали убивать друг друга и был подписан мир. Прекратились выстрелы, замолк грохот мортир; надолго заткнули пасти гаубиц; пушки с опущенными жерлами были размещены по арсеналам, ядра сложены в пирамиды. Постепенно изгладились кровавые воспоминания; на полях, щедро удобренных человеческим мясом и напоенных кровью, роскошно разрослись хлопковые плантации; износились траурные платья, затихли страдания, и члены «Пушечного клуба» были обречены на полную бездеятельность.

Правда, иные неутомимые изобретатели продолжали еще проектировать невиданных размеров гранаты. Но что значила теория без практики? Залы «Пушечного клуба» мало-помалу опустели, в передних дремали лакеи, кипы газет на столах покрывались плесенью, из темных углов доносился заунывный храп, и члены клуба, еще недавно такие шумные, засыпали от скуки, предаваясь в одиночестве платоническим мечтам об успехах артиллерии.

— Прямо в отчаяние можно прийти! — жаловался однажды вечером в курительной комнате храбрый Том Гантер; он протянул свои деревянные ноги к камину, не замечая, что концы их понемногу начали обугливаться.

— Решительно нечего делать! И надеяться не на что! Что за унылое существование! Где то время,

когда всякое утро нас будили веселые выстрелы пушек?

— Миновали счастливые дни! — отозвался ретивый Билсби, машинально пытаясь развести руками, которых у него не было. — Славное было житье! Бывало, изобретешь гаубицу, едва успеют ее отлить, и марш с нею на пробу прямо по неприятелю! Потом вернешься в лагерь — и Шерман тебя похвалит, либо сам Мак-Клеллан тебе руку пожмет! А теперь генералы вернулись в свои конторы и вместо снарядов выпускают... безобидные кипы хлопка из своих складов! Клянусь святой Барбарой, будущность артиллерии в Америке рисуется мне в самом мрачном свете!

— Верно, Билсби! — воскликнул полковник Блемсбери. — Какое жестокое разочарование!.. Зачем побросали мы свои мирные занятия, покинули свой родной Балтимор, зачем обучались военному делу? Зачем совершали мы геройские подвиги на поле битвы? Неужто только для того, чтобы через два-три года все наши труды пошли прахом?.. Сиди теперь без дела да позевывай, засунув руки в карманы!

По правде сказать, воинственному полковнику трудновато было бы подтвердить свои слова соответствующим жестом: карманы-то у него были, но рук не осталось.

— Никакой войны даже не предвидится! — вздохнул знаменитый Дж. Т. Мастон, почесывая свой гуттаперчевый череп железным крючком, заменявшим ему руку. — Ни единого облачка на горизонте... а между тем в артиллерийской науке столько еще пробелов! Кстати сказать, сегодня утром я закончил чертежи новой мортиры — горизонтальный разрез и схему; орудие это может в корне изменить законы войны!..

— В самом деле? — воскликнул Том Гантер, которому невольно представилась картина «пробы» последнего изобретения достопочтенного Мастона.

— В самом деле! — отвечал Мастон. — Но, спрашивается, ради чего я столько работал, ломал голову над сложными вычислениями? Не напрасно ли я трудился? Народы Нового Света точно сговорились жить в вечном мире. Наша воинственная «Трибюн» проро-

чит человечеству самое мрачное будущее в связи с увеличением народонаселения, принимающим прямо-таки непозволительные размеры?

— Вы забываете, Мастон, — возразил полковник Блемсбери, — что в Европе продолжаются войны, — там еще не угасла национальная вражда.

— Ну так что же?

— Ну так можно попытаться там что-нибудь предпринять, если только они примут наши услуги...

— Что вы, что вы! — воскликнул Билсби. — Заниматься баллистикой на пользу иностранцам?

— Это все-таки лучше, чем вовсе ею не заниматься! — заявил полковник.

— Разумеется, лучше! — вставил Мастон. — Но об этом и думать не стоит.

— Почему же? — удивился полковник.

— Да потому, что у них, в Старом Свете, понятия о военной карьере для нас, американцев, совсем не приемлемые. Этим людям даже в голову не приходит, что можно сделаться главнокомандующим, не начав службы с чина подпоручика... Ведь это все равно, что утверждать, будто нельзя быть хорошим наводчиком, если не умеешь сам пушки отливать! А это сущая...

— Нелепость! — подхватил Том Гантер, кромсая охотничьим ножом ручку своего кресла. — Итак, при настоящем положении дел нам остается только сажать табак или перегонять китовый жир!

— Как! — воскликнул Мастон громовым голосом. — Неужели мы состаримся и умрем, не посвятив последние годы жизни усовершенствованию огнестрельных орудий? Нам не представится случая испытать дальнобойность наших пушек? Небо не озарится больше огнем наших залпов? Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заморской державе! Неужели французы так-таки не потопят ни одного нашего корабля? Неужели англичане не нарушат ни разу международного права, — ну, например, не вздернут трех-четырех наших земляков?

— Нет, Мастон, — возразил полковник Блемсбери, — не выпадет нам подобного счастья! Нет! не

произойдет ни одного инцидента, а если и произойдет, мы не сумеем им воспользоваться. Национальная гордость в Соединенных Штатах слабеет с каждым днем; скоро все мы сделаемся сущими бабами!..

— Да, нам нередко приходится унижаться! — согласился Билсби.

— Больше того — нас унижают! — воскликнул Том Гантер.

— Истинная правда! — подхватил с новою силою Мастон. — В воздухе носятся тысячи поводов к войне, а войны все нет как нет! Наше правительство заботится о сбережении ног и рук у людей, которые не знают, что им делать со своими конечностями. А зачем далеко искать повода к войне: разве Северная Америка раньше не принадлежала англичанам?

— Без сомнения! — воскликнул Том Гантер, яростно размешивая своим костылем угли в камине.

— Если так, — продолжал Мастон, — то почему бы Англии в свою очередь не принадлежать американцам?

— Вот это справедливо! — вырвалось у полковника Блемсбери.

— А пойдите-ка предложите это президенту Соединенных Штатов! — крикнул Мастон. — Как он вас примет, а?

— Плохо примет! — процедил Билсби сквозь последние четыре зуба, уцелевшие от войны.

— Клянусь честью, — воскликнул Мастон, — пускай на следующих выборах он не рассчитывает на мой голос!

— И наших он не получит! — дружно подхватили воинственные инвалиды.

— Итак, — заключил Мастон, — вот мое последнее слово: если мне не дадут возможности испытать мою новую мортиру на настоящем поле битвы, я выхожу из членов «Пушечного клуба» и уезжаю из Балтимора. Лучше похороню себя заживо в саваннах Арканзаса.

— И мы последуем за вами, — подхватили товарищи отважного Дж. Т. Мастона.

Таково было положение дел в клубе; брожение умов становилось все сильнее, клубу уже грозила

опасность скорого распада, но одно неожиданное событие предотвратило эту катастрофу.

На другой день после описанной беседы каждый из членов клуба получил следующее циркулярное послание:

«Балтимор, 3 октября.

Председатель «Пушечного клуба» имеет честь уведомить своих сочленов, что на общем собрании 5-го числа текущего месяца он сделает сообщение, способное вызвать у них самый живой интерес. Вследствие этого он покорнейше просит членов клуба, отложив свои очередные дела, пожаловать на это заседание.

С сердечным приветом

ваш *Импи Барбикен, П. П. К.*».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сообщение председателя Барбикена.

5 октября, в восемь часов вечера, целая толпа теснилась в залах клуба, в доме № 21 на Юнион-сквере. Все без исключения члены клуба, проживавшие в Балтиморе, сочли долгом явиться на приглашение своего председателя. Сотни иногородних членов-корреспондентов выходили из курьерских поездов, прибывавших в Балтимор. Как ни велик был зал заседаний, он не мог вместить всех стремившихся туда попасть; ученый люд наводнил соседние залы и коридоры, занял даже половину наружного двора. Огромная толпа «посторонних лиц» теснилась у дверей клуба, всякий старался пробраться вперед, чтобы поскорее что-нибудь узнать о важном сообщении председателя Барбикена; граждане толкались, мяли друг другу бока, протискиваясь с энергией и непринужденностью, характерными для народа, воспитанного в духе «selfgovernment» [1].

[1] Самоуправления (*англ.*).

Иностранец, который в этот вечер очутился бы в Балтиморе, ни за какие деньги не смог бы проникнуть в центральный зал «Пушечного клуба». Кроме действительных членов и членов-корреспондентов, никто не имел права доступа в него, даже самые значительные в городе лица и местные власти были вынуждены стоять в толпе горожан на дворе клуба и ловить на лету новости, которые время от времени передавались из внутренних помещений.

Огромный hall[1] клуба представлял любопытное зрелище. Этот обширный зал на редкость соответствовал своему назначению. Легкие его своды — искусно отштампованное железное кружево — держались на высоких колоннах из отвесно поставленных пушечных стволов; устоями для колонн служили толстые мортиры. Стены были живописно украшены затейливыми узорами из мушкетов, мушкетонов, аркебуз, карабинов и другого огнестрельного оружия, старинного и новейшего. Тысячи револьверов, соединенных наподобие люстр, жирандоли из пистолетов и канделябры из связанных пучками ружей разливали яркий газовый свет. В этом изумительном освещении выделялись модели пушек, бронзовые орудия, простреленные мишени, металлические доски, пробитые снарядами «Пушечного клуба», всевозможных видов прибойники и банники, пирамиды ядер, гирлянды гранат — словом, все имевшее отношение к артиллерии.

Эти художественно сгруппированные коллекции производили впечатление скорее декоративных принадлежностей, чем устрашающих орудий смерти.

На почетном месте, за великолепной витриной, красовался осколок пушечной «тарели», разбитый, изломанный, скрученный от действия пороховых газов, — драгоценный остаток пресловутой мортиры Дж. Т. Мастона.

Председатель восседал в глубине зала, на обширном помосте, окруженный четырьмя секретарями. Кресло его, поставленное на покрытом резьбой пушечном лафете, имело внушительный вид мортиры с три-

---

[1] Зал *(англ.)*.

дцатидвухдюймовым жерлом, установленной под углом 90° и подвешенной на осях так, что во время жары председатель всегда мог освежиться, покачиваясь в ней как в rocking-chairs[1]. Председательский стол заменен был большим куском листового железа, лежавшим на шести старинных морских пушках; чернильницей служила превосходно вырезанная граната, а председательский звонок издавал выстрелы вроде револьверных. Но во время жарких дискуссий даже и этот своеобразный звонок еле покрывал своими залпами голоса пылких артиллеристов.

Перед президиумом расположены были зигзагами в виде крепостных валов и окопов скамьи аудитории, где сидели члены «Пушечного клуба»; в этот вечер не без оснований можно было сказать, что весь гарнизон «Пушечного клуба» находился в боевой готовности. Члены клуба были все в сборе. Они слишком хорошо знали своего председателя и были убеждены, что он не стал бы их беспокоить без крайне уважительной причины.

Импи Барбикен был человек лет сорока, спокойный, холодный, суровый, обладавший серьезным сосредоточенным умом, точный, как хронометр, с непоколебимым характером и железной волей; он, правда, не отличался рыцарскими наклонностями, но любил приключения и вносил свой практический дух в самые рискованные предприятия. Это был типичный представитель Новой Англии, северянин-колонизатор, потомок «круглоголовых», роковых для династии Стюартов, неумолимый враг «господ» южных штатов, этих бывших кавалеров Старой Англии. Словом, это был янки с головы до ног...

Барбикен нажил большое состояние, торгуя лесом. Когда вспыхнула война, он был назначен начальником артиллерии; на этом посту он прославился рядом изобретений и удивительной смелостью своих идей. Отважный новатор, он значительно содействовал успехам артиллерии и производил свои опыты в беспримерно широком масштабе.

---

[1] Качалка (*англ.*).

Это был мужчина среднего роста, сохранивший в целости все свои конечности, что являлось редкостью в «Пушечном клубе». Резкие черты его лица, казалось, были вычерчены при помощи наугольника и рейсфедера, и если, как говорят, можно угадать характер человека, всмотревшись в его профиль, то профиль Барбикена неоспоримо доказывал его энергию, смелость и хладнокровие.

В данную минуту он сидел молча и неподвижно в председательском кресле, поглощенный своими мыслями; на лоб его был надвинут черный шелковый цилиндр, который словно привинчен к голове американца.

Барбикен не обращал никакого внимания на шумный говор окружавших его людей, хотя они задавали друг другу вопросы, высказывали всякого рода предположения; некоторые в упор смотрели на председателя, напрасно стараясь разгадать его тайну, но лицо Барбикена оставалось невозмутимым.

Наконец, часы в зале заседаний громко пробили восемь. Барбикен мгновенно встал во весь рост, точно подброшенный пружиной; зал сразу умолк, и оратор заговорил несколько торжественным тоном:

— Уважаемые коллеги! Слишком затянувшийся бесплодный мир уже долгое время обрекает членов «Пушечного клуба» на печальную бездеятельность. После нескольких лет блестящего оживления нам пришлось прекратить все наши работы и сразу остановиться на пути прогресса. Я не боюсь объявить во всеуслышание, что для нас крайне желательна какая бы то ни было война, которая сразу дала бы нам в руки оружие...

— Да, война! Необходима война! — крикнул пылкий Дж. Т. Мастон.

— Слушайте, слушайте! — раздалось со всех сторон.

— Однако война при нынешних обстоятельствах немыслима, — продолжал Барбикен, — и как бы ни жаждал ее почтенный оратор, только что прервавший мою речь своим пламенным восклицанием, еще долгие годы протекут прежде, чем на поле битвы снова загремят выстрелы наших орудий. С этим фактом надо при-

мириться и на другом поприще искать выхода для пожирающей нас жажды деятельности.

Собрание почувствовало, что председатель сейчас затронет основную тему своей речи. Внимание удвоилось.

— Вот уже несколько месяцев, уважаемые сочлены, — продолжал Барбикен, — как я задал себе вопрос: нельзя ли нам, не выходя за пределы нашей специальности, отважиться на какое-нибудь выдающееся предприятие, достойное девятнадцатого столетия, и не позволят ли высокие достижения баллистики с успехом его осуществить? Долго я думал, искал, трудился, вычислял и пришел к убеждению, что нам удастся осуществить одно предприятие, которое во всяком другом государстве показалось бы несбыточным. Проект задуманного дела разработан мною во всех подробностях. Он-то и составит предмет моего сообщения. Дело это достойно вас, достойно славного прошлого «Пушечного клуба» и без сомнения произведет шум на весь мир.

— А большой шум? — спросил какой-то пылкий артиллерист.

— Да, очень сильный шум, даже в буквальном смысле этого слова, — ответил Барбикен.

— Не перебивайте! — раздались голоса.

— Уважаемые коллеги, — снова начал Барбикен, — прошу вас теперь уделить мне все ваше внимание.

По собранию пробежал нервный трепет. Поправив уверенным жестом свой цилиндр, Барбикен продолжал спокойным голосом:

— Каждый из вас, конечно, не раз видел Луну или по крайней мере слышал о ней. Не удивляйтесь, что я заговорил об этом ночном светиле. Быть может, нам суждено сделаться Колумбами неведомого мира! Поймите меня, поддержите меня — и я поведу вас на завоевание Луны! Мы присоединим ее имя к тем тридцати шести штатам, которые образуют великую державу Соединенных Штатов!

— Да здравствует Луна! — крикнул в один голос весь «Пушечный клуб».

— Луна изучена весьма подробно, — продолжал Барбикен, — уже давно точно определены ее масса,

плотность, вес, объем, состав, движение, расстояние от Земли и вообще ее роль в солнечной системе; лунные карты составлены едва ли не подробнее, чем земные, и фотография дала уже снимки лунных пейзажей несравненной красоты. Одним словом, о Луне нам известно все, что только можно было узнать при помощи математики, астрономии, физики и геологии. Но до сих пор еще нет... прямого сообщения с Луной.

При этих словах аудитория вздрогнула от изумления.

— Позвольте мне, — продолжал Барбикен, — напомнить вам в немногих словах о тех фантазерах, которые пускались в воображаемые путешествия и утверждали, будто проникли в сокровенные тайны спутника Земли. В семнадцатом веке некто Давид Фабрициус хвалился тем, что видел собственными глазами жителей Луны. В тысяча шестьсот сорок девятом году один француз, Жан Бодуэн, выпустил книгу под заглавием: «Путешествие, совершенное на Луну Домиником Гонзалесом, испанским искателем приключений». Почти в то же время Сирано де Бержерак описал экспедицию на Луну в своей книге, которая имела во Франции громадный успех. Позже другой француз,— нужно признать, что французы очень интересуются Луною, — известный Фонтенель, написал «Множественность миров» — одну из самых блистательных книг своего века. Но наука идет вперед, обгоняя даже фантазию писателей. В тысяча восемьсот тридцать пятом году появилась любопытная брошюра — взятая из журнала «Нью-Йорк Американ», — в которой рассказывалось, что знаменитый астроном Джон Гершель во время своей экспедиции на мыс Доброй Надежды создал настолько усовершенствованный телескоп, да еще с «внутренним освещением», что мог видеть Луну как бы с расстояния восьмидесяти ярдов. Гершель будто бы ясно разглядел на Луне пещеры, в которых жили бегемоты, зеленые горы, окаймленные золотым кружевом рощ, видел баранов с рогами цвета слоновой кости, белых косуль и обитателей, похожих на людей, но с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей. Эта брошюра, написанная американцем Локком, имела не-

обычайный успех. Скоро, однако, выяснилось, что это была научная мистификация, и французы первые посмеялись над нею.

— Посмеялись над американцем! — воскликнул Мастон. — Вот вам и casus belli...[1]

— Успокойтесь, мой достойный друг! Прежде чем посмеяться, французы сами оказались в дураках, потому что сначала поверили нашему соотечественнику. Чтобы закончить этот краткий исторический обзор, добавлю, что некий Ганс Пфааль из Роттердама, наполнив шар газом, извлеченным из азота и оказавшимся в тридцать семь раз легче водорода, поднялся на нем и достиг Луны через девятнадцать дней. Это путешествие, так же как и все предыдущие, было, конечно, воображаемым, но его сочинил один из любимых писателей Америки, своеобразный фантастический талант. Я имею в виду Эдгара По.

— Да здравствует Эдгар По! — воскликнула аудитория, наэлектризованная речью председателя.

— Я покончил с попытками, которые назову чисто беллетристическими и совершенно недостаточными для установления сношений Земли с Луною. Должен, однако, прибавить, что были и серьезные, научно обоснованные попытки войти в общение с Луною. Так, например, несколько лет назад один немецкий математик предложил снарядить ученую экспедицию в сибирские степи. Там, среди широких равнин, можно было бы при помощи рефлекторов изобразить гигантские геометрические фигуры, и притом настолько яркие, что они будут видны с Луны, между прочим Пифагоров треугольник, который в просторечии называют «Пифагоровы штаны». «Всякое разумное существо, — утверждал геометр, — должно понять научное значение этой фигуры. Поэтому селениты, если только они существуют, ответят подобной же фигурой, и тогда легко будет создать алфавит, который даст людям возможность обмениваться мыслями с обитателями Луны».

Так говорил немецкий математик, но его проект не был осуществлен, и до сих пор не установлено никакой

[1] Повод к войне (*лат.*).

связи между Землей и Луной. Однако я убежден, что практический гений американцев установит связь с этим небесным телом. Есть средство достигнуть Луны; средство простое, легкое, верное, надежное, — и о нем я хочу вам сообщить.

Оглушительный шум, целая буря восклицаний приветствовали речь Барбикена. Слушатели все до одного были увлечены, покорены, захвачены словами оратора.

— Слушайте, слушайте! Да замолчите же! — стали кричать со всех сторон.

Когда волнение улеглось, Барбикен заговорил еще более торжественным тоном:

— Вам известно, какие успехи сделала баллистика за последние годы и до какой высокой степени совершенства могли бы дойти огнестрельные орудия, если бы война все еще продолжалась! Вы знаете также, что сила и прочность орудий и метательная сила пороховых газов могут быть безгранично увеличены. Так вот, исходя из этих принципов, я задал себе вопрос: возможно ли из орудия достаточных размеров, достаточной мощности и установленного должным образом, пустить ядро на Луну?

При этих словах из тысячи глоток вырвалось единодушное «ох». На минуту наступило молчание, подобное глубокой тишине, предшествующей громовому удару. И действительно, тотчас же разразился гром: гром криков и аплодисментов, такой гам, что от него задрожал весь громадный зал собрания. Барбикен пытался продолжать свою речь, но это было немыслимо. Только через десять минут добился он того, что его стали слушать.

— Дайте мне закончить, — хладнокровно продолжал Барбикен. — Я смело приступил к этому вопросу, я обсудил его со всех сторон и, на основании бесспорных вычислений, могу утверждать, что снаряд, обладающий начальной скоростью в двенадцать тысяч ярдов [1] в секунду, при точном прицеле неизбежно должен долететь до Луны. Итак, достойные сочлены, я имею честь предложить вам произвести этот небольшой опыт.

---

[1] Ярд равен 914,402 мм.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эффект, произведенный сообщением Барбикена.

Невозможно описать бурный эффект, вызванный речью достойного председателя. Крики! Восклицания! Оглушительный рев! Со всех сторон раздавалось: «Гип! Гип! Ура!» и прочие междометия, столь распространенные в американском диалекте. Вопили во всю глотку, бешено хлопали, стучали ногами, потрясая стены зала. Залп из всех орудий этого музея не сотряс бы воздуха с такой бешеной силой. Впрочем, тут нечему удивляться. Ведь иные канониры шумят порою едва ли не громче своих пушек.

Среди этого восторженного гама Барбикен сохранял невозмутимое спокойствие. Вероятно, он хотел еще что-то сказать своим сочленам — он поднимал руку, пытаясь водворить молчание, и его звонок давал один оглушительный выстрел за другим. Но их даже не было слышно. Друзья и коллеги сорвали его с кресла и с триумфом понесли на руках; затем им завладела не менее возбужденная уличная толпа.

Американца ничем не удивишь. Говорят, будто слово «невозможно» для французов не существует, но это сказано не по адресу. Только в Америке все кажется простым и легким, а что касается затруднений технического порядка, то их там нет и в помине. Ни один чистокровный янки не позволил бы себе усмотреть какую-либо разницу между проектом Барбикена и его осуществлением. Сказано — сделано.

Весь вечер продолжалось триумфальное шествие при свете бесчисленных факелов. Тысячи людей различных национальностей — ирландцев, немцев, французов, шотландцев, из которых состоит население штата Мэриленд, каждый на своем родном наречии выкрикивали восторженные приветствия, и все эти «виваты», «ура», «браво» сливались в общий невообразимый рев.

И, словно понимая, что речь идет о ней, Луна предстала во всем своем блеске, затмевая ярким сиянием все огни Земли. Глаза всех были устремлены на ее

сверкающий диск: одни приветствовали ее, махая рукой; другие называли самыми нежными именами; третьи словно мерили ее взглядом; были и такие, что грозили ей кулаком. За время с восьми часов вечера до полуночи один из оптиков центральной улицы Джонс-Фолл-стрит нажил целое состояние, распродав весь запас своих труб и биноклей. Луну лорнировали, точно даму высшего света. Многие янки уже бесцеремонно называли ночное светило своею собственностью. Казалось, эти отважные завоеватели уже завладели светлокудрой Фебой и она стала составной частью территории Соединенных Штатов. Между тем речь шла покамест лишь о том, чтобы пустить ядро в Луну, — довольно-таки грубый способ установить сношения, однако весьма распространенный в цивилизованных странах.

Городские часы пробили полночь, а восторги толпы все не унимались; их разделяли все классы населения: судьи, ученые, коммерсанты, лавочники, носильщики; люди образованные, как и уличные зеваки, были потрясены до глубины души. Ведь дело шло о всенародном национальном предприятии! Поэтому и в «верхнем» городе, и в «нижнем», и на набережных реки Патапско, и на кораблях, стоявших в доках, толпа пьянела от радости, джина и виски; все говорили, произносили речи, обсуждали, спорили, аплодировали — все, начиная с джентльменов, небрежно развалившихся на диванах в барах и тянувших из кружек шерри, и кончая портовыми рабочими, напивавшимися пойлом «вырви-глаз» в мрачных тавернах Фелс-Пойнта!

Лишь к двум часам ночи улеглось волнение в городе. Барбикену, наконец, удалось вернуться домой; он чувствовал себя разбитым, помятым, изломанным. Сам Геркулес изнемог бы от такого испытания.

Улицы и площади постепенно пустели. Поезда четырех железнодорожных линий — Огайо, Сускеганны, Филадельфии и Вашингтона, скрещивающихся в Балтиморе, — увезли иногородних гостей во все концы Соединенных Штатов, и в городе наступило, наконец, сравнительное спокойствие.

Впрочем, было бы ошибкой думать, что в этот достопамятный вечер волнением был охвачен один Балтимор. Все большие города Соединенных Штатов — Нью-Йорк, Бостон, Олбани, Вашингтон, Ричмонд, Кресент-Сити, Сан-Франциско, Чарльстаун, Мобил и другие — от Техаса до Массачусетса и от Мичигана до Флориды отдали дань этой горячке. Ведь все тридцать тысяч членов-корреспондентов «Пушечного клуба» своевременно получили письмо своего председателя и с нетерпением ожидали известий о содержании сенсационного доклада, назначенного на 5 октября. И в тот вечер, как только слова Барбикена слетали с его уст, они тотчас же неслись по телеграфным проводам во все штаты со скоростью двухсот сорока восьми тысяч четырехсот сорока семи миль в секунду. И можно с уверенностью сказать, что не только в тот же вечер, но почти в тот же самый час по всей громадной территории Соединенных Штатов, в десять раз превосходящей территорию Франции, раздалось единодушное «ура» и одновременно в порыве национальной гордости затрепетали сердца двадцати пяти миллионов жителей.

На следующее утро проект Барбикена подхватили полторы тысячи газет и журналов: ежедневных, еженедельных и месячных; они рассмотрели его со всех сторон: физической, метеорологической, экономической и моральной, с точки зрения политических преимуществ и интересов цивилизации. Пресса поставила вопросы: представляет ли Луна уже застывшую планету, или на ней происходят еще какие-либо изменения? Похожа ли она на Землю той эпохи, когда наша планета не имела еще атмосферы? Что происходит на той стороне Луны, которая всегда остается невидимой для Земли? И хотя речь шла только о том, чтобы пустить ядро в ночное светило, все считали, что стоят на пороге новых грандиозных опытов; все надеялись, что именно Америке суждено разгадать последние тайны спутника Земли, а некоторые даже опасались, как бы завоевание Луны не нарушило заметным образом политического равновесия Европы.

Но ни один газетный листок не усомнился в возможности осуществить эту затею; сборники, брошюры, бюллетени, журналы всевозможных обществ — научных, литературных и религиозных — распространялись о достоинствах проекта, а Бостонское общество естествознания, Олбанская американская ассоциация наук и искусств, Нью-йоркское географическое и статистическое общество, Филадельфийское философское общество, Смитсоновский институт в Вашингтоне послали «Пушечному клубу» не только поздравления, но и предложения денежных сумм и всяческого содействия.

Можно утверждать, что никогда еще ни один ученый проект не имел такого множества сторонников, как барбикеновский: он не вызвал ни колебаний, ни сомнений, ни опасений. Что касается шуток, карикатур и песенок, которые посыпались бы градом на подобный проект — пустить ядро на Луну, — будь он предложен в Европе и в особенности во Франции, — то в Америке не появилось ни одной, ибо авторам их непоздоровилось бы. Есть вещи, над которыми в Новом Свете запрещено смеяться.

Поэтому Импи Барбикен сразу сделался одним из знаменитых граждан Соединенных Штатов, чем-то вроде Вашингтона в научной области. Вот один из примеров того, как далеко может зайти поклонение целого народа одному человеку.

Через несколько дней после знаменитого заседания «Пушечного клуба» антрепренер одной английской драматической труппы, игравшей в балтиморском театре, анонсировал представление комедии: «Много шума из ничего». Но граждане Балтимора, усмотрев в этом названии злостный намек на проект председателя Барбикена, ворвались в театр, разломали кресла и заставили злополучного антрепренера уничтожить афиши. Как человек сообразительный, он преклонился перед народной волей, заменил незадачливую комедию другой: «Как вам угодно!», и несколько недель подряд делал неслыханные сборы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ответ Кембриджской обсерватории.

Бурные овации не вскружили голову Барбикену. Не теряя ни минуты, он немедленно собрал своих сочленов в помещении «Пушечного клуба». На этом заседании решено было сперва запросить ученых относительно астрономической стороны предприятия, а получив их ответы, тщательно обсудить всю техническую сторону вопроса, чтобы обеспечить успех великому проекту.

Тотчас же была составлена срочная записка с перечнем специальных вопросов, которую направили в обсерваторию города Кембриджа, в штат Массачусетс. В этом городе был некогда основан первый в Соединенных Штатах университет, который славится своей обсерваторией. Там работают самые крупные ученые Северной Америки; там находится мощный телескоп, который позволил Бонду определить природу туманности в созвездии Андромеды, а Кларку — открыть спутника Сириуса. Это знаменитое учреждение во всех отношениях заслуживало доверия «Пушечного клуба».

Два дня спустя ответ, которого ждали с великим нетерпением, был уже в руках председателя Барбикена.

Он гласил следующее:

«Директор обсерватории в Кембридже — Председателю «Пушечного клуба» в Балтиморе.

Кембридж, 7 октября.

Немедленно по получении 6 октября Вашего запроса на имя обсерватории в Кембридже от имени членов «Пушечного клуба» в Балтиморе, было созвано экстренное заседание Совета обсерватории и постановлено сообщить вам следующее:

На обсуждение были предложены нижеследующие вопросы:

1. Возможно ли, чтобы пушечное ядро долетело до Луны?

2. Каково точное расстояние от Земли до ее спутника?

3. Какова будет продолжительность полета снаряда, пущенного с достаточной начальной скоростью, и в какой момент должен быть пущен снаряд, чтобы он мог достигнуть Луны в определенной точке ее поверхности?

4. В какой именно момент Луна будет находиться в положении наиболее благоприятном для того, чтобы ядро достигло ее поверхности?

5. В какую именно точку небесной сферы следует нацелить пушку, из которой будет пущен снаряд на Луну?

6. В какой точке небосвода будет находиться Луна в момент, когда выстрелит пушка?

Ответ на первый вопрос: «Возможно ли, чтобы пушечное ядро долетело до Луны?»

Да, снаряд может долететь до Луны, если удастся придать ему начальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. Вычисления подтверждают, что такая скорость вполне достаточна. По мере удаления от Земли сила притяжения будет изменяться обратно пропорционально квадрату расстояния, то есть если расстояние увеличится в три раза, притяжение уменьшится в девять раз. Таким образом, вес ядра будет быстро уменьшаться и, наконец, станет равным нулю — в тот момент, когда сила притяжения ядра Луною окажется равной силе притяжения его Землей, то есть ядро проделает сорок семь пятьдесят вторых всего пути. В этот момент ядро потеряет свой вес, и если оно пролетит еще дальше, то упадет на Луну, попав в сферу лунного притяжения. Поэтому теоретическую возможность опыта можно считать вполне доказанной; фактическая же его успешность будет зависеть исключительно от силы орудия.

Ответ на второй вопрос: «Каково точное расстояние от Земли до ее спутника?»

Луна описывает вокруг Земли не круг, а эллипс, в одном из фокусов которого находится наша планета; вследствие этого Луна в разное время находится в различных расстояниях от Земли; наибольшее расстояние

называется апогеем, наименьшее — перигеем. Как известно, разность между наибольшим и наименьшим расстоянием довольно велика, так что ею нельзя пренебрегать. В самом деле, в своем апогее Луна отстоит от Земли на 247 552 мили, а в перигее — всего на 218 657 миль; разница между двумя расстояниями достигает 28 895 миль, то есть одной девятой части пути снаряда. Поэтому в основу вычислений надо брать кратчайшее расстояние до Луны.

Ответ на третий вопрос: «Какова будет продолжительность полета снаряда, выпущенного с достаточной начальной скоростью, и в какой момент должен быть выпущен снаряд, чтобы он мог достигнуть Луны в определенной точке?»

Если бы ядро все время сохраняло первоначальную скорость 12 тысяч ярдов в секунду, оно долетело бы до Луны приблизительно в девять часов; но так как скорость ядра непрерывно убывает, то, как показывают вычисления, понадобится 300 тысяч секунд, то есть 83 часа 20 минут, чтобы ядро достигло точки, где притяжение ядра Землею и притяжение его Луною окажутся равными между собой; начиная с этой точки ядро будет падать на Луну в течение 50 тысяч секунд, то есть 13 часов 53 минуты и 20 секунд. Поэтому ядро следует выпустить за 97 часов 13 минут и 20 секунд до прохождения Луны через намеченную точку ее пути.

Ответ на четвертый вопрос: «В какой именно момент Луна будет находиться в положении наиболее благоприятном для того, чтобы ядро достигло ее поверхности?»

На основании вышесказанного необходимо прежде всего определить время, когда Луна будет находиться в перигее, а также момент, когда она будет в зените; тогда расстояние убавится еще на величину земного радиуса, то есть на 3919 миль; поэтому длина пути снаряда окончательно определится примерно в 214 976 миль. Но хотя Луна и каждый месяц бывает в перигее, она не всегда находится в этот момент в зените. Подобное совпадение повторяется через большие промежутки времени. Поэтому необходимо дождаться

момента нахождения ее в перигее и в зените. К счастью, такое совпадение произойдет 4 декабря будущего года: ровно в полночь Луна будет в своем перигее, то есть в наименьшем расстоянии от Земли, и в тот же момент окажется в зените.

Ответ на пятый вопрос: «В какую именно точку небосвода следует нацелить пушку, из которой будет выпущен снаряд на Луну?»

Из предыдущих указаний явствует, что пушку нужно целить в зенит того места, где будет произведен выстрел; следовательно, направление выстрела будет перпендикулярно к плоскости горизонта, и таким образом снаряд быстрее освободится от действия земного притяжения. Но, чтобы Луна могла пройти через зенит данного места, надо, чтобы географическая широта этого места не превышала градуса отклонения этого светила, другими словами оно должно находиться между 0° и 28° северной или южной широты. Во всяком другом месте придется целить под острым углом, и это явится крайне неблагоприятным условием для успеха опыта.

Ответ на шестой вопрос: «В какой точке небосвода будет находиться Луна в момент, когда выстрелит пушка?»

Так как в течение суток Луна передвигается по небу с запада на восток на 13°10′ и 35″, то в момент выстрела она должна находиться западнее зенита на расстоянии, в четыре раза превышающем ее суточный путь, то есть на 52°42′ и 20″; это как раз то расстояние, которое она должна пройти во время полета ядра. Кроме того, необходимо принять во внимание отклонение ядра от вертикального направления вследствие вращательного движения Земли. К моменту, когда ядро достигнет Луны, она отклонится на расстояние, равное шестнадцати земным радиусам, что в применении к лунной орбите составляет примерно 11°. Эти 11° следует прибавить к цифре, выражающей отклонение Луны от зенита, что составит в круглых числах 64°. В общем, в момент выстрела луч зрения от данного места к центру Луны должен составить угол в 64° с вертикалью данного места.

Из этого вытекает следующее:

1. Пушка должна быть установлена в местности, находящейся между 0° и 28° северной или южной широты.

2. Пушка должна быть нацелена в зенит этой местности.

3. Снаряд должен обладать первоначальной скоростью 12 тысяч ярдов в секунду.

4. Выстрел должен произойти 1 декабря следующего года в 10 часов 46 минут и 40 секунд вечера.

5. Снаряд достигнет Луны через 4 дня, то есть 4 декабря, ровно в полночь, когда центр Луны будет проходить через зенит.

Посему членам «Пушечного клуба» надлежит безотлагательно приступить к необходимым работам и к указанному сроку быть совершенно наготове; если они пропустят 4 декабря, им придется ждать 18 лет и 11 дней, пока вновь не совпадет нахождение Луны в перигее с прохождением ее через зенит.

Совет Кембриджской обсерватории предоставляет себя в полное распоряжение членов «Пушечного клуба» для разрешения всяких теоретических астрономических вопросов и в настоящем письме присоединяет свои поздравления к поздравлениям всей Америки.

За членов Совета

Дж. М. Бельфаст, директор обсерватории
в Кембридже».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Повесть о Луне.

Если бы наблюдатель, одаренный бесконечно острым зрением, очутился в том неведомом центре, вокруг которого обращается вселенная, в эпоху, когда мир находился еще в хаотическом состоянии, он увидел бы неисчислимые мириады атомов, которые

заполняли все космическое пространство. Но мало-помалу в течение бесчисленных веков произошли перемены: проявился закон всемирного тяготения, под влияние которого подпали блуждающие атомы; эти атомы стали соединяться, группируясь в силу химического сродства; так возникли молекулы, образовавшие скопление материи — туманности, которыми усеяны глубины небес. Эти скопления материи тотчас получили вращательное движение вокруг центральной точки. Этот центр, состоящий из разреженных молекул, начал также вращаться вокруг своей оси; причем, по непреложным законам механики, по мере того как уменьшался вследствие сжатия его объем, движение его ускорялось, и в результате этих двух непрерывно действующих факторов в туманности образовалось центральное ядро — главная ее звезда.

Внимательно вглядываясь, наблюдатель заметил бы, что и остальные молекулы, образующие скопление материи, проходят через те же стадии, точно так же сгущаются в результате все ускоряющегося вращательного движения, образуя несметное число звезд, вращающихся вокруг центрального светила. Так возникло звездное скопление, или туманность. Таких туманностей насчитывают в настоящее время до пяти тысяч.

Одна из этих пяти тысяч туманностей, получившая название Млечного Пути, насчитывает восемнадцать миллионов звезд, каждая из которых является центром своего «мира».

Если бы наблюдатель остановил свое внимание на одном из этих восемнадцати миллионов светил, довольно скромном и не особенно ярком, на звезде четвертой величины, которая носит гордое название Солнца, — он увидел бы, как она последовательно проходит все стадии процесса, приводящего к возникновению космических тел.

Сперва он увидел бы, как Солнце, еще газообразное, состоящее из подвижных молекул, вращается вокруг своей оси, постепенно сгущаясь. Согласно законам механики, это движение должно было все ускоряться по мере уменьшения объема, и должен был наступить момент, когда центробежная сила преодолеет

силу центростремительную, притягивающую молекулы к центру.

Тогда наблюдатель стал бы свидетелем нового явления: находящиеся в зоне экватора несчетные молекулы отлетели бы от Солнца, как камень от пращи, и приняли бы форму колец, наподобие тех, которые окружают Сатурн. Но эти кольца космической материи при быстром вращении вокруг центральной массы в свою очередь должны были разорваться и превратиться во вторичные туманности, из которых и возникли планеты.

Если бы наблюдатель сосредоточил свое внимание на планетах, он увидел бы, что они повторяют все стадии, пройденные Солнцем, и на определенном этапе вокруг них образуется одно или несколько колец, дающих начало светилам низшего порядка, так называемым спутникам (сателлитам).

Таким образом, небесные тела, начиная с первых дней мироздания, претерпели целый ряд превращений; из атомов образовались молекулы, из молекул — туманности, из туманности — центральная звезда, из центральной звезды — Солнце, из Солнца — планеты и из планеты — ее спутники.

Солнце как бы затеряно в безбрежном пространстве звездной вселенной, а между тем, как установлено астрономами, оно входит в состав звездной туманности, носящей название Млечного Пути. Правда, Солнце — центр отдельного «мира», но оно кажется ничтожным перед неизмеримыми безднами неба. Впрочем, для нас оно все-таки огромно, ибо его объем в миллион четыреста раз больше объема земного шара. Вокруг Солнца вращаются восемь планет, вышедших из его недр в первые дни творения. Ближайшая из них — Меркурий, затем по мере удаления от Солнца следуют Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Кроме того, в пространстве между Марсом и Юпитером вращаются по определенным орбитам другие тела меньших размеров, быть может осколки планеты, некогда рассыпавшейся на тысячи кусков; таких астероидов до последнего времени обнаружено в телескоп девяносто семь.

У некоторых из этих приближенных Солнца, удерживаемых им на элиптических орбитах в силу великого закона тяготения, в свою очередь имеются спутники: у Урана и Сатурна — по восьми, у Юпитера — четыре, у Нептуна, вероятно, два, у Земли — один; это светило, одно из самых незначительных в солнечной системе, называется Луной, — и нужен был смелый гений американцев, чтобы возникла мысль о завоевании нашего спутника.

Ночное светило, вследствие близости своей к Земле и правильного чередования фаз, наряду с Солнцем издавна привлекало внимание жителей Земли. Но на Солнце больно смотреть, слишком яркий его свет всегда заставлял людей опускать глаза.

Белокурая Феба более человечна и благосклонно дает любоваться своей скромной прелестью; ее свет мягок для глаз, она не горда, хотя порой и затмевает своего брата, лучезарного Аполлона, а ему никогда не позволяет затмевать себя. Магометане давно оценили по достоинству верную подругу Земли и исчисляют время по обращению Луны вокруг Земли.

Народы древности почтили особым культом эту девственную богиню. Египтяне называли ее Изидой, финикияне именовали ее Астартой, у древних греков она была Фебою, дочерью Латоны и Юпитера, и они объясняли ее затмения таинственными свиданиями Дианы с красавцем Эндимионом. Если верить мифологии, немейский лев разгуливал по лунным долинам еще до появления своего на Земле, и поэт Агезианакс, цитируемый Плутархом, воспел в своих стихах полные неги очи, прелестный нос и пленительные уста лучезарной Селены.

Но если древние разгадали характер, темперамент, словом, моральные качества Луны, все же и самые мудрые из них оставались совершенными невеждами в области селенографии.

Так, жители Аркадии уверяли, что предки их жили на Земле еще в ту эпоху, когда Луны и в помине не было; Симплиций считал ее неподвижной и подвешенной к хрустальному небосводу, а Таций — осколком солнечного диска; для ученика Аристотеля Клеарка

она была гладко отполированным зеркалом, отражающим воды океана, а многие другие полагали, что она лишь скопление паров, выдыхаемых Землею, или же шар, вращающийся вокруг своей оси и состоящий наполовину из огня, наполовину изо льда.

Однако и в глубокой древности некоторые астрономы подметили в Луне свойства, которые в наши дни подтвердила наука. В результате пристальных наблюдений они без помощи оптических приборов угадали большинство законов, которым подчинено ночное светило. Так, например, Фалес Милетский за 460 лет до р. х. высказал мнение, что Луна получает свой свет от Солнца, а Аристарх Самосский правильно объяснил ее фазы. Клеомен учил, что Луна сияет отраженным светом. Халдей Бероз открыл, что продолжительность обращения Луны вокруг своей оси равна продолжительности ее обращения вокруг Земли, откуда следует, что Луна постоянно обращена к Земле одной и той же стороною. Наконец, Гиппарх за два века до христианской эры обнаружил известную неравномерность в видимом движении спутника Земли.

Все эти открытия с течением времени подтвердились и сослужили службу астрономам последующих веков. Птоломей во II веке и араб Абуль-Вефа — в X дополнили наблюдения Гиппарха, объяснив неравномерность движения Луны тем, что орбита ее под воздействием Солнца принимает волнообразные очертания. Затем Коперник в XV веке и Тихо Браге — в XVI подробно описали солнечную систему и роль Луны в системе небесных тел.

Но если в эту эпоху уже известны были законы движения Луны, то физическое ее строение оставалось еще загадкой. Однако Галилей объяснил световые явления, повторяющиеся при некоторых лунных фазах, тем, что на Луне имеются горы, среднюю высоту которых он определил в 4500 туазов.

Позже данцигский астроном Гевелий низвел высоту этих гор до 2600 туазов, но его итальянский собрат Риччиоли снова повысил их до 7 тысяч туазов.

В конце XVIII века Гершель при помощи сильного для того времени телескопа значительно снизил эти

цифры. Он утверждал, что высочайшие вершины Луны имеют не более 1900 туазов в вышину, а средняя высота лунных гор всего каких-нибудь 400 туазов. Но и Гершель заблуждался. Вопрос изучали затем Шретер, Лувилль, Галлей, Несмис, Бианчини, Пасторф, Лорман, Грюйтгейзен. Их труды, а в особенности долголетние наблюдения Бэра и Мэдлера, привели к окончательному разрешению этого вопроса. Благодаря этим ученым в настоящее время точно установлена высота лунных гор. Бэр и Мэдлер измерили 1905 лунных вершин, причем оказалось, что высота шести гор превышает 2600 туазов, а высота двадцати двух превышает 2400 туазов. Высочайшая же вершина возвышается над лунной поверхностью на 3801 туаз.

Постепенно выяснились и другие подробности строения Луны: поверхность ее оказалась испещренною кратерами потухших вулканов, и наблюдения подтвердили общий вулканический ее характер. Затем было установлено отсутствие преломления возле ее поверхности световых лучей, идущих от планет, закрытых ее диском. Отсюда следовало, что на Луне нет воздуха, а стало быть, нет и воды. Таким образом, если и существуют селениты, то, чтобы жить в таких условиях, они должны иметь совершенно особую организацию и сильно отличаться от обитателей Земли.

Мало-помалу благодаря новейшим методам наблюдения и усовершенствованным приборам были обследованы все уголки лунной поверхности, несмотря на значительную ее величину: весь диаметр Луны равен 2150 милям, поверхность ее лишь в тринадцать раз меньше земной, а объем ее в сорок девять раз меньше объема земного шара. Тем не менее от зорких глаз астрономов не ускользнула ни одна из лунных тайн, и неутомимые ученые продолжали вести свои замечательные наблюдения. Так, например, они подметили, что во время полнолуния лунный диск местами покрыт белесоватыми полосами, которые во время других фаз Луны кажутся черными. При более тщательном изучении было установлено, что эти полосы не что иное, как длинные узкие борозды с параллельными краями, примыкающие большей частью к кратерам; длина этих

борозд от десяти до ста миль, а ширина — до восьмисот туазов. Единственное, что могли сделать астрономы, — это назвать их лунными трещинами. До сих пор еще не решен вопрос, представляют ли они собою русла высохших рек, или имеют другое происхождение. Поэтому американцы поставили себе, между прочим, целью выяснить это явление лунной геологии. Интересовало их также происхождение параллельных валов, обнаруженных в некоторых местах лунной поверхности мюнхенским профессором Грюйтгейзеном, который считал их системой укреплений, построенных лунными инженерами. Эти два темных вопроса и, конечно, целый ряд других могли быть окончательно разрешены учеными лишь после путешествия на Луну.

Вопрос о лунном свете можно считать окончательно выясненным; известно, что напряженность его в триста тысяч раз меньше силы солнечного света и что лунные лучи не оказывают заметного действия на термометры. Что касается явления, известного под названием «пепельного света», то оно возникает вследствие отражения солнечных лучей от земной поверхности по направлению к Луне; этот пепельный свет дополняет яркий видимый полукруг месяца до полного диска во время первой и последней фазы Луны.

Такова была в общих чертах сумма человеческих знаний о спутнике Земли, когда «Пушечный клуб» поставил себе целью восполнить сведения о Луне со всех точек зрения — космографической, геологической, политической и моральной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, чего невозможно не знать, и о том, чему больше непозволительно верить в Соединенных Штатах.

Предложение Барбикена сразу возбудило самый живой интерес ко всем астрономическим вопросам, касающимся ночного светила. Все принялись ревностно их изучать. Могло показаться, что Луна впервые

появилась на горизонте, что раньше никто не видел ее и не замечал. Луна вошла в моду; сохраняя все тот же скромный вид, она стала львицей сезона и заняла — нисколько, впрочем, не возгордясь — первое место среди остальных «светил». Газеты тотчас стали угощать своих читателей старинными анекдотами, касавшимися «волчьего солнца»; припомнили, какое значение приписывали ей в древние времена, когда царило невежество; воспевали ее на все лады; казалось, еще немного и начнут цитировать ее крылатые словечки. Америка была охвачена настоящей «селеноманией».

Со своей стороны, научные журналы уделили особое внимание вопросам, связанным с предприятием «Пушечного клуба»; они перепечатали письмо Кембриджской обсерватории, подробно его разъяснили и всецело одобрили.

Одним словом, скоро даже для самого невежественного янки стало невозможным не знать чего-либо касавшегося спутника Земли, и даже самые ограниченные старые миссис должны были отказаться от суеверий на ее счет. Научные сообщения сыпались на них со всех сторон; эти сведения проникали им в мозг через уши и глаза; невозможно было оставаться ослом... в астрономии.

До того времени многие не понимали, как можно измерить расстояние от Земли до Луны. Но тут газеты и журналы воспользовались случаем и разъяснили, что для этого достаточно измерить параллакс Луны. Тем, кому слово «параллакс» казалось слишком мудреным, растолковали, что это угол между двумя прямыми линиями, проведенными от обоих концов радиуса Земли к центру Луны. Наконец, чтобы рассеять все сомнения, немедленно сообщили, что таким способом среднее расстояние от Земли до Луны определяется в 234 347 миль, причем ошибка не превышает 70 миль.

Тем же, у кого были смутные понятия о движении Луны, газеты твердили ежедневно, что у нее два различных движения: одно — вращение ее вокруг своей оси, другое — обращение вокруг Земли, причем полный оборот в обоих случаях совершается в одинаковый срок, а именно — в 27 1/3 суток.

Вращение Луны вокруг своей оси создает для нее день и ночь, но это такие сутки, которые продолжаются целый месяц; следовательно, на Луне продолжительность дня, так же как и ночи, — $354^1/_3$ часа. Но на ее счастье поверхность, обращенная к Земле, освещается нашей планетой, свет которой равен по силе свету четырнадцати лун. Что касается другой, не видимой нами стороны Луны, то там, разумеется, в течение 354 ночных часов царит полная темнота, если не считать бледного света небесных светил. Это явление зависит от того, что время обращения Луны вокруг своей оси точно совпадает с продолжительностью ее оборота вокруг Земли; как установили Кассини и Гершель, точно такое же явление наблюдается и у спутников Юпитера. Весьма вероятно, что оно существует и у всех планетных спутников.

Нашлись, впрочем, малоподатливые, хотя и доверчивые умы, которые вначале не могли понять, что Луна, всегда обращенная к нам одною и тою же стороною, совершая оборот вокруг Земли, за это время обернется и вокруг своей оси.

Таким людям говорили: «Пойдите в свою столовую и начните обходить круглый обеденный стол таким образом, чтобы все время смотреть на его центр. Когда вы окончите свою круговую прогулку, то увидите, что за это время вы сделали полный оборот вокруг себя, потому что ваш глаз последовательно обошел все стороны комнаты. Ну, так вот: столовая — это небо, стол — Земля, а вы сами были Луной!» И они приходили в восторг от этого сравнения.

Итак, Луна показывает Земле всегда одну и ту же сторону; для точности нужно добавить, что вследствие либрации Луны, то есть небольших ее качаний с севера на юг и с запада на восток, люди видят немногим больше половины лунной поверхности, а именно — пятьдесят семь сотых.

После того как рядовой американец приобретал такие же познания, как директор Кембриджской обсерватории, по вопросу о вращении Луны вокруг своей оси, — он начинал живейшим образом интересоваться вращением Луны вокруг Земли, и тут десятки научных

журналов спешили ему на помощь. Он узнавал тогда, что небо, с его бесчисленными звездами, можно сравнить с громадным циферблатом, по которому ходит Луна, указывая точное время обитателям Земли; что от движения ночного светила зависят ее фазы; что полную Луну мы видим тогда, когда она бывает в «противостоянии» с Солнцем относительно Земли, то есть когда все три светила находятся на одной линии, причем Земля между Солнцем и Луной, что новолуние происходит тогда, когда Луна находится в соединении с Солнцем, то есть становится между ним и Землей, и, наконец, что Луна бывает в первой или последней четверти, когда линии, идущие от центра Луны к центрам Солнца и Земли, образуют между собой прямой угол.

Отсюда сообразительный янки мог и собственным умом дойти до заключения, что затмения Солнца и Луны возможны лишь в тех случаях, когда Луна находится в соединении или противостоянии с Солнцем. Действительно, во время соединения Луны с Солнцем Луна может его затмить, а во время противостояния трех светил Земля может вызвать лунное затмение; и если затмения не происходят регулярно два раза в лунный месяц, то это потому, что плоскость орбиты Луны несколько наклонна по отношению к плоскости эклиптики, то есть земной орбиты.

Что касается вопроса о возможной для Луны высоте над земным горизонтом, то исчерпывающий ответ давало письмо Кембриджской обсерватории. Всякий узнал из него, что высота Луны зависит от широты места наблюдения Однако Луна может достигать зенита, то есть оказаться прямо над головой, лишь для наблюдателей, находящихся между 28° северной широты и 28° южной широты. Отсюда следовало указание, что выстрел в Луну необходимо произвести в одном из пунктов упомянутой зоны, ибо тогда можно стрелять в направлении, перпендикулярном к горизонту, и ядро скорее освободится от влияния земного притяжения. Это указание было очень существенно для успеха всего предприятия, и данный вопрос занимал все умы.

После разъяснений Кембриджской обсерватории даже последние невежды узнали, по какой именно ли-

нии Луна движется вокруг Земли, а именно, что она описывает не круг, а эллипс, причем Земля находится в одном из его фокусов. Все другие планеты и их спутники также движутся по эллиптическим орбитам, и теоретическая механика неоспоримо доказывает, что иначе и быть не может. Было также хорошо усвоено, что, находясь в «апогее», Луна дальше всего от Земли и, напротив, ближе всего к ней, когда проходит через свой «перигей».

Все это волей или неволей узнавал каждый янки, и считалось прямо неприличным не понимать таких простых вещей.

Но если эти астрономические истины распространились быстро и легко, то довольно трудно оказалось искоренить целый ряд заблуждений и необоснованных суеверных страхов.

Так, например, иные почтенные господа утверждали, что Луна некогда была кометою, которая, обращаясь вокруг Солнца по вытянутой орбите, чересчур приблизилась к Земле и попала в сферу ее притяжения. Этой теорией доморощенные астрономы пытались объяснить опаленный, обгорелый вид Луны, непоправимое несчастье, ответственность за которое они возлагали на Солнце. Но когда им указывали, что у комет есть атмосфера, а у Луны ее нет, — они не знали, что возразить.

Другие обыватели, из трусливого десятка, высказывали опасения насчет местопребывания Луны: они краем уха слышали, что из сравнения наблюдений, сделанных во времена калифов, с позднейшими, оказалось, что движение Луны вокруг Земли несколько ускорилось. Отсюда следовал совершенно правильный логический вывод, что это ускорение должно привести к уменьшению расстояния между двумя светилами, и в конце концов Луна неизбежно упадет на Землю. Однако они утихомирились и перестали тревожиться за судьбу грядущих поколений, когда им разъяснили, что согласно вычислениям великого французского математика Лапласа ускорение это весьма незначительно и, достигнув своего предела, сменится таким же замедлением. Таким образом, нечего было опасаться, что

равновесие в солнечной системе будет когда-либо нарушено.

Оставалась еще многочисленная категория невежд, которые, не догадываясь молчать о том, чего не знают, утверждали, что они знают все, рассказывая всякие небылицы; и как раз о Луне они знали слишком много. Одни из них были убеждены, что Луна не что иное, как огромное зеркало, глядя в которое люди могут увидеть друг друга из различных мест Земли и даже передавать через него свои мысли. Другие уверяли, что на каждую тысячу новолуний девятьсот пятьдесят сопровождаются большими несчастьями — катаклизмами, переворотами, землетрясениями, потопами и т. п. Они верили в таинственное влияние ночного светила на человеческую судьбу; они считали Луну «настоящим противовесом» земного существования; они думали, что между каждым селенитом и каждым жителем Земли существует некая симпатическая связь; вместе с доктором Мэдом они утверждали, что жизнь нашего организма целиком подчинена влиянию Луны,— вплоть до того, что мальчики рождаются преимущественно во время новолуний, а девочки — в последнюю четверть Луны и пр. и т. п.

В конце концов обывателям пришлось отказаться от этих глупых заблуждений и признать научно доказанные истины, и если отдельные поклонники Луны, разочаровавшись в ее таинственной власти, отвернулись от нее, зато среди самых широких слоев населения Луна приобрела огромную популярность.

Все честолюбие янки сосредоточилось на одной цели: завоевать лунный материк и водрузить звездное знамя Соединенных Штатов на высочайшей его вершине.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гимн снаряду.

Кембриджская обсерватория в письме от 7 октября обсудила вопрос с астрономической точки зрения; теперь оставалось выяснить техническую сторону дела.

Вот тут-то и возникали затруднения, которые во всякой другой стране показались бы непреодолимыми. Но для янки это была детская игра.

Председатель Барбикен, не теряя времени, назначил членов исполнительного комитета. Комитет поставил себе целью на трех заседаниях разрешить три основных вопроса: о пушке, о снаряде и о порохе; в комитет вошли четыре лица, хорошо разбиравшихся в вопросах такого рода: сам Барбикен — с решающим голосом в случае разногласий; генерал Морган, майор Эльфистон и, наконец, неизбежный Дж. Т. Мастон, на которого возложили обязанности секретаря-докладчика.

8 октября комитет собрался на квартире Барбикена: улица Республики, № 3. Четверо членов «Пушечного клуба» расселись вокруг стола, где стояли блюда с горами сандвичей и внушительных размеров чайный прибор; таким образом, это чрезвычайно важное заседание могло продолжаться без перерыва на ужин. Секретарь Мастон привинтил ручку с пером к своему железному крючку, и заседание началось.

Барбикен взял слово:

— Дорогие коллеги! Нам предстоит разрешить одну из основных проблем баллистики, этой науки из наук, трактующей о движении снарядов, то есть тел, которые, получив известный толчок, устремляются в пространство и далее летят уже в силу инерции.

— О, баллистика, баллистика! — восторженно воскликнул Мастон.

— Быть может, было бы рациональнее, — продолжал Барбикен, — посвятить наше первое заседание обсуждению вопроса об орудии...

— В самом деле! — вставил Морган.

— Однако, — добавил Барбикен, — после зрелых размышлений я нахожу, что вопрос о снаряде должен быть разрешен в первую очередь, ибо размеры пушки будут зависеть от величины и веса снаряда.

— Прошу слова! — крикнул Мастон.

Слово было ему охотно предоставлено ввиду его блестящих заслуг в недавнем прошлом.

— Дорогие друзья! — начал он вдохновенно. — Наш председатель вполне прав, ставя вопрос о снаряде раньше всех остальных. Ведь ядро, которое мы пустим в Луну, это наш вестник, наш посол, и я прошу позволения взглянуть на этот вопрос с точки зрения чисто моральной.

Новая точка зрения на снаряд сразу же возбудила любопытство членов комитета, и они стали слушать речь Мастона с удвоенным вниманием.

— Достойные коллеги! — продолжал Мастон. — Я буду краток; не стану касаться ядра физического — снаряда, который убивает, буду говорить лишь о ядре математическом, о ядре моральном. Ядро, по моему мнению, — это самое яркое проявление власти человека; именно в ядре сосредоточивается все его могущество! Создав ядро, человек больше всего приблизился к творцу вселенной.

— Превосходно! — воскликнул майор Эльфистон.

— В самом деле, — продолжал оратор, — если бог сотворил звезды и планеты, то человек создал ядро, достигающее предельной скорости на земле; ядро — это небесное тело в миниатюре, ведь светила — не что иное, как огромные ядра, летящие в мировом пространстве. От бога исходит скорость электричества, скорость света, скорость звезд, скорость комет, скорость планет, скорость их спутников, скорость звука, скорость ветра! Но от нас исходит скорость ядра, в сто раз превосходящая скорости поездов и самых резвых лошадей!

Мастон был в экстазе; в его голосе звучали лирические ноты, — он пел священный гимн снаряду.

— Хотите цифр?! — продолжал он. — Вот они — самые красноречивые! Возьмите скромное ядрышко в двадцать четыре фунта весом; хотя оно и движется в восемьсот тысяч раз медленнее электрического тока, в шестьсот сорок тысяч раз медленнее света и в семьдесят шесть раз медленнее движения Земли вокруг Солнца, — все же при вылете из пушки оно несется быстрее звука, оно пролетает двести туазов в секунду, две тысячи туазов — в десять секунд, четырнадцать миль — в минуту, восемьсот сорок миль — в час, двадцать тысяч сто миль — в сутки; то есть летит со скоростью, с какой

вращаются точки экватора вокруг земной оси: за год оно пролетело бы семь миллионов триста тридцать шесть тысяч пятьсот миль. До Луны оно долетело бы в одиннадцать дней, до Солнца — в двенадцать лет, а до Нептуна, то есть до границ солнечной системы, — в триста шестьдесят лет. Вот чего могло бы достичь это скромное ядро — изделие наших рук!.. Что же будет, если мы создадим скорость в двадцать раз большую, то есть семь миль в секунду! О, чудное ядро! дивный снаряд! Я мечтаю о том, что там — в вышине — тебя примут с почестями, достойными посланника Земли!

Эта напыщенная речь вызвала громовое «ура». Мастон, взволнованный, опустился в кресло; коллеги стали горячо его поздравлять.

— А теперь, — сказал Барбикен, — уплатив щедрую дань поэзии, приступим вплотную к разрешению вопроса.

— Мы готовы, — откликнулись члены комитета, поглощая бутерброд за бутербродом.

— Вы знаете, какую проблему нам предстоит разрешить, — продолжал председатель: — требуется придать снаряду скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. Я полагаю, что это нам удастся. Однако теперь нужно вспомнить, какие скорости были уже практически достигнуты. Генерал Морган не откажется сообщить относящиеся сюда данные.

— Мне это ничего не стоит, — отвечал генерал, — тем более что во время войны я был членом комиссии, производившей испытания орудий. Могу прежде всего сказать, что пушки Дальгрина выпускали ядра на расстояние до двух тысяч пятисот туазов с начальной скоростью в пятьсот ярдов в секунду.

— Хорошо. А колумбиада Родмена? — спросил Барбикен.

— Колумбиада Родмена, при испытании в форте Гамильтон близ Нью-Йорка, пустила ядро весом в полтонны на расстояние шести миль, со скоростью в восемьсот ярдов в секунду — результат, которого никогда не могли добиться Армстронг и Пализер в Англии.

— Ох, уж эти мне англичане!.. — воскликнул Мастон, погрозив в сторону востока своим железным крючком.

— Итак, — спросил Барбикен, — восемьсот ярдов — это наибольшая первоначальная скорость, достигнутая пушечным снарядом?

— Да, — ответил генерал.

— Должен, однако, сказать, — вставил Мастон, — что если бы моя мортира не разорвалась...

— Но она разорвалась... — перебил Барбикен с приветливой улыбкой. — Поэтому примем за исходную точку начальную скорость в восемьсот ярдов. Требуется увеличить ее в двадцать раз. Отложив до другого заседания обсуждение способов, которыми может быть достигнута требуемая скорость, я предложу вашему вниманию, дорогие коллеги, вопрос о размерах, какие нужно дать ядру. Разумеется, тут дело идет уже не о ядре весом в какие-нибудь полтонны.

— А почему нет? — спросил майор.

— Потому что это ядро, — перебил Мастон, — должно быть очень крупных размеров, иначе оно не обратит на себя внимание жителей Луны... если только таковые существуют.

— Конечно, — отвечал Барбикен, — но на это есть еще более важная причина.

— Что вы хотите сказать, Барбикен? — спросил майор.

— А то, что мало выстрелить в Луну, отложив всякие другие попечения, надо еще наблюдать за полетом снаряда до того момента, когда он попадет на Луну.

— Что?! — в один голос воскликнули майор и генерал, пораженные этим заявлением.

— Без сомнения, — твердо отчеканил Барбикен. — Иначе наш опыт останется безрезультатным.

— Но в таком случае, — спросил майор, — наш снаряд должен иметь огромные размеры?

— Ничуть. Соблаговолите выслушать. Вы знаете, какой степени совершенства достигли теперь зрительные приборы; телескопы, в которые наблюдают Луну, дают увеличение в шесть тысяч раз, то есть прибли-

жают Луну к нам на расстояние всего сорока миль. А на таком расстоянии предметы длиною в шестьдесят футов уже хорошо видимы. Если бы не слабый, отраженный свет Луны, этого зеркала Солнца, препятствующий дальнейшему увеличению, можно было бы пустить в ход гораздо более мощные телескопы.

— Ну, так чего же вы хотите? — спросил генерал. — Неужели вы думаете сделать снаряд диаметром в шестьдесят футов?

— Вовсе нет.

— Так вы хотите, быть может, сделать лунный свет более ярким?

— Именно так.

— Вот это здорово! — воскликнул Дж. Т. Мастон.

— Это очень просто, — отвечал Барбикен. — В самом деле, если уменьшить толщину атмосферной оболочки, через которую приходится смотреть на Луну, разве лунный свет не станет для нас более ярким?

— Очевидно, так, — согласился Эльфистон.

— Ну, так вот! Чтобы получить подобный результат, достаточно установить наш телескоп на высокой горе. Так мы и сделаем.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал майор. — Вы удивительно умеете упрощать задачу!.. А какое же увеличение надеетесь вы таким образом получить?

— Увеличение в сорок восемь тысяч раз; тогда мы увидим Луну как бы на расстоянии всего пяти миль, а с такого расстояния можно разглядеть предметы длиной в девять футов.

— Отлично! — воскликнул Мастон. — Следовательно, наше ядро будет диаметром в девять футов.

— Вот именно.

— Позвольте, однако, заметить, — снова возразил майор Эльфистон, — что при этом получится такой огромный вес, что...

— Постойте, майор! — прервал его Барбикен. — Прежде чем обсуждать вес ядра, позвольте мне вам напомнить, что наши предки достигали прямо чудес в этой области. Конечно, не может быть и речи о том, что баллистика не прогрессирует, но да будет вам

известно, что в средние века добивались результатов, смею сказать, еще более удивительных, чем наши.

— Рассказывайте! — недоверчиво протянул Морган.

— Докажите свои слова! — воскликнул пылкий Мастон.

— Нет ничего проще, — спокойно ответил Барбикен, — могу привести несколько примеров. Так, в тысяча пятьсот сорок третьем году, при осаде Константинополя Магометом Вторым, метали каменные ядра, которые весили тысячу девятьсот фунтов и были, конечно, солидных размеров.

— Ой, ой! — воскликнул майор, — тысяча девятьсот фунтов — это внушительный вес!

— На Мальте, в рыцарские времена, одна из пушек форта Сент-Эльм метала ядра весом в две тысячи пятьсот фунтов.

— Не может быть!

— Наконец, по словам одного французского историка, при Людовике Одиннадцатом была мортира, метавшая ядра весом всего в пятьсот фунтов, но эти ядра вылетали из Бастилии, куда глупые люди сажали умных, и долетали до Шарантона, куда люди с умом сажали безумных.

— Превосходно! — заметил Мастон.

— Что же мы видим в настоящее время? — продолжал Барбикен. — Пушки Армстронга выбрасывают ядра лишь в пятьсот фунтов, а колумбиады Родмена — снаряды в полтонны. Выходит, что увеличилась дальность полета снарядов, но вес их уменьшился. Мы же должны пойти в другом направлении и, воспользовавшись успехами науки, удесятерить вес ядра Магомета Второго и мальтийских рыцарей.

— Так и должно быть, — ответил майор. — Какой же вы предлагаете употребить металл для нашего снаряда?

— Я думаю, просто чугун, — сказал генерал Морган.

— Фу!.. Чугун! — воскликнул Мастон с глубоким презрением в голосе. — Это слишком вульгарно для снаряда, предназначенного для Луны.

— Не будем слишком притязательны, мой достойный друг, — ответил Морган, — сойдет и чугун.

— Но позвольте! — снова возразил майор Эльфистон. — Вес ядра пропорционален его объему; следовательно, снаряд диаметром в девять футов будет иметь чудовищный вес.

— Да, если он будет сплошной, — ответил Барбикен, — и нет, если он будет полый.

— Полый! Так это будет бомба?

— И туда можно будет вложить депеши, — подхватил Мастон, — и образчики наших земных произведений!

— Да, бомба, — ответил Барбикен, — нам необходима бомба! Сплошное ядро в сто восемь дюймов диаметром весило бы более двухсот тысяч фунтов, вес, бесспорно, чрезмерный. Но так как снаряд должен обладать достаточной прочностью, я предлагаю сделать его весом в двадцать тысяч фунтов.

— Какова же должна быть толщина его стенок? — спросил майор.

— Если держаться установленной пропорции, — заметил Морган, — то при диаметре в сто восемь дюймов стенки должны быть по крайней мере в два фута толщиной.

— Это слишком много, — ответил Барбикен. — Речь, заметьте, идет не о том, чтобы пробивать металлические брони; надо, чтобы стенки снаряда могли выдержать напор пороховых газов. Итак, вот в чем задача: какую толщину должны иметь стенки чугунной бомбы, чтобы она весила не более двадцати тысяч фунтов? Наш искусный математик, славный Мастон, нам сейчас же это вычислит.

— Что может быть проще! — ответил почтенный секретарь комитета.

Он быстро набросал несколько алгебраических формул; из-под его пера вылетали разные π и x, возведенные в квадрат, потом он извлек в уме кубический корень и сказал:

— Стенки будут толщиной всего в два дюйма.

— Разве этого достаточно? — усомнился майор.

— Нет, — ответил Барбикен, — очевидно, нет.

— Но что же тогда делать? — в недоумении спросил Эльфистон.

— Надо взять не чугун, а другой металл, — ответил Барбикен.

— Медь? — спросил Морган.

— Нет, медь слишком тяжела; я вам предложу нечто получше.

— Что же именно? — спросил майор.

— Алюминий, — ответил Барбикен.

— Алюминий?! — хором воскликнули его коллеги.

— Ну да, друзья мои. Вы знаете, что известному французскому химику Анри Сент-Клер-Девиллю удалось в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году получить алюминий в значительных количествах. Этот драгоценный металл обладает белизной серебра, неокисляемостью золота, ковкостью железа, плавкостью меди, легкостью стекла; его очень легко обрабатывать; он чрезвычайно распространен в природе, так как является главной составной частью множества горных пород; к тому же он в три раза легче железа, и он как будто создан для того, чтобы послужить материалом для нашего снаряда.

— Да здравствует алюминий! — крикнул секретарь комитета с обычным своим шумным восторгом.

— Но, дорогой президент, — заметил майор, — алюминий, кажется, слишком дорог?

— Это было раньше, — отвечал Барбикен, — вначале, при его открытии, фунт алюминия обходился от двухсот шестидесяти до двухсот восьмидесяти долларов, затем цена упала до двадцати семи долларов, а теперь можно иметь фунт алюминия за девять долларов.

— Однако и девять долларов за фунт, — сказал майор, который не легко сдавался, — цена огромная!

— Без сомнения, дорогой майор, но ее нельзя назвать недоступной.

— Сколько же будет весить такой снаряд? — спросил Морган.

— Вот результат моих вычислений, — ответил Барбикен, — снаряд диаметром в сто восемь дюймов и со стенками толщиной в двенадцать дюймов, сделан-

ный из чугуна, весил бы семьдесят семь тысяч четыреста сорок фунтов, а если его отлить из алюминия, вес его сократится до девятнадцати тысяч двухсот пятидесяти фунтов.

— Очень хорошо! — воскликнул Мастон. — Это как раз нам подходит.

— Хорошо-то оно хорошо, — возразил майор, — но, считая по восемнадцать долларов за фунт, снаряд этот обойдется...

— Сто семьдесят три тысячи двести пятьдесят долларов, — я это отлично знаю. Но не беспокойтесь, друзья мои, у нас будет достаточно денег для нашего предприятия, за это я ручаюсь.

— Золото дождем польется в нашу кассу, — добавил Мастон.

— Ну, как же вы решите вопрос об алюминии? — спросил председатель.

— Принято! — ответили члены комитета.

— Что касается формы снаряда, — добавил Барбикен, — то она не имеет особенного значения, так как снаряд, миновав земную атмосферу, будет лететь в пустом пространстве. Поэтому я предлагаю форму шара. Пусть себе наша бомба вращается вокруг своей оси, сколько ей угодно.

На этом закончилось первое заседание комитета, на котором окончательно решен был вопрос о снаряде. Дж. Т. Мастон был в восторге при мысли о том, что селенитам будет послана алюминиевая бомба.

— Пусть эти господа получат надлежащее понятие о земных обитателях!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

История пушки.

Постановления, принятые на заседании 8 октября, повсюду произвели огромное впечатление. Люди робкого десятка даже пугались при мысли, что в пространство будет пущена бомба весом около двадцати тысяч фунтов. Спрашивали себя: какова же будет

пушка, которая вытолкнет такой снаряд, да еще с начальной скоростью, соответствующей подобной массе? На эти вопросы должен был победоносно ответить протокол второго заседания комитета.

На следующий день вечером комитет «Пушечного клуба» снова заседал перед горою бутербродов и над целыми морями чая. Тотчас началось обсуждение, причем на этот раз обошлись без всяких вступительных речей.

— Дорогие коллеги, — сказал Барбикен, — сегодня нам предстоит заняться вопросом о пушке: определить ее форму, длину, материал и вес. Размеры ее окажутся, вероятно, колоссальными, но я надеюсь, что наш индустриальный гений справится со всеми трудностями. Выслушайте же меня и не скупитесь на самые резкие возражения. Я их не боюсь!

Что-то вроде одобрительного мычания раздалось в ответ на это заявление.

— Вспомним, — продолжал Барбикен, — на чем мы вчера остановились в наших прениях; вопрос стоит теперь так: требуется дать первоначальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду бомбе диаметром в сто восемь дюймов и весом в двадцать тысяч фунтов.

— Задача именно такова, — подтвердил майор Эльфистон.

— Итак, продолжаю. Когда ядро пущено в пространство, что с ним происходит? Оно подвергается действию трех независимых сил: сопротивления среды, притяжения Земли и толчка, который привел снаряд в движение. Рассмотрим эти три силы каждую в отдельности. Сопротивление среды, то есть воздуха, почти не окажет действия. В самом деле, атмосфера простирается на высоту всего каких-нибудь сорока миль. При скорости в двенадцать тысяч ярдов снаряд пролетит это расстояние в пять секунд, и за такой короткий промежуток времени можно пренебречь сопротивлением среды. Перейдем теперь к притяжению Земли, то есть к весу снаряда. Мы знаем, что этот вес будет непрерывно изменяться обратно пропорционально квадратам расстояний. Вот чему учит

нас физика: всякое тело, при свободном его падении вблизи поверхности Земли, проходит в первую секунду пятнадцать футов; если бы это тело падало с Луны на Землю, то есть с расстояния двухсот пятидесяти семи тысяч пятисот сорока двух миль, то в первую секунду оно прошло бы всего пол-линии. А это граничит с неподвижностью. Итак, нужно преодолеть силу земного притяжения. Как же мы этого достигнем? Только силою напора пороховых газов.

— Вот главное затруднение, — сказал майор.

— В самом деле, немалое, — ответил Барбикен, — но его можно преодолеть, ибо необходимая нам сила толчка зависит лишь от длины орудия и от количества пороха, которое ограничено силой сопротивления стенок орудия. Поэтому давайте сегодня обсуждать размеры пушки. Разумеется, сила сопротивления стенок пушки может быть доведена почти до бесконечной величины, так как наша пушка не предназначена для передвижения.

— Это очевидно, — вставил генерал.

— До сих пор, — продолжал Барбикен, — длина самых больших орудий, например наших колумбиад, не превышала двадцати пяти футов; поэтому многих удивят размеры, какие мы должны будем придать нашей пушке.

— Еще бы! — выпалил Мастон. — Что до меня, я настаиваю, чтобы пушка была длиной по крайней мере в полмили!

— В полмили! — воскликнули генерал и майор.

— Да! В полмили! И этого еще мало!..

— Ну, Мастон, — возразил Морган, — вы уже хватили через край!..

— Да нет же, — возразил пылкий секретарь, — и я не знаю, на каком основании вы обвиняете меня в преувеличении...

— Потому что вы уж слишком далеко залетели!..

— Так знайте же, милостивый государь, — торжественно заявил Мастон, — знайте, что артиллерист, как и его снаряд, не может залететь слишком далеко!

Дело дошло бы до ссоры, если бы не вмешался председатель:

— Успокойтесь, друзья мои, и давайте обсуждать вопрос. Разумеется, пушка должна быть очень велика, потому что при удлинении орудия возрастает продолжительность напора газов, развивающихся при воспламенении пороха, но нам совершенно ни к чему переступать границы...

— Совершенно верно, — вставил майор.

— Каковы же правила, которыми руководствуются в подобных случаях? Обычно длина пушки в двадцать — двадцать пять раз превышает диаметр ядра, а вес ее в двести тридцать пять — двести сорок раз превышает его вес.

— Этого мало! — воскликнул неистовый Мастон.

— Вы правы, дорогой друг; и в самом деле, если придерживаться такой пропорции, то для снаряда диаметром в девять футов и весом в тридцать тысяч фунтов потребуется орудие длиной в двести двадцать пять футов и весом в семь миллионов двести тысяч фунтов.

— Это до смешного мало, — снова перебил Мастон. — Уж лучше нам взять тогда пистолет!

— Я с вами согласен, — сказал Барбикен, — а потому предлагаю учетверить эту длину, то есть построить пушку длиной в девятьсот футов.

Генерал и майор начали было возражать, но, несмотря на это, предложение Барбикена, при горячей поддержке секретаря «Пушечного клуба», было окончательно принято.

— Теперь, — сказал Эльфистон, — решим вопрос о толщине стенок.

— Я полагаю, шесть футов, — ответил Барбикен.

— Вы, конечно, не предполагаете ставить такую махину на лафет? — спросил майор.

— А вышло бы великолепно! — воскликнул Мастон.

— Но это невыполнимо, — возразил Барбикен. — Нет, я думаю отлить орудие прямо в земле, связать его толстыми обручами из кованого железа и замуровать в массивных каменных стенах; таким образом эти стены, а также окружающий их грунт будут участвовать в общем сопротивлении. Когда пушка будет

отлита, придется обточить ее канал и тщательно калибровать, чтобы не допустить потери газа между снарядом и стенками пушки; тогда вся двигательная сила пороха пойдет на толчок...

— Ура! Ура! — крикнул Мастон. — Пушка готова!

— Нет еще, — возразил Барбикен, жестом успокаивая своего нетерпеливого друга.

— Это почему?

— Потому что мы не определили еще формы нашего орудия. Будет ли это пушка, гаубица или мортира?

— Пушка! — ответил Морган.

— Гаубица! — воскликнул майор.

— Мортира! — крикнул Мастон.

Прения готовы были перейти в довольно горячий спор, так как каждый начал перечислять преимущества своего излюбленного орудия, но председатель быстро остановил спорщиков.

— Друзья мои, — сказал он, — сейчас я вас примирю: наша колумбиада соединит в себе все три типа огнестрельных орудий. Это будет пушка, потому что пороховая камера будет иметь тот же диаметр, что и канал. Это будет гаубица, потому что она выпустит бомбу. Наконец, ее можно назвать мортирой, потому что мы установим ее под углом в девяносто градусов и неподвижно укрепим в земле, вследствие чего будет избегнута всякая отдача и снаряду сообщится вся двигательная сила, какая разовьется в пороховой камере.

— Принято, принято! — в один голос воскликнули члены комитета.

— Позвольте еще вопрос, — сказал Эльфистон, — эта гаубица-мортира-пушка будет нарезная?

— Нет, — отвечал Барбикен, — ни в коем случае. Требуется огромная начальная скорость, а вы прекрасно знаете, что из нарезного канала снаряд выходит с меньшей быстротой, чем из гладкоствольного.

— Это верно.

— Ну, теперь мы уже с ней покончили! — снова воскликнул Мастон.

— Нет, еще не совсем, — возразил Барбикен.

— Что же еще?

— Мы еще не знаем, из какого металла будет орудие.

— Так давайте сейчас же решать!

— Я это и хотел вам предложить.

Тут каждый из членов комитета проглотил по десятку бутербродов, запил их кружкой чая, и обсуждение возобновилось.

— Достойные коллеги, — начал Барбикен, — наше орудие должно обладать огромной прочностью, несокрушимой твердостью, полной огнеупорностью и совершенной неокисляемостью.

— В этом не может быть сомнения, — ответил майор, — и так как придется употребить значительное количество металла, то нетрудно сделать и выбор.

— В таком случае, — сказал Морган, — предлагаю для колумбиады наилучший сплав из всех нам известных, а именно: на сто частей меди двенадцать частей олова и шесть — латуни.

— Друзья мои, — ответил Барбикен, — этот сплав дает прекрасные результаты, но он слишком дорог, и обработка его затруднительна. Поэтому я предлагаю употребить другой материал, тоже высокого качества, но более дешевый, а именно чугун. Вы согласны со мной, майор?

— Вполне согласен, — отвечал Эльфистон.

— В самом деле, — продолжал Барбикен, — чугун дешевле бронзы в десять раз, он отлично плавится, его можно легко отливать в глиняные формы; притом он быстро обрабатывается. Это экономия денег и времени. Словом, это отличный материал. Помнится, во время войны, при осаде Атланты, чугунные пушки делали по тысяче выстрелов каждая, стреляя каждые двадцать минут, причем ни одна из них не испортилась.

— Однако чугун очень хрупок, — заметил Морган.

— Да, но сила его сопротивления очень велика; во всяком случае, наша пушка не разорвется, ручаюсь вам.

— А если и разорвется, то это не позор, — нравоучительно изрек Мастон.

— Разумеется, — согласился Барбикен. — Итак, я попрошу нашего уважаемого секретаря вычислить вес чугунной пушки длиною в девятьсот футов, с внутренним диаметром в девять футов и при толщине стенок в шесть футов.

— Сию минуту! — ответил Мастон.

И, как накануне, он на память, с изумительной быстротой, выписал все нужные ему формулы; через минуту он сказал:

— Орудие будет весить шестьдесят восемь тысяч сорок тонн.

— При цене чугуна в два цента за фунт оно будет стоить...

— Два миллиона пятьсот десять тысяч семьсот один доллар.

Мастон, майор и генерал с тревогой взглянули на председателя.

— Господа! — ответил Барбикен, — мне остается повторить то, что я уже сказал вам вчера: будьте покойны, за миллионами дело не станет!

Этой уверенной фразой председателя закончилось заседание; следующее собрание было назначено на ближайший вечер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вопрос о порохе.

На очереди оставался вопрос о порохе. Публика с волнением ожидала его разрешения. Размеры снаряда и длина орудия были уже намечены, какое же количество пороха понадобится для выстрела? Никогда еще в мировой истории не воспламенялось сразу такое огромное количество взрывчатого вещества.

Считается общеизвестным, — и до сих пор это часто повторяют, — что порох был изобретен в XIV веке монахом Шварцем, который заплатил жизнью за свое великое изобретение. Но теперь уже доказано, что предание это должно быть отнесено к числу средневековых легенд. Пороха никто собственно не выдумал;

он происходит непосредственно от «греческого огня», в состав которого также входили сера и селитра. Вначале это была смесь горючая, но с течением времени она превратилась в смесь взрывчатую.

Однако если все образованные люди прекрасно знают легенду об изобретении пороха, то лишь немногие ясно представляют себе его механическую силу. Между тем это необходимо знать, чтобы уяснить себе важность данного вопроса для членов комитета.

Один литр пороха весит приблизительно два фунта (900 граммов); воспламеняясь, он производит четыреста литров газа; свободно расширяясь при температуре 2400°, газы могут занять пространство в четыре тысячи кубических литров. Таким образом, объем пороха относится к объему образовавшихся из него при взрыве газов, как 1 к 4000. Отсюда легко представить тот страшный напор, который должны произвести эти газы, когда они сжаты в пространстве в четыре тысячи раз меньшем их нормального объема.

Все это было отлично известно членам комитета, и, открыв заседание 10 октября, Барбикен предоставил слово майору Эльфистону, который во время войны был главным начальником пороховой части.

— Дорогие друзья, — сказал этот выдающийся специалист, — приведу вам сначала бесспорные цифры, которые должны послужить основанием для наших заключений. Ядро в двадцать четыре фунта, о котором нам третьего дня в столь поэтических выражениях упоминал достопочтенный Мастон, выбрасывается из орудия при помощи всего шестнадцати фунтов пороха.

— Достоверна ли эта цифра? — спросил Барбикен.

— Абсолютно достоверна, — ответил майор. — На заряд пушки Армстронга, выпускающей снаряд в восемьсот фунтов, идет только семьдесят пять фунтов пороха, а колумбиада Родмена, при заряде в сто шестьдесят фунтов пороха, посылает ядро весом в полтонны на расстояние шести миль. Эти данные вне всяких сомнений: я лично подписывал в артиллерийском комитете соответствующие протоколы.

— Совершенно верно, — подтвердил генерал.

— Так вот какой вывод можно сделать из этих данных, — продолжал майор, — количество пороха в пушке не увеличивается пропорционально весу ядра. В обыкновенных пушках на ядро в двадцать четыре фунта идет шестнадцать фунтов пороха, то есть вес пороха составляет две трети веса ядра; но это соотношение не является постоянным. Так, например, заряд пороха для ядра в полтонны должен был бы равняться тремстам тридцати трем фунтам, а между тем, оказывается, достаточно всего ста шестидесяти фунтов, то есть меньше половины указанного количества.

— К какому же заключению вы приходите? — спросил председатель.

— Дорогой майор, — вмешался Мастон, — если довести вашу теорию до логического конца, то выйдет, что при очень большом весе ядра можно при выстреле совсем обойтись без пороха...

— Мой друг Мастон сохраняет свою шутливость даже в самых серьезных вопросах, — возразил майор, — но пусть он успокоится: для нашей колумбиады я предложу такое количество пороха, которое вполне удовлетворит его артиллерийское самолюбие. Однако прежде всего я считаю необходимым указать, что во время войны после ряда опытов количество пороха на заряд было сокращено до одной десятой веса ядра.

— Совершенно верно, — подтвердил Морган. — Однако прежде чем решить, какое количество пороха необходимо для выстрела, я полагаю, надо столковаться насчет сорта пороха.

— Я предлагаю крупнозернистый порох, — ответил майор, — он воспламеняется быстрее, чем мелкозернистый.

— Это так, — заметил генерал, — но он очень вредит орудию и быстро засоряет его канал.

— Вот еще! Эти недостатки могут иметь значение только для пушки, которая должна долго стрелять, а наша колумбиада выстрелит всего один раз. Нам не угрожает опасность, что пушка разорвется, и необходимо, чтобы порох воспламенился мгновенно, ибо тем полнее будет механическое его действие.

— Можно сделать несколько запалов, — предложил Мастон, — чтобы одновременно воспламенить порох с разных сторон.

— Конечно, можно, — ответил Эльфистон, — но это чрезвычайно затруднит управление пушкой. Поэтому я снова предлагаю крупнозернистый порох, который устраняет все эти затруднения.

— Пусть будет так, — согласился генерал.

— Для заряда своей колумбиады, — продолжал майор, — Родмен употреблял крупный порох с зернами величиной в каштан; входивший в его состав уголь приготовлялся из древесины ивы, которую пережигали в чугунных котлах. Этот порох тверд на ощупь, блестящ, не оставляет никакого следа на руке, содержит значительное количество водорода и кислорода, воспламеняется мгновенно и, несмотря на свою разрушительную силу, почти что не засоряет орудие.

— Ну, что же, — заявил Мастон, — мне кажется, тут нечего колебаться. Я предпочитаю этот порох всякому другому.

— Даже золотому порошку? — с язвительной усмешкой спросил майор.

Вместо ответа его вспыльчивый друг погрозил ему своим железным крючком.

До сих пор Барбикен не вмешивался в прения. Он предоставил говорить другим, а сам слушал. Очевидно, он обдумывал какую-то свою идею. Поэтому он ограничился тем, что спросил:

— А сколько, по-вашему, потребуется пороха, друзья мои?

— Пятьсот тысяч! — заявил майор.

— Восемьсот тысяч! — крикнул Мастон.

На этот раз Эльфистон не решился упрекнуть своего коллегу в преувеличении. В самом деле, требовалось добросить до Луны снаряд весом в двадцать тысяч фунтов, для чего надо было сообщить ему начальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. На минуту все смолкли.

Молчание прервал Барбикен.

— Дорогие друзья, — начал он спокойным голосом, — я исхожу из основного положения, что сила

сопротивления стенок нашей пушки, установленной особым образом, беспредельна. Итак, я удивлю вас и даже уважаемого коллегу Мастона: он был слишком робок в своих расчетах, — я предлагаю удвоить предложенные им восемьсот тысяч фунтов.

— Миллион шестьсот тысяч фунтов?! — воскликнул Мастон, подскочив от изумления.

— Да, не меньше.

— Но в таком случае выходит по-моему: пушка должна быть длиною в полмили.

— Очевидно, так, — подтвердил майор.

— Миллион шестьсот тысяч фунтов пороха, — продолжал секретарь комитета, — будут занимать пространство около двадцати двух тысяч кубических футов. Ваша пушка, имея объем всего в пятьдесят четыре тысячи кубических футов, будет наполнена порохом до половины, но тогда ее канал не будет обладать достаточной длиной, чтобы расширение пороховых газов оказало нужное действие на снаряд...

Возразить было нечего. Мастон был прав. Взгляды всех остановились на председателе.

— Тем не менее, — сказал Барбикен, — я настаиваю на таком именно количестве пороха. Подумайте хорошенько, миллион шестьсот тысяч фунтов пороха разовьют шесть миллиардов литров газа. Шесть миллиардов! Слышите?

— Но что же тогда делать? — спросил генерал.

— Очень просто; необходимо сократить это громадное количество пороха, но без ущерба для его двигательной силы.

— Прекрасно! Но каким же образом?

— Я вам сейчас скажу, — спокойно отвечал Барбикен.

Слушатели так и впились в него глазами.

— В самом деле, ничего нет легче, — продолжал Барбикен, — как сократить в четыре раза объем пороха. Разумеется, всем вам известно то любопытное вещество, из которого состоят ткани растений и которое называется клетчаткой.

— Ах! — воскликнул майор. — Я вас понимаю, дорогой Барбикен.

— Это вещество, — продолжал председатель, — встречается в природе в совершенно чистом виде, например в хлопке, который не что иное, как пух, покрывающий семена хлопчатника. При соединении на холоде с азотной кислотой клетчатка превращается в вещество, совершенно нерастворимое, быстро воспламеняющееся и обладающее громадной взрывчатой силой. Не так давно, в тысяча восемьсот тридцать втором году, это вещество открыл французский химик Браконно, назвавший его ксилоидином. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году французский химик Пелуз изучил различные свойства этого вещества, и, наконец, в тысяча восемьсот сорок шестом году Шонбейн, профессор химии в Базеле, предложил его в качестве пороха для военных целей. Этот порох был назван азотистой хлопчаткой...

— Или пироксилином, — заметил Эльфистон.

— Или гремучей ватой, — добавил Морган.

— Неужели ни один американец не причастен к этому открытию? — воскликнул Мастон, задетый в своем патриотизме.

— К сожалению, не могу назвать ни одного, — отвечал майор.

— Однако, чтобы удовлетворить Мастона, — продолжал председатель, — я скажу, что один из наших сограждан немало поработал над изучением пироксилина. Вам известно, что коллодий, который является очень важным материалом, применяемым в фотографии, не что иное, как пироксилин, растворенный в смеси серного эфира и спирта, а коллодий открыл Мейнард, когда он был еще студентом-медиком в Бостоне.

— Да здравствует Мейнард и хлопчатобумажный порох! — крикнул шумливый секретарь «Пушечного клуба».

— Вернемся к пироксилину, — продолжал Барбикен. — Вам известны его свойства, и они для нас драгоценны; изготовление его необычайно просто: стоит погрузить хлопок на пятнадцать минут в дымящуюся азотную кислоту, затем промыть в большом количестве воды, потом высушить, и — готов пироксилин.

— В самом деле, нет ничего проще, — заметил генерал.

— К тому же пироксилин совершенно нечувствителен к сырости, — и это особенно драгоценное для нас свойство, потому что заряжать нашу пушку придется несколько дней подряд. Сверх того пироксилин воспламеняется при ста семидесяти градусах, а не при двухстах сорока, и быстрота его разложения, сгорания и взрыва так велика, что можно поджечь его, положив на кучу обыкновенного пороха, и пироксилин сгорит до конца, прежде чем порох успеет воспламениться.

— Превосходно, — заметил майор.

— Однако он дороговат.

— Пустяки! — воскликнул Мастон.

— Наконец, пироксилин придает снаряду скорость, в четыре раза превосходящую скорость от обыкновенного пороха. Я добавлю даже, что если к пироксилину примешать калийной селитры в пропорции восемь к двум, то его взрывчатая сила увеличится в еще большей степени.

— Но разве это необходимо? — спросил майор.

— Не думаю, — ответил Барбикен. — Таким образом, вместо миллиона шестисот тысяч фунтов пороха достаточно взять четыреста тысяч фунтов гремучей ваты, и так как можно без всякой опасности спрессовать пятьсот фунтов хлопчатника в пространстве двадцати семи кубических футов, то весь наш пороховой заряд займет в канале колумбиады не более тридцати кубических туазов. Таким образом, снаряду придется пролететь в канале семьсот футов под напором шести миллиардов литров газов, прежде чем он выпалит из пушки по направлению к ночному светилу.

При этой тираде Мастон не в силах был сдержать свой восторг, — он ринулся в объятия своего друга почти со скоростью пушечного снаряда и, конечно, сокрушил бы его, если бы Барбикен не был построен из материала, способного выдержать даже удар бомбы.

Этим инцидентом закончилось третье заседание комитета. Барбикен и его отважные коллеги, для которых, казалось, не существовало ничего невозможного,

разрешили сложные вопросы о снаряде, об орудии и о порохе. План был готов, оставалось только его выполнить.

— Ну, это уж мелочи, сущие пустяки! — изрек Дж. Т. Мастон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Один недруг на двадцать пять миллионов друзей.

Американское общество вникало с напряженным интересом в малейшие подробности предприятия «Пушечного клуба». Следили день за днем за всеми прениями комитета. Вся подготовка к великому опыту, все цифры, все механические трудности, которые предстояло одолеть, — одним словом, весь ход дела захватывал всеобщее внимание.

Целый год должен был пройти от начала работ до их завершения, но в этот промежуток времени предстояло осуществить ряд волнующих задач: избрать место для производства работ, выкопать шахту, отлить колумбиаду, наконец произвести крайне опасную операцию зарядки, — все это возбуждало любопытство общественных масс. Все знали, что снаряд, выпущенный из колумбиады, исчезнет из поля зрения в течение каких-нибудь десятых долей секунды. А как полетит он в пространстве? Как достигнет Луны? Лишь немногие счастливцы увидят полет ядра собственными глазами. Понятно поэтому, что для широкой публики чрезвычайно интересны были во всех деталях приготовления к великому опыту.

Кроме того, произошло неожиданное событие, усилившее общественный интерес к научной стороне дела.

Мы уже знаем, какую бесчисленную армию почитателей и друзей приобрел Барбикен благодаря своему проекту. Однако, несмотря на свою необычайную силу, партия Барбикена не могла включить в свои ряды всех поголовно. Нашелся человек, — единственный на все Соединенные Штаты, — который стал протестовать против предприятия, затеянного «Пушечным клубом»; при всяком удобном случае он выступал с целым рядом

горячих опровержений, а натура человеческая такова, что Барбикен был более чувствителен к нападкам одного противника, чем к шумным одобрениям всех остальных.

Между тем ему отлично была известна причина вражды этого человека, так как она была давнего происхождения и носила личный характер; он знал, что взаимная их неприязнь зародилась на почве самолюбивого соперничества.

Однако председатель «Пушечного клуба» никогда не видел в глаза своего ожесточенного недруга, и это — к счастью для обоих, потому что встреча их, наверное, повлекла бы для них самые печальные последствия. Этот противник был такой же ученый, как Барбикен, гордая, смелая, горячая, упорная натура, — словом, чистокровный янки. Звали его капитан Николь. Жил он в Филадельфии.

Многие, вероятно, помнят, какое любопытное соперничество возникло во время гражданской войны между снарядом и бронею военных кораблей: ядро призвано было пробивать броню, а броня должна была сопротивляться ядру. Это повело к коренному преобразованию военного флота в штатах Северной и Южной Америки. Ядро и броня сражались не на жизнь, а на смерть, причем ядро все увеличивалось, а броня все утолщалась. Военные суда, ощетинившись внушительными орудиями, шли в бой, защищенные непроницаемой броней. «Мерримак», «Монитор», «Рам-Тенесси», «Векгаузен» метали огромные ядра в неприятельские суда, предварительно покрывшись толстой броней. Они делали другим то, чего не желали себе, — основное, глубоко безнравственное правило, к которому сводится все искусство войны.

Барбикен во время войны прославился отливкой снарядов, а капитан Николь — созданием самой прочной в мире брони. Один из них день и ночь отливал в Балтиморе ядра, а другой ночь и день ковал в Филадельфии броню. Они ставили перед собой прямо противоположные цели.

Не успевал Барбикен придумать новый снаряд, как Николь изготовлял уже новую броню. Целью жизни

Барбикена было пробивать насквозь броню, а целью жизни Николя — препятствовать ему в этом. Отсюда и зародилось их постоянное соперничество, которое скоро перешло в личную вражду.

Николь мерещился Барбикену даже во сне в виде непроницаемой брони, о которую он сам разбивался на мелкие куски, а Барбикен являлся Николю в кошмарах в виде страшного снаряда, который его, Николя, пробивал насквозь.

Хотя оба ученые двигались по двум расходящимся линиям, они, наверное, когда-нибудь встретились бы вопреки всем аксиомам геометрии, и тогда эта встреча кончилась бы дуэлью. К счастью для этих столь полезных родине граждан, их всегда разделяло расстояние в пятьдесят — шестьдесят миль, и друзья ставили перед ними такие преграды, что им так и не пришлось столкнуться.

Трудно было бы сказать, кто из этих двух изобретателей превзошел другого, так как результаты их деятельности еще не получили точной оценки. Казалось, однако, что в конечном счете броня должна была уступить ядру. Впрочем, сведущие люди еще сомневались в этом. При последних испытаниях цилиндро-конические снаряды Барбикена вонзались в броню Николя, как булавки в воск. В тот день филадельфийский изобретатель торжествовал победу, не скупясь на презрительные выражения по адресу своего соперника, но вскоре должен был признать, что слишком поторопился: Барбикен заменил свои цилиндро-конические снаряды простыми бомбами весом в шестьсот фунтов, и эти бомбы, несмотря на свою малую начальную скорость, сломили, пробили и разнесли в куски броню, выкованную из лучшего металла.

Так обстояло дело, и победа, казалось, должна была остаться за ядром, но вдруг война кончилась, — и как раз в тот самый день, когда Николь доделывал новую броню из кованой стали. Это был своего рода шедевр, — броне этой не страшны были никакие снаряды в мире. Капитан Николь привез новую броню в Вашингтонский полигон и послал Барбикену предло-

жение пробить ее. Барбикен отказался ввиду прекращения военных действий.

Взбешенный отказом, Николь предложил испытать его броню какими угодно снарядами — круглыми, коническими, полыми, сплошными, — хотя бы самых чудовищных размеров. Председатель «Пушечного клуба» опять отказался, очевидно опасаясь подорвать свою славу.

Упорство противника вывело Николя из себя; он решил соблазнить Барбикена, предложив ему неслыханно льготные условия: стрелять в его броню с расстояния двухсот ярдов. Барбикен снова отказался. Тогда со ста ярдов? Нет, Барбикен не согласен даже с семидесяти пяти ярдов.

«В таком случае я предлагаю пятьдесят ярдов, — объявил капитан через газеты, — я согласен даже на двадцать пять ярдов, и я сам буду стоять позади моей брони».

Барбикен ответил, что не будет стрелять даже и в том случае, если капитан Николь станет не позади, а впереди своей брони.

После такого ответа капитан Николь окончательно вышел из себя и разразился потоком оскорблений. Он стал утверждать, что все дело в трусости, что человек, который отказывается выстрелить из пушки, несомненно, боится предлагаемого ему опыта, и что вообще современные артиллеристы, стреляющие друг в друга с расстояния в шесть миль, подменили личную храбрость математическими формулами, а человек, который предлагает встать спокойно позади своей брони, выказывает не меньше храбрости, чем тот, кто стреляет ядрами по всем правилам искусства.

Барбикен не отозвался на эти обвинения; быть может, он даже не знал о них, потому что в то время был всецело поглощен вычислениями и обдумываньем своего великого предприятия. Но гнев капитана Николя дошел до предела, когда Барбикен сделал свое знаменитое сообщение в «Пушечном клубе». Тут сказались и острая ревность к успеху соперника и сознание полного своего бессилия. В самом деле, чем можно затмить колумбиаду в девятьсот футов длиной?

Мыслимо ли выковать броню, которая задержала бы снаряд весом в 20 тысяч фунтов? Капитан Николь сперва был потрясен, уничтожен, сокрушен этим чудовищным снарядом, потом он оправился, встал на ноги и решил раздавить проект Барбикена тяжестью своих опровержений.

Он ожесточенно напал на затею «Пушечного клуба», он строчил в редакции множество писем, и газеты охотно их печатали. Он старался уничтожить путем научных выкладок значение проекта Барбикена. Раз начав войну, он не брезговал никакими средствами, даже самыми неблаговидными и недобросовестными.

Прежде всего Николь яростно обрушился на цифровые данные «Пушечного клуба»; он доказывал при помощи алгебры, что формулы Барбикена неверны; обвинял его даже в незнании основных начал баллистики. Среди других ошибок Николь отметил, что невозможно сообщить какому бы то ни было телу скорость в 12 тысяч ярдов в секунду; затем он утверждал, на основании собственных вычислений, что даже при такой скорости ядро колумбиады не вылетит за пределы земной атмосферы, ибо вес его чересчур велик. Оно не поднимется и на высоту восьми лье! Больше того, даже при указанной скорости, если считать ее достаточной, бомба не выдержит напора газов, которые разовьются при воспламенении одного миллиона шестисот тысяч фунтов пороха; а если и устоит против давления, то во всяком случае не выдержит высокой температуры, расплавится при вылете из колумбиады и упадет кипящим металлическим дождем на головы легковерных зрителей

Но Барбикен, не обращая ни малейшего внимания на эти нападки, спокойно продолжал свое дело.

Тогда Николь повел нападение с другой стороны; он стал уверять, что предприятие Барбикена не только бесполезно со всех точек зрения, но к тому же чрезвычайно опасно — как для граждан, которые почтят своим присутствием это предосудительное зрелище, так и для городов, находящихся вблизи от этой злосчастной пушки. Кроме того, если ядро не долетит до

Луны, — что не подлежит сомнению, — то оно неизбежно упадет на землю, а, в таком случае, энергия падения подобной массы, помноженной на квадрат ее скорости, вызовет ужасающую катастрофу в данном пункте земного шара. Поэтому в данных обстоятельствах, не посягая на свободу действий граждан, следует поставить вопрос о необходимости вмешательства со стороны правительства, ибо нельзя рисковать жизнью множества людей в угоду фантазиям одного человека.

Отсюда видно, до каких преувеличений дошел капитан Николь. Однако он оставался в полном одиночестве. Никто не верил его зловещим пророчествам. Он мог кричать сколько ему угодно, мог даже надорваться от крика, — от этого не было никакого толку. Николь очутился в положении адвоката, дело которого заранее проиграно; его слышали, но не слушали, и он не отбил у председателя «Пушечного клуба» ни единого приверженца, а сам Барбикен не счел даже нужным возражать своему сопернику.

Доведенный до крайности и не имея возможности драться с Барбикеном на дуэли, он решил биться с ним об заклад. И вот в ричмондской газете «Энквайрер» появился следующий вызов Барбикену на ряд пари с постепенно возрастающими ставками.

Он держал пари:

1. Что «Пушечный клуб» не соберет суммы, достаточной для осуществления его предприятия . . . . на 1000 долларов
2. Что отливка чугунной пушки в девятьсот футов длиной практически невыполнима и потому не удастся «Пушечному клубу» . на 2000 долларов
3. Что невозможно будет зарядить колумбиаду, потому что давление вызовет взрыв пироксилина . . . . на 3000 долларов
4. Что при воспламенении пироксилина колумбиаду разорвет . . . . на 4000 долларов
5. Что ядро не пролетит даже шести миль в высоту и упадет на Землю через несколько секунд после выстрела . . . . на 5000 долларов

Отсюда видно, до какого азарта довело капитана Николя его отчаянное упрямство. Ведь речь шла о целых пятнадцати тысячах долларов!

В ответ на свой вызов капитан Николь получил запечатанный конверт, заключавший великолепное по своей краткости письмо:

«Балтимор, 18 октября.

Держу.

Барбикен».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Флорида и Техас.

Еще один важный вопрос оставался нерешенным: надо было выбрать местность, благоприятную для опыта. Согласно указаниям Кембриджской обсерватории, выстрел необходимо было направить перпендикулярно к плоскости горизонта, то есть целить в зенит, а между тем Луна бывает в зените лишь в тех местах, которые расположены между экватором и 28° широты. Итак, предстояло точно определить местность, где должна была происходить отливка гигантской колумбиады.

На 20 октября было созвано общее собрание членов «Пушечного клуба». Барбикен принес великолепную карту Соединенных Штатов, составленную З. Бельтропом. Но не успел он развернуть карту, как Дж. Т. Мастон с обычной своей горячностью попросил слова.

— Уважаемые коллеги, — начал он, — вопрос, поставленный на нынешнем заседании, имеет громадное национальное значение — он дает нам случай совершить поистине патриотический акт!

Члены «Пушечного клуба» переглянулись, недоумевая, куда клонит оратор.

— Никто из вас, — продолжал он, — конечно, не допустит и мысли, что можно поступиться славой сво-

его отечества, и если существует право, на которое могут исключительно претендовать Соединенные Штаты, то это право — на отливку колоссального орудия «Пушечного клуба» в своих пределах! Но при существующих обстоятельствах...

— Дорогой Мастон... — перебил его председатель.

— Позвольте мне развить свою мысль, — продолжал оратор. — При существующих обстоятельствах мы должны выбрать место, достаточно близкое к экватору, для того чтобы произвести наш опыт в благоприятных условиях...

— Не угодно ли вам... — снова прервал его Барбикен.

— Я требую свободы слова, — возразил неукротимый Мастон, — и настаиваю на том, чтобы территория, с которой полетит наш победоносный снаряд, принадлежала Соединенным Штатам!

— Правильно! — послышались голоса.

— Ну так вот! Поскольку наши границы недостаточно далеко простираются к югу, поскольку на юге непреодолимой преградой является для нас океан, поскольку нам необходимо искать двадцать восьмую параллель за пределами Соединенных Штатов, в соседней стране, то вот вам и законный casus belli. Итак, я требую, чтобы была объявлена война Мексике!

— Да нет же! Нет! — раздалось со всех сторон.

— Нет?! — завопил Мастон. — Меня изумляет такое слово в этих стенах!

— Но послушайте же...

— Ни за что! Ни за что! — крикнул в ответ запальчивый оратор. — Рано или поздно эта война неизбежна, и я требую, чтобы она была объявлена немедленно.

Раздались выстрелы председательского звонка.

— Мастон, — заявил Барбикен, — я лишаю вас слова.

Мастон пытался еще что-то возразить, но соседям удалось его удержать.

— Я сам того мнения, — сказал Барбикен, — что наш опыт должен быть произведен только на террито-

рии Соединенных Штатов. Но если бы мой нетерпеливый друг не помешал мне высказаться, если бы он потрудился взглянуть на карту, он сам убедился бы, что совершенно незачем объявлять войну нашим соседям, так как границы Соединенных Штатов в некоторых местах простираются за двадцать восьмую параллель к югу. Вот посмотрите, мы имеем в своем распоряжении всю южную часть Техаса и Флориды.

Тем и закончился инцидент; скрепя сердце Мастон вынужден был согласиться. Итак, было решено, что колумбиада будет отлита или в Техасе, или во Флориде. Но какое соперничество должно было вызвать это постановление между городами этих двух штатов!

Пересекая территорию Америки, двадцать восьмая параллель проходит по полуострову Флориде и разделяет его на две приблизительно равные части. Проходя через Мексиканский залив, она замыкает дугу, образуемую берегами штатов Алабама, Миссисипи и Луизиана. Затем она идет через Техас, отрезая у него угол, пересекает границу Мексики, где проходит через Сонору и Калифорнию, после чего теряется в волнах Тихого океана. Таким образом, только те части Техаса и Флориды, которые расположены южнее этой параллели, удовлетворяли географическим условиям, указанным Кембриджской обсерваторией.

Флорида в южной своей части не имеет значительных городов, но зато усеяна крепостями, построенными в защиту от кочующих индейцев. Один лишь город Тампа мог претендовать благодаря своему удобному положению на выбор «Пушечного клуба».

В Техасе, напротив, городов больше и они крупнее: Корпус-Кристи в Ньюэсском округе, ряд городов, расположенных по Рио-Бразос: Ларедо, Комалитес, Сан-Игнасио — в Уэббском округе; Рома, Рио-Гранде-Сити — в Старрском округе; Эдинбург — в Идальгском округе; Санта-Рита, Эль Панда, Браунсвилл — в Камеронском. Все это были опасные соперники Флориды.

Поэтому, едва лишь газеты огласили постановление «Пушечного клуба», как депутаты Флориды и Те-

хаса устремились в Балтимор; они стали днем и ночью осаждать Барбикена и других влиятельных членов «Пушечного клуба», энергично заявляя свои претензии. Если в древности семь городов оспаривали друг у друга честь быть родиною Гомера, то теперь два штата чуть не объявили друг другу войну из-за прославленной пушки.

Эти «свирепые братья», вооруженные до зубов, расхаживали по улицам Балтимора. При каждой встрече соперников можно было опасаться столкновения, которое грозило самыми пагубными последствиями. К счастью, благоразумие и осторожность, проявленные председателем Барбикеном, предотвратили эту опасность. К тому же газеты оказались своего рода громоотводом для личных столкновений. «Нью-Йорк геральд» и «Трибюн» встали на сторону Техаса, а защиту интересов Флориды взяли на себя «Таймс» и «Америкэн ревью».

Члены «Пушечного клуба» не знали кого и слушать.

Техас гордо выдвигал как свой основной козырь то обстоятельство, что в нем двадцать шесть округов, но Флорида возражала, что хотя у нее всего двенадцать округов, но их относительно больше, ибо она в шесть раз меньше Техаса.

Техас кичился своим населением в 330 тысяч жителей, а Флорида отвечала, что ее население гуще, ибо на ее малой территории 56 тысяч жителей. Кроме того, она язвительно спрашивала, почему Техас не хвалится заодно своей болотной лихорадкой, которая ежегодно уносит тысячи жертв? И Флорида была права.

В свою очередь Техас возразил, что кому-кому, а не Флориде попрекать других лихорадками и нездоровым климатом — разве она забыла о своей собственной хронической повальной болезни — «черной рвоте»? И Техас тоже был прав.

«К тому же, — добавляли техасцы через дружественный им «Нью-Йорк геральд», — надо отдать предпочтение штату, где растет лучший в Америке хлопок, штату, где произрастает лучший зеленый дуб

для постройки кораблей, штату, обладающему великолепным каменным углем и богатейшими залежами железной руды, дающей пятьдесят процентов чистого металла».

На это «Америкэн ревью» — защитник Флориды — возражало, что хотя почва Флориды и не столь богата, но представляет гораздо более благоприятные условия для формовки и отливки колумбиады, так как состоит из глины и песка.

«Но прежде чем отливать что-либо в какой-нибудь стране, — отвечали техасцы, — надо до этой страны добраться? А добраться до Флориды — дело нелегкое, в то время как доступ в Техас открыт через Галвестонскую бухту, которая имеет четырнадцать лье в окружности и способна вместить флоты всех государств мира».

«Подумаешь! — восклицали в ответ газеты, дружественные Флориде. — Что это вы нам втираете очки с вашей Галвестонской бухтой, расположенной выше двадцать восьмой параллели? Разве нет у нас бухты Эспириту-Санто, — она лежит как раз на двадцать восьмой параллели, и через нее корабли доходят прямо до города Тампа».

«Хороша бухта, наполовину затянутая песком!» — издевался Техас.

«Сами вы затянуты песком, — отбивалась Флорида. — Уж не скажете ли вы, что Флорида совсем дикая страна?»

«А разве до сих пор не рыскают семинолы по вашим степям?»

«Ну, так что же? А разве ваши команчи и апаши — цивилизованные племена?»

Несколько дней подряд продолжалась полемика такого рода, пока Флорида не попыталась перенести спор на другую почву, и в одно прекрасное утро «Таймс» выступил с таким заявлением:

«Так как предприятие «Пушечного клуба» — дело истинно американское, то оно должно быть осуществлено на подлинно американской территории».

Техас взбеленился:

«Как! Да разве мы не такие же подлинные аме-

риканцы, как и флоридцы? Разве Техас и Флорида не вошли в состав Соединенных Штатов в одном и том же тысяча восемьсот сорок пятом году?»

«Спору нет, — отвечал «Таймс», — но мы принадлежим американцам с тысяча восемьсот двадцатого года».

«Как бы не так! — возражала «Трибюн». — Вы были сперва испанцами, потом англичанами, и только через двести лет американцы купили вас за пять миллионов долларов».

«Что из того, — отвечали флоридцы. — Краснеть нам не приходится. А разве в тысяча восемьсот третьем году не купили Луизианы у Наполеона за шестнадцать миллионов долларов?»

«Это сущий позор! — завопили депутаты Техаса. — Такой жалкий клочок земли, как Флорида, еще смеет равняться с Техасом! Техас никогда не был продан, он сам завоевал себе свободу, изгнав мексиканцев второго марта тысяча восемьсот тридцать шестого года; он объявил себя федеративной республикой после победы Самюэля Густона, одержанной на берегу реки Сан-Джасинто над войсками генерала Санта-Анны. Техас добровольно присоединился к Соединенным Штатам Северной Америки».

«Потому что он испугался мексиканцев», — возражала Флорида.

«Испугался!» С того дня, когда сорвалось это резкое неосторожное слово, положение стало решительно невыносимым. Все в Балтиморе боялись, что враждующие партии схватятся на улицах и начнут резать друг друга. Пришлось учредить надзор за депутатами.

Председатель «Пушечного клуба» не знал, на что решиться. Каждый день на него сыпались дождем докладные записки, документы и даже письма с угрозами. Чью сторону ему принять? С точки зрения пригодности почвы, удовлетворительности путей сообщения и быстроты транспорта права обоих штатов были в общем равны; а политические симпатии и счеты не имели отношения к делу.

Надо было покончить с этими колебаниями, с этим замешательством. Барбикен собрал исполнительный

комитет «Пушечного клуба» и предложил самый мудрый выход из создавшегося положения.

«Принимая во внимание распри, которые мы наблюдаем между Флоридою и Техасом, можно быть уверенным, что такие же споры возникнут и между городами того штата, который мы изберем. Соперничество между штатами сменится соперничеством между городами. В Техасе целых одиннадцать городов подходят к требуемым условиям, и все они будут оспаривать эту честь и создадут нам множество новых неприятностей. У Флориды же всего один город. Поэтому я предлагаю избрать Флориду, то есть город Тампа».

Это решение сразило депутатов Техаса. Они пришли в неописуемую ярость и стали бомбардировать видных членов «Пушечного клуба» ругательными письмами. Тогда балтиморские власти прибегли к крайним мерам. Они заказали специальный экспресс, насильно посадили туда упиравшихся техасцев, и те умчались из Балтимора со скоростью тридцати миль в час.

Но, несмотря на спешность отъезда, техасцы успели послать по адресу своих противников последний язвительный упрек.

Напомнив о малой ширине Флориды, представляющей собой полуостров между двумя морями, они предсказали, что она не выдержит сотрясения от выстрела и сразу же взлетит на воздух.

— Ну и пусть себе взлетит! — отвечали флоридцы с лаконизмом, достойным героев древности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Urbi et Orbi[1].

Теперь все вопросы — астрономические, топографические и технические — были разрешены, кроме одного — денежного. Для выполнения предприятия

---

[1] Миру и городу *(лат.)*.

«Пушечного клуба» требовалась огромная сумма. Ни какое-либо частное лицо, ни даже отдельное государство не могло располагать миллионами, необходимыми для успеха дела.

Поэтому Барбикен решил, что предприятие нужно превратить из узкоамериканского в международное, то есть обратиться ко всем государствам с просьбой о финансовом соучастии. В самом деле, все страны Земли могли считать своим правом и обязанностью принять участие в походе на Луну. Поэтому открытая в этих целях в Балтиморе подписка распространилась по всему свету — urbi et orbi!

Успех этой подписки превзошел все ожидания. А между тем речь шла не о займе, а о бескорыстных в полном смысле этого слова пожертвованиях, ибо никакой прибыли нельзя было ожидать.

Оказалось, что проект Барбикена заинтересовал не одних только американцев; известия о нем перешагнули через Атлантический и Тихий океаны, проникнув одновременно в Европу, Азию, Африку и Океанию. Обсерватории Соединенных Штатов сообщили о задуманном опыте обсерваториям Старого Света. Многие из них, а именно: Парижская, Пулковская, Капштатская, Берлинская, Альтонская, Стокгольмская, Варшавская, Гамбургская, Будапештская, Болонская, Мальтийская, Лиссабонская, Бенаресская, Мадрасская и Пекинская, послали свои приветствия «Пушечному клубу»; остальные благоразумно предпочли выждать результатов опыта.

Что касается Гринвичской обсерватории, то ответ ее был краток: она решительно заявила, что затея Барбикена обречена на полную неудачу. Она вполне разделяла теории капитана Николя, и к ее мнению присоединились остальные двадцать две английских обсерватории. И в то время как различные ученые общества постановили послать делегатов в Тампо — бюро Гринвичской обсерватории без церемоний сняло с повестки дня предложение Барбикена.

В общем же предприятие Барбикена встретило сочувствие ученого мира и возбудило горячий интерес в широких массах. Это имело огромное значение,

так как все эти массы были призваны принять участие в подписке.

18 октября президент Барбикен выпустил красноречивое воззвание ко «всем отзывчивым людям земного шара». Этот манифест, переведенный на все языки, имел большой успех.

Подписка была открыта во всех городах Соединенных Штатов, с центральным пунктом в Балтиморском банке — Балтиморская улица, д. 9; кроме того, она принималась во всех странах Старого и Нового Света:

в Вене — у С. М. Ротшильда,
в Петербурге — у Штиглица и К°,
в Париже — в Обществе кредита движимого имущества,
в Стокгольме — у Тотти и Арфуредсона,
в Лондоне — у Н. М. Ротшильда и сына,
в Турине — у Ардуина и К°,
в Берлине — у Мендельсона,
в Женеве — у Ломбара, Одье и К°.
в Константинополе — в Оттоманском банке,
в Брюсселе — у С. Ламбера,
в Мадриде — у Даниэля Вейсвеллера,
в Амстердаме — в Нидерландском кредитном обществе,
в Риме — у Торлониа и К°,
в Лиссабоне — у Лесена,
в Копенгагене — в частном банке,
в Буэнос-Айресе — в банке Мауа,
в Монтевидео — в отделении того же банка,
в Вальпараисе — у Мартина Даран и К°,
в Лайме — у Томаса Лашамбра и К°.

Через трое суток после опубликования барбикеновского воззвания подписка в одних только городах Соединенных Штатов дала четыре миллиона долларов. С таким задатком «Пушечный клуб» мог уже приниматься за работу.

Еще через несколько дней газеты сообщили, что и за пределами Соединенных Штатов подписка шла чрезвычайно быстро и успешно.

Некоторые государства проявили значительную щедрость, другие поддавались довольно туго. Все зависело от национального темперамента.

Впрочем, цифры красноречивее всяких слов. По официальным данным, занесенным в бухгалтерские

книги «Пушечного клуба», подписка дала следующие результаты.

Россия внесла огромную сумму — 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых обошлась государству в два миллиона рублей.

Во Франции на первых порах осмеяли замысел американцев. Луна послужила темой для множества плоских острот и сюжетом для доброго десятка новых водевилей, дурной тон которых соответствовал невежеству их авторов. Но подобно тому, как в доброе старое время французы, накричавшись и напевшись вдоволь, кончили тем, что полностью уплатили налог, так и на этот раз, истощив свое остроумие, они подписались на сумму в 1 253 930 франков. Заплатив такие деньги, они имели полное право немного подурачиться.

Австрия, при всех своих хронических финансовых затруднениях, проявила значительную щедрость, внеся 216 тысяч флоринов, принятых с благодарностью.

Швеция и Норвегия дали 52 тысячи ригсдалеров. Для этих стран сумма была весьма значительна, но она была бы еще больше, если бы подписку открыли одновременно в Стокгольме и в Христиании. Дело в том, что по каким-то причинам норвежцы не любят посылать свои деньги в Швецию.

Пруссия, прислав 250 тысяч талеров, тем самым доказала свое сочувствие предприятию «Пушечного клуба». На значительную часть этой суммы подписались ее обсерватории, выразившие горячее сочувствие председателю Барбикену.

Турция выказала немалую щедрость; это и понятно — ведь она лично заинтересована в этом деле, так как ведет счет времени по лунным месяцам и в зависимости от Луны установила свой пост Рамазан. Итак, она расщедрилась на сумму в 1 372 640 пиастров; впрочем, она внесла ее с такой поспешностью,

которая заставляет подозревать известное давление со стороны правительства Порты.

Из второстепенных европейских государств на первое место выдвинулась Бельгия, подписавшаяся на 513 тысяч франков, что составляло 12 сантимов на каждую душу ее населения.

Голландия вместе со своими колониями внесла 110 тысяч флоринов, причем потребовала скидки в пять процентов на том основании, что взносы были сделаны наличными деньгами.

Несмотря на уменьшение своей территории, Дания дала 9 тысяч дукатов и тем самым выразила свое сочувствие научным предприятиям.

Германская конфедерация внесла 34 285 флоринов; больше с нее нельзя было и требовать, да, впрочем, она больше и не дала бы ни гроша.

Несмотря на тиски, в каких она находилась, Италия все же наскребла 200 тысяч лир, пошарив в карманах своих сынов, — правда, пришлось усердно выворачивать их карманы. Будь у нее Венеция, она бы дала больше, но ведь Венеции у нее уже не было.

В Папской области было собрано 7 тысяч римских экю, а в Португалии рвение к науке выразилось в 30 тысячах крузад.

Лептою вдовицы оказался взнос Мексики — всего 86 двойных пиастров, но ведь новоиспеченные империи всегда бывают стеснены в деньгах.

257 франков — таков был более чем скромный взнос Швейцарии. По правде сказать, швейцарцы отрицали практическое значение американского предприятия; они не надеялись посредством ядра установить деловые сношения с ночным светилом и благоразумно отказались вкладывать свои капиталы в столь рискованное предприятие.

В Испании было собрано всего-навсего 200 риалов. Она оправдывалась тем, что ей нужно было заканчивать постройку железных дорог. Но на самом деле, как всем известно, в этой стране смотрят довольно косо на науку. Испания — несколько отсталая страна. Нашлись испанцы, притом из образованных, которые не имели ни малейшего представления

о сравнительных массах Луны и снаряда; они боялись, что этот снаряд выбьет Луну из ее орбиты, выведет из строя спутника Земли и вызовет его падение на земной шар. При таких перспективах благоразумнее было воздержаться от взносов. Так они и сделали.

Оставалась Англия. Известно, с каким презрением она отнеслась к воззванию Барбикена. Все 25 миллионов населения Великобритании проявили поразительное единодушие. Их газеты дали понять, что предприятие «Пушечного клуба» противоречит принципу невмешательства, и англичане не подписались ни на один фартинг.

Члены «Пушечного клуба» при этом известии пожали плечами и продолжали свою великую затею.

Иначе отнеслась Южная Америка: Перу, Чили, Бразилия, Ла-Плата и Колумбия внесли 300 тысяч долларов.

В итоге в распоряжении «Пушечного клуба» оказался огромный капитал. Подписка дала следующие итоги:

Отечественная подписка	4 000 000	долларов
Иностранная »	1 446 675	»
Итого	5 446 675	долларов

Итак, всего-навсего «Пушечным клубом» со всех концов земли было собрано 5 446 675 долларов.

Но пусть никого не удивляет эта огромная цифра. Предстояли колоссальные расходы по отливке и обточке колумбиады, по сооружению каменной кладки, по перевозке рабочих и устройству им жилья в пустынной стране, по постройке зданий и металлургических печей, по оборудованию мастерских, на покупку пороха, на сооружение снаряда и различные взятки; все эти статьи должны были поглотить почти всю сумму. Иные выстрелы во время гражданской войны обходились по тысяче долларов — понятно, что выстрел председателя Барбикена, который должен был составить эпоху в истории артиллерии, вполне мог обойтись в пять тысяч раз дороже.

20 октября был заключен договор с Гольдспрингским заводом, находившимся близ Нью-Йорка; этот завод во время войны поставлял Парроту лучшие его чугунные пушки.

По этому договору Гольдспрингский завод обязывался доставить в Южную Флориду, в окрестности города Тампа, все материалы, необходимые для отливки колумбиады.

Все работы по сооружению колумбиады должны были быть закончены не позже 15 октября следующего года; за каждый день просрочки завод отвечал неустойкой по сто долларов в сутки до того момента, когда Луна снова окажется в том же положении относительно Земли, то есть в течение восемнадцати лет и одиннадцати дней.

Наем рабочих, оплата их труда и все необходимые для работ приспособления также производились акционерной компанией Гольдспрингского завода.

Этот договор был одобрен и подписан в двух экземплярах Барбикеном, председателем «Пушечного клуба», и Дж. Мерчисоном, директором Гольдспрингского завода.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Стонзхилл.

После того как «Пушечный клуб» отверг притязания Техаса, все граждане Соединенных Штатов, где каждый умеет читать, сочли своим долгом изучить географию Флориды. Никогда книгопродавцы не продавали столько специальных книг: «Путешествие во Флориду» Бартрама, «Природа Восточной и Западной Флориды» Ромена, «Территория Флориды» Уильяма и сочинение Клиленда «О культуре сахарного тростника в Восточной Флориде». Они быстро разошлись, и пришлось печатать новые издания. Успех был бешеный.

Председателю «Пушечного клуба» было не до чтения: он решил собственными глазами осмотреть нуж-

ную ему часть Флориды, чтобы определить место для сооружения колумбиады. Не теряя ни минуты, он предоставил в распоряжение Кембриджской обсерватории сумму, необходимую для изготовления телескопа, и заказал торговому дому «Брэдвиль и К°» в Олбани алюминиевый снаряд; затем он выехал из Балтимора в сопровождении Мастона, майора Эльфистона и директора Гольдспрингского завода.

На другой день путешественники были уже в Новом Орлеане; там они немедленно пересели на предоставленное им правительством вестовое судно морского министерства «Тампико», которое ждало их под парами. Скоро берега Луизианы скрылись из виду.

Переезд был недолгий. В двое суток «Тампико» прошел 480 миль и достиг берега Флориды. Путешественники увидели перед собою землю, низменную, плоскую и с виду совершенно бесплодную. Обогнув целый ряд мысов и бухт, изобилующих устрицами и омарами, «Тампико» вошел в бухту Эспириту-Санто.

Эта бухта разделяется на два рейда: рейд Тампа и рейд Хилсборо, через устье которого пароход быстро прошел. Немного спустя показалась крепость Брук с ее приземистыми батареями, еле заметными над волнами, и затем город Тампа, беспорядочно раскинувшийся в глубине маленькой естественной гавани, образуемой устьем реки Хилсборо.

Там и бросил «Тампико» якорь 22 октября в семь часов вечера, и путешественники тотчас же высадились на берег.

Сильно забилось сердце у Барбикена, когда он ступил на флоридскую землю! Казалось, он ощупывал ее ногой, как архитектор инстинктивно ощупывает стены, чтобы убедиться в их прочности. Дж. Т. Мастон то и дело поскребывал почву своим железным крюком.

— Господа, мы не должны терять ни одного дня, — сказал Барбикен. — Завтра же утром мы сядем на лошадей и отправимся осматривать страну.

На берегу Барбикена торжественно встретила трехтысячная толпа — все население Тампа, — эту честь вполне заслужил председатель «Пушечного

клуба», остановив свой выбор на Флориде. Долго не смолкали шумные приветствия. Но Барбикен поспешил укрыться от оваций в гостинице «Франклин» и заявил, что никого принимать не будет. Роль знаменитости была ему не по душе.

На следующее утро, 23 октября, под окнами гостиницы уже нетерпеливо били копытами маленькие, но полные силы и огня испанские лошадки. Однако вместо четырех лошадей оказалось целых пятьдесят и столько же всадников. Барбикен и его трое спутников, спустившись по лестнице, были поражены при виде такой кавалькады. Кроме того, Барбикен заметил, что у каждого всадника за плечами был карабин и пистолеты в кобуре седла. Один молодой флоридец тотчас сообщил ему причину такого вооружения.

— Могут повстречаться семинолы, сэр.

— Какие семинолы?

— Индейцы, которые бродят по степи; поэтому мы сочли нужным сопровождать вас.

— Чепуха! — произнес Дж. Т. Мастон, карабкаясь на лошадь.

— Это, знаете, на всякий случай, — добавил флоридец.

— Очень вам благодарен, господа, за ваше внимание, — ответил Барбикен, — а теперь — в путь!

Кавалькада тотчас тронулась и быстро исчезла в облаке пыли. Было пять часов утра; солнце уже ярко сияло, термометр показывал 84° в тени, но порывы свежего ветра умеряли жару.

Путешественники поскакали к югу, вдоль побережья, по направлению к речке Алифия, которая впадает в бухту Хилсборо милях в двенадцати ниже Тампа.

Затем они стали подниматься по правому берегу речки, направляясь на восток. Вскоре бухта исчезла за холмами, и перед ними развернулась флоридская равнина.

Флорида состоит из двух частей. Северная менее пустынна и гуще заселена; там находятся столица штата — Таллахаси и порт Пенсакола, где построен один из самых крупных морских арсеналов Соединен-

ных Штатов. Южная часть, омываемая с одной стороны Атлантическим океаном, с другой Мексиканским заливом, представляет собой узкий полуостров, непрерывно размываемый течением Гольфстрема; это оконечность материка, затерявшаяся среди целого архипелага островов, которую приходится огибать многочисленным судам, идущим по Багамскому проливу. Она стоит как часовой у залива великих бурь.

Флорида занимает площадь в 38 033 267 акров, из которых Барбикену нужен был только один акр в пределах двадцать восьмой параллели, предоставляющий необходимые условия для выполнения его предприятия; поэтому Барбикен внимательно рассматривал поверхность почвы и ее строение. Открытая Хуаном Понсе де Леоном в 1512 году, в день вербного воскресения, Флорида была сперва названа Цветущей пасхой. Ее песчаные, выжженные берега отнюдь не заслуживали такого поэтического наименования.

Но уже в нескольких километрах от берега характер местности начал постепенно изменяться, и она стала оправдывать свое название: появилось множество ручейков, речек, потоков, прудов и небольших озер; скоро они образовали целую водяную сеть, и можно было подумать, что находишься в Голландии или Гвиане. Потом равнина стала заметно подниматься, и вскоре взору путешественников открылись обработанные поля, где обильно произрастали различные северные и южные культуры; тропическое солнце прогревало эти широкие равнины, а воду дождей сохраняла глинистая почва. Кругом расстилались необозримые плантации ананасов, ямса, сахарного тростника, табачные, рисовые и хлопковые. Поражало изобилие этих природных богатств.

Барбикен, казалось, был доволен тем, что местность неуклонно повышалась.

— Дорогой друг, — ответил он на вопрос Мастона, — для нас важнее всего соорудить нашу колумбиаду на высоком месте.

— Чтобы быть ближе к Луне? — выпалил секретарь «Пушечного клуба».

— Нет, — ответил, улыбаясь, Барбикен. — Несколько метров дальше или ближе к Луне не имеют значения. Но на высоком месте легче производить работы; нам не придется бороться с грунтовыми водами, что потребовало бы целой сети длинных и дорогих труб; с этим обстоятельством надо очень считаться, ведь нам придется вырыть колодец глубиной в девятьсот футов.

— Вы правы, — вмешался инженер Мерчисон, — во время работ надо насколько возможно ограждать себя от воды. Но если мы наткнемся на подземные источники — мы выкачаем из них всю воду машинами или же отведем их в сторону. Нам ведь не артезианский колодец копать, узкий и темный, где придется зондировать, бурить и взрывать вслепую. Мы будем работать под открытым небом, на солнечном свету, долбить киркой и заступом, а когда нужно, то и взрывать, так что дело пойдет у нас быстро.

— Однако, — заметил Барбикен, — если мы найдем высокое место и притом сухое, то избавимся от возни с подземными водами, работать будет легче и постройка окажется прочнее. Постараемся поэтому заложить шахту на месте, которое находилось бы на высоте нескольких сот туазов над уровнем моря.

— Вы совершенно правы, мистер Барбикен, — ответил инженер, — и если не ошибаюсь, мы должны вскоре найти подходящее место.

— Ах! — воскликнул Барбикен. — Как бы мне уже хотелось услышать первый удар кирки!

— А я бы хотел услыхать последний удар! — воскликнул Мастон.

— Скоро этого дождетесь, — ответил инженер, — и, поверьте, Гольдспрингскому заводу не придется платить вам неустойку за просрочку.

— Клянусь святой Барбарой, вы хорошо сделаете, если поторопитесь, — воскликнул Мастон. — Ведь платить придется по сто долларов в сутки до тех пор, пока Луна снова не вернется в такое же положение относительно Земли, то есть в течение восемнадцати лет и одиннадцати дней, — знаете ли вы, что это составит шестьсот пятьдесят восемь тысяч сто долларов!

— Нет, сэр, мы этого не знаем, да и знать не желаем.

К десяти часам утра кавалькада была уже милях в двенадцати от берега.

Между тем обработанные поля сменились лесами. Там в тропическом изобилии встречались самые разнообразные породы деревьев. В этих почти непроходимых лесах росли гранаты, апельсины, лимоны, сикоморы, маслины, абрикосы, бананы, огромные виноградные лозы; яркие цветы и разноцветные плоды пленяли своими красками и ароматом.

В густой ароматной тени этих великолепных деревьев перелетали и пели стаи птиц с блестящим оперением. Особенно хороши были ракоедки; перья их сверкали на солнце как самоцветы; казалось, им место не в гнезде, а в драгоценном ларчике.

Майор и Мастон восхищались красотой этой роскошной природы.

Но Барбикен, равнодушный к этим чудесам, спешил дальше; местность не нравилась ему именно вследствие своего плодородия. Хотя Барбикен и не был сведущ в гидроскопии, но он инстинктивно чувствовал воду у себя под ногами, а ему нужна была почва совершенно сухая.

Кавалькада продолжала двигаться вперед. Пришлось переехать вброд через несколько речек, и это было небезопасно, так как они кишели кайманами, иные из которых достигали восемнадцати футов в длину. Отважный Мастон погрозил чудовищам своим железным крючком. Но его жест спугнул лишь пеликанов, чирков, фаэтонов и других водяных птиц, а большие красные фламинго не тронулись с места и продолжали бессмысленно смотреть на людей.

Наконец, исчезли болотные птицы и водяные животные; лес становился все более низкорослым и заметно поредел. Потом снова показалась степь с редкими группами деревьев; по временам пробегали стада испуганных оленей.

— Наконец-то! — воскликнул Барбикен, приподнимаясь на стременах. — Вот появились сосны.

— И дикари, — добавил майор.

В самом деле, на горизонте появился отряд семинолов; казалось, они были в волнении, ибо носились то туда, то сюда на своих быстрых конях, потрясали копьями, стреляли в воздух из ружей, но выстрелы были едва слышны путешественникам. Впрочем, семинолы ограничились этой враждебной демонстрацией, не решаясь напасть на Барбикена и его свиту.

Наконец, кавалькада очутилась на каменистой возвышенности, занимавшей пространство в несколько акров; солнце заливало широкий простор своими жгучими лучами. Это место заметно возвышалось над остальной степью и, казалось, отвечало всем условиям, нужным для установки колумбиады.

— Стой! — крикнул Барбикен, придерживая лошадь. — Как называется эта местность?

— Мы называем ее Стонзхилл (Каменистый холм), — ответил один из флоридцев.

Не говоря ни слова, Барбикен слез с лошади, взял свои инструменты и начал определять с возможно большей точностью географическое положение места. Перед ним выстроился отряд флоридцев, в глубоком молчании наблюдавших за его действиями.

Солнце как раз проходило через меридиан. Через несколько минут Барбикен закончил свои измерения, написал несколько цифр и сказал, обращаясь к спутникам:

— Эта возвышенность находится на высоте трехсот туазов над уровнем моря. Широта двадцать семь градусов семь минут, долгота — пять градусов семь минут. Я полагаю, что сухой и каменистый грунт этого холма представляет весьма благоприятные условия для сооружения колумбиады. Поэтому именно здесь построим мы наши печи, наши склады, жилища для наших рабочих, и отсюда, именно отсюда, — повторил Барбикен, топнув ногой о землю, — наш снаряд полетит в мировое пространство!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Заступ и кирка.

В тот же вечер Барбикен и его отряд вернулись в Тампа. Инженер Мерчисон снова сел на пароход «Тампико», направлявшийся обратно в Новый Орлеан. Он должен был нанять там целую армию рабочих и приобрести большую часть нужных материалов. Члены «Пушечного клуба» остались в Тампа для организации работ первой очереди силами местных рабочих.

Восемь дней спустя «Тампико» вернулся в бухту Эспириту-Санто в сопровождении целой флотилии пароходов. Мерчисону удалось навербовать полторы тысячи рабочих.

Несколько лет назад, в мрачные времена рабства, он бы только даром потерял труды и время в поисках рабочей силы. Но с тех пор как Америка стала свободной страной, легко можно было найти людей, соглашавшихся ехать куда угодно, лишь бы им хорошо заплатили. «Пушечный клуб» располагал большими суммами и мог предложить рабочим высокую плату, гарантируя целый ряд значительных прибавок. Рабочий, нанявшийся во Флориду, мог рассчитывать на получение по окончании работ некоторого капитала, положенного на его имя в Балтиморский банк. Поэтому рабочие так и хлынули толпой к Мерчисону, и он мог выбирать самых опытных, тщательно проверяя их способности и ловкость. Таким образом, в трудовой легион «Пушечного клуба» попадали лучшие механики, кочегары, литейщики, обжигальщики извести, шахтеры, каменщики и всякого рода чернорабочие, белые и негры, без различия цвета кожи и расы. Многие из них брали с собой свои семейства. Это было настоящее переселение народов.

31 октября, в 10 часов утра, вся эта толпа сошла на набережную города Тампа. Понятно, какое возбуждение охватило этот маленький городок, население которого за один день почти удвоилось.

Правда, рабочих тотчас же направили в Стонзхилл, но население города Тампа продолжало возрастать, так как туда со всех концов земного шара стали прибывать толпы любопытных.

Потребовалось несколько дней для выгрузки привезенной пароходами партии материалов, машин и съестных припасов, а также отдельных, занумерованных частей разборных домиков для рабочих. В это же время Барбикен заложил первые вехи железной дороги, которая проектировалась длиною в пятнадцать миль и должна была соединять Стонзхилл с Тампа.

Известно, в каких условиях американцы строят свои железные дороги: они не боятся ни крутых поворотов, ни больших подъемов, презирают ограды и всякие меры предосторожности; рельсы то взбираются на холмы, то спускаются в долины, идя почти вслепую, то и дело отклоняясь от прямолинейного пути; поэтому дороги обходятся дешево и постройка их несложна; зато поезда нередко сходят с рельс и валятся под откос.

Сооружение дороги из Тампа в Стонзхилл оказалось самым простым делом, ее построили очень быстро, и она стоила недорого.

Барбикен был душою всего этого трудящегося люда, откликнувшегося на его зов; он всех воодушевлял, внушал им свою энергию, свой энтузиазм, свою глубокую веру в успех. Он поспевал повсюду. Казалось, он был вездесущ; с ним неразлучен был Мастон, который вертелся вокруг него и жужжал как муха. При нем не возникало ни препятствий, ни затруднений, ни замешательств; Барбикен оказался таким же первоклассным механиком, строителем и горняком, каким мастером он был в артиллерии. Он находил ответы на все вопросы, решения для всех практических задач. В то же время он вел деятельную переписку с «Пушечным клубом» и с Гольдспрингским заводом; днем и ночью, с разведенными парами, «Тампико» ожидал его приказаний на рейде Хилсборо.

1 ноября Барбикен покинул Тампа с первым отрядом рабочих, и уже на другой день вокруг Стонз-

хилла вырос целый поселок из разборных домиков, который окружили оградой. В рабочем городке вскоре развилась кипучая деятельность, как в любом крупном американском центре. Вся жизнь городка была подчинена строгой дисциплине, и работы были прекрасно налажены.

Пробные бурения, выполненные с возможной тщательностью, позволили определить характер почвы, и уже на 4 ноября была назначена закладка шахты. В этот день Барбикен созвал всех мастеров и произнес следующую речь:

— Друзья мои! Все вы знаете, с какой целью я призвал вас в эту пустынную область Флориды. Нам предстоит отлить пушку с внутренним диаметром в девять футов, со стенками толщиною в шесть футов, обложить ее каменной кладкой в девятнадцать с половиной футов толщины; для этого нужно вырыть шахту диаметром в шестьдесят футов и в девятьсот футов глубиной. Эту огромную работу необходимо закончить в течение восьми месяцев. Итак, вам надо вынуть два миллиона пятьсот сорок три тысячи четыреста кубических футов земли, то есть в круглых цифрах по десять тысяч кубических футов в сутки. Вас тысяча человек, и вы легко бы с этим справились, если бы работали на просторе, — но вам придется работать в сравнительно ограниченном пространстве. Тем не менее работа должна быть сделана, и она будет сделана: я рассчитываю на ваше мужество и на ваше искусство!

В 8 часов утра на вершине Стонзхилла раздались первые удары кирки, и с тех пор это доблестное орудие ни на минуту не оставалось праздным: рабочие сменялись по четыре раза в сутки.

Как ни грандиозно было это предприятие, оно не превышало человеческих возможностей. Отнюдь нет. Известно, что в свое время были произведены гораздо более трудные работы, где приходилось непосредственно бороться со стихиями, и все же их доводили до благополучного конца. Достаточно упомянуть о «Колодце праотца Иосифа», сооруженном близ Каира султаном Саладином в эпоху, когда еще не

существовало машин, повышающих в сотни раз производительность человеческого труда; а между тем он был прорыт на глубину трехсот футов, до самого уровня Нила. Другой колодец был вырыт в Кобленце при маркграфе Иоганне Баденском — на глубину шестисот футов. В сущности о чем шла теперь речь? Лишь о том, чтобы увеличить эту последнюю глубину в три раза при ширине в десять раз большей, но именно ширина шахты облегчала процесс работы. Поэтому ни один мастер, ни один рабочий не сомневался в успехе предприятия.

Важное решение, принятое инженером Мерчисоном, с согласия Барбикена, позволило еще ускорить ход работ.

По одному из пунктов договора завод обязывался стянуть дуло колумбиады громадными обручами из кованого железа, которые пришлось бы насаживать в раскаленном виде. Но оказалось, что эти обручи — излишняя роскошь, без которой конструкция вполне может обойтись. Итак, от них отказались. Это дало огромную экономию во времени, ибо стало возможным применить новейшую систему конструкции шахт, при которой каменная ограда колодца строится одновременно с бурением. Этот весьма простой прием избавляет от необходимости подпирать земляные стены посредством распорных брусьев, ибо их сдерживает каменная кладка, которая сама опускается вниз вследствие своей тяжести.

Этот способ можно было применить лишь после того, как срыли верхний слой почвы и достигли твердого грунта.

4 ноября пятьдесят человек рабочих выкопали в центре ограды, то есть на самой вершине Стонзхилла, круглое углубление диаметром в шестьдесят футов.

Первый слой почвы оказался чем-то вроде чернозема, всего в несколько дюймов толщиной; он был быстро снят. Под ним находился слой мелкого песка толщиной в два фута; его пришлось очень тщательно выбрать, так как он годился на сооружение формы для отливки пушки.

Под слоем песка показалась довольно плотная белая глина, похожая на английский мергель, которая образовывала ярус более метра толщиной.

Затем кирка стала выбивать искры, ударяясь о каменистую породу. Это был слой, образовавшийся из окаменелых раковин, очень твердый и совершенно сухой. Дойдя до него, рабочие достигли уже глубины в шесть с половиной футов, и тут землекопы уступили место каменщикам...

На дне этого углубления было построено дубовое кольцо, подобие диска, скрепленное железными болтами и отличавшееся чрезвычайной прочностью; внутренний его диаметр был равен внешнему диаметру колумбиады. На это кольцо были положены первые слои строительного камня; промежутки между камнями тут же заливались раствором цемента, прочно скреплявшим их. Кладку эту производили, начиная от внешней окружности кольца, к центру; окончив ее, рабочие оказались в колодце диаметром в двадцать один фут.

Когда эта работа была завершена, землекопы снова взялись за свои кирки и ломы и стали выбирать породу из-под деревянного кольца; в образовавшиеся пустоты всякий раз вдвигали подставки чрезвычайной прочности; когда грунт был выбит на два фута из-под всего кольца, убирали одну за другой все подставки; мало-помалу кольцо опускалось, а вместе с ним вся надстроенная кольцевая каменная стена. Работавшие над ее кладкой каменщики проделывали в разных местах отдушины, чтобы дать выход газам, которые неизбежно будут выделяться при отливке пушки.

Все эти работы требовали от рабочих не только чрезвычайной ловкости, но и постоянного напряженного внимания. Уже во время копки под кольцом некоторые рабочие были серьезно ранены осколками камня, бывали даже смертельные случаи. Но энергия рабочих не остывала ни на минуту — ни днем, ни ночью: днем приходилось работать под жгучими лучами солнца, которые в летние месяцы накаливали

известковую почву до 99°. Ночью работали при электрическом свете; удары лома о скалу, грохот взрывов, стук машин, столбы дыма, поднимавшиеся над вершиной Стонзхилла, пугали не только стада бизонов, но и семинолов, которые не смели приближаться к этому страшному месту.

Работы продвигались быстро и планомерно; выемка земли облегчалась паровыми подъемными машинами; неожиданных препятствий не встречалось, бывали только заранее предвиденные затруднения, которые успешно устранялись.

Через месяц шахта была доведена до ста двенадцати футов, то есть до глубины, намеченной планом работ на этот месяц. В декабре эта глубина удвоилась, а в январе утроилась. В феврале рабочим пришлось вести борьбу с почвенной водой, просочившейся сквозь породы. Пустили в ход мощные насосы и аппараты со сжатым воздухом, чтобы выкачать воду, затем забетонировали отверстия источников, подобно тому как останавливают течь в подводной части корабля. Наконец, справились и с этим препятствием. Однако вода успела размыть грунт под кольцом, и произошел частичный обвал. Можно себе представить ужасное сотрясение, когда при обвале почвы вместе с кольцом покосилась каменная стена высотой в семьдесят пять туазов. Этот несчастный случай стоил жизни нескольким рабочим.

Потребовалось три недели, чтобы подпереть каменную стену и снова прочно установить кольцевой фундамент. Благодаря искусству, проявленному инженером, а также силе машин, каменная стена, которой угрожала опасность, снова приняла устойчивое положение, и буровые работы продолжались.

К счастью, никаких задержек больше не случилось, и 10 июня — за двадцать суток до окончания срока, назначенного Барбикеном, — шахта достигла условленной глубины в девятьсот футов; оказалась законченной и вся каменная кладка; она установлена была на фундаменте в тридцать футов толщины и шла вверх полым цилиндром.

Председатель и присутствовавшие при работах члены «Пушечного клуба» горячо поздравили и поблагодарили инженера Мерчисона, выполнившего эту титаническую работу с беспримерной быстротой.

Все эти восемь месяцев Барбикен ни на одну минуту не покидал Стонзхилла; пристально следя за всеми работами, он вместе с тем проявлял непрестанную заботу о здоровье и благополучии рабочих; благодаря этому удалось избежать эпидемий, которые так легко развиваются при большом скоплении народа и бывают столь опустошительны в этих странах, близких к тропикам.

Правда, несколько человек рабочих поплатились жизнью из-за своей неосторожности, но при столь грандиозных и опасных работах никак нельзя предотвратить несчастные случаи; на такого рода «мелочи» американцы не обращают внимания. Они больше заботятся о всеобщем благе, чем о благе каждого человека в отдельности. Однако Барбикен придерживался противоположных взглядов, никогда от них не отступая. Поэтому благодаря его заботам, его проницательности, его мудрому вмешательству, его удивительной вдумчивости и гуманности процент несчастных случаев при сооружении шахты не превысил среднего процента таких же случаев в европейских странах, которые славятся своей техникой безопасности, например, во Франции, где примерно на каждые 200 тысяч франков, затраченных на работы крупного масштаба, приходится лишь один несчастный случай.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Праздник отливки.

Одновременно с работами по углублению шахты с такой же быстротой производились и подготовительные работы по отливке колумбиады. Если бы иностранец очутился в Стонзхилле, его поразила бы неожиданная картина.

В 600 ярдах от шахты были кольцом расположены 1200 плавильных печей, снабженных отражателями. Каждая была шириной в шесть футов и отделялась от соседней расстоянием в полтуаза. Таким образом, круговая линия печей достигала двух миль в длину. Все они были построены по одному образцу, и их громадные трубы были одинаковой высоты. Зрелище было весьма своеобразное.

Дж. Т. Мастон находил, что эти сооружения замечательны в архитектурном отношении. Они напоминали ему вашингтонские памятники. Он уверял, что нигде в мире нет зданий красивее этих — даже в Греции. «Впрочем, я никогда там не был», — прибавлял он.

Вспомним, что на третьем заседании комитета решено было отлить колумбиаду из чугуна, а именно из серого чугуна. Действительно, этот сорт чугуна наиболее вязкий и ковкий; он мягче, его легче сверлить и отливать во всякие формы: если же его выплавить на древесном угле, то получается сорт наилучшего качества для пушек, цилиндров паровых машин, гидравлических прессов и вообще изделий, которые должны обладать большой упругостью.

Однако и такой чугун еще недостаточно хорош, если сплавлен только один раз; его очищают, или рафинируют, посредством вторичной плавки, освобождая от последних кремнистых примесей.

Первая плавка железной руды, предназначенной для колумбиады, производилась в доменных печах Гольдспрингского завода; в соприкосновении с углем и кремнеземом, при чрезвычайно высокой температуре, руда выделяет расплавленный металл, который, соединяясь с углеродом, превращается в чугун. Выплавка нужного количества чугуна была закончена. Предстояло отправить его в Стонзхилл. Дело шло о тридцати шести миллионах фунтов чугуна, перевозка его по железной дороге обошлась бы слишком дорого; она стоила бы столько же, сколько самый чугун. Поэтому решено было зафрахтовать в Нью-Йорке специальные суда и нагрузить их брусками чугуна. Понадобилось не менее шестидесяти восьми судов, по тысяче тонн каждое. 3 мая эта флотилия вышла из

Нью-Йорка в Атлантический океан, взяла курс на юг вдоль американского берега, вошла в Багамский пролив, обогнула южную оконечность Флориды, прошла вдоль бухты Эспириту-Санто и, без единой аварии в пути, 10 мая бросила якорь в гавани Тампа. Там вся эта огромная масса чугуна была перегружена с кораблей в вагоны железной дороги и к середине июня благополучно доставлена в Стонзхилл.

Предстояло затем загрузить 1200 печей чугуном и углем. Не удивительно, что печей было так много, — ведь им предстояло выплавить 60 тысяч тонн чугуна. В каждой из них могло поместиться около 114 тысяч фунтов чугуна.

Образцом для стонзхиллских печей послужили печи, отливавшие чугун для пушки Родмена. Это были приземистые печи, имевшие в поперечном разрезе форму трапеции. Топки в этих печах находились с двух сторон и благодаря дымоходам равномерно нагревались на всем своем протяжении. Стены печей были сложены из огнеупорного кирпича, а все внутреннее их устройство сводилось к колосникам для сжигания угля и к подовой плите, на которой складывались бруски чугуна; плите был придан наклон в 25° для того, чтобы расплавленный металл мог свободно стекать в резервуары. От каждого резервуара шел каменный желоб, и все 1200 желобов сходились, как радиусы, к отверстию шахты.

На другой же день после того, как были закончены работы по сооружению стены и по бурению, Барбикен велел приступить к формовке внутреннего канала. Требовалось соорудить в центре шахты цилиндр высотой в девятьсот футов, шириной в девять футов, ось которого должна была совпадать с осью самой шахты. Он должен был заполнить все пространство, предназначенное для канала колумбиады.

Этот цилиндр сложили из смеси глинистой земли и песка, к которой подмешивали рубленую солому и сено; промежуток между цилиндрической формой и каменными стенами шахты предстояло потом залить расплавленным чугуном для образования дна и шестифутовых стенок пушки.

Чтобы удержать этот цилиндр в равновесии, его стягивали по мере сооружения железными обручами; кроме того, он закреплялся через равные промежутки толстыми поперечными брусьями, глубоко замурованными в каменную толщу шахты. Конечно, при выплавке орудия все скрепления должны были расплавиться и смешаться с жидкой массой чугуна, но это не могло уменьшить прочность колумбиады.

8 июля все эти работы пришли к благополучному концу; отливка была назначена на следующий день.

— Это будет очень величественная церемония, — сказал Мастон, обращаясь к Барбикену.

— Без сомнения, — отвечал Барбикен, — но посторонних лиц я туда не допущу.

— Как? Вы не откроете двери для публики? — удивился Мастон.

— Ни за что ее не пущу. Отливка колумбиады дело очень сложное, чтобы не сказать опасное, и я предпочитаю произвести эту операцию при закрытых дверях. Можно будет устроить празднество при выстреле колумбиады, но никак не раньше.

Председатель был совершенно прав; при отливке пушки могли произойти непредвиденные осложнения и аварии, а большое стечение зрителей помешало бы с ними бороться. Надо было обеспечить себе свободу действий. Поэтому никто не был допущен в ограду, кроме делегации «Пушечного клуба», уже прибывшей в Тампа. Среди них были: пылкий Билсби, майор Эльфистон, генерал Морган, Том Гантер, полковник Блемсбери и tutti quanti [1]; для всех этих лиц отливка колумбиады являлась личным праздником.

Дж. Т. Мастон взял на себя роль проводника приезжих товарищей; он посвятил их во все подробности, таскал их повсюду, на склады и в мастерские, показывал машины и заставил их осмотреть весь круг печей. После осмотра тысяча двухсотой печи они уже не чуяли под собой ног от усталости.

Начало отливки было назначено ровно на 12 часов дня. Поэтому еще накануне в каждую печь заложили

---

[1] И все прочие *(итал.)*.

12 тысяч фунтов чугуна в виде брусков, которые были сложены решеткой, чтобы их со всех сторон охватывало пламя, и с самого утра 1200 труб стали извергать клубы дыма и языки пламени; почва кругом сотрясалась и глухо гудела. Для выплавки чугуна требовалось равное весовое количество металла и угля. Следовательно, в печах должны были перегореть 68 тысяч тонн угля; над Стонзхиллом разостлалось огромное черное облако, почти затмившее солнечный диск.

Скоро по всей линии печей жара стала невыносимой. Рев пламени напоминал раскаты грома; мощные вентиляторы с оглушительным свистом гнали свежий воздух в эти пылающие горны, насыщая их кислородом.

Для успеха отливки необходимо было произвести ее как можно быстрей, поэтому было условлено, что при сигнальном выстреле из пушки резервуары мгновенно откроются, выпуская расплавленный металл.

Рабочие и мастера стояли каждый на своем посту, ожидая выстрела с нетерпением и, разумеется, не без тревоги. Кроме них, внутри ограды никого не было. Мастера-литейщики стояли у самых сточных отверстий.

Барбикен и его коллеги находились на соседнем холмике. Перед ними стояла пушка, которая должна была выстрелить по сигналу главного инженера.

Незадолго до полудня показались первые капли жидкого чугуна; понемногу стали наполняться приемники; наконец, весь чугун расплавился; но надо было дать ему немного отстояться, чтобы посторонние примеси всплыли на поверхность.

Пробило двенадцать. Внезапно блеснуло желтое пламя, и раздался звук пушечного выстрела. В тот же миг раскрылись 1200 сточных отверстий, и из них сразу выползли 1200 огненных змей, извиваясь сверкающими кольцами. Они быстро достигли краев шахты и ринулись в нее с ужасающим грохотом и гулом на глубину 900 футов. Это было великолепное, захватывающее зрелище. Земля дрожала; над шахтой заклубились вихри дыма, ибо раскаленный металл

мгновенно испарил влагу, скопившуюся на внутренних стенках пушечного канала и на стенах шахты, и пар вырвался наружу через отдушины в каменной кладке. Он устремился вверх густыми спиралями и поднялся на высоту пятисот туазов. Индейцы, блуждавшие по степи вдалеке от Стонзхилла, могли подумать, что во Флориде появился новый вулкан, а между тем тут не было ни извержения, ни смерча, ни грозы, ни борьбы стихий — ни одного из тех явлений природы, которые устрашают человека. Нет! Эта масса красных паров, это гигантское пламя, вырвавшееся, точно из кратера, дрожание почвы, похожее на подземные толчки при землетрясении, невообразимый шум, подобный реву урагана, — все было делом человеческих рук; человек вырыл пропасть и низвергал в нее целую Ниагару расплавленного металла!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Колумбиада.

Удалась ли отливка колумбиады? Об этом пока можно было только строить предположения. Правда, все говорило за успех: форма колумбиады поглотила целиком весь выплавленный в печах чугун. Однако не скоро еще удалось непосредственно проверить качество отливки.

Действительно, когда майор Родмен отлил свою пушку в 160 тысяч фунтов весом, пришлось ждать пятнадцать суток, пока орудие окончательно остынет.

Сколько же времени будет скрыта от взоров своих поклонников гигантская колумбиада, окутанная тучей паров? Как долго будет продолжаться ее остывание? Это невозможно было вычислить.

Терпение членов «Пушечного клуба» подвергалось жестокому испытанию. Но ничего нельзя было поделать. Самоотверженный Мастон едва не изжарился живьем, подбежав слишком близко к шахте. Спустя две недели после отливки над шахтой еще клубился

огромный столб дыма, и почва жгла ноги на расстоянии двухсот шагов от вершины Стонзхилла.

Дни шли за днями, неделя следовала за другой, и все еще нельзя было подойти к шахте. Не было никакой возможности ускорить остывание огромного чугунного цилиндра. Оставалось только ждать, и члены «Пушечного клуба» не находили себе места от нетерпения.

— Сегодня уже десятое августа, — сказал однажды утром Мастон. — До первого декабря остается меньше четырех месяцев! А предстоит еще вынуть форму из колумбиады, калибровать и зарядить пушку. Не успеем к сроку! К пушке нельзя даже приблизиться! Неужели так-таки она никогда и не остынет? Это была бы жестокая шутка!

Напрасно друзья старались успокоить нетерпеливого секретаря. Барбикен молчал, стараясь скрыть кипевшую в нем досаду. Каково было для человека, привыкшего к энергичной деятельности, видеть перед собой препятствие, преодолеть которое могло только время! А время в данном случае являлось самым опасным врагом, от которого приходилось быть в полной зависимости.

Между тем в результате регулярных ежедневных наблюдений были обнаружены некоторые перемены в состоянии почвы. К 15 августа пары стали заметно слабее и значительно реже. Несколько дней спустя почва начала выделять лишь легкий туман — последнее предсмертное дыхание чудовища в его каменной гробнице. Постепенно прекратились сотрясения и гул; непрерывно суживалось кольцо раскаленной почвы вокруг шахты. Мало-помалу смельчаки стали приближаться к шахте. За первые сутки можно было продвинуться на два туаза, через сутки — почти на четыре, и, наконец, 22 августа Барбикен, его коллеги и Мерчисон могли уже встать на край чугунного кольца, сравнявшийся с поверхностью вершины Стонзхилла.

Без сомнения это было на редкость здоровое место, ибо там не грозила опасность застудить ноги.

— Наконец-то! — воскликнул председатель «Пушечного клуба» со вздохом облегчения.

В тот же день работы возобновились.

Немедленно же начали очищать канал колумбиады, извлекая из него внутреннюю форму. Без устали работали ломом, киркой и сверлильными машинами. Спекшиеся при высокой температуре глина и песок приобрели чрезвычайную твердость. Но с помощью машин удалось удалить весь этот окаменевший состав, еще не остывший возле чугунных стенок. Отколотые куски тотчас же сваливали в подвесные бадьи, которые поднимались наверх паровой лебедкой. Работа кипела, Барбикен усиленно поддерживал в рабочих пыл, пуская в ход весьма веские аргументы в виде долларов, — и уже к 3 сентября от внутренней формы не оставалось и следа.

Вслед за этим началось калибрование пушки.

Были установлены фрезерные машины, которые принялись счищать шероховатую кору, покрывающую поверхность чугуна. Несколько недель спустя внутренняя поверхность гигантской трубы приобрела идеально правильную цилиндрическую форму, и внутренний канал орудия был превосходно отполирован.

Наконец, 22 сентября, то есть меньше чем через год после знаменитого доклада Барбикена, колоссальная пушка, тщательно калиброванная и установленная в вертикальном положении при помощи самых точных инструментов, была в боевой готовности. Оставалось только ждать Луны, но все были уверены, что она не опоздает на свидание.

Радость Мастона была безгранична, и он едва не погиб, неосторожно наклонившись над отверстием пушки, чтобы вглядеться в глубину девятисот футов. Если бы Блемсбери не ухватил его правой рукой, которая, к счастью, уцелела после войны, секретарь «Пушечного клуба», как новый Герострат, нашел бы смерть в бездне колумбиады.

Итак, пушка была готова. Ни у кого не оставалось сомнений в прекрасном выполнении ее отливки. 6 октября вынужден был это признать и капитан Николь, а Барбикен записал две тысячи долларов на приход в свою чековую книжку. Можно себе представить чувства капитана Николя! Говорили, что он за-

болел от досады и гнева. Оставалось, однако, еще несколько пари — в три, четыре и пять тысяч долларов, и если бы он выиграл хоть два из них, он смог бы еще оказаться в некотором барыше. Но не денежные соображения волновали капитана Николя: его самолюбию нанесла страшный удар удача его соперника в отливке пушки, выстрелы которой, пожалуй, пробили бы броню и в десятки туазов толщиной.

Начиная с 23 сентября был открыт для публики доступ в ограду Стонзхилла. Разумеется, сразу же нахлынула толпа посетителей.

Еще задолго до того во Флориду стали съезжаться со всех концов Соединенных Штатов несметные толпы любопытных туристов. За эти месяцы вследствие работ, производившихся «Пушечным клубом», город Тампа неимоверно разросся, население его насчитывало уже полтораста тысяч человек. Сеть новых улиц окружила форт Брук, затем была заселена вся длинная песчаная коса, разделяющая рейды залива Эспириту-Санто; новые кварталы, новые площади, целый лес домов вырос на еще недавно пустынных прибрежных песках под раскаленным солнцем Флориды. Образовались акционерные общества, взявшие подряды на постройку школ, церквей, банков и частных домов; меньше чем за год общая площадь города увеличилась в десять раз.

Известно, что янки родятся коммерсантами; их страсть к делам проявляется всюду, куда их ни забросит судьба, — и в тропических и в полярных странах. Поэтому многие из них, приезжавшие в Тампа только для того, чтобы посмотреть на работы «Пушечного клуба», быстро сообразили, что здесь можно делать дела. Гавань Тампа чрезвычайно оживилась благодаря рейсам пароходов, зафрахтованных для подвоза рабочих и материалов в Стонзхилл. Вскоре в гавани и на рейдах стали появляться и другие суда разных типов и разного тоннажа, подвозившие грузы, съестные припасы и всевозможные товары; в городе открылись пароходные и маклерские конторы, стала выходить «Шиппинг Газетт», ежедневно отмечавшая прибывавшие в гавань Тампа суда. Население города

настолько увеличилось и торговля в нем так развилась, что понадобился сухопутный транспорт, и вскоре Тампа был соединен рельсовым путем с сетью остальных железных дорог Америки.

Железнодорожная линия связала город Мобил с Пенсаколой, крупным южным морским арсеналом; из этого важного пункта она была проложена вплоть до Таллахаси. До того времени существовал лишь небольшой отрезок железнодорожного пути, длиной в двадцать одну милю, между Таллахаси и поселком Сент-Маркс, расположенным на морском берегу. Эта линия протянулась вплоть до Тампа и сразу оживила еще недавно пустынную, унылую область Центральной Флориды. Таким образом, своим процветанием Тампа был всецело обязан идее, зародившейся в один прекрасный день в мозгу Барбикена; благодаря чудесам техники он вскоре уже по праву смог называться большим городом. Его прозвали Мун-сити, то есть Луна-город, и вскоре произошло полное затмение официальной столицы Флориды, которое можно было наблюдать во всех пунктах земного шара.

Теперь понятно, на какой почве возникло ожесточенное соперничество между Техасом и Флоридой, понятна и ярость техасцев, которые были жестоко обмануты в своих надеждах, когда выбор остановился на Флориде. Сообразительные дельцы прекрасно понимали, как выиграл бы их штат от предприятия Барбикена, сколько благ принес бы им выстрел колумбиады. Обойденный и обиженный Техас уже не мог рассчитывать ни на новый крупный коммерческий центр, ни на железные дороги, ни на быстрый прирост населения.

И все эти выгоды должны были достаться жалкому полуострову Флориде, пустынному барьеру между Мексиканским заливом и Атлантическим океаном. Понятно поэтому, что в Техасе Барбикен стал так же ненавистен, как генерал Санта-Анна.

Однако, несмотря на лихорадочную торговую и промышленную деятельность, новоселы города Тампа не переставали интересоваться ходом работ «Пушеч-

ного клуба». Каждый удар кирки, все мельчайшие подробности сооружения волновали жителей Тампа. Между городом и Стонзхиллом установилось непрерывное сообщение, постоянные экскурсии — своего рода паломничество.

Уже летом можно было предвидеть, что ко дню выстрела скопление зрителей достигнет по крайней мере миллиона, так как тесный полуостров наводняли толпы туристов, прибывавших со всех концов земного шара. Европа начала эмигрировать в Америку.

Но, по правде сказать, до сих пор любопытство приезжих удовлетворялось плохо. Многие рассчитывали присутствовать при зрелище отливки, а вместо этого только издали видели дым. Этого было слишком мало для их жадных глаз; но Барбикен никого из посторонних не допустил в ограду. Это вызвало большое неудовольствие и ропот: стали бранить Барбикена, обвиняли его в деспотизме, объявили его поведение «неамериканским».

У ворот стонзхиллской ограды чуть не разгорелся настоящий мятеж. Но Барбикен, как мы уже знаем, оставался непреклонным, и в конце концов его твердость победила.

Однако, когда колумбиада была готова, уже немыслимо было держать ворота ограды запертыми, — это было бы невежливо в отношении публики и могло вызвать серьезное общественное недовольство. Поэтому Барбикен широко открыл двери стонзхиллской ограды, но, как практичный янки, решил извлечь выгоду из всеобщего любопытства.

Конечно, зрелище гигантской колумбиады было и само по себе заманчиво для публики, но спуск на ее дно был nec plus ultra[1] земного счастья для всякого американца.

Это произвело настоящий фурор!

Женщины, дети, старики — все стремились проникнуть в глубину гигантской пушки, познать ее тайны. За спуск была установлена не малая плата — по пяти долларов с пассажира, и тем не менее приток любо-

---

[1] Предел *(лат.)*.

пытных был так велик, что в течение двух месяцев касса «Пушечного клуба» приобрела полмиллиона долларов.

Нечего и говорить, что первыми посетителями колумбиады были члены «Пушечного клуба», которые вполне заслужили это почетное преимущество.

Торжество спуска в колумбиаду было назначено на 25 сентября. В особой камере на дно пушки спустились: председатель Барбикен, Дж. Т. Мастон, майор Эльфистон, генерал Морган, полковник Блемсбери, инженер Мерчисон и другие почетные члены клуба, всего десять человек. Невыносимая жара стояла в этой огромной чугунной трубе! Все изнемогали от духоты. Но зато какое веселье! Какой восторг! На массивном каменном дне пушки оказался стол, сервированный на десять человек. Эту своеобразную столовую освещал a giorno[1] мощный электрический прожектор. Разнообразные, самые изысканные блюда, точно с неба, спускались на стол перед пирующими; лучшие французские вина текли рекой, и пир шел горою в пушке, на глубине девятисот футов под землей!

Можно себе представить шумное оживление пирующих! Тост раздавался за тостом. Пили за земной шар, за его спутника, за «Пушечный клуб», Соединенные Штаты, за Луну; называли ее Фебою, Дианой, Селеной, «ночным светилом», «мирною странницей небес». Все эти «ура», усиленные, как рупором, колоссальным металлическим цилиндром, доносились на поверхность земли, точно раскаты грома, и толпа, собравшаяся вокруг Стонзхилла, вторила своими криками десяти знаменитостям, пирующим на дне колумбиады. Мастон был вне себя от восторга, трудно установить, что именно он делал, но, думается, что он больше кричал, чем слушал, и больше пил, чем ел. Во всяком случае, он не променял бы своего места на целое государство, «если бы даже пушку зарядили и выстрелили из нее, разорвав его, Мастона, на тысячи кусков, извергнутых в межпланетное пространство».

---

[1] По-дневному (*итал*.).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Телеграмма

Грандиозные работы, предпринятые «Пушечным клубом», можно было считать законченными, а между тем оставалось еще целых два месяца до дня, назначенного для выстрела в Луну. Эти два месяца должны были всем показаться годами! До сих пор газеты ежедневно передавали отчеты о подробностях работ в Стонзхилле; публика быстро раскупала газеты и жадно их проглатывала.

Теперь уже, казалось, нельзя было ожидать новых сенсаций, и все с огорчением думали, что лишатся ежедневных, животрепещущих новостей.

Ничуть не бывало! Событие, самое неожиданное, самое удивительное, самое невероятное, самое неправдоподобное, снова наэлектризовало приунывшие массы населения. Оно поразило весь мир, — до того казалось необычайным!

30 сентября, в 3 часа 47 минут пополудни, на имя Барбикена была доставлена телеграмма, переданная по подводному кабелю, проложенному между Валентией (Ирландия), Нью-Фаундлендом и американским берегом

Председатель Барбикен разорвал конверт и прочел телеграмму. Несмотря на все его самообладание, у него побелели губы и помутилось в глазах.

Вот текст этой телеграммы, которая хранится в архивах «Пушечного клуба»:

«Франция, Париж, 30 сентября, 4 часа утра,

Барбикену, Тампа. Флорида.

Соединенные Штаты.

Замените круглую бомбу цилиндро-коническим снарядом. Полечу внутри. Прибуду пароходом «Атланта».

Мишель Ардан».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пассажир «Атланты».

Если бы это сногсшибательное известие не прилетело по телеграфной проволоке, а пришло по почте в запечатанном конверте и если бы французские, ирландские, нью-фаундлендские и американские телеграфные чиновники не были уже знакомы с содержанием телеграммы, Барбикен не задумался бы ни на минуту. Он просто умолчал бы о письме из весьма понятного благоразумия, опасаясь скомпрометировать свой проект. Ведь эта телеграмма могла оказаться мистификацией, тем более что она исходила от француза. Какому смельчаку могла прийти мысль — отправиться на Луну внутри ядра? И если действительно нашелся такой человек, то разве это не сумасшедший, которому место в желтом доме, а не в снаряде?

Но телеграмму нельзя было скрыть, так как телеграфные служащие не склонны сохранять служебные тайны, и слух о предложении Мишеля Ардана уже начал распространяться по различным штатам. Поэтому и Барбикену не было никакого смысла скрывать телеграмму.

Он тотчас же созвал всех проживающих в Тампа членов клуба и, не выказывая своего отношения к телеграмме Ардана, не касаясь ни единым словом вопроса о доверии, которого она заслуживает, бесстрастно огласил ее краткий текст.

— Невозможно!

— Немыслимо!

— Это просто шутка!

— Над нами издеваются!

— Что за вздор!

— Какая нелепость!

Посыпался град восклицаний, какие служат для выражения сомнений, недоверия, обвинения в глупости и безумии, сопровождаемых обычными в таких случаях жестами. Одни улыбались, другие посмеивались, некоторые пожимали плечами, иные громко хохотали — смотря по настроению.

И лишь у одного Мастона вырвалась великолепная фраза:

— А ведь это идея!

— В самом деле, — ответил майор Эльфистон, — но если иной раз такие идеи и приходят в голову, это не значит, что можно их осуществлять...

— А почему бы и нет? — горячо возразил секретарь «Пушечного клуба», готовый завязать спор.

Но его товарищи постарались поскорее замять разговор.

Между тем имя Мишеля Ардана уже переходило из уст в уста по всему Тампа. И приезжие и местные жители переглядывались, спрашивали друг друга, подшучивали, — не столько над неведомым европейцем, который представлялся им мифом, химерой, сколько над Мастоном, который способен был поверить в существование этого легендарного лица. Когда Барбикен предложил выстрелить снарядом в Луну, всякий нашел это предложение естественным, вполне осуществимым и к тому же весьма интересным вопросом баллистики. Но чтобы разумное существо захотело лететь пассажиром в бомбе, предпринять такое невероятное путешествие, — да это просто фантазия, шутка, фарс, то, что по-английски называется humbug и может быть переведено словом «утка».

Насмешки и прибаутки продолжались без перерыва до самой ночи. Можно смело утверждать, что все Соединенные Штаты в этот день хохотали до упаду, что, впрочем, несвойственно стране, где самые невероятные предприятия легко находят защитников, последователей и исполнителей.

Однако предложение Мишеля Ардана, как и всякая новая идея, взбудоражило многие умы. Оно слишком резко расходилось с обычными понятиями. Многие стали говорить: «Как это никому раньше в голову не пришло!». Скоро новая тема, именно вследствие своей странности, приобрела характер навязчивой идеи. Над этим событием стали задумываться. Разве мало было примеров, когда идеи, которые накануне осмеивались всеми, затем блестяще осуществлялись? Почему бы и этому путешествию не осуществиться в один

прекрасный день? Но, во всяком случае, человек, который готов рисковать жизнью, не в своем уме, и поскольку нельзя серьезно отнестись к его предложению, то лучше бы он молчал и не волновал целую страну таким диким вздором.

Прежде всего существует ли действительно этот человек? Это еще большой вопрос! Правда, имя Мишеля Ардана было не безызвестно и в Америке! Это имя принадлежало европейцу, о смелых предприятиях которого не раз упоминалось в газетах. Кроме того, телеграмма, отправленная через Атлантический океан, указание парохода, на котором отправился француз, точный срок его прибытия — все эти обстоятельства придавали некоторое правдоподобие необычайному предложению.

Жителям Тампа становилось прямо невтерпеж. Сперва начали собираться отдельные лица, образовались небольшие кружки, затем любопытство притянуло эти группы друг к другу, подобно тому как молекулярное притяжение собирает разрозненные атомы. В конце концов собралась порядочная толпа, которая направилась к жилищу председателя «Пушечного клуба».

Барбикен до сих пор ничем не обнаруживал своего отношения к телеграмме; к мнению Мастона он, повидимому, отнесся совершенно безразлично, не высказав ему ни одобрения, ни порицания. Он молчал, выжидая дальнейших событий; но он упустил из виду всеобщее нетерпение. Собравшаяся у него под окном толпа застала его врасплох; он окинул ее недовольным взглядом. Но вскоре поднялся такой шум, такие крики, что Барбикен волей-неволей открыл окно. Пришлось покориться участи знаменитого человека, со всеми сопряженными с ней обязанностями, порою скучными и неприятными.

При его появлении толпа умолкла. Затем выступил вперед какой-то гражданин и поставил ему вопрос ребром:

— Правда ли, что лицо, указанное в телеграмме под именем Мишеля Ардана, едет в Америку? Да или нет?

— Господа! Я знаю об этом столько же, сколько и вы, — ответил Барбикен.

— Но это необходимо узнать точно! — раздались нетерпеливые голоса.

— Поживем, увидим, — холодно ответил Барбикен.

— Нельзя же держать целую страну в напряженном ожидании! — возразил оратор. — Ну что, вы уже изменили чертежи снаряда, как он просит в телеграмме?

— Нет еще, господа, — но вы правы: надо выяснить, в чем тут дело. Телеграф всех взбудоражил, так пусть же теперь телеграф даст нам все нужные сведения.

— На телеграф! На телеграф! — закричали кругом.

Барбикен вышел на улицу и в сопровождении огромной толпы отправился на телеграфную станцию.

Через несколько минут была отправлена телеграмма в Ливерпуль, председателю общества корабельных маклеров. Просили ответить на следующие вопросы:

«Что за корабль «Атланта»?

Когда этот корабль покинул Европу?

Имеется ли на борту француз по имени Мишель Ардан?»

Через два часа Барбикен получил официальную справку, не оставлявшую никаких сомнений:

«Пароход «Атланта» вышел из Ливерпуля 2 октября. Направляется в Тампа. На борту находится француз, записанный в пассажирскую книгу под именем Мишель Ардан».

Итак, первоначальная телеграмма подтвердилась. Глаза Барбикена вспыхнули, кулаки судорожно сжались, и он не мог удержаться от гневного шепота:

— Так это правда? Значит, это возможно!.. Значит, этот француз существует! Через две недели он будет здесь... Но ведь это же сумасшедший! Сумасброд! Ни за что не соглашусь на подобное безумство!

И, однако, в тот же вечер он отправил фирме «Брэдвиль и К°» просьбу задержать до особого распоряжения отливку заказанной бомбы.

Как описать волнение, охватившее всю Америку, сенсацию, затмившую даже эффект, вызванный в свое время сообщением Барбикена? Как изложить все то, что было написано по этому поводу в американских газетах, как они приняли эти новые известия, как стали воспевать на все лады прибытие нового героя Старого Света? Как передать лихорадочное возбуждение, охватившее массы людей, которые считали часы, минуты, даже секунды, оставшиеся до приезда Мишеля Ардана? Как дать хотя бы слабое представление о мучительной работе мозга, подпавшего под влияние навязчивой идеи? Как изобразить все происшедшие перемены — остановку фабричных работ, суматоху на бирже, задержку в порту судов, вызванную ожиданием «Атланты», ежедневное прибытие в бухту Эспириту-Санто все новых паровых и парусных судов, почтовых пароходов, увеселительных яхт и катеров всех видов и размеров. Как сосчитать тысячи любопытных приезжих, которые за полмесяца учетверили население Тампа и принуждены были поселиться за городом, на лугу, в походных палатках? Это задача превосходит все силы человеческие, и было бы безумием попытаться ее осуществить.

Наконец, наступило 20 октября. В девять часов утра семафоры Багамского пролива сигнализировали появление густого дыма на горизонте. Через два часа с этими семафорами обменялся сигналами большой пароход. Тотчас же передали в Тампа название «Атланта». В четыре часа дня английский пароход входил в бухту Эспириту-Санто. В пять — он уже на всех парах пронесся по рейду Хилсборо. В шесть — он бросил якорь в гавани Тампа.

Не успел якорь коснуться песчаного дна, как уже несколько сот лодок и шлюпок окружили «Атланту» и пароход был взят на абордаж. Барбикен первым вскочил на палубу и крикнул голосом, в котором звучало волнение:

— Мишель Ардан?

— Здесь! — откликнулся человек, стоявший на юте.

Барбикен молча скрестил руки и вопрошающим взглядом впился в пассажира «Атланты».

Это был человек лет сорока двух, высокого роста, но уже слегка сутуловатый, подобно кариатидам, которые на своих плечах поддерживают балконы. Крупная львиная голова была украшена копной огненных волос, и он встряхивал ими порой, точно гривой. Круглое лицо, широкие скулы, оттопыренные щетинистые усы и пучки рыжеватых волос на щеках, круглые, близорукие и несколько блуждающие глаза придавали ему сходство с котом. Но его нос был очерчен смелой линией, выражение губ добродушное, а высокий умный лоб изборожден морщинами, как поле, которое никогда не отдыхает. Наконец, сильно развитой торс, крепко посаженный на длинных ногах, мускулистые, ловкие руки, решительная походка — все доказывало, что этот европеец — здоровенный малый, которого, говоря на языке металлургов, природа «скорее выковала, чем отлила».

Последователи Лафатера и Грасиоле легко распознали бы в форме черепа и в физиономии этого человека черты воинственности, то есть мужества во время опасности и упорства в преодолении препятствий; они обнаружили бы также добродушие, любознательность, прирожденное стремление ко всему необычайному; зато совершенно отсутствовали шишки любостяжания, скопидомства и пристрастия к материальным благам.

Чтобы закончить описание внешнего облика пассажира «Атланты», следует отметить широкую, но ладно сидевшую одежду (на его пальто и брюки пошло столько материи, что Мишель Ардан называл себя «смерть сукну»), небрежно завязанный галстук, отложной воротничок, открывавший крепкую шею, и всегда расстегнутые манжеты, из которых выступали мускулистые руки с подвижными пальцами. Чувствовалось, что этот человек не замерзнет в самый жестокий мороз и не похолодеет от страха в час опасности.

Даже на палубе «Атланты» он ни минуты не оставался в покое, был «неустойчив на якоре», как выражаются матросы; двигался среди толпы взад и вперед,

жестикулируя, то и дело нервно обкусывая ногти, беседуя со всеми и обращаясь чуть ли не к каждому на «ты». Это был один из редких оригиналов, которых творец создает в минуты особого вдохновения и тотчас же разбивает модель.

Действительно, личность Мишеля Ардана представляла широкое поле для психологических наблюдений и анализа. Этот удивительный человек имел склонность к гиперболам, питая юношеское пристрастие к превосходной степени; все предметы отражались в сетчатке его глаз в сверхъестественных размерах. Отсюда у него беспрестанно возникали большие и смелые идеи; все рисовалось ему в преувеличенном виде, кроме препятствий и человеческих достоинств.

Словом, это была богатая натура; художник до мозга костей, остроумный малый. Он избегал фейерверка острот, зато наносил словесные удары с ловкостью фехтовальщика. Во время диспутов он мало заботился о логике и о формально правильных силлогизмах, в которых никогда не был силен, зато у него были свои излюбленные приемы. Отъявленный спорщик, он поражал противника прямо в грудь аргументами ad hominem[1], перед которыми тем оставалось только пасовать; он любил отстаивать с пеной у рта самые безнадежные положения.

У него были свои странности; так, подобно Шекспиру, он любил называть себя «блистательным невеждой» и кичился тем, что презирает ученых. «Они только отмечают удары, когда мы ведем игру», — говорил он. Это был чистокровный цыган, кочующий по странам чудес, склонный к приключениям, но не искатель приключений, сорви-голова, Фаэтон, летящий во весь дух на колеснице солнца, Икар, но с запасными крыльями.

Впрочем, он подтверждал свои слова делом и, не раздумывая, ставил на карту свою жизнь. Он очертя голову бросался в самые отчаянные предприятия, всегда готов был сжечь свои корабли, подобно Агафоклу, всякий час рисковал сломать себе шею и тем

---

[1] Личного характера *(лат.)*.

не менее всегда вставал на ноги, подобно игрушечному ваньке-встаньке.

Одним словом, его девизом было: «Во что бы то ни стало!» Страсть к невозможному, невероятному была его «ruling passion» [1], по меткому выражению Попа.

Но достоинства Мишеля Ардана имели и свою оборотную сторону. «Кто не рискует, тот не выигрывает», гласит пословица. Ардан не раз рисковал, но ничего не приобретал. Это был беззаботный расточитель денег, своего рода бездонная бочка Данаид. Он был глубоко бескорыстен, и бурные порывы его сердца не уступали смелости идей его горячей головы. Отзывчивый, рыцарски великодушный, он готов был помиловать злейшего врага и охотно продался бы в рабство, чтобы выкупить негра.

Во Франции и во всей Европе очень многие знали этого блестящего и беспокойного человека. Стоустая молва охрипла, день и ночь твердя о нем. Ни от кого не было у него тайн, всем были известны самые интимные подробности его жизни, точно стены его квартиры состояли из прозрачного стекла.

У Мишеля Ардана была также богатая коллекция врагов из числа тех людей, которых он обидел, задевая и бесцеремонно расталкивая, работая вовсю локтями, чтобы проложить себе путь сквозь толпу.

Но в общем это был любимец общества, и к нему относились, как к балованному ребенку. Мирились с его причудами; принимали его, каков он есть; все интересовались его смелыми предприятиями и с участием, с тревогой следили за его судьбой. Иной раз, когда приятель старался уговорить его, удерживая от опасного шага, предсказывая близкую гибель, Мишель Ардан с беззаботной улыбкой отвечал, что «лес сгорает только от собственных деревьев», сам не зная, что цитирует одну из самых красивых арабских пословиц.

Таков был этот пассажир «Атланты», подвижной, как ртуть, вечно горящий внутренним огнем, вечно

---

[1] Господствующая страсть *(англ.)*.

взволнованный. Быть может, его тревожила мысль о том, на какое дело он отваживается в Америке? Ничуть не бывало. Он всегда был возбужден в силу своей нервной организации.

Трудно представить себе более разительный контраст между двумя личностями, чем между французом Мишелем Арданом и янки Барбикеном; и в то же время у них было много общего: оба были предприимчивые, смелые, отважные люди, но каждый на свой собственный лад.

Барбикену недолго пришлось рассматривать приезжего, который своим безумно смелым предложением отодвинул его на второй план. Загремело «ура» и «виват» — толпа приветствовала Ардана. Всякий хотел лично пожать ему руку, и восторг принял такие осязательные формы, что, пожав тысячу рук и едва не потеряв все свои десять пальцев, Ардан счел за лучшее укрыться к себе в каюту.

Барбикен последовал за ним, не произнеся ни слова.

— Вы Барбикен? — спросил его Ардан, когда они остались одни, таким тоном, словно они уже двадцать лет были добрыми друзьями.

— Да, — сухо ответил председатель «Пушечного клуба».

— Ну, так здравствуйте, Барбикен! Как дела! Хороши? Ну, тем лучше, тем лучше!

— Итак, — спросил Барбикен без всякого вступления, — вы решили лететь?

— Безусловно.

— И ничто вас не остановит?

— Ничто. А вы уже изменили форму вашего снаряда так, как я просил в телеграмме?

— Я ждал вашего приезда. Но скажите, — спросил Барбикен, — вы как следует все обдумали?

— Обдумал ли я? Да разве есть у меня время раздумывать? Мне представился случай побывать на Луне, и я решил им воспользоваться — вот и все! Мне кажется, тут не о чем особенно задумываться.

Барбикен пожирал глазами этого человека, который говорил о своем путешествии на Луну с такой легкостью и беспечностью, без тени беспокойства.

— У вас есть по крайней мере какой-нибудь план? — спросил, наконец, Барбикен. — Вы придумали, как это осуществить?

— Еще как придумал, дорогой Барбикен! Но знаете, что я вам скажу? Я предпочитаю высказаться публично, сразу перед всеми, чтобы потом об этом не было больше речи. Это избавит меня от повторений. Поэтому, если вы не предложите ничего лучшего, созовите ваших друзей, ваших сочленов, весь город, всю Флориду, всю Америку, если угодно, и завтра же я разовью свой план и отвечу на все возражения, которые мне будут представлены. Будьте покойны, я не боюсь возражений! Идет?

— Идет! — ответил Барбикен.

После этих слов председатель «Пушечного клуба» вышел из каюты и громогласно передал предложение Мишеля Ардана теснившейся на палубе толпе. Слова его были встречены радостными возгласами, целой бурей одобрений. Предложение Ардана разрешало все трудности. Завтра каждый сможет вдоволь наглядеться на европейского героя. Однако некоторые, наиболее упорные из зрителей, решили не покидать «Атланты» и остались ночевать на палубе. Среди них оказался и Дж. Т. Мастон; он еще заранее привинтил свой железный крюк к поручням юта, и понадобился бы рычаг, чтобы оторвать его оттуда.

— Вот это герой так герой! — повторял он, захлебываясь от восторга. — Мы все просто бабы по сравнению с этим европейцем!

А председатель «Пушечного клуба», предложив посетителям разойтись, вернулся в каюту Ардана и оставался там до тех пор, пока пароходный колокол не возвестил полночь.

К тому времени оба соперника по славе уже горячо пожимали друг другу руки, и Мишель Ардан говорил «ты» председателю «Пушечного клуба».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Митинг.

На другое утро солнце, по мнению нетерпеливой американской публики, взошло слишком поздно. Говорили, что такая лень прямо непростительна для светила, которому выпала честь освещать столь знаменательный праздник.

Опасаясь нескромных вопросов, которые могли бы задать Мишелю Ардану, Барбикен хотел по возможности ограничить аудиторию, сведя ее к небольшому числу приверженцев, например членов «Пушечного клуба». Но легче было бы запрудить Ниагару. Пришлось Барбикену отказаться от своего намерения и предоставить своего нового друга всем случайностям, связанным с выступлением перед широкой публикой.

Новое здание Биржи, несмотря на колоссальный зал, не могло бы вместить всех участников собрания, которое принимало размеры многолюдного митинга.

Поэтому выбрали обширный луг близ города; необходимо было устроить там навесы, чтобы предохранить слушателей от жгучих лучей солнца. Материалы для огромного тента — паруса, канаты, реи, запасные мачты — охотно предоставили корабли, стоявшие в порту, и через несколько часов над выжженной равниной уже простиралось полотняное небо, под которым участники митинга могли укрыться от солнца.

Под этим гигантским навесом разместилось 300 тысяч человек, которым пришлось несколько часов задыхаться в страшной духоте, ожидая француза. Из всей этой массы зрителей лишь первая треть могла хорошо видеть оратора и слышать его речь; второй трети было уже плохо видно и совсем не слышно; наконец, последняя треть зрителей ничего не видела и ничего не слышала. Но это не мешало им всем бурно аплодировать оратору. Ровно в три часа дня появился Мишель Ардан в сопровождении наиболее видных членов «Пушечного клуба». Он шел под руку с Барбикеном — с правой стороны и с почтенным секретарем — с левой. Дж. Т. Мастон сиял и пылал ярче полуденного солнца.

Ардан взошел на подмостки. С высоты эстрады глазам его представился целый океан черных цилиндров. Но он ничуть не смутился и не принял деланой позы; он чувствовал себя как дома: был весел, прост и любезен. В ответ на оглушительное «ура» он отвесил изящный поклон; потом движением руки водворил молчание и заговорил на очень правильном английском языке.

— Господа! — начал он, — несмотря на страшную жару, мне придется злоупотребить вашим вниманием, чтобы дать кое-какие разъяснения относительно моего плана, который, видимо, вас заинтересовал. Я не оратор, не ученый и даже не рассчитывал говорить публично, но мой друг Барбикен мне сказал, что это доставит вам удовольствие, и я решился выступить. Итак, выслушайте меня хорошенько. Если не ошибаюсь, меня слушают шестьсот тысяч ушей. Прошу меня простить, если я окажусь плохим оратором.

Это безыскусственное вступление очень понравилось слушателям, которые ответили долгим одобрительным гулом.

— Господа! — продолжал Мишель Ардан, — вы можете свободно выражать мне свое сочувствие или порицание. После этого уговора я начинаю. Прежде всего должен вас предупредить, что вы имеете дело с профаном, с полным невеждой, который не ведает никаких затруднений. Именно поэтому мне показалось, что сесть в снаряд и отправиться на Луну — дело простое, естественное и легкое. Рано или поздно такое путешествие будет совершено. Что же касается средств передвижения, то они просто следуют закону прогресса. Человечество начало путешествовать на четвереньках, потом в один прекрасный день — на двух ногах; затем на телеге, потом в карете, потом в коляске, потом в фургоне, потом в дилижансе, наконец по железной дороге. И что же? Вагоном будущего непременно станет пушечный снаряд. А что такое планеты? В сущности говоря, это снаряды, гигантские ядра, брошенные в пространство рукой творца. Но вернемся к нашей бомбе. Некоторые из вас, быть может, думают, что снаряд колумбиады будет обла-

дать чрезмерной, неслыханной скоростью. Это совсем не так. Небесные светила движутся быстрее; даже Земля в своем движении вокруг Солнца увлекает нас с собой в три раза быстрее. Приведу несколько примеров. Только разрешите мне считать на французские лье, потому что я не привык к вашим американским мерам и боюсь запутаться в своих вычислениях.

Просьба показалась вполне естественной и не вызвала никаких возражений.

Оратор продолжал:

— Я приведу вам, милостивые государи, кое-какие данные о скорости движения различных планет. Должен признаться, что, несмотря на свое невежество, я хорошо знаю эти астрономические подробности; но через две минуты все вы будете такими же учеными, как я. Знайте же, что Нептун пробегает пять тысяч лье в час, Уран — семь тысяч, Сатурн — восемь тысяч восемьсот пятьдесят восемь, Юпитер — одиннадцать тысяч шестьсот семьдесят пять, Марс — двадцать две тысячи одиннадцать, Земля — двадцать семь тысяч пятьсот, Венера — тридцать две тысячи сто девяносто, Меркурий — пятьдесят две тысячи пятьсот двадцать. Некоторые кометы в своем перигелии пробегают миллион четыреста тысяч лье в час. В сравнении с ними мы — просто праздношатающиеся, тихоходы, ведь скорость нашего снаряда только в первый час достигнет девяти тысяч девятисот лье, а затем начнет все уменьшаться. Скажите на милость, есть ли тут из-за чего приходить в восторг? Разве не очевидно, что не сегодня-завтра при помощи света или электричества люди осуществят скорость еще более значительную?

Никто, повидимому, и не думал сомневаться в этих утверждениях Мишеля Ардана.

— Дорогие слушатели, — продолжал он, — если верить некоторым ограниченным умам (другого слова не могу найти для их характеристики), человечество заключено в заколдованный круг, через который не может переступить, оно осуждено вечно прозябать на своем земном шаре и никогда не посмеет устремиться в межпланетное пространство. Это неправда! Люди

будут совершать путешествия на Луну, на планеты и на звезды, как теперь из Ливерпуля в Нью-Йорк, — легко, быстро, спокойно. Межпланетный океан так же хорошо исследуют, как и лунные моря. Расстояние — понятие относительное. Всякое расстояние можно свести почти к нулю!

Несмотря на всеобщую симпатию к герою французу, его смелая теория несколько ошеломила слушателей. Ардан это заметил.

— Кажется, я не убедил вас, мои дорогие хозяева, — продолжал он с любезной улыбкой. — Что ж, давайте разберемся в этом вопросе. Знаете ли вы, в какой срок добрался бы курьерский поезд до Луны? Всего в триста суток! Восемьдесят шесть тысяч четыреста десять лье — что это за расстояние?! Ведь это даже меньше, чем девять раз взятая окружность Земли. Но разве нет моряков или путешественников, которые на своем веку проехали гораздо больше? Не забудьте, что я буду в дороге всего девяносто семь часов! Неужели вы воображаете, что Луна так уж далека от Земли и что надо хорошенько подумать, прежде чем рискнуть на такую экскурсию? А что бы вы сказали, если бы пришлось отправиться на планету Нептун, которая ходит по небу на расстоянии миллиарда ста сорока семи миллионов лье от Солнца? Вот путешествие, которое едва ли кому-нибудь было бы по карману, даже при тарифе в пять су за километр! У самого барона Ротшильда не хватило бы его миллиарда на билет — потребовалось бы еще сто сорок семь миллионов впридачу!

Эта непринужденная манера рассуждать, видимо, очень нравилась собранию; к тому же Мишель Ардан, поглощенный своей темой, говорил с пламенным увлечением, с огромным подъемом. Он чувствовал, что аудитория жадно ловит каждое его слово, и продолжал с восхитительной уверенностью.

— Так вот, друзья мои, и это расстояние от Нептуна до Солнца — сущие пустяки, если сравнить его с отдаленностью звезд. Тут уже пришлось бы брать по меньшей мере числа с девятью нулями, а за единицу принимать миллиард. Прошу извинения, что ударяюсь

в такие подробности, но для нас они имеют животрепещущий интерес. Выслушайте, потом судите! Звезда Альфа в созвездии Кентавра удалена от нас на восемь биллионов лье; Вега и Сириус на пятьдесят биллионов; Арктур на пятьдесят два; Полярная звезда на сто семнадцать биллионов; Козерог на сто семьдесят биллионов. Стоит ли после этого говорить о расстояниях между планетами и Солнцем? И вы еще будете утверждать, что такие расстояния существуют? Ошибка! Ложь! Обман чувств! Знаете, что я думаю об этом мире, который начинается нашим лучезарным светилом и кончается Нептуном? Хотите знать мою теорию? Она очень проста! Для меня солнечный мир твердое и однородное тело; планеты, которые его составляют, теснят друг друга, соприкасаются, чуть ли не прилипают друг к другу; а пространства между ними — это промежутки, которыми отделяются друг от друга молекулы самых плотных металлов — серебра или железа, золота или платины! Поэтому я вправе утверждать и повторяю с твердым убеждением, которое, надеюсь, разделяете и вы: «расстояние» — пустое слово, расстояния, строго говоря, вовсе не существует!

— Здорово сказано! Браво! Ура! — в один голос закричала вся аудитория, наэлектризованная уверенным тоном оратора, его жестами и смелостью идей.

— Правильно! — громче всех вопил Мастон. — Расстояния не существует!

Яростно жестикулируя, он едва не потерял равновесия и чуть было не свалился с эстрады. Но он кое-как удержался, избежав падения, которое доказало бы ему весьма осязательно и грубо, что «расстояние» — не такое уж пустое слово.

Тем временем Мишель Ардан продолжал с прежним увлечением:

— Друзья мои, я полагаю, этот вопрос нужно теперь считать исчерпанным. Если я не всех еще убедил, то это потому, что, очевидно, был слишком робок в своих доказательствах, не привел еще самых сильных доводов, а этому виной — недостаточность моих теоретических познаний. Как бы то ни было, я повторяю: расстояние от Земли до Луны незначительно и

не заслуживает особого внимания со стороны серьезного человека. Могу сказать, не боясь преувеличения, что в скором времени появятся целые поезда, составленные из вагонов-снарядов, в которых будет очень удобно путешествовать от Земли до Луны. Не будет ни толчков, ни стуков, ни крушений; поезда полетят стрелой к своей цели, «с быстротой пчел», как выражаются ваши охотники. Не пройдет и двадцати лет, как половина жителей Земли перебывает на Луне!

— Ура! Да здравствует Мишель Ардан! — воскликнули все, даже наименее убежденные.

— Да здравствует Барбикен! — крикнул в ответ скромный оратор.

Это громогласное признание заслуг Барбикена вызвало долгие и единодушные аплодисменты.

— Теперь, друзья мои, — продолжал Ардан, — вы, быть может, пожелаете задать мне кое-какие вопросы? Пожалуйста! Хотя мне, профану, и нелегко будет ответить, но все же я постараюсь.

До сих пор председатель «Пушечного клуба» был, повидимому, очень доволен общим ходом беседы. Ардан толковал о более или менее отвлеченных вопросах и благодаря своему яркому воображению блестяще их излагал. Но надо было отвлечь Ардана, а также аудиторию от вопросов чисто практических, в которых Ардану было бы, конечно, труднее разобраться. Поэтому Барбикен поспешил взять слово и спросил своего нового друга, что он думает относительно обитаемости Луны и вообще планет солнечной системы.

— Ты мне ставишь трудную задачу, дорогой мой председатель! — ответил оратор с улыбкой. — Однако, насколько я помню, на этот вопрос отвечали утвердительно люди большого ума, как Плутарх, Сведенборг, Бернарден де Сен-Пьер и многие другие. Становясь на точку зрения философии природы, я вынужден буду разделить их взгляды и признать, что в этом мире не может существовать ничего бесполезного. На твой вопрос, друг Барбикен, я отвечу так: если миры могут быть обитаемы, значит все они или населены,

или раньше были населены, или будут населены со временем.

— Замечательно! — воскликнули слушатели первых рядов, задававшие тон всему собранию; их мнение было законом для остальных.

— Нельзя ответить убедительнее и логичнее, — согласился председатель «Пушечного клуба». — Итак, вопрос сводится к следующему: «Обитаемы ли миры?» Что до меня, я склонен в это верить.

— А я так вполне в этом убежден, — отвечал Ардан.

— Однако, — заметил один из членов собрания, — существуют серьезные возражения против обитаемости миров. Во всяком случае, на большинстве планет условия жизни значительно отличаются от соответствующих условий на Земле. Поэтому, ограничиваясь даже одними планетами, можно сказать, что на планетах, удаленных от Солнца, живые существа должны замерзнуть, а на близких к Солнцу они должны сгореть.

— К сожалению, я не имею удовольствия лично знать моего почтенного оппонента, — ответил Мишель Ардан, — но все же попытаюсь ему ответить. Его возражение, конечно, очень основательно, но, мне кажется, его можно с успехом опровергнуть, так же как и все остальные возражения против населенности планет. Будь я физиком, я сказал бы ему: если на близких к Солнцу планетах высокая температура умеряется более слабым выделением внутреннего тепла планеты, то на отдаленных планетах, напротив, это тепло выделяется сильнее, — и, таким образом, на их поверхности может создаться температура, вполне подходящая для существ, организованных наподобие земных. Будь я натуралистом, я сказал бы ему, что целым рядом крупнейших ученых доказана приспособляемость земных организмов к самым различным условиям жизни. Ведь рыбы дышат в среде, безусловно пагубной для других животных. Амфибии ведут двойственную жизнь — явление трудно объяснимое! Некоторые морские животные обитают в очень глубоких слоях воды и выдерживают давление в пятьдесят и шестьдесят атмосфер? Иные низшие организмы совершенно нечув-

ствительны к температуре и встречаются как в горячих источниках, так и в ледяных пустынях полярных океанов! Итак, нужно признать, что природа создает настолько разнообразные, порою непостижимые условия жизни, что ее можно назвать всемогущей. Будь я химиком, я сказал бы ему, что в аэролитах, то есть в телах, образовавшихся вне земной сферы, путем анализа обнаружены следы углерода; а это вещество имеет органическое происхождение и, как доказывают исследования Рейхенбаха, несомненно входило когда-то в состав живых тел. Наконец, будь я теологом, я сказал бы ему, что, согласно учению апостола Павла, божественное искупление распространяется не на одну только Землю, но и на все небесные миры. Но я не химик, не естественник, не физик и не теолог, я полный невежда, я не знаю великих законов, управляющих вселенной, и должен буду ответить так: мне неизвестно, населены ли другие миры, — потому-то я и хочу полететь на Луну, чтобы убедиться в этом собственными глазами.

Нашлись ли у противника Мишеля Ардана новые возражения, неизвестно. Собрание заглушило его слова, встретив последнюю фразу Ардана криками исступленного восторга. Когда, наконец, водворилось молчание даже в самых отдаленных рядах аудитории, победоносный оратор смог продолжать свою речь и добавил следующее:

— Вы прекрасно понимаете, мои славные янки, что я лишь слегка затронул этот вопрос: я приехал сюда не для того, чтобы читать публичные лекции на эту богатую тему. Есть еще целый ряд доводов в пользу обитаемости миров. Я их оставлю в стороне, позвольте мне остановиться лишь на одном. Людям, которые утверждают, что планеты необитаемы, нужно ответить так: быть может, вы были бы и правы, если бы могли доказать, что Земля — наилучший из миров; но это далеко не доказано, что бы там ни говорил Вольтер. У Земли всего один спутник, а у Юпитера, Урана, Сатурна и Нептуна — к их услугам несколько; это дает этим планетам известные преимущества, которыми отнюдь нельзя пренебрегать. Но что особенно неудобно

на Земле — это наклон ее оси к орбите. Отсюда происходит неравенство дней и ночей, отсюда и досадное разнообразие времен года. На нашем злополучном шаре всегда или слишком жарко, или слишком холодно; мы мерзнем зимой, а летом жаримся на припеке. Земля — планета насморков, воспаления легких и всякой простуды! То ли дело на Юпитере, ось которого почти перпендикулярна к плоскости его орбиты! Там для одного и того же места не бывает скачков температуры. Там существует зона вечной весны, зона вечного лета, зона вечной осени, зона вечной зимы. Каждый юпитерианин может выбрать климат себе по вкусу и всю свою жизнь не бояться перемен погоды. Вы, конечно, согласитесь, что это большое преимущество Юпитера по сравнению с Землей, не говоря уже о его длинных годах, которые продолжаются по двенадцати земных лет! Более того, я совершенно убежден, что при таких изумительно благоприятных условиях жизни обитатели этого счастливого «мира» должны быть высшими существами: ученые там более учены, артисты более талантливы, люди злые менее злы, чем на Земле, а добрые еще лучше наших. И, увы, подумать только, чего не хватает нашей Земле, чтобы достигнуть такого совершенства: сущего пустяка! Только оси вращения, менее наклоненной к плоскости орбиты.

— За чем же дело стало? — внезапно раздался неистовый голос. — Объединим наши усилия, изобретем машины и выпрямим земную ось!

Гром рукоплесканий раздался в ответ на это предложение, которое могло прийти в голову лишь Дж. Т. Мастону. У него всегда была склонность к инженерному искусству, и при его пылком воображении ему ничего не стоило хватить через край. Однако надо признаться, — ибо это правда, — что многие поддержали его восторженными криками. И, разумеется, будь у американцев точка опоры, которую требовал в древности Архимед, они непременно создали бы рычаг, чтобы повернуть Землю и выпрямить ее ось, но, увы, точки опоры как раз и не доставало этим отважным механикам!

Как бы то ни было, но «практическое предложение» Мастона имело большой успех: оно прервало прения на добрых четверть часа. И долго еще после этого митинга толковали в Соединенных Штатах о смелом проекте пожизненного секретаря «Пушечного клуба».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Атака и оборона.

Казалось бы, на этом и должен был закончиться митинг. Трудно было бы придумать лучшее заключение.

Однако, когда шум, наконец, улегся, послышались следующие слова, произнесенные твердым, суровым голосом:

— Теперь, когда оратор уделил так много времени области фантазии, не угодно ли ему будет вернуться к основной теме? Нельзя ли поменьше вдаваться в теории и прямо перейти к обсуждению технической стороны путешествия?

Все взгляды обратились на говорившего. Это был худощавый, сухой человек, с энергичным лицом, с бородой, подбритой по-американски с боков и густой под подбородком.

Пользуясь движением в толпе, он мало-помалу пробрался в первый ряд слушателей. Скрестив руки, он устремил сверкающий смелый взгляд на героя митинга. Высказавшись, он умолк. Повидимому, его ничуть не смущали ни тысячи обратившихся на него взглядов, ни ропот порицания, которым собрание встретило его заявление. Не получив сразу ответа, он повторил свои слова тем же суровым голосом, добавив:

— Мы собрались сюда, чтобы говорить о Луне, а не о Земле.

— Вы совершенно правы, милостивый государь! — ответил Ардан. — Прения уклонились в сторону. Вернемся к Луне.

— Милостивый государь, — продолжал незнакомец, — вы утверждаете, что спутник Земли обитаем. Допустим. Но если жители Луны существуют, то они живут, не дыша, так как — я прошу вас принять это во внимание ради вашей же пользы — на поверхности Луны нет ни единой молекулы воздуха.

Мишель Ардан встряхнул своей львиной гривой. Он сразу почуял, что имеет дело с сильным противником. Он смерил незнакомца твердым взглядом и сказал:

— Вот как! По-вашему, на Луне нет воздуха? А позвольте вас спросить: кто это утверждает?

— Ученые.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Милостивый государь, — возразил Ардан, — шутки в сторону. Я питаю глубокое уважение к ученым, которые знают свое дело, и глубокое презрение к тем, которые его не знают.

— А вам известны и такого рода ученые?

— Известны. Во Франции, например, есть сейчас один «ученый», который утверждает на основании «математических вычислений», что птицы не могут летать; есть и такой, который доказывает, что рыбы не приспособлены к жизни в воде.

— Милостивый государь, я не таких ученых имею в виду. В подтверждение своих слов я готов привести имена, которые вы не можете не признавать.

— В таком случае, милостивый государь, вы поставите в большое затруднение такого профана, как я. Впрочем, я всегда рад узнать что-нибудь новое!

— Зачем же вы вмешиваетесь в ученые вопросы, если вы их не изучали? — довольно грубо спросил незнакомец.

— Зачем? — отвечал Ардан. — Тот и смел, кто не подозревает опасности! Я ничего не знаю, это правда, но именно в этой слабости моя сила!

— Ваша слабость граничит с безумием! — с раздражением в голосе крикнул незнакомец.

— Э, тем лучше, — возразил француз, — если мое безумие доведет меня до Луны!

Барбикен и его товарищи пожирали глазами непрошенного гостя, который так дерзко возражал Мишелю Ардану. Никто его не знал, и председатель «Пушечного клуба», несколько смущенный тем оборотом, какой принимали прения, не без тревоги поглядывал на своего нового друга. Все собрание прислушивалось внимательно и настороженно, понимая, что сейчас будут выявлены все опасности или даже полная неосуществимость предполагаемого путешествия.

— Милостивый государь, — снова начал противник Ардана. — Есть много доказательств полного отсутствия атмосферы на Луне, и они до сих пор не опровергнуты. Я мог бы сказать a priori, что если и существовала когда-нибудь атмосфера на Луне, то ее уже давно притянула бы к себе Земля. Но я предпочитаю привести вам несколько неопровержимых фактов.

— Приводите, милостивый государь, — ответил Ардан с самой любезной улыбкой. — Сколько угодно!

— Вы знаете, — продолжал незнакомец, — что, когда лучи света вступают в такую среду, как воздух, они отклоняются от прямолинейного направления, другими словами, преломляются. Ну, так вот, когда Луна своим диском затмевает для нас некоторые звезды, то лучи этих звезд никогда не отклоняются от своего направления, то есть не испытывают ни малейшего преломления. Отсюда неизбежный вывод: на Луне нет никакой атмосферы.

Все взоры устремились на француза: как опровергнет он это положение, из которого вытекают столь важные следствия?

— В самом деле, — ответил Ардан. — Это — ваш самый сильный аргумент и почти единственный. Ученый, быть может, затруднился бы дать на него прямой ответ, но для меня этот довод не имеет решающего значения. Он стал бы решающим, если бы был точно измерен угловой диаметр Луны, однако точного измерения до сих пор не существует. Но оставим это. Скажите мне, сударь, допускаете ли вы существование вулканов на поверхности Луны?

— Потухших вулканов — да, действующих — нет.

— Но в таком случае ведь можно, не выходя за пределы логики, допустить, что некогда вулканы были действующими?

— Разумеется, но они сами могли выделять необходимый для горения кислород, и, следовательно, происходившие на Луне вулканические извержения еще не доказывают присутствия на ней атмосферы.

— Пойдем дальше, — ответил Ардан, — и вообще оставим косвенные доказательства. Перейдем к фактам, к непосредственным наблюдениям. Но предупреждаю: мне придется ссылаться на ученые авторитеты.

— Что ж, ссылайтесь.

— И сошлюсь. Третьего мая тысяча семьсот пятнадцатого года астрономы Лувиль и Галлей, наблюдая затмение, отметили необычные световые явления на Луне. Эти поблескивания, очень кратковременные и часто повторявшиеся, они приписали действию грозы, разразившейся в атмосфере Луны.

— В тысяча семьсот пятнадцатом году, — возразил незнакомец, — астрономы Лувиль и Галлей приняли за лунные явления феномены, происходившие в слоях земной атмосферы и вызванные болидами и метеорами. Вот, что ответили ученые на сообщение об этих фактах и что теперь я вам повторяю!

— Пусть так! — нисколько не смущаясь, отвечал Ардан. — Теперь сошлюсь на Гершеля, который в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году наблюдал множество светящихся точек на поверхности Луны.

— Не отрицаю, но он оставил этот факт без объяснения. Сам Гершель не решился на основании его доказывать существование лунной атмосферы.

— Превосходный ответ! — воскликнул с увлечением Мишель Ардан. — Вы, я вижу, очень сильны в селенографии.

— Весьма силен, милостивый государь, и добавлю вам, что первоклассные астрономы, Бэр и Мэдлер, которые подробнее всех исследовали ночное светило, пришли к выводу о полном отсутствии на нем атмосферы.

По рядам аудитории пробежал трепет. Доводы странного незнакомца начали, повидимому, влиять на общее мнение.

— Пойдем дальше, — хладнокровно продолжал Мишель Ардан. — Что вы ответите на следующий весьма веский довод? Известный французский астроном Лосседа, наблюдая затмение восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года, констатировал, что края закрытого Луной солнечного диска казались закругленными и усеченными. Такое явление могло произойти вследствие преломления солнечных лучей в лунной атмосфере. Другого объяснения быть не может!

— Но достоверен ли этот факт?— с живостью переспросил незнакомец.

— Абсолютно достоверен!

Новое движение в аудитории, обрадованной успехом своего любимца. Незнакомец молчал. Не кичась победой над противником, Ардан продолжал свою речь самым простодушным тоном:

— Вы видите, уважаемый сударь, что нельзя так решительно отрицать существование лунной атмосферы. Вероятно, эта атмосфера очень разрежена, обладает чрезвычайно малой плотностью, но с научной точки зрения приходится признать ее существование...

— Только не на лунных горах, с вашего разрешения! — возразил незнакомец, который еще не думал сдаваться.

— Быть может, но в долинах она есть, даже если ее высота не превышает несколько сот футов.

— Во всяком случае, советую вам принять меры предосторожности, потому что ваш лунный воздух окажется невероятно разреженным.

— О, дорогой мой, на одного человека хватит! К тому же, добравшись туда, я буду соблюдать возможную экономию воздуха и постараюсь дышать лишь в редких, особых случаях.

Разразился оглушительный взрыв хохота. Незнакомец гордо, с вызывающим видом оглядел собрание.

— Итак, — непринужденно продолжал Мишель Ардан, — вы со мной согласились, что на Луне есть

некоторая атмосфера. А если так, то должно быть хоть «некоторое» количество воды. Это обстоятельство лично меня весьма радует. Кроме того, любезный мой оппонент, позвольте вам сообщить еще одно соображение. Ведь мы знаем одну только сторону лунного шара, которая обращена к Земле, — и если на этой стороне очень мало воздуха, то, быть может, на другой его вполне достаточно.

— Это почему?

— А потому, что Луна под влиянием земного притяжения приняла форму яйца, которое обращено к нам своим более острым концом. С этим предположением согласуются и вычисления Гагзена, доказывающие, что центр тяжести Луны лежит в ее заднем полушарии. А отсюда в свою очередь следует, что главная масса лунного воздуха и воды должна была устремиться на противоположную сторону земного спутника еще в первые дни творения.

— Чистейшая фантазия! — воскликнул незнакомец.

— Напротив! Чистейшая теория, опирающаяся на основные законы механики, и я не вижу возможности ее опровергнуть. А потому обращаюсь ко всем слушателям и прошу поставить на голосование вопрос: возможна ли на Луне жизнь, подобная той, которая существует на Земле?

Долго не смолкавшие рукоплескания трехсот тысяч слушателей встретили это предложение. Противник Мишеля Ардана хотел еще говорить, но его никто не слушал. Градом посыпались на него крики и угрозы.

— Довольно! Довольно! — кричали одни.

— Гоните его в шею! — вопили другие.

— Вон! вон! — ревела разъяренная толпа.

Но незнакомец стоял неподвижно — только схватился за перила эстрады — и с вызывающим видом ждал, пока буря утихнет. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Мишель Ардан жестом не успокоил расходившиеся страсти.

Он был слишком великодушен, чтобы оставить своего соперника беззащитным перед толпой.

— Быть может, вы желаете сказать еще несколько слов? — обратился он к незнакомцу самым любезным тоном.

— Да! Сто, тысячу слов! — ответил незнакомец запальчиво. — Или нет, только одно! Упорствовать в таком намерении может только человек...

— Неосторожный? Неужели вы считаете меня неосмотрительным, ведь я потребовал от моего друга Барбикена заменить круглую бомбу цилиндро-коническим снарядом, чтобы в пути не вертеться, как белка в колесе?

— Но вы забываете, несчастный, что толчок при вылете ядра разнесет вас в клочья!

— Дорогой мой оппонент, вот теперь вы попали в цель: это самая настоящая и даже единственная опасность. Однако я верю в изобретательный гений американцев и убежден, что они что-нибудь да придумают.

— Ну, а жар, который разовьется при страшной скорости снаряда от сопротивления атмосферы?

— О, стенки снаряда достаточно толсты! К тому же я мигом перелечу через атмосферу!

— Ну, а съестные припасы? Вода?

— Я рассчитал, что могу захватить припасов на целый год, а в пути я буду находиться лишь четверо суток.

— А чем дышать в пути?

— Можно химически очищать воздух!

— А удар при падении на Луну, если только ядро до нее долетит?

— О, этот удар будет в шесть раз менее силен, чем при падении на Землю, потому что лунное притяжение в шесть раз слабее земного.

— Но и этого удара хватит, чтобы разбить вас вдребезги, как стекло!

— А что мне помешает ослабить силу падения при помощи ракет, которые я буду пускать в нужное время?

— Но, наконец, допустим даже, что вы преодолеете все опасности и все сложится так невероятно удачно, что вы долетите до Луны здоровым и невре-

димым, — каким образом вы оттуда вернетесь на Землю?

— А я совсем не вернусь!

При этом ответе, простота которого еще резче подчеркивала героизм Мишеля Ардана, все собрание точно онемело. Это молчание было красноречивее всяких криков восторга. Незнакомец воспользовался тишиной, чтобы высказать последний протест.

— Но вы неизбежно убьете себя, — выкрикнул он во весь голос, — и ваша смерть будет смертью безумца! Она даже ничего не даст науке!

— Продолжайте, великодушный незнакомец. Признаться, у вас довольно приятная манера предсказывать.

— О, это уже слишком! — воскликнул противник Мишеля Ардана. — Не знаю, зачем я продолжаю такой несерьезный спор. Летите себе, куда хотите! Вы просто невменяемы...

— Продолжайте. Не стесняйтесь.

— Нет! Не на вас падет ответственность за это безумное дело!

— На кого же? Говорите! — Голос Ардана стал сразу повелительным.

— На того невежду, который выдумал эту дикую, нелепую затею!

Было ясно, в кого метил незнакомец. Барбикен уже давно делал страшные усилия, — «пережигая свой дым», как говорят машинисты, — чтобы сдержать себя, однако, получив такое оскорбление, вскочил и устремился было на незнакомца, который бросал ему вызов в лицо, как вдруг между ними встала преграда.

Толпа ринулась к эстраде. Сотни дюжих рук сорвали ее, подняли на плечи и торжественно понесли Барбикена и Мишеля Ардана. Подмостки были очень тяжелы, но носильщики непрерывно сменялись. Всякий спорил, толкался, боролся за честь подставить свои плечи под эту новую триумфальную колесницу.

Незнакомец не пожелал воспользоваться происшедшим беспорядком, чтобы скрыться. Да и удалось ли бы ему пробиться через такую густую толпу? Конечно, нет. Во всяком случае, он попрежнему стоял

в первом ряду, скрестив руки, пожирая глазами председателя Барбикена.

Барбикен также не терял его из виду. Взгляды этих двух людей скрещивались, как сверкающие клинки противников в смертельном поединке.

Восторженные крики толпы не смолкали в продолжение этого триумфального шествия. Мишель Ардан предоставил себя воле толпы с очевидным удовольствием. Его лицо так и сияло от радости. По временам эстрада покачивалась то взад и вперед, то с боку на бок, — как корабль на морских волнах. Но герои митинга не боялись морской качки: они твердо держались на ногах, и их судно добралось без аварий до гавани Тампа.

Тут Мишелю Ардану удалось выскользнуть из могучих объятий своих страстных поклонников; добежав до гостиницы, он заперся у себя в номере и тотчас же лег в постель, а многотысячная толпа долго еще гудела под его окнами.

В то же самое время краткий, но серьезный и решительный разговор произошел между таинственным незнакомцем и председателем «Пушечного клуба».

Как только Барбикен освободился, он прямо направился к своему противнику.

— Идите за мной! — отрывисто сказал он.

Незнакомец последовал за ним по направлению к набережной. Скоро они очутились одни на пристани, перед верфью, на улице Джонс Фолла.

Тут враги взглянули друг другу в глаза.

— Кто вы такой? — спросил Барбикен.

— Капитан Николь.

— Я так и знал. До сих пор случай еще не ставил вас на моем пути.

— Поэтому я сам встал вам поперек дороги.

— Вы меня оскорбили.

— Оскорбил публично.

— И вы ответите за оскорбление!

— Хоть сейчас.

— Нет. Я хочу, чтобы это осталось тайной между нами. В трех милях от города есть лес Скерсно. Вы его знаете?

— Знаю.

— Не угодно ли вам войти в этот лес с любой стороны в пять часов угра?

— Да, если только вы в тот же час войдете в лес с другой стороны.

— И вы не забудете захватить ружье? — добавил Барбикен.

— Надеюсь, что и вы тоже, — ответил Николь.

После этих фраз, произнесенных ледяным тоном, председатель «Пушечного клуба» и Николь расстались. Барбикен вернулся домой, но, вместо того чтобы отдохнуть хоть несколько часов, он провел всю ночь над решением трудного вопроса, поставленного на митинге Мишелем Арданом, — каким способом ослабить отдачу снаряда при выстреле?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Как француз улаживает дело.

Пока председатель «Пушечного клуба» и капитан Николь вырабатывали условия своей американской дуэли (это самая страшная форма дуэли, при которой один противник охотится за другим), Мишель Ардан сладко покоился на своей постели, отдыхая после триумфа. Впрочем, слово «покоился» — не совсем точное выражение, потому что американская постель едва ли мягче мраморной или гранитной плиты.

Поэтому Ардану спалось довольно плохо; он ворочался с боку на бок между простынями величиной с пеленку, мечтая о том, как он поставит в своем снаряде комфортабельную кушетку. Вдруг сквозь дремоту послышался страшный шум: кто-то отчаянно ломился к дверь; стучали каким-то инструментом. Этот стук, столь необычный в такую раннюю пору, сопровождался громкими воплями.

— Отоприте! — кричали из коридора. — Ради бога, отоприте! — Ардан мог и не исполнять такую странную просьбу, но он все-таки встал и отворил дверь в ту

минуту, когда она чуть не сорвалась с петель под ударами настойчивого посетителя. В комнату ворвался секретарь «Пушечного клуба». Кажется, бомба и та не влетела бы так бесцеремонно.

— Вчера вечером на митинге, — крикнул Мастон ex abrupto [1], — наш председатель подвергся публичному оскорблению! Он вызвал оскорбителя на дуэль, и этот оскорбитель — не кто иной, как капитан Николь. Они сегодня утром дерутся в лесу Скерсно. Я все узнал от самого Барбикена. Если его убьют, пропало наше предприятие! Надо помешать этой дуэли! Один только человек во всем мире может остановить Барбикена, и этот человек — вы, Мишель Ардан!

Ардан не прерывал, не расспрашивал Мастона. Он живо схватил свои широченные брюки, и не прошло и двух минут, как друзья Барбикена со всех ног неслись по улицам Тампа, направляясь к заставе.

На бегу Мастон успел познакомить Ардана с положением вещей. Он рассказал про старинную вражду между Барбикеном и Николем, по какой причине она возникла и почему председатель клуба и капитан благодаря стараниям своих друзей ни разу до сих пор не встречались. Мастон прибавил, что дело было исключительно в соперничестве между ядром и броней. Столкновение на митинге было для Николя только предлогом, чтобы свести старые счеты с Барбикеном.

Трудно придумать что-нибудь ужаснее американской дуэли, во время которой противники выслеживают друг друга в зарослях, подстерегая, прячась за кустами, и стараются подстрелить противника в лесной чаще, как дикого зверя. Для американской дуэли требуются исключительные качества краснокожих обитателей прерий: находчивость, хитрость, изобретательность, умение выслеживать и «чуять» врага. Малейшая ошибка, колебание, неверный шаг могут стоить жизни. На эти поединки янки нередко берут с собой охотничьих собак, и тогда каждый противник, являясь одновременно и охотником и дичью, часами выслеживает врага.

---

[1] Без предисловий *(лат.)*.

— Дьяволы вы, а не люди! — воскликнул Мишель, когда Мастон в ярких красках описал ему эти дикие нравы.

— Уж какие есть... — скромно ответил Мастон. — Однако надо торопиться.

Но как они ни спешили, бегом пересекая поле, еще мокрое от росы, топча рисовые плантации, перепрыгивая через ручьи, они добрались до леса лишь к половине шестого. Следовательно, Барбикен уже целых полчаса был в лесу.

На краю леса работал старый дровосек, связывая нарубленные дрова.

Мастон подбежал к нему, крича:

— Вы не видали, как в лес входил человек с ружьем? Председатель Барбикен... мой лучший друг...

Достойный секретарь «Пушечного клуба» простодушно полагал, что все в Америке знают его председателя. Однако по лицу дровосека было видно, что он ничего не понял.

— Охотника! — пояснил тогда Ардан.

— Охотника? Да, охотника видел, — отвечал дровосек.

— Давно?

— С час будет.

— Опоздали! — воскликнул Мастон.

— Ну, а выстрелы слышали? — спросил Ардан.

— Нет. Не слыхал.

— Ни одного выстрела?

— Ни единого. Охотник-то, видать, не из важных.

— Что же делать? — вырвалось у Мастона.

— Идти в лес и отыскивать их, рискуя подцепить пулю, предназначенную не для нас.

— Ах, лучше десять пуль мне в череп, чем одну в голову Барбикена! —воскликнул Мастон таким тоном, в искренности которого нельзя было сомневаться.

— Ну, так вперед! — крепко пожимая руку товарищу, крикнул Ардан.

Через несколько секунд они уже скрылись в густых зарослях. Стеной стояли великаны кипарисы, сикоморы, тюльпанные деревья, оливы, тамаринды, дубы и магнолии. Деревья тесно переплетались ветвями, и

сквозь них ничего не было видно даже в нескольких шагах. Мишель Ардан и Мастон шагали бок о бок, пробираясь сквозь высокие травы, прокладывая себе дорогу через толстые лианы, пристально вглядываясь в кусты и сплетения ветвей, в темную чащу леса, ожидая на каждом шагу услыхать страшный звук ружейного выстрела.

Индеец, быть может, и сумел бы разыскать следы, которые должен был оставить Барбикен, но Ардан с Мастоном шли наугад, вслепую, с трудом пробираясь сквозь дебри.

Прошел час в бесплодных поисках. Друзья остановились. Тревога их все росла.

— Должно быть, все кончено! — произнес обескураженный Мастон. — Такой человек, как Барбикен, не станет пускаться на хитрости, он не устроит ни засады, ни западни! Он слишком храбр, слишком честен! Он пошел прямо навстречу опасности и, вероятно, настолько удалился от дровосека, что тот не слышал выстрела.

— Ну, а мы сами? А мы? — возразил Ардан. — Неужели мы не услыхали бы: уже битый час мы бродим по лесу.

— А что, если мы опоздали? — воскликнул Мастон с отчаяньем в голосе.

Мишель Ардан не знал, что ему ответить. Они двинулись дальше. Время от времени они громко звали Барбикена и Николя, но ни тот, ни другой не отвечали на их призыв. Резвые стайки птиц вспархивали с ветвей, вспугнутые криком, и уносились в чащу, лани шарахались от людей и исчезали в дебрях.

Еще добрый час они рыскали в чаще. Обошли уже большую часть леса. Но нигде не было видно ни малейшего следа поединка. Они уже начали сомневаться в словах дровосека и Ардан уже готов был прекратить бесплодные поиски, как вдруг Мастон остановился как вкопанный.

— Тсс! — произнес он. — Там кто-то есть!

— Кто?

— Мужчина! Он стоит неподвижно. Ружья у него не видно... Что же он делает?

— Ты его узнаёшь? — спросил Ардан, который ничего не мог разглядеть из-за своей близорукости.

— Да, да! Вот он обернулся! — отвечал Мастон.

— Кто же это?

— Капитан Николь!

— Николь! — воскликнул Ардан, и сердце у него болезненно сжалось.

— Николь без оружия! Значит, ему больше нечего бояться своего врага!

— Идем к нему! — решительно сказал Мишель Ардан. — По крайней мере узнаем правду!

Пройдя несколько десятков шагов, они остановились, чтобы получше разглядеть капитана. Они ожидали увидеть человека, насытившегося кровью, празднующего победу! То, что они увидели, совершенно их ошеломило.

Между двумя громадными тюльпанными деревьями была натянута густая сетка, и в ней, жалобно пища, барахталась запутавшаяся крыльями крошечная птичка. Что за птицелов расставил эту страшную сеть? Это был ядовитый флоридский паук, величиной с голубиное яйцо, с длинными лапками. Но отвратительное насекомое не успело завладеть своей жертвой; неожиданно завидев страшного врага, оно поспешно скрылось в густых ветвях тюльпанного дерева.

Положив ружье на землю и забыв об опасности своего положения, капитан Николь старался как можно осторожнее высвободить птичку из сети, раскинутой чудовищным пауком.

Наконец, это ему удалось, он выпустил птичку из рук, и та, весело взмахнув крылышками, быстро исчезла в вышине.

Николь с умилением следил за ее полетом среди ветвей. Вдруг у него над самым ухом раздались слова, произнесенные растроганным голосом:

— А ведь вы славный человек!

Николь обернулся. Перед ним стоял Мишель Ардан, повторяя на все лады:

— Великодушный, милейший человек!

— Мишель Ардан? — воскликнул Николь. — Что вам тут надо, милостивый государь!

— Пожать вам руку, Николь, и главное помешать вам убить Барбикена, а Барбикену не дать убить вас.

— Барбикен! — воскликнул капитан. — Я уже битых два часа его ищу. Куда он спрятался?..

— Николь! — перебил его Ардан. — Это уж невежливо с вашей стороны. Надо уважать своего противника. Будьте спокойны, если Барбикен жив, мы скоро его отыщем. И это тем легче, что и он вас разыскивает... если только не занялся, подобно вам, освобождением птичек, попавших в беду. Но когда мы его отыщем, — попомните слово Мишеля Ардана! — о дуэли не будет и речи.

— Между председателем Барбикеном и мною такая давняя вражда, — многозначительно сказал капитан Николь, — что только смерть одного из нас...

— Ну, вот еще! Будет вам! — перебил Ардан. — Такие славные люди, как вы и Барбикен, пожалуй, могут ненавидеть друг друга, но обязаны один другого уважать. Вы не будете драться!

— Нет! Я буду драться, милостивый государь!

— Не будете!

— Капитан, — горячо воскликнул Мастон, — я близкий друг председателя, его alter ego [1]. Если уж вам непременно хочется кого-нибудь укокошить, стреляйте в меня: не все ли вам равно?

— Милостивый государь! — воскликнул Николь, судорожно сжимая ружье, — эти неуместные шутки...

— Моему другу Мастону совсем не до шуток, — перебил его Мишель Ардан, — и я понимаю его желание умереть за человека, которого он горячо любит. Но ни он, ни Барбикен не падут от пули капитана Николя, потому что я сделаю вам и Барбикену такое соблазнительное предложение, что вы оба поспешите его принять.

— А что это за предложение? — спросил Николь с недоверием в голосе.

— Терпение! — отвечал Ардан. — Я могу его изложить только в присутствии Барбикена.

---

[1] Второе «я» *(лат.)*.

— В таком случае давайте его искать! — воскликнул капитан.

Все трое пустились дальше. Капитан молча разрядил свое ружье, вскинул его на плечо и двинулся вперед стремительной походкой.

Прошло полчаса в бесплодных поисках. Мастон не мог отделаться от черных мыслей. Он мрачно всматривался в Николя и спрашивал себя: быть может, капитан уже совершил свою месть и злополучный Барбикен, сраженный его пулей, лежит где-нибудь весь в крови. Казалось, Мишеля Ардана тревожили такие же мрачные думы. Оба пронизывали взглядом капитана Николя, точно собираясь потребовать от него ответа. Внезапно Мастон остановился.

Шагах в двадцати, по пояс в траве, виднелся человек. Он сидел, прислонясь к стволу гигантской катальпы.

— Это он! — воскликнул Мастон.

Барбикен сидел совершенно неподвижно. Мишель Ардан вонзился взглядом в капитана, но тот даже не сморгнул. Сделав несколько шагов, Ардан крикнул:

— Барбикен! Барбикен!

Никакого ответа. Ардан бросился к своему другу и готов уже был схватить его за руку, но внезапно остановился с криком изумления.

Барбикен водил карандашом по страницам своей записной книжки: набрасывал формулы, чертил геометрические фигуры. На земле возле него валялось незаряженное ружье.

Поглощенный работой, совершенно позабыв о дуэли и о мести, ученый ничего не видел, ничего не слышал.

Но когда Мишель Ардан положил руку ему на плечо, Барбикен очнулся и поднял на Ардана удивленный взгляд.

— Ах! — воскликнул он, наконец. — Это ты? Здесь? Я нашел! Знаешь, мой друг, я нашел!

— Что нашел?

— Способ!

— Какой способ?

— Способ ослабить толчок при вылете снаряда!

— Неужели? — спросил Ардан, озираясь в то же время на Николя.

— Да! Вода! Вода, которая будет играть роль пружины... Ах, Мастон! — воскликнул Барбикен. — И вы тут!

— Он самый! — ответил Мишель Ардан. — А кстати позволь представить тебе почтенного капитана Николя.

— Николь! — вскрикнул Барбикен, вскакивая на ноги. — Простите, капитан, — добавил он, — я совершенно забыл... Теперь я готов!

Ардан тотчас же вступился, чтобы не дать противникам сцепиться.

— Черт побери! Какое счастье, что вы, друзья мои, не встретились раньше. Пришлось бы нам теперь оплакивать смерть одного из вас... Но, слава богу, все благополучно. Ну, какие же вы дуэлянты, если один погружен в разрешение проблем механики и позабыл обо всем на свете, а другой увлекся борьбой с пауком, позабыв о своем враге?

И Мишель Ардан рассказал председателю, что случилось с Николем.

— Ну, еще раз я спрашиваю вас обоих, — продолжал Ардан, — неужели такие прекрасные люди для того только созданы, чтобы прострелить друг другу голову?

Все происшедшее было так неожиданно и даже нелепо, что Барбикен и Николь растерялись, не зная, как выйти из создавшегося положения. Мишель Ардан понял их настроение и решил немедленно их помирить.

— Друзья мои, — сказал он с очаровательной улыбкой, — между вами простое недоразумение. Ничего больше! Вы оба доказали, что не дорожите своей жизнью... Докажите теперь, что покончили со всеми своими старыми счетами: примите предложение, которое я хочу вам сделать.

— Говорите, — сказал Николь.

— Друг Барбикен уверен, что его снаряд долетит до Луны, не так ли?

— Конечно, долетит! — воскликнул председатель.

— А друг Николь полагает, что снаряд упадет обратно на Землю.

— Я в этом совершенно убежден! — воскликнул капитан.

— Отлично, — продолжал Мишель Ардан. — Я не собираюсь вас мирить, но попросту вам предлагаю: давайте полетим все вместе, а там посмотрим, кто прав.

— А? Что? — ошалев, воскликнул Мастон.

Услыхав такое предложение, противники взглянули друг на друга. Барбикен смотрел в упор на капитана, ожидая его ответа; Николь уставился на Барбикена, подстерегая первое его слово.

— Ну, так что же? — продолжал Мишель Ардан самым приветливым тоном. — Ведь толчка теперь бояться нечего...

— Согласен! — крикнул Барбикен.

Но, несмотря на стремительность его ответа, из уст капитана Николя одновременно вырвалось то же самое слово.

— Ура! Браво! Виват! Гип-гип! — крикнул Мишель Ардан, протягивая руки недавним противникам. — Ну, а теперь, когда дело улажено, позвольте, друзья мои, по французскому обычаю, угостить вас. Идемте-ка завтракать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Новый гражданин Соединенных Штатов.

Телеграф в тот же день разнес по всем Соединенным Штатам весть о поединке между председателем Барбикеном и капитаном Николем и о необычайной его развязке. Роль, которую в этой истории сыграл великодушный европеец, его неожиданное предложение, устранившее все трудности, согласие соперников на его предложение, союз представителя Франции и представителей Соединенных Штатов для завоевания Луны — все это еще увеличило популярность Мишеля Ардана. Всем известно, с какою страстностью амери-

канцы привязываются к человеку, заслужившему их уважение. Можно себе представить, какую бурю восторгов вызвал этот француз в стране, где порой даже самые важные государственные мужи, в пылу увлечения, впрягаются в карету балерины и с триумфом везут ее по многолюдным улицам. Если не выпрягали лошадей Ардана, то по той лишь причине, что у него их не было. Зато каких только он ни получал доказательств преклонения и восторга! Не было американца, который остался бы к нему равнодушен. «Ex pluribus unum» [1] — таков девиз Соединенных Штатов.

С этого дня Мишель Ардан не имел ни минуты покоя. С утра до ночи к нему являлись депутации со всех концов Америки, и все эти депутации он волей-неволей должен был принимать. Невозможно счесть, сколько рук он пожал за эти дни, сколько было выпито дружеских брудершафтов. Скоро он совсем выдохся. От бесчисленных спичей горло его так охрипло, что из губ вылетали какие-то нечленораздельные звуки; от бокалов вина, которые ему пришлось выпить в честь всех округов Соединенных Штатов, он едва не получил острый катарр желудка.

Такой сумасшедший успех с первого же дня опьянил бы всякого другого, но Мишель Ардан сумел удержаться на грани опьянения, сохраняя свое остроумие и обаятельную веселость.

В числе депутаций, осаждавших Мишеля Ардана, были и лунатики, которые сочли своим долгом представиться будущему завоевателю Луны. В один прекрасный день эти несчастные, которых в Америке довольно много, обратились к нему с просьбой взять их с собой и доставить на лунную родину. Некоторые из них утверждали, что владеют «лунным языком», и предлагали научить его говорить «по-селенитски». Мишель Ардан пошел навстречу их безобидной мании и обещал исполнить все их маленькие поручения на Луне.

— Странная мания! — сказал он Барбикену, спровадив депутацию лунатиков. — А ведь нередко ей

---

[1] «Единственный среди многих» *(лат).*

бывают подвержены самые умные люди. Один из наших известных ученых Араго говорил мне, что ему приходилось встречать немало серьезных и осторожных в своих суждениях людей, которые сразу теряли душевное равновесие и начинали нести дикий вздор, как только речь заходила о Луне. Скажи, ты веришь, что Луна может влиять на здоровье человека?

— Нет,—отвечал председатель «Пушечного клуба».

— Я тоже не верю, однако известны поразительные факты в этой области. Так, например, в тысяча шестьсот девяносто третьем году, во время сильной эпидемии, больше всего смертных случаев пришлось на двадцать первое января, а в этот день было лунное затмение. Знаменитый Бэкон всякий раз, как только начиналось лунное затмение, лишался чувств и приходил в себя лишь после того, как оно кончалось. Король Карл Шестой в тысяча триста девяносто девятом году шесть раз впадал в безумие, и каждый приступ совпадал или с новолунием, или с полнолунием. Некоторые медики обнаружили связь между приступами падучей болезни и фазами Луны; такая же связь наблюдается будто бы и при некоторых нервных заболеваниях. Например, Мэд приводит случай с ребенком, у которого при каждом полнолунии появлялись судороги. Галль утверждал, что у вялых людей повышенная деятельность наблюдается лишь два раза в месяц — во время полнолуния и новолуния. Есть еще множество наблюдений того же рода относительно злокачественных лихорадок, головокружений, припадков сомнамбулизма, которые, по мнению многих, доказывают таинственное влияние Луны на организм человека.

— Но каким образом? Почему? — удивился Барбикен.

— Почему? — повторил Ардан. — Не знаю. Могу лишь повторить то, что первым сказал Плутарх, а девятнадцать веков спустя Араго: «Быть может потому, что это неправда»!

Положение знаменитости принесло Мишелю Ардану и все неприятности, неизбежно связанные с этой ролью. Его стали донимать антрепренеры. Бар-

нум предложил ему миллион за турне по Соединенным Штатам, намереваясь таскать его из города в город и показывать, как диковинного зверя; но Ардан обозвал Барнума «вожаком слонов» и выставил за дверь.

Общественное любопытство должно было удовлетвориться портретами Мишеля Ардана; они быстро распространились по всему свету и заняли почетное место во всех альбомах. Снимки были всех размеров: начиная с натуральной величины до миниатюр в почтовую марку. Каждый мог видеть своего героя во всевозможных позах: одну голову, по пояс, во весь рост, в профиль, в три четверти, анфас и даже со спины. Число портретов Мишеля Ардана достигло миллиона пятисот тысяч экземпляров. У Ардана был прекрасный случай поторговать реликвиями: за каждый его волос, наверное, дали бы по доллару и больше, что, при его львиной гриве, принесло бы ему целое состояние. Но он не воспользовался этим случаем.

Нельзя сказать, чтобы эта популярность была ему не по душе. Он охотно общался с публикой и готов был вести переписку со всеми на свете. Повсюду повторяли его остроты, причем нередко приписывались ему и такие, в которых он был совершенно неповинен. Публика верила всему, так как запас остроумия Мишеля Ардана казался неисчерпаемым.

Нечего и говорить, что женщины увлекались Мишелем Арданом не меньше, чем мужчины. Он получил несчетное число предложений «прекрасных партий», — дело оставалось только за ним. В особенности престарелые, высохшие мисс, которым уже перевалило за сорок, день и ночь вздыхали над его портретами. Без сомнения, Ардан нашел бы себе сколько угодно подруг жизни, даже если бы он поставил им условие — лететь с ним на Луну. Женщины вообще неустрашимы, за исключением тех, которые боятся всего на свете. Но он вовсе не собирался обзаводиться семьей на Луне и разводить там франко-американское потомство. Итак, он наотрез отказывался от всех предложений.

— Извольте-ка, — говорил он, — разыгрывать на Луне роль Адама с какой-нибудь дочерью Евы... Благодарю покорно! Того гляди еще встретишь там змея...

Когда ему, наконец, удалось отделаться от всех поклонников, он отправился с друзьями осматривать колумбиаду. Это был благодарственный визит, так как именно ей он был обязан своей славой. Благодаря постоянным беседам с Барбикеном, Мастоном и tutti quanti Мишель Ардан стал неплохо разбираться в баллистике. Любимым его удовольствием было дразнить своих друзей артиллеристов, доказывая, что они не что иное, как убийцы, правда, очень ученые и любезные. Шуткам его не было конца.

Ардан с восхищением осматривал колумбиаду и спустился на дно гигантской пушки, которая вскоре должна была его подбросить до самой Луны.

— Колумбиада, — сказал он, — хороша уже тем, что она никому не причинит вреда. Не то что ваши пушки, которые приносят только горе, разрушение, смерть!

Здесь необходимо упомянуть о случае с секретарем «Пушечного клуба». Как только Барбикен и Николь согласились на предложение Ардана лететь на Луну, Мастон, тотчас же решив, что и он к ним присоединится и они совершат путешествие вчетвером, тут же попросил взять его с собой. Барбикен скрепя сердце вынужден был ему отказать, указав, что снаряд может захватить самое большее трех пассажиров.

Огорченный до глубины души, Мастон бросился к Мишелю Ардану, и тот постарался его утешить различными доводами ad hominem.

— Видишь ли, старина... Ты, пожалуйста, не обижайся и не истолкуй моих слов в дурную сторону, но, между нами говоря, ты слишком несовершенен, чтобы явиться на Луну!

— Несовершенен? — воскликнул неистовый инвалид.

— Ну да, дружище! Представь себе, что там, на Луне, мы встретим жителей. Разве тебе самому будет приятно оказаться печальной иллюстрацией того, что творится здесь, у нас на Земле. Ведь селениты благодаря тебе узнают, что люди на Земле тратят драгоценное время на то, чтобы пожирать друг друга, отрывать руки и ноги, истреблять своих ближних; поймут,

почему на нашей планете нет и полутора миллиардов жителей, хотя она свободно могла бы прокормить целых сто миллиардов. Знаешь что, милый друг, — да ведь из-за тебя они могут вышвырнуть нас за дверь!

— Ну, а если вы долетите до Луны, разорванные на клочки? — возразил Мастон. — Вы тогда будете еще менее «совершенны», чем я.

— Это, положим, так, — ответил Мишель Ардан, — но я уверен, что мы долетим туда в целости и сохранности.

Ардан действительно в это верил. И в самом деле, скоро его слова получили подтверждение. Предварительный опыт, произведенный 18 октября, дал превосходные результаты и позволил надеяться на успех. Чтобы испытать силу толчка в момент вылета снаряда, Барбикен выписал из арсенала Пенсаколы тридцатидвухдюймовую мортиру. Ее установили на берегу бухты Хилсборо так, чтобы бомба упала прямо в море, что должно было ослабить удар. Надо было испытать силу первоначального толчка. Для этого любопытного опыта был специально изготовлен полый снаряд. В нем были сделаны двойные стенки, между которыми находилась сеть пружин из лучшей стали. Это было настоящее гнездо, устланное ватой.

— Как жаль, что там нельзя поместиться! — сказал Мастон, досадуя, что размеры снаряда не позволяют ему испытать опыт на себе.

В эту прелестную бомбочку, в которой было герметически закрывавшееся отверстие, посадили большого кота, а затем маленькую ручную белку, принадлежавшую непременному секретарю «Пушечного клуба». Любимица Мастона, привыкшая постоянно вертеться в колесе, не должна была пострадать от головокружения.

Мортиру зарядили ста шестьюдесятью фунтами пороха, затем в нее опустили снаряд. Последовал выстрел.

Бомба величаво описала параболу, достигла высоты примерно тысячи футов, затем, начертив изящную кривую, нырнула в волны бухты.

Не теряя ни минуты, к месту падения бомбы понеслась легкая лодка. Опытные ныряльщики быстро нашли бомбу на дне бухты и, привязав веревку к ее ушкам, подняли на поверхность и втащили в лодку. Все это — от момента, когда животные были посажены в бомбу, до открытия ее крышки — заняло не более пяти минут.

В лодке находились Ардан, Барбикен, Николь и Мастон. С понятным волнением следили они за отвинчиванием крышки. Не успели ее открыть, как из бомбы выпрыгнул кот, весь взъерошенный, но полный жизни и сил. Глядя на него, нельзя было подумать, что он только что совершил воздушное путешествие.

Но белки в бомбе не оказалось. Перешарили все уголки. Никаких следов! Пришлось признать печальную истину, что кот съел свою спутницу.

Мастон был очень опечален гибелью своей любимицы и решил упомянуть о ней в мартирологе жертв науки.

Как бы то ни было, после этого опыта исчезли последние колебания и опасения. К тому же Барбикен собирался еще усовершенствовать чертежи снаряда и почти свести на нет толчок. Теперь можно было спокойно отправляться в путь.

Через два дня Мишель Ардан получил от президента Соединенных Штатов пакет, который порадовал его больше всех прежних почестей.

Правительство пожаловало его званием почетного гражданина Соединенных Штатов. До Мишеля Ардана только один француз удостоился такой чести — это был знаменитый маркиз де Лафайет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вагон-снаряд.

Когда прославленная колумбиада была сооружена, общественное внимание сосредоточилось на снаряде, который должен был служить вагоном для трех от-

чаянных смельчаков, решившихся полететь на Луну. Все помнили, что Мишель Ардан еще в своей телеграмме от 30 сентября потребовал, чтобы внесли изменения в проект снаряда, принятый комитетом «Пушечного клуба». Вначале председатель Барбикен не без оснований думал, что форма снаряда не имеет особого значения, так как он в несколько секунд пролетит сквозь земную атмосферу и будет совершать весь дальнейший полет в пустом пространстве. Поэтому комитет решил пустить круглую бомбу, чтобы она свободно вращалась и вела себя, как ей заблагорассудится.

Но предложение Мишеля Ардана совершенно изменило постановку вопроса. Мишель Ардан заявил, что он не желает крутиться, как белка в колесе. Он хотел путешествовать в нормальном положении, с таким же «достоинством», как, например, в гондоле воздушного шара, но, разумеется, гораздо быстрее, и вовсе не собирался кувыркаться самым непристойным образом в крутящемся ядре.

Поэтому завод «Брэдвиль и К°» в Олбани получил своевременно чертежи и заказ на снаряд новой формы, с указанием спешно его выполнить. Отливка была удачно произведена 2 ноября, и снаряд был немедленно отправлен по восточной железной дороге в Стонзхилл.

10 ноября он благополучно прибыл к месту назначения. Мишель Ардан, Барбикен, Николь с нетерпением ожидали вагон-снаряд, в котором они должны были полететь на завоевание нового мира.

Снаряд оказался чудом металлургии и делал честь индустриальному гению американцев. Никогда еще до сих пор не добывали сразу такого огромного количества алюминия, и уже одно это можно было считать необычайным достижением техники. Дратоценный снаряд ярко сверкал на солнце. Коническая верхушка придавала ему сходство с массивными караульными башенками, которыми в былые времена средневековые архитекторы украшали углы крепостных стен; недоставало лишь узеньких бойниц и флюгера на крыше.

— Так и кажется, — воскликнул Ардан, — что вот-вот из нее выйдет воин с аркебузой и в стальных латах! А мы в ней будем жить, точно феодальные бароны. Захватить бы две-три пушки, и мы одолели бы всю армию селенитов, если только на Луне есть жители!

— Значит, тебе нравится наш экипаж? — спросил Барбикен.

— О да, да, еще бы, — отвечал Ардан, рассматривая снаряд глазами художника. — Жаль только, что контур простоват, да и конус мог бы быть изящнее. Надо было бы увенчать его гирляндой металлического орнамента, изобразить, например, химеру или саламандру, выскакивающую из огня с распростертыми крыльями и разверстой пастью!

— К чему это? — спросил Барбикен, который в силу своего практического склада был мало впечатлителен к красотам искусства.

— Ты спрашиваешь «к чему», друг Барбикен! Увы, раз ты мне задаешь такой вопрос, я боюсь, что ты никогда не поймешь ответа...

— А ты все-таки попробуй ответить, дружище.

— Видишь ли: по-моему, надо во все, что мы делаем, вносить как можно больше красоты, изящества. Знаешь индусскую пьесу, которая называется «Тележка ребенка»?

— Даже названия не слыхал, — признался Барбикен.

— Это меня ничуть не удивляет, — продолжал Мишель Ардан. — Так узнай же, что в этой пьесе выведен вор, который собирается проделать дыру в стене и спрашивает себя, какую бы форму придать отверстию: лиры, цветка, птички или вазы? Скажи мне, друг Барбикен: будь ты в те времена присяжным, осудил бы ты этого вора?

— Без малейших колебаний! — ответил председатель «Пушечного клуба». — Признал бы еще отягощающие обстоятельства: взлом с заранее обдуманным намерением.

— А я бы его оправдал, друг Барбикен! Вот видишь: ты никогда не сможешь меня понять.

— И даже не буду пытаться, мой доблестный художник!

— Да, внешний вид нашего вагона оставляет желать лучшего, — говорил Ардан, — но я надеюсь, что мне позволят его меблировать по своему вкусу — с комфортом и роскошью, подобающим посланникам Земли!

— В этом отношении, дорогой Мишель, — ответил Барбикен, — ты можешь развернуть всю свою артистическую фантазию: мы тебе мешать не будем.

Но прежде чем перейти к приятному, председатель «Пушечного клуба» счел долгом позаботиться о полезном и весьма разумно применил изобретенный им способ уменьшить силу первоначального толчка.

Барбикен сразу же уяснил себе, что никакая пружина не сможет ослабить удар, и во время его знаменитой прогулки в лесу Скерсно ему удалось остроумнейшим способом разрешить эту проблему. Он решил попросить этой услуги у воды, и вот каким образом.

На дно снаряда наливается слой воды толщиной в три фута, на который кладется деревянный круг, совершенно непроницаемый для воды и скользящий вдоль стенок снаряда. Путешественники помещаются на настоящем плоту. Слой воды разделен во всю ширину горизонтальными перегородками, которые одна за другой будут сплющены при толчке от выстрела. От каждого слоя проведены трубы к верхушке снаряда. Во время толчка вода в нижнем отделении, разбив перегородку, устремится по трубам наверх и будет выброшена наружу. Точно также и вода следующих отделений вплоть до верхнего. Таким образом, вода сыграет роль пружины, и деревянный круг, снабженный в свою очередь мощными пружинами, ударится о дно кабины лишь после того, как будут расплющены все перегородки. Конечно, путешественники испытают сильный толчок, после того как вся вода будет выброшена из снаряда, но все же этот толчок будет значительно ослаблен благодаря системе «водяных пружин».

Правда, слой воды в три фута на поверхности в пятьдесят четыре квадратных фута будет весить около 11 500 фунтов, но напор пироксилиновых газов в колумбиаде, по вычислению Барбикена, легко преодолеет этот добавочный балласт; кроме того, меньше чем в секунду вся вода будет выброшена, и снаряд восстановит свой нормальный вес.

Вот что придумал председатель «Пушечного клуба», пытаясь таким образом разрешить важную проблему толчка. Надо сказать, что инженеры фирмы «Брэдвиль и К⁰» прекрасно поняли его проект, и это приспособление было выполнено безупречно. После того как вода будет выброшена наружу, путешественники должны были вынуть расплющенные перегородки и разобрать по частям подвижной круг, поддерживавший их в момент вылета.

Конический потолок вагона-снаряда был обит толстым слоем кожи, под которым находились расположенные рядами спиральные пружины из лучшей стали, обладавшие упругостью часовых пружин. Выводные трубы были скрыты под этой кожаной подушкой.

Итак, путешественники приняли всевозможные меры предосторожности, чтобы смягчить первоначальный толчок. Мишель Ардан говорил, смеясь, что если он при всем этом разобьется в дребезги, — значит, его «материал» никуда не годится.

Снаряд был шириной в девять футов и вышиной в двенадцать. Чтобы ядро сохранило нормальный вес, решено было сделать боковые стенки немного тоньше и утолстить дно, которому предстояло выдержать бешеный напор газов, образующихся при взрыве пироксилина. Впрочем, таково обычное устройство бомб и цилиндро-конических снарядов.

В эту металлическую башню проникали сквозь люк в ее конической верхушке, напоминавший отверстие в паровом котле. Он герметически закупоривался алюминиевой крышкой, прикрепленной с внутренней стороны мощными болтами.

Таким образом, путешественники, достигнув ночного светила, могли в любой момент выйти из своей летучей тюрьмы.

Но им предстояло не только лететь, но и делать наблюдения в пути. Поэтому под кожаной покрышкой поместили четыре окна-иллюминатора из толстого чечевицеобразного стекла — два с боков снаряда, третий в его дне, четвертый в конической верхушке. Таким образом путешественники могли наблюдать во время перелета покидаемую ими Землю, цель их полета — Луну и звездные просторы неба. Эти иллюминаторы были защищены от начального толчка плотно пригнанными ставнями, которые потом легко было снять, отвинтив гайки. Таким образом, воздух из снаряда не выходил наружу, а в окно можно было смотреть и производить наблюдения.

Все эти механизмы, превосходно установленные, действовали с безупречной точностью и легкостью; инженеры фирмы великолепно оборудовали вагон-снаряд.

Резервуары и ящики, прикрепленные к стенам, были предназначены для хранения воды и съестных припасов, необходимых для троих путешественников Газ для освещения и для плиты хранился в особом баллоне в сжатом виде, под давлением нескольких атмосфер. Стоило повернуть кран, и снаряд освещался и начинало работать отопление. Запаса газа должно было хватить на шесть суток. Как видим, в этом вагоне-снаряде были налицо все условия, необходимые для жизни и комфорта. Кроме того, благодаря заботам и художественному вкусу Мишеля Ардана вскоре к полезному присоединилось там и приятное в виде изящных предметов. Если бы не размеры вагона, Мишель превратил бы его в настоящее ателье художника. Однако в этой металлической башне было достаточно просторно для трех человек. Внутренняя ее поверхность равнялась пятидесяти четырем квадратным футам, что при вышине в десять футов давало путешественникам известную свободу движений. Здесь им было просторнее, чем в самом комфортабельном американском железнодорожном купе.

Итак, вопрос о продовольствии и об освещении был разрешен. Оставался вопрос о воздухе. Было очевидно, что того воздуха, который путешественники

захватят с собой внутри вагона, недостаточно на четверо суток. Как известно, взрослый человек в течение одного часа потребляет весь кислород, заключенный в ста литрах воздуха. Барбикен, его два спутника и две собаки, которых они решили захватить, должны были потреблять по 2400 литров кислорода в сутки, или, переводя на меры веса, по семь фунтов. Следовательно, необходимо было во время пути непрерывно восполнять потерю кислорода. Но каким образом? По способу Рейзе и Реньо, на который ссылался Мишель Ардан в своей речи на митинге.

Воздух, как известно, представляет собой смесь нескольких газов, главным образом кислорода и азота: примерно двадцать одна часть кислорода на семьдесят девять частей азота. Что же происходит при дыхании? Человек вбирает в легкие и в кровь некоторое количество кислорода, необходимое, чтобы поддержать его существование, и выдыхает азот нетронутым. Выдыхаемый воздух беднее кислородом приблизительно на пять процентов; вместо кислорода он содержит почти такое же количество углекислоты, которая образуется в организме при соединении кислорода с кровью. Если дышать в наглухо запертом помещении, то воздух мало-помалу теряет кислород и вместе с тем обогащается углекислотой — газом, не пригодным для дыхания.

Таким образом, вопрос сводился к следующему: во-первых, как заменять потребляемый кислород таким же количеством нового и, во-вторых, как удалять выдыхаемую углекислоту. Обе задачи легко разрешались с помощью хлорноватокислого калия и едкого натра.

Хлорноватокислый калий представляет собою вещество, состоящее из белых крупинок. При нагревании свыше четырехсот градусов он выделяет кислород и превращается в хлористый калий. Для получения семи фунтов кислорода, то есть количества, необходимого для суточного потребления путешественников, достаточно было взять восемнадцать фунтов хлорноватокислого калия. Вот каким путем восстанавливался запас кислорода.

Едкий натр — вещество, энергично поглощающее углекислоту, которая всегда находится в атмосфере. Стоит взболтать раствор едкого натра, и он тотчас начинает поглощать углекислоту, которая вместе с натром образует угленатровую соль. Вот каким образом устранялась углекислота.

Итак, одновременно добывая кислород и удаляя углекислоту, можно восстанавливать живительные свойства воздуха. Химики Реньо и Рейзе доказали это на целом ряде опытов. Однако эти опыты до сих пор производились только над животными. Поэтому, несмотря на весь авторитет упомянутых ученых, рискованно было подвергать подобному опыту людей при невозможности во-время изменить его обстановку.

Таков был вывод, к которому единогласно пришли на заседании комитета, где обсуждался этот важный вопрос. Мишель Ардан, желая удостовериться в пригодности способа Рейзе и Реньо, предложил испробовать его на себе еще до отлета снаряда.

Но Дж. Т. Мастон энергично потребовал, чтобы именно ему предоставили честь такого испытания.

— Ведь вы не берете меня с собой! — заявил славный артиллерист. — Так дайте же мне по крайней мере пожить в снаряде хоть недельку!

Было бы жестоко отказать ему в этой скромной просьбе. Предложение Мастона было принято.

В его распоряжение предоставили достаточное количество хлорноватокислого калия и едкого натра, а также воды и съестных припасов на неделю. Начало опыта было назначено на 12 ноября, в шесть часов утра. Крепко пожав руки друзьям и строго-настрого запретив открывать дверцу снаряда раньше шести часов вечера 20 ноября, Мастон спустился в свою добровольную тюрьму. Тотчас же за ним герметически завинтили дверцу.

Что происходило внутри снаряда в продолжение недели? Этого нельзя было узнать. Толстые стенки снаряда не пропускали звуков.

20 ноября ровно в шесть часов вечера начали отвинчивать дверцу. Друзья Мастона несколько трево-

жились за его судьбу. Но они тотчас же успокоились, когда из глубины снаряда послышалось веселое громогласное «ура»!

Через несколько мгновений из люка на верхушке конуса с торжествующим видом появился секретарь «Пушечного клуба».

За время «опыта» он еще больше растолстел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Телескоп на Скалистых горах.

За год перед тем, 20 октября, после выяснения результатов подписки, Барбикен переслал в Кембриджскую обсерваторию сумму, достаточную для сооружения гигантского оптического прибора. Телескоп или труба-рефрактор должны были быть огромной мощности, чтобы обнаружить на поверхности Луны любой предмет более девяти футов в поперечнике.

Между отражательным телескопом и трубой-рефрактором имеется очень большое различие, о чем нелишне будет здесь напомнить. Рефрактор состоит из трубы, на верхнем конце которой расположено выпуклое чечевицеобразное стекло, называемое объективом. В нижнем конце трубы находится другая чечевица, называемая окуляром, в которую и смотрит наблюдатель. Лучи, исходящие от светящегося тела, проходят сквозь первую чечевицу и, преломляясь, дают в фокусе изображение в перевернутом виде. Окуляр увеличивает изображение, даваемое объективом, на манер лупы. Таким образом, астрономическая труба закрыта в противоположных концах двумя стеклами — окуляром и объективом.

Напротив, отражательный телескоп — это труба, открытая в верхнем своем конце. В трубу непосредственно проникают лучи от наблюдаемого светящегося небесного тела и встречают большое металлическое вогнутое зеркало. Отражаясь от вогнутого зеркала, лучи сближаются друг с другом.

Затем эти отраженные лучи собираются во втором, небольшом зеркале, которое направляет их в окуляр, расположенный таким образом, чтобы увеличивать получающееся изображение.

Таким образом, в астрономической трубе главную роль играет рефракция (преломление) лучей, а в телескопе — рефлексия (отражение). Отсюда понятно, почему труба называется рефрактором, а телескоп — рефлектором. Главная трудность при изготовлении этих оптических приборов состоит в выделке объективов, то есть крупных чечевиц, и металлических зеркал.

Однако в эпоху, когда «Пушечный клуб» приступал к своему грандиозному опыту, изготовление астрономических труб достигло уже высокой степени совершенства и давало превосходные результаты. Далеко уже было то время, когда Галилей наблюдал небесные светила в свою жалкую трубку, увеличивавшую всего в тридцать раз! Начиная с XVI века зрительные трубы все расширялись и удлинялись и к середине XIX столетия позволяли уже далеко проникать в неведомые до тех пор глубины звездного неба. Наиболее замечательными рефракторами этой эпохи считались пулковский в России, стоивший 80 тысяч рублей, с объективом в 15 дюймов (38 сантиметров) в диаметре, труба французского оптика Леребура с объективом такой же величины и, наконец, рефрактор Кембриджской обсерватории с объективом в 19 дюймов (48 сантиметров).

Из отражательных телескопов своими огромными размерами и увеличительной силой издавна известны два. Первый, сооруженный Гершелем, имел 36 футов в длину; зеркало его достигало 4,5 фута в диаметре; он давал увеличение в шесть тысяч раз. Второй был сооружен лордом Россом в Биркастле, в парке Парсонстоуна, в Ирландии. Длина телескопа — 48 футов, вес 28 тысяч фунтов. Пришлось построить огромное каменное здание, чтобы вместить трубу и приспособления, посредством которых ею управляли. Зеркало его имело в диаметре шесть футов (1 метр 93 сантиметра). Рефлектор давал увеличение в 6400 раз.

Отсюда видно, что, несмотря на колоссальные раз-

меры труб, даваемое ими увеличение в круглых числах не превышало шести тысяч раз. Такое увеличение приближает Луну лишь на расстояние 39 миль (16 лье), то есть позволяет различать на ее поверхности предметы не меньше 60 футов в диаметре.

Между тем по заданиям «Пушечного клуба» требовалось изготовить трубу, которая позволяла бы увидеть снаряд шириною в девять футов при длине в пятнадцать футов; следовательно, требовалось приблизить Луну до расстояния не меньше пяти миль (двух лье), то есть добиться увеличения в 48 тысяч раз.

Такую задачу поставили перед Кембриджской обсерваторией. Решение ее облегчалось тем, что обсерватория могла затратить сколько угодно денег; но все же оставались трудности технического порядка.

Прежде всего обсерватория должна была выбрать тип трубы: рефрактор или рефлектор. Вообще говоря, по сравнению с рефлекторами рефракторы обладают большими преимуществами. При одинаковом размере объектива они дают возможность достичь бо́льшего увеличения, так как световые лучи, проходя сквозь чечевичное стекло, теряют меньший процент своей яркости, чем при отражении металлическим зеркалом телескопа. Но, с другой стороны, нельзя делать чечевицы особенно крупных размеров, так как толстое стекло чечевицы поглощает слишком много световых лучей. К тому же изготовление крупных чечевиц сопряжено с большими трудностями и требует значительного времени — нескольких лет.

Поэтому, хотя рефрактор дает более яркое изображение, что особенно важно при наблюдении Луны, которая освещается лишь отраженными солнечными лучами, — Кембриджская обсерватория решила остановиться на отражательном телескопе, так как его можно быстрее изготовить и он имеет несколько большую увеличительную силу. Ввиду того, что световые лучи теряют свою силу, проходя сквозь атмосферу, особенно в нижних, наиболее плотных ее слоях, «Пушечный клуб» решил установить аппарат на одной из высочайших гор Соединенных Штатов, где воздух значительно более разрежен. Как мы видели, в телескопе

производит увеличение окуляр, то есть лупа, расположенная перед глазами наблюдателя, и чем больше диаметр и фокусное расстояние объектива, тем больше он дает увеличение.

Окуляр увеличивает получающиеся в телескопе изображения, величина же этих изображений зависит от размеров зеркала, служащего объективом; следовательно, чтобы достигнуть увеличения в 48 тысяч раз, требовалось придать зеркалу телескопа значительно больший диаметр, чем в телескопах Гершеля и лорда Росса. В этом и заключалась наибольшая техническая трудность, так как отливка крупных металлических зеркал — операция весьма сложная.

К счастью, несколько лет тому назад член французского института известный ученый Леон Фуко добился значительного облегчения и ускорения шлифовки объективов путем замены металлического зеркала стеклянным, покрытым слоем серебра. Отливка стекла нужных размеров и серебрение его не представляют особых трудностей. Понятно, что Кембриджская обсерватория остановилась на способе Фуко.

Объектив решили установить по методу, примененному Гершелем при конструкции его телескопов

В большом аппарате астронома Слау изображение предмета, отраженное наклонным зеркалом, установленным внизу трубы, направляется в окуляр, находящийся в верхнем конце трубы. Таким образом, наблюдатель, вместо того чтобы стоять внизу, поднимается в верхнюю часть огромного цилиндра и смотрит в лупу. Это делает ненужным второе маленькое зеркало, направляющее изображение в окуляр. Таким образом, изображение выигрывает в яркости, избегнув вторичного отражения. А это было особенно важно ввиду предстоящих специальных наблюдений.

Когда комитетом были приняты все нужные решения, приступили к изготовлению телескопа. Согласно расчетам бюро Кембриджской обсерватории труба нового рефлектора должна была быть длиною в 280 футов, а зеркало — диаметром в 16 футов. Правда, несколько лет тому назад астроном Гук предлагал построить телескоп в 10 тысяч футов длиной, в сравне-

нии с которым телескоп «Пушечного клуба» показался бы детской игрушкой. Тем не менее установка нового аппарата была связана с огромными трудностями.

Вопрос о выборе места для установки телескопа был быстро решен. Требовалось поставить его на высокой горе, а высоких гор в Соединенных Штатах не так много.

В самом деле, орографическая система этой огромной страны охватывает всего две горных цепи средней высоты, между которыми протекает величественная Миссисипи; американцы назвали бы ее «королевой рек», если бы они признавали королевскую власть.

На востоке — это Аппалачский хребет, наивысшая точка которого — в Нью-Гэмпшире — достигает весьма скромной высоты 5600 футов.

На западе высятся Скалистые горы, составляющие часть той огромной горной цепи, которая начинается у Магелланова пролива, затем под названием Анд и Кордильеров тянется вдоль всего западного побережья Южной Америки, образует Панамский перешеек и проходит через всю Северную Америку до берегов Северного Ледовитого океана.

Скалистые горы также не особенно высоки: Альпы и Гималаи имели бы право смотреть на них «с высоты своего величия». В самом деле, наивысшая точка Скалистых гор достигает лишь 10 701 фута над уровнем моря, тогда как Монблан возвышается на 14 439, а Кинчинджунга — на 26 776 футов.

Но так как «Пушечный клуб» постановил, чтобы его обсерватория находилась на территории Соединенных Штатов, то пришлось выбирать лишь между отдельными вершинами Скалистых гор. Избрана была вершина Лонгспик в штате Миссури; к подножью этой горы и был направлен весь необходимый строительный материал.

Трудно передать словами, сколько препятствий всякого рода пришлось при этом преодолеть американским инженерам, какие чудеса мужества и ловкости были ими проявлены. Это был настоящий подвиг! Пришлось поднимать на гору огромные камни, мас-

сивные железные балки, тяжелые желоба, крупные части цилиндрической трубы и объектив весом около 30 тысяч фунтов, — поднимать выше линии вечных снегов, на высоту более 10 тысяч футов. Нелегко было подвозить эти материалы через пустынные степи, лесные дебри и бешеные горные потоки, вдали от населенных центров, без дорог, в дикой непроходимой местности. Понадобилась вся энергия американских рабочих и вся изобретательность инженеров, чтобы довести дело до благополучного конца. В последних числах октября, то есть меньше чем через год от начала работ, колоссальный рефлектор на вершине Лонгспика уже поднимал к небу свою 280-футовую трубу. Труба была установлена на громадном железном помосте, причем благодаря остроумным механизмам можно было легко ею управлять: вращать во все стороны, наводить на все точки неба и следить за движением любого светила от восхода его в одной части горизонта до захода в другой.

Телескоп обошелся в 400 тысяч долларов. Когда его в первый раз навели на Луну, наблюдателей охватило чувство любопытства и тревоги. Что обнаружится в поле этого телескопа, увеличивающего наблюдаемые предметы в 48 тысяч раз? Быть может, лунные жители, стада лунных животных, озера, моря или города?

Но, нет! Телескоп не обнаружил на Луне ничего такого, что не было бы известно раньше. Тщательное обследование лунной поверхности только лишний раз подтвердило вулканическое строение земного спутника.

Телескоп Скалистых гор, прежде чем перейти к специальным наблюдениям, успел оказать большие услуги астрономии. Благодаря его мощности удалось исследовать самые отдаленные участки небесной сферы и чрезвычайно точно измерить диаметр многих звезд. Между прочим, Кларк, астроном Кембриджской обсерватории, смог определить строение так называемой «crab nebula» [1] в созвездии Тельца, чего не удавалось достигнуть даже с помощью телескопа лорда Росса.

---

[1] Крабовидная туманность *(англ.)*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Последние приготовления.

Наступило 22 ноября. До торжественной минуты выстрела оставалось всего десять дней. Все уже было готово. кроме одной весьма сложной и опасной операции, требовавшей величайших предосторожностей, операции, против которой капитан Николь держал свое третье пари. Надо было зарядить колумбиаду, то есть опустить в нее четыреста тысяч фунтов пироксилина. Капитан Николь предсказывал, — и не без основания, — что если спуск такого огромного количества пироксилина и сойдет благополучно, то эта взрывчатая масса сама собою взорвется, как только ее придавит тяжелый снаряд.

Опасность усиливалась еще легкомысленной беспечностью американцев, которые, как известно, во время гражданской воины имели привычку заряжать бомбы, не вынимая сигары изо рта.

Обидно было бы потерпеть крушение у самой цели! Поэтому Барбикен выбрал самых надежных рабочих и ни на одну минуту не спускал с них глаз; благодаря принятым им мерам предосторожности были созданы все условия для успеха этой опасной операции

Прежде всего он распорядился, чтобы пироксилин подвозили в ограду Стонзхилла постепенно, в тщательно закупоренных больших ящиках. Вся масса пироксилина была разделена на тюки весом по пятисот фунтов каждый, что составило восемьсот пироксилиновых патронов, тщательно приготовленных самыми искусными фейерверкерами Пенсакольского арсенала. Десять таких тюков упаковывались в большой ящик, и поезд подвозил по одному такому ящику. Таким образом, в ограде Стонзхилла никогда не было одновременно более пяти тысяч фунтов пироксилина.

Тотчас же по прибытии ящик разгружался босыми рабочими; каждый тюк осторожно переносился к отверстию колумбиады; затем его опускали на дно с помощью лебедок, приводившихся в движение человеческими руками. Были потушены не только все паровые

машины, но и все огни на две мили кругом. Необходимо было также предохранить пироксилин от действия лучей солнца, хотя и ноябрьского. Поэтому работы производились преимущественно по ночам, при электрическом свете. Ток вырабатывали аппараты Румкорфа, освещая колумбиаду до самого дна светом, не уступающим по яркости дневному. Патроны пироксилина складывались на дне в строгом порядке и соединялись друг с другом тщательно изолированной металлической проволокой, по которой ток должен был мгновенно передаться каждому из них

Выстрел из колумбиады предполагалось произвести при помощи электрического запала Для этого проволоки от всех патронов соединялись в общий провод, который пропускался через отверстие, просверленное в чугунной стенке пушки, как раз на том уровне, где должен был находиться снаряд, а оттуда проникал в одну из отдушин, оставленных в каменной кладке для выхода газов при отливке колумбиады Поднявшись до вершины Стонзхилла, этот провод тянулся затем по столбам на расстоянии более двух миль и, пройдя через выключатель, примыкал к сильнейшей батарее гальванических элементов Бунзена. Достаточно было нажать пальцем на кнопку, чтобы замкнуть ток и мгновенно воспламенить четыреста тысяч фунтов пироксилина.

28 ноября все восемьсот патронов пироксилина были уложены на дне колумбиады. По этой части удача была полная Но сколько суеты, хлопот и тревог выпало на долю Барбикена! Несмотря на строжайший запрет доступа публики внутрь ограды Стонзхилла, каждый день множество любопытных ухитрялось незаметно перелезать через ограду, а некоторые из непрошенных гостей совершали настоящие безумства, закуривая сигары среди тюков взрывчатой смеси! Барбикен выходил из себя, а Дж Т. Мастон, стараясь ему помочь, яростно бросался в погоню за праздношатающимися и подбирал брошенные ими дымящиеся окурки сигар. Это была тяжелая задача, потому что около ограды теснились десятки тысяч зевак. Мишель Ардан вызвался сопровождать ящики до отверстия

колумбиады. Но однажды Барбикен застал такую сцену: Ардан преследовал безрассудных курильщиков, но — увы! — с зажженной сигарой в зубах, подавая им ужасный пример. Пришлось убрать этого неисправимого курильщика и учредить за ним строжайший надзор. Но провидение покровительствует артиллеристам: никто не взлетел на воздух, и колумбиаду благополучно зарядили пироксилином.

Третьему пари капитана Николя грозила участь первых двух. Но оставалось еще опустить огромный снаряд в колумбиаду на толстый слой хлопчатобумажного пороха.

Прежде чем приступить к этой последней операции, нужно было разместить в вагоне-снаряде вещи, необходимые в пути. Вещей набралось очень много, а если бы дали волю Ардану, то не осталось бы места для самих путешественников. Трудно себе представить, какое количество всякой всячины собирался захватить с собой на Луну восторженный француз. Это была целая выставка безделушек и бесполезных предметов. Пришлось Барбикену вмешаться и оставить только самое необходимое.

Несколько термометров, барометров и подзорных труб были уложены в специально изготовленный ящик.

Чтобы наблюдать за Луной во время полета, а также для путешествий по ее поверхности, путники взяли с собой превосходную карту — известную «Mappa selenographica» [1] Бэра и Мэдлера, отпечатанную на четырех листах и справедливо считающуюся шедевром своего рода. Эта карта воспроизводила с замечательной точностью мельчайшие детали на поверхности Луны, обращенной к Земле: горы, долины, цирки, кратеры, пики, борозды, их сравнительные размеры, их названия, начиная с гор Дерфеля и Лейбница, возвышающихся у восточного края Луны, до Mare frigoris [2] возле северного полюса земного спутника.

Понятно, что такая карта была особенно драгоцен-

---

[1] Лунная карта *(лат.)*.
[2] Море холода *(лат.)*.

на для наших путешественников: они могли подробно изучить географию Луны, еще не ступив на нее ногой.

Они захватили также три винтовки, три охотничьих ружья с разрывными пулями и порядочный запас пороха и дроби.

— Неизвестно, с кем придется столкнуться там, на Луне, — говорил Мишель Ардан, — и люди тамошние и звери могут встретить нас весьма недружелюбно. Надо принять меры предосторожности.

Необходимо также было захватить с собой разного рода одежду, приспособленную для всех климатических поясов, начиная с полярного и кончая тропическим.

Кроме оружия, нужно было взять кирки, заступы, ручные пилы и другие необходимые инструменты.

Мишель Ардан намеревался поместить в вагоне еще несколько животных различной породы. Правда, он не собирался брать туда «всякой твари по паре», ибо не считал нужным разводить на Луне змей, аллигаторов, тигров и других хищных зверей.

— Хорошо бы захватить, — говорил он Барбикену, — кое-какую скотинку: быка и корову, лошадку или осла. Они были бы нам полезны, а кроме того, украсили бы лунный пейзаж.

— Все это прекрасно, дорогой Ардан! — возразил Барбикен. — Но наш вагон уж никак не Ноев ковчег. И размеры у него не те, да и цель совсем иная. Итак, не будем выходить за пределы возможного.

После долгих споров было решено захватить двух собак — породистую охотничью суку, принадлежавшую Николю, и великолепного сильного нью-фаундленда. Согласились взять несколько ящиков семян наиболее полезных растений, но отвергли мешки с садовой землей, которую Ардан считал необходимой для посева. Ему разрешили взять с дюжину саженцев полезных деревьев; тщательно упакованные в соломе, они были помещены в одном из углов вагона.

Оставался существенный вопрос — о съестных припасах, так как можно было предвидеть, что на Луне не окажется ни растительности, ни животных. Барбикен ухитрился захватить продуктов на целый год.

Разумеется, съестные припасы могли состоять только из мясных и овощных консервов, подвергнутых действию гидравлического пресса, доведенных до минимального объема и содержащих большое количество питательных веществ.

Конечно, это не обещало особенно разнообразного и вкусного стола, но странно было бы предъявлять какую-либо требовательность к пище в условиях такого путешествия. Воды решено было захватить лишь на два месяца, ибо после новейших наблюдений, сделанных астрономами, никто не сомневался, что на Луне должно было встретиться некоторое количество воды. Кроме того, надеялись, что на Луне найдется кое-какая живность. У Мишеля Ардана не было никаких сомнений на этот счет. Если бы они были, он ни за что не согласился бы лететь туда.

— Впрочем, — сказал он, — разве у нас не остались друзья на Земле, которые о нас позаботятся?

— О, еще бы! — с жаром воскликнул Мастон.

— Позвольте! Что вы хотите этим сказать? — спросил Николь.

— Что может быть проще? — ответил Ардан. — Разве колумбиада не останется на своем месте? Так вот, всякий раз, как Луна окажется в условиях, благоприятных для прицела, по крайней мере в зените, если не в перигее, то есть примерно раз в год, — разве нельзя будет пускать туда бомбы, начиненные съестными припасами, которые долетят к нам в заранее намеченный день?

— Ура! ура! — крикнул Мастон вне себя от восторга. — Вот это здорово придумано! Разумеется, дорогие друзья, мы о вас не забудем.

— Я сильно на это рассчитываю! — продолжал Ардан. — Итак, мы будем регулярно получать известия с Земли. Какая же нам цена, если мы не придумаем, как переписываться с нашими милыми земными друзьями!

Уверенность, которой дышала речь Мишеля Ардана, его решительный вид, его восхитительная самонадеянность способны были увлечь по его стопам «Пушечный клуб» в полном составе. Все, что он говорил, было так понятно, так азбучно просто, так на-

глядно, так легко достижимо, что, право же, надо было питать какую-то исключительную и притом неразумную привязанность к нашему жалкому земному шару, чтобы не умчаться на Луну вслед за тремя смельчаками.

Когда багаж и мебель были размещены в кабине, в пространство между дном снаряда и временным деревянным полом впустили воду, которая должна была своей упругостью ослабить толчок; затем накачали светильный газ в баллоны. Хлорноватокислого калия и едкого натра, ввиду возможных задержек в пути, взяли в таком количестве, чтобы хватило на добывание кислорода и поглощение углекислоты в течение двух месяцев. Для очищения воздуха и снабжения его кислородом устроен был очень остроумный автоматический прибор. Таким образом, вагон-снаряд был окончательно оборудован. Оставалось лишь опустить его в колумбиаду. Это был весьма трудный и опасный момент.

Огромный вагон-снаряд подвезли на рельсах до вершины Стонзхилла. Там его подхватили мощные подъемные краны, и он повис над жерлом колумбиады.

Это была поистине захватывающая минута! Что, если цепи не выдержат такой огромной тяжести? Тогда сорвавшийся с них снаряд упадет на дно пушки и своим ударом взорвет пироксилин...

Но все обошлось благополучно. Снаряд спускался в канал пушки плавно, медленно, равномерно. Через несколько часов он уже покоился на слое хлопчатобумажного пороха, как на пуховой подушке. Давление снаряда еще лучше спрессовало слои пироксилина.

— Я проиграл! — заявил капитан, вручая председателю «Пушечного клуба» три тысячи долларов кредитными билетами.

Барбикен не хотел брать эти деньги, говоря, что теперь он уже не соперник Николя, а его спутник и товарищ, но пришлось уступить упрямому капитану, который, расставаясь с Землей, желал выполнить все свои земные обязательства.

— В таком случае, мой дорогой капитан, мне

остается вам еще кое-чего пожелать! — воскликнул Мишель Ардан.

— Чего же именно?

— Чтобы вы проиграли и остальные два пари! Ибо только при этом условии мы достигнем своей цели.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Выстрел.

Наступило первое декабря, роковой день, в который должен был произойти выстрел колумбиады. Если бы в этот день, ровно в 10 часов 46 минут и 40 секунд вечера, не состоялся выстрел, то «Пушечному клубу» пришлось бы ждать целых восемнадцать лет, чтобы повторились те же благоприятные для выстрела условия, то есть совпадение зенита Луны с ее перигеем.

Погода была великолепная. Несмотря на приближение зимы, солнце ярко блестело, заливая волнами света и тепла ту самую Землю, которую трое ее сынов собирались покинуть для завоевания нового мира.

Многим дурно спалось накануне этого долгожданного дня. Тяжким бременем давили грудь последние часы ожидания. Сердце невольно замирало от тревожных мыслей...

Один только Мишель Ардан составлял исключение. Этот удивительный человек был такой же, как всегда, живой и деятельный, такой же веселый и беспечный, не обнаруживая ни тени тревоги или озабоченности. Сон его в эту ночь был крепок и безмятежен. Таким богатырским сном спал на лафете пушки Тюренн накануне сражения.

Уже с самого раннего утра несметная толпа покрывала неоглядные равнины, окружающие Стонзхилл. Каждые четверть часа поезда подвозили все новые массы любопытных. Это нашествие на Стонзхилл приняло прямо баснословные размеры; если верить отчетам «Тампа-Таун Обсервер», пять миллионов че-

ловек съехались в этот день во Флориду, чтобы присутствовать при выстреле колумбиады...

Уже больше месяца, как в городе не хватало квартир, и большая часть приезжих вынуждена была разместиться в походных палатках и наспех сстроенных домишках вокруг Стонзхилла. Эти постройки положили начало городу, который впоследствии получил название Арданс-Таун. Степь была усеяна хижинами, бараками, навесами и всевозможными палатками, и в этих временных жилищах ютилось население, численности которого могли бы позавидовать даже крупные города Европы.

Все народы Земли, казалось, имели тут своих представителей. Слышался говор на всевозможных языках. Это было поистине смешение языков, как в библейские времена при построении Вавилонской башни. Здесь смешались все классы американского общества. Банкиры, земледельцы, моряки, маклеры, комиссионеры, хлопковые плантаторы, торговцы, судовладельцы, чиновники бесцеремонно толкали друг друга и тут же знакомились. Креолы из Луизианы братались с фермерами из Индианы; джентльмены из Теннесси и Кентукки, изящные и надменные виргинцы запросто разговаривали с полудикими звероловами из области Великих озер и скотопромышленниками из Цинциннати. Особенно выделялись креолы и южане испанского происхождения. В белых широкополых касторовых шляпах или в классических «панамах», в кричащих цветов ботинках, в брюках из синей бумажной материи, сотканной на фабриках Опилусаса, в нарядных полотняных светложелтых блузах с вычурными батистовыми жабо, эти щеголи выставляли у себя на груди, на галстуках, манжетах, на всех десяти пальцах и даже в ушах целую коллекцию драгоценностей — колец, запонок, цепочек, серег и брелков, на редкость дорогих и на редкость безвкусных. Их жены, дети и слуги, разряженные не менее пышно и не менее безвкусно, всюду следовали гурьбой за своими отцами, мужьями и хозяевами, которые походили на вождей первобытного племени, окруженных своими многочисленными родичами.

Особенно любопытно было смотреть на этих пришельцев в обеденные часы, когда они набрасывались на свои любимые южные блюда, истребляя их с аппетитом, угрожавшим пищевым запасам Флориды. Правда, европейцев стошнило бы от их яств вроде фрикассе из лягушек, тушеной обезьяны, жареных двуутробок, кровавого бифштекса из опоссума и биточков из енота.

Зато какие только напитки не подавались к этим неудобоваримым блюдам! А сколько их поглощалось! В ресторанах, барах и тавернах на полках и столах красовались батареи стаканов, кружек, графинов, кувшинов и бутылок самых разнообразных размеров и вычурных форм, вперемежку со ступками для толчения сахара и пучками соломинок. У обеденных столов стоял невообразимый шум и гам. Продавцы наперебой предлагали всевозможные напитки.

— Мятное прохладительное! Кому мятной прохлады? — кричал один оглушительным голосом.

— Сангари на бордосском вине! — пронзительно пищал другой.

— Джин-смерч, джин-смерч! — ревел третий.

— Коктейль! Бренди-наповал! — голосил четвертый.

— Кому угодно настоящего мятного прохладительного по последней моде? — И ловкий торговец тут же на глазах у всех, с быстротой фокусника, кидал в стаканы куски сахара, лимона, свежего ананаса, толченого льда, лил туда настойку зеленой мяты, коньяк и воду, приготовляя прохладительное питье.

В обычные дни эти разноголосые пронзительные крики, обращенные к разгоряченным пряностями пьянчугам, сливались в оглушительный гам. Но в день 1 декабря этих выкриков почти не было слышно. Продавцы напитков только охрипли бы без толку, предлагая свой товар. Тут было не до еды, не до питья; многие зрители ничего не ели с самого утра, позабыв о своем обычном «ленче». Волнение и любопытство одержали верх даже над врожденною страстью американцев к картам и другим азартным играм. Кегли валялись на земле, игральные кости покоились в стаканчиках, колоды карт, на которые был всегда огромный спрос для игры в крабидж, вист, «двадцать одно»,

«красное и черное», «монтэ» и «фаро», даже не распечатывались. Предстоящее знаменательное событие отвлекало всех от будничных интересов и развлечений.

Весь день, до самого вечера, в толпе бродило и нарастало глухое волнение, словно ожидание катастрофы, смутная неизъяснимая тревога. Всех томило гнетущее чувство, болезненно сжимавшее сердце. Всякий страстно желал, чтобы «все это» поскорее кончилось ..

Однако к семи часам тяжелое безмолвие внезапно рассеялось. Над горизонтом взошла полная Луна. Громовым протяжным «ура» — из миллионов уст — встречено было ее появление. Луна точно, минута в минуту, явилась на свидание. Долго не смолкали восторженные крики, рукоплескания гремели со всех сторон. А светлокудрая Феба спокойно сияла на дивном южном небе, лаская нежными приветливыми лучами возбужденную толпу.

В эту минуту у ограды Стонзхилла появились бесстрашные герои предстоящего путешествия. При виде их толпа разразилась восторженными приветственными криками. Внезапно раздались звуки американского национального гимна. Тысячи голосов подхватили мотив, и «Янки дудл» вознесся к небу бурей звуков.

После этого неудержимого порыва, когда замерли последние звуки гимна, толпа притихла, и лишь глухой гул выдавал ее глубокое волнение.

Тем временем француз и два американца вошли в ограду, вокруг которой теснилась толпа. За ними следовали члены «Пушечного клуба» и многочисленные депутации от европейских обсерваторий. Барбикен — спокойный и хладнокровный, как всегда, — отдавал на ходу последние приказания. Следом за ним твердым, размеренным шагом выступал Николь, крепко сжав губы и заложив руки за спину. Мишель Ардан шагал с сигарой в зубах, обмениваясь направо и налево горячими прощальными рукопожатиями, которые он щедро расточал. На нем был неимоверно просторный дорожный костюм из коричневого бархата, охотничья сумка через плечо и кожаные краги. Он не переставая сыпал шутками, смеялся, острил, поддраз-

нивая, как мальчишка, почтенного Дж. Т. Мастона. Он оставался до последней минуты истым французом, более того — истым парижанином.

Пробило десять часов. Для путешественников настало время занять места в вагоне-снаряде, так как спуск на дно колумбиады, завинчивание люка снаряда и уборка подъемной машины, поставленной у жерла колумбиады, должны были занять известное время.

Барбикен поставил свой хронометр с точностью до десятой доли секунды по хронометру Мерчисона, которому поручили посредством электрического запала произвести выстрел. Таким образом путешественники могли следить внутри снаряда за бесстрастной стрелкой, которая должна была указать мгновение их отлета.

Настала минута прощания. Сцена была трогательная. Лихорадочная веселость Ардана не помешала ему почувствовать глубокое волнение. У Мастона скатилась из-под его сухих век горькая слеза, словно сберегавшаяся долгие годы ради этого случая. И Мастон уронил эту слезу на чело своего любимого председателя.

— А что, не сесть ли и мне с вами? — шепнул он. — Есть еще время...

— Невозможно, старина! — ответил Барбикен.

Через несколько минут трое путешественников были уже в снаряде и завинчивали его дверцу изнутри; в то же время сверху поспешно убрали подъемную машину, и жерло колумбиады, освобожденное от последних пут, смотрело прямо в небо.

Николь, Барбикен и Мишель Ардан были уже заперты в металлическом вагоне.

Кто мог бы изобразить волнение зрителей? Оно достигло крайних пределов.

Луна плыла в прозрачно-чистом небе, затмевая своим ясным светом мерцание звезд; она находилась в этот момент в созвездии Близнецов, почти на одинаковом расстоянии между горизонтом и зенитом. Всякий понимал, что не туда будет направлен прицел колумбиады, а выше — подобно тому, как целятся не

прямо в бегущего зверя, а в некую точку впереди него.

Воцарилось мертвое молчание. Ни единого дуновения ветерка! Ни единого слова из миллионов уст! Каждый притаил дыхание, каждый задерживал биение своего сердца. Все взгляды были прикованы к зияющему жерлу колумбиады...

Мерчисон между тем напряженно следил за стрелками своего хронометра. До выстрела оставалось еще сорок секунд. Каждая из них казалась столетием.

На двадцатой секунде толпа дрогнула. Многим пришла в голову мысль, что и там, внутри снаряда, отважные путешественники также считают эти страшные секунды! Из толпы стали вырываться отдельные крики:

— Тридцать пять! Тридцать шесть! Тридцать семь! Тридцать восемь! Тридцать девять! Сорок! Пли!!!

Мерчисон нажал кнопку выключателя, замкнул ток и метнул электрическую искру в глубину колумбиады.

Раздался ужасный, неслыханный, невероятный взрыв! Невозможно передать его силу, — он покрыл бы самый оглушительный гром и даже грохот извержения вулкана. Из недр земли взвился гигантский сноп огня, точно из кратера вулкана. Земля содрогнулась, и вряд ли кому из зрителей удалось в это мгновение усмотреть снаряд, победоносно прорезавший воздух в вихре дыма и огня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Пасмурная погода.

Когда из колумбиады вместе со снарядом вырвался чудовищный сноп пламени, он осветил всю Флориду, а в Стонзхиллской степи, на огромном расстоянии, ночь на мгновение сменилась ярким днем. Гигантский огненный столб видели в Атлантическом океане и в Мексиканском заливе на расстоянии более ста миль. Многие капитаны судов занесли в свои путе-

вые журналы появление необычайных размеров метеора.

Выстрел колумбиады сопровождался настоящим землетрясением. Флориду встряхнуло до самых недр. Пироксилиновые газы, вырвавшись из жерла гигантской пушки, с необычайной силой сотрясли нижние слои атмосферы, и этот искусственный ураган пронесся над Землей с быстротой, во много раз превышавшей скорость самого яростного циклона.

Ни один зритель не удержался на ногах: мужчины, женщины, дети — все повалились наземь, как колосья, подкошенные бурей. Произошла невообразимая суматоха; многие получили серьезные ушибы. Мастон, который, вопреки благоразумию, вылез вперед, за назначенную для зрителей предельную черту, был отброшен на двадцать туазов и, пролетев, точно снаряд, через головы сограждан, упал на землю. Триста тысяч человек на несколько минут совершенно оглохли, и на них словно напал столбняк.

Воздушная волна, вызванная выстрелом, вмиг опрокинула хижины и мелкие постройки вокруг Стонзхилла, вырвала с корнем множество деревьев на двадцать миль в окружности, погнала железнодорожные составы до самого Тампа и, обрушившись лавиной на город, повалила около сотни домов; между прочим, пострадала церковь Пресвятой девы и новое здание Биржи, которое растрескалось сверху донизу. В гавани столкнулось несколько судов и пошло ко дну; с десяток кораблей, стоявших на рейде, порвали якорные цепи, как бумажные нити, после чего их сразу выбросило на берег.

Опустошения распространились еще дальше, за пределы территории Соединенных Штатов. Искусственный вихрь, усиленный действием западного ветра, пролетел над Атлантическим океаном на триста миль от американского берега. Разразилась яростная буря, совершенно неожиданная, которую не мог предвидеть даже сам адмирал Фиц-Рой. Ужасный смерч врасплох захватил несколько парусных судов, которые погибли прежде, чем успели убрать паруса. Между прочим, жертвой этой случайной бури стал

большой ливерпульский корабль «Чайльд-Гарольд». Эта прискорбная катастрофа вызвала сильнейшие нарекания со стороны Англии.

Наконец, чтобы не упустить ни одно из свидетельств об этой буре, нужно сказать, что спустя полчаса после выстрела колумбиады туземцы Сиерра-Лионе и Горси ощутили сотрясение и глухой шум: это были раскаты звуковых волн, прокатившихся от Флориды до Западной Африки, через всю ширь Атлантического океана. Впрочем, это сообщение основано лишь на рассказах немногих туземцев.

Но вернемся во Флориду. После первой минуты замешательства сотни тысяч ушибленных, оглохших и сваленных с ног зрителей очнулись, и воздух задрожал от исступленных криков:

— Ура Ардану! Ура Барбикену! Ура Николю!

Затем к небу направились десятки тысяч биноклей, лорнетов и подзорных труб. Забыв прежние волнения, забыв об ушибах и ранах, все напряженно вглядывались в небесное пространство, пытаясь найти черную точку, в которую должен был превратиться устремившийся вверх снаряд. Но все старания были напрасны. Волей-неволей приходилось дожидаться телеграммы из Лонгспика. Директор Кембриджской обсерватории Дж. Бельфаст был уже на своем посту, в Скалистых горах; ему, как опытному, искусному астроному, были поручены наблюдения за полетом снаряда.

Произошло явление совершенно неожиданное, — хотя его, собственно говоря, вполне можно было предвидеть, — помеха непреодолимая, мучительное для всех испытание.

Дело в том, что ясная за последние дни погода внезапно изменилась: все небо заволокли густые тучи. Да и разве могло быть иначе после такого ужасного смещения атмосферных слоев и рассеяния огромного количества паров и газов, произведенных взрывом четырехсот тысяч фунтов пироксилина? Равновесие сил природы было поколеблено. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ведь и при морских сражениях неоднократно наблюдалось изменение погоды, вызванное артиллерийскими залпами.

На другой день, когда взошло солнце, все небо было покрыто тучами, словно тяжкой, непроницаемой завесой, которая расстилалась на огромное расстояние, захватив даже Скалистые горы. Это было несчастье, насмешка судьбы! Со всех концов Соединенных Штатов поднялись горькие жалобы. Но это мало тронуло матерь-природу: жители Земли сами возмутили атмосферу выстрелом колумбиады и теперь должны были терпеть все последствия своего поступка.

Тщетно весь день десятки тысяч людей поглядывали на небо в надежде, что тучи разойдутся. Впрочем, и при ясном небе никто во Флориде все равно не увидел бы снаряда, ибо он летел по направлению, полученному при выстреле ночью, а Земля, вследствие суточного вращения, была днем обращена к противоположной стороне неба.

Наступила ночь, а Луна не показалась; разумеется, она в свое время взошла над горизонтом, но оставалась невидимой из-за густых, непроглядных туч, — точно с умыслом пряталась она от взоров дерзких смертных, которые осмелились в нее стрелять. Наблюдения были совершенно невозможны, и телеграмма с Лонгспика только подтвердила это досадное обстоятельство.

Однако, если опыт удался, отважные путешественники, покинувшие Землю 1 декабря, в 10 часов 46 минут и 40 секунд вечера, должны были долететь до Луны четвертого числа, в полночь. Волей-неволей публика примирилась с мыслью, что до этого срока никакие наблюдения невозможны; к тому же все, наконец, поняли, что им все равно не увидать снаряда во время его полета.

Уже 4 декабря, в ясную погоду, с восьми вечера до полуночи, можно было бы усмотреть снаряд в виде черной точки на фоне блестящего лунного диска. Но небеса оставались попрежнему непроницаемыми, и американцы прямо-таки разъярились на Луну. Многие дошли до того, что осыпали ее бранью и проклятиями. Печальный пример человеческого непостоянства!

Дж. Т. Мастон впал в совершенное отчаяние. Наконец, он не вытерпел и отправился в Лонгспик. Он

решил, что должен сам производить наблюдения Он не сомневался, что его друзья уже пролетели весь свой путь. Если бы путешествие не удалось, снаряд неминуемо упал бы обратно на Землю — на какой-нибудь материк или остров, и об этом тотчас бы телеграфировали. Правда, снаряд мог упасть и в океан, который занимает три четверти земной поверхности, — однако Мастон ни на мгновенье не допускал такой мысли.

Настало 5 декабря. Телеграф известил, что в Европе безоблачное небо и что все крупные телескопы Старого Света — трубы Гершеля, Росса, Фуко и прочие — неизменно направлены на земного спутника; но эти аппараты были слишком слабы для того, чтобы заметить снаряд колумбиады.

6 декабря — та же погода. Жестское нетерпение охватило три четверти земного шара. Начали придумывать самые нелепые способы разогнать сгустившиеся в атмосфере пары.

7 декабря небо несколько изменилось, облака начали как будто расходиться. Американцы воспрянули духом, но ненадолго — к вечеру тучи снова заволокли небо, закрывая Луну и звезды.

Дело принимало серьезный оборот Действительно, 11 декабря в 9 часов 11 минут утра Луна должна была вступить в последнюю четверть После этого она должна была пойти на ущерб и даже, если бы погода прояснилась, шансы на успешное наблюдение значительно снижались. Ведь с каждым днем Луна будет все убывать, пока не наступит новолуние, когда земной спутник становится невидимым. И только 3 января, в 12 часов 44 минуты дня, должно было наступить полнолуние, при котором удобно вести наблюдения.

Газеты печатали все эти данные и прибавляли к ним всевозможные соображения и догадки, не скрывая от американской публики, что ей придется вооружиться терпением.

8 декабря — никаких перемен. Девятого показалось было солнце, но его встретили криками и бранью, и,

точно обидевшись на американцев, оно снова спряталось за густыми тучами.

10 декабря — снова без перемен. Дж. Т. Мастон чуть не сходил с ума от горя. Друзья стали тревожиться за состояние его мозга, который до того времени прекрасно сохранялся в его искусственном гуттаперчевом черепе.

Но одиннадцатого числа разразился один из тех ужасных ураганов, которые свойственны тропическим странам. Яростным восточным ветром разогнало тучи, скопившиеся над большей частью Соединенных Штатов, и к вечеру на фоне созвездий величественно всплыло светило ночи, правда уже на половину ущербленное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Новое светило.

В эту же ночь пролетело по всем Соединенным Штатам долгожданное известие из Лонгспика, а затем оно перебросилось по атлантическому кабелю и телеграфным проводам во все культурные центры земного шара. Снаряд колумбиады был, наконец, замечен благодаря колоссальному рефлектору Лонгспика.

Вот текст подробного сообщения директора Кембриджской обсерватории. В нем дано научное заключение о результате изумительного опыта «Пушечного клуба».

«Лонгспик, 12 декабря.

Членам бюро Кембриджской обсерватории

Снаряд, выпущенный колумбиадой в Стонзхилле, усмотрен Бельфастом и Мастоном 12 декабря в 8 часов 47 минут вечера, в момент вступления Луны в последнюю ее четверть. Снаряд не долетел до места назначения. Он летел мимо Луны, но настолько близко, что попал в сферу лунного притяжения.

Его прямолинейное движение превратилось в криволинейное, обладающее необычайно большой скоростью. В настоящее время снаряд движется вокруг Луны по эллиптической орбите, став таким образом настоящим спутником Луны.

Свойства нового небесного тела еще не могут быть определены. Неизвестно время обращения его вокруг Луны, а также продолжительность оборота вокруг оси. Нынешнее же расстояние его от поверхности Луны можно приблизительно определить в 2833 мили (4500 лье).

Ввиду этого возникают две гипотезы о последующем движении ядра колумбиады: либо притяжение Луны возобладает и тогда путники достигнут цели путешествия; либо, сохраняя ту же орбиту, снаряд вечно будет обращаться вокруг Луны.

Какое окончательное направление примет движение снаряда, покажет будущее, а в данный момент можно лишь сказать, что попытка «Пушечного клуба» имела тот результат, что солнечная система обогатилась еще одним небесным телом.

Дж. Бельфаст».

Сколько вопросов породила эта неожиданная развязка! Сколько еще неведомого открылось для научных исканий! Благодаря отчаянной смелости трех человек и их беззаветной преданности науке такая легкомысленная, казалось бы. затея, как выстрел в Луну, дала уже огромный результат, предвещавший множество непредвиденных последствий. Если отважные путники и не достигли своей цели, то все же они проникли в лунный мир. Они теперь, как новое светило, «обращались» вокруг спутника Земли, и впервые человеческий глаз мог с такого близкого расстояния проникать в тайны лунной поверхности. Имена Ардана, Барбикена и Николя должны были навсегда остаться в летописях астрономии, так как эти отважные исследователи, в стремлении расширить круг человеческих знаний, смело ринулись в небесное пространство, отдав жизнь за успех небывалого, самого фантастического предприятия новейших времен.

Как бы то ни было, полученное с Лонгспика известие поразило весь земной шар изумлением и ужасом. Возможно ли оказать какую-нибудь помощь трем соотечественникам-героям? Очевидно, нет, потому что они вышли за пределы, поставленные творцом для жителей Земли.

Живы ли они? Воздуха у них хватит на два месяца, съестных припасов — на год. Что же с ними будет потом?

При этом страшном вопросе содрогались сердца самых черствых людей.

Один только человек не хотел допустить, что положение безнадежно. Один только он верил в спасение путешественников. Это был их преданный друг, такой же смелый и решительный, как они, — достойнейший Дж. Т. Мастон.

К тому же он не терял их из виду. Наблюдательный пост в Лонгспике стал его жилищем; его горизонт был ограничен зеркалом колоссальной трубы. Как только Луна показывалась у горизонта, он тотчас же включал ее в поле зрения телескопа, ни на минуту не теряя ее из виду, напряженно следя за ее передвижением среди небесных созвездий. С неизменным, изумительным терпением дожидался он «прохождения» снаряда через лунный диск, и поистине можно сказать, что Мастон оставался в постоянном общении со своими друзьями. Он ни на минуту не терял надежды снова увидеться с ними в один прекрасный день.

— Мы наладим сигнализацию с ними, — говорил он всем, кто хотел его слушать, — как только обстоятельства позволят. Получим от них новости и перешлем им свои. Я их знаю, это люди изобретательные. Они захватили с собой все богатства искусства, науки и техники. А с такими сокровищами можно добиться всего на свете! Помяните мое слово: они найдут способ выйти из своего трудного положения — они вернутся на Землю!

1870 г.

ВОКРУГ ЛУНЫ

Перевод Марко Вовчок
под редакцией М. Вахтеровой

ГЛАВА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ,

которая подводит итоги первой части и служит предисловием ко второй

В течение 186... года весь мир был поражен необычайным по смелости научным опытом, беспримерным в истории ученых исследований. Члены «Пушечного клуба», основанного группой артиллеристов в Балтиморе после гражданской войны в Америке, задумали установить связь с Луной, — да, да, с Луной, не более и не менее, — пустив в нее ядро из пушки. Председатель клуба Барбикен, автор проекта, заручившись советами астрономов Кембриджской обсерватории, подготовил все необходимое для выполнения этого неслыханного предприятия, которое, впрочем, сведущие люди признали вполне осуществимым. Организовав повсеместную подписку, собравшую около тридцати миллионов франков, он приступил к грандиозным работам.

На основании докладной записки, составленной астрономами обсерватории, орудие, из которого будет выпущен снаряд, должно быть установлено в местности, расположенной между 0° и 28° северной или южной широты и нацелено на Луну прямо в зенит. Ядро должно обладать первоначальной скоростью в 12 тысяч ярдов в секунду. Снаряд, выпущенный 1 декабря в 10 часов 46 минут и 40 секунд вечера, должен достичь Луны через четыре дня после вылета, а именно

5 декабря ровно в полночь, в момент, когда Луна будет находиться в перигее, то есть ближе всего к Земле, иными словами на расстоянии 86 тысяч 410 лье.

Влиятельные члены «Пушечного клуба», председатель Барбикен, майор Эльфистон, секретарь Дж. Т. Мастон и другие ученые на нескольких заседаниях обсудили вопросы о форме и составе ядра, о типе и положении орудия, о качестве и количестве пороха. Было решено следующее. Во-первых, снаряд будет полым шаровидным ядром в 108 дюймов диаметром, с толщиной стенок в 12 дюймов и весом в 19 250 фунтов. Во-вторых, орудием будет пушка типа колумбиады, в 900 футов длиной, отлитая из чугуна и врытая отвесно прямо в землю. В-третьих, на пороховой заряд потребуется 400 тысяч фунтов пироксилина, который, выделив при взрыве шесть миллиардов литров газов, с достаточной силой вытолкнет снаряд по направлению к ночному светилу.

После того как эти вопросы были разрешены, председатель Барбикен с помощью инженера Мерчисона выбрал подходящее место на возвышенности во Флориде, на 27°7′ северной широты и 5°7′ западной долготы. На этой площадке после грандиозных работ была с успехом отлита колумбиада.

Так обстояли дела, когда неожиданное событие еще во сто крат усилило всеобщий интерес к этому великому предприятию.

Некий француз, предприимчивый парижанин, остроумный и отважный, художник в душе, объявил, что желает лететь внутри ядра, чтобы высадиться на Луне и произвести обследование земного спутника. Этого неустрашимого искателя приключений звали Мишель Ардан. Он прибыл в Америку, был встречен с энтузиазмом, выступил на митинге, откуда его с триумфом вынесли на руках, заставил председателя Барбикена помириться с его смертельным врагом капитаном Николем и, в знак полного примирения, убедил их обоих лететь вместе с ним внутри снаряда.

Предложение было принято. Форму снаряда решили изменить. Вместо круглого он стал цилиндро-

коническим. Этот своего рода воздушный вагон снабдили мощными пружинными буферами и разбивными перегородками, чтобы ослабить силу толчка при выстреле. Упаковали запасы провизии на целый год, воды — на несколько месяцев и газа — на несколько дней. Особый аппарат автоматически вырабатывал и подавал кислород в количестве, достаточном для дыхания троих путешественников. В то же самое время по заданию «Пушечного клуба» был сооружен на одной из высоких вершин Скалистых гор гигантский телескоп, чтобы следить оттуда за полетом ядра в небесном пространстве. Словом, все было подготовлено.

И вот 1 декабря, в назначенный час, при громадном стечении народа, вылет состоялся, и три человека, впервые в истории покинув земной шар, устремились в межпланетное пространство, твердо уверенные, что достигнут цели путешествия. Отважные исследователи, Мишель Ардан, председатель Барбикен и капитан Николь, должны были завершить свой перелет за 97 часов 13 минут и 20 секунд. Следовательно, их прибытие на поверхность лунного диска могло состояться только 5 декабря в полночь, в момент полнолуния, а не 4 декабря, как сообщалось в некоторых плохо осведомленных газетах.

Однако произошло непредвиденное явление: детонация, произведенная выстрелом колумбиады, повлекла за собой внезапное сотрясение земной атмосферы и скопление громадного количества водяных паров. Обстоятельство это вызвало всеобщее возмущение, так как Луна на много ночей скрылась за тучами от взоров наблюдателей.

Доблестный Дж. Т. Мастон, самый преданный друг троих путешественников, в сопровождении почтенного Дж. Бельфаста, директора Кембриджской обсерватории, отправился на Скалистые горы и прибыл в Лонгспик, где был установлен мощный телескоп, приближающий Луну на расстояние двух лье. Достойный секретарь «Пушечного клуба» пожелал лично проследить весь путь своих отважных друзей.

Скопление облаков в атмосфере сделало невозможным 5, 6, 7, 8, 9 и 10 декабря всякие наблюдения

Опасались даже, что наблюдения придется отложить до 3 января следующего года, так как Луна, вступив с 11 декабря в последнюю четверть, окажется на ущербе, что помешает следить за полетом снаряда.

Но вот, наконец, ко всеобщему удовлетворению, сильный ураган разогнал тучи в ночь с 11 на 12 декабря, и Луна, сильно ущербленная, ярко засияла на черном фоне неба.

В ту же ночь с наблюдательного поста в Лонгспике полетела телеграмма, отправленная Мастоном и Бельфастом в адрес бюро Кембриджской обсерватории.

Что же сообщалось в телеграмме?

Она гласила: снаряд, выпущенный колумбиадой в Стонзхилле, усмотрен Бельфастом и Мастоном 11 декабря в 8 часов 47 минут вечера; снаряд, отклонившись по неизвестной причине, не долетел до Луны, но пролетел настолько близко, что попал в сферу лунного притяжения; прямолинейное движение ядра превратилось в движение по кривой, и ныне, обращаясь по эллиптической орбите вокруг ночного светила, оно стало его спутником

Телеграмма добавляла, что свойства нового небесного тела пока еще не могут быть установлены. Действительно, чтобы окончательно определить его свойства, требовалось произвести три последовательных наблюдения над новым спутником в трех его различных положениях. Далее сообщалось, что расстояние, отделяющее снаряд от лунной поверхности, можно приблизительно исчислить в 2833 мили, то есть в 4500 лье.

В заключение высказывались две гипотезы: или притяжение Луны возобладает, и тогда путники достигнут цели путешествия, или же снаряд, следуя по той же орбите, будет обращаться вокруг лунного диска до скончания веков

Какая же судьба ожидает путешественников при любой из двух возможностей? Правда, съестных припасов им хватит на некоторое время Но даже если предположить, что их дерзкое предприятие увенчается успехом, каким образом они возвратятся обратно?

Удастся ли им вообще вернуться? Узнают ли когда-нибудь люди, что с ними сталось? Все эти вопросы необычайно волновали публику и с жаром обсуждались в печати всеми современными авторитетами.

Здесь уместно сделать одно замечание, над которым не мешало бы подумать иным исследователям, склонным к поспешным выводам Если ученый решает обнародовать какое-либо чисто теоретическое умозаключение, он должен действовать как можно осмотрительнее Никто вас не принуждает открывать планету, или комету, или нового спутника, и тот, кто ошибется в подобном случае, неизбежно подвергнет себя насмешкам толпы Значит, лучше подождать, и именно так следовало поступить нетерпеливому Дж Т Мастону, прежде чем пустить по всему свету пресловутую телеграмму, сообщающую, по его мнению, последнее слово о результатах знаменитого опыта

В самом деле, в телеграмме были допущены двоякого рода ошибки, что и подтвердилось впоследствии Во-первых, ошибки в наблюдении, касающиеся расстояния между поверхностью Луны и снарядом, ибо его немыслимо было усмотреть в указанный срок, 11 декабря, и то, что явилось или померещилось Дж Т Мастону на небосклоне, никак не могло быть ядром колумбиады Во-вторых, ошибки теоретические, касающиеся судьбы упомянутого ядра, ибо счесть его спутником Луны значило бы вступить в полное противоречие с основными законами механики.

Лишь одна из гипотез наблюдателей с Лонгспика могла подтвердиться, а именно, что путешественники — если они еще живы — приложат все усилия, чтобы с помощью лунного притяжения достигнуть поверхности светила.

Как бы то ни было, но эти умные и отважные люди благополучно перенесли страшный толчок при вылете, и об их-то путешествии в вагоне-снаряде мы и собираемся рассказать со всеми удивительными и драматическими подробностями Рассказ этот разрушит множество иллюзий и опровергнет немало догадок, но зато даст правдивую картину всех трудностей и

неожиданностей, связанных с подобного рода опытом, а также покажет во всем блеске научные таланты Барбикена, находчивость практичного Николя и веселую отвагу Мишеля Ардана.

Кроме того, наш рассказ докажет, что их достойный друг Дж. Т. Мастон только даром терял время, когда, свесившись над трубой исполинского телескопа, наблюдал за движением Луны по звездным пространствам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Между 10 часами 20 минутами и 10 часами 47 минутами вечера.

Ровно в десять часов Мишель Ардан, Барбикен и Николь распростились со всеми друзьями, которых они оставляли на Земле. Две собаки, предназначавшиеся для разведения собачьей породы на Луне, уже сидели в снаряде. Путешественники приблизились к отверстию огромной колумбиады. Подъемная машина тотчас спустила их в жерло вплоть до конической верхушки снаряда.

Отсюда через специальный люк они проникли в свой алюминиевый вагон. Канаты и блоки были тотчас же вытянуты наружу, и жерло колумбиады освободилось от всех лесов и площадок.

Очутившись с товарищами в снаряде, Николь немедленно принялся завинчивать его отверстие плотной металлической крышкой, укрепленной изнутри нажимными винтами; такие же плотно пригнанные крышки закрывали толстые выпуклые стекла иллюминаторов. Путешественники, герметически закупоренные в металлической тюрьме, погрузились в глубочайший мрак.

— Ну, дорогие попутчики, — сказал Ардан, — моя специальность — домашний уют, и я — отличный хозяин. Пожалуйста, не церемоньтесь и чувствуйте себя как дома. Прежде всего надо как можно удобнее и уютнее расположиться в нашей новой квартире. Для

начала я нахожу, что у нас темновато. Не для кротов же, черт возьми, изобретен газ!

С этими словами беззаботный француз чиркнул спичкой о подошву своего сапога и поднес ее к газовому рожку на баллоне, в котором под сильным давлением хранился запас светильного газа. Этот запас был рассчитан для освещения и отопления снаряда в течение ста сорока четырех часов, или шести суток.

Газ загорелся, и при его свете пассажиры увидели комфортабельную комнату со стеганой обшивкой по стенам, круглым диваном и сводчатым потолком.

Все находившиеся в снаряде предметы — оружие, посуда, приборы — были плотно пригнаны к стенам и укреплены на стеганых прокладках, так что могли выдержать самое сильное сотрясение. Для осуществления рискованного предприятия предусмотрели все, что только было в человеческих силах.

После тщательного осмотра Мишель Ардан заявил, что очень доволен новым помещением.

— Это, конечно, тюрьма, — сказал он, — но тюрьма летучая. И если бы только нам дозволено было хоть изредка высовывать нос из окна, я подписал бы на такую квартиру арендный договор сроком хоть на сто лет. Чему ты усмехаешься, Барбикен? Уж не думаешь ли ты, что этот снаряд станет нашим гробом? Да хоть бы и так, я все-таки не променяю его на Магометов гроб, который болтается из стороны в сторону на одном месте.

Пока Мишель Ардан разглагольствовал, Барбикен и Николь заканчивали последние приготовления.

Хронометр Николя показывал двадцать минут одиннадцатого вечера, когда три путешественника окончательно замуровались в снаряде. Этот хронометр был поставлен по часам инженера Мерчисона с точностью до десятой секунды. Барбикен взглянул на него и сказал:

— Друзья мои, теперь ровно двадцать минут одиннадцатого. В десять часов сорок семь минут и двадцать секунд Мерчисон пустит электрический ток по проводу, соединенному с зарядом колумбиады. В ту же

минуту мы оторвемся от Земли. Значит, нам остается всего-навсего двадцать семь минут.

— Двадцать шесть минут и сорок секунд, — поправил педантичный Николь.

— Ну что ж, — воскликнул неунывающий Ардан. — За двадцать шесть минут можно еще наделать пропасть дел. Можно обсудить глубочайшие моральные и политические проблемы и даже разрешить их. Двадцать шесть дельно использованных минут стоят двадцати шести лет безделья! Несколько секунд жизни Паскаля или Ньютона стоят целой жизни какого-нибудь глупца или бездельника.

— Так что же из этого следует, неугомонный болтун? — спросил Барбикен.

— Следует только то, что нам остается целых двадцать шесть минут.

— Теперь уже только двадцать четыре, — опять поправил Николь.

— Хорошо, только двадцать четыре, дорогой капитан. Двадцать четыре минуты, в течение которых можно с успехом углубить и обсудить...

— Мишель, — перебил его Барбикен, — у нас будет достаточно досуга для самых глубокомысленных рассуждений во время перелета, а теперь лучше бы заняться приготовлениями к отъезду.

— А разве не все готово?

— Разумеется, все готово, но следовало бы еще кое-что сделать, чтобы ослабить, насколько возможно, первоначальный толчок.

— А ты разве забыл воду в разбивных перегородках? Ее упругость предохранит нас от любого толчка.

— Я надеюсь, Мишель, — мягко сказал Барбикен, — но все-таки неуверен...

— Ну и шутник! Он «надеется»! Он «неуверен»! Он дожидался, пока нас совсем закупорят, чтобы сделать такое печальное признание! Я требую, чтобы меня сейчас же выпустили отсюда!

— Выпустили? Да как же это сделать? — спросил Барбикен.

— Действительно, теперь это трудновато. Мы сидим в вагоне и через двадцать четыре минуты услышим свисток кондуктора.

— Через двадцать, — поправил Николь.

Несколько мгновений путешественники молча глядели друг на друга; затем осмотрели все находившиеся при них вещи.

— Все в порядке, — сказал Барбикен, — все на месте. Теперь надо решить, как бы получше разместиться, чтобы легче выдержать толчок от выстрела. Какое положение наиболее выгодно? Прежде всего надо предотвратить приток крови к голове.

— Совершенно верно, — заметил Николь.

— Ну так встанем вверх ногами, как клоуны в цирке! Чего же лучше! — воскликнул Ардан, готовясь тотчас же привести в исполнение свою выдумку.

— Нет, нет, — возразил Барбикен, — лучше всего лечь на бок. Лежа на боку, мы легче перенесем толчок. Заметьте, что в момент выстрела никакого значения не будет иметь, находимся ли мы внутри снаряда, или впереди него.

— Ну, раз это не имеет никакого значения, я могу быть спокоен, — сказал Мишель Ардан.

— Одобряете ли вы мою мысль, Николь? — спросил Барбикен.

— Вполне, — отвечал Николь. — Остается тринадцать с половиной минут.

— Наш Николь не человек, — воскликнул Мишель Ардан, — а ходячий хронометр с секундомером на восьми камнях...

Но товарищи уже не слушали его; с непостижимым хладнокровием они заканчивали последние приготовления к вылету. Со стороны их можно было принять за двух аккуратных пассажиров, которые со всеми удобствами располагаются в железнодорожном купе. Спрашивается, из чего только сделаны сердца у этих американцев! Их пульс не ускоряется даже в минуту самой страшной опасности.

В снаряд были положены три толстых, туго набитых тюфяка. Николь и Барбикен вытащили их на середину диска, образующего подвижной пол. На эти

тюфяки путешественники намеревались улечься за несколько минут до выстрела.

Неугомонный Ардан суетился и вертелся в своей тесной тюрьме, как он называл снаряд, словно дикий зверь в клетке. Он без умолку болтал с друзьями и с собаками — Дианой и Сателлитом, которым, как мы помним, он незадолго до отъезда дал эти символические клички.

— Эй, Диана, сюда! Эй, Сателлит! — кричал он, подбадривая собак. — Ко мне! Мы с вами покажем лунным собакам, как ведут себя псы на Земле! То-то прославится ваша собачья порода! Черт возьми! Приведись нам только вернуться назад, мы уж, конечно, привезем с собой новую, скрещенную породу «лундогов», которая произведет здесь страшнейший фурор.

— Если только на Луне водятся собаки! — заметил Барбикен.

— Разумеется, водятся, — уверенно заявил Мишель Ардан. — Там водятся и лошади, и коровы, и ослы, и куры. Держу пари, что мы найдем там кур.

— Пари на сто долларов, что их там нет, — заявил Николь.

— Принимаю вызов, капитан! — воскликнул Ардан, пожимая руку Николя.

— Впрочем, ты уже трижды проиграл пари с нашим председателем: деньги для нашего полета собраны, выплавка снаряда удалась как нельзя лучше, и, наконец, зарядка колумбиады выполнена без малейшей аварии, — итого ты, стало быть, проиграл шесть тысяч долларов!

— Ну что ж, ну и проиграл, — согласился Николь. — Десять часов тридцать семь минут и шесть секунд!

— Прекрасно, капитан. Не пройдет, значит, и четверти часа, как тебе придется отсчитать председателю девять тысяч долларов: четыре тысячи за то, что колумбиаду не разорвало, и пять тысяч за то, что снаряд взлетит дальше, чем на шесть миль.

— Что ж, доллары со мной, — отвечал Николь, спокойно хлопнув себя по карману, — и я охотно расплачусь.

— Я вижу, Николь, что ты человек порядка, чего я никогда не мог сказать про себя. И все-таки позволь тебе заметить, что все твои пари — верный убыток.

— Почему?

— Да потому, что если ты выиграешь, значит колумбиада взорвется, а с ней и снаряд... И тогда Барбикен не сможет заплатить тебе свой проигрыш.

— Моя ставка внесена в Балтиморский банк, — вмешался Барбикен, — и если Николь погибнет, деньги достанутся его наследникам.

— Фу ты, что за практичные люди! — воскликнул Ардан. — Чем меньше я вас понимаю, тем более вам удивляюсь.

— Сорок две минуты одиннадцатого! — сказал Николь.

— Остается всего пять минут, — заметил Барбикен.

— Да, всего-навсего! — воскликнул Мишель Ардан. — А мы закупорены в снаряде, в стволе девятисотфутовой пушки! И под снарядом — четыреста тысяч фунтов пироксилина, что равняется шестнадцати тысячам фунтам обычного пороха. Наш приятель Мерчисон с хронометром в руке вперился сейчас в стрелку, положил палец на электрическую кнопку, отсчитывает секунды и готовится швырнуть нас в межпланетное пространство.

— Будет тебе шутить, Мишель! — серьезно сказал Барбикен. — Приготовимся! От торжественной минуты нас отделяет всего несколько мгновений. Пожмем друг другу руки, друзья!

— Да, да, всего несколько секунд, — подхватил Ардан, не в силах скрыть волнение.

Трое смельчаков обнялись в последний раз.

— Храни нас бог! — сказал набожный Барбикен.

Ардан и Николь растянулись на тюфяках, положенных в середине диска.

— Десять часов сорок семь минут! — прошептал капитан.

— Еще двадцать секунд!

Барбикен проворно погасил газ и улегся около товарищей.

Безмолвие прерывалось только стуком хронометра, отбивавшего секунды.

Вдруг друзья почувствовали страшной силы сотрясение, и снаряд под давлением шести миллиардов литров газа, образовавшегося от взрыва пироксилина, взлетел в пространство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые полчаса.

Что же произошло? Какие последствия имело это страшное сотрясение? Удалось ли остроумным конструкторам снаряда добиться желаемых результатов? Удалось ли смягчить удар благодаря пружинам, стеганым прокладкам, водяным буферам и разбивным перегородкам? Выдержали ли они невероятный толчок скоростью в одиннадцать тысяч метров, которого было бы достаточно, чтобы в одну секунду пересечь весь путь от Парижа до Нью-Йорка? Вот какие вопросы занимали и волновали миллионы свидетелей необычайного события. В эти минуты никто уже не помнил о цели путешествия, все думали только о самих путешественниках. Что же увидели бы в снаряде провожающие вроде Дж. Т. Мастона, доведись им хоть одним глазком заглянуть в него?

Да ровно ничего.

В ядре царствовал глубочайший мрак. Но цилиндро-конические стенки выдержали выстрел как нельзя лучше: ни одной трещинки, ни одного прогиба, ни одной деформации. Чудесный снаряд ничуть не испортился от неимоверного взрыва — не расплавился, не пролился алюминиевым дождем на землю, как опасались иные скептики.

Внутри снаряда все было в порядке. Некоторые предметы только сильно подбросило кверху, но самые нужные из них нисколько не пострадали. Их крепления оказались в полной сохранности.

На подвижном диске, опустившемся до утолщенного дна снаряда, после того как сплющились пере-

городки и вылилась заполнявшая их вода, лежали три неподвижных тела. Живы ли были Барбикен, Николь и Ардан? Или же снаряд превратился в металлическую гробницу и уносил в пространство только их трупы?

Через несколько минут одно из тел зашевелилось. Руки задвигались, голова приподнялась. Человек встал на колени. Это был Мишель Ардан. Ощупав себя и испустив громкий вздох, он заявил:

— Мишель Ардан целехонек! Посмотрим, что с другими.

Бравый француз хотел встать, но не смог устоять на ногах. Голова у него кружилась, от бурного кровообращения он словно ослеп и шатался, как пьяный.

— Брр! — сказал он. — Точно выпил две бутылки кортона. Только, пожалуй, это не так приятно.

Ардан провел несколько раз рукой по лбу, потер виски.

— Николь! Барбикен! — крикнул он громко и со страхом прислушался.

Ответа не было.

Ни одного вздоха, который сказал бы ему, что сердца его товарищей еще бьются. Он позвал вторично. То же молчание.

— Черт возьми! — проговорил Ардан. — Они словно с пятого этажа вниз головой свалились! Ба! — прибавил он с обычной непоколебимой уверенностью. — Уж если француз мог стать на колени, то американцы-то уж наверняка вскочат на ноги! Однако прежде всего исследуем обстановку.

Ардан чувствовал, что жизнь быстро к нему возвращается: кровь отлила от головы, пульс бился ровнее. Несколько новых усилий вернули ему равновесие. Ему удалось встать на ноги и вынуть из кармана фосфорные спички.

От трения спичка зажглась, и он поднес ее к газовому рожку. Газовый баллон был цел: газ не улетучился. Впрочем, в случае утечки Ардан почувствовал бы запах газа, да и не мог бы безнаказанно зажечь спичку в помещении, наполненном светильным газом. Соединясь с воздухом, газ образовал бы взрывчатую

смесь, и взрыв, может быть, довершил бы то, что начало сотрясение.

Как только газовый рожок вспыхнул, Ардан склонился над своими товарищами. Они лежали друг на друге и казались бездыханными. Николь лежал сверху, Барбикен снизу.

Ардан поднял капитана, прислонил к дивану и принялся что есть мочи растирать его. Усердный и умелый массаж привел Николя в чувство. Он открыл глаза, и к нему тотчас же вернулось привычное хладнокровие. Схватив Ардана за руку и озираясь по сторонам, он спросил:

— А Барбикен?

— Всякому свой черед, — спокойно отвечал Ардан. — Я начал с тебя, потому что ты лежал сверху, а теперь примемся за Барбикена.

Они вместе приподняли председателя «Пушечного клуба» и положили его на диван. Барбикен, повидимому, пострадал сильнее своих товарищей. Он был весь в крови. Николь, однако, скоро убедился, что кровотечение вызвано легкой раной в плече — пустячной царапиной, которую он тотчас же тщательно перевязал.

Однако Барбикен не скоро пришел в себя и перепугал друзей, не щадивших сил на растирание.

— Он еще дышит, — сказал Николь, прикладывая ухо к груди раненого.

— Да, — отвечал Ардан, — дышит, как человек, привыкший к этому ежедневному процессу. Растирай его, растирай сильнее!

Оба массажиста работали так усердно, что Барбикен, наконец, пришел в сознание. Он открыл глаза, приподнялся, взял за руки обоих друзей и первыми его словами были:

— Ну что, Николь, летим?

Николь и Ардан переглянулись.

Они еще не успели подумать о снаряде. Их первой заботой были пассажиры, а не вагон.

— В самом деле, где мы? — спросил Ардан. — Летим мы или нет?

— Может быть, мы преспокойно лежим на флоридской земле? — спросил Николь.

— Или на дне Мексиканского залива? — добавил Ардан.

— Что вы! — воскликнул Барбикен.

Обе догадки, высказанные друзьями, тотчас вернули его к действительности.

Как бы там ни было, пока еще невозможно было сказать что-нибудь достоверное относительно состояния снаряда. Кажущаяся неподвижность его и отсутствие всякого сообщения с внешним миром не позволяли решить этого вопроса. Может статься, снаряд летел по траектории в межпланетном пространстве, а может быть, поднявшись на короткое время вверх, он упал на землю или в Мексиканский залив... Принимая во внимание незначительную ширину Флоридского полуострова, падение в Мексиканский залив представлялось вполне вероятным.

Дело было нешуточное, и задача чрезвычайно интересная. Надо было разрешить ее как можно скорее. Барбикен, взволнованный, усилием воли преодолевая физическую слабость, поднялся на ноги и прислушался. Снаружи — глубочайшее безмолвие. Стены были так толсты, что не пропускали ни малейшего звука. Но одно обстоятельство поразило Барбикена: температура внутри снаряда сильно повысилась. Барбикен вынул из футляра термометр: он показывал сорок пять градусов по Цельсию!

— Мы летим! — сказал Барбикен. — Мы летим! Эта удушающая жара проникает сквозь стенки снаряда! Она объясняется трением ядра об атмосферные слои. Скоро она спадет, потому что мы несемся уже в пустоте. И после того как мы чуть не задохнулись от зноя, нам придется вытерпеть жестокий холод.

— Почему же? — спросил Ардан. — По-твоему, Барбикен, мы уже за пределами земной атмосферы?

— Конечно, Мишель, разумеется. Слушай! Сейчас пятьдесят пять минут одиннадцатого. Мы вылетели восемь минут назад. Если бы скорость полета не уменьшилась от трения снаряда о воздух, нам было

бы достаточно шести секунд, чтобы преодолеть шестнадцать лье земной атмосферы.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь, — но насколько, по-вашему, снизилась от трения наша начальная скорость?

— На одну треть, Николь, — отвечал Барбикен. — Это снижение действительно громадно, но оно соответствует моим расчетам. Таким образом, если начальная скорость снаряда равнялась одиннадцати тысячам метров, то по выходе из атмосферы она должна была снизиться до семи тысяч трехсот тридцати двух метров. Что бы там ни было, этот перегон мы уже миновали и...

— И наш друг Николь проиграл оба пари, — перебил Ардан. — Четыре тысячи долларов за то, что колумбиада не взорвалась, и пять тысяч долларов за то, что снаряд поднялся выше шести миль. Ну-ка, Николь, раскошеливайся.

— Проверим сначала, — ответил капитан. — А за расплатой дело не станет. Весьма возможно, что предположения и расчеты Барбикена совершенно верны и что я проиграл девять тысяч долларов. Но мне приходит в голову другое соображение, которое лишает смысла самое пари.

— Какое же? — встрепенулся Барбикен.

— А такое, что по той или по другой причине искра не попала в порох, и мы не взлетели.

— Черт возьми, капитан, — вскричал Мишель Ардан. — Вот гипотеза, которую даже такой невежда, как я, может мигом опровергнуть. Ты говоришь глупости. А толчок, который нас чуть было не прикончил? Не я ли приводил тебя в чувство? А рана на плече председателя, которая все еще кровоточит...

— Согласен, Мишель, — ответил Николь, — но позволь задать тебе один вопрос.

— Есть, капитан.

— Ты слышал выстрел, который, несомненно, должен быть оглушительным?

— Нет, — отвечал озадаченный Ардан, — я действительно не слышал выстрела.

— А вы, Барбикен?

— Я тоже не слыхал.

— Ну так как же? — спросил Николь.

— В самом деле странно, — пробормотал председатель. — Отчего же мы не слышали выстрела?

Приятели недоуменно переглянулись.

Они столкнулись с необъяснимым явлением. Снаряд полетел, значит должен был быть и выстрел!

— Погодите, — сказал Барбикен, — сначала осмотримся, где мы. Откроем-ка ставни.

Эта простая операция была тотчас же выполнена. Гайки, которые сдерживали болты наружных ставен, поддались нажиму английского ключа; болты были выдвинуты наружу, и металлические пробки, обшитые каучуком, мгновенно заткнули болтовые отверстия. Наружная ставня, как крышка на шарнире, тотчас опустилась и обнажила вставленное в раму выпуклое стекло иллюминатора. Такое же окно имелось на другой стоне снаряда. Третье — было устроено в куполе, четвертое — на полу, на дне снаряда. Таким образом через боковые окна можно было в двух противоположных направлениях наблюдать небо, а через верхний и нижний иллюминатор — Луну и Землю. Барбикен с товарищами кинулись к окну.

В окно не проникал ни один луч света. Снаряд был окружен полнейшим мраком.

— Нет, друзья, мы не упали на Землю! — воскликнул Барбикен. — И не погрузились на дно Мексиканского залива! Нет, мы несемся в пространстве! Взгляните только на сверкающие во мраке звезды и на непроницаемую темноту, сгустившуюся между нами и Землей!

— Ура! Ура! — в один голос вскричали Николь и Ардан.

Густой мрак действительно подтверждал, что снаряд покинул Землю, так как иначе путешественники видели бы земную поверхность, ярко освещенную в эту минуту лунным светом. Темнота доказывала также, что снаряд уже прорезал земную атмосферу, в противном случае рассеянный в воздушном слое свет отражался бы на его металлических стенках. Этот свет проникал бы и в окна, а они оставались неосве-

щенными. Сомнения не было. Путешественники действительно оторвались от Земли.

— Я проиграл, — признал Николь.

— С чем тебя и поздравляю! — сказал Ардан.

— Получите девять тысяч долларов, — сказал капитан, вынимая из кармана пачку банковых билетов.

— Прикажете расписку в получении? — спросил Барбикен, беря деньги.

— Если это вас не затруднит, — ответил Николь. — Порядок никогда не помешает.

И Барбикен серьезно и флегматично, словно он сидел у себя в конторе, вынул записную книжку, вырвал из нее чистый листок, набросал карандашом расписку по всем правилам бухгалтерии, расписался, проставил дату, приложил печать и вручил расписку Николю, который бережно спрятал ее в свой портфель.

Мишель Ардан, сняв фуражку, отвесил товарищам безмолвный поклон. Такой формализм в подобных условиях лишил его дара речи. Ардан отроду не видел ничего более «американского»...

Покончив с деловыми формальностями, Барбикен и Николь снова подошли к окну и принялись разглядывать созвездия. На черном фоне неба звезды выделялись яркими точками, но Луны с этой стороны нельзя было видеть, потому что, двигаясь с востока на запад, она мало-помалу приближалась к зениту. Ее отсутствие удивило Ардана.

— Где же Луна? — сказал он. — Неужели наше свидание с ней не состоится?

— Успокойся, — ответил Барбикен. — Наша будущая «Земля» на своем месте, но с этой стороны мы не можем ее видеть. Отворим другое боковое окно.

Барбикен уже двинулся было к противоположному ставню, как вдруг его внимание было привлечено каким-то приближающимся блестящим предметом. Это был сверкающий шар, колоссальные размеры которого трудно было определить. Поверхность шара, обращенная к Земле, была ярко освещена. Его можно было принять за какую-то маленькую Луну, отражавшую свет большой Луны. Шар двигался с необычайной быстротой и описывал, повидимому, вокруг Земли

кривую, пересекавшую траекторию летящего снаряда. Поступательное движение этого тела дополнялось вращением его вокруг своей оси; таким образом, оно в своем полете ничем не отличалось от других небесных тел, движущихся в пространстве.

— Это еще что же такое? — воскликнул Мишель Ардан. — Еще один снаряд?

Барбикен не ответил. Появление этого громадного небесного тела удивило и встревожило его. Он понимал, что их ядро вполне могло столкнуться с неизвестным болидом и такая встреча грозила путешественникам самыми плачевными последствиями, либо отклонив снаряд с его пути, либо ударом повергнув его обратно на Землю; либо, наконец, этот астероид вследствие непреодолимой силы притяжения мог увлечь снаряд за собой.

Председатель Барбикен быстро оценил все три возможности, которые тем или иным путем привели бы его предприятие к роковому концу. Его спутники безмолвно уставились в пространство. Шар, приближаясь, все увеличивался, и вследствие известной оптической иллюзии путешественникам казалось, что снаряд летит прямо ему навстречу.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — Поезда вот-вот столкнутся!

Путешественники инстинктивно подались назад. Их ужас был неописуем, но продолжался недолго. Астероид пронесся в нескольких стах метрах от снаряда и исчез так же внезапно, как и появился. Это объяснялось не столько быстротой его полета, сколько тем, что его поверхность, обращенная к Луне, быстро потухла в непроглядном мраке.

— Счастливого пути! — проговорил Мишель Ардан со вздохом облегчения. — Подумайте только! Неужели же вселенная так мала, что какое-то жалкое ядро не может на свободе прогуляться по небу? Что это за важная особа, эта планета, которая чуть было нас не сшибла? Кто знает?

— Я знаю, — сказал Барбикен.

— Ты всегда все знаешь, чтоб тебе неладно было!

— Да, это простой болид, но болид очень крупный, который благодаря силе притяжения Земли превратился в ее спутника.

— Неужто? Стало быть, у Земли две Луны? Как у Нептуна!

— Да, Мишель, две Луны, хотя считается, что Луна — единственный спутник Земли. Вторая Луна так мала и скорость ее до того громадна, что жители Земли не в состоянии ее обнаружить. Французский астроном Пти на основании известных отклонений планет сумел установить наличие второго спутника Земли и дать его характеристику. По его наблюдениям этот болид якобы обращается вокруг Земли за три часа двадцать минут, то есть с неимоверной быстротой.

— Все ли астрономы признают существование этого спутника? — спросил Николь.

— Нет, не все, — отвечал Барбикен, — но если бы он им встретился, как сейчас нам, они перестали бы в нем сомневаться. А знаете, мне пришло в голову, что этот болид, который здорово насолил бы нам, столкнись он со снарядом, поможет нам теперь определить наше положение в пространстве.

— Каким образом? — удивился Ардан.

— А вот каким. Расстояние его от Земли известно, значит в той точке, где мы его встретили, мы находились на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от поверхности земного шара.

— Ого, свыше двух тысяч миль! — воскликнул Ардан. — Куда же годятся перед такой скоростью поезда-экспрессы нашей жалкой планеты — Земли!

— Еще бы! — сказал Николь, взглянув на хронометр. — Сейчас одиннадцать часов, а мы покинули американский континент всего только тринадцать минут тому назад.

— Неужели же всего только тринадцать минут? — удивился Барбикен.

— Да, ровно тринадцать, — подтвердил Николь. — И если бы наша первоначальная скорость в одиннадцать километров оказалась постоянной, мы делали бы около двух тысяч лье в час.

— Все это прекрасно, друзья, — проговорил Барбикен, — но перед нами все еще стоит неразрешимый вопрос — почему мы не слыхали выстрела колумбиады?

Не находя ответа, все замолчали, и Барбикен принялся опускать ставень второго бокового иллюминатора. Эта операция удалась ему как нельзя лучше, и через открытое окно полился лунный свет, ярко озаривший внутренность снаряда. Экономный Николь поспешил погасить ненужный теперь газ, который к тому же только мешал наблюдению межпланетных пространств.

Лунный диск сиял с поразительной яркостью. Лучи, уже не задерживаемые туманной атмосферой Земли, струились через окно и наполняли снаряд серебристыми бликами. Черная завеса неба оттеняла яркость Луны, которая в этой пустоте, не рассеивавшей света, уже не затмевала соседних звезд. Теперь небо представляло совершенно особое, невообразимое для земного жителя зрелище.

Легко понять, с каким интересом рассматривали наши смельчаки ночное светило — конечную цель своего путешествия. Спутник Земли в своем поступательном движении незаметно приближался к зениту — математической точке, которой он должен был достигнуть примерно через девяносто шесть часов. Горы, равнины, весь рельеф Луны казался ничуть не крупнее, чем с любой точки земного шара, но в пустом пространстве свет Луны достиг ослепительной яркости. Диск сверкал, словно платиновое зеркало.

О Земле, которая все дальше уходила от них, путники забыли даже и думать. Капитан Николь первый вспомнил о покинутой планете.

— Не будем неблагодарными. Наш последний взгляд должен быть обращен к нашей родине в минуту разлуки с ней. Я хочу еще раз увидеть Землю, прежде чем она совсем скроется из глаз, — сказал он.

Барбикен охотно согласился исполнить желание товарища и начал поспешно распечатывать окно в дне снаряда, откуда можно было наблюдать Землю. Подвижной диск, который при взлете снаряда был при-

жат к самому дну, друзья разобрали не без труда. Части его бережно расставили вдоль стен, — они могли еще пригодиться. Тогда в нижней части снаряда образовался круглый просвет в пятьдесят шесть сантиметров ширины. Этот просвет закрывало толстое стекло толщиной в пятнадцать сантиметров, укрепленное медной арматурой. Снаружи к окну была прилажена алюминиевая ставня на шурупах. Шурупы отвинтили, болты ослабили, алюминиевая ставня отошла, и открылся вид на небо.

Мишель Ардан, став на колени, нагнулся над окном. Оно было темное, точно матовое.

— Что это! — воскликнул он. — Где же Земля?

— Земля? — переспросил Барбикен. — Да вот она!

— Как, эта узенькая полоска? Этот серебристый серп?

— Ну, конечно, Мишель. Через четыре дня, в полнолуние, в тот момент, как мы достигнем Луны, Земля будет находиться в фазе «новоземелия». Сейчас мы видим Землю только в форме узкого серпа, который скоро исчезнет, и Земля на несколько дней погрузится в полнейший мрак.

— Вот тебе на! Вот так Земля! — повторял Ардан, глядя во все глаза на тонкий серп родной планеты.

Объяснение Барбикена было правильно. Земля по отношению к снаряду переходила в свою последнюю фазу. Ее серп, составляющий восьмую часть диска, ясно вырисовывался на фоне черного неба. Свет этого серпа, синеватый от плотного слоя атмосферы, был так же ярок, как и свет Луны, а самый серп можно было сравнить с огромным, растянутым по небу луком. Некоторые точки, особенно в его вогнутой части, были ярко освещены и свидетельствовали о наличии высоких гор; но эти точки по временам заволакивались темными мутными пятнами, каких мы никогда не видим на поверхности Луны. Это были кольца облаков, окружавших земной шар.

Впрочем, благодаря тому же закону, который проявляется и на Луне, находящейся в фазе новолуния, весь диск земного шара был хорошо различим на фоне неба. Диск светился пепельным светом,

менее, однако, сильным, чем пепельный свет Луны. Причину этой меньшей яркости пепельного света понять легко. Пепельный свет Луны обусловлен солнечными лучами, отраженными от поверхности Земли. На Землю же, наоборот, отраженный свет Солнца падает с Луны. Стало быть, отражение с Земли в тринадцать раз сильнее лунного вследствие разницы объемов обоих небесных тел. Этим объясняется разница в силе пепельного света: темная часть Земли вырисовывалась менее четко, чем темный диск Луны, так как яркость освещения пропорциональна силе света обоих светил. Надо также добавить, что земной серп казался более вытянутым в длину, что объяснялось явлением иррадиации.

В то время как путешественники вглядывались в глубокий мрак межпланетного пространства, перед ними внезапно рассыпался сверкающий букет падающих звезд. Сотни болидов, воспламеняясь от сопротивления атмосферы, прорезали темноту блестящим огненным дождем и исчертили сверкающими линиями темную часть земного диска. В этот период Земля находилась в перигелии, а декабрь всегда изобилует падающими звездами, которых астрономы насчитывают до двадцати четырех тысяч в час. Мишель Ардан, однако, пренебрегая научными объяснениями, предпочитал думать, что Земля этим искрометным фейерверком провожает в опасный путь своих троих детей.

Вот и все, что видели друзья от погруженного во мрак родного светила, одной из меньших планет нашей солнечной системы, восходящей и заходящей утром и вечером, как и остальные более крупные планеты. Земля была теперь едва заметной точкой в пространстве, бледным, исчезающим во мраке серпом — и это было все, что оставалось от планеты, на которой они покинули все дорогое сердцу.

Долго три друга, в полном молчании, но взволнованные одинаковыми чувствами, смотрели вдаль, между тем как снаряд уносил их от Земли с постепенно убывающей скоростью.

Наконец, путешественников стало непреодолимо клонить ко сну. Была ли то физическая усталость или

упадок душевных сил? Естественно, что после того возбуждения, в котором они находились в последние часы на Земле, неизбежно должна была последовать реакция.

— Ну что ж, спать так спать, — сказал Мишель.

Друзья улеглись на тюфяках, и скоро все трое погрузились в глубокий сон.

Но не проспали они и сорока пяти минут, как Барбикен вскочил и начал будить товарищей.

— Понял! Понял! — кричал он.

— Что понял, что? — спросил Мишель Ардан, вскакивая с тюфяка.

— Понял, почему мы не слыхали выстрела колумбиады!

— Ну? — спросил Николь.

— Потому что наше ядро летит быстрее звука и опередило его!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Путешественники устраиваются на новоселье.

После этого поразительного, но, конечно, вполне правильного объяснения, трое товарищей снова заснули глубоким сном. Да и где бы могли они отыскать более тихое и спокойное место для отдыха? На Земле и городские дома и сельские хижины воспринимают все сотрясения, какие только возможны на поверхности земного шара. На море корабль качается на волнах, находясь в постоянном движении. В воздухе аэростат непрерывно болтается вследствие разной плотности воздушных слоев. Только снаряд, летевший в полной пустоте, среди полного безмолвия, мог обеспечить своим обитателям полный покой.

Поэтому сон наших смельчаков продолжался бы, может быть, бесконечно, если бы внезапный шум не пробудил их в семь часов утра 2 декабря, через восемь часов после их вылета.

Этим звуком был самый обыкновенный собачий лай.

— Что это, собака? — воскликнул Мишель Ардан, сразу вскакивая. — Ах, это же наши собаки!

— Они проголодались, — заметил Николь.

— Черт возьми! Мы совсем забыли про них!

— Да где же они? — спросил Барбикен.

Все трое принялись за розыски и скоро обнаружили одну собаку, забившуюся под диван. Толчок при вылете так ошеломил ее, что она молча лежала в углу до тех пор, пока голод не заставил ее залаять.

Это была бедная Диана, которая еще не вполне пришла в себя, но все-таки выползла из своего убежища на призыв хозяев.

Ардан подбадривал ее самыми нежными прозвищами.

— Диана, милочка, сюда, — говорил он, — поди ко мне, дочка! Твоя история будет воспета в охотничьих летописях; язычники сделали бы тебя подругой Анубиса, а христиане — спутницей святого Роха; ты достойна, голубушка, чтобы бог Аида выковал тебе свинцовую статую, как тому псу, которого Юпитер уступил прекрасной Европе за один только поцелуй; твоя слава превысит славу героев Монтаргиса и горы́ Сен-Бернар; взлетев в межпланетные миры, ты, того гляди, станешь Евой лунного собачьего рода! Ты оправдаешь на Луне изречение Туссенеля: «Вначале бог создал человека и увидел, что он слаб, и дал ему собаку!» Сюда, Диана, ко мне!

Неизвестно, польстил ли Диане этот высокопарный дифирамб, но она, жалобно скуля, мало-помалу выползла из-под дивана.

— Так, — сказал Барбикен, — Ева налицо, а где же Адам?

— Адам? — повторил Ардан. — Адам, верно, недалеко. Он где-нибудь тут. Надо его покликать. Сателлит, сюда! Сателлит! Сателлит!

Но Сателлит не показывался, и Диана продолжала жалобно скулить.

Друзья установили, однако, что она не ранена и угостили ее аппетитным куском пирога, что сразу же прекратило ее жалобный вой.

Что же до Сателлита, то он исчез. Лишь после долгих поисков его удалось обнаружить в верхней части снаряда, куда он был самым непостижимым образом отброшен толчком при вылете снаряда. Бедный пес был в жалком состоянии.

— Экое горе, — воскликнул Мишель Ардан. — Вот тебе и акклиматизация!

Несчастного пса бережно спустили вниз.

Он разбился головой о свод снаряда и едва ли мог поправиться после такого удара. Тем не менее раненого перенесли вниз и уложили на подушку.

— Бедный пес, мы будем ухаживать за тобой, — сказал Мишель Ардан. — На нас лежит ответственность за твою жизнь. Я предпочту потерять руку, чем допустить, чтобы бедняга Сателлит охромел хотя бы на одну лапу!

Мишель дал раненому псу несколько глотков воды. Пес с жадностью набросился на воду. После этого путешественники снова вернулись к своим наблюдениям над Луной.

Теперь Земля уже представлялась им в виде пепельного диска, который с одной стороны был окаймлен еще более узким серпом, чем накануне; но по сравнению с Луной, постепенно приобретавшей очертания правильного круга, земной серп все еще казался огромным.

— Экая досада, что мы не вылетели в минуту «полноземелия», то есть тогда, когда наш земной шар был как раз против Солнца, — вздохнул Ардан.

— Почему? — удивился Николь.

— Потому что тогда мы увидели бы в совершенно новом свете все наши материки и моря. Первые переливались бы под солнечными лучами всеми цветами радуги, а последние темнели бы и синели, как на географических картах. Мне бы также хотелось взглянуть на полюса Земли, которых никогда еще не видел человеческий глаз.

— Все это так, — сказал Барбикен. — Но если бы Земля была «полной», то в фазе новолуния находилась бы Луна. Другими словами, она была бы невидима в солнечных лучах. А для нас выгоднее видеть

цель, к которой мы стремимся, чем точку нашего отправления.

— Вы совершенно правы, Барбикен, — согласился Николь. — К тому же, заметьте, что когда мы доберемся до Луны, то за долгие лунные ночи мы вдоволь успеем наглядеться на земной шар, где копошатся нам подобные.

— Нам подобные? — переспросил Мишель Ардан. — Они теперь такие же нам подобные, как и жители Луны — селениты. Ведь наш снаряд — новый мир, населенный только нами одними. Мне подобен Барбикен, Барбикен — Николю. Над нами и вне нас человечество кончается; мы трое — единственные жители этого мирка до той самой минуты, пока мы не превратимся в обыкновенных селенитов.

— Это случится почти через восемьдесят восемь часов, — сказал Николь.

— А это значит? — спросил Мишель Ардан.

— Это значит, что теперь половина девятого, — ответил Николь.

— На мой взгляд, — заключил Мишель, — невозможно привести никаких возражений против завтрака; теперь самое время закусить.

Действительно, жители новой планеты не могли обойтись без еды, и их желудки повелительно заявляли о своих законных правах.

Мишель Ардан в качестве француза объявил себя шеф-поваром и главным распорядителем. По этой части ему не было соперников. Газ доставил необходимое тепло, а в ящике с провизией нашлись припасы для первой закуски в межпланетном пространстве.

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, который Мишель приготовил, распустив в горячей воде драгоценные таблетки Либига из лучших сортов говядины. За мясным бульоном последовало несколько ломтиков бифштекса, спрессованных под гидравлическим прессом. Бифштекс был так сочен и нежен, словно он только что вышел из кухни английского кафе. Мишель, отличавшийся чрезвычайно пылким воображением, уверял даже, что бифштекс этот «с кровью».

Вслед за мясом появились консервированные овощи — «первой свежести», по уверению Ардана, и, наконец, завтрак завершился превосходным чаем с печеньем, приготовленным по-американски. Этот напиток, признанный друзьями восхитительным, был изготовлен из листиков первосортного чая, несколько ящиков которого предоставил в распоряжение путешественников российский император. Роскошный пир увенчался бутылкой великолепного бургундского, «случайно» обнаруженной Мишелем в ящике с припасами. Три друга выпили за союз Земли с ее спутником.

И Солнце, словно не довольствуясь участием в изготовлении этого благодетельного вина, напоенного его лучами и теплом на холмах Бургундии, само захотело присоединиться к компании трех собутыльников. Как раз в эту минуту снаряд вышел из конуса тени, которую отбрасывал земной шар, и лучи дневного светила озарили нижнюю часть снаряда благодаря углу, образуемому орбитами Земли и Луны.

— Солнце! — воскликнул Ардан.

— Конечно, Солнце! — ответил Барбикен. — Я все время дожидаюсь его появления.

— Однакоже теневой конус, отбрасываемый Землей в пространство, простирается и по ту сторону Луны.

— И даже на довольно значительное расстояние, — подтвердил Барбикен, — если не учитывать преломления лучей в атмосфере. Но когда Луна окружена этой тенью, это значит, что центры трех светил — Солнца, Земли и Луны — находятся на одной прямой. Тогда точки пересечения их орбит совпадают с фазами полной Луны и происходит затмение. Отправься мы в момент лунного затмения, все наше путешествие совершилось бы в темноте. А это было бы крайне неприятно.

— Почему?

— Да потому, что хоть мы и несемся в пустоте, наш снаряд залит лучами Солнца, снабжающего нас светом и теплом. Благодаря этому мы можем экономить газ. А он нам еще пригодится.

Действительно, блеск и теплота солнечных лучей, не смягченные никакой атмосферой, освещали и согревали

снаряд так, словно он внезапно перекочевал из зимы в лето. Снаряд был затоплен сверху лунным светом, а снизу — солнечным.

— А ведь у нас недурно! — заметил Николь.

— Еще бы! — подхватил Ардан. — Будь у нас в нашей алюминиевой квартире хоть горсточка земли, я бы за сутки вырастил сахарный горошек. Боюсь только, как бы стенки снаряда не начали плавиться.

— Успокойся, милый друг, — сказал Барбикен. — Когда снаряд прорезал атмосферу, он выдержал температуру повыше теперешней. Я нисколько не удивился бы, если бы жители Флориды приняли наш снаряд за раскаленный болид.

— Значит, Мастон считает, что мы изжарились?

— Я и сам удивляюсь, что этого с нами не случилось, — сказал Барбикен. — Вот опасность, которой никто из нас не предусмотрел.

— Ошибаетесь, я очень этого опасался, — просто сказал Николь.

— И ты ни слова не проронил об этом, доблестный капитан? — воскликнул Ардан, пожимая ему руку.

Тем временем Барбикен продолжал устраиваться в снаряде, словно он собирался остаться здесь навсегда. Мы помним, что воздушный вагон представлял в основании площадь в пятьдесят четыре квадратных фута, а в высоту достигал двенадцати футов. Он был очень искусно отделан внутри: каждому предмету — дорожной утвари, поклаже, приборам и инструментам — было отведено свое место, и поэтому, не загромождая снаряда, они оставляли пассажирам довольно большое пространство. Толстое стекло, занимавшее часть дна, могло выдержать большую тяжесть. Барбикен и его друзья спокойно расхаживали по стеклу, как по обыкновенному полу, а солнечные лучи, падая отвесно снизу, освещали внутренность снаряда, создавая самые фантастические световые эффекты.

Путешественники осмотрели бак с водой и ящик с провизией. Благодаря мерам, принятым для ослабления толчка, кладовые нисколько не пострадали. Провизия имелась в изобилии, и ее хватило бы для троих путешественников на целый год. Барбикен позаботился

запастись продуктами на тот случай, если бы снаряд опустился в совершенно бесплодных областях Луны. Что же касается водки и воды, запасы которой достигали пятидесяти галлонов, то они были рассчитаны всего на два месяца. По последним наблюдениям астрономов, атмосферное давление на Луне считалось очень низким, атмосфера была плотной и насыщенной парами, в особенности в глубоких низинах, где, несомненно, имелись многочисленные ручьи. Таким образом, во время путешествия и первого года пребывания на Луне мужественные исследователи не должны были испытывать ни голода, ни жажды.

Оставалась проблема воздуха внутри снаряда. Но и здесь все оказалось предусмотренным. Аппарат Рейзе и Реньо, предназначенный для производства кислорода, был заправлен хлорноватокислым калием с запасом на два месяца. Он, конечно, расходовал некоторое количество газа, так как калий подогревался до температуры свыше четырехсот градусов. Но и в этом отношении все было рассчитано с запасом. К тому же аппарат не требовал почти никакого обслуживания и работал автоматически. При указанной высокой температуре хлорноватокислый калий, превращаясь в хлористый калий, отдавал весь содержащийся в нем кислород. Какое же количество кислорода можно получить из восемнадцати фунтов хлорноватокислого калия? Семь фунтов — все что требовалось для дыхания обитателей снаряда.

Задача, однако, не ограничивалась только восполнением израсходованного запаса кислорода; надо было также позаботиться об удалении выделяемой при дыхании углекислоты. За двенадцать с лишним часов атмосфера внутри снаряда была перенасыщена этим газом, представляющим продукт соединения элементов крови с кислородом. Капитан Николь сразу же заметил по учащенному трудному дыханию Дианы, что воздух в снаряде тяжелый. Как и в знаменитой Собачьей пещере, углекислота вследствие своего веса собиралась на дне снаряда, и бедная Диана, лежавшая головой на полу, должна была гораздо раньше своих хозяев испытать действие этого вредного газа. Капитан Николь

поспешил исправить дело. Он тотчас же расставил по дну снаряда несколько банок с раствором едкого натра, предварительно их встряхнув. Это вещество, жадно поглощающее углекислоту, быстро очистило воздух внутри ядра.

После этого друзья перешли к осмотру инструментов и приборов. За исключением одного минимального термометра, у которого разбилось стекло, все термометры и барометры уцелели. Превосходный металлический барометр был вынут из выложенного ватой ящика и повешен на стену. Он показывал, конечно, только давление воздуха внутри снаряда, но зато был снабжен гигрометром, определявшим влажность воздуха. В данную минуту его стрелка колебалась между 765 и 760 миллиметрами. Это означало хорошую, ясную погоду.

Взятые Барбикеном компасы тоже оказались в целости и исправности. Внутри снаряда их стрелки бешено вращались, не указывая никакого направления. Естественно, что на таком расстоянии от Земли магнитный полюс не мог оказывать ощутительного влияния на прибор. Но на Луне компасы могли бы обнаружить любопытнейшие явления. Во всяком случае, было очень интересно проверить, подчиняется ли спутник Земли тем же законам магнетизма, как и сама Земля.

Осмотрели и гипсометр — прибор для измерения высоты лунных гор, секстант для определения высоты Солнца, теодолит — геодезический инструмент, служащий угломером. И, наконец, проверили подзорные трубы, которые должны были сыграть важную роль во время приближения снаряда к Луне. Все эти инструменты и приборы после тщательного осмотра и проверки были найдены в хорошем состоянии, несмотря на резкий толчок при вылете.

Рабочие орудия — кирки, заступы и прочие, — о которых специально позаботился Николь, всевозможные семена и саженцы, которые Ардан мечтал пересадить на лунную почву, — все лежали на своих местах, в верхних помещениях снаряда. Здесь, под куполом, образовался своего рода чердак, который изобрета-

тельный француз завалил целыми горами какой-то утвари. Что именно там хранилось, было неизвестно. Мишель не считал нужным ставить об этом в известность своих товарищей. Они заметили только, что Мишель время от времени поднимался в этот тайник по вделанным в стене ступенькам и наводил там порядок. Он что-то раскладывал, переставлял, торопливо шарил в каких-то таинственных коробках, напевая старинную французскую песенку и при этом немилосердно фальшивя, чем несказанно веселил всю компанию.

Барбикен придавал большое значение сохранности ракет и фейерверков. Эти важные приспособления с тяжелым зарядом предназначались для замедления скорости ядра, когда, пройдя нейтральную зону, оно должно было войти в область лунного притяжения и затем упасть на поверхность Луны. Впрочем, благодаря различию в массах Земли и Луны сила падения была в шесть раз слабее той силы, с которой ядро упало бы на Землю.

Итак, весь осмотр закончился ко всеобщему удовлетворению. Затем каждый из путешественников снова вернулся к наблюдениям межпланетного пространства через стекла боковых иллюминаторов.

Их глазам представлялось все то же зрелище. Все пространство небесной сферы усыпано было звездами и созвездиями необычайной яркости, способной свести с ума любого астронома. С одной стороны сверкало Солнце, как жерло громадной огнедышащей печи, как ослепительный диск без сияния, на фоне совершенно черного неба. С другой стороны Луна отбрасывала отраженные солнечные лучи и казалась неподвижной среди окружающего ее звездного сонма.

Внизу виднелось темное пятно, словно глубокий колодезь в небе, окруженное серебристой каемкой: это была Земля. Там и сям проступали туманности, точно громадные комья звездного снега, а от зенита до надира тянулось исполинское кольцо, образованное из россыпи неисчислимых звезд — Млечный Путь, — в котором наше Солнце представляет светило всего лишь четвертой величины. Друзья долго не могли оторвать глаз от невиданного зрелища, не поддававшегося ника-

кому описанию. Сколько новых мыслей, сколько неведомых доселе чувств рождала эта картина вселенной в их душах! Барбикен под свежим впечатлением решил приступить к путевым заметкам; он отмечал час за часом все события, сопровождающие осуществление его дерзкого замысла. Он писал спокойно, крупным, словно квадратным почерком, сухим слогом, напоминающим коммерческие отчеты.

Математик Николь тем временем проверял свои расчеты траекторий и с необычайной ловкостью орудовал астрономическими цифрами. Ардан то и дело заговаривал с Барбикеном, который ему не отвечал, или с Николем, который его не слушал, или, наконец, с Дианой, ничего не понимавшей в его рассуждениях. Он вел длинные диалоги сам с собой, задавая вопросы, сам же отвечая на них, вертелся, шмыгал то сюда, то туда, то приседая на корточки над нижним иллюминатором, то залезая под самый купол снаряда, — и при этом всегда напевал себе под нос. В этом микрокосме он олицетворял собою подвижность и способность приспосабливаться к любым условиям, столь свойственные французской нации, и, надо сказать, что его родина имела в нем достойного представителя.

День, или, точнее говоря, двенадцатичасовой промежуток, составлявший день на Земле, закончился обильным, мастерски приготовленным ужином. Никакое событие до сих пор не нарушало беспечного настроения друзей, не поколебало их уверенности в успехе.

Так, полные надежд, не сомневаясь в удаче, они мирно заснули, в то время как снаряд со все убывающей скоростью летел по неведомым путям вселенной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немного алгебры.

Ночь прошла без приключений. Собственно говоря, слово «ночь» в данном случае не подходит.

Снаряд нисколько не изменил своего положения относительно Солнца. По астрономическому времени в

нижней части снаряда был день, в верхней — ночь. Поэтому каждый раз, когда в нашем рассказе мы будем употреблять слова «день» и «ночь», их надо понимать как время от восхода до захода Солнца на Земле.

Глубокий сон наших путешественников был тем спокойнее, что снаряд, несмотря на громадную скорость полета, казался совершенно неподвижным. Никакое сотрясение не обнаруживало его движения в пространстве. Движение, с какой бы скоростью оно ни происходило, никак не отражается на человеке, когда оно совершается в пустоте или когда масса воздуха, окружающая тело, движется вместе с ним.

Кто из обитателей Земли замечает скорость ее движения? Однакоже он несется вместе с нею со скоростью девяноста тысяч километров в час. Движение в таких условиях не ощущается так же, как и покой. Ни одно тело на него не реагирует. Если тело находится в покое, оно продолжает оставаться в покое, пока его не выведет из этого состояния какая-либо посторонняя сила. Если же тело в движении, оно не остановится до тех пор, пока ему не преградит путь какое-либо препятствие. Это безразличие к движению или к покою и есть инерция.

Барбикен и его спутники, заключенные в снаряде, чувствовали себя в полной неподвижности. Впрочем, их ощущение покоя не прекратилось бы, даже если бы они расположились на поверхности снаряда. Не будь Луны, которая все увеличивалась над ними, они могли бы побиться об заклад, что реют в какой-то совершенно неподвижной среде.

В это утро, 3 декабря, друзья были разбужены радостным, но совершенно неожиданным звуком. Это был крик петуха, раздавшийся в самом снаряде.

Первым вскочил Мишель и проворно вскарабкался на свой «чердак». Он поспешно запер какой-то приоткрывшийся ящик.

— Да замолчишь ли ты, — сказал он шепотом. — Эта тварь провалит всю мою затею!

Николь и Барбикен проснулись.

— Петух! — воскликнул Николь.

— Успокойтесь, друзья мои! — с живостью ответил Мишель. — Я просто захотел вас потешить сельской музыкой.

И он издал такое великолепное «кукареку», которое сделало бы честь самому гордому представителю петушиной породы.

Оба американца разразились громким смехом.

— Необычайный талант, — сказал Николь, лукаво посматривая на своего товарища.

— Такие шутки очень приняты у нас во Франции, — ответил Мишель. — Это совсем по-галльски. У нас кричат петухом даже в самом лучшем обществе.

Затем, желая перевести разговор на другую тему, он добавил:

— А знаешь, Барбикен, о чем я думал всю ночь?

— О чем? — спросил председатель.

— Я все думал о наших кембриджских друзьях. Ты, конечно, заметил, что я ни черта не смыслю в математике. Так вот я никак не могу понять, каким образом наши ученые в обсерватории могли вычислить скорость, которую должен иметь снаряд, чтобы долететь до Луны.

— Ты хочешь сказать, — перебил Барбикен, — до той нейтральной точки, где силы земного и лунного притяжения одинаковы, потому что с этой точки, которая находится почти на девяти десятых всего расстояния между обеими планетами, снаряд полетит на Луну сам собой, вследствие собственной тяжести.

— Ну да, именно это я и имел в виду, — сказал Мишель. — Но как же все-таки они вычислили эту скорость?

— Ничего нет легче.

— А ты сумел бы сам провести это вычисление?

— Ну, разумеется. Мы с Николем вычислили бы эту скорость и сами, если бы справка обсерватории не избавила нас от этого труда.

— Подумать только, — вздохнул Мишель. — А я бы не мог решить этой задачи даже под страхом смертной казни.

— Потому что ты не знаешь алгебры, — спокойно ответил Барбикен.

— Эх вы, «иксоеды»! Вы думаете, сказали: «Алгебра», и этим все объяснили!

— Мишель, — сказал Барбикен, — ты, надеюсь, не станешь отрицать, что нельзя ковать без молота или пахать без плуга?

— Не стану, конечно.

— Ну, так алгебра — такое же орудие, как соха или плуг, — и орудие весьма полезное для тех, кто умеет с нею обращаться.

— Не может быть.

— Сущая правда.

— А ты согласен воспользоваться этим орудием тут же при мне? Если тебе, конечно, не скучно.

— Разумеется.

— И показать мне, как вычислить начальную скорость нашего снаряда?

— Да, дорогой друг. Приняв в расчет все известные условия задачи: расстояние от центра Земли до центра Луны, радиус Земли, массу Земли, массу Луны, я могу с точностью установить начальную скорость нашего снаряда, и при этом с помощью самой простой формулы.

— Какая же это формула?

— А вот увидишь. Но только я не стану вычерчивать кривой, описанной нашим снарядом между Луной и Землей, учитывая их отнсситепьное движение вокруг Солнца. Предположим, что обе планеты неподвижны. Этого будет совершенно достаточно.

— Почему же?

— Потому что именно так решаются задачи, называемые «задачами трех тел», интегральный же метод для решения таких задач еще недостаточно разработан.

— Скажите, пожалуйста, — насмешливо произнес Мишель Ардан, — стало быть, математики еще не сказали своего последнего слова!

— Ну, разумеется, нет, — ответил Барбикен.

— Ну что ж! Авось лунные жители довели интегральное исчисление до большего совершенства, чем вы! А кстати, что такое интегральное исчисление?

— Этот способ, противоположный дифференциальному исчислению...

— Благодарю покорно!

— Другими словами, это исчисление, дающее нам конечные величины, дифференциалы которых нам известны.

— Вот это по крайней мере понятно! — воскликнул Мишель с видом полного удовлетворения.

— А теперь, — сказал Барбикен, — дай мне кусочек бумаги, огрызок карандаша, и через полчаса я покажу тебе нужную формулу.

С этими словами Барбикен принялся за вычисления. Николь продолжал изучать в окно необозримые межпланетные пространства, предоставив Мишелю заботу о завтраке.

Не прошло и получаса, как Барбикен, подняв голову, показал Ардану бумажку, исписанную алгебраическими знаками, среди которых выделялась следующая формула:

$$\frac{1}{2}(v^2 - v_0^2) = gr\left\{\frac{r}{x} - 1 + \frac{m'}{m}\left(\frac{r}{d-x} - \frac{r}{d-r}\right)\right\}.$$

— Что же это значит? — спросил Мишель.

— Это значит, — ответил Николь, — что одна вторая *v* в квадрате минус *v* нулевое в квадрате равно *gr*, помноженное на *r*, деленное на *x*, минус единица плюс *m* прим, деленное на *m*, умноженное на *r*, деленное на *d* минус *x*, минус *r*, деленное на *d* минус *r*...

— Икс плюс игрек на закорках у зета и верхом на р, — расхохотался Мишель. — И все это тебе понятно, капитан?

— Ничего нет понятнее.

— Ну еще бы! — сказал Мишель. — Да ведь это же ясно с первого взгляда; теперь мне больше ничего не требуется.

— Вечно ты издеваешься! — вмешался Барбикен. — Захотел алгебры, ну и получай.

— Пусть уж лучше меня повесят!

— В самом деле, — сказал Николь с видом знатока, читая формулу. — Мне кажется, эта формула совер-

шенно правильна. Это интеграл уравнения действующих сил, и я не сомневаюсь, что она приведет к искомому результату!

— Но я тоже хочу хоть что-нибудь понять! — вскричал Мишель. — Я готов отдать за это десять лет жизни... Николя.

— Ну так послушай, — начал Барбикен. — Половина v квадрат минус v нулевое в квадрате — это формула, дающая нам полувариацию действующей силы.

— Ну, допустим. А Николь тоже понимает, что это значит?

— Конечно, Мишель, — ответил капитан. — Все эти, кажущиеся тебе каббалистическими, знаки составляют самый простой, самый точный и логичный язык для тех, кто им владеет.

— И ты полагаешь, Николь, — сказал Мишель, — что при помощи таких иероглифов, еще более непонятных, чем египетские «ибисы», ты сможешь найти начальную скорость, которую следовало сообщить снаряду?

— Безусловно, — ответил Николь. — При помощи этой формулы я смогу даже сказать тебе, с какой скоростью летит снаряд в любой точке пространства.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Подумать только, ты, значит, ученый не хуже нашего председателя!

— Нет, Мишель. Барбикен сделал как раз самое трудное. Он нашел уравнение, определяющее все условия задачи. Остальное — вопрос арифметики, и требует только знания четырех правил.

— Ну это действительно пустяки! — ответил Мишель Ардан, хотя ни разу в жизни не одолел ни одной задачи на сложение и называл эти упражнения «китайскими головоломками, позволяющими получать бесконечно разнообразные итоги».

Барбикен, однако, уверял, что и Николь, поразмыслив, смог бы самостоятельно найти ту же формулу.

— Не знаю, — возразил Николь, — чем больше я ее изучаю, тем больше она меня восхищает.

— А теперь,— сказал Барбикен, обращаясь к своему невежественному другу, — слушай. Ты поймешь, что все эти буквы имеют определенные значения.

— Слушаю, — смиренно сказал Мишель.

— d означает расстояние между центрами Земли и Луны, — сказал Барбикен. — Эти точки нам нужны для вычисления сил притяжения.

— Понятно.

— r — радиус Земли.

— Радиус... Допустим.

— m — масса Земли, а m прим — это масса Луны. Эти величины приняты в формуле потому, что притяжение тел пропорционально их массам.

— Понимаю.

— g — сила тяжести, скорость, приобретаемая телом в течение секунды при падении на поверхность Земли. Ясно?

— Как божий день!

— Буквой x я обозначил то переменное расстояние, которое отделяет нас от центра Земли, а v — скорость снаряда при данном расстоянии.

— Прекрасно!

— Наконец, скорость снаряда по выходе из атмосферы обозначим v нулевое.

— Правильно, — сказал Николь, — до этой точки и следовало вычислять скорость, так как известно, что начальная скорость в полтора раза больше той, которую снаряд сохранил при выходе из атмосферы.

— Ничего не понял! — воскликнул Мишель.

— Это же так просто! — сказал Барбикен.

— Просто, да, видно, не для меня! — ответил Мишель.

— Это значит, что когда наш снаряд достиг границы земной атмосферы, он уже потерял треть своей начальной скорости.

— Так много?

— Да, милый друг, и притом только вследствие сопротивления воздуха: трения о воздух, понимаешь? Ты представляешь себе, что чем быстрее движется снаряд, тем большее сопротивление оказывает ему атмосфера?

— Это понятно, — согласился Мишель, — это я себе представляю, но все эти ваши v нулевое и v нулевое в квадрате отскакивают от моей тупой башки, как от стены горох...

— Первая естественная реакция на алгебру. Но погоди, голубчик, — сказал Барбикен, — сейчас, чтобы доконать тебя, мы вставим в эту формулу числовые значения, соответствующие каждой букве.

— Делать нечего, приканчивайте меня! — с отчаянием воскликнул Мишель.

— В этой формуле, — продолжал Барбикен, — есть величины известные, а есть и такие, которые еще придется вычислить.

— Этим займусь я, — сказал Николь.

— Итак, во-первых, r представляет собой земной радиус, величина которого на широте Флориды — точке нашего отправления — равняется шести миллионам тремстам семидесяти тысячам метров; d — расстояние между центрами Земли и Луны, равное пятидесяти шести радиусам Земли, значит...

— Значит, — перебил Николь, уже успевший сделать вычисление, — это самое расстояние будет равно тремстам пятидесяти шести миллионам семистам двадцати тысячам метров в то время, когда Луна находится в перигее, то есть в наиболее близкой точке от Земли.

— Правильно, — подтвердил Барбикен. — Далее: m прим, деленное на m, есть отношение массы Луны к массе Земли, равное одной восемьдесят первой.

— Отлично, — заметил Мишель.

— g — сила тяжести, которая во Флориде равна девяти метрам и восьмидесяти одному сантиметру; отсюда следует, что gr равно...

— Шестидесяти двум миллионам четыремстам двадцати шести тысячам квадратных метров, — подхватил Николь.

— А дальше что? — спросил Мишель Ардан.

— А дальше, — ответил Барбикен, — когда буквы заменены числовыми величинами, я могу приступить к определению v нулевого, то есть скорости, которую снаряд должен иметь при выходе из атмосферы, чтобы

с нулевой скоростью достигнуть точки равного притяжения. Итак, если в этот момент скорость должна быть равной нулю, то x будет расстоянием, на котором находится эта нейтральная точка, и может быть выражено девятью десятыми d, то есть мы получаем расстояние между двумя центрами.

— Сплошной туман, — вздохнул Мишель.

— У меня, стало быть, получится: x равно девяти десятым d и v равно нулю, а тогда моя формула примет вид...

Барбикен быстро выписал формулу:

$$V_0^2 = 2gr\left\{1 - \frac{10r}{9d} - \frac{1}{81}\left(\frac{10r}{d} - \frac{r}{d-r}\right)\right\}.$$

— Так! Именно так! — вскричал Николь, жадно впиваясь глазами в формулу.

— Все ли ясно? — спросил Барбикен.

— Чего же яснее! — воскликнул Николь.

— Ну и мудрецы! — прошептал Мишель.

— Понял ли ты, наконец? — спросил его Барбикен.

— Еще как! — воскликнул Мишель. — Того гляди, голова треснет...

— Итак, — продолжал Барбикен, — v нулевое в квадрате равно двум gr, помноженным на единицу минус десять r, деленных на девять d, минус одна восемьдесят первая, помноженная на десять r, деленных на d минус r, поделенных на d минус r.

— А чтобы получить искомую скорость снаряда по выходе его из атмосферы, — добавил Николь, — остается только произвести вычисление.

И капитан, не страшась никаких трудностей, с неимоверной быстротой принялся за вычисление. Столбцы цифр вырастали из-под его карандаша, и скоро вся страница была испещрена делениями и умножениями. Барбикен внимательно следил за капитаном, а Мишель, сжав обеими руками голову, старался избавиться от начавшейся мигрени.

— Ну как? — спросил Барбикен после некоторого молчания.

— Готово! — ответил Николь. — Для того чтобы снаряд мог долететь до нейтральной точки, где притя-

жения Земли и Луны уравновешиваются, скорость его при выходе из атмосферы должна быть равной...

— Чему? — с нетерпением спросил Барбикен.

— Одиннадцати тысячам пятидесяти одному метру в первую секунду.

— Как? — воскликнул Барбикен. — Сколько?

— Одиннадцать тысяч пятьдесят один метр, — повторил капитан.

— Проклятье! — воскликнул в отчаянии Барбикен.

— Что с тобой, дорогой? — спросил Мишель Ардан, не понимая волнения председателя.

— Что со мной? Если в данный момент скорость от трения уже уменьшилась на одну треть, то первоначальная скорость должна была равняться...

— Шестнадцати тысячам пятистам семидесяти шести метрам! — ответил Николь.

— А по расчетам Кембриджской обсерватории выходило, что достаточно скорости в одиннадцать тысяч метров. И именно с этой скоростью мы и вылетели из колумбиады!

— Ну так что ж? — недоумевал Николь.

— Да то, что эта скорость, значит, была недостаточной.

— Ну?

— И мы не долетим до нейтральной точки!

— Черт возьми!

— Мы не пролетим и половины пути!

— Проклятое ядро! — завопил Мишель Ардан, вскакивая с такой поспешностью, словно снаряд через несколько минут должен был грохнуться о Землю.

— Значит, мы упадем обратно на Землю!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Холод межпланетных пространств.

Результат вычислений как громом поразил наших путешественников. Кому бы могла прийти в голову мысль о подобной ошибке? Барбикен все еще не верил в такую возможность. Николь, однако, снова про-

верил все свои расчеты и убедился в их правильности. Точность же формулы, взятой в основу вычислений, не подлежала никакому сомнению. После вторичной проверки оказалось, что для достижения желаемой точки снаряду действительно нужно было сообщить начальную скорость в 16 576 метров в первую секунду, в противном случае снаряд не мог долететь до намеченной цели.

Трое друзей молча переглянулись. О завтраке никто уже не думал. Барбикен, стиснув зубы и конвульсивно сжав кулаки, нахмурившись смотрел в окно. Николь, скрестив на груди руки, уставился на свои цифры.

— Вот тебе и ученые! Только положись на них! — бормотал Мишель Ардан. — Я не пожалел бы двадцати золотых, если бы наш снаряд обрушился всем грузом на Кембриджскую обсерваторию и раздавил ее вместе с ее шарлатанами.

И вдруг Николя словно осенило.

— Стойте! — сказал он. — Сейчас семь часов утра. Стало быть, мы вылетели тридцать два часа тому назад. Значит, мы проделали больше половины всего пути и, как видите, не падаем!

Барбикен ничего не ответил. Быстро взглянув на Николя, схватил инструмент, которым пользовался на Земле в качестве угломера. Подойдя к нижнему окну, он произвел измерения с точностью, допускаемой кажущейся неподвижностью снаряда. Затем, вытирая со лба капли пота, он снова принялся за вычисления. Николь с тревогой глядел на него; он сообразил, что председатель хочет по величине земного диаметра определить расстояние снаряда от Земли.

— Нет! — воскликнул, наконец, Барбикен после нескольких минут молчания. — Нет, мы не падаем! Мы находимся сейчас за пятьдесят тысяч лье от Земли! Мы уже миновали ту точку, в которой снаряд мог бы остановиться, если бы его начальная скорость была равной только одиннадцати тысячам метров!

— Это очевидно, — подтвердил Николь, — и, значит, начальная скорость от взрыва четырехсот тысяч фунтов пороха была значительно больше одиннадцати

тысяч метров! Теперь понятно, почему мы встретили второго спутника Земли уже по истечении тринадцати минут: он обращается на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от Земли.

— Это объяснение тем более правдоподобно, — добавил Барбикен, — что, выбросив воду, находившуюся между разбивными перегородками, наш снаряд внезапно освободился от довольно значительного балласта.

— Верно, — подтвердил Николь.

— Ах, дорогой Николь, — воскликнул Барбикен, — мы спасены!

— А поэтому, — спокойно произнес Ардан, — раз мы спасены, давайте завтракать!

В самом деле, Николь не ошибся: начальная скорость снаряда была, к счастью, значительно больше той, которую вычислили кембриджские астрономы, но это не умаляло ошибки Кембриджской обсерватории.

Успокоившись после ложной тревоги, наши путешественники уселись за стол и весело принялись за завтрак. Много было съедено за этим завтраком, но еще больше сказано. После случая с алгеброй их уверенность еще возросла.

— Почему бы нам, собственно говоря, и не достигнуть цели? — твердил Мишель Ардан. — Ведь мы продолжаем лететь. Преград перед нами нет: дорога ровная, без единого камешка. Путь свободен. Куда свободнее, чем путь корабля, которому приходится рассекать волны океана; свободнее пути аэростата, борющегося с ветром. А раз корабли пристают, куда им полагается, и аэростаты поднимаются, куда им вздумается, почему бы и нам не добраться до намеченной цели?

— Мы и доберемся! — сказал Барбикен.

— Хотя бы для поддержания престижа американской нации! — прибавил Ардан. — Единственной нации, которая оказалась в силах поднять такое дело, единственной нации, способной породить нашего председателя Барбикена! А ведь знаете, теперь, когда нам

больше не о чем беспокоиться, я боюсь, что нам придется скучновато. Не правда ли?

Барбикен и Николь запротестовали.

— Я это предвидел, дорогие друзья, — продолжал Мишель. — Скажите только слово, и к вашим услугам будут и шашки, и шахматы, и карты, и домино! Недостает только биллиарда!

— Как? — удивился Барбикен. — Неужели ты захватил с собою все эти пустяки?

— А то как же! — ответил Мишель. — И не только для собственного развлечения, но и для снабжения ими лунных ресторанчиков.

— Друг мой, — сказал Барбикен, — если на Луне есть жители, то они, конечно, появились на свет на сотни тысяч лет раньше нас, потому что сама Луна, несомненно, старше нашей планеты. А если эти жители существуют уже сотни тысяч лет и их мозг устроен так же, как и наш, то они уж наверное не только давно изобрели все, что придумано нами, но даже и такие вещи, которые появятся у нас только через несколько столетий. Едва ли нам придется их учить чему-нибудь: скорее они многому нас научат.

— Как? — возразил Мишель. — Ты допускаешь, что у них были такие художники, как Фидий, Микельанджело и Рафаэль?

— Конечно.

— И такие поэты, как Гомер, Виргилий, Мильтон, Ламартин и Гюго?

— Я в этом уверен.

— Такие философы, как Платон, Аристотель, Декарт и Кант?

— Без сомнения.

— Такие ученые, как Архимед, Евклид, Паскаль, Ньютон?

— Могу в этом поручиться.

— И такие комики, как наш Арналь, такие фотографы, как... Надар?

— Разумеется.

— Однако, дружище Барбикен, если они так же умны, как и мы, а может и того умнее, то почему же им до сих пор не пришло в голову попытаться завести

сношения с Землей? Почему они не запустили лунного снаряда на Землю?

— А кто тебе сказал, что они этого не сделали?

— В самом деле, — заметил Николь, — им это было легче сделать, чем нам, и по двум причинам: во-первых, сила притяжения Луны в шесть раз слабее силы притяжения земного шара, а это значительно облегчило бы взлет снаряда; во-вторых, им пришлось бы выбросить снаряд всего на восемь тысяч лье, а не на восемьдесят тысяч, что потребовало бы вдесятеро меньшей метательной силы.

— А тогда, я повторяю, — сказал Мишель, — отчего же они этого не сделали?

— И я повторяю, — ответил Барбикен, — кто тебе сказал, что они этого не делали?

— Когда же?

— Да, может быть, за тысячи лет до нашего появления на Земле.

— А снаряд? Где же их снаряд? Покажи!

— Милый друг, — ответил Барбикен. — Пять шестых поверхности земного шара покрыты водой. Отсюда пять шансов из шести, что если такой снаряд и был пущен с Луны, то он погребен теперь на дне Атлантического или Тихого океана; а может быть, попал в какую-нибудь пропасть в те времена, когда земная кора еще не успела окончательно затвердеть.

— Дружище Барбикен, — воскликнул Мишель, — у тебя на все находится ответ! Я просто преклоняюсь перед твоей премудростью. И все-таки я выдвигаю гипотезу, которая мне больше по сердцу: хотя лунные обитатели и древнее и мудрее, чем мы, а пороха еще не выдумали!

В эту минуту громкий лай Дианы прервал разговор друзей; собака, повидимому, требовала своей доли в завтраке.

— Батюшки! — воскликнул Мишель. — Мы так увлеклись спорами, что совсем позабыли о наших псах.

Диане был тотчас же предложен здоровенный кусок пирога, который она проглотила с большим аппетитом.

— Знаешь, Барбикен, нам следовало бы сделать из нашего снаряда второй Ноев ковчег и доставить на Луну каждой земной твари по паре.

— Ну, для этого у нас не хватило бы места, — ответил Барбикен.

— Пустяки, — возразил Мишель, — стоило бы только немного потесниться!

— Это было бы тем более остроумно, — заметил Николь, — что такие жвачные, как бык и корова, или лошадь оказались бы нам очень полезны на Луне. К несчастью, в нашем вагоне довольно мудрено устроить конюшню или хлев.

— Можно было бы по крайней мере, — сказал Мишель, — взять с собой хотя бы осла, ну хоть бы самого маленького ослика, это мужественное и терпеливое животное, на котором так любил кататься верхом старичок Силен! Люблю я этих бедных ослов! Они сущие пасынки и неудачники среди прочих созданий природы. Их избивают не только при жизни, но даже и после смерти...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Барбикен.

— Да ведь барабаны выделываются из ослиных шкур!

Это глубокомысленное замечание Мишеля вызвало веселый смех друзей. Но внезапный крик Ардана скоро прервал общее веселье.

— Друзья мои, — сказал Мишель Ардан, заглянув в логово Сателлита. — Болезнь Сателлита прошла!

— Тем лучше, — сказал Николь.

— Да нет же, — отозвался Мишель, — я хочу сказать, что он издох. Вот это действительно печально, — продолжал он с огорчением. — Диана, бедняжка, боюсь, что тебе уже не придется стать родоначальницей лунной собачьей породы!

Несчастный Сателлит действительно так и не оправился от полученной раны. Он околел — в этом невозможно было сомневаться.

Мишель Ардан растерянно глядел на своих друзей.

— Теперь перед нами встает вопрос, — сказал Барбикен, — мы не можем на целые сутки оставлять труп пса в снаряде.

— Конечно, не можем, — ответил Николь, — но наши окна на шарнирах, их легко можно открыть; распахнем одно из окон и выбросим труп пса в пространство.

— Так мы и сделаем, — сказал Барбикен после некоторого раздумья, — но при этом мы должны быть очень осторожны.

— Почему же? — полюбопытствовал Мишель.

— По двум причинам, которые ты легко поймешь, — ответил Барбикен. — Первая причина касается воздуха, заключенного в снаряде. Мы должны постараться, чтобы его улетучилось как можно меньше.

— Но ведь мы же возобновляем воздух!

— Да, возобновляем, но только частично, — возразил Барбикен. — Наш аппарат, дорогой Мишель, производит только кислород. Кстати, нам нужно следить за тем, чтобы количество вырабатываемого кислорода не превышало известного предела. Избыток кислорода может вызвать в нашем организме чрезвычайно нежелательные физиологические явления. Так вот, мы возобновляем кислород, но не можем возместить потери азота — газа, который не поглощается нашими легкими и содержание которого в воздухе должно оставаться неизменным. А именно азот-то и может быстро улетучиться через открытое окно.

— Много ли его улетучится, пока мы выбросим нашего бедного Сателлита, — возразил Мишель.

— Хоть и немного, а все-таки постараемся не мешкать.

— А вторая причина? — спросил Мишель.

— Вторая причина — нельзя напускать наружного холода в наш вагон. Температура за стенками нашего снаряда настолько низка, что мы рискуем замерзнуть.

— А Солнце на что?

— Солнце согревает наш снаряд, потому что он поглощает его лучи, но Солнце не согревает пустого пространства, в котором мы летим. Там, где нет воздуха, нет и тепла, так же как нет и рассеянного света. Следовательно, там, куда не проникают непосредственно лучи Солнца, и темно и холодно. Здесь температура пространства определяется только излуче-

нием звезд; такая же температура установилась бы и на Земле, если бы в один прекрасный день наше Солнце погасло.

— Ну, уж этого опасаться не приходится, — ответил Николь.

— Кто знает, — возразил Мишель Ардан. — К тому же, даже если Солнце и не потухнет, разве не может случиться, что наша Земля отдалится от него?

— О господи! — воскликнул Барбикен. — У нашего Мишеля опять новые идеи!

— А то как же, — продолжал Мишель, — разве вы не знаете, что в тысяча восемьсот шестьдесят первом году Земля пересекла хвост кометы? Допустим, что притяжение какой-нибудь кометы оказалось бы сильнее солнечного притяжения. Тогда земная орбита изогнулась бы в направлении этого блуждающего светила, а Земля, став его спутником, умчалась бы на такое расстояние от Солнца, что его лучи уже не могли бы согревать земную поверхность.

— Это действительно может случиться, — согласился Барбикен, — но весьма вероятно, что последствия такого происшествия окажутся менее угрожающими, чем ты предполагаешь.

— Почему же?

— Потому что холод и тепло все же пришли бы на нашей планете в некоторое равновесие. Ученые рассчитали, что если бы Земля была увлечена кометой тысяча восемьсот шестьдесят первого года, то на самом большом расстоянии от Солнца она получала бы в шестнадцать раз больше того количества тепла, которое получает Земля от Луны. Такое тепло, даже сконцентрированное самыми сильными линзами, не дает никакого, сколько-нибудь ощутимого эффекта.

— Ну! — сказал Мишель.

— Погоди, — остановил его Барбикен. — Вычислено также, что в перигелии, когда Земля наиболее близка к Солнцу, она подвергалась бы действию температуры, в двадцать восемь тысяч раз превышающей среднюю температуру нашего лета. Благодаря этой жаре, которая переплавила бы в стекло все твердые вещества на Земле и испарила всю воду, вокруг Земли

образовалось бы облачное кольцо и смягчало бы этот чрезмерный зной. А следовательно, холод, испытываемый Землей в афелии, и зной — в перигелии, были бы уравновешены, и в результате получилась бы какая-то средняя, более или менее выносимая температура.

— Какая же температура предполагается в межпланетных пространствах? — спросил Николь.

— Раньше считали, что эта температура беспредельно низка, — ответил Барбикен. — Вычисляя снижение температуры в межпланетных пространствах термометрическим способом, астрономы получали цифры порядка миллионов градусов ниже нуля. Знаменитый ученый Фурье, соотечественник Мишеля, член французской Академии наук, произвел более точные вычисления. По Фурье, температура вселенной не опускается ниже шестидесяти градусов.

Мишель насмешливо свистнул.

— Это приблизительно соответствует температуре наших полюсов, — продолжал Барбикен. — На острове Мелвилл или у форта Релианс температура достигает приблизительно пятидесяти шести градусов Цельсия ниже нуля.

— Остается доказать, — сказал Николь, — что Фурье не сбился в своих расчетах. Если я не ошибаюсь, другой ученый, Пуйэ, считает температуру межпланетных пространств равной ста шестидесяти градусам ниже нуля. Вот мы теперь и проверим, кто из них прав.

— Только не сейчас, — сказал Барбикен. — Сейчас солнечные лучи прямо падают на наш градусник, и поэтому мы, конечно, получим преувеличенные цифры. А вот когда мы доберемся до Луны, то в течение лунной ночи, равной нашим пятнадцати суткам, у нас будет достаточно времени, чтобы произвести этот опыт — ведь спутник Земли вращается в пустоте.

— А что ты понимаешь под пустотой? — спросил Мишель. — Ты имеешь в виду абсолютную пустоту?

— Да, пустоту, абсолютно не содержащую воздуха.

— И в этой пустоте ничто не заменяет воздуха?

— Нет, заменяет — эфир, — ответил Барбикен.

— А что такое эфир?

— Эфир, дорогой мой, это смесь невесомых атомов, которые, согласно учению молекулярной физики, соответственно своим размерам, так же удалены один от другого, как небесные тела во вселенной. И вместе с тем эти расстояния меньше трех миллионных долей миллиметра. Атомы-то вследствие своего движения и вращения и оказываются источником тепла и света. Они производят в одну секунду четыреста тридцать триллионов колебаний амплитудой от четырех до шести десятимиллионных миллиметра.

— Миллиарды миллиардов! — вскричал Мишель Ардан. — Подумать только, что люди не поленились измерить и сосчитать эти колебания. Ну, знаешь, дорогой друг, все эти цифры и выкладки твоих ученых потрясают слух, но ничего не говорят уму.

— И все-таки приходится прибегать к цифрам...

— Ну нет. Мне гораздо понятнее метод сравнений. Любой предмет, принятый за мерило, скажет нам гораздо больше. Например, если ты мне твердишь, что объем Урана больше объема Земли в семьдесят шесть раз, а объем Сатурна — в девятьсот раз, Юпитера — в тысячу триста раз, Солнца — в миллион триста тысяч раз, никакого наглядного представления эти цифры мне не дают. Я предпочитаю систему Льежской обсерватории, которая попросту и без дураков говорит: Солнце — это тыква диаметром в два фута, Юпитер — апельсин, Сатурн — анисовое яблоко, Нептун — черешня, Уран — крупная вишня, Земля — горошина, Венера — горошинка, Марс — булавочная головка, Меркурий — горчичное зернышко, Юнона, Церера и Паллас — песчинки. Это дает мне хотя бы некоторое представление о сравнительной величине планет.

После этого выпада Мишеля Ардана по адресу ученых и астрономических цифр, которыми они, не моргнув глазом, испещряют бесчисленные столбцы своих трудов, путешественники приступили к погребению Сателлита.

Надо было выбросить его труп в пространство так же, как моряки выкидывают в море мертвецов.

По указаниям Барбикена вся процедура похорон требовала крайней расторопности, чтобы предотвра-

тить потерю воздуха, который благодаря своей эластичности мог быстро улетучиться в мировое пространство. Болты правого окна, шириной около тридцати сантиметров, были осторожно отвинчены, и Мишель, подняв на руки труп Сателлита, приготовился вышвырнуть его в окно. При помощи мощного рычага, позволявшего преодолеть давление внутреннего воздуха на стенки снаряда, стекло быстро повернулось на шарнирах, и Сателлит был выброшен... Из снаряда улетучилось при этом самое большее несколько молекул воздуха, и вся операция была выполнена так удачно, что впоследствии Барбикен уже не боялся таким же манером отделываться от всякого хлама, загромождавшего их вагон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вопросы и ответы.

4 декабря хронометры показывали пять часов земного утра, когда путешественники проснулись после пятидесятичетырехчасового путешествия. Они провели в снаряде только пятью часами сорока минутами больше половины предполагаемого срока, а между тем ядро успело пролететь уже семь десятых всего пути. Это несоответствие объяснялось непрерывным снижением скорости снаряда.

Когда друзья через нижнее окно поглядели на Землю, она показалась им темным пятном, померкшим в солнечном сиянии. Ни серпа, ни пепельного света — ничего уже не было. На следующий день в полночь нужно было ждать «новоземелия» в то самое время, когда Луна вступит в фазу полнолуния. Наверху ночное светило становилось все ближе и ближе к траектории снаряда, так что встреча должна была произойти точно в назначенный срок. Весь черный небосвод был испещрен множеством сверкающих точек, которые как будто медленно передвигались, но вследствие огромных расстояний, отделяющих их от

снаряда, относительная величина их не изменялась. Солнце и звезды видны были так же, как и с Земли. Луна же, хотя и казалась значительно крупнее, но в сравнительно слабые подзорные трубы путешественников еще нельзя было наблюдать деталей ее поверхности, ни топографического или геологического строения.

Время протекало в непрерывных беседах. Говорили главным образом о Луне; каждый высказывал все, что знал: Барбикен и Николь, как и всегда, делились научными сведениями, а Мишель угощал их своими неистощимыми фантазиями. Много толковали о самом снаряде, о его положении в пространстве и направлении пути, о возможных случайностях, о необходимых предосторожностях, которые следовало принять при падении на Луну.

Как-то раз во время завтрака один вопрос Мишеля о снаряде вызвал очень любопытный ответ Барбикена, который стоит здесь привести.

Мишеля интересовало, что случилось бы со снарядом, если бы при начальной скорости полета его остановило какое-либо препятствие.

— Я не представляю себе, — сказал председатель «Пушечного клуба», — что могло бы остановить снаряд?

— Ну, все-таки предположим, что это случилось бы?

— Твое предположение совершенно невероятно, — ответил Барбикен. — Разве что сила толчка оказалась бы недостаточной; но в таком случае скорость снаряда стала бы снижаться постепенно, а внезапной остановки все-таки произойти не могло.

— Ну, а если бы он столкнулся с каким-нибудь телом?

— С каким же, например?

— Да хоть с тем же огромным болидом, который мы встретили.

— Тогда, — сказал Николь, — снаряд вместе со всеми нами разлетелся бы на тысячу кусков.

— Мало этого, — добавил Барбикен, — мы бы при этом заживо сгорели.

— Сгорели! — удивился Мишель. — А жаль, что ничего подобного не случилось: интересно было бы посмотреть.

— Много бы ты увидел! — отозвался Барбикен. — Теперь известно, что тепло есть особый вид движения; если ты нагреваешь воду, то есть сообщаешь ей теплоту, это значит, что ты приводишь в движение частицы воды.

— Подумайте! — воскликнул Мишель. — Вот остроумная теория.

— И совершенно правильная, милый друг. Теплота — это движение молекул, то есть попросту движение мельчайших частиц тела. Если нажать тормоз железнодорожного поезда, он остановится. А куда же при этом денется движение? Движение превратится в теплоту, и тормоз нагреется. Почему смазывают оси колес? Чтобы предотвратить нагрев, иначе произойдет потеря движения, превращенного в тепло. Понимаешь?

— Еще бы! — воскликнул Мишель. — Прекрасно понимаю! Значит, например, если я очень долго бежал или плавал и с меня градом валит пот, почему я останавливаюсь? Очень просто: мое движение превратилось в теплоту!

Шутка Мишеля заставила Барбикена улыбнуться. Затем он снова вернулся к своей теории.

— Таким образом, в случае столкновения нашего снаряда с каким-нибудь телом, случилось бы то же, что и с пулей, которая отскакивает горячей после удара о металлическую пластину. Ее движение превращается в теплоту. Я утверждаю, что если бы наше ядро столкнулось с болидом, резкое сокращение его скорости вызвало бы такую температуру, что снаряд в одно мгновение не только расплавился, а даже испарился бы.

— А что же случилось бы, если бы Земля внезапно прекратила свое поступательное движение? — спросил Мишель.

— Ее температура повысилась бы до такой степени, что наша планета тотчас превратилась бы в пар.

— Здорово, — сказал Мишель, — вот прекрасное средство покончить с нашим миром и избавить людей от всех земных несчастий.

— А если бы Земля упала на Солнце? — спросил Николь.

— По расчетам, — ответил Барбикен, — такое падение вызвало бы развитие теплоты, равной теплоте сгорания тысячи шестисот шаров угля, по объему равных земному шару.

— Недурная порция тепла для Солнца, — воскликнул Мишель. — Обитатели Урана и Нептуна вряд ли пожаловались бы на такую прибавку, ведь они, должно быть, замерзают от холода на своих планетах.

— Итак, друзья мои, — продолжал Барбикен, — всякое резко прерванное движение порождает теплоту. На основании этой теории можно допустить, что солнечное тепло поддерживается множеством болидов, которые непрерывным градом падают на поверхность Солнца. Вычислено даже, что...

— Берегись, осторожнее, — вставил Мишель, — мы опять подходим к цифрам.

— Вычислено даже, — продолжал невозмутимо Барбикен, — что при ударе каждого болида о поверхность Солнца развивается количество тепла, равное теплу от сгорания четырех тысяч единиц каменного угля того же объема.

— А какова теплота Солнца? — спросил Мишель.

— Если бы Солнце окружить слоем угля толщиной в двадцать семь километров, то сгорание его дало бы теплоту, равную солнечной.

— И эта теплота?..

— Посредством этой теплоты можно бы в час вскипятить два миллиарда девятьсот миллионов кубических мириаметров воды.

— Почему же мы до сих пор не изжарились! — воскликнул Мишель.

— Потому что атмосфера, окружающая земной шар, поглощает четыре десятых солнечного тепла. К тому же тепло, получаемое Землею, составляет не более одной двухмиллиардной доли всего солнечного тепла.

— Я вижу, — сказал Мишель, — что все к лучшему на этом свете и что эта ваша атмосфера — полезная штука, потому что она не только позволяет нам дышать, но и мешает нам изжариться.

— Да, — сказал Николь, — но на Луне, к несчастью, дело обстоит по-другому.

— Подумаешь! — воскликнул неунывающий Мишель. — Если там есть жители, они чем-то дышат. Если их уже нет, они, я надеюсь, оставили достаточно кислорода на троих человек хотя бы где-нибудь в долинах, где он мог скопиться благодаря своей тяжести. Ну что ж, мы не будем взбираться на горы, вот и все!

С этими словами он встал и направился к окну смотреть на сиявший ослепительным блеском лунный диск.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Здорово же там жарко!

— Не говоря уже о том, — прибавил Николь, — что день на Луне длится триста шестьдесят часов.

— Но зато, — пояснил Барбикен, — и ночи там такие же длинные, а так как тепло теряется в пространство от излучения, ночная температура Луны не должна отличаться от температуры межпланетных пространств.

— Теплое местечко, что и говорить! — сказал Мишель. — Ну что же, не беда! Я бы хотел уже быть там! Эх, дорогие друзья, а ведь и впрямь забавно иметь Землю вместо Луны, видеть, как она встает из-за горизонта, угадывать очертания ее материков и говорить себе: «Вот тут Америка, а вон там Европа», потом следить, как она меркнет в солнечных лучах. Кстати, Барбикен, могут ли лунные жители наблюдать затмения?

— Да, солнечные затмения могут, — ответил Барбикен, — когда центры Солнца, Луны и Земли находятся на одной прямой линии и притом Земля стоит между обеими светилами. Но эти затмения частичные, потому что Земля, заслоняющая, как экран, солнечный диск, слишком мала и оставляет видимой большую часть Солнца.

— А почему же не может быть полного затмения? — спросил Николь. — Ведь теневой конус, отбрасываемый Землей, выходит далеко за пределы Луны!

— Да, если не учитывать преломления лучей в земной атмосфере. И нет, если мы будем иметь в виду это преломление. Обозначим дельтой прим горизонтальный параллакс, а *p* прим видимый диаметр...

— Ух! — вздохнул Мишель, — опять половина *v* плюс ноль в квадрате. Говори, пожалуйста, так, чтобы тебя могли понять простые смертные, ходячая ты алгебра!

— Изволь! — согласился Барбикен. — Итак, говоря вульгарно, так как среднее расстояние от Луны до Земли равно шестидесяти радиусам Земли, то длина теневого конуса вследствие преломления сократится по крайней мере до сорока двух радиусов. А поэтому во время затмений Луна оказывается за пределами чисто теневого конуса и освещается не только периферийными, но и центральными солнечными лучами.

— Тогда почему же все-таки затмение происходит, раз, по-вашему, его быть не должно? — шутливо допытывался Мишель.

— Только потому, что эти солнечные лучи оказываются ослабленными преломлением и большая их часть поглощается атмосферой, через которую они проходят.

— Такое объяснение меня вполне удовлетворяет, — заявил Мишель. — К тому же мы все это проверим, когда окажемся на Луне. А теперь, Барбикен, скажи мне, веришь ли ты, что Луна — древняя планета?

— Что за идея?

— Представь, — сказал Мишель с забавной важностью, — мне тоже иногда приходят в голову разные идеи.

— Эта идея принадлежит не Мишелю, — сказал Николь.

— Ну и слава богу, значит, я плагиатор.

— Ну, конечно, — ответил Николь. — Если верить преданиям древних, жители Аркадии, например, считали, что их предки жили в те времена, когда Луна еще не была спутником Земли. На основании этого

некоторые ученые считали Луну кометой, чья орбита однажды приблизилась к Земле настолько, что оказалась в сфере притяжения Земли.

— Ну, а что же в этой гипотезе соответствует истине? — спросил Мишель.

— Да ничего, — ответил Барбикен, — и доказательством тому служит тот факт, что на Луне не осталось и следа той газообразной оболочки, которая всегда окружает кометы.

— А разве Луна, — предположил Николь, — прежде чем она стала спутником Земли, не могла, находясь в перигелии, настолько близко подойти к Солнцу, чтобы все ее газообразные вещества испарились?

— Могло быть и так, друг Николь, но это мало вероятно.

— Почему?

— Потому что... Впрочем, не знаю почему.

— Ага! — торжествовал Мишель. — О том, чего мы не знаем, можно написать сотни томов.

— А скажите, пожалуйста, который теперь час? — спросил Барбикен.

— Три часа, — ответил Николь.

— Как незаметно проходит время в беседах таких ученых, как мы, — сказал Мишель. — Я чувствую, как с каждым часом я становлюсь умнее и образованнее.

С этими словами он залез под свод снаряда, «чтобы лучше наблюдать Луну», как он выразился. Товарищи его в это время смотрели в нижнюю раму, где не видно было ничего нового.

Через несколько минут Ардан снова спустился вниз и, подойдя к боковому иллюминатору, вскрикнул от изумления.

— Что случилось? — спросил Барбикен.

Председатель «Пушечного клуба» поспешно подошел к окну и увидел нечто вроде сплющенного мешка, который летел в нескольких метрах от снаряда. Мешок, казалось, висел неподвижно. Следовательно, он летел с тою же скоростью, что и ядро.

— Это еще что за штука, — спросил Ардан. — Может быть, это какая-нибудь межпланетная частица, которую наш снаряд захватил в сферу своего притяже-

ния, и этот «спутник» будет сопровождать нас до самой Луны?

— Меня вот что удивляет, — заметил Николь. — Каким образом это тело, удельный вес которого несомненно намного меньше удельного веса нашего снаряда, может так стойко держаться на одном уровне с нами.

— Николь, — сказал Барбикен после нескольких минут размышления, — я не знаю, что это за тело, но могу вам объяснить, почему оно держится на одном уровне с нашим снарядом.

— Почему же?

— Потому, что мы теперь летим в пустоте, мой дорогой капитан, а в пустоте все тела падают или движутся (что одно и то же) с одинаковой скоростью, независимо ни от формы тела, ни от его веса. Это воздух своим сопротивлением создает различия в весе. Если из длинной трубы выкачать насосом весь воздух, то всякий предмет, который вы введете в эту трубу, будь то пылинки или кусочки свинца, станет двигаться в ней с одинаковой скоростью. И здесь, в межпланетном пространстве, мы имеем ту же причину и те же следствия.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь. — Значит, все, что бы мы ни выкинули из снаряда, будет лететь вместе с нами вплоть до самой Луны.

— Какие же мы дураки! — воскликнул Мишель.

— Чем же мы заслужили такую лестную характеристику? — спросил Барбикен.

— А тем, что мы не догадались наполнить наш вагон всякими полезными предметами: книгами, инструментами, орудиями и так далее. Мы теперь могли бы их выбросить, и все это следовало бы за нами к месту назначения. Вот это мысль! Почему бы нам самим не прогуляться, как этот болид? Почему бы не выпрыгнуть в пространство через одно из окон. Какое должно быть наслаждение парить в эфире! И при том в более выгодном положении, чем птица, которая должна работать крыльями, чтобы не упасть.

— Прекрасно, — сказал Барбикен. — А чем бы ты стал дышать?

— Проклятый воздух, его всегда не хватает там, где он нужен!

— Зато если бы воздуха хватило, Мишель, ты очень скоро отстал бы от нас, так как твой удельный вес меньше веса снаряда.

— Выходит, что это заколдованный круг?

— Самый что ни на есть заколдованный!

— Значит, придется еще посидеть взаперти в этом вагоне?

— Придется.

— Черт побери! — неистово закричал Мишель.

— Что с тобой? — спросил Николь.

— Я угадал, что это за мнимый болид. Никакой это не астероид и не осколок планеты!

— Что же это, по-твоему? — спросил председатель «Пушечного клуба».

— Это наш несчастный пес! Это супруг Дианы.

Действительно, этот предмет, сплющенный, неузнаваемый, плоский, как волынка, из которой выпустили воздух, был труп Сателлита, летевший вслед за снарядом к Луне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Минута опьянения.

Это любопытное, но вполне логичное, странное, но объяснимое явление могло произойти только при данных необычайных условиях. Всякий предмет, выброшенный из вагона наружу, должен был следовать по той же траектории и мог остановиться только вместе со снарядом. Эта тема дала повод к беседам, которые затянулись до самой ночи. Волнение путешественников увеличивалось по мере их приближения к цели. Они готовились к неожиданностям, ждали новых «чудес» и находились в таком состоянии, что ничто не могло бы их удивить. Их воображение намного опережало снаряд, скорость которого, незаметно для пассажиров, уже значительно снизилась, и Луна с каждой мину-

той увеличивалась на их глазах. Казалось, им достаточно протянуть руку, чтобы дотянуться до нее...

На другой день, 5 декабря, все трое были уже на ногах с пяти часов утра. Если верить вычислениям, то этот день должен быть последним днем их странствия. Именно в этот день, ровно в полночь, в самый момент полнолуния, они должны были достигнуть блестящего диска Луны. В ближайшую же полночь должно было завершиться самое необычайное из всех путешествий, какие только предпринимались в древние или в новые времена. Поэтому уже ранним утром, сквозь окна, посеребренные лучами Луны, они приветствовали ночное светило радостными и дружескими возгласами: «Ура!»

Луна величественно плыла по звездному небу; еще несколько градусов — и она очутится именно в той точке пространства, где должна произойти ее встреча со снарядом. Барбикен на основе собственных расчетов установил, что снаряд упадет в северном полушарии, где тянутся обширные равнины и лишь кое-где попадаются редкие горы, — обстоятельство благоприятное, если лунная атмосфера, как полагали, действительно сохранилась только в лунных низинах.

— Равнина к тому же гораздо удобнее для нашей посадки, чем горы, — заметил Ардан. — Житель Луны, которого высадили бы в Европе на Монблане или в Азии на вершине Гималаев, еще не вправе был бы сказать, что находится на Земле.

— Есть и еще одно удобство, — добавил капитан Николь, — если снаряд упадет на плоскую поверхность, он остановится тотчас же, как только прикоснется к ней. С горы же, наоборот, он покатится, как колесо, а так как мы не белки, то нам уже не выйти живыми из ядра. Стало быть, все к лучшему.

Успех дерзкого предприятия и в самом деле казался уже несомненным. Но Барбикен был все же чем-то озабочен, хотя и хранил молчание, не желая волновать своих спутников.

Дело в том, что движение снаряда по направлению к северному полушарию Луны доказывало, что его траектория несколько отклонилась. По математическим выкладкам, выстрел должен был нацелить сна-

ряд в самый центр лунного диска. Отклонение было очевидным, но что же могло его вызвать?

Барбикен, не имея каких-либо исходных данных, не мог понять, ни даже определить степень такого отклонения. Однако он надеялся, что это отклонение не будет иметь иных последствий, кроме их посадки в северных областях Луны, как раз наиболее для этого благоприятных.

Поэтому Барбикен, не делясь ни с кем своими опасениями, довольствовался тем, что внимательно наблюдал Луну, стараясь по возможности уловить степень отклонения снаряда.

Что могло быть ужаснее предположения, что снаряд, не достигнув цели, начнет удаляться от Луны и унесется в межпланетное пространство!

Теперь Луна уже не казалась плоским диском, уже все яснее вырисовывались ее выпуклости и горы. Если бы солнечные лучи падали сейчас на Луну косо, а не отвесно, то благодаря отбрасываемой ими тени можно было бы ясно различить высокие кольцеобразные лунные горы, увидеть зияющие кратеры и причудливые трещины, бороздящие необозримые лунные равнины. Но сейчас весь этот рельеф стушевывался из-за яркого солнечного освещения. Можно было лишь с трудом разглядеть крупные темные пятна, которые придают Луне сходство с человеческим лицом.

— Лицо, да и только, — сказал Ардан. — Но я обижен за прекрасную сестру Аполлона — оказывается, она рябая!

Путешественники на таком близком расстоянии от цели, не отрываясь, вглядывались в этот неведомый мир. В своем воображении они уже странствовали по новой стране. Они взбирались на высокие пики, спускались на дно широких кратеров. То тут, то там им чудились обширные моря, едва сдерживаемые в берегах давлением разреженной атмосферы, горные потоки, несущие свои воды в эти моря. Склонясь над бездной, они надеялись услышать хоть какой-нибудь звук с этого вечно безмолвного светила.

Этот день ярче всего запечатлелся в памяти друзей. Ни одна подробность не изгладилась из их воспо-

минаний. Безотчетная тревога овладевала ими по мере приближения к цели. Эта тревога, конечно, усилилась бы, если бы они только знали, насколько уменьшилась скорость снаряда: она показалась бы им явно недостаточной, чтобы долететь до цели.

В это время снаряд уже почти ничего не «весил». Вес его уменьшался непрерывно и должен был полностью исчезнуть; такое поразительное явление возможно лишь в точке, где лунное притяжение уравновешивается земным.

Однако, несмотря на все волнения, Ардан с привычной ему аккуратностью не забыл приготовить завтрак. Друзья закусили с большим аппетитом. Что может быть вкуснее бульона, сваренного на газе? Что может быть лучше консервированного мяса? В довершение пиршества было выпито несколько стаканов отменного французского вина, причем Ардан не упустил случая заметить, что лунные виноградники — если они существуют — должны под палящими лучами Солнца давать самые прекрасные сорта вин. Предусмотрительный француз захватил с собою на всякий случай несколько драгоценных лоз Медока и Кот д'Ора, на которые он возлагал большие надежды.

Кислородный аппарат Рейзе и Реньо действовал с необычайной точностью. Воздух в снаряде был совершенно чистым. Ни одна молекула углекислоты не могла устоять против едкого натра, а кислород, по словам капитана Николя, был «самого первого сорта». Небольшое количество водяных паров, заключавшихся в снаряде, смешиваясь с воздухом, умеряло его сухость; немногие дома Парижа, Лондона, Нью-Йорка, немногие театральные залы находились в столь идеальных гигиенических условиях.

Но для правильного действия аппарата за ним требовался тщательный уход. Поэтому Мишель каждое утро осматривал регуляторы утечки, проверял краны и устанавливал температуру газа. До сих пор все шло как нельзя лучше, путешественники, подражая почтенному Дж. Т. Мастону, начинали заметно полнеть, и, доведись им провести в своей «тюрьме» еще несколько месяцев, они вышли бы из нее совершенно неузнавае-

мыми. Одним словом, с ними происходило то же, что и с цыплятами в клетке — они жирели с каждым днем.

Глядя в окно, Барбикен видел труп пса и прочие предметы, выкинутые из снаряда, которые неотступно следовали за ними. Диана грустно подвывала при виде останков Сателлита. Но весь этот хлам казался неподвижным, словно он лежал на земле.

— Знаете ли, друзья, — сказал Ардан, — если бы один из нас не перенес первого толчка при вылете, было бы очень трудно «предать земле» его останки, то есть я хочу сказать «предать эфиру», так как здесь эфир заменяет землю. Посмотрите на труп Сателлита, он преследует нас как угрызения совести!

— Да, это было бы невесело, — ответил Николь.

— Ах, — воскликнул Мишель. — Я жалею только о том, что здесь нельзя погулять! Какое было бы наслаждение парить в этом лучезарном эфире, купаться и кувыркаться в живительных солнечных лучах! Если бы Барбикен догадался запастись скафандром и воздушным насосом, я бы рискнул вылезти из снаряда и умостился бы на нем в позе какой-нибудь «химеры» или «гиппогрифа».

— Неисправимый мечтатель, — рассмеялся Барбикен, — поверь, что ты недолго бы красовался в виде своего гиппогрифа, потому что, несмотря на скафандр, тебя раздуло бы от содержащегося в тебе самом воздуха, ты лопнул бы как граната или как воздушный шар, залетевший слишком высоко в небо. Брось свои сожаления и запомни: пока мы парим в пустоте, всякие сентиментальные прогулки за пределами снаряда запрещаются.

Мишель Ардан нехотя поддался убеждениям товарища. Он согласился, что его мечты трудно выполнимы, но все же не невозможны, так как слова «невозможно» в его словаре не существовало.

Беседа переходила с одной темы на другую и не прерывалась ни на минуту.

Трем друзьям казалось, что в их головах родятся самые разнообразные идеи с тою же быстротой, как распускаются молодые побеги под первыми лучами

весеннего солнца. Они чувствовали себя просто переполненными «идеями».

Среди множества вопросов и ответов, обсуждавшихся в это утро, Николь затронул вопрос, который озадачил друзей.

— Вот что, — сказал капитан, — лететь на Луну, конечно, очень интересно, а как-то мы вернемся назад?

Собеседники с изумлением переглянулись. Можно было подумать, что этот вопрос встал перед ними впервые.

— Что ты хочешь сказать? — серьезно спросил Барбикен.

— Мне кажется неуместным толковать о возвращении из страны, в которую мы даже еще и не прибыли, — добавил Мишель.

— Я же не говорю об отступлении, — возразил Николь, — но я повторяю свой вопрос: каким способом мы вернемся?

— Этого я не знаю, — ответил Барбикен.

— А я и знал бы, все равно не вернулся бы, — ответил Мишель.

— Вот так ответ! — воскликнул Николь.

— Я его одобряю, — заявил Барбикен. — И прибавлю со своей стороны, что ваш вопрос в настоящую минуту не имеет никакого существенного значения. Впоследствии, если мы найдем нужным вернуться на Землю, мы и подумаем об этом. Если колумбиады на Луне и не будет, то снаряд-то ведь всегда останется с нами.

— Хорошо утешение! Пуля без ружья!

— Ружье всегда можно сделать, — возразил Барбикен, — порох тоже: ни в металлах, ни в селитре, ни в угле не может быть недостатка в недрах Луны. К тому же, чтобы возвратиться на Землю, нужно преодолеть лишь лунное притяжение: достаточно будет подняться над Луной на восемь тысяч лье, чтобы потом, в силу закона тяготения, снаряд сам собой упал на Землю.

— Довольно,— перебил Мишель, воодушевляясь.— И слышать не хочу о возвращении! Поговорили и будет. А вот что касается сообщения с нашими старыми земляками — по-моему, наладить его будет нетрудно.

— Каким же это образом?

— Посредством болидов, извергаемых лунными вулканами.

— Весьма остроумная идея, Мишель, — серьезно сказал Барбикен. — Лаплас высчитал, что для отправления болида с Луны на Землю совершенно достаточно силы, в пять раз превышающей метательную силу наших пушек. А ведь вулканы обладают гораздо большей силой извержения.

— Ура! — закричал Мишель. — Болиды — прекрасные почтальоны и при этом еще даровые! Ну и посмеемся же мы над нашим почтовым ведомством! Но я думаю...

— О чем ты думаешь?

— Прекрасная идея! Как нам не пришло в голову прицепить к снаряду проволоку! Мы могли бы обмениваться с Землей телеграммами!

— Черт возьми! — ответил Николь. — А вес проволоки длиной в восемьдесяг шесть тысяч лье тебе нипочем?

— Конечно, нипочем! Можно было только удвоить заряд колумбиады! Его можно было бы утроить, учетверить, упятерить! — кричал Мишель, все больше разгорячаясь.

— Против этого проекта, — сказал Барбикен, — я выскажу только одно возражение. А именно, проволока при вращательном движении Земли наматывалась бы на снаряд, как цепь на вал, и, стало быть, неизбежно притянула бы нас обратно на Землю.

— Что за дьявольщина! — вскричал Мишель. — Значит, все мои нынешние идеи невыполнимы. Идеи, достойные Мастона! Кстати, я уверен, что если мы не вернемся на Землю, то Мастон непременно навестит нас на Луне!

— Не сомневаюсь в этом, — горячо подтвердил Барбикен. — Он верный и смелый товарищ. Да к тому же это и не так уж трудно! Колумбиада прочно врыта в землю Флориды! Хлопка и азотной кислоты для пироксилина хватит! Луна снова пересечет зенит Флориды! Через восемнадцать лет она будет в точности в той же самой точке, что и сейчас.

— Ну, еще бы, — вторил Мишель, — Мастон, конечно, навестит нас, а с ним и наши друзья: Эльфистон, Бломсбери, все члены «Пушечного клуба»... Ну и устроим же мы им прием! А там, глядишь, между Луной и Землей установятся уже регулярные рейсы поездов и снарядов! Ура Мастону!

Если уважаемый Мастон и не был в состоянии расслышать эти «ура», выкрикиваемые в его честь, то в ушах у него звенело наверняка. Что-то поделывал он в это время? Стоял, бедняга, на своем наблюдательном посту в Скалистых горах, на астрономической станции Лонгспика, и старался разыскать в беспредельном пространстве снаряд колумбиады. Если он думал в эту минуту о своих дорогих друзьях, то надо сказать, что и они не оставались в долгу, и под влиянием какого-то странного возбуждения все их лучшие мысли и чувства были связаны с ним.

Чем же, однако, объяснялось это усиливавшееся с каждой минутой возбуждение пассажиров снаряда? Лица их раскраснелись, точно они сидели перед раскаленной печью: дыхание сделалось бурным; легкие работали, как кузнечные мехи; глаза горели, голоса звучали оглушительно громко; каждое слово вылетало из их уст, как пробка из бутылки шампанского. Их жесты стали беспокойными, им не хватало места, чтобы развернуться, и, что всего удивительнее, они даже не замечали своего странного нервного возбуждения. Однако они были трезвы, это не подлежало никакому сомнению. Следовало ли приписать это странное мозговое возбуждение необычайной обстановке, близости ночного светила, от которого их отделяло всего несколько часов пути, или таинственному влиянию Луны на их нервную систему?

— А теперь, — резко произнес Николь, — раз не известно, возвратимся ли мы с Луны, я хочу знать, что мы станем на ней делать.

— Что мы станем делать? — воскликнул Барбикен, грозно топая ногой, словно он находился в фехтовальном зале. — Я этого и знать не хочу!

— Ах, ты не знаешь? — взревел Мишель, и его крик вызвал громкое эхо в снаряде.

— Нисколько об этом не забочусь! — в унисон ему кричал Барбикен.

— А я знаю! — воскликнул Мишель.

— Ну и скажи! — завопил Николь, который тоже не в состоянии был сдерживать раскаты своего голоса.

— Захочу — скажу! — ответил Мишель, резко хватая товарища за руку.

— Говори сию минуту, — гремел Барбикен, сверкая глазами и грозя кулаком. — Ты увлек нас в это безумное путешествие, и мы желаем, наконец, знать, зачем!

— Да, — заорал Николь, — если я не знаю, куда иду, то хочу знать, зачем я иду!

— Зачем! — вскричал Мишель, подпрыгивая на целый метр. — Ты хочешь знать, зачем? Затем, чтобы именем Соединенных Штатов завладеть Луной! Чтобы присоединить к Союзу сороковой штат! Чтобы колонизовать Луну, обработать ее, заселить, насадить там все чудеса науки, искусства и техники! Чтобы цивилизовать селенитов, если они только уже не цивилизованнее нас, и, наконец, провозгласить у них республику, если они еще не догадались сделать это сами!

— Да существуют ли еще на Луне эти селениты? — зарычал Николь, которым под влиянием непонятного опьянения словно овладел дух противоречия.

— Кто говорит, что селенитов нет? — угрожающе завопил Мишель.

— Я! — проревел в ответ Николь.

— Капитан! Посмей только повторить эту дерзость, и я заткну тебе глотку!

Противники готовы были кинуться с кулаками друг на друга, и нелепый спор грозил превратиться в побоище, если бы Барбикен, подскочив, не бросился их разнимать.

— Стойте, безумные! — крикнул он, разводя Николя и Мишеля. — Если селенитов нет, мы обойдемся и без них.

— Ну, конечно, — орал Мишель, уже позабыв все свои предшествующие утверждения. — Мы можем обойтись и без них! На черта нам селениты!.. Долой селенитов!

— Луна будет наша! — кричал Николь.

— Мы втроем провозгласим республику!

— Я буду конгрессом! — вопил Мишель.

— А я сенатом! — орал Николь.

— А Барбикен президентом! — рычал Мишель.

— Президент должен быть избран народом! — крикнул Барбикен.

— Президент будет избираться конгрессом, — завопил Мишель. — А так как я и есть конгресс, то я единогласно избираю тебя президентом!

— Ура! Ура! Да здравствует президент Барбикен! — кричал Николь.

— Гип, гип, ура! — подхватил Мишель Ардан.

Затем «президент» вместе с «сенатом» громовыми голосами затянули популярную песенку «Янки дудл», а конгресс вторил им, распевая в басовом регистре «Марсельезу».

Тут началась такая безудержная пляска, с исступленными жестами, дикими конвульсиями и клоунскими кульбитами, что Диана, присоединившись к этой вакханалии, неистово завыла и подпрыгнула к самому своду снаряда. Оттуда послышалось непонятное хлопанье крыльев и необычайно звонкий петушиный крик.

Пять или шесть кур, как обезумевшие летучие мыши, взлетели под потолок, ударяясь с размаху о стенки снаряда.

Тут путешественники пришли в состояние полного опьянения. Непонятно почему, воздух обжигал им легкие и дыхательное горло. Наконец, в беспамятстве они замертво упали на дно снаряда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На расстоянии 78 114 лье от Земли.

Что же случилось? Что было причиной такого странного опьянения, грозившего, может быть, гибельными последствиями?

Причиной была ошибка забывчивого Мишеля, которую Николь, к счастью, во-время заметил и успел исправить.

После полного изнеможения, продолжавшегося несколько минут, капитан очнулся раньше других и постарался привести в порядок свои мысли.

Несмотря на то, что он позавтракал всего лишь два часа тому назад, он чувствовал такой мучительный голод, точно не ел несколько дней. Весь его организм, от желудка до мозга, находился в высшей степени возбуждения.

Он поднялся на ноги и потребовал у Мишеля дополнительного завтрака, но обессиленный Мишель ничего не мог ответить. Тогда Николь решил сам заварить побольше чаю, чтобы запить дюжину сандвичей. Прежде всего, разумеется, потребовался огонь, и Николь чиркнул спичкой.

Каково же было его изумление, когда серная спичка вспыхнула таким ярким огнем, что глазам стало больно. Из газового рожка, к которому Николь поднес спичку, вырвалось пламя яркое и ослепительное, как поток электрического света.

Тут-то Николь понял все. И яркое пламя газовой горелки, и странные физиологические явления, происходившие в его организме, и неимоверное возбуждение всех душевных и физических способностей — все стало ему ясно.

— Кислород! — воскликнул он.

И, наклонясь к кислородному аппарату, он убедился, что из крана бьет струя этого бесцветного газа, не имеющего ни вкуса, ни запаха. Без него немыслима жизнь, но избыток его в чистом виде может привести в полное расстройство человеческий организм. Беспечный Мишель по рассеянности оставил кран аппарата открытым!

Николь поспешил прекратить истечение кислорода, которым был настолько насыщен воздух в снаряде, что пассажиры могли в конце концов умереть, если не задохнувшись, то заживо сгорев.

Через час воздух очистился и вернул легким способность работать нормально. Мало-помалу три друга очнулись от опьянения. Но еще долго, как пьяницы после выпивки, они не могли стряхнуть с себя похмелье.

Мишель ничуть не смутился, узнав, что он один повинен во всем случившемся. Что за беда? Эта неожиданная оргия нарушила однообразие путешествия: под ее влиянием друзья наговорили кучу глупостей, но все это было забыто так же быстро, как и высказано.

— Ну, что ж, — весело сказал француз, — право, я нисколько не раскаиваюсь, что отведал этого хмельного газа. По-моему, друзья мои, очень забавно было бы открыть заведение с кислородными кабинками, где люди с ослабевшим организмом могли бы хоть несколько часов пожить более активной жизнью. Представьте себе, например, какое-нибудь собрание, где воздух был бы насыщен этим возбуждающим газом, или, положим, театр, куда администрация впускала бы его в увеличенных дозах: какой темперамент обнаружили бы актеры и зрители, сколько было бы огня, сколько восторгов! А если бы можно было подпоить кислородом не собрание, а целую нацию! Как закипела бы ее жизнь! Нацию истощенную можно было бы превратить в великую и могучую! Я думаю, что для поправления здоровья многие государства нашей старушки Европы не мешало бы подвергнуть подобному кислородному лечению!

Мишель рассуждал с такой горячностью, словно кран кислородного аппарата был все еще отвернут. Неожиданное замечание Барбикена умерило его восторг.

— Все это прекрасно, милый Мишель, — сказал он, — но не объяснишь ли ты нам, откуда взялись куры, принявшие столь деятельное участие в нашем концерте?

— Куры?!

— Ну да.

В самом деле, полдюжины кур во главе с красавцем петухом, подпрыгивая и кудахтая, бродили по снаряду.

— Эх, негодницы! — воскликнул Мишель. — Это кислород произвел такой переполох.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил Барбикен.

— Разводить их на Луне, черт возьми!

— Зачем же ты их прятал?

— Сюрприз, уважаемый председатель, неудавшийся сюрприз! Я хотел, не говоря ни слова, выпустить их на Луне. Воображаю ваше изумление, когда вы увидели бы, как эти земные пернатые преспокойно пасутся на лунных полях!

— Ах, озорник, ах, мальчишка! — воскликнул Барбикен. — Чтобы вскружить тебе голову, не нужно никакого кислорода; ты вечно в таком состоянии, которое мы пережили, нанюхавшись газа. Ты всегда как безумный.

— А кто знает, не были ли мы именно тогда умнее всего? — спросил Мишель.

После этого философского изречения друзья принялись наводить порядок в своем вагоне. Куры и петух были водворены в клетку. Но тут Барбикен и его товарищи заметили новое поразительное явление.

С той самой минуты, как они стали удаляться от Земли, их собственный вес, вес ядра и всех предметов, находившихся в нем, постепенно уменьшался.

Если они и не могли обнаружить уменьшения веса снаряда, то в конце концов должна была наступить минута, когда это странное явление они заметили бы на самих себе, на приборах и предметах, которыми они пользовались.

Обычные весы, конечно, не могли бы обнаружить этого уменьшения тяжести, потому что гири, при помощи которых взвешивается всякий предмет, потеряли бы такую же долю веса, что и самый предмет. Другое дело — пружинные весы: упругость пружины не зависит от земного притяжения, и такие весы позволили бы точно определить уменьшение веса.

Как известно, сила притяжения, или, другими словами, тяжесть, прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Отсюда вытекает, что если бы Земля была единственным телом во всей вселенной, а другие небесные тела по какой-либо причине внезапно исчезли, то снаряд, по

закону Ньютона, весил бы тем меньше, чем дальше он находился бы от Земли. Но при этом он не потерял бы своего веса полностью, так как земное притяжение давало бы себя знать независимо от расстояния.

Но в данном случае должен был наступить момент, когда снаряд вышел бы из сферы действия законов всемирного тяготения, так как притяжение других небесных тел можно было считать равным нулю.

Путь снаряда лежал между Землей и Луной. По мере того как снаряд удалялся от Земли, земное притяжение изменялось обратно пропорционально квадрату расстояния. Лунное же притяжение изменялось прямо пропорционально. В какой-то точке пути оба притяжения — лунное и земное — должны были уравновеситься, и тогда снаряд должен был потерять всякий вес. Если бы массы Луны и Земли были одинаковы, эта точка находилась бы как раз на середине расстояния между обеими планетами. Но так как массы их различны, то легко вычислить, что эта точка находилась на $^{47}/_{52}$ части всего пути, или в численном выражении в 78 114 лье от Земли.

В этой точке равновесия притяжений всякое тело, не имеющее никакой скорости и никакого двигателя, осталось бы навеки неподвижным, потому что оба светила притягивали бы его с равной силой и ничто не могло бы заставить его лететь в ту или другую сторону.

Если сила толчка была рассчитана правильно, снаряд должен был достигнуть этой точки при нулевой скорости, утратив какие бы то ни было признаки веса вместе со всеми находящимися в нем предметами.

Что же случилось бы после этого? Представлялись три возможности.

Либо снаряд, все же сохранивший некоторую скорость, пройдя точку равных притяжений, упал бы на Луну, так как лунное притяжение возобладало бы над земным.

Либо снаряду не хватило бы скорости для достижения нейтральной точки, и тогда он упал бы обратно

на Землю, так как земное притяжение возобладало бы над лунным.

Либо, наконец, двигаясь с достаточной скоростью для достижения нейтральной точки, но недостаточной, чтобы перейти за нее, он навеки остановился бы, паря на этой линии, как легендарный Магометов гроб, между зенитом и надиром.

Таково было положение, возможные последствия которого Барбикен подробно объяснил своим спутникам, чрезвычайно заинтересовав их. Как же узнать, достиг ли снаряд этой нейтральной точки, расположенной в 78 114 лье от Земли? Действительно, как это сделать, когда ни сами они, ни предметы, заключенные с ними в снаряде, уже ни в малейшей степени не подчинялись законам тяготения?

До сих пор путешественники, хотя и знали, что земное тяготение постепенно убывает, однако не могли еще заметить полного его исчезновения. Но как раз в этот день утром, около одиннадцати часов, Николь уронил стакан, и, к общему изумлению, стакан не упал, а повис в воздухе.

— Вот так штука! — воскликнул Ардан. — Вот тебе и законы физики!

Действительно: различные предметы, оружие, бутылки, брошенные и предоставленные самим себе, словно чудом держались в воздухе. Мишель поднял Диану, и собака без всякого труда воспроизвела чудесный фокус висения в воздухе, показанный в цирке Кастоном и братьями Робер-Гуден. Собака, кстати, даже и не заметила, что она парит в воздухе.

Путешественники, вступившие в этот новый мир чудес, изумленные, потрясенные, несмотря на все свои научные рассуждения, чувствовали, что телам их недостает веса. Вытянутые руки не опускались; головы качались на плечах; ноги не касались пола снаряда. Они вели себя, как пьяные, потерявшие равновесие и устойчивость. Человеческая фантазия создавала людей, лишенных отражения, лишенных тени! А тут сама реальность благодаря равновесию сил притяжения двух планет создала людей, лишенных веса!

Мишель вдруг подпрыгнул и, отделившись на некоторое расстояние от дна снаряда, повис в воздухе, как добрый монах в «Ангельской кухне» Мурильо. В одно мгновение оба приятеля присоединились к Мишелю, и в центре снаряда произошло своего рода «чудесное вознесение».

— Подумать только! На что ж это похоже! Невероятно! — кричал пораженный Мишель. — Непостижимо, и все-таки это так! Вот если бы Рафаэль увидел нас в таком положении! Мы послужили бы ему прекрасной натурой для его «Вознесения»!

— Это не может долго продолжаться, — сказал Барбикен. — Как только снаряд перейдет за нейтральную линию, тотчас же начнет действовать лунное притяжение, и мы начнем падать на Луну.

— Что же, тогда нам придется стоять на верхушке снаряда, кверху ногами? — спросил Мишель.

— Нет, этого не случится, — успокоил его Барбикен, — потому что снаряд, центр тяжести которого расположен в самом низу, начнет постепенно поворачиваться дном к Луне.

— Значит, и все наше хозяйство кувырнется кверху дном?

— Успокойся, Мишель, — сказал Николь. — Бояться нечего. Ни один предмет не тронется с места, мы даже и не заметим, как перевернется снаряд.

— Совершенно верно, — добавил Барбикен. — Как только мы достигнем нейтральной точки, нижняя, относительно более тяжелая часть снаряда повернется перпендикулярно к поверхности Луны. Но чтобы это могло произойти, нам нужно пройти точку равного притяжения.

— Ах, вот как: мы пересекаем линию равного притяжения! — подхватил Мишель. — В таком случае мы должны последовать обычаю моряков, пересекающих экватор: вспрыснем это событие!

Одним движением Мишель достал со стены бутылку и стакан, расставив их в «пространстве» перед приятелями, и, весело чокаясь, они троекратным «ура» приветствовали переход границы земного притяжения.

Состояние равновесия лунного и земного притяжений продолжалось не более часа. Путешественники чувствовали, что мало-помалу опускаются на дно, и Барбикен стал замечать, что конический купол снаряда начинает уклоняться от прямой, направленной к Луне, а дно приближаться к ней. Это значило, что лунное притяжение преодолевало силу земного. Падение на Луну, пока что очень незаметное, началось. Скорость падения в первую секунду равнялась всего только трети миллиметра, или 590 тысячных линии.

Но мало-помалу притягательная сила Луны неизбежно увеличится, и снаряд, обращенный конической частью к Земле, начнет с возрастающей скоростью стремиться к Луне, пока не упадет на ее поверхность. Стало быть, цель будет достигнута. Ничто уже теперь не могло помешать успеху предприятия. Николь и Ардан разделяли радость Барбикена.

Друзья обсуждали все эти столь новые для них явления, которые поражали их на каждом шагу. Восторженный Ардан делал из всего самые фантастические выводы.

— Друзья! — воскликнул он. — Какой прогресс сулила бы Земле возможность каким-нибудь способом отделаться от закона тяготения, от этой грузной цепи, которой мы прикованы к Земле! Ведь это все равно, что дать свободу пленнику. Никакой усталости ни в руках, ни в ногах. Если теперь, чтобы держаться над Землею в воздухе одной только работой мускулов, нужна сила, в сто пятьдесят раз превышающая силу человека, то тогда, без законов тяготения, нам достаточно будет только усилия воли, чтобы по своей прихоти взлетать в пространство.

— Да, — заметил Николь смеясь, — если бы можно было уничтожить силу тяжести, как уничтожают боль при помощи наркоза, многое изменилось бы в нашей современной жизни!

— Решено, — вопил Мишель, воодушевленный своим фантастическим проектом, — уничтожим силу тяжести! Тогда не понадобится никаких лебедок, никаких кранов, тросов, рычагов, — все эти приспособления потеряют всякий смысл.

— Хорошо сказано, — заметил Барбикен, — но если все потеряет вес, то ничто и не сможет держаться на месте: ни шляпа на твоей голове, дорогой Мишель, ни дом на своем фундаменте, потому что камни, из которых он сложен, держатся только силой тяжести. Не существовало бы лодок, которые держатся на воде только силой земного притяжения. Не осталось бы даже океана, воды которого удерживаются в равновесии только благодаря силе тяготения! Наконец, от нас ушла бы и сама атмосфера, потому что ее частицы, ничем более не сдерживаемые, рассеялись бы в беспредельном пространстве...

— Какая жалость, — огорчился Мишель. — Уж эти мне положительные люди! Вечно стараются стащить меня с небес на землю!

— Утешься, Мишель, — продолжал Барбикен. — Если и не существует на свете планеты, где бы не действовали законы притяжения, то все же ты побываешь на планете, где это притяжение гораздо слабее, чем на Земле.

— Это на Луне-то?

— Ну да, на Луне. Все предметы на ней весят в шесть раз меньше, чем на Земле, и это очень легко установить.

— И мы будем в состоянии заметить это?

— Разумеется, потому что сто наших килограммов на поверхности Луны весят только тридцать.

— А наша мускульная сила там не уменьшится?

— Нисколько. Если ты употребишь усилие, необходимое для прыжка на метр от земли, то на Луне при том же усилии ты подскочишь на восемнадцать футов.

— Стало быть, на Луне мы будем настоящими геркулесами! — вскричал Мишель.

— Да, тем более, — сказал Николь, — что если рост селенитов пропорционален массе их планеты, они будут казаться нам просто карликами, ростом не больше фута.

— Лиллипуты! — обрадовался Мишель. — А я буду разыгрывать роль Гулливера! Мы воплотим в

жизнь легенду о великанах. Подумайте только, как выгодно бросить собственную планету и пуститься в странствие по солнечной системе!

— Погоди, Мишель, — остановил его Барбикен. — Если уж тебе непременно хочется быть Гулливером, советую тебе посещать только меньшие планеты нашей системы вроде Меркурия, Венеры или Марса, массы которых меньше массы Земли. Если же ты отважишься отправиться на планеты вроде Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, роли переменятся: там ты сам будешь лиллипутом.

— А на Солнце?

— Плотность Солнца в четыре раза меньше земной, объем его в миллион триста двадцать четыре тысячи раз больше, а притяжение больше земного в двадцать семь раз. При таких условиях тамошние жители должны быть ростом по крайней мере футов в сто.

— Тысяча чертей! — вскричал Мишель. — Значит, сам я был бы на Солнце пигмеем, букашкой!

— Гулливером у великанов! — подсказал Николь.

— Именно так! — согласился Барбикен.

— Тогда не лишне было бы захватить с собой на Солнце несколько пушек.

— Ну, это напрасно! — сказал Барбикен. — Снаряды на Солнце не произвели бы никакого эффекта и не пролетели бы и нескольких метров.

— Вот это здорово!

— И вполне достоверно. Притяжение этого огромного светила так сильно, что предмет весом в семьдесят килограммов на Земле будет весить на поверхности Солнца тысячу девятьсот тридцать килограммов. Твоя шляпа — десяток килограммов! Твоя сигара — полфунта. И, наконец, если ты упадешь на солнечную «землю», твой вес будет настолько велик — около двух тысяч пятисот килограммов, — что ты не сможешь подняться и стать на ноги!

— Что за черт! — воскликнул Мишель. — Стало быть, там всегда надо таскать при себе небольшую карманную лебедку! Ну, дорогие друзья, на первый раз удовольствуемся Луной. Здесь по крайней мере

мы будем важными особами. А там посмотрим, стоит ли отправляться на Солнце, где нужна подъемная машина даже для того, чтобы поднести ко рту стакан вина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Результаты отклонения.

Барбикен больше не тревожился: если окончательный исход путешествия и не был еще ясен, то по крайней мере в силе, с которой был пущен снаряд, нельзя было сомневаться. Скорость снаряда обеспечила пересечение им нейтральной линии. Стало быть, обратно на Землю снаряд упасть уже не мог. Не мог он и повиснуть в точке равного притяжения двух планет. Оставалась только одна возможность: снаряд должен был достигнуть своей цели под влиянием лунного притяжения.

Падение должно было произойти с высоты около восьми тысяч двухсот девяноста шести лье на планету, притяжение которой было, правда, слабее земного в шесть раз. Но и к такому падению надо было подготовиться, не мешкая.

Меры предосторожности были двух родов: во-первых, необходимо было ослабить удар в момент соприкосновения снаряда с Луной; во-вторых, заранее умерить быстроту падения и таким образом сделать его последствия менее ощутимыми.

Барбикен очень жалел, что для ослабления удара он не мог воспользоваться теми средствами, которые с таким успехом были применены для ослабления удара при вылете из колумбиады, то есть водой, игравшей роль буфера, и разбивными перегородками. Перегородки сохранились, но воды не было. Нельзя же было расходовать драгоценный запас воды, сохранявшийся в снаряде на тот случай, если бы путешественники в первые дни своего пребывания на Луне не смогли добыть питьевой воды.

Слой воды, находившийся при вылете снаряда в деревянных перегородках, на которых держался водонепроницаемый диск, занимал не менее трех футов в высоту на площади в 54 квадратных фута. Объем этой воды достигал 6 кубических метров, а вес — 5750 килограммов. Теперь же все сосуды в снаряде не содержали и пятой доли этого количества воды. Таким образом, от этого средства ослабления толчка приходилось отказаться.

К счастью, Барбикен, не ограничиваясь водой, снабдил подвижной пол очень крепкими пружинами, предназначенными для ослабления толчка при вылете после разлома горизонтальных перегородок. Эти буфера уцелели, их надо было только привести в порядок и укрепить на прежнем месте подвижной пол. Со всеми этими делами справились быстро и легко, тем более что каждая вещь была почти невесома.

Все было подготовлено. Все части хорошо пригнаны одна к другой, завинчены гайками и болтами. Все инструменты оказались налицо, и скоро восстановленный круг пола был укреплен на стальных пружинах, как стол на ножках. Эта установка повлекла за собой только одно неудобство: нижнее окно оказалось загороженным, и путешественники лишились возможности наблюдать Луну в момент отвесного падения снаряда на ее поверхность. Но с этим им приходилось мириться. К тому же из боковых окон виднелись огромные лунные пространства, как бывает видна Земля из гондолы воздушного шара.

Установка диска потребовала часа работы. После полудня все приготовления были закончены. Барбикен произвел новые наблюдения и, к великому огорчению, установил, что снаряд еще не повернулся перпендикулярно к поверхности Луны: траектория ядра совпадала с кривой, параллельной окружности лунного диска.

Ночное светило ярко сияло на небе, между тем как с противоположной стороны снаряд заливали лучи дневного светила.

Такое положение снаряда было далеко неутешительным.

— Долетим ли мы до Луны?— осведомился Николь.

— Будем действовать с тем расчетом, что мы непременно доберемся до нее, — ответил Барбикен.

— Трусы! — воскликнул Ардан. — Конечно, мы долетим, и даже скорее, чем нам этого хочется.

Этот решительный ответ заставил Барбикена снова приняться за работу. Он занялся приспособлениями, предназначенными замедлить падение снаряда.

Здесь следует вспомнить митинг, состоявшийся в городе Тампа, во Флориде, на котором выступал Николь, заняв позицию, совершенно противоположную и враждебную Барбикену, и резко возражая Мишелю Ардану. Николь утверждал тогда, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан возражал, что он задержит падение при помощи своевременно пущенных ракет.

И в самом деле, мощные ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное движение снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве, но кислорода им хватило бы, потому что он заключался в самих ракетах. Ведь извержению лунных вулканов никогда не препятствовал недостаток атмосферы вокруг Луны.

Барбикен перед отъездом запасся ракетами в маленьких стальных цилиндрах с нарезкой, которые ввинчивались в дно снаряда. Изнутри они были заделаны в уровень с дном, а снаружи выступали на полфута. Их было двадцать штук. Специальное отверстие, проделанное в диске, позволяло зажечь фитили, которыми были снабжены ракеты. Самые взрывы ракет должны были произойти за пределами снаряда. Взрывчатая смесь была заблаговременно заложена в каждый цилиндр. Оставалось только во-время вынуть металлические пробки, вставленные в дно снаряда, и вместо них ввинтить цилиндры с ракетами, плотно пригнанные к отверстиям.

Эта работа была закончена к трем часам. После этого путешественникам оставалось только ждать.

Снаряд между тем заметно приближался к Луне. Он уже несомненно испытывал до некоторой степени действие ее притяжения.

Однако собственная скорость снаряда увлекала его по кривой к лунной поверхности. В результате этих двух факторов — лунного притяжения и собственной скорости снаряда — могла получиться некоторая тангенциальная линия; во всяком случае, ясно было, что снаряд не упадет отвесно на лунную поверхность, потому что иначе его нижняя часть уже давно бы повернулась к Луне под действием собственной тяжести.

Беспокойство Барбикена усилилось, когда он обнаружил, что снаряд не подчиняется силе одного только лунного притяжения. Перед ним открывалась неизвестность, страшная неизвестность — в межзвездном пространстве. Он, серьезный ученый, казалось бы, предусмотрел все три возможности: возвращение на Землю, падение на Луну и повисание снаряда в точке равного притяжения обеих планет. И вот теперь совершенно неожиданно возникала еще какая-то неведомая четвертая возможность, чреватая всеми ужасами бесконечности. Чтобы не пасть духом перед этим открытием, надо было быть таким отважным ученым, как Барбикен, таким флегматиком, как Николь, или же таким отчаянным авантюристом, как Ардан.

Люди иного склада постарались бы решить вопрос с практической точки зрения: пытались бы разгадать, куда их уносит злополучный снаряд. Но наши путешественники и не думали об этом: они интересовались только причиной отклонения снаряда. Разговор перешел на эту тему.

— Итак, мы сошли с рельсов, — сказал Ардан, — но почему?

— Я опасаюсь, — ответил Николь, — что, несмотря на все принятые меры предосторожности, колумбиада была неверно нацелена. Как бы ничтожна ни была ошибка, ее совершенно достаточно, чтобы выбросить нас за пределы лунного притяжения.

— Плохо, стало быть, целили? — спросил Мишель.

— Не думаю, — возразил Барбикен. — Пушка была установлена точно по перпендикуляру и нацелена

прямо в зенит. А так как Луна проходит теперь через зенит, то мы должны были попасть в самый ее центр. Тут есть какая-то другая причина, которой я не могу еще уловить.

— Не запаздываем ли мы?— предположил Николь.

— Запаздываем? — переспросил Барбикен.

— Да, — продолжал Николь. — В письме Кембриджской обсерватории говорилось, что путь наш должен завершиться за девяносто семь часов тринадцать минут и двадцать секунд. А это значит, что раньше этого срока Луна еще не подойдет к назначенной точке, а позже — уже удалится от нее.

— Совершенно верно, — подтвердил Барбикен. — Но мы вылетели первого декабря вечером, в десять часов сорок шесть минут тридцать пять секунд; на месте мы должны быть пятого в полночь, в момент полнолуния. Сегодня у нас пятое декабря, половина четвертого пополудни: ясно, что восьми с половиной часов нам бы хватило для достижения цели. Почему же мы от нее уклоняемся.

— Может быть, от излишней скорости? — снова спросил Николь. — Теперь-то нам известно, что первоначальная скорость оказалась больше предусмотренной.

— Нет, нет! Ни в коем случае, — вскричал Барбикен. — Никакой избыток скорости не помешал бы нам достичь Луны, держись наш снаряд точного направления. Нет! Наш снаряд уклонился от своей первоначальной траектории. Что-то отклонило его с пути.

— Что же? Каким образом?

— Этого я и сам не знаю...

— Слушай, Барбикен, — нетерпеливо перебил Мишель ,— хочешь, я скажу тебе свое мнение об этом вопросе?

— Говори.

— Я не дал бы и полдоллара за такое открытие! Мы свернули с пути — это факт. Куда нас несет — не все ли равно? Рано или поздно мы все узнаем. Какого черта! Раз мы летим в беспредельное пространство, то попадем же мы в конце концов в сферу какого-нибудь притяжения!

Хладнокровие Мишеля Ардана не могло успокоить Барбикена. И не потому, чтобы его тревожило неизвестное будущее, — вовсе нет! Ему хотелось во что бы то ни стало доискаться причины отклонения снаряда с намеченного пути.

Снаряд между тем продолжал лететь боком к Луне вместе со всей свитой выкинутых из него вещей. По выдающимся вершинам лунных гор Барбикен мог даже определить, что от Луны их отделяет меньше двух тысяч лье и что скорость снаряда остается почти неизменной. Это было еще новым доказательством того, что они не падают отвесно на Луну.

Собственная начальная скорость снаряда все еще преодолевала лунное притяжение, хотя траектория снаряда, видимо, приближалась к лунному диску и можно было еще надеяться, что на более близком расстоянии сила тяготения возьмет свое и заставит снаряд упасть на Луну.

За неимением более важного дела трое приятелей продолжали заниматься наблюдениями. Однако они еще не могли ясно различить топографию земного спутника. Все контуры сливались в ярких солнечных лучах.

Друзья наблюдали Луну через боковые иллюминаторы до восьми часов вечера. Луна увеличилась настолько, что закрыла собою половину небесной сферы. Снаряд был залит с одной стороны лучами Солнца, с другой — светом Луны.

В это время Барбикен установил, что от Луны их отделяет всего лишь семьсот лье. Он выяснил, что скорость снаряда достигает двухсот метров в секунду, то есть около ста семидесяти лье в час. Нижняя часть ядра под влиянием центростремительной силы повертывалась к Луне, но центробежная сила одерживала верх, и создавалось впечатление, что траектория снаряда выгнется в некую кривую, определить которую было еще невозможно.

Барбикен не переставал доискиваться разрешения неразрешимой задачи. Часы проходили. Снаряд явно приближался к Луне, но было совершенно очевидно,

что он ее не коснется. Расстояние, на котором снаряд пройдет мимо Луны, будет зависеть от взаимодействия притягательных и отталкивающих сил, которыми обусловливалось его движение.

— Я хочу только одного, — твердил Мишель, — как можно ближе подойти к Луне, чтобы проникнуть во все ее тайны!

— Будь же проклята та причина, которая заставила наш снаряд уклониться с пути! — негодовал Николь.

— Будь же проклят... — воскликнул Барбикен, пораженный озарившей его догадкой. — Будь же проклят тот болид, который встретился нам в пути!

— Что? — переспросил Ардан.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Николь.

— Хочу сказать, — продолжал Барбикен, — что нашим уклонением мы обязаны исключительно встрече с этим блуждающим телом.

— Но ведь оно даже не коснулось нас! — заметил Мишель.

— Это ничего не значит. Масса его по сравнению с нашим снарядом огромна, и притяжения его было вполне достаточно, чтобы повлиять на направление снаряда.

— Такой пустяк! — воскликнул Николь.

— На расстоянии восьмидесяти четырех тысяч лье от Земли, — ответил Барбикен, — достаточно и такого пустяка, чтобы мы пролетели мимо Луны!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наблюдения над Луной.

Барбикен действительно нашел единственную сколько-нибудь вероятную причину отклонения. Как бы ничтожна она ни была, только она и могла повлечь за собою отклонение снаряда от надлежащего направления. Она оказалась роковой. Смелая попытка из-за

нелепой случайности оказалась обреченной на неудачу, и если не произойдет какого-нибудь нового, совершенно исключительного события, им не удастся попасть на Луну.

Пройдут ли они хотя бы настолько близко от нее, чтобы разрешить некоторые проблемы физики и геологии земного спутника, которые до сих пор оставались неясными? Вот единственный вопрос, занимавший наших путешественников в данную минуту. О своей судьбе они не хотели и думать. А между тем что ожидало их среди беспредельных пустынь, если не хватит воздуха, который они скоро должны израсходовать? Еще несколько дней — и они задохнутся в снаряде, который блуждал теперь по прихоти неведомых сил. Но эти несколько дней казались друзьям веками, и они каждую минуту посвящали наблюдениям над Луной, на которую уже не надеялись попасть.

Расстояние, отделявшее снаряд от Луны, определялось в это время в двести лье. С точки зрения видимости рельефа лунного диска путешественники были сейчас фактически дальше от Луны, чем жители Земли, вооруженные мощными телескопами.

В самом деле, мы знаем, что телескоп, установленный Джоном Россом в Парсонстоуне, давая увеличение в 6500 раз, приближал Луну на расстояние шестнадцати лье от Земли; а благодаря мощному окуляру Лонгспика ночное светило, при увеличении в 48 тысяч раз, оказывалось приближенным почти на расстояние двух лье, что позволяло изучить во всех подробностях любой предмет диаметром не менее десяти метров.

Итак, без телескопа топография Луны на таком расстоянии не поддавалась сколько-нибудь точному изучению. Глаза улавливали лишь смутные контуры огромных низин, довольно произвольно называемых «морями», но характер этих низин установить было невозможно. Рельефы горных хребтов расплывались благодаря яркому отраженному свету солнечных лучей. Человек, ослепленный этими лучами, невольно

отводил глаза, словно от блеска расплавленного серебра.

Вместе с тем теперь уже ясно обозначалась форма Луны в виде вытянутого шара. Она казалась гигантским яйцом, острый конец которого был повернут к Земле. В далекую эпоху своего образования Луна, в жидком или газообразном состоянии, представляла собой шар совершенно правильной формы. Но вскоре, притянутая к Земле под действием силы тяготения, Луна несколько вытянулась. Став спутником Земли, она утратила первоначальную строгость и чистоту формы: ее центр тяжести сместился по отношению к ее геометрическому центру. Именно из этого некоторые ученые вывели заключение, что на противоположном полушарии Луны, которого никогда не видно с Земли, могли сохраниться воздух и вода.

Этот общий контур Луны наши путешественники могли наблюдать лишь в течение нескольких минут. Расстояние снаряда от Луны очень быстро сокращалось: скорость снаряда, значительно снизившаяся, превосходила все же в восемь или девять раз скорость железнодорожных экспрессов. Наклонное положение снаряда порождало в Мишеле Ардане некоторую надежду, что они коснутся хотя бы какой-нибудь точки лунного диска. Мишель никак не мог помириться с тем, что снаряд не попадет на Луну, и непрестанно заговаривал об этом. Но Барбикен как более авторитетный ученый разубеждал его в этом со всей беспощадностью логики.

— Нет, Мишель, нет! — говорил он. — Попасть на Луну мы могли бы только падая на нее, а мы не падаем. Мы находимся под влиянием двух сил — центростремительной, которая притягивает нас к Луне, и центробежной, которая неумолимо отталкивает нас от нее.

Это было сказано таким убедительным тоном, что Мишель потерял, наконец, всякую надежду.

Снаряд направлялся к северному полушарию Луны, которое на лунных картах помещают внизу, так как эти карты сняты при помощи телескопа, дающего, как известно, перевернутое изображение. Одна из таких

карт — Mappa selenographica[1] Бэра и Мэдлера — в настоящую минуту лежала перед Барбикеном. Северное полушарие представляло собою обширные равнины, на которых кое-где возвышались горные пики.

В полночь наступило полнолуние. В этот момент друзья находились бы уже на Луне, если бы злополучный болид не отклонил их от первоначального направления. Луна к этому времени уже достигла точки, точно вычисленной Кембриджской обсерваторией. Это была математическая точка лунного перигея в зените двадцать восьмой параллели. Наблюдатель, поместившийся в это время на дне колоссальной колумбиады, направленной перпендикулярно к горизонту, увидел бы Луну прямо над собой. Если бы продолжить ось орудия, она прошла бы в точности через центр Луны.

Нечего и говорить, что наши путешественники в эту ночь, с 5 на 6 декабря, не смыкали глаз. Да и можно ли было спать, находясь так близко от этого нового, неведомого мира? Какое там! Все чувства друзей сосредоточились на одном-единственном желании: видеть, как можно больше видеть! Они были представителями Земли, представителями человечества всех эпох, и сейчас их глазами, через их посредство человеческий род проникал в тайны своего спутника! В сильном волнении путешественники переходили от одного иллюминатора к другому.

Они вели точные наблюдения при помощи подзорных труб, то и дело сверяясь с имеющимися картами. Барбикен записывал все подробности наблюдений.

Первым наблюдателем Луны был Галилей. В его распоряжении была очень слабая труба, дававшая приблизительно тридцатикратное увеличение. Несмотря на это, ему первому удалось установить, что пятна, испещряющие лунный диск, «как глазки павлиньего хвоста», — не что иное, как горы; он даже измерил некоторые высоты, которые, по его преуве-

---

[1] Лунная карта (*лат.*).

личенным расчетам, оказывались равными приблизительно одной двадцатой диаметра лунного диска, или восьми тысячам восьмистам метрам. Но Галилей не оставил после себя карты своих наблюдений.

Несколько лет спустя данцигский астроном Гевелий, измерения которого были правильны лишь дважды в месяц — в первую и вторую четверть Луны, — высчитал, что высота лунных гор на самом деле значительно меньше, а именно — равна одной двадцать шестой диаметра Луны. Его цифры, в противоположность галилеевым, оказались преуменьшенными. Этому ученому мы обязаны первой картой Луны. Круглые светлые пятна на лунном диске представляют кольцеобразные горы, так называемые цирки, а темные — обширные моря, которые в действительности не что иное, как равнины. Гевелий дал этим горам и морям земные имена. Таким образом на Луне оказались, например, Аравия с Синаем, Сицилия с Этной в центре, Альпы, Апеннины, Карпаты, Средиземное и Мраморное моря, Черное море, Каспийское море. Эти названия мало применимы к лунным морям и горам, которые совершенно не похожи по очертаниям на своих земных соименников. Вряд ли в большом белом пятне с остроконечным мысом, граничащим на юге с обширными лунными материками, можно угадать Индийский полуостров, Бенгальский залив и Кохинхину. Поэтому, естественно, что эти имена не сохранились. Другой картограф, глубже познавший человеческие слабости, предложил новые наименования, льстившие человеческому тщеславию, а потому быстро и охотно принятые и укоренившиеся в науке.

Это был отец Риччиоли, современник Гевелия. Его карта была выполнена неточно, со множеством грубейших ошибок. Но зато лунные горы он окрестил именами великих людей древности и современных ученых, что и вошло впоследствии в обычай.

В XVII столетии астроном Доминико Кассини составил третью лунную карту; хотя эта карта была выполнена лучше, чем риччиолева, но она не давала точных размеров. Несколько ее изданий разошлось, но

затем медную доску, долго хранившуюся в Королевской типографии, продали на вес, как негодную вещь.

Другой знаменитый французский математик и гравер Лагир вычертил карту размером в четыре метра; но она никогда не была напечатана.

После него немецкий астроном Товия Майер, в середине XVIII столетия, начал было издание великолепной карты по точным, им самим проверенным измерениям, но смерть ученого в 1762 году прервала его замечательный труд.

Затем следует назвать Шретера из Лилиенталя, сделавшего наброски многочисленных лунных карт; далее, некий Лорман из Дрездена изготовил таблицы в двадцать пять листов, из которых четыре были гравированы, наконец в 1830 году Бэр и Мэдлер составили свою знаменитую Mappa selenographica. На этой карте совершенно точно изображен лунный диск в том виде, как он представляется земному наблюдателю; но расположение гор и равнин верны только в центральной части Луны, прочие же части — южная, северная, восточная и западная — даны в уменьшенном виде, и поэтому несравнимы с центральными областями Луны. Эта топографическая карта, размером в девяносто пять сантиметров, разделенная на четыре части, представляет шедевр лунной картографии.

После перечисленных ученых можно упомянуть о лунной карте немецкого астронома Юлиуса Шмидта, о топографических трудах отца Секки, о замечательных опытах английского любителя Уорена де ла Рю и, наконец, о карте Лекутюрье и Шапюи, выполненной в 1860 году в ортогональной проекции с удивительной точностью и отчетливостью.

Таков перечень различных лунных карт. Барбикен располагал двумя из них — картой Бэра и Мэдлера и картой Шапюи и Лекутюрье. Они должны были облегчить ему его наблюдения.

Что касается оптических приборов, то в распоряжении Барбикена имелись отличные морские подзорные трубы, специально приспособленные для этого

путешествия. Они увеличивали объекты в сто раз и, стало быть, могли приблизить Луну к Земле на расстояние менее тысячи лье. Здесь же в снаряде, на расстоянии ста двадцати километров от Луны, и в среде, где атмосфера не препятствовала видимости, эти приборы приближали Луну на расстояние тысячи пятисот метров.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фантазии и действительность.

— Видали ли вы когда-нибудь Луну? — насмешливо спросил одного из студентов некий профессор.

— Нет, — так же насмешливо отвечал студент, — но должен сознаться, что кое-что слыхал о ней.

Шутливый ответ студента могла бы повторить большая часть обитателей подлунного мира. Сколько людей слышали о Луне и никогда не видели ее в окуляре зрительной трубы или телескопа. Сколько из них никогда даже не рассматривали карты нашего спутника!

В лунной карте нас прежде всего поражает одна особенность. Материки Луны в противоположность земным материкам и материкам Марса сгруппированы главным образом в южном полушарии. Очертания их не представляют тех четких, резких линий, которыми очерчены, например, Южная Америка, Африка или Индийский полуостров. Их угловатые и причудливо изогнутые берега изрезаны множеством заливов и полуостровов. Лунные материки напоминают Зондский архипелаг, где материк раздроблен на несчетное число частиц. И если на Луне когда-нибудь существовало мореплавание, то оно, вероятно, было необычайно трудным и опасным. Нужно пожалеть лунных моряков и гидрографов — первых, когда они огибали эти извилистые берега лунных материков, а вторых, когда они производили их измерения.

Мы заметим также по лунной карте, что на южном полюсе Луны больше суши, чем на северном.

На северном полюсе Луны имеется также небольшая группа островов, отделенных от прочих материков обширными морями. Под словом «моря» мы понимаем, конечно, те огромные пространства, которые, повидимому, были когда-то покрыты водой, но теперь представляют лишь обширные низины. На юге почти все полушарие занимает суша. Весьма возможно, что селениты уже успели водрузить палатку на одном из своих полюсов, тогда как Франклин, Росс, Кан, Дюмон-д'Урвилль, Ламбер все еще не достигли полюсов Земли.

Что касается островов, то на Луне их чрезвычайно много. Все они имеют овальную или круглую форму, словно вычерченную циркулем, и представляют собой огромный архипелаг, напоминающий живописные островки, разбросанные между Грецией и Малой Азией, которые мифология избрала когда-то центром самых поэтических легенд. При виде лунных островов невольно вспоминаются названия Наксос, Тенедос, Милос, Карпатос и глаза инстинктивно ищут корабль Одиссея или парусник аргонавтов. Таково было, во всяком случае, впечатление Мишеля Ардана: ему чудился на лунной карте греческий архипелаг. Его друзьям, менее склонным фантазировать, вид лунных побережий напоминал скорее изрезанные берега Нью-Брансуика и Новой Шотландии, и там, где француз искал следов мифических героев, американцы выискивали точки, наиболее благоприятные для торговых колоний, центры для развития лунной торговли и промышленности.

Чтобы покончить с описанием материковой части Луны, посвятим несколько слов ее орографии. На Луне всюду ясно видны горные цепи, кольцеобразные горы, цирки, кратеры и трещины. Весь лунный рельеф изобилует такими неровностями и так сильно пересечен, что на первый взгляд кажется какой-то громадной Швейцарией или необъятной Норвегией. Эта поверхность, столь неровная и изрезанная, — результат последовательных сжатий лунной коры в период ее формирования. Лунный диск представляет обширное поле для изучения интереснейших геологических явле-

ний. Хотя, по мнению некоторых астрономов, лунная поверхность древнее поверхности Земли, но Луна все-таки лучше сохранилась. Здесь нет вод, изменяющих первобытное строение поверхности и сглаживающих ее общий рельеф; нет и воздуха, разрушительное действие которого изменяет профиль местности. На Луне всюду видна в первобытной чистоте работа плутонических сил без вмешательства нептунических стихий. Это Земля в том виде, какой она была, пока моря и реки не покрыли ее наносными слоями.

После обзора лунных материков взгляд устремляется к ее еще более обширным морям. Эти моря своим положением, очертаниями и внешним видом не только напоминают земные океаны, но, так же как и на Земле, занимают большую часть лунной поверхности. Однако «моря» и «океаны» не заполнены водой, это просто низменности, природу и свойства которых надеялись выяснить в ближайшее же время наши путешественники.

Древние астрономы присвоили этим мнимым морям довольно-таки замысловатые названия, которые сохранились в науке и поныне. Мишель Ардан был совершенно прав, когда сравнивал лунные карты с картой «Страны Нежности», вычерченной некоей м-ль Скюдери или Сирано де Бержераком.

— Но при этом, — добавлял он, — это не какая-нибудь сентиментальная карта семнадцатого века, это карта самой жизни, четко разграниченная на две части: женскую и мужскую. Женщинам отведено правое полушарие, мужчинам — левое.

В ответ на такие рассуждения прозаические друзья Мишеля только пожимали плечами. Барбикен и Николь рассматривали лунную карту с совершенно иной точки зрения, чем их восторженный друг. Между тем этот фантазер был до некоторой степени прав. Судите сами:

В левом полушарии Луны раскинулось море Облаков, в котором так часто блуждает человеческий разум. Немного поодаль расположено море Дождей, питаемое всеми треволнениями жизни. Рядом с ним простирается океан Бурь, где мужчина беспрестанно

борется со своими страстями, которые так часто одерживают над ним победу. И, наконец, обессиленный, измученный разочарованиями, предательствами, изменами и всеми земными испытаниями, что же находит он в конце своего пути? — море Тумана и освежающие капли залива Росы! Туманы, облака, дожди, бури — не в этом ли состоит вся жизнь мужчины?

В правом полушарии, «посвященном женщинам», помещаются менее обширные моря, символические названия которых отражают все перипетии женской судьбы: море Ясности, над которым склоняется молодая девушка; озеро Снов, зеркало, чарующее ее картинами счастливого будущего. А далее море Нектара с его потоками нежности и ласковыми дуновениями ветерка! А вот море Плодородия, море Кризисов, море Вздохов, размеры которого, пожалуй, слишком малы, и, наконец, безбрежное море Спокойствия, поглощающее все обманы и разочарования страстей, все бесполезные мечты, все неутоленные желания, воды которого спокойно вливаются в озеро Смерти!

Как удивительно чередуются здесь названия! Какое странное разделение Луны на эти два полушария, связанные между собой так же неразрывно, как связаны мужчина и женщина, и символически передающие судьбу обоих. Не прав ли был увлекающийся Мишель, именно так толкуя фантастические имена, придуманные древними астрономами.

В то время как воображение Мишеля «бороздило лунные моря», его ученые друзья изучали земного спутника как географы. Они заучивали этот новый мир наизусть. Они измеряли его углы и диаметры.

Для Барбикена и Николя море Облаков представляло собой огромную равнину на лунной поверхности, испещренную там и сям кольцевыми горами, цирками. Занимая западную часть южного полушария, оно простирается на 84 800 квадратных лье, с центром, находящимся на 15 градусе южной широты и 20 градусе западной долготы. Океан Бурь (Oceanus Procellarum) — самая крупная низменность Луны — охватывает площадь в 328 300 квадратных лье с центром на 10 градусе северной широты и 45 градусе

восточной долготы. Здесь возвышаются величественные сверкающие вершины Кеплера и Аристарха.

Далее к северу, отделенное от моря Облаков высокими горными хребтами, простирается море Дождей (Mare Imbrium), с центром на 35 градусе северной широты и 20 градусе восточной долготы; оно почти круглой формы и занимает площадь в 193 тысячи квадратных лье. Недалеко от него находится море Влажности (Mare Humorum) с небольшим бассейном в 44 200 квадратных лье, расположенное на 25 градусе южной широты и 40 градусе восточной долготы. И, наконец, на границе этого полушария вырисовываются три залива — залив Зноя, залив Росы и залив Радуг — небольшие впадины, зажатые между высокими горными цепями.

«Женское полушарие» по очертаниям, естественно, более причудливое, отличается большим количеством менее крупных морей. На севере — море Холода (Mare Frigoris) на 55 градусе северной широты и 0 градусе долготы, площадью в 7600 квадратных лье, примыкающее к озеру Смерти и озеру Снов; море Ясности (Mare Serenitatis) на 25 градусе северной широты и 20 градусе западной долготы, с площадью в 86 тысяч квадратных лье; море Кризисов (Mare Crisium), ясно очерченное, почти круглое, охватывающее площадь в 40 тысяч квадратных лье, от 17 градуса северной широты до 55 градуса западной долготы, — настоящее Каспийское море, окруженное поясом гор. Затем на экваторе, на 5 градусе северной широты и 25 градусе западной долготы, — море Спокойствия (Mare Tranquillitatis), занимающее 121 509 квадратных лье. Это море сообщается на юге с морем Нектара (Mare Nectaris) протяженностью в 28 800 квадратных лье, на 15 градусе южной широты и 35 градусе западной долготы, и на востоке — с морем Плодородия (Mare Fecunditatis), самым обширным в этом полушарии, занимающим 219 300 квадратных лье, на 3 градусе южной широты и 50 градусе западной долготы. И, наконец, на самом севере и на самом юге имеются еще два моря — море Гумбольдта (Mare Humboldtianum) поверхностью в 6500 квадратных лье и Южное

море (Mare Australe) поверхностью в 26 тысяч квадратных лье.

В центре лунного диска, на самом экваторе и нулевом меридиане, открывается Центральный залив (Sinus Medii) — своего рода звено между двумя полушариями.

Вот в каком виде представлялась Николю и Барбикену видимая с Земли поверхность земного спутника. Когда они подсчитали результаты своих измерений, оказалось, что поверхность лунного полушария занимала 4 738 160 квадратных лье, из которых 3 317 600 квадратных лье приходились на вулканы, горные цепи, цирки, острова, одним словом — все, что составляет сушу Луны, и 1 410 400 квадратных лье падали на моря, озера, болота, заливы, — все, что, казалось, должно быть заполнено водой. Ко всем этим вычислениям наш любимец Мишель был совершенно равнодушен.

Как известно, лунное полушарие в тринадцать с половиной раз меньше земного, но наши селенографы уже насчитали на нем более пятидесяти тысяч кратеров. Эта ноздреватая, изрытая, вздутая поверхность, похожая на шумовку, вполне заслужила мало поэтическое название «green cheese», то есть «зеленого сыра», данного Луне англичанами.

Ардан даже привскочил, услышав от председателя «Пушечного клуба» такое нелестное прозвище.

— Так вот как англосаксы девятнадцатого века именуют красавицу Диану, светлокудрую Фебу, очаровательную Изиду, величественную царицу ночи Астарту, дочь Латоны и Юпитера, юную сестру лучезарного Аполлона!..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Поверхность Луны.

Принятое ядром направление, как мы уже заметили раньше, относило его к северному полушарию Луны. Путешественники давно уже пролетели бы ту точку, в которой снаряду следовало упасть, если бы

траектория его полета не потерпела непоправимого отклонения.

Было половина первого ночи. По расчетам Барбикена, снаряд находился в расстоянии 1400 километров от Луны — расстоянии, немного превышающем радиус Луны; оно должно было сократиться по мере приближения снаряда к лунному полюсу. Ядро в это время находилось не на высоте экватора, а пересекало его по десятой параллели; начиная с этой широты, аккуратно прочерченной на карте до самого полюса, Барбикен и оба его товарища могли наблюдать Луну в самых благоприятных условиях.

Действительно, при наблюдении в зрительные трубы Луна приблизилась к ним с расстояния в 1400 километров на расстояние 14 километров, то есть трех с половиной лье. Телескоп Скалистых гор давал еще большее приближение, но земная атмосфера значительно ослабляла его оптическую мощность. Поэтому Барбикен, усевшись у окна с зрительной трубой в руках, успел уже заметить некоторые подробности, почти недоступные для земного наблюдателя.

— Друзья мои, — сказал председатель «Пушечного клуба» проникновенным тоном, — я не знаю, куда мы летим, не знаю, удастся ли нам когда-либо увидеть наш земной шар. И все-таки будем вести себя так, как если бы нашими трудами когда-нибудь могли воспользоваться наши ближние. Пусть ваших мыслей не омрачают никакие заботы. Мы — прежде всего — астрономы. Наш снаряд — это тот же кабинет Кембриджской обсерватории, только перенесенный в межпланетное пространство. Займемся же наблюдениями!

С этими словами Барбикен принялся за работу с удвоенной энергией, точно вычерчивая рельеф лунной поверхности с различных расстояний, на которых снаряд последовательно пролетал над Луной.

Держась на высоте десятой параллели северной широты, снаряд, повидимому, неуклонно шел по меридиану двадцати градусов восточной долготы.

Здесь кстати будет сделать одно важное замечание по поводу карты, которой пользовались путешественники в своих наблюдениях.

На лунных картах вследствие обратного изображения всех предметов в зрительных трубах юг оказывается наверху карты, а север внизу. Казалось бы, что по той же самой причине восток должен находиться налево, а запад — направо. На самом же деле это не так. Если лунную карту перевернуть так, чтобы Луна приняла положение, в котором мы ее наблюдаем с Земли простым глазом, то восток был бы налево, а запад — направо, в противоположность земным картам. Это объясняется тем, что наблюдатели, находящиеся в северном полушарии Земли, положим в Европе, видят полную Луну в южной части неба. Наблюдая ее, они спиной обращены к северу, — положение обратное тому, которое они занимают, рассматривая земную карту. А так как они находятся спиной к северу, восток оказывается у них слева, запад — справа. Для наблюдателей же. находящихся в южном полушарии, — например, в Патагонии, — запад оказался бы слева, а восток — справа, потому что они стоят лицом к северу, а спиной — к югу.

Такова причина кажущегося перемещения двух координат — востока и запада, — о котором всегда надо помнить, чтобы следить за наблюдениями Барбикена.

С помощью «Mappa selenographica» Бэра и Мэдлера путешественники могли безошибочно распознавать ту часть Луны, которая находилась в поле зрения их трубы.

— Что же мы видим в данную минуту? — спросил Мишель.

— Северную часть моря Облаков, — разъяснил Барбикен. — Оно еще слишком далеко от нас, и поэтому трудно определить его природу. Состоят ли эти равнины из бесплодных песков, как утверждали древние астрономы, или же это обширные леса, как полагал Уорен де ла Рю, приписывавший Луне очень низкую и плотную атмосферу, — все это мы узнаем позднее. Не будем ничего утверждать, пока не получим на это права.

Границы моря Облаков обозначены на картах довольно неопределенно. Полагают, что эта обширная

равнина усеяна глыбами остывшей лавы, изверженной вулканами, находящимися с правой стороны этого моря.

Снаряд заметно приближался к Луне, и уже можно было различить горные цепи, окаймлявшие море Облаков с севера.

— Что это? — спросил Мишель.

— Коперник, — отвечал Барбикен.

— Посмотрим, каков этот Коперник!

Эта гора, расположенная на девятом градусе северной широты и двадцатом градусе восточной долготы, возвышается на 3438 метров над уровнем лунной поверхности. Она хорошо видна с Земли и доступна изучению астрономов, особенно когда наблюдения производятся между последней четвертью Луны и новолунием, ибо в это время тень, отбрасываемая горой, тянется далеко с востока на запад и позволяет измерить ее высоту.

После горы Тихо, находящейся в южном полушарии, Коперник представляет самую величественную вершину на всем лунном диске. Он стоит одиноко, как исполинский маяк, на границе моря Облаков и океана Бурь, освещая своими яркими лучами одновременно оба моря. Нет ничего великолепнее длинных светящихся полос, особенно ослепительных во время полнолуния, которые тянутся к северу за горные цепи и угасают, наконец, в море Дождей. В час земного утра снаряд, словно воздушный шар, унесенный ввысь, парит над этой величественной горой.

Барбикен мог ясно разглядеть ее очертания. Коперник принадлежит к разряду кольцеобразных гор первой величины, то есть к самым крупным циркам. Подобно Кеплеру и Аристарху, горам, которые господствуют над океаном Бурь, он кажется иногда сверкающей точкой на фоне пепельного диска, почему его и считали одно время действующим вулканом. На самом же деле Коперник — потухший вулкан, так же как и все прочие вулканы, расположенные на этой стороне Луны. Окружность его цирка равняется приблизительно двадцати двум лье в диаметре.

При помощи зрительной трубы на склонах Коперника можно было различить вулканические напластования — следы последовательных извержений вулкана; все вокруг было покрыто глыбами застывшей лавы, заметными также и на дне самого кратера.

— На Луне много разного рода цирков, — сказал Барбикен, — и цирк Коперника, очевидно, принадлежит к типу лучевых систем. Если бы мы подошли к нему ближе, мы заметили бы конусы, торчащие на его дне и бывшие некогда огнедышащими кратерами. Поразительная, характерная для всех лунных цирков особенность заключается в том, что уровень их дна гораздо ниже окружающей их равнины, в противоположность земным вулканам. Отсюда следует, что общая кривая дна таких цирков окажется меньшего диаметра, чем диаметр самой Луны.

— В чем же причина такой особенности? — спросил Николь.

— Этого никто не знает, — ответил председатель «Пушечного клуба».

— Какой ослепительный блеск! — повторял Мишель. — Едва ли можно встретить где-либо более величественное зрелище.

— Погоди, что еще ты скажешь, если случайности путешествия увлекут нас к южному полушарию?

— Скажу, что там еще лучше! — ответил без запинки Мишель Ардан.

В эту минуту снаряд проносился над самым кратером Коперника. Цирк имел форму почти правильного круга, и его крутые склоны выделялись очень отчетливо. Можно было даже заметить окружающую кратер двойную кольцеобразную горную гряду. Кругом расстилалась пустынная серая равнина, на фоне которой выделялись желтоватые холмы. На дне цирка, как в оправе, на мгновение сверкнули, словно громадные бриллианты, два-три конуса. Края цирка к северу постепенно понижались, опускаясь до уровня дна кратера.

Пролетая над окрестной равниной, Барбикен успел отметить огромное количество небольших гор, между прочим, невысокую кольцевидную гору, носящую на-

звание Гей-Люссак, диаметром в двадцать три километра. К югу равнина была совершенно плоской, без всяких возвышенностей. К северу, напротив, вплоть до того места, где она примыкает к океану Бурь, она напоминала водную поверхность, взволнованную ураганом; вершины гор и холмов казались рядами вздыбленных и окаменевших в своем движении волн. Всюду в разных направлениях равнину пересекали лучевые полосы, сходившиеся в одну точку на вершине Коперника. Некоторые из них имели до тридцати километров в ширину и уходили в беспредельную даль.

Путешественники рассуждали о природе этих световых полос, но, так же как и земные наблюдатели, не могли установить причину этого странного явления.

— А почему бы не допустить, что эти лучи — отроги гор, особенно ярко отражающие солнечный свет?

— Вряд ли, — ответил Барбикен. — Если бы это было так, то эти отроги при некоторых положениях Луны относительно Солнца отбрасывали бы тень, чего на самом деле нет.

И действительно, световые полосы появлялись только в то время, когда Солнце стояло прямо против Луны; при косых лучах полосы исчезали.

— Чем же все-таки объясняют эти белые лучи? — спросил Мишель. — Я не могу поверить, чтобы ученые признались в своем бессилии.

— Гершель высказал одно предположение, но не настаивал на нем, — ответил Барбикен.

— Что же это за предположение?

— Он считал, что световые полосы не что иное, как потоки застывшей лавы, которые блестят в то время, когда солнечные лучи падают на них отвесно. Это возможно, но ручаться за правильность такого объяснения нельзя. Впрочем, если мы подойдем ближе к горе Тихо, нам, пожалуй, удастся открыть причину этих блестящих полос.

— А знаете ли, друзья, на что похожа эта равнина, если глядеть на нее с высоты, на которой мы сейчас находимся? — спросил Мишель.

— Не знаю, — ответил Николь.

— Все эти обломки лавы, вытянутые наподобие веретена, кажутся огромной грудой бирюлек, разбросанных в причудливом беспорядке. Недостает только крючка, чтобы вытащить их одну за другой.

— Перестань шутить! — остановил его Барбикен.

— Ну что ж, будем серьезны! — согласился Мишель. — И вместо бирюлек предположим кости. Тогда наша равнина превратится в огромное кладбище, усеянное останками тысяч вымерших поколений. Может быть, тебе больше нравится это мрачное сравнение?

— Одно стоит другого, — ответил Барбикен.

— На тебя не угодишь! — возмутился Мишель.

— Дорогой мой, — сказал положительный Барбикен, — что толку обсуждать, на что это похоже, если мы даже не знаем, что это такое.

— Основательный ответ! — воскликнул Мишель. — Вот что значит беседовать с ученым.

Ядро между тем летело вдоль лунного диска почти с неизменной скоростью. Всякий поймет, что путешественники не думали в это время об отдыхе. Ландшафт, проносившийся перед их глазами, изменялся каждую минуту. Около половины второго утра они заметили вершину другой горы. Барбикен, справившись по карте, узнал Эратосфен.

Это была кольцеобразная гора, высотой в 4500 метров, один из чрезвычайно многочисленных на лунной поверхности цирков. По этому поводу Барбикен сообщил приятелям любопытное мнение Кеплера о происхождении лунных цирков. Знаменитый математик утверждал, что кратерообразные впадины вырыты человеческими руками.

— С какой же целью их вырыли? — спросил Николь.

— Цель-то понятна! — ответил Барбикен. — Селениты якобы предприняли эти грандиозные работы и вырыли колоссальные углубления для того, чтобы укрыться в них от солнечного зноя, так как Солнце жжет их по две недели подряд.

— А селениты не дураки, — заметил Мишель.

— По-моему, это странная идея, — сказал Николь. — Кеплеру, повидимому, неизвестны были истинные размеры этих цирков, потому что вырыть подобные впадины могли бы только мифологические гиганты.

— Но ведь тяжесть-то на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле, — возразил Мишель.

— А ты забыл, что и селениты сами в шесть раз меньше, — сказал Николь.

— Да и существуют ли вообще эти селениты! — заметил Барбикен.

На этом спор прекратился.

Эратосфен исчез раньше, чем снаряд успел подойти к нему настолько близко, чтобы его можно было исследовать точнее. Эта гора отделяла цепь Апеннин от Карпат.

В лунной орографии отмечено несколько горных цепей, расположенных главным образом в северном полушарии. Но есть несколько хребтов и в южном полушарии.

Приводим таблицу этих гор в порядке их расположения с юга на север, с указанием широт и долгот и высоты самых высоких пиков.

Горы	Дерфель	84	градус	—		юж. ш.	— 7603 м
»	Лейбниц	65	»	—		»	— 7600 »
»	Роок	20	»	— 30	гр.	»	— 1600 »
»	Алтайские	17	»	— 28	»	»	— 4047 »
»	Кордильеры	10	»	— 20	»	»	— 3898 »
»	Пиренеи	8	»	— 18	»	»	— 3631 »
»	Уральские	5	»	— 13	»	»	— 838 »
»	Аламбер	4	»	— 10	»	»	— 5847 »
»	Гэмус	8	»	— 21	»	сев. ш.	— 2021 »
»	Карпаты	15	»	— 19	»	»	— 1939 »
»	Апеннины	14	»	— 27	»	»	— 5501 »
»	Таврические	21	»	— 28	»	»	— 2746 »
»	Рифейские	25	»	— 33	»	»	— 4171 »
»	Герцинские	17	»	— 29	»	»	— 1170 »
»	Кавказские	32	»	— 41	»	»	— 5567 »
»	Альпы	42	»	— 49	»	»	— 3617 »

Из этих горных цепей наиболее крупная — Апеннины, простирающаяся на 150 лье и уступающая таким образом протяженности земных горных систем.

Апеннины окаймляют восточный берег моря Дождей и переходят в Карпаты, тянущиеся почти на сто лье.

Путешественникам удалось лишь мельком взглянуть на вершины Апеннин, простирающихся от 10 градуса западной долготы до 16 градуса восточной долготы. Цепь Карпатских гор развернулась под ними с 18 до 30 градуса восточной долготы, и они могли подробно ознакомиться с ее расположением.

Одна из научных гипотез показалась нашим друзьям чрезвычайно правдоподобной. Судя по тому, что в цепи Карпат наблюдались кольцеобразные вершины и пики, напрашивалось предположение, что в давние времена они представляли собой крупные цирки. Эти кольцеобразные горы были, повидимому, частично разрушены какими-то катаклизмами, благодаря чему и образовалось море Дождей. Первоначально же Карпаты представляли собой отдельные цирки, подобно циркам Пурбаха, Арзахеля и Птолемея, левые склоны которых, разрушенные вследствие огромных сдвигов лунной коры, образовали горную цепь. Высота ее в среднем достигает 3200 метров, то есть приблизительно равна некоторым вершинам Пиренеев, например Порт де Пинед. Южные склоны этих гор круто обрываются в море Дождей.

Около двух часов утра Барбикен вел наблюдения на высоте двадцатой лунной параллели, недалеко от большой горы Пифия, высотой в 1559 метров. От снаряда до Луны было всего 1200 километров, сокращенных благодаря зрительной трубе почти до трех лье.

Море Дождей расстилалось перед глазами путешественников в виде огромной равнины, еще плохо различимой в подробностях. Слева от них высилась гора Ламбер, равная около 1813 метров высоты, а поодаль, на границе океана Бурь, на 23 градусе северной широты и 29 градусе восточной долготы, сверкала сияющая гора Эйлер. Эта гора, возвышающаяся на 1815 метров над уровнем лунной поверхности, послужила предметом очень интересного труда астронома Шрётера. Ученый, стремясь выяснить причину образования лунных гор, заинтересовался вопросом, равна ли емкость кратера объему окружающего его горного

кольца. Оказалось, что такое соотношение действительно существует, откуда Шрётер заключил, что достаточно было одного извержения, чтобы выбросить на поверхность материал, необходимый для образования цирка, многократные же извержения нарушили бы такое соотношение. Одна только гора Эйлер не подходила под этот общий закон — для ее образования потребовалось, повидимому, несколько повторных извержений, потому что емкость ее кратера была в два раза больше объема окружающего его кольца.

Все эти гипотезы были простительны для ученых Земли, которые не обладали достаточно совершенными и точными приборами. Но Барбикен уже не желал довольствоваться подобными предположениями. Видя, что снаряд все больше приближается к лунному диску, он твердо рассчитывал проникнуть в тайну образования ее поверхности, даже если ему и не удастся ступить ногой на Луну.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Лунные ландшафты.

В половине третьего утра снаряд находился уже на тридцатой параллели северной широты, на расстоянии всего тысячи километров от Луны, а оптические приборы сводили это расстояние менее чем к десяти километрам. Попрежнему было ясно, что ядро не сможет соприкоснуться ни с одной точкой лунного диска. Барбикен недоумевал, почему снаряд летит с такой незначительной скоростью. Чтобы сопротивляться лунному притяжению на таком небольшом расстоянии от Луны, снаряд должен бы был обладать гораздо большей скоростью. Причина этого явления оставалась пока невыясненной. Да и времени для каких бы то ни было изысканий у Барбикена не хватало. Перед глазами путешественников развертывалась панорама лунных ландшафтов, и они боялись упустить из виду хоть малейшую подробность.

Итак, в зрительную трубу Луна казалась всего на расстоянии двух с половиной лье. Что мог бы различить на поверхности Земли воздухоплаватель, поднявшийся на такую высоту над земным шаром? Ответить на этот вопрос трудно, потому что аэростаты поднимались до сих пор самое большее на восемь тысяч метров.

Вот точное описание всего того, что видели Барбикен и его друзья с указанной высоты.

Лунный диск, казалось, был усеян обширными пятнами самой разнообразной окраски. Исследователи Луны и астрономы по-разному объясняют окраску этих пятен. Юлиус Шмидт утверждает, что если бы высушить все земные океаны, то лунный наблюдатель не различил бы в окраске океанов и морей тех резко выраженных оттенков, какие представляются на Луне земному наблюдателю. По мнению Шмидта, общий цвет обширных равнин, носящих название «морей», темносерый с примесью зеленого и коричневого оттенков. Некоторые крупные кратеры имеют ту же окраску.

Это мнение немецкого селенографа, разделяемое Бэром и Мэдлером, было известно Барбикену. Его собственные наблюдения подтверждали это мнение в противовес другим астрономам, считавшим, что поверхность Луны имеет однообразную серую окраску. Некоторые лунные пространства отливали довольно ярким зеленым цветом, которым, по исследованиям того же Юлиуса Шмидта, окрашены и море Ясности и море Влажности. Барбикен различил широкие кратеры, не имеющие внутренних конусов; эти кратеры обладали синеватым оттенком, похожим на цвет только что отшлифованной стальной пластинки. Подобные оттенки действительно свойственны лунному диску, а вовсе не зависят от несовершенства объективов телескопов или от влияния земной атмосферы, как утверждали некоторые астрономы. У Барбикена не оставалось в этом никаких сомнений. Он производил наблюдения в безвоздушном пространстве, и никакой оптической ошибки тут быть не могло. Различие в оттенках он считал теперь научно установленной истиной. Но обусловливались ли зеленые оттенки тропической ра-

стительностью, которой благоприятствовала плотная и низкая атмосфера, — Барбикен утверждать еще не решался.

Далее он обнаружил довольно ясно выделяющийся красноватый оттенок. Эту окраску он уже наблюдал в глубине одиноко стоящего цирка, известного под именем цирка Лихтенберга, расположенного у Герцинских гор на краю лунного полушария. Причину такой окраски Барбикен опять-таки установить не мог.

Столь же необъяснимой казалась ему и другая особенность лунной поверхности. Вот в чем она заключалась.

Мишель Ардан, стоявший во время наблюдений рядом с Барбикеном, заметил длинные белые линии, ярко освещенные отвесными солнечными лучами. Это были ряды светящихся борозд, совершенно не похожих на недавние сияющие полосы Коперника. Борозды тянулись параллельно одна другой.

Мишель с обычным апломбом не замедлил высказать свое мнение по этому поводу.

— Смотри-ка! Да это обработанные поля!

— Обработанные поля? — повторил Николь недоверчиво.

— Во всяком случае, вспаханные, — продолжал Мишель. — Какие же, однако, отличные пахари эти селениты! Да и в плуги свои они, повидимому, впрягли каких-то гигантских быков, — иначе таких колоссальных борозд не проведешь!

— Ты ошибаешься, — возразил Барбикен. — Это не борозды, а трещины.

— Ну трещины так трещины, — кротко согласился Мишель. — А все-таки, что же понимают ученые под этими трещинами?

Барбикен тотчас же сообщил товарищу все, что ему самому было известно о лунных трещинах. Он знал, что они замечены во всех равнинных областях лунного диска; что они имеют от четырех до пятидесяти лье в длину и что ширина их достигает от тысячи до тысячи пятисот метров; что края их всегда строго параллельны. Но об их происхождении и природе он не знал решительно ничего.

Вооруженный зрительной трубой, Барбикен пристально рассматривал любопытные трещины. Он заметил, что их боковые грани имеют очень крутые скаты. Это было нечто вроде параллельных валов, и при некоторой фантазии их можно было принять за длинные ряды укреплений, сооруженные лунными инженерами.

Одни из трещин были совершенно прямые, словно вытянуты по шнуру, другие слегка изгибались, причем боковые их грани неизменно оставались параллельными; одни перекрещивались между собой, другие прорезали кратеры; там они бороздили кольцеобразные впадины Посейдона или Петавия, здесь испещряли гладь моря Ясности.

Это странное природное явление Луны не могло не разжечь любопытства земных астрономов. Первые наблюдения над Луной не обнаружили этих борозд. Ни Гевелий, ни Кассини, ни Лагир, ни Гершель, повидимому, их не разглядели. Впервые привлек внимание ученого мира к этому явлению в 1789 году Шрётер. Его последователи — Пасторфф, Грюйтгейзен, Бэр и Мэдлер — занялись их изучением. В данное время этих трещин насчитывается до семидесяти. Но если их и удалось подсчитать, то происхождение их до сих пор все-таки не установлено. Это, разумеется, не укрепления и не русла высохших рек; во-первых, потому что вода, обладающая очень незначительным удельным весом на Луне, не была бы в состоянии прорыть такие глубокие русла, во-вторых, потому что эти трещины часто пересекают на значительной высоте кратеры и цирки.

Мишель Ардан высказал предположение, случайно совпавшее с мнением Юлиуса Шмидта:

— Может быть, эти непонятные линии представляют собой ряды каких-нибудь насаждений.

— Что ты хочешь сказать? — нетерпеливо перебил его Барбикен.

— Не горячись, уважаемый председатель, — отвечал Мишель. — Я хочу сказать, не состоят ли эти темные линии из рядов правильно рассаженных деревьев?

— Ты, значит, предполагаешь, что это растительность?

— Да, — настаивал Мишель. — Мне хочется объяснить то, чего до сих пор вы, ученые, не разгадали! Моя гипотеза по крайней мере объяснила бы, почему эти линии в определенные периоды исчезают или кажутся исчезнувшими.

— Почему же это бывает, по-твоему?

— Потому что деревья становятся невидимыми, когда опадает их листва, и делаются заметными, когда снова распускаются.

— Объяснение твое действительно очень остроумно, мой милый, — возразил Барбикен, — беда только в том, что оно никуда не годится.

— Почему же?

— Потому что на Луне нет того, что называется временами года, а стало быть, нет и тех сезонных изменений в растительном мире, о которых ты говоришь.

Действительно, Барбикен был прав. При незначительном наклоне лунной оси Солнце неизменно стоит там почти на одной и той же высоте во всех широтах. В надэкваториальных областях оно почти всегда находится в зените, а в областях полярных — не подымается над линией горизонта. Таким образом, в каждой лунной области в зависимости от ее положения относительно Солнца вечно царит какое-нибудь одно время года: либо зима, либо весна, либо лето, либо осень. То же самое происходит и на Юпитере, ось которого имеет также очень небольшой наклон по отношению к орбите.

Как же все-таки объяснить происхождение этих трещин? Вопрос трудноразрешимый. Образование их, несомненно, относится к более поздним эпохам, чем образование кратеров и цирков, потому что кольцевые валы прорезаны этими бороздами. Возможно, что они возникли в новейшие геологические эпохи и объясняются разрушительной деятельностью стихий.

Снаряд между тем уже достиг сороковой лунной параллели и находился на расстоянии не более восьмисот километров от Луны. В зрительную трубу все предметы представлялись не дальше, чем в двух лье.

В эту минуту под снарядом вздымался на высоте пятисот пяти метров Геликон, а налево тянулся ряд небольших гор, замыкающих часть моря Дождей, которая носит название залива Радуг.

Атмосфера Земли должна стать в сто семьдесят раз прозрачнее, чтобы астрономы были в состоянии производить точные наблюдения поверхности Луны. Но в безвоздушной среде, где летел снаряд, не заключалось никаких паров, которые могли бы препятствовать наблюдениям. Кроме того, Барбикен находился теперь на таком близком расстоянии от Луны, какого не могли дать даже самые мощные телескопы Джона Росса и обсерватории Скалистых гор. Итак, он был поставлен в наиболее благоприятные условия для разрешения вопроса, обитаема ли Луна, или нет. И все-таки он не в состоянии был ответить на этот вопрос. Он видел перед собой только пустынные равнины и на севере — цепи обнаженных гор. Нигде никаких следов работы человека. Никаких развалин, свидетельствовавших о его существовании. Никаких признаков животных, никаких указаний на присутствие хотя бы низших организмов. Никакого движения. Ни следа растительности. Из трех миров, населяющих земной шар, на Луне был представлен только один мир минералов.

— Вот тебе на! — протянул Мишель Ардан с некоторым разочарованием.— Неужели же и вправду там никого нет?

— Повидимому, нет, — ответил Николь. — Ни человека, ни животных, ни растений. Впрочем, если атмосфера и в самом деле скопляется в ущельях, в глубине цирков, или, наконец, на противоположном от нас полушарии, то мы еще не можем ничего утверждать положительно.

— Известно, — заметил Барбикен, — что самый зоркий глаз не может различить человека на расстоянии более семи километров. Значит, если даже допустить существование селенитов, они видят наш снаряд, а мы их видеть не можем.

К четырем часам утра на пятидесятой параллели наших героев отделяли от Луны всего шестьсот километров. С левой стороны от них тянулась горная цепь

самых причудливых очертаний, залитая ярким солнечным светом. С правой — напротив — зияла черная впадина, наподобие мрачного бездонного колодца, вырытого в почве Луны.

Это был цирк Платона, Черное озеро, которое можно наблюдать и с поверхности Земли в промежуток между последней четвертью Луны и новолунием, когда тени на Луне падают с запада на восток.

Платон представляет собой кольцеобразную гору, расположенную на 51 градусе северной широты и 9 градусе восточной долготы. Кратер его имеет 92 километра в длину и 61 километр в ширину. Барбикен крайне досадовал, что снаряд не пролетел над самой впадиной цирка; может быть, в этой бездне они могли бы наткнуться на какое-нибудь таинственное явление. Но изменить направление снаряда было не в их власти. Приходилось безропотно подчиняться. Нельзя управлять воздушным шаром, а тем меньше — движением снаряда, в котором ты заперт, как в тюремной камере.

Часов около пяти утра путешественники миновали, наконец, северную границу моря Дождей. По левую руку от них осталась гора Кондамин, а по правую руку — гора Фонтенель. Эта часть лунного диска, начиная с 60 градуса, была сплошь покрыта горами. В зрительную трубу они виднелись с расстояния не более одного лье, что равняется приблизительно высоте Монблана над уровнем моря. Всюду возвышались пики и цирки. На 70 градусе вздымалась гора Филолай высотой в 3700 метров с кратером в форме эллипса, длиной в 16 и шириной в 4 лье.

На этом расстоянии Луна представляла весьма странное зрелище. Условия наблюдения Луны сильно разнились от условий, в которых мы ведем наблюдения на Земле.

На Луне нет воздуха, и отсутствие газообразной оболочки влечет за собой весьма любопытные последствия.

На Луне не бывает сумерек; ночь сменяется днем и день сменяется ночью мгновенно, подобно лампе, которая мгновенно гаснет и загорается в темноте. Нет

постепенного перехода от тепла к холоду. Температура на Луне сразу падает с точки кипения до температуры межпланетного пространства.

То же отсутствие воздуха влечет за собой еще одно явление: в областях Луны, не освещаемых непосредственно Солнцем, царит абсолютная темнота. На Луне не существует того явления, которое мы называем на Земле рассеянным светом, этого светящегося вещества, разлитого в воздухе и вызывающего вечерние и предрассветные сумерки, всю чарующую красоту постепенного перехода от дня к ночи. Отсюда необычайная резкость контрастов, допускающая только два цвета — черный и белый. Если житель Луны заслонит глаза от Солнца, небо покажется ему совершенно черным, а звезды он увидит такими же яркими точками, как в самые темные ночи.

Можете себе представить, какое впечатление произвело на Барбикена и его друзей подобное зрелище! Глаза у них прямо разбегались. Они уже не в состоянии были улавливать относительные размеры различных областей. Земной пейзажист не сумел бы изобразить ни одного из лунных ландшафтов, так как они не смягчались переходами светотени: он видел бы повсюду только чернильные пятна на белом фоне.

Этот вид не изменился даже тогда, когда снаряд на восьмидесятом градусе снизился на расстояние ста километров от Луны; картина оставалась прежней и в пять часов утра, когда ядро пролетало на расстоянии менее пятидесяти километров над вершиной горы Джиойа, — причем зрительная труба сокращала это расстояние до одной восьмой лье. Казалось, что до Луны рукой подать. Трудно было поверить, что ядро не заденет лунной поверхности хотя бы у северного полюса, блестящий гребень которого уже ярко обрисовывался на черном небе. Неугомонный Мишель уже собирался отворить окно и выпрыгнуть на Луну. Прыжок с высоты двенадцати лье! Ему это было нипочем. Впрочем, такая попытка ни к чему бы не привела, потому что если снаряду не суждено было коснуться Луны хотя бы в одной точке, то и Мишель, увлеченный движением снаряда, не мог бы ее достичь.

Ровно в шесть часов они пролетели над лунным полюсом. Путешественники видели теперь ярко освещенную половину лунного диска; другая его половина утопала во мраке. Снаряд перелетел границу, разделявшую ярко освещенную часть от совершенно черной, и мгновенно погрузился в непроницаемую тьму.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ночь, длящаяся триста пятьдесят четыре с половиной часа.

В ту самую минуту, как снаряд погрузился в темноту, он пронесся над северным полюсом Луны в расстоянии менее пятидесяти километров от него. Несколько секунд оказалось достаточно для перехода из ослепительного света в непроглядный мрак. Эта перемена совершилась так неожиданно и быстро, без какого-либо перехода, словно Луна погасла от чьего-то мощного дуновения.

— Луна исчезла, испарилась! — воскликнул ошеломленный Ардан.

В самом деле — ни отблеска, ни тени, ровно ничего не осталось от диска, еще недавно сиявшего с такой ослепительной силой. Яркое сияние звезд еще резче подчеркивало черноту ночи.

Подобная темнота царила в течение трехсот пятидесяти четырех с половиной часов в каждой точке этого лунного полушария. Эта долгая ночь объясняется равенством поступательного и вращательного движения Луны вокруг Земли и вокруг собственной оси. Снаряд, войдя в конус тени, отбрасываемой Луной, не мог больше подвергаться действию солнечных лучей, так же как и вся невидимая половина Луны.

Внутри снаряда стоял полный мрак. Путешественники не видели друг друга. У них, естественно, явилось желание рассеять эту удручающую тьму, и как ни опасался Барбикен тратить газ, запасы которого были ограничены, ему все же пришлось прибегнуть к искусственному освещению.

— Проклятое Солнце! — кричал Ардан. — Заставляет нас тратить газ, вместо того чтобы заботиться о нашем даровом освещении.

— Не будем винить Солнце, — возразил Николь. — Виновато не оно, а Луна, которая, как экран, загородила от нас Солнце.

— Неправда, виновато Солнце! — настаивал Мишель.

— Нет Луна! — упорствовал Николь.

Бесполезный спор прекратил Барбикен.

— Друзья мои, — заявил он, — ни Солнце, ни Луна не виноваты. Виноват наш снаряд: вместо того чтобы точно лететь по сообщенному направлению, он уклонился в сторону. А еще справедливее было бы винить злополучный болид, который заставил наш снаряд уклониться от первоначального пути.

— Хорошо! — примирительно сказал Мишель. — Вопрос решен, и теперь, по-моему, нам остается только позавтракать. После целой ночи трудов не грех и подкрепиться.

Предложение Мишеля возражений не встретило, и через несколько минут завтрак был готов. Ели, однако, без аппетита, пили без взаимных здравиц и тостов. У каждого на душе было неспокойно. Непроглядная тьма безвоздушного пространства навевала смутную тревогу. Со всех сторон их окружал столь излюбленный Виктором Гюго «зловещий» мрак.

За завтраком только и было толков, что о долгой ночи в 354 часа, или в 15 суток, которую должны были терпеть, подчиняясь физическим законам, бедные жители Луны. Барбикен объяснил своим друзьям это интересное явление.

— Подумайте, как любопытно, — проговорил Барбикен. — Если каждое из лунных полушарий лишается солнечного света на целых пятнадцать суток, то одно из них, над которым мы проносимся в настоящее время, не может даже пользоваться и светом Земли, хотя она сейчас ярко освещена. Таким образом, если наша Земля и может служить Луной своему спутнику, то только для одной его половины. Если бы перенести те же условия на Землю, если бы Европа, например,

никогда не видела Луны, можно представить себе удивление европейца, приехавшего, положим, в Австралию!

— Люди стали бы ездить в Австралию ради того только, чтобы посмотреть на Луну? — спросил Мишель.

— Вот именно, — сказал председатель «Пушечного клуба». — Такое же удивление пережил бы селенит, появившийся с той части Луны, которая противоположна Земле и никогда не видна нашим «землякам»...

— То же самое увидели бы и мы, если бы прибыли сюда во время новолуния, то есть на пятнадцать дней позже, — добавил Николь.

— Зато, — продолжал Барбикен, — природа балует жителей видимой части Луны в ущерб их антиподам. На долю селенитов невидимой части выпали, как видите, ночи в триста пятьдесят четыре часа, ночи, темноту которых не прорезает ни один луч. А селениты видимой части Луны, как только Солнце, светившее им пятнадцать суток подряд, скроется за горизонтом, уже видят на противоположной стороне неба блестящее светило — Землю, чей диск в тринадцать раз больше Луны, а следовательно, и света дает в тринадцать раз больше. Свет Земли не поглощается атмосферой. Земля уходит с лунного горизонта только в ту минуту, когда на нем с противоположной стороны появляется Солнце.

— Хорошо сказано! — перебил Мишель. — Немного, пожалуй, академично, но здорово.

— Из этого следует, — продолжал Барбикен, не обращая внимания на шутки Мишеля, — что жить на видимой части лунного диска очень приятно — во время полнолуния видишь Солнце, в новолуние — Землю.

— А мне кажется, — сказал Николь, — что это преимущество теряет всякое значение из-за невыносимой жары, которую вызывают солнечные лучи.

— Это неудобство в равной мере испытывают оба полушария, потому что отраженный свет Земли не дает тепла. Напротив, невидимой стороне Луны приходится больше страдать от зноя, чем видимой. Я

говорю это главным образом для вас, Николь, потому что Мишель, вероятно, этого не поймет.

— Благодарю, — расшаркался Мишель.

— Дело в том, — продолжал Барбикен, — что ведь невидимая сторона Луны пользуется солнечным светом и теплом во время новолуния, то есть тогда, когда Луна занимает положение между Солнцем и Землей. В это время Луна сравнительно с тем положением, в каком она бывает во время нашего полнолуния, находится ближе к Солнцу на отрезок, в два раза превышающий ее расстояние от Земли. Это расстояние может быть выражено двумя сотыми расстояния от Солнца до Земли, или в круглых числах это составит двести тысяч лье. Значит, невидимая сторона Луны на двести тысяч лье ближе к Солнцу в то время, когда она освещена его лучами.

— Справедливо, — заметил Николь.

— И наоборот... — продолжал Барбикен.

— Одну минуту, — перебил Мишель своего ученого друга.

— Что такое?

— Я прошу предоставить дальнейшее объяснение мне!

— Это зачем?

— Чтобы доказать, что и я кое-что понял.

— Ну, говори, говори, — улыбаясь, согласился Барбикен.

— Итак, наоборот, — начал Мишель, подражая интонациям и жестам председателя «Пушечного клуба», — когда видимая часть Луны освещена Солнцем, то есть в полнолуние, Земля находится между Луной и Солнцем. Стало быть, расстояние, отделяющее Луну от Солнца, увеличивается круглым счетом на двести тысяч лье, и тепло, получаемое Луной, уже гораздо менее значительно.

— Великолепно! — воскликнул Барбикен. — Знаешь, Мишель, для артиста ты очень сообразителен...

— Подумаешь! — пренебрежительно пожал плечами Мишель. — У нас все такие на Итальянском бульваре!

Барбикен важно пожал руку своему веселому спутнику, продолжая перечислять преимущества жителей видимого лунного полушария.

Между прочим, он упомянул о солнечных затмениях, которые происходят только для видимой части Луны, так как при солнечном затмении Луна должна быть непременно в противостоянии. Эти затмения, вызванные противостоянием Земли, Солнца и Луны, могут продолжаться два часа, в течение которых земной шар вследствие преломления солнечных лучей земной атмосферой должен казаться с Луны маленькой черной точкой на Солнце.

— Стало быть, — сказал Николь, — природа поскупилась и обездолила одно из лунных полушарий.

— Пожалуй, — ответил Барбикен. — Хотя благодаря известной либрации, некоторому колебанию, покачиванию Луны вокруг своего центра, она обращает к Земле несколько больше половины своего диска. Она слегка похожа на маятник, центр тяжести которого наклонен к земному шару и непрерывно либрирует. Отчего возникает эта либрация? Оттого что вращательное движение Луны вокруг своей оси происходит с одинаковой скоростью, в то время как ее поступательное движение по эллиптической орбите вокруг Земли — неравномерно. В перигее преобладает поступательная скорость, и Луна повертывается к Земле частью своего западного края. В апогее, наоборот, преобладает вращательная скорость Луны, и благодаря этому она поворачивается к Земле большей частью восточного края. Таким образом, каждый раз показывается то с запада, то с востока тоненький серп Луны в восемь градусов. Отсюда получается, что из тысячи частей Луны видимыми оказываются пятьсот шестьдесят девять.

— Все равно, — заметил Мишель, — если нам когда-нибудь придется стать селенитами, то мы поселимся на видимой стороне Луны. Я не могу жить без света!

— Согласен, поселимся, — ответил Николь, — если только атмосфера не сосредоточена именно на невидимой стороне, как уверяют некоторые астрономы.

— Это резонное замечание, — согласился Мишель.

После завтрака путешественники принялись снова за наблюдения. Они погасили свет в снаряде и старались хоть что-нибудь разглядеть сквозь темные окна вагона. Но в окружающем их мраке нельзя было заметить ни одного светлого атома.

Барбикен все снова и снова задумывался над непонятным явлением, каким образом, пройдя на таком близком расстоянии от Луны, — всего в каких-нибудь пятидесяти километрах, — снаряд все-таки не упал на Луну? Если бы ядро летело с большей скоростью, было бы понятно, что этого падения не произошло. Но при сравнительно небольшой его скорости сопротивление лунному притяжению казалось необъяснимым. Подвергался ли снаряд действию какой-то неведомой силы? Притягивало ли его в эфире какое-нибудь другое небесное тело? Так или иначе, было очевидно, что он не соприкоснется ни с одной точкой лунной поверхности.

Куда летел снаряд? Удалялся ли он от лунного диска, или приближался к нему? Или же в этом глубоком мраке его уносило куда-то в беспредельное неведомое пространство?

Все эти вопросы неотступно волновали Барбикена, но решить их он был не в состоянии. Может быть, невидимое светило находилось всего в нескольких лье, в нескольких милях, но ни он, ни его друзья не могли его видеть. Если какой-нибудь шум и раздавался на поверхности Луны, они этого шума не слышали. Воздуха, проводника звука, не было, чтобы донести до них «стоны» Луны, которую арабские легенды называют «человеком, наполовину окаменевшим, но все еще трепещущим и стонущим от боли».

Понятно, что все это могло вывести из равновесия самого терпеливого наблюдателя. Наиболее интересное, таинственное, невидимое полушарие было сейчас так же недоступно для их глаз, как и с Земли! Полушарие, которое всего пятнадцать суток тому назад, или пятнадцатью сутками позднее, было или будет с избытком освещено солнечными лучами, теперь терялось в непроглядном мраке. А что станет со снаря-

дом через пятнадцать суток? Куда увлекут его неведомые силы притяжения? Кто мог это сказать!

Астрономы полагают, что невидимое полушарие Луны по своему устройству совершенно сходно с видимым. Действительно, вследствие небольших либраций Луны, о которых рассказал Барбикен, открывается около седьмой части невидимого полушария и на этих участках наблюдаются такие же горы и равнины, цирки и кратеры, что и на карте видимого полушария. Значит, можно с достоверностью предположить, что и там — та же природа, тот же мир, бесплодный и мертвый. Но что, если атмосфера существует именно на той стороне? Что, если воздух и вода породили жизнь на этих материках? Что, если там еще существует растительность? Что, если благодаря всем этим условиям там живет и человек? Сколько интересных вопросов можно было бы разрешить, если бы хоть одним глазком взглянуть на невидимое полушарие! Сколько загадок было бы разгадано на основании подобных наблюдений! И какое было бы наслаждение хоть мельком полюбоваться миром, доселе скрытым от человеческих взоров!

Понятно поэтому, какую досаду испытывали наши путешественники, когда вокруг них сгустился глубокий мрак: наблюдение лунного диска было им совершенно недоступно. Одни только созвездия радовали их взоры, и, надо заметить, что никогда астрономы, будь то Фэй, Шакорнак или Секки, не находились в столь благоприятных условиях для звездных наблюдений.

Поистине ничто не могло сравняться с великолепием звездного неба. Эти алмазы, как бы вправленные в небесный свод, переливались всеми цветами радуги. Глаз охватывал весь небосклон от Южного Креста до Полярной звезды. Эти созвездия через двенадцать тысяч лет, вследствие колебаний земной оси, должны будут уступить свою роль полярных звезд: первый — Канопусу — в южном полушарии, и вторая — Веге — в северном. Взор терялся в бесконечности вселенной, и снаряд летел, точно новое светило, созданное руками

человека. По вполне понятным причинам все созвездия сияли ровным спокойным светом; они не мерцали, потому что здесь не было атмосферы, которая вследствие неодинаковой влажности и плотности слоев воздуха вызывает мерцание звезд. Здесь они сияли, как ясные, кроткие очи, устремленные в глубокий, непроницаемый мрак среди нерушимого безмолвия вселенной.

Путешественники долго не могли оторваться от звездного неба, на котором огромный диск Луны зиял громадной черной впадиной. Но постепенно их восторженное созерцание сменилось мучительным ознобом. От пронизывающего холода стекла окон скоро затянулись изнутри толстым слоем льда. Отвесные лучи Солнца уже не согревали снаряда, который мало-помалу утрачивал скопившуюся в стенках теплоту. Это тепло благодаря излучению быстро рассеивалось в пространстве. Температура в их вагоне сильно понизилась. Вследствие этого влага при соприкосновении со стеклами превращалась в лед, который препятствовал каким бы то ни было наблюдениям.

Николь посмотрел на градусник и обнаружил, что температура упала до семнадцати градусов ниже нуля! Барбикен, несмотря на требования экономии, вынужден был прибегнуть к газу, теперь уже не только для освещения, но и для отопления снаряда. Холод становился нестерпимым. Путешественникам грозила опасность замерзнуть.

— Ну, мы не можем пожаловаться на однообразие нашего путешествия! — заметил Мишель Ардан. — Какое богатство ощущений — хотя бы в смысле температуры! То нас ослепляет яркий свет, и мы задыхаемся от невыносимой жары, как индейцы в пампасах, то погружаемся в непроницаемый мрак и дрожим от стужи, точно эскимосы! Жаловаться не приходится. Природа, можно сказать, на совесть заботится о наших развлечениях.

— А какова наружная температура? — спросил Николь у Барбикена.

— Та же, что и всегда в межпланетном пространстве, — ответил Барбикен.

— Значит, теперь как раз время произвести опыт, который мы не могли проделать при солнечном освещении, — сказал Ардан.

— Ты прав, теперь или никогда, — ответил Барбикен, — именно сейчас мы находимся в таком положении, что можем с большой точностью измерить температуру межпланетного пространства и проверить вычисления Фурье или Пуйэ.

— Во всяком случае, холод собачий, — заметил Мишель. — Смотрите, как влага осаждается на стеклах окон. Если понижение температуры будет продолжаться, нас скоро засыплет снегом от собственного нашего дыхания.

— Приготовьте термометр! — сказал Барбикен.

Понятно, что обыкновенный термометр не дал бы никаких показаний при столь исключительных обстоятельствах. Ртуть замерзла бы в трубке градусника, так как остается в жидком состоянии только до сорока двух градусов ниже нуля. Но Барбикен запасся прибором системы Уолфердина, который мог показывать чрезвычайно низкие температуры.

Прежде чем пустить в дело этот прибор, его надо было проверить при помощи обычного градусника и затем приступить к измерению наружной температуры.

— Как же это сделать? — спросил Николь.

— Нет ничего легче, — ответил Ардан, которого не смущали никакие затруднения. — Мы быстро отворим окно, выбросим наружу прибор, и он послушно полетит за нами, а через четверть часа мы его достанем...

— Чем? Рукой? — спросил Барбикен.

— Рукой, — ответил Мишель.

— Ну, мой друг, не советую тебе это делать: твоя рука на этом страшном морозе тотчас же превратится в бесформенную ледышку.

— Да что ты!

— Ты почувствуешь жестокий ожог, как от прикосновения к раскаленному добела железу, — ведь наше тело одинаково реагирует на сильный холод и на сильный жар. К тому же я не уверен в том, что выброшенные нами предметы все еще следуют за нами.

— Почему же? — спросил Николь.

— Да потому, что если мы летим в лунной атмосфере, как бы ни была она разрежена, эти предметы должны от нас постепенно отставать. Темнота мешает нам удостовериться в их присутствии; поэтому, чтобы не рисковать термометром, привяжем его, тогда его легко будет втянуть обратно в снаряд.

Совет Барбикена был принят.

Окно быстро приотворили, и Николь кинул термометр, прикрепленный на короткой веревке.

Иллюминатор приоткрыли всего на одну секунду, но этой секунды было достаточно, чтобы в снаряд хлынул жесточайший мороз.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — На таком морозе замерзли бы даже белые медведи!

Барбикен оставил термометр снаружи на полчаса; этого было более чем достаточно, чтобы прибор показал температуру окружающего снаряд пространства. Затем термометр быстро втянули обратно в кабину.

Барбикен вычислил количество ртути, перелившееся в маленькую ампулу, припаянную к внутренней части прибора и сказал:

— Пуйэ оказался прав в своем споре с Фурье. Сто сорок градусов Цельсия ниже нуля.

Такова ужасающая температура небесного пространства! Такова, может статься, и температура лунных материков, когда ночное светило вследствие излучения теряет всю теплоту, скопившуюся в нем в течение пятнадцатисуточного лунного «дня».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гипербола или парабола?

Многим, может быть, покажется удивительным, что Барбикен и его спутники так мало заботились о том, какую судьбу готовила им металлическая тюрьма, уносившая их в бесконечность эфирных пространств. Вместо того чтобы поинтересоваться собственной

участью, они проводили время за различными опытами, словно сидели в рабочих кабинетах какой-нибудь обсерватории.

На это можно было бы ответить, что люди такой закалки, как они, стоят выше повседневных забот и что у них есть занятия и цели поважнее собственной жизни.

Но главная причина в том, что они и не могли бы управлять снарядом, не могли ни остановить его полета, ни изменить его направления.

Моряк управляет рулем своего корабля; воздухоплаватель может регулировать по вертикали движение воздушного шара. Они же никакими средствами не могли воздействовать на свой экипаж. Управлять им было невозможно. Поэтому они и не проявляли бесполезного волнения и беспокойства и целиком положились, как говорят моряки, на «волю стихии».

Где находились они в данную минуту — в восемь часов утра того дня, который на Земле считался 6 декабря? На это можно было ответить, что находились они, несомненно, в соседстве с Луной и даже довольно близко от нее — так близко, что она представлялась им громадным черным кругом на небе. Но вычислить расстояние до Луны было немыслимо.

Снаряд, движимый неведомой силой, пронесся на расстоянии пятидесяти километров над северным полюсом Луны. Вот уже два часа, как они вошли в конус тени, и нельзя было установить, увеличилось ли это расстояние, или сократилось. Чтобы определить скорость и направление снаряда, у них не было никакой отправной точки. Может быть, он удалился от Луны и скоро должен был выйти из полной тени; а может быть, напротив, они значительно приблизились к Луне и могли бы налететь на какой-нибудь высокий пик невидимого лунного полушария, что, разумеется, прекратило бы их дальнейшее странствие к великому огорчению путешественников.

По этому поводу возник спор, и Мишель Ардан, всегда готовый дать любое объяснение, высказал мысль, что снаряд под влиянием лунного притяжения

упадет, наконец, на Луну, как падает аэролит на поверхность земного шара.

— Прежде всего далеко не все аэролиты падают на Землю, — возразил Барбикен, — а только очень немногие. Так что даже если мы и окажемся в положении аэролита, это еще вовсе не значит, что мы непременно упадем на Луну.

— Но раз мы так близко от нее...

— Заблуждение, — отрезал Барбикен. — Разве ты никогда не видел «падающих звезд», которые в иные месяцы тысячами исчерчивают все небо?

— Ну, конечно, видел.

— Так вот эти звезды, или, вернее, небольшие небесные тела, светятся только благодаря тому, что сильно раскаляются, проходя через атмосферные слои. А раз они пересекают атмосферу, значит они не дальше шестнадцати лье от Земли и, однакоже, очень редко падают на ее поверхность. То же применимо и к нашему снаряду. Несмотря на большую близость к Луне, он может все-таки не упасть на нее.

— А тогда меня интересует, как же поведет себя в пространстве наш блуждающий вагон? — допытывался Мишель.

— Как мне кажется, на этот вопрос могут быть два ответа, — сказал Барбикен после минутного размышления.

— Какие же?

— Снаряду предстоит выбор между двумя математическими кривыми, и оно последует по той или по другой, в зависимости от скорости своего движения, которую я еще не могу определить.

— Ну, разумеется, — сказал Николь, — он может пойти либо по параболе, либо по гиперболе.

— Верно, — ответил Барбикен. — При одной скорости он пойдет по параболе, при другой, более значительной, — по гиперболе.

— Люблю громкие слова! — воскликнул Мишель Ардан. — Стоит их только услышать, как все тотчас же становится ясно. Что же это такое парабола, позвольте вас спросить?

— Парабола, друг мой, — ответил Николь, — это незамкнутая кривая линия второго порядка, получающаяся от сечения конуса плоскостью, параллельной одной из его образующих.

— А, вот оно что! — произнес Мишель с притворным удовлетворением.

— Это, примерно, траектория бомбы, выпущенной мортирой, — пояснил Николь.

— Отлично. А гипербола? — спросил Мишель.

— Гипербола — тоже незамкнутая кривая второго порядка, образуемая сечением конуса плоскостью, параллельной его оси. Она состоит из двух ветвей, уходящих в бесконечность.

— Скажите на милость, — воскликнул Ардан самым серьезным тоном, словно ему сообщили о каком-то необычайном происшествии. — А теперь, капитан Николь, заметь следующее: в твоей гипер...боле, я хотел сказать — гипер...бол...товне, мне больше всего нравится то, что она столь же непонятна, как и твое объяснение.

Николь и Барбикен мало обращали внимания на шутки Ардана. Они пустились в научный спор. Их больше всего волновал вопрос, по какой кривой полетит ядро. Один стоял за гиперболу, другой за параболу. Они разговаривали чистейшими формулами с бесконечным количеством иксов. Доказательства излагались таким языком, что Мишель выходил из себя. Спор действительно был горячий, и ни один из споривших, казалось, не желал уступать противнику облюбованную им кривую.

Ученый спор затянулся настолько, что Мишель потерял, наконец, всякое терпение.

— Хватит с вас, господа косинусы! — сказал он. — Перестанете ли вы, наконец, швыряться своими параболами и гиперболами? В этом деле меня интересует только одно: ну, положим, наше ядро полетит по той или другой кривой. Куда же нас приведут эти кривые?

— Никуда, — ответил Николь.

— То есть как никуда?

— Разумеется, никуда, — сказал Барбикен. — Ведь это же незамкнутые кривые: ветви их уходят в бесконечность.

— Уж эти мне ученые! — вскричал Мишель. — Обожаю ученых! Да какое нам дело, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, раз и та и другая занесут нас в бесконечное пространство?

Барбикен и Николь не могли удержаться от улыбки. Они действительно занимались «искусством для искусства». Никогда еще более бесполезный спор не происходил в столь мало подходящих условиях. Мрачная истина заключалась в том, что, независимо от того, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, путешественники уже никогда не попадут ни на Луну, ни на Землю.

Что же могло ожидать отважных друзей в самом недалеком будущем? Если им и не придется умереть от голода или от жажды, если они не замерзнут от нестерпимого холода, то через несколько дней, когда будет израсходован весь газ, они неминуемо погибнут от недостатка воздуха.

Как ни старались друзья экономить газ, его все же приходилось тратить из-за невероятного понижения окружающей температуры. Они могли еще кое-как обходиться без света, но тепло им было жизненно необходимо. К счастью, аппарат Рейзе и Реньо был весьма экономичным, и для поддержания температуры в снаряде на необходимом уровне не требовалось большого расхода газа.

Наблюдение через окна стало затруднительным, потому что влага в снаряде осаждалась на оконных стеклах и быстро превращалась в лед. Стекла приходилось то и дело протирать. Тем не менее друзьям все же удалось сделать некоторые очень интересные наблюдения.

В самом деле, если на невидимой стороне Луны есть атмосфера, то падающие звезды, проходя через нее, должны загораться. Если бы снаряд летел сквозь воздушные слои, то можно было бы уловить какой-нибудь звук, распространяемый лунным эхом, — раскаты грома, грохот падающих лавин или взрывы дей-

ствующего вулкана. Если бы какой-нибудь кратер извергал пламя, можно было бы заметить его свет. Все подобные явления, тщательно проверенные наблюдениями, значительно облегчили бы разрешение проблемы лунной природы. Барбикен и Николь, поместившись у окна, с неистощимым терпением астрономов вглядывались в пространство.

Но диск Луны оставался попрежнему нем и мрачен. Он не отвечал ни на один из вопросов пылких исследователей. Это вызвало довольно верное замечание Мишеля:

— Если мы снова когда-нибудь пустимся в такое же путешествие, мы взлетим в период новолуния.

— Ты прав, — ответил Николь, — при новолунии мы имели бы некоторые преимущества. Луна, померкшая в солнечном сиянии, была бы, конечно, невидимой в течение всего пути, но зато мы видели бы «полную» Землю. Кроме того, если бы нам опять пришлось так же облететь Луну с обеих сторон, как сейчас, невидимое ее полушарие было бы полностью освещено.

— Хорошо сказано, Николь. А ты что думаешь об этом, Барбикен? — спросил Мишель Ардан председателя.

— Вот что я думаю, — серьезно ответил председатель «Пушечного клуба». — Если мы когда-нибудь снова отправимся в подобное же путешествие, то мы вылетим именно в то же самое время и при тех же самых условиях, что и в этот раз. Предположите, что нам удалось бы достигнуть цели, — тогда, бесспорно, лучше было бы высадиться на материке, освещенном ярким светом, чем очутиться в полушарии, погруженном в непроницаемую темноту. Ясно, что тогда наш первый бивуак на Луне нам удалось бы устроить в более выгодных условиях. Невидимую же сторону Луны мы посетили бы во время наших исследовательских экскурсий по лунному шару. Значит, мы правильно выбрали период полнолуния. Но прежде всего надо было достигнуть цели и предотвратить отклонения.

— На это нечего возразить, — сказал Мишель Ардан. — Что ни говори, а мы упустили заманчивую

возможность осмотреть другую сторону Луны. Кто знает, может статься, что обитатели других планет знают гораздо больше о своих спутниках, чем наши ученые о спутнике Земли.

На это замечание Мишеля Ардана можно дать следующий ответ: действительно, некоторых спутников изучить легче благодаря их большей близости к своей планете. Обитатели Сатурна, Юпитера и Урана, если они только существуют, могут без труда установить связь со своими лунами. Четыре спутника Юпитера обращаются вокруг него на расстояниях в 108 260, 172 200, 274 700 и 480 130 лье. Эти расстояния вычислены от центра Юпитера, а за вычетом длины его радиуса, составляющей от 17 до 18 тысяч лье, мы увидим, что первый спутник Юпитера ближе к его поверхности, чем Луна — к поверхности Земли. Из восьми спутников Сатурна четыре — также ближе к своей планете: Диона — находится в 84 600 лье от Сатурна, Тэфия — в 62 966 лье, Энцелад — в 48 191 лье и, наконец, Мимас — в среднем всего лишь в 34 500 лье.

Из восьми спутников Урана, первый — Ариель — находится всего лишь в 51 520 лье от своей планеты.

Таким образом, на поверхности этих трех планет наблюдения, задуманные Барбикеном на Луне, представили бы значительно меньшие трудности. И если бы обитатели этих планет отважились на такое же путешествие, как и наши друзья, им бы, возможно, и удалось исследовать невидимые полушария своих спутников.

Но если они никогда не покидали своей планеты, они знают о своих спутниках не больше, чем астрономы Земли.

Снаряд между тем описывал во мраке траекторию, для определения которой не имелось никаких данных. Барбикен никак не мог установить, изменилось ли направление ядра под влиянием лунного притяжения или под воздействием какого-то неизвестного небесного тела. Однако в положении снаряда произошла явная перемена, в чем Барбикен убедился около четырех часов утра.

Перемена состояла в том, что ядро повернулось к поверхности Луны и таким образом встало перпендикулярно к ее оси. Это изменение было, несомненно, вызвано притяжением, то есть силой тяжести. Самая тяжелая часть снаряда, его дно, стала склоняться к невидимому диску, как бы падая на него.

Может быть, снаряд все-таки упадет на Луну? Может быть, путешественникам удастся достичь желанной цели? Увы, нет. На основании одного, правда не вполне объяснимого факта Барбикен понял, что снаряд не приближается к Луне, а движется вокруг нее по более или менее концентрической кривой.

Таким фактом явилось какое-то странное сияние, замеченное Николем на горизонте темного диска. Это зарево никак нельзя было принять за свет какой-нибудь восходящей звезды. Красноватое сияние постепенно усиливалось и расширялось; это, несомненно, доказывало, что снаряд не падает на Луну, а приближается к светящемуся пятну.

— Вулкан! — крикнул Николь. — Действующий вулкан! Извержение лунного вулкана! Значит, Луна еще не вполне остыла!..

— Да, это извержение, — подтвердил Барбикен, тщательно наблюдавший сияние в зрительную трубу. — Это может быть только вулкан!

— Но ведь для поддержания такого горения необходим воздух! — заметил Ардан. — Значит, эта часть Луны окружена атмосферой.

— Очень возможно, — ответил Барбикен. — Но необязательно. В вулкане благодаря распаду некоторых веществ образуется кислород, который и питает пламя, извергаемое в безвоздушное пространство. Мне даже кажется, что наблюдаемое нами пламя отличается именно той яркостью и силой, какие характерны для горения в чистом кислороде. А потому рано еще утверждать наличие лунной атмосферы.

Огнедышащая гора была расположена приблизительно на 45 градусе южной широты невидимого лунного диска. Но, к величайшему огорчению Барбикена, кривая, описываемая снарядом, увлекла их далеко в сторону от зарева извержения; поэтому путешествен-

ники и не смогли точнее установить причину виденного ими сияния. Не прошло и получаса с момента появления зарева, как оно скрылось за темным горизонтом. Изучение этого вулкана имело бы огромное значение для селенографии! Оно доказало бы, что недра лунного шара еще не охладились. А там, где сохранилось тепло, могла сохраниться и растительность и даже животный мир, несмотря на действие разрушительных стихий. Существование действующего вулкана, точно установленное земными учеными, породило бы, без сомнения, немало теорий в пользу обитаемости Луны.

Барбикен задумался. Ему не давала покоя таинственная загадка земного спутника. Он пытался сопоставить свои отдельные наблюдения, как вдруг новая неожиданная встреча внезапно вернула его к действительности.

Это новое космическое явление представляло не только научный интерес, но и угрожало смертельной опасностью отважным путешественникам.

Внезапно в глубочайшем мраке окружающего их эфира появилась какая-то огромная масса, похожая на Луну, но Луну, сверкающую так ярко и нестерпимо, что ее свет резко пронизывал глубокий мрак неба. Эта масса шарообразной формы излучала такое сильное сияние, что снаряд был затоплен ее светом. Лица Барбикена, Николя и Мишеля Ардана, резко освещенные потоками этого ослепительного белого света, казались белесыми, безжизненными, призрачными. Подобный эффект дает искусственный свет горящего спирта с примесью некоторых солей.

— Черт возьми! — вскричал Мишель. — На нас просто страшно взглянуть! Это еще что за новая Луна!

— Это болид, — ответил Барбикен.

— Болид, горящий в пустоте?

— Да.

Появившийся в небе огненный шар был действительно болидом. Барбикен не ошибся. Свет этих космических метеоров, наблюдаемых с Земли, кажется обычно несколько слабее лунного. Но здесь, среди окружающего глубокого мрака, метеор слепил глаза.

Источник горения блуждающих небесных тел заключен в них самих. Они не нуждаются в воздушном окружении. Некоторые болиды проходят через атмосферные слои в двух-трех лье от Земли, другие, напротив, описывают свою траекторию на такой высоте, где атмосферы уже нет. Таковы болиды, появившиеся — один 27 октября 1844 года на высоте в 128 лье, другой — 18 августа 1841 года, промелькнувший на расстоянии 182 лье от Земли. Некоторые метеоры диаметром от трех до четырех километров обладают скоростью, достигающей 75 километров в секунду, двигаясь в направлении, обратном движению Земли.

По приблизительным расчетам Барбикена летящий шар, внезапно появившийся из темноты в ста лье от снаряда, должен был достигать двух тысяч метров в диаметре. Шар приближался со скоростью двух километров в секунду, или тридцати лье в минуту. Он летел наперерез снаряду и через несколько минут должен был неминуемо с ним столкнуться. По мере приближения болид непрерывно увеличивался.

Трудно вообразить и невозможно описать чувства наших путешественников. Несмотря на их мужество, хладнокровие, на презрение к опасности, они стояли безмолвные, неподвижные, оцепенев от ужаса. Каждый нерв, каждый мускул их был напряжен до предела. Снаряд, которым они не могли управлять, летел напрямик на эту пылающую массу, раскаленную, как разверстое жерло печи. Казалось, что снаряд низвергается в огненную бездну.

Барбикен схватил за руки друзей, и все трое, полузакрыв глаза, вперились в добела раскаленный астероид. Если при этом рассудок их еще был в состоянии работать, если они еще не утратили способности мыслить, они, конечно, должны были понимать, что несутся к неотвратимой гибели!

Две минуты, прошедшие с момента появления болида, показались им двумя веками смертельного ужаса! Снаряд должен был с минуты на минуту столкнуться с болидом. Вдруг огненный шар, как бомба, разорвался на их глазах, но при этом совершенно беззвучно. Никакого звука, возникающего в результате

воздушных колебаний, в окружавшей их пустоте произойти не могло.

На крик Николя друзья бросились к окнам. Какое зрелище! Чье перо, чья кисть смогли бы описать все богатство красок развернувшейся перед ними картины!

Ее можно было сравнить с жерлом разверзшегося кратера или с грандиозным пожаром. Тысячи светящихся осколков всех размеров, всех цветов, всех оттенков пересекали и освещали пространство. Перед глазами друзей словно развернулся гигантский многоцветный сверкающий веер всех цветов радуги — желтого, оранжевого, красного, зеленого, серого. От страшного колоссального шара остались только разлетевшиеся по всем направлениям осколки, в свою очередь превратившиеся в мелкие астероиды. Некоторые из них сверкали как сталь, другие были окружены беловатым облачком; за иными тянулся светящийся хвост космической пыли.

Горящие осколки скрещивались, сталкивались, дробились на более мелкие части. Некоторые из них ударялись о стенки ядра. Левый иллюминатор снаряда даже треснул от сильного удара одного из таких осколков. Снаряд, казалось, попал под дождь гранат, и каждая из них могла в одно мгновение превратить его в ничто.

Астероиды излучали во всех направлениях ослепительный свет, которым было пронизано все видимое пространство. В тот миг, когда этот свет стал нестерпимо ярким, Мишель привлек к своему окну Барбикена и Николя.

— Наконец-то невидимая Луна стала видимой! — воскликнул он.

И в течение нескольких мгновений трое друзей благодаря ослепительному потоку света ясно разглядели таинственный диск, который впервые предстал человеческому взору.

Что же различили они на расстоянии, которое невозможно было определить? Диск был окутан удлиненными полосами, похожими на облака, образовавшимися в сильно разреженной атмосфере. Сквозь эти облака просвечивали не только горы, но и все мелкие

неровности рельефа, пики, цирки, разверстые и причудливо разбросанные кратеры, такие же, как и на видимом полушарии Луны. Затем виднелись огромные пространства, но уже не бесплодных низин, а настоящих морей, многочисленных огромных океанов, отражавших в зеркале своих вод сказочный ослепительный фейерверк, горевший над ними в эфире. И, наконец, на поверхности материков выступали обширные темные пятна, напоминавшие гигантские леса, освещенные на мгновение ослепительной молнией.

Был ли это мираж, иллюзия, оптический обман? Можно ли было эту, на мгновение приоткрывшуюся картину научно обосновать? И, наконец, давало ли такое поверхностное и мгновенное наблюдение невидимого диска право сделать вывод о его обитаемости?

Тем временем грандиозный фейерверк постепенно потухал; отблески его мало-помалу меркли; астероиды разлетелись в разных направлениях и скрылись в беспредельном пространстве. Вселенная вновь погрузилась во мрак; ненадолго померкшие звезды засияли на небе, и на мгновение осветившийся лунный диск снова канул в непроницаемую ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Южное полушарие.

Неожиданная катастрофа, только что угрожавшая снаряду, миновала. Кто бы мог представить возможность таких встреч с болидами? Блуждающие тела угрожали нашим путешественникам самыми серьезными опасностями. Оказалось, что море эфира изобиловало подводными рифами, между которыми они не имели возможности лавировать, как моряки. Но наши исследователи вселенной и не думали жаловаться! Нет. Они были вознаграждены за все свои испытания величественным зрелищем грандиозного взрыва космического метеора, несравненным фейерверком, картиной, которой не мог бы передать никакой Руджиери.

Им удалось хотя бы на несколько секунд заглянуть в тайну невидимой части Луны. Они увидели в этом мгновенном проблеске материки, моря, леса. Стало быть, атмосфера на этой части Луны содержала в себе какие-то животворные молекулы? Все это были неразрешимые вопросы, издавна занимавшие любознательное человечество!

Было половина четвертого пополудни. Снаряд летел по кривой вокруг Луны. Не изменилась ли еще раз его траектория благодаря встрече с метеором? Этого следовало опасаться. Ядро, однако, должно было описывать кривую, строго предопределенную законами механики. Барбикен склонялся к тому, что эта кривая — парабола, а не гипербола. Но, допустив это предположение, надо было ожидать, что снаряд скоро выйдет из конуса тени, отбрасываемой в сторону противоположную Солнцу. Этот конус действительно очень узок, так как угловой диаметр Луны неизмеримо мал по сравнению с диаметром нашего дневного светила. Тем не менее до сих пор снаряд все еще находился в глубокой тени. Повидимому, он продолжал лететь с довольно значительной скоростью, но какова бы она ни была, она продолжала убывать. Это представлялось очевидным. Между тем, в случае движения снаряда по параболе, этого не должно было происходить. Перед Барбикеном, терявшимся в заколдованном круге непонятных ему явлений, вставала новая проблема.

Никто из путешественников и не думал об отдыхе. Все подстерегали какое-нибудь новое явление, которое смогло бы пролить свет на их астрономические исследования. Около пяти часов пополудни Мишель Ардан вместо обеда угостил своих друзей несколькими кусками холодного мяса и хлеба. Путешественники подкрепились, не отходя от окон, стекла которых беспрестанно покрывались ледяной корой.

Без четверти шесть вечера Николь, вооруженный зрительной трубой, заметил на южной оконечности Луны в направлении движения снаряда несколько сверкающих точек, которые резко выделялись на темном фоне неба. Эти точки были похожи на ряд остро-

конечных вершин, профиль которых обозначался прерывистой светящейся линией. Они светились довольно ярко. То же самое наблюдается и с Земли, когда Луна находится в начале первой или в конце последней четверти.

Сомнений быть не могло. Это был не метеор — светящийся гребень не обладал ни цветом его, ни его подвижностью. Это не походило также на извержение вулкана. У Барбикена на этот счет не оставалось никаких сомнений.

— Солнце! — сказал он.

— Что? — в один голос спросили Николь и Мишель Ардан. — Солнце?

— Да, друзья мои, это само Солнце, которое с противоположной стороны освещает вершины гор, расположенных на южном полюсе Луны. Мы, очевидно, приближаемся к южному полюсу!

— Перемахнув через северный! — воскликнул Мишель Ардан. — Вот так ловко! Стало быть, мы облетели вокруг нашего спутника!

— Именно так, дружище Мишель.

— Значит, нам не страшны ни гиперболы, ни параболы, никакие другие незамкнутые кривые?

— Нет, но зато нам приходится опасаться замкнутой кривой.

— А как она называется?

— Эллипсом. Очень возможно, что снаряд, вместо того чтобы потеряться в межпланетных пространствах, будет описывать эллиптическую орбиту вокруг Луны.

— Вот тебе на!

— И следовательно станет ее спутником!

— Луной Луны! — воскликнул Мишель Ардан в восторге.

— Только позволь тебе заметить, милый друг, — добавил Барбикен, — что легче нам от этого не будет. Мы все равно погибнем.

— Но зато другим манером. Последний способ все же забавнее, — ответил беззаботный француз.

Барбикен был прав. Снаряд, описывая эллиптическую орбиту, должен был, очевидно, вечно обращаться вокруг Луны в качестве ее спутника.

В солнечной системе появилось новое небесное светило, микрокосм, населенный тремя обитателями, которым скоро предстояло задохнуться из-за отсутствия воздуха. Барбикен не видел ничего утешительного в этом новом положении снаряда, вступившего в сферу действия центробежных и центростремительных сил. Значит, его спутники и он сам снова увидят освещенное полушарие Луны. Может быть, они еще будут живы, когда перед ними в последний раз мелькнет освещенная Солнцем Земля! Может быть, они еще будут в состоянии сказать последнее прости земному шару, на который им уже не суждено вернуться! А затем снаряд превратится в погасшую мертвую массу, похожую на безжизненные астероиды. Путешественники утешались только тем, что оставляют, наконец, непроглядную тьму и возвращаются в области, залитые солнечным светом.

Между тем горы, замеченные Барбикеном, все яснее обозначались на темной поверхности Луны. Это были Дерфель и Лейбниц, вздымающиеся возле южного полюса Луны.

Все горы видимого полушария измерены совершенно точно. Это может показаться невероятным, однакоже нельзя сомневаться в правильности гипсометрических показаний. Можно даже утверждать, что высота лунных и земных гор установлена с одинаковой точностью.

Способ определения высоты, применяемый чаще всего, состоит в измерении тени, отбрасываемой горой с учетом высоты Солнца над горизонтом в момент измерения. Эти несложные измерения производятся посредством телескопа, снабженного сеткой с двумя параллельными нитями. При этом, конечно, предполагается, что в точности известен действительный диаметр лунного диска. Тот же метод позволяет измерять и глубину лунных кратеров и впадин. Этим методом пользовался Галилей; позднее его с большим успехом применяли Бэр и Мэдлер.

Другой метод, называемый методом тангенциальных лучей, также применим для измерения лунного рельефа. Им пользуются в те периоды, когда горные вершины образуют на темной части диска на границе с освещенной его частью светящиеся точки. Эти светящиеся точки представляют собой горные вершины, освещенные лучами солнца, проходящими выше лучей, определяющих границу между освещенной и теневой частями лунной поверхности. Измерение темного промежутка между светящимися точками и ближайшей освещенной частью лунной поверхности позволяет точно определить высоту этих освещенных гор. Понятно, конечно, что такой метод измерения может быть применен только к горам, находящимся у границы света и тени.

Третий метод заключается в измерении профиля лунных гор при помощи микрометра; такой метод применим только к высотам, находящимся у самого края полушария. Естественно, что при всех способах — измерении теней, или промежутков между светящимися вершинами и границей тени, или, наконец, профиля гор — изучение рельефа может быть выполнено только при условии, если солнечные лучи по отношению к наблюдателю косо падают на Луну. Когда же солнечные лучи падают отвесно, то есть в полнолуние, все тени исчезают и наблюдение становится невозможным.

Галилей, который первым обнаружил существование лунных гор, определял их высоты, измеряя длину теней. Как уже говорилось, он вычислил, что высота лунных гор достигает в среднем 4500 туазов. Гевелий приводит значительно меньшие цифры, а Риччиоли опять-таки дает цифры вдвое большие. Гершель, пользуясь усовершенствованными приборами, подошел гораздо ближе к гипсометрическим данным. Истинные же величины следует искать в трудах современных астрономов.

Бэр и Мэдлер, самые выдающиеся современные астрономы, провели измерение 1095 лунных гор. По их вычислениям выходит, что шесть вершин достигают

высоты более 5800 метров, 22 горы — более 4800 метров. Самая высокая вершина на Луне имеет 7603 метра. Таким образом, лунные горы ниже земных, высота которых превышает их на 500—600 туазов. Однако здесь надо сделать одно замечание. Если эти горы сравнить с соответствующим объемом обоих светил, то лунные горы окажутся относительно выше земных. Первые составляют одну четыреста семидесятую часть лунного диаметра, а вторые — всего только тысяча четыреста сороковую часть диаметра Земли. Для того чтобы земная гора достигла относительных размеров лунной горы, высота ее должна иметь над уровнем моря около шести с половиной лье, между тем как самая высокая земная гора не имеет и девяти километров.

Итак, если воспользоваться методом сравнения, то Гималайская горная цепь на Земле насчитывает три вершины, превышающие лунные: Эверест — высотой 8837 метров, Кинчинджунга — высотой 8588 метров и Даулагири — высотой 8187 метров. Лунные горы Дерфель и Лейбниц имеют высоту, равную Джевагиру в той же Гималайской цепи, то есть высота их достигает 7603 метров. Ньютон, Казат, Куртий, Шорт, Тихо, Клавий, Бланкан, Эндимион, главные вершины лунного Кавказа и Апеннин, выше Монблана, достигающего 4810 метров. Монблану равняются по высоте — Морэ, Теофил, Катарния; горе Монте-Роза — высотой 4636 метров — равны горы Пикколомини, Вернер, Гарпалус; горе Сервен — высотой 4522 метра — горы Макроб, Эратосфен, Альбатеск, Даламбер; Тенерифскому пику — высотой 3710 метров — горы Бэкон, Сизат, Филолай и Альпийские вершины. Вершины Мон-Пердю Пиренеев — высотой 3351 метр — равны горам Ремер и Богуславского; Этне — 3237 метров — равны Геркулес, Атлант, Фурнерий.

Таковы цифры, позволяющие представить себе высоту лунных гор. Траектория снаряда как раз проходила над самой гористой областью южного полушария, где возвышались наиболее великолепные образцы лунной орографии.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гора Тихо.

В шесть часов вечера снаряд проносился над южным полюсом на расстоянии менее шестидесяти километров от Луны. На таком же именно расстоянии он обогнул и северный полюс. Следовательно, он двигался точно по эллиптической орбите.

Путешественники опять вступили в животворный поток солнечных лучей. Они снова увидели звезды, медленно совершавшие свой путь с востока на запад.

Появление лучезарного светила они встретили троекратным «ура!». Вместе со светом Солнце посылало тепло, которое скоро проникло внутрь сквозь металлические стенки снаряда. Стекла на окнах вновь стали прозрачными, — затянувший их слой льда исчез как по волшебству. Газ ради экономии тотчас же потушили. И только кислородный прибор должен был попрежнему расходовать обычное количество газа.

— Ах, как хорошо, как тепло! — радовался Николь. — С каким же нетерпением должны ждать селениты появления дневного светила после такой долгой ночи!

— Еще бы, — ответил Ардан, упиваясь солнечным светом и теплом, — тепло и свет — вот и все, что нужно для жизни!

В эту минуту дно снаряда несколько отклонилось от лунной поверхности, описывая, повидимому, довольно вытянутый эллипс. Будь Земля «полной», путешественники уже могли бы ее увидеть. Но Земля, потонувшая в солнечных лучах, все еще оставалась невидимой. Взоры друзей привлекло другое зрелище: картина южной части Луны, которую подзорные трубы приближали к ним на расстояние не более одной восьмой лье. Они не отходили от иллюминаторов и отмечали все особенности любопытного материка.

Горы Дерфель и Лейбниц образуют две отдельные группы, лежащие почти у самого южного полюса.

Первая группа гор тянется от полюса до 84 параллели, на восточной части Луны; вторая, примыкающая

к восточной границе, идет к полюсу от 75 градуса южной широты.

Гребни этих причудливо изогнутых гор казались покрытыми ослепительными снегами, что было впервые замечено известным астрономом отцом Секки. Барбикен мог установить это с большей достоверностью, чем знаменитый римский астроном.

— Это снега! — воскликнул Барбикен.

— Снега? — удивился Николь.

— Да, да, Николь, это снег, поверхность которого оледенела на большую глубину. Поглядите, как она отражает солнечные лучи. Остывшая лава не могла бы светиться так ослепительно. Значит, на Луне есть вода, есть воздух. Пусть в ничтожном количестве, но есть. Теперь уже нельзя этого отрицать.

Действительно, сомневаться в этом не приходилось. И если Барбикену доведется когда-нибудь вернуться на Землю, его путевые заметки окажутся существенным вкладом в науку о Луне.

Горы Дерфель и Лейбниц возвышались среди небольшой равнины, окаймленной грядой цирков и кольцевых возвышенностей. Эти горные цепи — единственные, встречающиеся в этих областях. Не слишком протяженные, они вздымают ввысь там и сям несколько пиков, из которых наиболее высокий достигает 7603 метров.

Снаряд летел над этими возвышенностями, рельеф которых расплывался в ослепительном сиянии лунного диска.

Перед глазами путешественников развертывались лунные пейзажи, с четкими очертаниями, без цветовых оттенков, без светотени, с резкими контрастами белого и черного цветов, что вызывалось отсутствием рассеянного света.

Путешественники проносились над этой хаотической страной, словно подхваченные дуновением урагана; под ними мелькали вершины, впадины, ущелья; они впивались глазами во все трещины, в каждое таинственное углубление, следя за каждым его изгибом или уступом. Но нигде не обнаруживалось ни малейшего признака растительности, ни следа

жилья, — ничего, кроме напластований застывшей, отполированной поверхности изверженных пород, с невыносимым блеском отражавших солнечные лучи. Здесь не было ничего живого; то было царство смерти, где лавины, низвергаясь с горных вершин, бесшумно исчезают в бездонных пропастях. Движение здесь было, но звук отсутствовал.

Путем повторных наблюдений Барбикен установил, что края лунного диска, несмотря на то, что они подвергались действию иных сил, чем в центральных областях Луны, отличались столь же однообразной структурой. То же скопление цирков, те же возвышенности и холмы. Однако были основания предполагать обратное. В центре еще не вполне затвердевшая поверхность Луны должна была подвергаться двойному воздействию притяжений Луны и Земли, развивавшемуся по радиусу, продолженному от одной планеты к другой. По краям же диска притяжение было, так сказать, перпендикулярно притяжению Земли. Поэтому естественно было бы предположить, что рельеф лунной коры под влиянием столь различных условий должен был принять иную форму. Это предположение, однако, не оправдалось. Стало быть, образование и формирование поверхности Луны происходило только под влиянием скрытых сил, заключенных в самой Луне. Никаких посторонних воздействий она не претерпела. Это подтверждало интересную гипотезу Араго, гласившую: «Никакое внешнее воздействие не принимало участия в образовании лунного рельефа».

Как бы там ни было, в своем нынешнем состоянии этот мир казался символом смерти, причем даже не представлялось возможным сказать, была ли на нем хоть когда-нибудь жизнь.

Ардану почудились, однако, какие-то груды развалин, на что он обратил внимание Барбикена. Это было примерно на восьмидесятой параллели и на тридцатом градусе долготы. Нагромождение камней, довольно правильно расположенных, имело вид огромной крепости, возвышавшейся над одной из тех больших трещин, которые в доисторические времена могли быть руслами рек. Невдалеке вздымалась кольцеобразная

гора Шорта, высотой 5646 метров, равная высоте Кавказских вершин. Ардан с присущей ему горячностью уверял, что это «несомненная» крепость; ему виделись зубчатые городские стены, уцелевший свод портика и даже обломки двух-трех колонн под ним; далее ему мерещились ряды арочных сводов, на которых, может быть, были когда-то проложены акведуки; в другом месте — гигантские опоры разрушенного моста, укрепленные по берегам котловин. Все эти подробности были настолько приукрашены его воображением и он смотрел в такую фантастическую зрительную трубу, что полагаться на достоверность его наблюдений было совершенно невозможно.

А вместе с тем кто возьмет на себя смелость утверждать, что пылкий француз не видел всего того, чего не желали замечать его товарищи?

Каждая минута казалась им слишком драгоценной, чтобы тратить ее на бесполезные споры. Лунный город, мнимый или реальный, уже скрылся из их глаз. Расстояние между снарядом и лунным диском начало постепенно увеличиваться и подробности лунного пейзажа мало-помалу стирались. Одни цирки и кратеры да обширные равнины все еще отчетливо выступали на лунной поверхности.

В эту минуту с левой стороны снаряда обозначился один из самых красивых цирков Луны, одна из достопримечательностей этого материка. То был Ньютон — Барбикен тотчас же узнал эту гору, справившись по своей карте.

Ньютон находится точно на 77 градусе южной широты и 16 градусе восточной долготы. Он образует кольцеобразный кратер, гребень которого, возвышающийся на 7264 метра, кажется совершенно неприступным.

Барбикен сообщил друзьям, что высота Ньютона над окружающей равниной значительно уступала глубине кратера. Громадное отверстие кратера казалось бездонным: в эту мрачную пропасть никогда не проникали солнечные лучи. По словам Гумбольдта, на дне этого цирка царствует абсолютный мрак, не рассеиваемый ни солнечными лучами, ни светом Земли.

Творцы мифов, конечно, усмотрели бы в этой пропасти адские врата.

— Гора Ньютон, — сказал Барбикен, — совершеннейший образец кольцевых лунных гор, которым нет равных на Земле. Эти кольцевые горы доказывают, что образование поверхности Луны посредством охлаждения было следствием бурных катаклизмов: под влиянием деятельности расплавленных недр планеты горы вздыбились на значительную высоту, а впадины и углубления кратеров опустились гораздо ниже уровня лунной поверхности.

— Возможно, что и так, — заметил Ардан

Через несколько минут, пролетев над Ньютоном, ядро оказалось непосредственно над кольцевой горой Морэ. Затем они оставили в некотором отдалении вершины Бланкана и достигли цирка Клавия.

Это цирк — один из самых интересных на Луне — расположен на 58 градусе южной широты и 15 градусе восточной долготы. Высота его определяется в 7091 метр. Наши путешественники, находившиеся от него в расстоянии 400 километров, сведенных к четырем благодаря зрительным трубам, легко могли разглядеть величественные горные валы этого мощного кратера.

— Земные вулканы, — сказал Барбикен, — в сравнении с вулканами Луны, — просто кротовые норы. Кратеры Везувия и Этны, образовавшиеся после первых извержений, едва достигают шести тысяч метров в ширину. Кратер Канталь во Франции имеет десять километров в диаметре, вулкан на острове Цейлоне — семьдесят километров и считается самым крупным на Земле. Но что значат эти цифры по сравнению с диаметром Клавия, над которым в данную минуту пролетает наш снаряд?

— Какова же его ширина? — спросил Николь.

— Двести двадцать семь километров, — ответил Барбикен. — Правда, это самый большой цирк на Луне, но многие другие достигают двухсот, ста пятидесяти, ста километров ширины.

— Ах, друзья мои! — воскликнул Мишель. — Можете себе представить, что происходило на нашей

«безмятежной Луне», когда громыхали все эти кратеры, извергая потоки лавы, град камней, тучи дыма и пламени! Вот это было зрелище! И что осталось от всего этого великолепия! Сейчас Луна — всего только жалкая головешка, обгорелый патрон, оставшийся от грандиозной ракеты! После всех взрывов, звездных дождей, фейерверков, после всех этих красот — остались только окурки, обгоревшие обрывки картонного патрона! Кто разгадает причину, источник, смысл всех этих катаклизмов?

Барбикен не слушал Ардана. Он смотрел на отроги Клавия, горные цепи, раскинувшиеся на несколько лье. В глубине громадной впадины виднелись сотни потухших мелких кратеров, которые испещряли почву, точно дырки шумовки. Над этими кратерами возвышался пик высотой в пять тысяч метров.

Расстилавшаяся кругом равнина представляла унылое зрелище. Что могло быть печальнее и тоскливее этих возвышенностей, этих полуразрушенных горных громад, этих осколков горных пиков и вершин, рассеянных по лунной поверхности? Казалось, что Луна в этом месте раскололась.

Снаряд летел вперед. Под ним расстилался все тот же первозданный хаос. Цирки, кратеры, обвалившиеся горы беспрерывно следовали одни за другими. Никаких равнин, никаких морей уже не было. Под ними раскинулась какая-то бесконечная Швейцария или Норвегия.

Наконец, в центре этого взбаламученного хаоса, в наиболее высокой его точке показалась самая величественная лунная гора, ослепительная Тихо, за которой потомство сохранило имя славного датского астронома.

Кто наблюдал полную Луну на безоблачном небе, тот, несомненно, заметил эту блестящую точку южного полушария. Ардан пришел в неописуемый восторг и осыпал гору всеми эпитетами, какие только могло подсказать ему пылкое воображение. По его словам, Тихо была пламенным источником света, центром излучения, ступицей огненного колеса, громадным сверкающим оком, кометой, распростертой на Луне и

распластавшей по ней свои серебряные щупальцы; нимбом, выточенным для головы Плутона; звездою, сброшенной с небес рукою творца и разбившейся о лунную поверхность.

Тихо представляет собой такое скопление лучистой энергии, что обитатели Земли могут видеть ее даже без окуляра, даже на расстоянии ста тысяч лье. Какова же была ее яркость на расстоянии всего лишь ста пятидесяти лье, когда эта гора предстала перед нашими путешественниками! Ее сверкающее сияние, пронизывающее чистый эфир вселенной, было настолько ослепительно, что Барбикену и его друзьям пришлось закоптить стекла окуляров, чтобы вынести этот нестерпимый блеск. Остолбенев от удивления, лишь изредка обмениваясь восторженными возгласами, они не могли оторваться от созерцания горы. Все их ощущения, все мысли сосредоточились в одном взгляде, и кровь приливала к сердцу, как в минуты душевных потрясений.

Тихо принадлежит к системе лучевых гор, подобных Аристарху и Копернику, являя собой наиболее совершенный, наиболее законченный образец таких гор. Она бесспорно свидетельствует о той могучей вулканической деятельности, которой Луна обязана своим образованием.

Тихо расположена на 43 градусе южной широты и 12 градусе восточной долготы. Центр горы занимает кратер в восемьдесят семь километров в поперечнике. Кратер эллиптической формы окружен кольцом гор, которые на пять тысяч метров возвышаются над расстилающейся на восток и на запад равниной. Это — скопище «монбланов», расположенных вокруг одного центра и окруженных сияющей короной лучей.

Никакая фотография не способна передать облика этой несравненной горы, всех красот окружающего ее горного пейзажа, феерического калейдоскопа ее кратера.

Действительно, Тихо можно наблюдать во всем ее величии лишь во время полнолуния. Но тогда тени исчезают, перспектива теряется и снимки получаются бледные и невыразительные. Досадное обстоятельство,

потому что передать с фотографической точностью всю эту поразительную область Луны представляло бы совершенно исключительный интерес. Но фотографии передают только скопление пропастей, кратеров, цирков, головокружительное переплетение горных цепей, а за ними — сеть вулканов, разбросанных там и сям по ноздреватой поверхности Луны. При виде этой картины понимаешь, что окаменевшая поверхность сохранила вид бурлившей и извергавшейся некогда лавы. Кристаллизовавшись под влиянием охлаждения, весь этот лунный пейзаж навеки запечатлел, как в стереотипе, состояние Луны в разгар ее плутонической деятельности.

Хотя расстояние, отделявшее путешественников от кольцеобразных вершин Тихо, было довольно значительным, они все же могли уловить ее основные очертания. К цирку, образующему кольцо Тихо, снаружи и изнутри лепились горы, громоздясь гигантскими террасами. На западе эти террасы казались на триста — четыреста футов выше, чем на востоке. Никакое создание стратегического искусства на Земле не могло сравниться с этими природными укреплениями. Город, сооруженный в глубине подобной кольцевой впадины, был бы совершенно неприступен, точно крепость, чудом воздвигнутая на этой взбаламученной извержениями почве! Природа не оставила пустым и плоским дно этого кратера. Это был обособленный, замкнутый мир, обладающий своей особой орографией, своей собственной горной системой. Путешественники ясно видели конусы, возвышенности, причудливые неровности почвы, словно самой природой подготовленные для архитектурных сооружений лунных зодчих. Здесь словно намечалась площадь для храма, там — так и чудился грандиозный форум; в одном месте, казалось, возвышался фундамент некоего дворца, в другом — опорная площадка крепости. И надо всем этим господствовали кольцеобразные горы высотой в тысячу пятьсот футов. Обширная равнина, на которой мог бы разместиться античный Рим, будь он вдесятеро больше.

— Боже мой, какой грандиозный город можно было бы построить в кольце этих гор! — воскликнул в восторге Мишель Ардан. — Неприступная цитадель мира и покоя, огражденная от всех человеческих треволнений! Как привольно жилось бы здесь, в полнейшем покое и одиночестве, всем мизантропам, всем человеконенавистникам, всем врагам общества.

— Всем?! Ну, для всех бы места не хватило! — пошутил Барбикен.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Важные вопросы.

Снаряд между тем уже миновал горные отроги Тихо. Барбикен и его товарищи с величайшим вниманием рассматривали блестящие лучи, которые по всем направлениям расходились от центра знаменитой горы.

Что это за сияющий ореол! Какие геологические процессы породили этот лучезарный веер? Этот вопрос чрезвычайно занимал Барбикена.

Перед его глазами во всех направлениях тянулись светящиеся полосы с приподнятыми краями и вогнутой серединой, иные шириною в двадцать, другие — в пятьдесят километров. В некоторых местах эти белые лучи тянулись на расстояние тысячи километров от Тихо и, казалось, покрывали собой всю половину южного полушария, особенно к востоку, северо-востоку и к северу. Один из таких лучей достигал цирка Неандра, расположенного на сороковом меридиане. Другой, закругляясь, бороздил море Нектара и через четыреста лье разбивался у подножий Пиренеев. Другие полосы тянулись к западу и покрывали сверкающей сетью море Облаков и море Влажности.

Что порождало эти белые лучи, пересекающие равнины и прорезающие горы, независимо от их высоты? Все лучи расходились из одного общего центра — кратера Тихо. Они словно «излучались» из

него. Гершель считал эти блестящие полосы потоками застывшей лавы, но его мнение не нашло себе приверженцев. Другие астрономы видели в загадочных лучах ряды огромных глыб и камней, своего рода морен, изверженных в эпоху образования Тихо.

— А почему бы и не так? — сказал Николь, которому Барбикен излагал различные мнения ученых, отвергая их одно за другим.

— Потому что невозможно себе представить той силы, которая перебросила бы вулканические породы на такие расстояния, и невозможно объяснить геометрически правильного расположения этих светящихся полос! — сказал Барбикен.

— Уж и невозможно! — возмутился Ардан. — А по-моему, объяснить происхождение этих лучей нет ничего легче.

— В самом деле? — спросил Барбикен.

— Ну, конечно, — ответил Ардан. — На мой взгляд, это — звездообразная трещина, вроде трещины на оконном стекле от удара пули или камня.

— Бесподобно, — улыбаясь, ответил Барбикен. — Ну, а чья же могучая рука швырнула такой камень?

— Для этого не нужно никакой руки, — ответил Ардан, не сдаваясь, — а что касается камня, то его роль могла сыграть какая-нибудь комета.

— Комета? На кометы привыкли сваливать все! — воскликнул Барбикен. — Дорогой Мишель, объяснение твое недурно, но комета здесь ни при чем. Сотрясение, послужившее причиной подобной трещины, могло произойти в недрах самой планеты. Для такой гигантской звездообразной трещины достаточно сильного и быстрого сжатия поверхностной коры под влиянием охлаждения.

— Ладно, согласен и на сжатие. Видно, и у Луны бывали колики! — ответил Мишель Ардан.

— Это мнение одного английского ученого, Несмиса, — добавил Барбикен. — Оно, мне кажется, вполне удовлетворительно объясняет происхождение этих лучей.

— Несмис, как видно, не дурак! — заявил Мишель.

Путешественники не могли наглядеться на велико-

лепное зрелище Тихо. Снаряд, утопавший в двойном сиянии — Луны и Солнца, должен был казаться со стороны раскаленным шаром. Итак, наши путешественники внезапно перешли из холода в зной. Сама природа подготовляла их к превращению в селенитов.

Превратиться в селенитов! Эта мысль снова вернула их к проблеме обитаемости Луны. Вправе ли они были решать эту проблему после всего виденного ими! Могли ли они решить ее в положительном или отрицательном смысле? Ардан приставал к товарищам и требовал, чтобы они без обиняков высказали, наконец, свое мнение, существуют ли на Луне животные или люди.

— Я думаю, что мы можем ответить на это, — сказал Барбикен. — Только, по-моему, вопрос должен быть поставлен несколько по-другому...

— Дело за тобой! Ставь вопрос, как хочешь, — ответил Ардан.

— Так вот, задача тут двойная и требует двойного решения: обитаема ли теперь Луна, или нет? Была ли Луна вообще когда-нибудь обитаема?

— Хорошо, — сказал Николь, — остановимся сначала на первом вопросе: обитаема ли Луна теперь?

— Говоря по совести, — вздохнул Мишель Ардан, — я ничего не могу сказать.

— А я отвечу отрицательно, — сказал Барбикен. — В ее теперешнем состоянии, с ее разреженной атмосферой, почти высохшими морями, недостатком воды, отсутствием растительности, резкими переходами от тепла к холоду, с ее ночами, длящимися в течение трехсот пятидесяти четырех часов, Луна кажется мне необитаемой; мало того, я думаю, что на ней отсутствуют условия, благоприятные для возникновения животного мира и хоть сколько-нибудь пригодные для жизни, в нашем понимании этого слова.

— Согласен, — ответил Николь. — Но, может быть, на Луне живут существа, имеющие совершенно особую организацию, не схожую с нашей?

— На этот вопрос ответить труднее, но я все-таки попытаюсь. Для этого я спрошу Николя, считает ли

он движение необходимым и неизбежным следствием какой бы то ни было жизни, независимо от ее форм?

— Ну, разумеется, — ответил Николь.

— Так вот, мы наблюдали лунные материки с расстояния не более пятисот метров и не обнаружили никакого движения на поверхности Луны. Присутствие человека вызвало бы какие-нибудь изменения лунной почвы, от него остались бы какие-нибудь сооружения или хотя бы развалины. А что мы видели? Везде и повсюду только деятельность природы и никаких признаков труда человека. Значит, если представители животного мира на Луне и существуют, они укрываются где-нибудь в глубочайших впадинах, не доступных нашему взору. Этого я допустить не могу, потому что они оставили бы хоть какие-нибудь следы своих передвижений на равнинах, покрытых слоем воздуха, хотя бы и разреженного. Таких следов мы не обнаружили нигде. Остается одно: предположить, что здесь обитает порода живых существ, которым чуждо движение, то есть самая жизнь.

— Ну, это все равно, что сказать: живые существа, которые не живут, — возразил Мишель.

— Именно, — ответил Барбикен, — для нас это бессмыслица.

— Итак, можно подвести итоги прениям? — спросил Мишель.

— Можно, — ответил Николь.

— Хорошо, — продолжал Мишель Ардан. — Ученая комиссия, заседающая в снаряде «Пушечного клуба», на основании новых полученных фактов единогласно решила, что Луна в данное время необитаема.

Эта резолюция была занесена председателем «Пушечного клуба» Барбикеном в блокнот в виде протокола заседания от 6 декабря.

— Теперь, — взял слово Николь, — перейдем ко второму вопросу, неизбежно вытекающему из первого. Итак, я спрашиваю — была ли Луна вообще когда-либо обитаемой?

— Слово принадлежит гражданину Барбикену, — провозгласил Ардан.

— Дорогие друзья, — начал Барбикен. — Для решения этого вопроса — обитаемости Луны в ее далеком прошлом — мне не нужно было дожидаться нашего путешествия. Добавлю, что наши личные наблюдения только подтвердили мою уверенность. Полагаю, даже утверждаю, что Луна когда-то была населена человеческими существами, имевшими одинаковую с нашей организацию, что на Луне водились животные с таким же анатомическим строением, как и земные; но и эти человеческие существа и животные отжили свой век и исчезли навсегда.

— Так, значит, Луна более древняя планета, чем Земля? — спросил Мишель Ардан.

— Нет, — с убеждением ответил Барбикен. — Но она гораздо раньше состарилась. Процессы ее образования и разрушения протекали значительно быстрее. Организующие силы материи внутри Луны развивались более бурно, чем в недрах нашего земного шара. Это со всей очевидностью доказывается изрытой, изборожденной, истерзанной поверхностью лунного диска. И Луна и Земля представляли собой первоначально газообразные массы. Затем, под воздействием различных причин, газ превратился в жидкость и, наконец, в твердую массу. Но можно с уверенностью утверждать, что наша Земля находилась еще в газообразном или жидком состоянии, когда Луна уже затвердела под влиянием охлаждения и стала обитаемой.

— Согласен, — сказал Николь.

— В ту эпоху, — продолжал Барбикен, — Луна была окружена атмосферой. Воды, удерживаемые газообразной оболочкой, не могли испаряться. Под влиянием воздуха, воды, света, солнечного тепла и собственного внутреннего тепла Луны растительность должна была быстро развиться на благоприятной для нее почве, и, вероятно, именно в этот период на Луне и появилась жизнь, потому что природа не расходует своих даров бесполезно, и в мире, пригодном для обитания, несомненно, должны были появиться обитатели.

— Однако, — возразил Николь, — некоторые условия лунного мира, связанные с движением Луны,

должны были все же препятствовать развитию растительности и животного царства. Возьмем хотя бы, например, дни и ночи, продолжающиеся по триста пятьдесят четыре часа.

— На земных полюсах они длятся по шести месяцев, — заметил Ардан.

— Ну, это не возражение, потому что полюсы-то как раз и необитаемы.

— Заметьте, друзья мои, — сказал Барбикен, — что если в настоящее время эти долгие ночи и длинные дни создают резкие колебания температуры, невыносимые для организма, то в древние времена дело обстояло иначе. Тогда лунный шар был окружен атмосферой, и ее плотный покров смягчал зной солнечных лучей и сдерживал ночное излучение. Благодаря воздушной атмосфере свет и тепло рассеивались. А отсюда и равновесие этих влияний, нарушенное теперь, когда почти никакой атмосферы на Луне уже нет. Кроме того, я вас удивлю...

— Ну, ну, удиви! — заинтересовался Мишель Ардан.

— Я полагаю, что в эпоху, когда Луна была обитаема, продолжительность дня и ночи на ней была короче.

— Почему же? — усомнился Николь.

— Потому что тогда, вероятно, период вращения Луны вокруг своей оси не равнялся обращению ее вокруг Земли. А ведь именно благодаря этому равенству каждая точка лунного шара оказывается в течение пятнадцати дней обращенной к Солнцу.

— Согласен, — ответил Николь, — но почему же тогда не существовало этого равенства, раз оно имеется теперь?

— Потому что это равенство обусловлено земным притяжением. А кто может утверждать, что это притяжение в те далекие времена, когда Земля находилась еще в жидком состоянии, было настолько сильным, чтобы повлиять на движение Луны?

— В самом деле! — сказал Николь. — Кто сказал, что Луна всегда была спутником Земли?

— Вот и я говорю то же самое, — вмешался Мишель Ардан. — Кто сказал, что Земля возникла значительно позже Луны!

Воображение наших друзей разыгралось, — вопрос представлял широкое поле для любых гипотез.

— Не будем слишком увлекаться, — остановил их Барбикен, — все это совершенно неразрешимые проблемы. Не стоит в них углубляться. Допустим только слабость первоначального земного притяжения. А тогда при различной скорости движения вокруг оси и вокруг Земли долгота дня и ночи на Луне остались бы такими же, как и на Земле. А впрочем, жизнь была бы возможна и без этих условий.

— Итак, человечество совсем исчезло с Луны? — спросил Ардан.

— Да, — ответил Барбикен, — исчезло, просуществовав, вероятно, много тысяч веков. Затем атмосфера мало-помалу начала редеть. Луна стала необитаемой; такой же необитаемой станет когда-нибудь и наша Земля вследствие дальнейшего ее охлаждения.

— Вследствие охлаждения?

— Разумеется, — пояснил Барбикен. — По мере того как недра Луны остывали, ее внутреннее тепло уходило все глубже к центру, а поверхность затвердевала. Постепенно стали проявляться и последствия этого: исчезновение живых существ, исчезновение растительности. Вскоре затем почти полностью рассеялась и атмосфера, так сказать, сдернутая с Луны земным притяжением, а отсюда: исчезновение воздуха и испарение воды. К тому времени, как Луна стала необитаемой, исчезли и все населявшие ее существа. Она превратилась в тот мертвый мир, который мы можем наблюдать теперь.

— Ты думаешь, что та же участь ожидает и Землю?

— Весьма вероятно.

— Когда же?

— Когда она станет необитаемой вследствие охлаждения земной коры.

— А можно вычислить, когда наша злополучная планета начнет охлаждаться?

— Без сомнения.

— И тебе известны эти вычисления?

— В точности.

— Так что же ты молчишь, ученый сухарь, — воскликнул Мишель Ардан. — Я же сгораю от любопытства!

— Дорогой мой Мишель, — спокойно ответил Барбикен, — известно, насколько понижается температура Земли в течение одного столетия. Так вот, по некоторым расчетам, средняя температура Земли дойдет до нуля через четыреста тысяч лет!

— Четыреста тысяч лет! — вскричал Ардан. — Ну, так мы успеем еще пожить! А то ты перепугал меня до смерти. Послушать тебя, окажется, что нам осталось всего каких-нибудь пятьдесят тысяч лет!

Опасения Мишеля рассмешили его товарищей.

Педантичный Николь, любивший во всем порядок, снова вернулся к «повестке дня».

— Итак, мы считаем, что в прошлом Луна была обитаема? — осведомился он.

Ответ последовал единогласный и утвердительный.

Пока друзья предавались обсуждению этих несколько смелых теорий, отражавших в основном уровень современных им научных достижений, снаряд стремительно приближался к лунному экватору, все время мало-помалу отдаляясь от Луны. Они оставили позади себя цирк Виллема и сороковую параллель на расстоянии восьмисот километров от диска. Затем, оставляя справа Питат на 30 градусе, они проследовали вдоль южного берега моря Облаков, после того как в первую половину пути обогнули северную его границу. Среди ослепительной белизны полной Луны, как в тумане, проносились чередой цирки: Буйо, Пурбах, с кратером квадратной формы, затем Арзахель, со своим конусом, сверкающим неописуемым блеском.

И, наконец, контуры стерлись в отдалении, горы стали неразличимы, и от всего изумительного, необычайного, причудливого облика земного спутника у наших путешественников не осталось ничего, кроме неизгладимых воспоминаний.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Борьба с невозможным.

Долгое время Барбикен и его спутники безмолвно и задумчиво, как некогда Моисей на рубеже земли Ханаанской, глядели на этот мир, от которого они безвозвратно удалялись. Положение ядра относительно Луны изменилось, и теперь дно его было обращено к Земле.

Эта перемена озадачила Барбикена. Если снаряд вращался вокруг Луны по эллиптической орбите, почему же он не был обращен к ней своей наиболее тяжелой частью, как это происходит при вращении Луны вокруг Земли?

Наблюдая за движением снаряда, можно было заметить, что, отдаляясь от Луны, он следовал той же кривой, которую описывал при своем приближении к ней. Он летел по очень вытянутому эллипсу и, повидимому, возвращался к точке, где лунное притяжение уравновешивалось земным.

Так по крайней мере решил Барбикен на основании своих наблюдений. Его мнение разделяли и оба друга. Снова вопросы посыпались градом:

— Что же с нами будет, когда мы достигнем этой мертвой точки? — спросил Ардан.

— Неизвестно, — ответил Барбикен.

— Но можно же сделать какие-нибудь предположения?

— Всего два: либо скорость снаряда окажется недостаточной, и он навсегда останется в этой мертвой точке двойного притяжения...

— Я заранее могу сказать, что предпочитаю вторую возможность, в чем бы она ни заключалась, — прервал его Мишель.

— Либо скорость окажется достаточной, и снаряд будет вечно вращаться вокруг Луны по эллиптической орбите.

— Мало утешительная перемена, — вздохнул Мишель. — Превратиться в скромных спутников Луны, когда мы привыкли в этой подчиненной роли видеть Луну! Нечего сказать, завидная участь!

Ни Барбикен, ни Николь ему не ответили.

— Что же вы молчите? — нетерпеливо воскликнул Мишель.

— Мне нечего сказать, — ответил Николь.

— И мы ничего не можем поделать?

— Ничего, — ответил Барбикен. — Разве можно бороться с невозможным?

— Неужели ты допускаешь, что один француз и два американца могут испугаться этого слова?

— Да что же можно сделать?

— Стать господином собственного движения! Управлять им!

— Управлять?

— Ну да, — отвечал Ардан, воодушевляясь. — Приостановить наше движение, изменить его: одним словом, заставить его служить нашим целям!

— Да как же это сделать?

— Это уж ваше дело. Если артиллеристы не умеют справиться со своими снарядами, они недостойны быть артиллеристами. Если снаряд командует канониром, такого канонира надо самого сунуть в пушку вместо заряда! Хороши ученые, нечего сказать!.. Сами заманили меня, а теперь не знают, что делать...

— Заманили! — вскричали Барбикен и Николь в один голос. — Что ты хочешь этим сказать?

— Теперь не время препираться. Я не жалуюсь. Прогулка мне нравится! Снаряд тоже по мне. Но теперь надо попытаться сделать все, что только в человеческих силах, чтобы попасть если уж не на Луну, так хоть куда-нибудь.

— Мы бы и рады что-нибудь сделать, — ответил Барбикен, — но у нас нет никаких возможностей.

— Мы не можем изменить движения снаряда?

— Нет!

— Не можем уменьшить его скорости?

— Нет!

— А что, если мы облегчим его, как облегчают перегруженное судно?

— Что же можно выбросить? — спросил Николь. — На нашем судне никакого балласта нет. К тому же я

полагаю, что облегченный снаряд полетит еще быстрее.

— Нет, тише, — сказал Ардан.

— Нет, быстрее, — возразил Николь.

— Ни тише, ни быстрее, — прервал их Барбикен, — потому что мы несемся в пустом пространстве, где силы тяжести не существует.

— Ну, значит, остается только одно! — решительно воскликнул Мишель.

— Что же?

— Завтракать, — невозмутимо ответил француз, всегда прибегавший к этому спасительному средству в самых затруднительных и безвыходных обстоятельствах.

Действительно, если завтрак и не мог оказать никакого влияния на движение ядра, им все же не следовало пренебрегать, хотя бы ради здоровья. Что ни говори, а идеи Мишеля всегда оказывались наиболее удачными.

Итак, в два часа утра друзья позавтракали: впрочем, время уже не имело значения. Предложенное Мишелем меню было обычным, но его увенчала бутылка доброго вина, извлеченная из потайного погребка. Если уж после нее в головах наших путешественников не возникло никаких идей, значит вино шамбертен 1863 года никуда не годилось.

Подкрепив свои силы, они возобновили наблюдения.

Вокруг ядра, на неизменном от него расстоянии, летели выброшенные предметы. Обращаясь вокруг Луны, снаряд, очевидно, не пересек никакой атмосферы, потому что в противном случае различный вес этих предметов изменил бы их относительное движение.

Со стороны Земли ничего не было видно, поскольку только накануне в полночь наступило «новоземелие». Только через два дня после этого, когда ее серп выйдет из солнечного освещения, Земля может снова служить своего рода часами обитателям Луны: ведь каждая точка Земли при ее вращательном движении через каждые сутки пересекает один и тот же лунный меридиан.

Совершенно иную картину представляла Луна. Она сияла в полную силу среди бесчисленных созвездий, яркость которых не меркла от ее света. Лунные равнины уже приобретали тот пепельный оттенок, который наблюдается с Земли. Остальная часть диска сверкала попрежнему, и среди этого сияния, подобно Солнцу, горела гора Тихо.

Барбикен никак не мог определить скорости снаряда, но, по его соображениям, эта скорость должна была в соответствии с законами механики постепенно уменьшаться.

Действительно, если допустить, что снаряд будет описывать орбиту вокруг Луны, то эта орбита должна неизбежно принять форму эллипса. Так утверждала наука. Этому закону подчинялось всякое тело, вращающееся вокруг другого тела, обладающего притяжением. Все орбиты, описываемые телами в пространстве, — эллиптические: по эллипсу движутся спутники планет, по эллипсу движутся планеты вокруг Солнца, и само Солнце движется по эллипсу вокруг какого-то неведомого светила, служащего ему осью. Не было никаких оснований предполагать, что этому закону не подчинится и снаряд «Пушечного клуба».

Раз притягивающее тело находится всегда в одном из двух фокусов эллиптической орбиты, следовательно снаряд в известный период должен быть ближе, в другой — дальше от светила, вокруг которого он обращается. Когда Земля приближается к Солнцу, она находится в перигелии, и, наоборот, в афелии она оказывается в точке, наиболее удаленной от Солнца. Точно так же и Луна — наиболее близка к Земле в перигее и наиболее удалена — в апогее. Если изобрести в отношении снаряда аналогичные термины, которые, несомненно, только обогатят астрономическую терминологию, то можно сказать, что, став спутником Луны, снаряд находится в «апоселене», когда он будет дальше всего от Луны, и в «периселене», когда он будет к ней ближе всего.

В этом последнем случае снаряд должен достигнуть наибольшей скорости, в первом случае — наименьшей. Сейчас он, очевидно, приближался к «апо-

селену», и Барбикен был прав, предполагая, что вплоть до этой точки скорость снаряда будет все время убывать, а затем снова увеличится по мере приближения к Луне. И, наконец, эта скорость должна свестись к нулю, если «апоселеническая» точка совпадет с точкой равных притяжений.

Барбикен обдумывал, как отразятся все приведенные возможности на судьбе снаряда. Его размышления прервал возглас Мишеля.

— Какие же мы болваны, черт нас возьми! — вскричал Ардан.

— Не смею с этим спорить, — ответил Барбикен, — но за что именно ты нас так величаешь?

— Да ведь у нас же есть очень простое средство, чтобы умерить скорость снаряда, которая удаляет нас от Луны! А мы им не пользуемся.

— Какое же это средство?

— Сила отдачи наших ракет.

— Ты думаешь? — спросил Николь.

— Это верно! Мы до сих пор еще не применяли этого средства, — ответил Барбикен, — но мы им скоро воспользуемся.

— Когда же? — спросил Мишель.

— Когда придет время. Заметьте, друзья, что при теперешнем положении снаряда, то есть при его наклоне к Луне, ракеты, изменив его положение, могут только отдалить его от Луны, а не приблизить к ней. А ведь вы непременно хотите попасть на Луну?

— Ну, разумеется, — ответил Ардан.

— Тогда имейте терпение. Под каким-то необъяснимым влиянием снаряд начинает поворачиваться дном к Земле. Очень вероятно, что в точке равного притяжения его коническая верхушка направится прямо к Луне. Можно надеяться, что в этот миг скорость его будет равна нулю. Вот тут-то и настанет время действовать: взрыв ракет, пожалуй, сможет бросить снаряд прямо на Луну...

— Браво! — воскликнул Мишель.

— Мы не сделали и не могли бы этого сделать при нашем первом перелете через мертвую точку,

потому что снаряд летел тогда с очень значительной скоростью.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь.

— Будем же терпеливы, — продолжал Барбикен. — Воспользуемся всеми имеющимися у нас возможностями. После стольких разочарований я снова начинаю верить, что мы достигнем цели!

Это заключение вызвало восторженные возгласы Ардана.

И при этом никому из безумцев не пришел в голову вопрос, на который сами же они только что ответили отрицательно: нет, Луна необитаема. Нет, Луна, по всем признакам, не может быть обитаема! И тем не менее они все-таки собирались сделать все возможное, чтобы попасть на эту необитаемую Луну!

Их занимал только вопрос, в какой именно момент снаряд достигнет точки равного притяжения, когда они собирались поставить на карту все, что было в их силах. Чтобы вычислить этот момент с точностью до одной секунды, Барбикену достаточно было справиться в своих путевых заметках и припомнить различные высоты, засеченные на лунных параллелях. Таким образом он вычислил, что для преодоления расстояния между мертвой точкой и южным полюсом нужно столько же времени, сколько и для перелета с северного полюса до мертвой точки. Время пройденного пути было точно зафиксировано по часам, что облегчало расчет. Барбикен заявил, что точки равного притяжения они достигнут ровно в час ночи с 7 на 8 декабря. В данную минуту было три часа ночи с 6 на 7 декабря. Стало быть, если ничто не помешает, снаряд должен долететь до мертвой точки через двадцать два часа.

Первоначально ракеты предназначались для того, чтобы ослабить падение снаряда на Луну, теперь же отважные путешественники собирались пустить их в ход с совершенно противоположной целью.

Ракеты были готовы; оставалось дождаться назначенной минуты.

— Ну, теперь нам нечего больше делать, — сказал Николь, — поэтому я предлагаю...

— Что? — спросил Барбикен.

— Лечь спать.

— Вот тебе на! — вскричал Ардан.

— Мы уже сорок часов не смыкали глаз! Несколько часов сна восстановит наши силы.

— Ни за что не лягу! — воскликнул Мишель.

— Ну что ж! Вольному — воля. А я уже сплю!

И, растянувшись на диване, Николь тотчас же захрапел.

— Николь прав, — решил Барбикен. — Я последую его примеру.

Через несколько минут басовый храп председателя вторил баритону Николя.

— И у практичных людей иногда бывают дельные мысли, — сказал Мишель Ардан, очутившись без собеседников.

И, вытянув длинные ноги, подложив под голову мускулистые руки, он присоединился к друзьям.

Но сон наших путешественников не мог быть спокойным и продолжительным. Все трое были слишком озабочены. Около семи часов утра они уже проснулись и вскочили на ноги.

Ядро продолжало удаляться от Луны, все больше поворачиваясь к ней своей верхушкой. Явление это благоприятствовало планам Барбикена, хотя он и не мог найти ему объяснения.

До намеченного ими срока пуска ракет оставалось семнадцать часов.

Этот день показался нашим друзьям нескончаемым. Как ни велика была их отвага, сердца путешественников невольно замирали при мысли, что скоро наступит минута, когда решится вопрос — суждено ли им упасть на Луну, или вечно вращаться вокруг нее. Они считали часы и минуты, казавшиеся им бесконечными, Барбикен и Николь погрузились в расчеты. Ардан ходил взад и вперед по тесной каюте снаряда и поглядывал на бесстрастную Луну.

Время от времени путников охватывали воспоминания о Земле; они видели перед собой своих друзей, членов «Пушечного клуба», и прежде всего самого дорогого их сердцу Дж. Т. Мастона.

В эту минуту почтенный секретарь, вероятно, занимал свой пост в Скалистых горах. О чем он думал, если гигантский окуляр его телескопа позволял ему наблюдать за снарядом? Он, несомненно, видел, как ядро скрылось за южным полюсом Луны, а теперь, вероятно, обнаружил, как оно заворачивает из-за северного полюса. Он решил, должно быть, что снаряд превратился в спутника Луны! Распространил ли Мастон эту новую сенсацию по всему свету? Как отнесся он к столь неожиданной развязке их дерзкого предприятия?..

День прошел без приключений. Наступила полночь. Начинался день 8 декабря. Еще час — и точка равного притяжения будет достигнута. С какой скоростью летел сейчас снаряд? Вычислить это было невозможно. Но Барбикен не ошибался в расчетах. В час ночи скорость ядра должна была равняться нулю.

К тому же момент остановки снаряда в нейтральной точке должен был ознаменоваться характерным явлением: здесь находилась линия равновесия земного и лунного притяжения. В этом месте предметы не должны иметь веса. Этот интересный факт, так сильно поразивший Барбикена и его друзей в начале путешествия, должен был повториться и на обратном пути в соответствующих условиях. Именно в эту самую минуту и следовало действовать.

Коническая верхушка ядра уже заметно повернулась к лунному диску. При таком положении снаряда сила отдачи ракет бросит ядро прямо на Луну. Итак, все благоприятствовало успеху задуманного друзьями плана. Если в нейтральной точке скорость снаряда дойдет до нулевой, будет достаточно самого легкого толчка, чтобы вызвать падение снаряда на Луну.

— Без пяти минут час, — прошептал Николь.

— Все в порядке, — ответил Ардан, поднося заготовленный фитиль к горящей газовой горелке.

— Подожди, — сказал Барбикен, посмотрев на хронометр.

В эту минуту вес почти не ощущался. Путешественники могли обнаружить полное исчезновение силы тя-

жести на самих себе. Если они еще и не находились в мертвой точке, то были где-то совсем рядом.

— Час! — сказал Барбикен.

Ардан поднес зажженный фитиль к запальному шнуру, к которому были присоединены все ракеты. Из-за отсутствия воздуха детонации не последовало, но Барбикен увидел в окно пламя взрыва, которое очень скоро погасло.

Снаряд содрогнулся, и путешественников изрядно встряхнуло.

Трое друзей, безмолвные, еле переводя дыхание, напрягали все свое зрение, весь слух. Среди полной тишины казалось, что слышно, как бьются их сердца.

— Ну, что, падаем? — спросил, наконец, Мишель.

— Нет! — ответил Николь. — Дно снаряда не поворачивается к лунному диску...

В эту минуту Барбикен, стоявший у окна, обернулся к своим спутникам. Лицо его покрывала смертельная бледность, брови были нахмурены, губы стиснуты.

— Мы падаем, — сказал он.

— Наконец-то! На Луну? — вскричал Мишель.

— На Землю! — ответил Барбикен.

— Черт возьми! — воскликнул Мишель, но тут же философски добавил: — Ну, что делать! Залезая в это ядро, мы ведь не очень-то рассчитывали выбраться из него целыми и невредимыми.

С этой минуты действительно началось стремительное падение снаряда на Землю. Благодаря некоторой скорости, все еще сохранявшейся снарядом, он успел пересечь нейтральную линию, прежде чем друзья зажгли ракеты, и поэтому взрыв их уже не мог изменить его направления.

Та же скорость, которая благоприятствовала снаряду при прохождении нейтральной линии по пути на Луну, увлекла его теперь за эту линию и на обратном пути. Законы физики требовали, чтобы, описывая эллиптическую орбиту, ядро снова прошло по раз уже пройденному пути.

И вот теперь снаряд летел на Землю, притом со все возрастающей скоростью, вследствие непрерывно

усиливающегося земного притяжения. Страшное падение с высоты 78 тысяч лье, которого уже ничто не в состоянии было ослабить! По законам баллистики снаряд должен был удариться о Землю со скоростью, равной его первоначальной скорости по вылете из колумбиады, то есть достигающей 16 тысяч метров в секунду.

Чтобы более наглядно представить себе эту цифру, вспомним, что согласно проведенным расчетам предмет, брошенный с одной из башен Собора Парижской богоматери, высотой в 200 футов, упадет на мостовую со скоростью 120 лье в час. Снаряд же должен был удариться о Землю со скоростью 57 600 лье в час.

— Мы погибли! — хладнокровно произнес Николь.

— Ну что ж, — отозвался Барбикен в каком-то религиозном экстазе. — Это только еще больше углубит наш опыт. Теперь уже сам бог посвятит нас в тайны своего творения. На том свете наша душа уже не будет нуждаться для познания вселенной ни в машинах, ни в приборах! Она сольется воедино с вечной мудростью!

— И то верно, — ответил Мишель. — На «том свете» мы уж во всяком случае будем вознаграждены за неудачу с какой-то жалкой планетишкой, называемой Луной.

Барбикен с видом глубочайшей покорности судьбе скрестил руки на груди.

— Предаю судьбу свою на волю неба! — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Промеры «Сускеганны».

— Ну что, лейтенант, как идут работы?

— Полагаю, что дело подходит к концу, — ответил лейтенант Бронсфильд. — Но кто бы предположил, что у самой суши может быть такая глубина: всего в какой-нибудь сотне лье от американского берега.

— Действительно, здесь очень глубокая впадина, — сказал капитан Бломсбери. — В этом месте находится

подводная долина, размытая течением Гумбольдта, которое омывает берега Америки вплоть до самого Магелланова пролива.

— Такие большие глубины затрудняют прокладку телеграфного кабеля. Плоское дно, по которому проложен американский кабель между Валенцией и Нью-Фаундлендом, куда удобнее.

— Не спорю, Бронсфильд. А осмелюсь спросить, лейтенант, как обстоит дело в данную минуту?

— Сейчас у нас размотано уже двадцать одна тысяча футов троса, а ядро, которое тянет лот, еще не коснулось дна, потому что иначе лот поднялся бы наверх сам собой.

— Остроумнейшая машина — этот снаряд Брука. С какой точностью позволяет он измерять глубины!

— Дно! — крикнул один из матросов, наблюдавший за работой.

Капитан и лейтенант направились к корме.

— Ну, что, какова глубина? — спросил капитан.

— Двадцать одна тысяча семьсот шестьдесят два фута, — ответил лейтенант, записывая эту цифру в блокнот.

— Отлично, Бронсфильд! Я нанесу эти показания на карту. А теперь прикажите выбрать лот. С ним еще будет возни на несколько часов. Тем временем механик распорядится развести пары, и, как только вы кончите, мы снимемся с якоря. Уже десять часов вечера, и я, с вашего позволения, отправляюсь спать.

— Спокойной ночи! — любезно ответил лейтенант.

Капитан «Сускеганны» — отличный человек и добрейший начальник — отправился в свою каюту, выпил грогу, осыпав буфетчика нескончаемыми похвалами, лег на кровать, поблагодарив слугу за уменье стелить постель, и заснул сном праведника.

Было десять часов вечера. Одиннадцатый день декабря постепенно переходил в самую упоительную южную ночь.

Корвет «Сускеганна» мощностью в пятьсот лошадиных сил, принадлежащий национальному флоту Соединенных Штатов, производил промеры дна Тихого океана приблизительно в ста лье от американского

берега против узкого полуострова, вытянувшегося со стороны Мексиканского берега.

Ветер мало-помалу стих. Воздух словно замер. Флаг неподвижно висел на мачте корвета.

Капитан Джонатан Бломсбери — родственник полковника Бломсбери, одного из активнейших членов «Пушечного клуба», женатого на урожденной Горшбидден — тетки капитана и дочери почтенного коммерсанта из Кентукки, — капитан Бломсбери не мог нарадоваться на прекрасную погоду, способствующую успешному завершению измерительных работ.

Ряд промеров, произведенных «Сускеганной», имел целью исследовать глубины, наиболее благоприятные для прокладки подводного кабеля между Гавайскими островами и американским материком.

Эти работы выполнялись по проекту одной крупной компании, директор которой — предприимчивый Сайрус Филд — предполагал охватить сетью телеграфных проводов все острова Океании, — грандиозное предприятие, достойное американцев.

Корвету «Сускеганна» были поручены первые промеры. В ночь с 11 на 12 декабря корвет находился на 27°7′ северной широты и 41°37′ западной долготы по Вашингтонскому меридиану.

Луна в последней своей четверти начинала подыматься над горизонтом.

По уходе капитана Бломсбери лейтенант Бронсфильд и кое-кто из офицеров собрались на юте. При появлении Луны их мысли устремились к ночному светилу, на которое в те дни были обращены глаза всего полушария.

Даже лучшие морские трубы не могли бы обнаружить снаряда, блуждавшего где-то вокруг Луны, но телескопы всего мира были в эту минуту направлены на нее, и миллионы людей не отводили глаз от ее сверкающего диска.

— Вот уже десять дней, как они улетели, — сказал лейтенант Бронсфильд. — Где-то они сейчас?

— Прибыли к месту назначения! — воскликнул молодой мичман. — И сейчас они, должно быть, как

всякий путешественник, прибывающий в новое место, заняты прогулкой по окрестностям.

— Не смею сомневаться в ваших словах, — ответил, улыбаясь, лейтенант.

— Сомневаться в их прибытии действительно невозможно, — заметил другой офицер. — Снаряд должен был достигнуть Луны в момент ее полнолуния, пятого числа, в полночь. Теперь у нас одиннадцатое декабря, прошло, стало быть, шесть суток. А за шесть суток можно вполне успеть устроиться со всеми удобствами на новом месте. Мне ясно представляется, как наши отважные земляки расположились где-нибудь в глубокой долине, на берегу лунного ручья, около снаряда, наполовину ушедшего при падении в вулканическую почву. Я вижу, как Николь, вооружившись нивелиром, измеряет рельеф местности, Барбикен приводит в порядок свои путевые заметки, а Мишель Ардан разгуливает по лунным полям, покуривая душистую сигару.

— Да! да! Так оно и должно быть! — воскликнул мичман в восторге от идиллической картины житья-бытья лунных новоселов.

— Дай бог, чтоб это было так, — сказал лейтенант Бронсфильд, не проявляя никакого восторга. — К несчастью, мы никогда не сможем получить никаких непосредственных известий от наших друзей.

— Извините, лейтенант, разве Барбикен разучился писать? — спросил мичман.

Шутка мичмана была встречена всеобщим смехом.

— Не письма, — с живостью подхватил мичман, — не письма, конечно! Почта тут ни при чем.

— Может быть, вы ждете телеграммы? — с иронией осведомился один из офицеров.

— Нет, и не телеграммы, — ответил мичман, нимало не смущаясь. — Сообщение с Землей им очень легко установить графическим способом.

— Как же это так?

— При помощи лонгспикского телескопа. Вы знаете, что он приближает Луну к Скалистым горам на расстояние двух лье и позволяет видеть на ее поверхности все предметы диаметром не менее девяти

футов. Наши лунные герои должны смастерить исполинскую азбуку, начертить слова длиной в сто туазов, а фразы — длиной в целые лье! Таким способом они легко могли бы ознакомить нас со своим положением.

Все громко зааплодировали изобретательному мичману. Лейтенант Бронсфильд признал его мысль вполне выполнимой. Кроме того, он предложил еще один способ непосредственной связи с Землей при помощи пучков ярких лучей, отраженных параболическими зеркалами. Эти лучи были бы так же видимы с Венеры или Марса, как планета Нептун видима с Земли. В заключение он заявил, что блестящие точки, не раз наблюдавшиеся на ближайших планетах, возможно, были сигналами, которые подавали оттуда Земле. Впрочем, лейтенант оговорился, что если описанным способом и можно получать известия с Луны, то сообщения с Земли посылать нельзя, разве только обитатели Луны имеют в своем распоряжении приборы для дальних наблюдений.

— Самое интересное, по-моему, — это узнать, что сталось с путешественниками, что они делают, что видят, — вмешался один из офицеров. — Впрочем, если этот первый опыт удастся, в чем я не сомневаюсь, его, конечно, повторят. Колумбиада ведь попрежнему врыта в землю во Флориде. Значит, дело только в снаряде да в порохе; всякий раз, как Луна будет проходить через зенит, в нее можно будет выпалить зарядом... экскурсантов.

— Мастон, без сомнения, на днях присоединится к своим друзьям! — сказал лейтенант.

— Пусть только скажет слово, я охотно полечу вместе с ним! — воскликнул мичман.

— Ну, в охотниках недостатка не будет, — возразил Бронсфильд, — дай только волю, половина обитателей Земли эмигрирует на Луну!

Разговоры офицеров затянулись до часу ночи. Трудно пересказать все фантастические теории, все невероятные проекты, предлагавшиеся молодыми смельчаками. После попытки Барбикена слово «невозможно» перестало существовать для американцев. Строились планы отправить на Луну не только комиссию

ученых, но целую армию с пехотой, артиллерией и кавалерией для завоевания лунного мира.

К часу ночи работы по подъему лота еще не были закончены. Оставались невыбранными десять тысяч футов, и эта операция требовала еще нескольких часов.

По распоряжению капитана огни в топках были разведены, давление в котлах поднималось. «Сускеганна» была готова к немедленному отплытию.

В эту минуту — в 1 час 17 минут ночи — лейтенант Бронсфильд направился было к своей каюте, как вдруг его внимание было привлечено отдаленным свистом.

Лейтенант и его товарищи подумали сначала, что свист вызван утечкой пара; но, подняв голову, они удостоверились, что звук доносится с очень большой высоты.

Сила этого странного звука нарастала с ужасающей быстротой, и не успели офицеры обменяться мнениями о его происхождении, как перед их ослепленными глазами показался громадный болид, докрасна раскаленный от трения об атмосферные слои.

Огненная масса продолжала расти на глазах и, наконец, с невероятным грохотом обрушившись на бушприт корвета, разбила его и с оглушительным шипением исчезла в волнах...

Упади эта масса несколькими футами ближе, — и «Сускеганна» была бы опрокинута в океан со всем своим экипажем.

Капитан Бломсбери выскочил полуодетый на бак, куда бросились и все офицеры.

— Будьте так добры, скажите, что случилось, господа? — спрашивал капитан. — Что такое?

— Капитан, «они» вернулись! — воскликнул мичман.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Снова Дж Т. Мастон

Смятение на борту «Сускеганны» было немалое. Офицеры и матросы и не думали об опасности, которая им только что угрожала, хотя судно могло быть

раздавлено или же получить пробоину и затонуть. Нет, все их мысли были поглощены катастрофой, завершившей дерзкое предприятие.

— «Они» вернулись! — воскликнул молодой мичман, и все тотчас же поняли, кого он имеет в виду. Никто не сомневался в том, что болид, исчезнувший в волнах, был снарядом «Пушечного клуба».

— Они погибли! — утверждали одни.

— Они живы! — настаивали другие. — Слой воды очень глубок и потому ослабит силу падения.

— Но ведь у них нет воздуха, — говорил третий, — они должны непременно задохнуться!

— Они сгорели! — решил кто-то. — Снаряд, пролетая через атмосферу, превратился в раскаленную массу.

— Как бы там ни было, живых или мертвых, их необходимо вытащить! — решили, наконец, все в один голос.

Капитан Бломсбери собрал на совещание всех офицеров. Надо было немедленно на что-нибудь решиться. Прежде всего следовало, конечно, вытащить снаряд. Операция — трудная, но возможная. Однако для этого корвет не обладал достаточно мощным и точным оборудованием. Решено было тотчас же отправиться в ближайший порт и известить «Пушечный клуб» о падении снаряда.

Это решение было принято единодушно и оставалось только выбрать порт. На ближайшем берегу на 27° широты такой пристани не имелось. Несколько выше, за полуостровом Монтеррей, был расположен крупный город, давший название полуострову. Но этот город, стоящий на рубеже пустыни, не соединялся с материком телеграфной линией, а такое важное сообщение можно было передать с надлежащей быстротой только при помощи телеграфа.

Несколькими градусами выше находился порт Сан-Франциско. Из столицы золотоносного края легко было снестись с центром Соединенных Штатов. Если корвет пойдет на всех парах, он прибудет в Сан-Франциско без малого через двое суток. Следовало немедленно отправляться в путь.

Корвет стоял под парами и был готов к немедленному отплытию. В воде еще оставалось две тысячи брассов троса, но капитан, не желая терять ни минуты драгоценного времени, решил его перерезать.

— Мы прикрепим конец троса к бую, — сказал он, — который, кстати, поможет нам найти место падения снаряда.

— Координаты этого места известны — мы находимся на двадцать седьмом градусе седьмой минуте северной широты и сорок одном градусе тридцать седьмой минуте западной долготы, — заметил лейтенант.

— Прекрасно, мистер Бронсфильд, — отвечал капитан. — Будьте так добры, прикажите перерезать трос.

Огромный буй, снабженный для устойчивости тяжелыми шестами, был спущен на воду. Конец троса был накрепко привязан к бую, чтобы волнение не могло отнести буй слишком далеко от места падения снаряда.

Механик уведомил капитана, что корвет готов к отплытию. Капитан, поблагодарив его, приказал держать курс на северо-восток. Корвет на всех парах понесся к бухте Сан-Франциско. Было три часа утра.

Пройти двести двадцать лье для такого быстроходного судна, как «Сускеганна», было нипочем. Судно покрыло это расстояние за тридцать шесть часов и 14 декабря в 1 час 27 минут пополудни вошло в бухту Сан-Франциско.

При виде корвета, идущего под всеми парами, с обломанным бушпритом и поврежденной мачтой, жители города заволновались, и огромная толпа любопытных мгновенно собралась на набережной.

Бросив якорь, капитан Бломсбери и лейтенант Бронсфильд спустились в восьмивесельную шлюпку, которая тотчас же доставила их на берег.

— Телеграф? Где телеграф? — спрашивали они, не отвечая ни на какие вопросы.

Портовый офицер сам проводил их на телеграфную станцию. Толпа бросилась за ними.

Бломсбери и Бронсфильд вбежали в контору. Телеграмма была послана в четырех экземплярах следующим адресатам: во-первых, секретарю морского ведомства в Вашингтон, во-вторых, вице-председателю «Пушечного клуба» в Балтимор, в-третьих, почтенному Дж. Т. Мастону в Лонгспик, на Скалистые горы, и, наконец, в-четвертых, помощнику директора Кембриджской обсерватории.

Телеграмма гласила:

«На 27°7′ северной широты и 41°37′ западной долготы, 12 декабря, в 1 час 17 минут пополуночи, упал в Тихий океан снаряд колумбиады. Ждем инструкций.

Капитан «Сускеганны» Бломсбери».

Через пять минут новость облетела весь город. До шести часов вечера о потрясающей катастрофе узнала вся Америка; а после полуночи подводный телеграф оповестил о результатах знаменитого американского предприятия всю Европу.

Мы отказываемся привести отклики на неожиданную развязку дерзкого путешествия, ежеминутно поступавшие со всего света.

Получив телеграмму, секретарь морского ведомства передал приказ капитану «Сускеганны» ждать дальнейших распоряжений в бухте Сан-Франциско, не спускать паров и быть готовым к выходу в море.

Астрономы Кембриджской обсерватории собрали чрезвычайное совещание и с невозмутимостью, свойственной ученым корпорациям, мирно и не спеша принялись обсуждать происшествие с научной точки зрения.

В «Пушечном клубе» телеграмма произвела форменный взрыв. Все артиллеристы как раз были в сборе. Вице-председатель клуба, почтенный Уилкам, только что огласил телеграмму Мастона и Бельфаста, извещавших, что снаряд находится в поле зрения их гигантского лонгспикского телескопа. Кроме того, в телеграмме было сказано, что снаряд, задержанный лунным притяжением, перешел на роль второстепенного спутника солнечной системы.

Нам-то уже известно истинное положение дела.

Таким образом, при обсуждении одновременно полученных и совершенно противоречивых телеграмм Дж. Т. Мастона и капитана Бломсбери все члены клуба раскололись на два лагеря: одна партия утверждала, что снаряд упал в океан, — значит, путешественники так или иначе возвратились; другая партия, основываясь на сообщениях Мастона, считала, что капитан Бломсбери ошибся. По мнению этой партии, мнимый снаряд был попросту болидом, падучей звездой, которая и повредила нос корвета. Последнее утверждение было трудно оспаривать, так как падающее тело летело с такой быстротой, что разглядеть его было немыслимо. Капитан «Сускеганны» и его офицеры легко могли ошибиться. Впрочем, один факт говорил в их пользу: если бы снаряд действительно упал на Землю, то его столкновение с земным шаром должно было произойти именно на 27 градусе северной широты между 41 и 42 градусами западной долготы, если учитывать срок, истекший с момента вылета снаряда и вращательное движение Земли.

Как бы то ни было, в «Пушечном клубе» было единогласно решено, что брат Бломсбери, Билсби и майор Эльфистон немедленно отправятся в Сан-Франциско и примут все необходимые меры для того, чтобы извлечь снаряд из глубин океана.

Преданные друзья, ни минуты не медля, отправились в путь. Железная дорога, которая в скором времени пересечет всю Центральную Америку, быстро доставила их до Сен-Луи, где их уже дожидался дилижанс-экспресс.

В ту самую минуту, когда секретарь морского ведомства, вице-председатель «Пушечного клуба» и заместитель директора обсерватории читали телеграмму из Сан-Франциско, почтенный Мастон переживал самое сильное в своей жизни волнение. Это волнение не могло сравниться даже с чувствами, испытанными им в момент выстрела знаменитой колумбиады, и едва не стоило ему жизни.

Напомним, что секретарь клуба тотчас после выстрела колумбиады и почти с такой же быстротой, как и самый снаряд, направился к своему посту в Лонг-

спике в Скалистых горах. Ему сопутствовал директор Кембриджской обсерватории Бельфаст. Прибыв на место, оба приятеля заняли пост у громадного телескопа и неотлучно дежурили при нем.

Читатель помнит, что рефлекторы гигантского телескопа были установлены для front view [1], как говорят англичане. При такой установке получалось только одно отражение наблюдаемого объекта, но, с другой стороны, оно обеспечивало более четкую его видимость. Вследствие этого Мастон и Бельфаст во время наблюдений должны были находиться на площадке у верхней части телескопа, а не у нижней. Они взбирались наверх по винтовой лесенке, представлявшей по своей легкости чудо инженерного искусства, — так что огромная металлическая труба глубиной в двести восемьдесят футов с металлическим зеркалом, вделанным в его дно, оказывалась у них под ногами.

Таким образом, ученые проводили все свое время на узенькой площадке над телескопом, проклиная дневной свет, скрывавший от них Луну, и облака, которые упорно застилали ее ночью.

Какова же была их радость, когда, наконец, после нескольких дней тщетных поисков и ожиданий, в ночь с 5 на 6 декабря, они обнаружили снаряд, в котором странствовали по вселенной их друзья. Однако их радость быстро сменилась глубоким разочарованием. Положившись на это первое наблюдение, они и распространили по всему свету в своей телеграмме ложное сообщение о том, что снаряд обращается по эллиптической орбите вокруг Луны и превратился в ее спутника.

С этой минуты снаряд исчез из их поля зрения, что легко было объяснить его прохождением позади лунного диска. Можно себе представить, с каким нетерпением пылкий Мастон и его товарищ ждали появления снаряда с другой стороны диска. В течение всей ночи им то и дело мерещилось, что снаряд вот-вот появится из-за Луны, но он не появлялся!

---

[1] Фронтальное обозрение *(англ.)*.

По этому поводу между ними не замедлили возникнуть нескончаемые горячие споры и стычки. Бельфаст утверждал, что снаряда не видно. Мастон же уверял, что снаряд виден «как на ладони».

— Это снаряд! — говорил Мастон.

— Нет, — отвечал Бельфаст. — Это лавина, сорвавшаяся с лунной горы!

— Увидим, завтра увидим!

— Нет, больше мы его уже не увидим! Он исчез в пространстве!

— Нет!

— Да!

В минуты подобных споров раздражительность и запальчивость секретаря «Пушечного клуба» представляли серьезную опасность для уважаемого Бельфаста.

Жизнь вдвоем в Скалистых горах скоро сделалась бы невыносимой для обоих ученых, если бы неожиданное событие не положило конец их вечным спорам.

В ночь с 14 на 15 декабря оба «непримиримых друга» занимались своими обычными наблюдениями лунного диска. Мастон по обыкновению разносил Бельфаста, который, со своей стороны, тоже не оставался в долгу. Секретарь клуба в сотый раз утверждал, что он видел снаряд и в одном из его окон даже разглядел лицо Ардана. В жару спора вспыльчивый Мастон размахивал железным крюком, заменявшим ему руку, что было далеко не безопасно для его собеседника.

Внезапно, ровно в десять часов вечера, на наблюдательной площадке появился слуга Бельфаста и подал ему телеграмму. Это было извещение капитана «Сускеганны». Бельфаст разорвал конверт, прочитал текст телеграммы и вскрикнул.

— Что такое? — крикнул Мастон.

— Снаряд!

— Ну?

— Упал на Землю!

Ответом ему был дикий вопль Мастона.

Бельфаст быстро обернулся и увидел, что его злополучный товарищ, свесившись над трубой телескопа,

не удержал равновесия и провалился туда, как в колодец. Падение с высоты двухсот восьмидесяти футов! Бельфаст опрометью кинулся к отверстию рефлектора.

Заглянув в трубу, он с облегчением вздохнул: Мастон, зацепившись металлическим крюком за одну из внутренних подпорок телескопа и повиснув на ней, испускал громкие вопли.

Бельфаст позвал помощников, которые при помощи грузоподъемных блоков не без труда извлекли из телескопа неосторожного Мастона. Он появился, наконец, целым и невредимым у верхнего отверстия трубы телескопа.

— Что, если бы я разбил зеркало?! — сказал он.

— Вам пришлось бы за него заплатить, — строго ответил Бельфаст.

— Так, значит, этот проклятый снаряд упал? — спросил Мастон.

— В Тихий океан!

— Едем!

Через четверть часа Мастон и Бельфаст спускались по склонам Скалистых гор и через два дня, загнав по дороге пятерых лошадей, прибыли одновременно со своими друзьями из «Пушечного клуба» в Сан-Франциско.

Эльфистон, Бломсбери-брат и Билсби кинулись к ним навстречу.

— Что делать? — кричали они.

— Вытащить снаряд, — отвечал Мастон, — и как можно скорее!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Спасение.

Место, где снаряд погрузился в волны, было точно известно, но какими средствами выловить его и поднять на поверхность океана?

Эти средства надо было тут же изобрести и изготовить. Такая безделица не могла, конечно, затруднить американских инженеров. Они были уверены, что при

помощи якорей и паровых машин им удастся поднять снаряд, вес которого к тому же должен был значительно уменьшиться благодаря плотности воды.

Но дело заключалось не только в подъеме снаряда. Надо было спасти путешественников. Никто не сомневался в том, что они еще живы.

— Они живы, живы! — беспрестанно повторял Мастон, заражая всех своею уверенностью. — Наши друзья — люди ловкие и сообразительные. Не могли же они упасть, как последние дураки. Они живы, но времени терять нельзя. Еда и питье — пустяки, всего этого им хватит надолго. Но воздух! Воздух! Вот в чем скоро может оказаться недостаток! Скорее, скорее! Не теряйте ни минуты.

И времени действительно не теряли.

На «Сускеганне» велись приготовления к новым работам. Все ее машины были присоединены к подъемным лебедкам. Алюминиевый снаряд весил всего 19 250 фунтов и, следовательно, гораздо легче трансатлантического кабеля, который корвет поднял со дна Атлантического океана. Единственное затруднение представляла коническая форма снаряда и его гладкие стенки, за которые трудно было ухватиться.

Инженер Мерчисон немедленно прибыл в Сан-Франциско, чтобы изготовить громадные автоматические железные захваты, которые, зацепив снаряд своими мощными лапами, уже не выпустили бы его, подняв до самой палубы корвета. Кроме того, Мерчисон распорядился заказать скафандры, которые благодаря своей прочности и водонепроницаемости позволяют водолазам исследовать морское дно. На корвет была также доставлена очень остроумно сконструированная камера со сжатым воздухом. Это была настоящая комната с иллюминаторами вместо окон. При наполнении ее резервуаров водой она могла погрузиться на очень большую глубину. Такие камеры, к счастью, уже применялись в бухте Сан-Франциско при постройке подводной плотины, и это значительно сократило срок подготовительных работ для подъема снаряда.

Однако, несмотря на совершенство оборудования, на все искусство ученых, которым предстояло им пользоваться, успех подъемных работ был сомнителен. Подъем снаряда с глубины двадцати тысяч футов мог представить много непредвиденных трудностей. Кроме того, вставал и другой вопрос: как вынесли обитатели снаряда страшный удар от соприкосновения с Землей, который вряд ли был в достаточной степени смягчен слоем воды в двадцать тысяч футов?

А главное, надо было торопиться. Мастон день и ночь подгонял рабочих. Сам он готов был на все: и напялить водолазный скафандр и залезть в воздушную камеру, лишь бы поскорее отыскать своих отважных друзей.

Однако, несмотря на быстроту изготовления различного оборудования, несмотря на крупные суммы, предоставленные правительством Соединенных Штатов «Пушечному клубу», прежде чем все подготовительные работы были закончены, прошло пять долгих дней, показавшихся всем пятью веками! За это время всеобщее нетерпение накалилось до предела. По проводам и электрическим кабелям по всему свету шел непрерывный поток телеграмм. Спасение Барбикена, Николя и Мишеля Ардана превратилось в международное дело. Все страны, подписавшиеся под займом «Пушечного клуба», были непосредственно заинтересованы в благополучном спасении путешественников.

Но вот подъемные цепи, воздушная камера и автоматические захваты были доставлены на борт корвета. Мастон, Мерчисон и делегаты «Пушечного клуба» заняли свои каюты. Оставалось только отправиться в путь.

21 декабря, в восемь часов вечера, корвет при благоприятной погоде вышел в море: дул северо-восточный ветер, было довольно холодно, и море было спокойно. Все население Сан-Франциско высыпало на набережную и безмолвно провожало отплывающих, приберегая овации к их возвращению.

«Сускеганна», быстро набирая пары, вышла из бухты.

Не будем передавать всех разговоров между офицерами, матросами и пассажирами корвета. Все думали только об одном, все сердца волновало только одно чувство: что испытывают Барбикен и его товарищи в то время, как идет подготовка к их спасению?! В состоянии ли они сами что-нибудь предпринять, чтобы высвободиться из снаряда? Все эти вопросы оставались, конечно, без ответа. Да и что бы ни предприняли мужественные путешественники, все их попытки неминуемо потерпели бы крах. На дне океана, на глубине около двух лье, все старания наших пленников были заранее обречены на неудачу.

23 декабря в восемь часов утра корвет должен был прибыть к месту рокового происшествия. Для точной ориентировки пришлось дожидаться полдня. Буй, к которому прикрепили трос, еще не был найден.

В полдень капитан Бломсбери с помощью офицеров, проверявших наблюдения в присутствии делегатов «Пушечного клуба», определил географические координаты судна. Томительная минута! «Сускеганна» находилась в нескольких километрах к западу от того места, где снаряд погрузился в волны.

Судно тотчас направилось к этой точке.

В сорок семь минут первого показался буй. Он был в полной исправности и его почти не отнесло.

— Наконец-то! — воскликнул Мастон.

— Что ж, начнем? — спросил капитан Бломсбери.

— Не теряйте ни секунды! — ответил Мастон.

Приняты были все меры, чтобы корвет держался на воде неподвижно.

Прежде всего, по мнению инженера Мерчисона, требовалось определить, где именно находится снаряд. Накачали воздух в подводные машины, предназначенные для поисков. Управление этими машинами представляло некоторую опасность: на глубине двадцати тысяч футов под водой машины подвергались очень значительному давлению, и любая их неисправность могла повлечь за собой гибельные последствия.

Мастон, Бломсбери-брат и Мерчисон, не думая об опасности, заняли места в подводной воздушной камере; капитан стал на мостике корвета для наблюде-

ния за спасательными операциями, готовый при первом же сигнале застопорить или отдать цепи. Винт корвета выключили, все машины переключили на лебедку, которая должна была в случае необходимости поднять камеру на борт.

Спуск камеры начался в 1 час 25 минут дня; под тяжестью наполненных водой резервуаров камера погрузилась в воду. Теперь весь экипаж корвета был в равной мере обеспокоен как участью спасаемых, так и судьбой спасителей. Что касается последних, то они, совершенно забыв о себе, прильнули к окнам камеры, внимательно вглядываясь в толщу окружавшей их воды.

Спуск совершился быстро. В 2 часа 17 минут Мастон и его два спутника достигли дна Тихого океана. Но они ничего не увидели, кроме бесплодной пустыни, не оживляемой никакими признаками морской флоры или фауны. Свет ламп, снабженных сильными рефлекторами, позволял вести наблюдения на значительном пространстве. Снаряда нигде не было видно.

Невозможно передать нетерпение отважных водолазов. Камера имела электрическое сообщение с корветом. Подали условный сигнал, чтобы «Сускеганна» переместила камеру, отстоявшую на несколько метров от самого дна океана, на милю дальше.

Водолазы обследовали подводную равнину, то и дело поддаваясь зрительным иллюзиям и тотчас же разочаровываясь. Они принимали за снаряд то подводную скалу, то какую-нибудь неровность дна.

— Где же они? Где они? — восклицал Мастон.

Бедняга громко призывал Николя, Барбикена, Ардана, как будто его злополучные друзья могли услышать и ответить ему сквозь непроницаемую толщу воды.

Поиски продолжались до тех пор, пока в камере не вышел весь кислород. Когда дышать стало трудно, водолазам пришлось возвратиться на поверхность.

Они начали подниматься около шести часов вечера, а на палубу корвета взошли только около полуночи.

— До завтра! — сказал Мастон, едва успев ступить на палубу.

— Да, до завтра, — ответил капитан Бломсбери.

— Будем искать в другом месте.

— Хорошо.

Мастон попрежнему не сомневался в успехе, но его товарищи после первых часов воодушевления и надежд поняли всю трудность задуманного предприятия. То, что казалось таким легким и возможным в Сан-Франциско, здесь — в открытом океане — представлялось почти неосуществимым.

Шансы на успех с каждой минутой таяли, и приходилось рассчитывать только на волю слепого случая.

На следующий день 24 декабря, несмотря на вчерашнюю усталость, розыски возобновились. Корвет переместился на несколько минут к западу, и наполненный воздухом воздушный колокол вместе с водолазами снова погрузился в океан.

Снова целый день прошел в бесплодных поисках. Морское дно было пустынно. В таких же тщетных розысках прошли дни 25 и 26 декабря.

Подумать только, злополучные узники снаряда были заключены в нем уже двадцать шесть дней... Может быть, как раз в эти минуты они переживали первые приступы удушья, если только они уцелели и выдержали страшный удар при падении? Вместе с воздухом их покидали и мужество и душевные силы!

— Воздух — допускаю, — неизменно отвечал на подобные догадки Мастон, — но мужество их не оставит никогда!

28 декабря, после новых двухдневных поисков, никакой надежды на спасение друзей уже не оставалось. В неизмеримой бездне океана снаряд был ничтожной песчинкой. Приходилось отказаться от бессмысленных розысков.

Но Мастон и слышать не хотел о возвращении. Он отказывался тронуться с места, прежде чем не найдет хотя бы могилы своих друзей. Капитан Бломсбери, однако, уже не мог задерживаться дольше и, несмотря на вопли и протесты секретаря «Пушечного клуба», отдал приказ готовиться к отплытию.

20 декабря, в девять часов утра, «Сускеганна», держа курс на северо-восток, снова двинулась к бухте Сан-Франциско.

Было десять часов утра. Корвет удалялся с небольшой скоростью, словно с сожалением покидая место катастрофы. Вдруг матрос, наблюдавший с брам-стеньги море, крикнул:

— На траверсе, под ветром буй!

Все офицеры схватились за подзорные трубы. Они разглядели в указанном направлении предмет, с виду похожий на бакен, служащий для указания фарватера в гаванях и на реках. Но, как это ни странно, на конической верхушке этого бакена, выступавшего на пять-шесть футов над водой, развевался по ветру флаг. В солнечных лучах буй сверкал, точно выплавленный из серебра.

Капитан Бломсбери, Дж. Т. Мастон, делегаты «Пушечного клуба» поднялись на мостик и безмолвно рассматривали странный, несущийся по прихоти волн предмет.

Все глаза с еле сдерживаемым лихорадочным волнением были устремлены на замеченный буй. Никто не осмеливался высказать догадку, вертевшуюся у всех на языке.

Корвет приблизился к бую на расстояние двух кабельтовых. Весь экипаж корвета вздрогнул как один человек. Флаг был американский.

В эту минуту раздалось какое-то странное рычание, и почтенный Мастон снопом повалился на палубу. Забыв о том, что его правая рука заменена железным крюком, и о том, что череп его покрыт лишь тонким гуттаперчевым колпачком, он изо всех сил хватил себя крюком по голове.

Все бросились к нему. Его подняли, привели в чувство.

— Ах! трижды болваны! четырежды идиоты! пятикратно дураки! — выкрикивал он, едва придя в сознание.

— Что? Кто? Почему? — посыпалось на него со всех сторон. — Что такое?

— Как что такое?

— Да объясните же, наконец! В чем дело!

— Да в том, безмозглые головы, что снаряд весит всего-навсего девятнадцать тысяч двести пятьдесят фунтов! — проревел пылкий секретарь «Пушечного клуба».

— Ну и что?

— А то, что он вытесняет двадцать восемь тонн воды или пятьдесят шесть тысяч фунтов, и, следовательно, должен был всплыть на поверхность.

Трудно передать, с какой неподражаемой интонацией произнес почтенный секретарь это слово «всплыть»!..

Он был совершенно прав.

Все! Да, все ученые забыли основной закон, по которому снаряд благодаря своему весу, погрузившись при падении вглубь океана, вскоре должен был непременно всплыть на поверхность!.. И вот теперь снаряд преспокойно колыхался на морских волнах.

На море были тотчас же спущены шлюпки; в одну из них вскочили Мастон и его приятели. Волнение достигло высшего предела. В то время как шлюпки приближались к снаряду, все сердца готовы были разорваться. Что сталось с пассажирами снаряда! Живы ли они, или умерли? Ну, конечно, живы! Живы, если только смерть не настигла Барбикена и его товарищей уже после того как они выкинули флаг!

На шлюпках царило глубокое безмолвие. Сердца замирали. В глазах темнело.

Одно из окон снаряда было отворено. Осколки стекла, торчавшие в раме, доказывали, что оно было разбито. Это окно находилось сейчас на высоте пяти футов над водой.

Шлюпка, где сидел Мастон, причалила к снаряду. Мастон рванулся к разбитому окну.

В эту минуту послышался веселый и звонкий голос Ардана, который победоносно возглашал:

— Пустышки, Барбикен, со всех сторон — пустышки!

Барбикен, Мишель Ардан и Николь играли в домино.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Заключение.

Читатель помнит, с каким волнением и сочувствием все провожали смелых путешественников. Если начало дерзкого предприятия вызвало такое возбуждение и в Новом и Старом Свете, то с каким же энтузиазмом должно было встретить население обоих полушарий Земли их возвращение?! Миллионы наводнивших Флоридский полуостров приезжих готовы были ринуться навстречу славным исследователям. Никто из несметного множества иностранцев, съехавшихся со всех концов света к американским берегам, не допускал и мысли, что покинет территорию Соединенных Штатов, не повидав Барбикена, Николя и Мишеля Ардана. Нет, конечно, — и это страстное желание людей было достойным ответом на благородный подвиг. Три представителя человеческого рода, покинувшие земной шар и возвратившиеся из необычного путешествия по пространствам вселенной, принимались с таким же восторгом, с каким был бы встречен сам пророк Илия, спустись он с небес на Землю в своей колеснице. Только бы их увидеть, только бы их услышать, — таково было всеобщее желание.

Это желание поголовно всех граждан Соединенных Штатов необходимо было удовлетворить и при этом как можно скорее.

Барбикен, Ардан и Николь в сопровождении друзей немедленно отправились в Балтимор, где были встречены с неописуемым энтузиазмом. Путевые заметки Барбикена были тотчас же подготовлены к печати. «Нью-Йорк геральд» не замедлил купить эту рукопись за цену, еще не установленную достоверно, но, должно быть, баснословную. И то сказать, пока на страницах газеты печаталось «Путешествие на Луну», тираж ее достиг пяти миллионов экземпляров. Через три дня после того как путешественники возвратились на Землю, малейшие подробности их странствований были уже известны всему свету. Теперь публика жаждала видеть трех героев сверхчеловеческого подвига.

Исследования, произведенные Барбикеном и его спутниками, дали возможность проверить различные теории, относящиеся к земному спутнику. Ведь эти ученые все наблюдали de visu [1] и в совершенно особых условиях. Теперь стало ясно, наконец, какие из гипотез относительно строения, происхождения и обитаемости Луны должны быть отброшены, а какие приняты; путешественники открыли последние тайны прошлого Луны, ее настоящего и будущего. Трудно было спорить с исследователями, которые видели гору Тихо, самое поразительное орографическое явление лунного диска, с расстояния сорока километров; трудно возражать ученым, чьи глаза погружались в пропасти цирка Платона... Что можно было противопоставить показаниям трех храбрецов, которые благодаря случайностям своего странствия пролетели над невидимым полушарием лунного диска, до сих пор недоступного зрению человека? Они имели теперь право диктовать законы науке, воссоздающей лунный мир, как в свое время Кювье воссоздавал скелеты ископаемых животных. Они могли сказать: Луна была тем-то и тем-то — обитаемым миром в эпохи, предшествующие появлению жизни на Земле! Теперь Луна — то-то и то-то — мир, непригодный для жизни и потому необитаемый.

Желая отпраздновать возвращение знаменитейшего своего члена и его товарищей, «Пушечный клуб» решил задать пир, но пир такой, который был бы достоин и отважных исследователей и американского народа, — пир, в котором могли бы принять участие все американцы.

Все основные линии железных дорог Америки были соединены рельсами между собою. На всех станциях железных дорог были вывешены одинаковые флаги, сооружены одинаковые пиршественные столы, с совершенно одинаковой сервировкой. В точно вычисленное время, по электрическим часам, отбивавшим секунды во всех концах Америки одновременно, все население приглашалось занять места за столами этого небыва-

[1] Воочию *(лат.)*.

лого пира. В продолжение четырех дней, с 5 до 9 января, все движение железных дорог было приостановлено, как это бывает в Соединенных Штатах по воскресеньям, и все пути оказались свободными.

И в течение четырех дней один только паровоз, с прицепленным к нему почетным вагоном, с неимоверной быстротой курсировал по железным дорогам Соединенных Штатов.

На этом паровозе, кроме машиниста и кочегара, было разрешено в виде особой милости поместиться и уважаемому секретарю «Пушечного клуба» — Дж. Т. Мастону.

Почетный вагон предназначался для председателя «Пушечного клуба» Барбикена, капитана Николя и Мишеля Ардана.

По свистку машиниста поезд тронулся с Балтиморского вокзала, сопровождаемый оглушительным «ура» и всеми восторженными междометиями, какие только существуют у американцев. Поезд летел со скоростью восьмидесяти лье в час. Но что значила такая скорость по сравнению с вылетом наших героев из колумбиады?

Герои торжества мчались из города в город, встречая на своем пути за пиршественными столами все население, которое приветствовало их восторженными кликами. Таким образом они прокатились по восточным штатам, через Пенсильванию, Коннектикут, Массачусетс, Вермонт, Мэн и Нью-Брансуик; пересекли с севера на запад Нью-Йорк, Огайо, Мичиган и Висконсин; пронеслись на юг через Иллинойс, Миссури, Арканзас, Техас и Луизиану; перерезали юго-восток через Алабаму и Флориду, через Джорджию и обе Каролины; они посетили центры Теннесси, Кентукки, Виргинии, Индианы и, наконец, через Вашингтон возвратились в Балтимор.

Нашим друзьям казалось, что в течение четырех дней вся Америка, восседавшая за одним общим колоссальным пиршественным столом, в одну и ту же секунду приветствовала их мощным единогласным «ура».

Апофеоз был достоин героев. Живи они в древнейшие времена, мифы, несомненно, причислили бы их к полубогам.

Какой же практический результат дало это путешествие на Луну, не сравнимое ни с одним путешествием, увековеченным в летописях человечества? Есть ли возможность завязать когда-либо непосредственные сношения с Луной? Установится ли особого рода воздушное сообщение по солнечной системе? Возможен ли перелет с планеты на планету, с Юпитера на Меркурий, а впоследствии — со звезды на звезду, например с Полярной звезды на Сириус? Какой способ передвижения даст людям возможность посетить все светила, которыми усеян небесный свод?

Ответить на все эти вопросы трудно, но, принимая в соображение неисчерпаемую изобретательность англосаксонской расы, никто не удивится, если американцы попытаются извлечь пользу из первого опыта Барбикена.

Спустя некоторое время после возвращения путешественников с Луны появились объявления о создании «Национального общества межзвездных сообщений» с капиталом в сто миллионов долларов, выпустившего сто тысяч акций. Председателем общества был избран Барбикен, вице-председателем — капитан Николь, секретарем по административной части — Мастон, а директором службы движения — Мишель Ардан.

Население Соединенных Штатов отнеслось к этому начинанию чрезвычайно благосклонно, однако, со свойственной американцам деловой предусмотрительностью, была заранее создана, на случай банкротства, и арбитражная комиссия во главе с судьею-комиссаром Гарри Тролоппом и его помощником синдиком Фрэнсисом Дайтоном.

1870 г.

КОММЕНТАРИЙ

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Роман Жюля Верна «Пять недель на воздушном шаре», первый из серии «Необыкновенные путешествия», вышел в свет в январе 1863 года.

В этой книге писатель смело объединил воедино и облек в художественную форму две научные проблемы того времени. управляемое воздухоплавание и исследование Центральной Африки.

В те годы таинственная пелена, многие тысячелетия скрывавшая от европейцев Черную Африку, казалось, начала рассеиваться. Одна за другой отправлялись научные экспедиции, стремящиеся, преодолев пустыни и тропические леса, полные опасностей, проникнуть в сердце материка, где находились истоки Нила

Многоводный Нил был колыбелью одной из величайших цивилизаций древности. Но его истоки терялись далеко на юге, куда не могли проникнуть египтяне И вопрос о том, откуда Нил берет свои воды, оставался в течение нескольких тысячелетий предметом бесплодных и туманных догадок.

Древнегреческий историк Геродот, который в V веке до нашей эры поднимался вверх по Нилу до его первых порогов, считал, что Нил начинается далеко на западе, где-то в области озера Чад. Александрийский ученый Эратосфен, через два века после Геродота, рассказывал о двух озерах близ экватора, питающих великую реку. Спустя еще два столетия Птолемей приводил рассказ о том, что воды Нила вытекают из озера, лежащего на западе, двадцать пять дней текут под землей и выходят на по-

верхность только в Египте Арабы, завладевшие в средние века всей Северной Африкой, утверждали, что Нил падает с неба, «истоки его — в раю»...

Во второй половине XIX века европейцы начали «открытие Африки»: развивалась европейская промышленность, и нужны были новые рынки и новые источники сырья. Если на первую половину столетия падает всего двадцать одно путешествие европейцев по Африке, то во вторую половину состоялось двести две экспедиции. В неисследованную и никем еще не завоеванную часть света устремились колонизаторы, торговцы, миссионеры, авантюристы, но среди путешественников были и настоящие ученые, бескорыстно преданные интересам науки.

В 1849—1854 годах к истокам Нила пытался проникнуть доктор Генрих Барт. Он шел с севера. С юга, навстречу ему, в 1852 году вышел крупнейший исследователь Африки доктор Давид Ливингстон. С востока, имея опорной базой Занзибар, в 1857 году отправилась экспедиция Лондонского географического общества, во главе которой стояли Ричард Бёртон и Джон Спик. На скрещении путей этих трех экспедиций лежала неведомая страна, где не бывал ни один европеец, — сердце Африки с таинственными истоками Нила. Но ни одной экспедиции не удалось достигнуть желанной цели — трудности были слишком велики: спутники Барта погибли в пути, а его самого едва не убили туземцы, силы Ливингстона были истощены тропической лихорадкой и цынгой, Бёртон и Спик страдали от голода и жажды и едва не ослепли.

Доктор Фергюссон, герой Жюля Верна, вместе с двумя спутниками совершили за несколько недель то, на что его действительные предшественники потратили много лет мучительного труда. Его экспедиция отправилась из Занзибара 18 апреля 1862 года, 23 апреля была у истоков Нила, а 24 мая достигла французских владений на реке Сенегал.

Это необычайное путешествие оказалось возможным благодаря фантастическому изобретению доктора Фергюссона — управляемому воздушному шару. Мечта писателя воплотилась в жизнь через два десятилетия, когда появились первые управляемые воздушные корабли — дирижабли, могущие летать против ветра. Но при фантастической посылке в остальном роман выдержан в реалистических тонах: в описании Африки Жюль Верн следовал запискам европейских путешественников, в описании воз-

душного шара «Виктория» и его эволюций — истории воздухоплавания, которую хорошо знал.

В эти годы, когда писался роман Жюля Верна, внимание Франции было приковано к воздухоплаванию. Изобретатель Гайтон-Морво предложил особые весла и руль для управления воздушными шарами, Петен для той же цели — четыре шара, соединенные воедино и снабженные горизонтальными парусами, Анри Жиффар еще в 1852 году показывал парижанам свой «летающий пароход» — продолговатый аэростат с длинной гондолой, снабженный паровой машиной. Но увы! ни один аэронавт не мог справиться с ветром. Поэтому, вместо того чтобы бороться с ним, появилась мысль использовать ветер: поднимаясь и опускаясь, отыскивать в разных слоях атмосферы воздушные потоки нужного направления.

Но как заставить шар подниматься и опускаться, не расходуя газа и не тратя балласта? Менье стремился достигнуть этого, накачивая в оболочку шара сжатый воздух, Ван-Хекке проектировал вертикальные крылья и винты. Но все было безуспешным. Решить эту задачу, в фантастическом плане конечно, удалось только Жюлю Верну.

Его идея температурного управления воздушным шаром, подробно описанная в романе, чрезвычайно проста и технически совершенно правильна, за исключением лишь одной «мелочи»: разложение воды в нужном количестве потребовало бы таких огромных батарей, которые шар не смог бы поднять в воздух.

Об этом, конечно, хорошо знал сам Жюль Верн. Но это фантастическое допущение ему было нужно для того, чтобы его мечта стала реальностью — хотя бы на страницах романа.

Как использовал писатель историю воздухоплавания, говорит следующий пример. Аэронавты Бланшар и Джефрис, первые перелетевшие в 1785 году из Дувра в Кале, плохо рассчитали подъемную силу своего шара. Поэтому, уже находясь над морем, они побросали вниз не только балласт, но инструменты, провизию и даже одежду.

Подобный эпизод переживают и герои романа Жюля Верна.

За исключением фантастической горелки Жюль Верн в основном почти не уклонялся от реальной действительности того времени. «Виктория», объемом в 3300 кубических метров, даже меньше, чем «Гигант», объемом в 6000 кубических метров, который строил в то время знаменитый аэронавт Надар — друг

Жюля Верна. Два шара, расположенные один в другом, были применены и Надаром в его «Гиганте».

Конечно, за столетие, которое почти истекло со дня выхода в свет романа «Пять недель на воздушном шаре», в Африке многое изменилось: неточными оказались некоторые рассказы путешественников, записками которых пользовался Жюль Верн, названия многих стран, городов, гор, рек стали иными, исчезли с карты Лунные горы древних географов, и на этом месте высится гора Рувензори — третья по высоте вершина материка. Но природу и животный мир Африки французский писатель изобразил в основном верно.

Основываясь преимущественно на рассказах европейских путешественников, Жюль Верн сильно преувеличил дикость и воинственность многих африканских племен. Местное население недружелюбно встречало только таких чужеземцев, в которых видело своих врагов. И не случайно был убит «бешеный белый путешественник» Мунго Парк: он был так свиреп, что жители берегов Нигера десятки лет после его смерти с ужасом вспоминали о совершенных им злодеяниях. С другой стороны негры боготворили доктора Ливингстона, который много отдал сил борьбе с работорговлей. Позже Жюль Верн, ближе познакомившись с биографией Ливингстона, выступил (в романе «Пятнадцатилетний капитан») со страстной защитой туземного населения и с обвинением европейских держав в организации африканской работорговли.

Географическая фантастика Жюля Верна обогнала реальную жизнь лишь на один год. В 1863 году Дж. Спик и Дж. А. Грант, вышедшие из Занзибара в конце 1860 года, достигли того места, где Нил вытекает из озера Виктория, образуя ряд водопадов, — совсем так, как это описано в романе. Однако позже выяснилось, что это не настоящие истоки Нила: подлинной родоначальницей великой реки оказалась речка Кагера, открытая и исследованная Генри Стенли в 1875 году.

Окончательно проблему водораздела главных африканских рек — Нила, Конго и Нигера — решил русский путешественник В. В. Юнкер, пробывший в Восточном Судане, над которым пролетали герои Жюля Верна, в общей сложности десять лет — с 1875 года, когда он отправился в свою первую экспедицию, и кончая 1887 годом, когда он прибыл в Петербург, где его давно считали погибшим.

К. Андреев

С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ

ВОКРУГ ЛУНЫ

Проблема космических путешествий — одна из самых интересных, самых захватывающих научно-технических проблем, в течение многих веков волновавшая, да и поныне волнующая воображение изобретателей, ученых, писателей.

Несмотря на то, что романы Жюля Верна «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» были написаны около девяноста лет тому назад, в этих произведениях читатель найдет немало научных положений и фактов, бесспорных и при современном уровне знаний.

Однако многое уже устарело, многое оказывается неверным. Поучительно взглянуть на научную сторону романов Жюля Верна с точки зрения науки сегодняшнего дня, когда, по словам академика Н. А. Несмеянова, посылка стратоплана на Луну стала уже реальной возможностью.

1

Еще знаменитый английский ученый Ньютон, открывший закон всемирного тяготения, подверг строгому математическому анализу вопрос о возможности космических путешествий.

Представим себе, рассуждал Ньютон, что мы стреляем с вершины гигантской горы из артиллерийского орудия, ствол которого направлен строго параллельно поверхности Земли. Вот мы произвели выстрел, ядро вылетело и под влиянием притяжения

Земли, описав крутую дугу, упало недалеко от подножия горы. Прибавим в заряд пороху и выстрелим снова. Дуга, описываемая снарядом, станет более пологой, и упадет он дальше от основания горы, чем первый снаряд. Еще и еще добавим пороха. Все более и более пологими будут траектории снарядов. И, наконец, настанет момент, когда кривизна этих траекторий сравняется с кривизной земного шара. В этом случае снаряд никогда не сможет упасть на Землю, он будет вечно вращаться вокруг нее, так же как вечно вращается вокруг Земли Луна. Снаряд станет второй Луной, искусственным спутником Земли.

А что же будет, рассуждал дальше Ньютон, если мы еще увеличим заряд орудия? Траектория вытянется, из круга превратится в эллипс. При дальнейшем увеличении зарядов эллипс становится все более вытянутым и, наконец, разрывается: снаряд полетит теперь не по замкнутой эллиптической траектории, а по разомкнутой параболической. Он никогда уже не вернется на Землю. Конечно, во всех этих рассуждениях не учитывается сопротивление воздуха.

Ньютон вычислил и скорость, с которой должен вылететь из дула орудия снаряд для того, чтобы навсегда покинуть Землю Эта скорость оказалась очень большой — около одиннадцати километров в секунду.

Сообщить снаряду скорость порядка одиннадцати километров в секунду — вот первое условие, необходимое для того, чтобы снаряд, космический корабль мог отправиться в межпланетный рейс. Из этого и исходил Жюль Верн в своих романах. Но единственным возможным средством для достижения этой огромной скорости в 1865 году, когда был написан роман «С Земли на Луну», казался ему выстрел из артиллерийского орудия.

Так ли это? Можно ли выстрелом придать снаряду скорость, необходимую для космического путешествия?

Точные расчеты отвечают на этот вопрос отрицательно. Даже самые сильные взрывчатые вещества, известные нам сегодня (кроме атомных), не содержат в себе для этого достаточного количества энергии. Представим себе, что мы в абсолютной пустоте взорвали кусочек такого взрывчатого вещества. Вся скрытая химическая энергия вещества перейдет при этом в кинетическую энергию разлетающихся газов горения. Ничто не мешает их разлету, они будут двигаться с максимальной скоростью, на которую только способны. Но расчеты показывают, что эта ско-

рость будет еще очень далека от космической, не свыше трех с половиной километров в секунду.

Правда, если взрыв произвести на дне канала орудия, имеющего только один выход для газов, скорость выходящих газов может превысить эту величину. Произойдет это за счет того, что часть газа у закрытой тыльной части дула останется неподвижной и ее энергия как бы передастся тем частицам, которые имеют возможность свободно двигаться. Но и в этом случае частицы газа, образующегося при взрыве, не смогут развить космической скорости.

Очевидно, еще меньшую скорость может приобрести снаряд, движимый этими потоками газов. Опыты показали, что даже в тех случаях, когда снаряд весит значительно меньше, чем пороховой заряд, в самом длинном орудии его не удается разогнать до скорости, превышающей пять-шесть километров в секунду. Из обычного, даже самого крупного артиллерийского орудия нельзя выпустить снаряд в мировое пространство.

Правда, в последнее время ученые научились концентрировать энергию большого взрыва в небольшом объеме. Для этого струи разлетающегося газа направляют таким образом, что их энергия как бы складывается, и небольшое количество этих газов приобретает скорости, в несколько раз превосходящие ту, которая необходима для космического корабля. Это явление называют комуляцией. Но, во-первых, трудно, почти невозможно, представить себе снаряд, который сможет выдержать гигантские давления и температуры, возникающие в точке концентрации энергии, точке схода газовых струй взрыва. А во-вторых, его пассажиры не выдержат гигантских ускорений, с которыми этот снаряд начнет двигаться...

2

Ускорение... С этим понятием связано второе условие возможности осуществления космического полета для снаряда с живым экипажем.

Ускорение — это прирост скорости тела за секунду. Скорость тела, падающего под действием притяжения Земли, за каждую секунду увеличивается почти на десять метров в секунду. Притяжением Земли объясняется, в частности, и ощущаемый нами

вес предметов. И вот, оказывается, что человеческий организм, привычный к земным условиям, может выдержать далеко не любое ускорение. Оказывается, что максимальное ускорение, которое может выдержать человек, да и то лишь кратковременно, не превышает семидесяти — восьмидесяти метров в секунду за секунду. И при этом ускорении человек чувствует себя так, словно все его члены налиты свинцом. Действительно, если в нормальных условиях человек весит семьдесят килограммов, то при таком ускорении он будет весить более полтонны! Каждый кулак превратится чуть ли не в десятикилограммовую гирю, а к ногам словно будут привешены гири по добрых полсотни килограммов!

У Жюля Верна снаряд имел в момент выстрела ускорение около трехсот тысяч метров в секунду за секунду. Вес каждого предмета в снаряде в этот момент увеличился в тридцать тысяч раз. Легкая шапочка, весящая всего сто граммов, на голове космического путешественника при таком ускорении способна раздавить своего хозяина — она весит в этот момент свыше трех тонн! Да и без нее путешественники были бы раздавлены своей собственной тяжестью — ведь их вес составлял бы в этот момент тысячи тонн! Использование воды в качестве пружины для уменьшения влияния ускорения не может практически оказать никакого влияния.

Интересно проследить, как от романа к роману увеличивались знания самого Жюля Верна, никогда не перестававшего учиться, и как умело он исправлял свои ошибки, стремясь согласовать содержание своих романов с последними данными науки.

В первом романе «С Земли на Луну», разбирая вопрос о скорости, которую должен развить снаряд, Барбикен не учитывал сопротивление воздуха полету снаряда: «...атмосфера простирается на высоту всего каких-нибудь сорока миль, — заявляет он. — При скорости в двенадцать тысяч ярдов снаряд пролетит это расстояние в пять секунд, и за такой короткий промежуток времени можно пренебречь сопротивлением среды».

Видимо, за годы, отделяющие написание первого романа от второго, Жюль Верн узнал о тех колоссальных сопротивлениях, которые оказывает воздух быстро движущемуся в атмосфере телу. И пассажирам ядра приходится пережить на страницах второго романа несколько неприятных минут, когда Барбикен вспоминает, что не учтено уменьшение скорости от трения и снаряд благодаря этому может вернуться на Землю.

3

Как мы видим, пушка и ядро представляют непригодную систему для космического полета. Но ни в 1865 году, когда писался роман «С Земли на Луну», ни в 1870 году, когда появилось его продолжение — «Вокруг Луны», Жюль Верн не знал и не мог знать о единственном реальном способе осуществления космических полетов — использовании реактивного движения. Первый проект летательного аппарата, работающего по этому принципу, создал замечательный русский революционер и ученый Николай Иванович Кибальчич в 1881 году. Работы Константина Эдуардовича Циолковского, ученого, открывшего человечеству путь к звездам, также появились значительно позднее названных романов Жюля Верна и вряд ли были ему известны.

В чем же сущность идеи, впервые высказанной Кибальчичем, математически обоснованной и развитой Циолковским, а ныне уже воплощенной в конкретных работоспособных конструкциях?

Всем известно, что ружье при выстреле «отдает». Огкатывается в момент выстрела и тяжелое артиллерийское орудие. Нередко считают, что и отдача ружья и откат орудия обьясняются тем, что вылетающие из дула пороховые газы отталкиваются от воздуха. Но это неправильно. И отдача и откат происходили бы точно так же и в абсолютной пустоте. Отталкивает назад ружье и откатывает орудие ничем не уравновешенное давление газов на заднюю стенку ствола.

Циолковский не только объяснил это явление и предложил его использовать для целей космического полета, но и вывел основные законы и формулы реактивного движения. Этими формулами Циолковского и доныне пользуются конструкторы реактивных двигателей. А такие двигатели разных типов находят все более широкое применение. Они помогли нам победить на фронтах Отечественной войны, где широко использовались легендарные «катюши», они позволили резко повысить скорости самолетов, которые нынче почти обогнали звук. Реактивные двигатели позволили значительно поднять «потолок» высоты, достигнутый человеком. Ныне ракеты с автоматически записывающими или радиопередающими приборами поднялись уже на высоту свыше четырехсот километров над земной поверхностью. С этой высоты очень неотчетливо видны подробности земного рельефа, заслоненного слоями облаков, но зато совершенно отчетливо видна шаро-

образность Земли. Недалеко то время, когда подобная ракета отправится и в первый космический рейс.

Что же встретили в космическом пространстве смелые путешественники Жюля Верна и что действительно могут встретить там наши космонавты?

4

Два метеора, точнее небольших астероида, попались на пути Барбикена и его спутников за время всего космического полета. Один из них искривил траекторию ядра, и это спасло его пассажиров от падения на поверхность Луны. Конечно, он не был вторым спутником Земли, гипотеза о существовании у Земли второго спутника давно оставлена астрономами. Второй метеор встретился им у Луны — где он «воспламенился»... вне атмосферы. В данном случае писатель допустил неточность. Когда мы в ясные ночи видим на небосклоне светящиеся следы «падающих звезд», мы знаем, что вызываются они «трением» стремительно летящего метеора в верхних слоях земной атмосферы. На Луне нет газовой оболочки. Поэтому свечения метеоров там быть не может.

Пассажирам космических ракет, которые отправятся с Земли на Луну и на другие планеты, не раз, видимо, придется повстречаться на своем пути с метеорами. По современным научным данным, в космическом пространстве близ Земли метеоры весом в десятки милиграммов находятся на расстоянии пятидесяти — ста километров друг от друга. Более крупные метеоры встречаются, конечно, значительно реже. Однако, если учесть, что расстояние, которое должен преодолеть космический корабль для того, чтобы, например, достичь Марса, измеряется сотнями миллионов километров, а полет должен продлиться несколько месяцев, станет очевидным, что встреча с метеором не такая уж невозможная вещь. По всей вероятности, эти встречи будут неизбежны. И очень мало приятного принесут они пассажирам космических кораблей.

Дело в том, что метеоры в космическом пространстве движутся с колоссальными скоростями, в несколько десятков километров в секунду. При столкновении с обшивкой космического корабля вся кинетическая энергия такого метеора мгновенно перейдет в тепловую, вещество метеора превратится в пар, зани-

мающий в первый момент объем метеора и, значит, находящийся под очень высоким давлением. Этот пар, расширяясь, произведет взрыв, приведущий к разрушению корпуса ракеты. Расчеты показывают, что метеор весом в один грамм, имеющий скорость тридцать километров в секунду, встретившись с кораблем, может выбить из корпуса корабля до пяти — десяти килограммов стального покрытия, пробить стальную стенку толщиной в несколько десятков сантиметров.

Трудно в настоящее время говорить о мерах борьбы с метеорной опасностью для космического корабля. Однако уже сейчас очевидно, что будет применена двойная обшивка космических кораблей. Крупные метеоры, видимо, будет возможно обнаруживать с помощью радиолокаторов на достаточном расстоянии и избегать встреч с ними лавированием корабля.

5

Несколько страниц посвятил Жюль Верн описанию ощущения невесомости при прохождении снарядом области, где силы земного и лунного притяжения равны и как бы уравновешивают друг друга. На самом деле невесомость должна была появиться в снаряде в тот момент, когда он покинул жерло орудия и полетел по инерции. В космической ракете явление невесомости будет возникать всегда, когда будут выключены ее двигатели.

Насколько неблагоприятно отразится невесомость на человеческом организме, сказать сейчас трудно. Кратковременное — в течение нескольких секунд — отсутствие тяжести человек переносит без всяких осложнений. Не было обнаружено изменений и в организмах животных после пребывания их в свободно падающей с высоты ста пятидесяти километров ракете, когда состояние невесомости продолжалось значительно дольше.

Во всяком случае, создать искусственно тяжесть в космическом корабле путем ли систематической работы двигателей, благодаря чему корабль будет двигаться ускоренно, приданием ли ему вращения, чтобы центробежная сила заменила силу тяжести, будет не сложно.

Пассажиры снаряда в романе Жюля Верна вели систематические научные наблюдения. В частности, их интересовал вопрос о том, какова температура межпланетного пространства. В ро-

мане указано, что температура межпланетного пространства оказалась около 140° ниже нуля по Цельсию.

По данным современной науки, это не соответствует действительности. Температура межпланетного пространства в области, заслоненной от лучей солнца, так сказать «в тени», близка к абсолютному нулю и равна 270° ниже нуля.

6

Подлетая к Луне, герои Жюля Верна с жаром обсуждают те условия, которые их там ожидают. Жюль Верн дает достаточно точное описание лунной поверхности, рассказывает о холодных длинных ночах и жарких днях, приводит доводы за то, что на видимой с Земли стороне Луны нет ни воды, ни атмосферы.

Относительно другого полушария Луны в то время существовало много различных гипотез. Одной из них и воспользовался Жюль Верн, описывая пейзаж невидимой с Земли стороны Луны, открывшийся пассажирам в момент встречи снаряда с болидом. Однако сейчас можно с уверенностью сказать, что условия на Луне везде одинаковы. Нигде нет там сколь-либо ощутимой атмосферы.

Следует отметить, что земное притяжение отнюдь не причастно к потере Луной ее газовой оболочки. Луна просто не может удержать на своей поверхности достаточно ощутимую атмосферу — она слишком мала для этого. Как известно, всякий газ состоит из хаотически движущихся молекул. Скорость движения этих молекул зависит от температуры и состава газа. Так для азота средняя скорость движения молекул при температуре 0° равна 490 метрам в секунду, для кислорода 460 метрам в секунду и так далее. Однако в газе всегда имеются молекулы, движущиеся в данное мгновение со скоростью значительно большей, чем средняя. Могут оказаться в нем молекулы, скорость которых превысит критическую, то есть ту, при которой частица газа может улететь от планеты как крохотный космический снаряд. Для Земли, как мы уже знаем, критическая скорость равна почти одиннадцати километрам в секунду — приобрести такую скорость молекуле газа в атмосфере Земли сравнительно трудно. Для Луны же критическая скорость оказывается меньше: два с половиной километра в секунду — такую скорость молекула газа может приобрести довольно легко. Расчеты показывают, что если у Луны когда-нибудь и была атмосфера, она должна была рас-

сеяться целиком всего за несколько десятков тысяч лет. Согласно современным космогоническим гипотезам Земля и Луна — сестры-планеты — образовались примерно одновременно. Значит, прошло уже несколько миллиардов лет с тех пор, как Луна потеряла свою атмосферу.

По тем же причинам на поверхности Луны нет воды ни в твердом, ни в жидком виде, ни в виде пара. В первых двух состояниях она не смогла бы существовать в жаркие лунные «дни», когда поверхность нашего спутника нагревается до 100—120° выше нуля. В парообразном же состоянии она должна была рассеяться в пространстве, не удерживаемая слабым лунным притяжением. Итак, если на Луне и была когда-нибудь вода, она давно рассеялась в космическом пространстве. Барбикен и Николь не могли увидеть на вершинах лунных гор снега и ледники, как не увидят их и космонавты недалекого будущего. Кстати говоря, высота лунных гор не только относительно к диаметру планеты выше земных, но несколько выше их и абсолютно. Так, высочайшая из лунных вершин имеет высоту почти девять километров, Эверест — высочайшая вершина земного шара — поднимается над уровнем моря на 8882 метра. Правда, на Луне нет морей, и в этом сравнении не учитывается глубина земных впадин, скрытых поверхностью моря.

Луна безжизненна и, видимо, всегда была такой. Ежедневно и ежечасно поверхность Луны бомбардируется потоком мелких и крупных метеоров. Не испытывая торможения и не распыляясь в атмосфере, как это бывает при падении метеоров на Землю, они со скоростью в несколько десятков километров в секунду ударяются о лунную поверхность. При этом происходят сильные взрывы, приводящие к тому, что с лунной поверхности в пространство вылетает значительно большая масса, чем та, которая падает. Поверхность Луны имеет чрезвычайно пористое строение и, видимо, покрыта толстым слоем пыли, образовавшейся из-за резкой смены температуры дня и ночи, из-за взрывов бесчисленных метеоров.

В романе «С Земли на Луну» Жюль Верн коротко излагает космогонические гипотезы происхождения звезд и солнечной системы. Эти гипотезы только в общих чертах похожи на современные. Сейчас считают, что звезды могли образоваться не только несколько миллиардов лет тому назад, но что процесс звездообразования продолжается и поныне. Внешние периферийные части газовой или пылевой материи пошли на образование планет.

Таким образом, сейчас, как и во времена Жюля Верна, считают, что Солнце и планеты образовались из единой газопылевой материи.

Однако нельзя согласиться с мнением Барбикена о том, что существование жизни на Земле обязано ее внутреннему теплу и что через четыреста тысяч лет Земля остынет и превратится в ледяную могилу человечества.

Во-первых, основным источником тепловой энергии, обеспечивающим на поверхности Земли ее среднюю температуру, является Солнце. Постоянная интенсивность солнечного излучения поддерживается ядерными реакциями, происходящими в недрах Солнца. Во всяком случае, в течение ближайших нескольких миллиардов лет ослабления солнечного излучения ожидать нет никаких оснований.

Во-вторых, и внутреннее тепло земного шара, роль которого в тепловом балансе поверхности невелика, поддерживается за счет ядерных реакций радиоактивных элементов, содержащихся в земной коре. Причем, сказать определенно, происходит ли в настоящее время разогрев глубинных областей нашей планеты или их охлаждение, современная наука еще не может.

Читая романы Жюля Верна, воочию видишь прогресс науки и техники. Замечаешь это не только по развитию основных проблем, поднимаемых писателем, но и в тех бесконечных по количеству мелких научных сообщениях, намеках, которыми пестрят его романы. Оказывается, Жюль Верн еще не знал, что скорость электрического тока равна скорости света, оказывается, он предполагал, что углерод, входящий в состав метеоритов, может иметь только органическое происхождение, верил в существование эфира, наличие которого отвергнуто современной наукой. И это не «промахи», «не ошибки» писателя, а уровень знаний того века, в котором он жил и творил.

7

Как же, в какой последовательности будет происходить решительный штурм неба, воплощение в жизнь этой еще не осуществленной мечты Жюля Верна?

Совсем недавно мы представляли себе старт космического корабля с Земли в виде одновременного взлета целой армады — нескольких сотен — связанных друг с другом ракет. Полыхая

фонтанами пламени из своих бесчисленных дюз, армада взлетает в небо. Но едва ракеты успели сжечь половину топлива, далеко еще не развив космической скорости, начинается переливание оставшегося топлива в половину ракет, так что половина армады возвращается на Землю, а другая с полными баками продолжает полет. Снова сгорает половина топлива, снова начинается переливание остатков и т. д., пока, наконец, единственная, последняя ракета не приобретает требующейся скорости — одиннадцати километров в секунду.

Каждому ясно, как это неудобно и как это трудно осуществимо.

Предлагался и другой вариант — конструкции составных ракет, которые по мере сгорания в них топлива отделяются и возвращаются на Землю. К сожалению, и этот вариант немногим улучшал положение.

Однако в настоящее время, когда ученые все глубже овладевают могучей силой энергии расщепленного ядра, можно представить себе значительно более простой космический корабль, все горючее которого вместе с двигателями, приборами, аппаратурой уместится в одном корпусе. Атомный реактор такого корабля будет служить для разогрева до очень высоких температур подаваемого туда жидкого или газообразного вещества. Достигнув нужной температуры, это вещество будет расширяться в соплах реактивного двигателя и с большой скоростью вырываться наружу, создавая реактивную силу. Расчеты показывают, что запас этого вещества, необходимый для сообщения ракете скорости в одиннадцать километров в секунду, сравнительно со всеми другими видами топлива очень невелик.

Вряд ли первая ракета, которая отправится на разведку других миров, будет иметь экипаж. Слишком трудно предусмотреть с Земли все случайности, которые могут попасться ей на пути, учесть все, с чем придется встретиться в космическом пространстве. Слишком рискованным будет этот первый рейс, чтобы можно было полететь человеку. Вместо него в этот полет отправятся приборы.

Где-то в большом зале научно-исследовательского института будет размещена аппаратура связи и управления космическим кораблем. Механические карандаши час за часом будут бесшумно вычерчивать на бумажных лентах получаемые от автоматических приборов ракеты сведения о температуре космического пространства, составе солнечной радиации, интенсивности косми-

ческих лучей. Ученые будут по радио в свою очередь передавать механизмам ракеты необходимые распоряжения. Пройдет день, другой, третий. Ракета достигнет нашего вечного спутника — Луны и, повторяя путь героев Жюля Верна, начнет ее облет. На зеленоватой поверхности гигантского экрана появится первый кратер «той» стороны Луны, первая горная цепь, еще никогда никем не виданная и никак не названная. И постепенно люди увидят второе лицо Луны, о котором пока мы ничего не знаем.

Потом ракете будет передан приказ возвратиться на Землю. Подлетев совсем близко к нашей планете, она затормозит скорость своего полета, возможно, встречной работой реактивного мотора, возможно, выбросив крылья, трением о воздух. Обработка всех данных, которые она принесет о космическом пространстве, позволит послать в межпланетный рейс и первого звездоплавателя — человека...

А затем настанет время и больших научных экспедиций. Люди потрогают своими руками серую пыль лунных «морей», возьмут пробы таинственной атмосферы Венеры, соберут коллекции марсианских растений.

Это будет, ибо нет непознаваемого, есть только непознанное...

Инж. М. Васильев
Проф. К. Станюкович

СОДЕРЖАНИЕ

С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ ПРЯМЫМ ПУТЕМ ЗА 97 часов 20 минут

ВОКРУГ ЛУНЫ

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

В части тиража на странице 494, последняя строка, напечатано 1870, следует читать 1865.

Редактор *О. Лозовецкий*

Оформление художника
Т. Цинберг

Художественный редактор *А. Гайденков*
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 8/X 1954 г.
Подписано к печати 29/XI 1954 г.
А-07383. Бумага 84 × 108$^1/_{32}$—44,5 печ.
л., 36,5 усл. печ. л., 34,6 уч.-изд. л. + 4
вкл.=34,8 л. Тираж 390 000. Заказ 1581.
Цена 12 р.

Гослитиздат,
Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» имени А. М Горького. Ленинград. Гатчинская, 26.